МАСПОУЮР

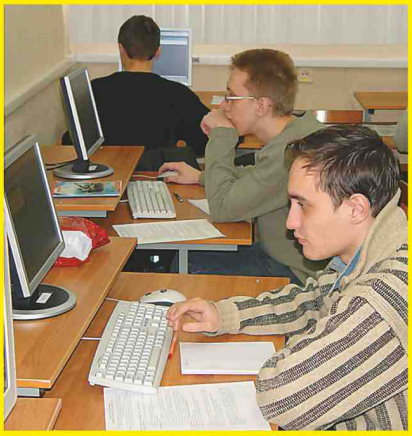
Общественная организация «Межрегиональная ассоциация образовательных организаций высшего образования» (ОО «МАООВО»)

VIB

Некоммерческое партнерство «Южно-Российский Университет»

БИЗНЕС ОБРАЗОВАНИЕ ПРАВО

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ИНСТИТУТА БИЗНЕСА



BUSINESS EDUCATION LAW

BULLETIN OF THE VOLGOGRAD BUSINESS INSTITUTE

Выпуск № 3 (32) август

Волгоград 2015

Журнал представляет интересы российских и иностранных ученых, бизнесменов, политиков, докторантов, аспирантов, магистров, студентов, занимающихся исследованиями в области знаний «Экономические науки», а также исследующих проблемы в области знаний «Юридические науки» и «Педагогические науки».

Редакция журнала и редакционный совет активно сотрудничают с научным сообществом вузов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, входящих в структуру НП «Южно-Российский Университет», и с Межрегиональной Ассоциацией образовательных организаций высшего образования (ОО «МАООВО»).

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (решение Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года № 6/6).

http://vestnik.volbi.ru E-mail: meon_nauka@mail.ru

Главной целью научного журнала является освещение результатов научно-исследовательской деятельности российских и зарубежных ученых по направлениям: **экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки.**

ЦЕЛИ научного рецензируемого журнала:

— оперативное освещение результатов научно-исследовательской, научно-практической и экспериментальной деятельности российских и зарубежных ученых по направлениям: экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки;

— развитие международного сотрудничества в сфере экономики, юриспруденции, педагогики;

— предоставление ученым возможности публиковать результаты собственных исследований;

— формирование открытой научной полемики, способствующей повышению качества диссертационных исследований;

— привлечение внимания к наиболее актуальным проблемам и перспективным направлениям развития экономических, юридических и педагогических наук;

— поиск новых знаний для социально-экономического развития России и субъектов Российской Федерации;

— налаживание научных связей и обмена мнениями между исследователями различных регионов;

— развитие единого информационного пространства научной коммуникации в сфере экономики, юриспруденции, педагогики;

— пропаганда основных достижений научно-исследовательской деятельности в РФ и Волгоградском институте бизнеса.

The main goal of the scientific journal is presentation of the results of the scientific-research activity of Russian and foreign scientists in the areas of **economics (main trends), law and pedagogics.**

GOALS of the scientific peer-reviewed journal:

— operative publication of results of the scientific-research, scientific-practical and experimental activity of Russian and foreign scientists in economics (main trends), legal sciences and pedagogical sciences;

— promotion of international cooperation in economics, law, pedagogy;

— providing scientists with the possibility of publication of the results of researches;

— establishing an open scientific disputes contributing to the increase of dissertation researches quality;

— attraction of attention to the most urgent issues and perspective trends of development of the economic, legal and pedagogical sciences;

— search for new knowledge for the social-economic development of Russia and the entities of the Russian Federation;

— establishing scientific links and exchange of opinions between researchers from different regions;

— development of united information space of scientific communication in economics, law, pedagogic;

— promotion of the main achievements of scientific and research activity in the Russian Federation and Volgograd Business Institute.

География подписчиков, авторов и партнеров рецензируемого научного журнала «Бизнес. Образование. Право» представлена партнерами в ближнем и дальнем зарубежье (более 20 стран) и в Российской Федерации (более 60 городов).

Geography of subscribers, authors and partners of the peer-reviewed scientific journal «Business. Education. Law» is presented by the partners in CIS contries and Abroad (more than 20 countries) and in the Russian Federation (more than 60 cities).

- **Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**
- **Двухлетний импакт-фактор РИНЦ — 0,613**
- **Двухлетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования — 0,212**
- **Двухлетний импакт-фактор РИНЦ с учетом цитирования из всех источников — 0,661**
- **Пятилетний импакт-фактор РИНЦ — 0,541**
- **Пятилетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования — 0,184**
- **Общее число цитирований журнала в текущем году — 611**
- **Пятилетний индекс Херфиндаля по цитирующим журналам — 4392**
- **Индекс Херфиндаля по организациям авторов — 506**
- **Десятилетний индекс Хирша — 10**

- **The journal has been included into the Russian index of scientific citation (RISC)**
- **Two-year impact factor RISC — 0.613**
- **Two-year impact factor RISC without self-citation — 0.212**
- **Two-year impact factor RISC based on citation from all sources — 0.661**
- **The five-year impact factor RISC — 0.541**
- **The five-year impact factor RISC without self-citation — 0.184**
- **The total number of citations of the journal in the current year — 611**
- **The five-year Herfindahl by quoting magazines — 4,392**
- **Herfindahl index by the authors' organizations — 506**
- **Ten-year h-index — 10**

БИЗНЕС. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАВО.
Вестник Волгоградского института бизнеса

Учредитель – частное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский институт бизнеса» (ЧОУ ВО ВИБ)

№ 3 (32), август 2015 ISSN 1990-536X
Научный журнал издается с 2006 г. Выходит 4 раза в год.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» — 38683
Редакционный индекс — Р8683

BUSINESS. EDUCATION. LAW.
Bulletin of the Volgograd Business Institute

Volgograd institute of Business (VIB)

№ 3 (32), august 2015 ISSN 1990-536X
Scientific journal has been published since 2006; and is issued 4 times a year.

Subscription index in the catalogue of «Mail of Russia» — 38683
Editorial address — P8683

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор —
Ващенко Александр Николаевич, *д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления ВИБ.*
Заместители главного редактора:
Кабанов Вадим Николаевич, *д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления ВИБ, куратор направления «Экономические науки»;*
Анисимов Алексей Павлович, *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского права ВИБ, куратор направления «Юридические науки»;*
Васильева Светлана Ивановна, *канд. социол. наук, доцент, проректор по учебной работе и управлению качеством ВИБ, куратор направления «Педагогические науки»;*
помощник главного редактора –
Сибирякова Татьяна Борисовна, *канд. биол. наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления ВИБ.*

Анисимов П. В., д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права ВИБ;
Белоненко М. Б., д-р физ.-мат. наук, профессор кафедры информатики и математики ВИБ;
Ростовщиков И. В., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права ВИБ;
Сибиряков С. Л., д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и процесса ВИБ;
Алпатов А. В., канд. физ.-мат. наук, доцент, и. о. зав. кафедрой информатики и математики ВИБ;
Изюмова О. Н., канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой финансово-экономических дисциплин ВИБ;
Клеткина Ю. А., канд. экон. наук, доцент кафедры финансово-экономических дисциплин ВИБ;
Миронова С. М., канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой конституционного и административного права ВИБ;
Михайлова Е. В., канд. экон. наук, доцент кафедры финансово-экономических дисциплин ВИБ;
Нарушкевич С. В., канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права ВИБ;
Полтавская М. Б., канд. социол. наук, доцент кафедры экономики и управления ВИБ;
Филиппов М. В., канд. техн. наук, доцент, зам. зав. кафедрой информатики и математики ВИБ;
Шамрай Л. В., канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой экономики и управления ВИБ.

Выпускающий редактор — Крыхтина Светлана Николаевна
Ответственный секретарь — Смирнова Виктория Дмитриевна

EDITORIAL COMMITTEE

Editor-in-chief — Vashchenko Alexander Nikolayevich, *doctor of economics, professor, professor of the department of economics and management of VBI.*
Deputies of the editor-in-chief:
Kabanov Vadim Nikolayevich, *doctor of economics, professor, professor of the department of economics and management of VBI, curator of economic sciences school;*
Anisimov Alexey Pavlovich, *doctor of law, professor, professor of the department of the civil law of VBI, curator of legal sciences school;*
Vasilyeva Svetlana Ivanovna, *candidate of sociology, assistant professor, pro-rector in charge of training activity and quality management of VBI, curator of pedagogical sciences school;*
deputy of the editor-in-chief – Sibiryakova Tatyana Borisovna, *candidate of biological sciences, assistant professor of the department of economics and management of VBI.*

Anisimov P. V., doctor of law, professor, head of the department of the theory and history of state and law of VBI;
Belonenko M. B., doctor of physics and mathematics, professor of the department of computer science and mathematics of VBI;
Rostovshchikov I. V., doctor of law, professor, professor of the department of entrepreneurial law of VBI;
Sibiryakov S. L., doctor of law, professor, head of the department of criminal law and proceedings of VBI;
Alpatov A. V., candidate of physical-mathematical sciences, acting head of the department of computer science and mathematics of VBI;
Izyumova O. N., candidate of economics, head of the department of financial-economic disciplines of VBI;
Kletkina Yu. A., candidate of economics, assistant professor of the financial and economic disciplines of VBI;
Mironova S. M., candidate of law, assistant professor, head of the department of constitutional and administrative law of VBI;
Mikhailova E. V., candidate of economics, assistant professor of the department of financial-economic disciplines of VBI;
Narushkevich S. V., candidate of law, assistant professor, head of the department of the civil law of VBI;
Poltavskaya M. B., candidate of sociology, assistant professor of the department of economics and management of VBI;
Filippov M. V., candidate of technical sciences, assistant professor, deputy of the head the department computer science and mathematics of VBI;
Shamray L. V., candidate of economics, assistant professor, head of the department of economics and management of VBI.

Executive editor — Krykhtina Svetlana Nikolayevna
Secretary in charge — Smirnova Viktoriya Dmitrievna

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ № ФС 9-0878 от 27.07.2006 г., перерегистрирован:
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-33692 от 03.10.2008 г.
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

The journal is registered by the Federal service for supervision in the area of mass communications and protection of cultural heritage PI № FS 9-0878 dated 27.07.2006, re-registered: Certificate of registration PI № FS 77-33692 dated 03.10.2008.
The journal is included in the Russian index of scientific citation (RINTs).

Редакционный совет журнала

Председатель редакционного совета — Сазонов С. П., д-р экон. наук, профессор, академик РАЕН, ВГТУ (г. Волгоград);
сопредседатель редакционного совета — Ващенко А. А., д-р экон. наук, доцент, ректор, ВИБ (г. Волгоград);
зам. председателя редакционного совета по международным связям — Желтухина М. Р., д-р филол. наук, профессор, академик РАЕН, ВГСПУ (г. Волгоград);
Агапцов С. А., д-р экон. наук, профессор, академик РАЕН, аудитор Счетной палаты РФ (г. Москва);
Балашова Н. Н., д-р экон. наук, профессор, ВолГАУ (г. Волгоград);
Галушкин В. И., д-р экон. наук, профессор, зам. председателя Правительства Волгоградской области (г. Волгоград);
Герасимова В. В., д-р экон. наук, профессор, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина — филиал РАНХиГС (г. Саратов);
Дудов А. С., д-р экон. наук, профессор, ректор, КИЭП (г. Кисловодск);
Киреенко А. П., д-р экон. наук, профессор, проректор по научной работе, БГУЭП (г. Иркутск);
Ковалев В. Р., д-р экон. наук, профессор, ректор, ГИЭФПТ (г. Гатчина);
Ковалева Т. М., д-р пед. наук, профессор, МПГУ (г. Москва);
Козенко З. Н., д-р экон. наук, профессор, ВолГАУ (г. Волгоград);
Кузнецова З. М., д-р пед. наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Поволжская ГАФКСиТ» (г. Набережные Челны);
Лисс Э. М., д-р социол. наук, профессор, ректор, РМИЭУ (г. Ростов-на-Дону);
Ломовцева О. А., д-р экон. наук, профессор, НИУ БелГУ (г. Белгород);
Набиев Р. А., д-р экон. наук, профессор, АГТУ (г. Астрахань);
Перекрестова Л. В., д-р экон. наук, профессор, ВолГУ (г. Волгоград);
Сизов Ю. И., д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАЕН, зам. председателя Правительства Волгоградской области (г. Волгоград);
Тинякова В. И., д-р экон. наук, профессор, РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева (г. Воронеж);
Чернов С. С., канд. экон. наук, доцент, НГТУ (г. Новосибирск);
Шихвердиев А. П., д-р экон. наук, профессор, СГУ (г. Сыктывкар);
Штурба В. А., д-р ист. наук, профессор, КубГУ (г. Краснодар);
Шульгина Л. В., д-р экон. наук, профессор, главный редактор журнала «ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия» (г. Воронеж);
Байматов А. А., д-р экон. наук, профессор, директор научно-исследовательского Центра УШОС ТГУ ПБП (Таджикистан);
Джезус Грасиа Санс, д-р экономики, бизнеса и финансов, Университет Camilo José Cela (Испания);
Чиладзе Г. Б., д-р юрид. наук, д-р экон. наук, д-р инж. наук, профессор факультета экономики, бизнеса и управления ТГУ (Грузия);
Маркина И. А., д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента и администрирования ПолтНТУ им. Ю. Кондратюка (Украина);
Морин Минелли, д-р философии, доцент Колледжа Кингсборо, Университета Нью-Йорка (США);
Плыгавка Л. Л., д-р филол. наук, доцент (Литва);
Козубцов И. Н., канд. техн. наук, профессор (Украина);
Чаба Фёльдеш, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкого языкознания Эрфуртского университета (Германия);
Яблочников С. Л., д-р пед. наук, канд. техн. наук, профессор (Украина).

Editorial board of the journal

Chairman of the editorial board — Sazonov S. P., doctor of economics, professor, academician of RAEN, VSTU (Volgograd);
co-chairman of the editorial board — Vashchenko A. A., doctor of economics, associate profwessor, rector, VBI (Volgograd);
deputy chairman of the editorial board for international cooperation — Zheltukhina M. R., doctor of phylosophy, professor, academician of RAEN, VSSPU (Volgograd);
Agaptsov S. A., doctor of economics, professor, academician of RAEN, Auditor of the RF Accounts Chamber (Moscow);
Balashova N. N., doctor of economics, professor, VolSAU (Volgograd);
Galushkin V. I., doctor of economics, professor, deputy head of the Government of Volgograd region (Volgograd);
Gerasimova V. V., doctor of economics, professor, Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin, branch of RPANEPA (Saratov);
Dudov A. S., doctor of economics, professor, rector, KIEP (Kislovodsk);
Kireyenko A. P., doctor of economics, professor, pro-rector in charge for scientific activity, BSUEL (Irkutsk);
Kovalev V. R., doctor of economics, professor, rector, GIEFPT (Gatchina);
Kovaleva T. M., doctor of pedagogical sciences, professor, MPSU (Moscow);
Kozenko Z. N., doctor of economics, professor, VolSAU (Volgograd);
Kuznetsova Z. M., doctor of pedagogical sciences, professor, FSEI of HPE Volga Region SAPCSaT (Naberezhnye Chelny);
Liss E. M., doctor of sociology, professor, rector, RMIEU (Rostov-on-Don);
Lomovtseva O. A., doctor of economics, professor, NRU BelSU (Belgorod);
Nabiev R. A., doctor of economics, professor, ASTU (Astrakhan);
Perekrestova L. V., doctor of economics, professor, VolSU (Volgograd);
Sizov Yu. I., doctor of economics, professor, correspondent member of RAEN, deputy head of the Government of Volgograd region (Volgograd);
Tinyakova V. I., doctor of economics, professor, RSAU-MSHA named after K. A. Timiryazev (Voronezh);
Chernov S. S., candidate of economics, associate professor, NSTU (Novosibirsk);
Shikhverdiev A. P., doctor of economics, professor, SSU (Syktyvkar);
Shturba V. A., doctor of history, professor, KubSU (Krasnodar);
Shulgina L. V., doctor of economics, professor, editor-in-chief of the journal «FES: Finances. Economics. Strategy» (Voronezh);
Baimatov A. A., doctor of economics, professor, director of scientific-research Center TSU LBP (Tadzhikistan);
Jesus Grasia Sana, doctor of economics, business and finances, University Camilo José Cela (Spain);
Chiladze G. B., doctor of law, doctor of economics, doctor of engineering sciences, professor of the department of economics, business and management of TSU (Geargia);
Markina I. A., doctor of economics, professor, head of the department of Management and administration of PoltNTU named after Yu. Kondratyuk (Ukraine);
Morin Minelli, doctor of philosophy, associate professor of Kingsborough College, New-York University (USA);
Plygavka L. L., doctor of philosophy, associate professor (Lithuania);
Kozubtsov I. N., candidate of technical sciences, professor (Ukraine);
Chaba Feldesh, doctor of philosophy, professor, head of the department of German science of language of Erfurt University (Germany);
Yablochnikov S. L., doctor of pedagogical sciences, candidate of technical sciences, professor (Ukraine).

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные в других печатных или электронных изданиях авторские материалы — научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, отражающие научные взгляды, результаты и достижения фундаментальных и теоретико-прикладных исследований по следующим областям: **экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки.**

Редколлегия принимает решение о принятии материалов или отказе в публикации исключительно на основе их актуальности, новизны и научной значимости.

Материалы, не соответствующие по тематике перечисленным предметным областям исследования, к рассмотрению не принимаются.

Автор предоставляет редакции официальное заявление с просьбой публикации его научной статьи с указанием темы. Согласно своему заявлению автор разрешает редакции размещать его научное произведение в журнале, библиотеках, любых информационных средствах печати, Интернете с целью распространения в научном сообществе и в обществе сведений о его научных идеях, достижениях, результатах.

Автор (соавторы) несет ответственность за достоверность представляемой информации, точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр и других данных, приведенных в материалах.

Редколлегия проверяет научную работу на наличие заимствований на сайте antiplagiat.ru и извещает автора (-ов) о результатах экспресс-оценки рукописи (отклоняется или принимается для дальнейшего рецензирования).

С целью экспертной оценки поступившие в редакцию статьи направляются на внутреннее рецензирование согласно **Положению о правилах направления, рецензирования и опубликования научных статей (материалов), представляемых к публикации в редакцию научного рецензируемого журнала «Бизнес. Образование. Право».**

К рецензии допускаются научные статьи, оформленные в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям, размещенными на сайте журнала: ***http://vestnik.volbi.ru/***

В случае если рецензия содержит рекомендации по исправлению или доработке научного материала, автору направляются замечания и/или предложения рецензента (без указания фамилии, имени, отчества, должности, места работы рецензента) для их устранения или доработки.

Доработанная статья представляется автором в редакцию журнала, рассматривается в общем порядке и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. Исправления орфографического и стилистического характера вносятся в статью корректором без согласования с автором (-ами). При необходимости серьезных исправлений правка согласовывается с автором (-ами).

Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с произведенными изменениями и исправлениями в тексте в электронном виде.

Электронные файлы статей после их опубликования в журнале могут в формате PDF предоставляться автору (-ам) по запросу на указанный e-mail.

Полученная авторами электронная версия может быть использована ими только для персональных научных нужд (выступлений, лекций, обсуждений, дальнейших разработок и пр.). **Ссылка на оригинал публикации обязательна.** Все требования от третьих сторон на использование этой работы должны направляться в редакцию ***(e-mail: meon_nauka@mail.ru).***

Статьи, не принятые к опубликованию, возврату не подлежат. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Редакция предоставляет рецензии по запросу экспертным советам в ВАК.

TERMS AND CONDITIONS OF ARTICLES PUBLICATION

The Journal editorial board accepts scientific articles, reviews, surveys, comments reflecting scientific opinions, results and achievements of fundamental and theoretical and applied researches, which have never been published in any other printed or electronic issues in the following areas: **economic sciences (main trends), legal sciences and pedagogical sciences.**

The editorial board makes decision regarding acceptance of articles or rejection of the article based on their urgency, novelty and scientific value.

Materials that do not correspond to the listed areas of research are not accepted for review.

The author provides a version of the official application for the publication of his scientific article with the title. In compliance with his statement the author permits the editorial board to publish his scientific article in the journal, libraries, any information mass media, Internet in order to distribute scientific ideas, achievements and results in the scientific community and society.

The author (co-authors) takes responsibility for the trustworthy of provided information, accuracy of names, quotations, formulas, numbers and other data presented in the article.

The editorial board reviews the scientific article for borrowing using the site antiplagiat.ru and notifies the author(s) about results of the article assessment (whether it is rejected or accepted for further review).

For the purpose of expert review, the articles received by the editorial board shall be sent for internal review in accordance with the **Provision about the rules of direction, review, and publication of scientific articles (materials) submitted to the editorial board of the scientific journal «Business. Education. Law» for publication.**

The scientific articles executed in full compliance with the requirements to publications specified at the journal web site: ***http://vestnik.volbi.ru/*** are approved for review.

In case the review contains recommendation for revision or further development of the scientific article, the author shall be sent comments and/or proposals of the reviewer (without indicating last name, name, patronymic, title and the work place of the reviewer) for their incorporation or further development.

The finished article shall be submitted by the author to the editorial board of the Journal; shall be studied and sent for the repeated review together with author's response for each comment.

The editorial board keeps the right for revision of the articles without changing the scientific content of the original article. Corrections of spelling and style shall be incorporated in the article by the proof-reader without approval of the author(s). If serious corrections are required, they shall be made upon coordination with the author(s).

The articles submitted to the authors for further development shall be re-sent to the editorial board in the electronic format at the recommended date with incorporated changes and revisions.

Electronic files of the articles after their publication in the journal can be returned to the authors in PDF format upon their requests to the specified email.

Electronic copy received by the authors can be used by them only for personal scientific demands (speeches, lectures, discussions, further developments, etc.). **Original publication shall be mandatory referenced.** All requests from the third parties for the article use shall be sent to the editorial board at ***e-mail: meon_nauka@mail.ru***

The articles not accepted for publication shall not be returned. In case of the article rejection, the editorial board shall send the reasoned response to the author.

The editorial board provides reviews to the expert committees of the Higher Attestation Committee upon request.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ «БИЗНЕС. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАВО»

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные в других печатных или электронных изданиях авторские материалы — научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 08.00.00 — Экономические науки; 12.00.00 — Юридические науки; 13.00.00 — Педагогические науки.

2. Автором (-ми) в редакцию предоставляется обязательный печатный и идентичный ему электронный пакет документов:

— текст статьи на русском или английском (с переводом), или национальном языке (с переводом на русский язык) (печатный вариант статьи подписывается всеми авторами);

— анкета автора (и соавторов);

— заявление автора о праве использования научной статьи в рецензируемом журнале;

— рецензия доктора наук, заверенная в отделе кадров организации, в которой работает рецензент;

— справка с места учебы (для аспирантов).

Пакет документов направляется в редакцию:

— в печатном виде по адресу: 400010, г. Волгоград, ул. Качинцев, д. 63, каб. 107;

— в электронном виде по адресу электронной почты: meon_nauka@mail.ru

Телефон для справок (8442) 22-35-47, http://vestnik.volbi.ru/

В статью в соответствии с требованиями ВАК должно быть включено следующее:

— индекс УДК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

— индекс ББК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

— фамилия, имя, отчество полностью на русском и английском языках;

— ученая степень, ученое звание, наименование и шифр научной специальности (по номенклатуре), по которой автор проводит диссертационное исследование, на русском и английском языках;

— аспирантами, докторантами, соискателями, преподавателями вузов указывается кафедра, учебное заведение (магистранты указывают направление подготовки) на русском и английском языках;

— должность, место работы, город, страна на русском и английском языках;

— e-mail;

— название статьи на русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт TNR 16, выравнивание по центру);

— аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, начертание — курсив, выравнивание по ширине, не менее 600—800 знаков без пробелов);

— ключевые слова на русском и английском языках (10—12 слов или словосочетаний из двух или трех слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание — курсив, выравнивание по ширине);

— введение, где формулируются актуальность, целесообразность разработки темы, научная новизна, цель и задачи исследования;

— основная часть. В основной части статьи путем анализа и синтеза информации раскрываются исследуемые проблемы, пути их решения, обосновываются полученные результаты, их достоверность;

— методология. В этом разделе описывается последовательность выполнения исследования, обосновывается выбор используемых методов;

— результаты. Эта часть занимает основное место в научной статье, в ней с помощью обобщения и анализа данных автором доказывается рабочая гипотеза по проблеме. Результаты исследования излагаются кратко, но содержат достаточно информации для формирования выводов;

— заключение, выводы. Заключение содержит краткие результаты исследования;

— библиографический список. В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература.

Статьи, направляемые в редакцию без соблюдения вышеперечисленных требований, не рассматриваются.

REQUIREMENTS TO EXECUTION OF THE MATERIALS SUBMITTED TO THE SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL «BUSINESS. EDUCATION. LAW»

1. The author's materials — scientific articles, reviews, surveys, comments corresponding to the scientific specializations: 08.00.00 — Economic sciences; 12.00.00 — Legal sciences; 13.00.00 — Pedagogical sciences, that have not been previously published in either printed or electronic issues, are accepted for publication.

2. Author(s) shall submit the required hardcopy of the document package and the similar electronic one to the editorial office:

— text of the article in the Russian or English languages (with translation), or any national language (with translation into Russian) (article hard copy shall be signed by all authors);

— author (or team of authors) questionnaire;

— application of the author regarding the right of use of the article in the peer reviewed journal;

— review of the doctor of sciences certified by the human resources department of the institution, where reviewer works;

— certificate from the place of study (for post-graduate students).

Document package shall be submitted to the editorial office:

— hard copy to the address: 400010, Volgograd, Kachintsev Street, building 63, office 107;

— electronic copy to the email address: meon_nauka@mail.ru

Telephone for enquiries: (8442) 22-35-47, http://vestnik.volbi.ru/

The following shall be included in the article in accordance with the requirements of the Higher Attestation Commission:

— UDC index (to be located at the top left-hand corner at the beginning of the scientific article);

— LBC index (to be located at the top left-hand corner of the scientific article);

— last name, name and patronymic in the Russian and English languages;

— scientific degree, academic rank, name and code of the scientific specialty (as per the range) of the dissertation research of the author in the Russian and English languages;

— department and educational institution shall be specified by the post-graduate students, doctoral student, external doctoral students, teachers of higher schools (master's degree students shall specify specialty of training) in the Russian and English languages;

— position, place of work, city, and country in the Russian and English languages;

— e-mail;

— title of the article in the Russian and English languages (in capital letters, fonts TNR 16, center alignment);

— abstract in the Russian and English languages (fonts TNR 14, typeface — italics, full justification, minimum 600—800 characters without spaces);

— keywords in the Russian and English languages (10—12 words or phrases consisting of two-three words, comma separated, fonts TNR 14, typeface -— italics, full justification);

— introduction that states urgency, feasibility of the subject working out, scientific novelty, goal and objectives of research;

— main part. Main part of the article shall disclose the issues under consideration by means of analysis and synthesis, the ways of their resolution; shall justify received results and their confidence;

— methodology. This part shall describe sequence of research and justify selection of the used methods;

— results. This part takes main part of the scientific article; the author justifies the working hypothesis by means of generalization and data analysis. Research results shall be stated in brief; however, shall contain sufficient information for making conclusions;

— conclusion, findings. Conclusion shall contain summary of research results;

— references. References shall contain only the literature that quoted in the article.

The articles submitted to the editorial office without meeting the above mentioned requirements shall not be reviewed.

СОДЕРЖАНИЕ

Юбилей ученого 14

08.00.00 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ 18

Байматов А. А.
Либерализация ВЭД и степень открытости региональной экономики 18

Бездудная А. Г., Старинский В. Н.
Методы определения стоимости предприятий
на основе экспресс-оценок производственных объектов 23

Егоршин А. П., Гуськова И. В.
Российская экономика в постсоветский период: состояние, влияние кризисов и санкций 26

Мерзликина Г. С., Митина Т. Е.
Возможности стратегического планирования развития предпринимательских структур 32

Кушхова Б. А.
Оценка влияния качества и уровня территориальных различий на динамику
регионального социально-экономического развития 37

Алексеева О. С., Отставнова Л. А.
Влияние инновационного развития сферы образования
на формирование человеческого капитала 41

Ахмадеева Г. Ч., Антонова И. И., Антонов С. А.
Подходы к снижению производственных потерь на предприятиях машиностроения 47

Булгаков В. Н.
Многокритериальный выбор и допустимые решения
устойчиво развивающихся промышленных предприятий 52

Зубова О. Г.
Формирование кадрового обеспечения аграрного сектора Волгоградской области:
проблемы и пути решения 57

Иванова М. А.
Проблемные вопросы инновационного развития экономики 62

Киселева О. В., Давыдова Ю. В.
Оценка эффективности государственной политики поддержки предпринимательства в РФ 65

Лобызенкова В. А., Коваленко Н. В., Ковшикова Е. В.
Теоретические аспекты роли знания в современном управлении организацией 70

Сметанина Т. В., Жикина О. В.
Степень развития суверенной территории, определенная реальной стоимостью
интеллектуального капитала 75

Солод Т. В.
Вектор восстановления системы экономической безопасности страны 82

Сметанина Т. В., Яковлева Е. С.
Разработка алгоритма реализации запроса по защите информации 86

Ходжаева Д. А.
Экономическая эффективность конкурентоспособности
продукции на зарубежных рынках 95

Чистякова О. В.
Тенденции развития инновационного предпринимательства в Байкальском регионе 100

Чернов С. С., Фильченкова М. В.
Специфика целевых инвестиций в энергетике 105

Чернов С. С., Фильченкова М. В.
Оценка эффективности реализации проекта реконструкции котельной
в рамках государственно-частного партнерства 109

Шамрай Л. В., Леденева М. В.
Глобальные цепочки добавленной стоимости
в мировом воспроизводственном процессе 114

Штиллер М. В.
Теоретические аспекты управления налоговыми рисками в Республике Казахстан. 120

Юленкова И. Б.
Достижение экономического роста и конкурентоспособности в реальном секторе экономики
муниципальных районов Республики Мордовия 124

Бескаравайных М. В.
Актуальные вопросы повышения эффективности и рентабельности
перерабатывающей отрасли нефтяной промышленности в современных условиях. 128

Гаврилов Д. А.
Особенности и преимущества адаптивного управления
инновационными производствами 132

Галактионов С. Е., Долгая А. А.
Влияние характеристик лидерства на силу организационной культуры 138

Иващенко Л. И.
Микроэкономическое стимулирование инновационной деятельности. 142

Киселева Е. А.
Компенсационный пакет: технология и механизмы формирования в организации 147

Манякин А. А.
Оптимизация штатной численности государственных и муниципальных служащих
в Волгоградской области: проблемы и решения 152

Нестеренко С. А.
Особенности формирования устойчивого развития народного хозяйства России
в условиях региональной дифференциации. 156

Тютюшева А. Г.
Оценка реализации кластерного подхода в программе «развитие внутреннего
и въездного туризма в российской федерации (2011—2018)». 161

Фахрисламова Е. И.
Анализ динамики производимой и потребляемой электроэнергии
на основе энергобаланса России (региональный аспект) 167

Фомин Н. Ю.
Обоснование эффективности формирования региональных кластеров 170

Чумакова Е. А.
Факторы и условия, влияющие на формирование занятости населения на рынке труда 176

Акулич Е. И.
Основные принципы расходов бюджета на государственные закупки. 181

Балынин И. В.
К вопросу о развитии малого предпринимательства
в сельском хозяйстве в Российской Федерации. 186

Манзарова Э. Д.
Вопросы регулирования оплаты труда в России для целей формирования эффективной системы пенсионного страхования . . . 192

Материкин М. А.
Методика оценки эффективности расходов государственных учреждений. . . . 199

Прокудина М. Д.
Анализ демографической ситуации в Кемеровской области . . . 204

Гузикова Л. А., Колесников А. М., Иващенко Л. И.
Управление ценой инновационного продукта на основе модели диффузии инноваций . . . 208

Жилина Е. В., Стрельцова М. Д.
Системное исследование затрат на ведение учета персонала . . . 213

Козлова Е. В.
Миграционная политика, трудовая иммиграция и экономический рост: корреляционный анализ (на примере государств ЕС) . . . 222

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ . . . 228

Рыженков А. Я.
О некоторых проблемах изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд в России: проблемы теории и практики . . . 228

Калюжный А. Н., Карпушкин О. С.
Теоретическая модель сокрытия преступной деятельности, направленной на свободу личности . . . 233

Бабайцева Е. А.
Участие индивидуального предпринимателя в трудовом отношении как правовая форма осуществления предпринимательской деятельности . . . 236

Бабайцева Е. А.
Предпринимательское правоотношение: понятие, предпосылки возникновения, структура и классификация . . . 240

Вербицкая Т. В.
К вопросу о системе и структуре обороны государства в рамках конституционного права Российской Федерации . . . 243

Мочалов С. Ю.
Публично-правовые образования как участники деятельности хозяйственных обществ: исторический аспект . . . 248

Осипова С. Б.
Способы обеспечения исполнения государственного контракта . . . 253

Поддубная Д. А.
О возможности страхования компенсационного фонда саморегулируемых организаций . . . 257

13.00.00 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ . . . 260

Ващенко А. Н., Козубцов И. Н.
Содержание развивающей педагогической технологии научно-просветительской деятельности аспирантов . . . 260

Лапп Е. А.
Паспорт специальной профессиональной компетенции в области коррекционно-педагогической деятельности студентов-дефектологов . . . 266

Михайлов Н. Г.
Интегрированное обучение семиклассников черчению и технологии
на основе деревянной ложки, декорированной геометрической резьбой 270

Цой А. И., Козлова О. П.
Архитектурный проект как единица лингводидактического анализа
в парадигме профессионально ориентированного обучения 277

Будняя О. Н., Кожелупенко Т. П.
Комбинированно-коммуникативный метод обучения иностранным языкам
в модели летней языковой сессии 281

Резинкина Л. В.
Развитие непрерывного образования взрослых как универсальной метасистемы 285

Белова С. И.
Разработка и психометрические особенности опросника
«Факторы, способствующие успешным кросс-культурным отношениям» 291

Будагян И. Г., Вишневецкая Н. А.
Социализация профессионального общения при обучении экономистов
подъязыку специальности: лингводидактический аспект 294

Голованова Ю. В.
Проблемы и области решения дистанционно-модульного образования
в системе высшей школы и общества 298

ОБЗОРЫ. ОТЗЫВЫ. РЕЦЕНЗИИ 303

Кабанов В. Н.
Применение показателя «добавленная стоимость» в русскоязычных публикациях 2014—2015 годов 303

Цыбуленко З. И.
Рецензия на монографию Шаронова Сергея Александровича «Концепция гражданско-правового
регулирования охранной деятельности в Российской Федерации» (М.: Юстицинформ, 2014) 311

Васильева С. И., Шамрай Л. В.
Обзор круглого стола «Конкурентоспособность Волгоградского региона: от теории к практике» 312

CONTENT

Jubilee of the scientist . . . 14

08.00.00 ECONOMIC SCIENCES . . . 18

Baymatov A. A.
Foreign economic activity liberalization and degree of transparency of regional economy . . . 18

Bezdudnaya A. G., Starinskiy V. N.
Methods of definition of enterprises cost based on express evaluations of industrial facilities . . . 23

Egorshin A. P., Guskova I. V.
Russian economy in the post-Soviet period: state, impact of crises and sanctions . . . 26

Merzlikina G. S., Mitina T. E.
Opportunities for strategic planning of entrepreneurial structures development . . . 32

Kushkhova B. A.
Assessment of the impact of quality and level of territorial differences
on the dynamics of regional socio-economic development . . . 37

Alexeeva O. S., Otstavnova L. A.
Influence of innovative development of education on the human capital formation . . . 41

Akhmadeeva G. Ch., Antonova I. I., Antonov S. A.
Approaches to decreasing of production losses at enterprises of mechanical engineering . . . 47

Bulgakov V. N.
Multicriteria choice and feasible solutions to sustainable industrial enterprises . . . 52

Zubova O. G.
The formation of the staffing of the agricultural sector of the Volgograd region:
problems and solutions . . . 57

Ivanova M. A.
Problem issues of the economy innovative development . . . 62

Kiseleva O. V., Davydova Yu. V.
Assessment of effectiveness of the state policies for supporting entrepreneurship in the RF . . . 65

Lobyzenkova V. A., Kovalenko N.V., Kovshikova E. V.
Theoretical aspects of the role of knowledge in the company management . . . 70

Smetanina T. V., Zhikina O. V.
Degree of development of the sovereign territory
specified by the real value of intellectual capital . . . 75

Solod T. V.
Vector of recovery of the country economic security system . . . 82

Smetanina T. V., Yakovleva E. S.
Development of an algorithm for implementation
of request for data protection . . . 86

Hodzhaeva D. A.
Economic efficiency of production competitiveness at the foreign markets . . . 95

Chistyakova O. V.
Trends of development of the innovative entrepreneurship in the Baikal region . . . 100

Chernov S. S., Filchenkova M. V.
Specifics of the target investments in power engineering . . . 105

Chernov S. S., Filchenkova M. V.
Assessment of efficiency of the boiler house reconstruction project implementation within public-private partnership 109

Shamray L. V., Ledeneva M. V.
Global added value chains in the global reproduction process. 114

Shtiller M. V.
Theoretical aspects of management of tax risks in the Republic of Kazakhstan 120

Yulenkova I. B.
Achieving economic growth and competitiveness in the real sector of economics of municipal districts of the Republic of Mordovia 124

Beskaravainykh M. V.
Topical issues of increasing efficiency and profitability of processing branch of the oil industry in modern conditions. 128

Gavrilov D. A.
Features and benefits of adaptive control of innovative industries. 132

Galaktionov S. E., Dolgaya A. A.
Influence of leadership pattern on the organizational culture power 138

Ivashchenko L. I.
Microeconomic stimulation of innovations 142

Kiselyova E. A.
Benefits: technology and mechanisms of formation in the organization 147

Manyakin A. A.
Optimization of regular number of public and municipal employees in Volgograd region: issues and solutions. 152

Nesterenko S. A.
Features of establishing steady development of the national economy of Russia in the conditions of regional differentiation 156

Tyutyusheva A. G.
Evaluation of implementation of the cluster approach in the program «Development of domestic and inbound tourism in the Russian Federation (2011—2018)» 161

Fakhrislamova E. I.
Analysis of dynamics of produced and consumed electric power based on the energy balance of Russia (regional aspect) 167

Fomin N. Yu.
Supporting rationale of regional clustering effectiveness. 170

Chumakova E. A.
Factors and conditions affecting formation of the population employment in the labor market 176

Akulich E. I.
The main principles of budget expenses on public procurement 181

Balynin I. V.
To the issue of development of small business in agriculture in the Russian Federation 186

Manzarova E. D.
Issues of regulation of labor payment in Russia for the purposes of establishing effective system of pension insurance. 192

Materikin M. A.
Method of evaluation of efficiency of expenses of public institutions. 199

Prokudina M. D.
Demographic analysis of the Kemerovo region 204

Guzikova L. A., Kolesnikov A. M., Ivashchenko L. I.
Innovative product's price control based on a model of innovation diffusion 208

Zhilina E. V., Streltsova M. D.
Systematic study of expenses for personnel accountability 213

Kozlova E. V.
Migration policies, labor immigration and economic growth:
correlation analysis (based on EU countries) 222

12.00.00 LAW SCIENCES 228

Ryzhenkov A. Ya.
About some issues of withdrawal of land plots for the state
and municipal needs in Russia: issues of theory and practice 228

Kalyuzhniy A. N., Karpushkin O. S.
Theoretical model of concealment of criminal activities relative to the human freedom 233

Babaytseva E. A.
Participation of the individual entrepreneur in labor relation
as a legal form of implementation of business activity. 236

Babaytseva E. A.
Entrepreneurship legal relations: concept, prerequisites of emergence,
structure and classification 240

Verbitskaya T. V.
To the issue of the system and structure of the state defense
within the frame of the constitutional law of the Russian Federation 243

Mochalov S. Yu.
Public legal entities as participants of activities of economic associations: historical aspect 248

Osipova S. B.
Ways of ensuring fulfillment of the state contract 253

Poddubnaya D. A.
On insurance of the compensation fund of self-regulatory organizations 257

13.00.00 PEDAGOGICAL SCIENCES 260

Vashchenko A. N., Kozubtsov I. N.
Content of developmental pedagogical technology
of scientific and teaching activities of the post-graduates 260

Lapp E. A.
Passport of special professional competence in the field
of correctional and education activities of students-defectologists 266

Mikhaylov N. G.
Integrated training of the seventh-graders in drafting and technology
based on the wooden spoon decorated with geometrical carvings 270

Tsoy A. I., Kozlova O. P.
Architectural project as a unit of linguistic didactics analysis
on the paradigm of professionally-oriented education 277

Budnyaya O. N., Kozhelupenko T. P.
Combined-communicative method of teaching foreign languages
in the model of summer language session 281

Rezinkina L. V.
Development of the adults' continuous education as a universal metasystem 285

Belova S. I.
Development and psychometric specifics of the questionnaire «Factors contributing
to successful cross-cultural relationships» 291

Budagyan I. G., Vishnevetskaya N. A.
Socialization of professional communication while teaching economists profession sublanguage:
linguo-didactic aspect 294

Golovanova Yu. V.
Problems and areas of resolution of the remotely-modular education are in the system
of higher school and society 298

SURVEYS. REVIEWS. 303

Kabanov V. N.
The use of indicator of value added in the russian language publications of 2014—2015 303

Tsybulenko Z. I.
Review on Sharonov Sergey Alexandrovich's monograph «The concept of civil regulation
of security activity in the Russian Federation» (M.: Yustitsinform, 2014) 311

Vasilyeva S. I., Shamray L. V.
Review of the round table «Competitiveness of the Volgograd region:
from theory to practice» 312

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Байматов Алиджон Азизович, доктор экономических наук, профессор, директор Научно-исследовательского и образовательного центра университета ШОС и устойчивого развития ТГУПБП, лауреат премии в области науки и образования имени академика Б. Гафурова, почетный гражданин города Линкольна (США), член Международного редакционного совета журнала «Бизнес. Образование. Право».

А. А. Байматов с отличием окончил экономический факультет Таджикского государственного университета (1966), аспирантуру Московского института советской торговли (1973), докторантуру Института экономики АН СССР (1987), прошел курсы повышения квалификации по бизнес-дисциплинам Университета штата Небраска, США (1995).

Трудовую деятельность начал с должности экономиста республиканской торговой базы лесстройторга.

Любовь к экономической науке привела его в таджикский филиал ВНИИ конъюнктуры и спроса Минторга СССР, где он работал научным сотрудником и заведующим отделом (1967—1974), а затем директором филиала (1975—1984). С 1984 по 2001 год А. А. Байматов — ведущий научный сотрудник и завотделом Института экономики, переименованного в 1993 году в Институт мировой экономики и международных отношений АН РТ. По совместительству профессор ряда вузов (ТНУ, ТГУК, ХГУ имени академика Б. Гафурова, ПТИ ТТУ имени академика М. Осими, ТГУПБП) и в них в разные годы председатель государственной аттестационной комиссии Министерства образования и науки Республики Таджикистан, а также профессор-тренер регионального маркетингового центра и центра подготовки муниципальных работников. В 2006—2010 годах — профессор кафедры экономики и права Балашовского института Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

А. А. Байматовым опубликовано более 200 научных работ в области теории и практики изучения спроса и потребления, рынка и рыночных отношений, прогнозирования экономической конъюнктуры, торгово-промышленного комплекса, внешней торговли, экономической интеграции и создания свободных экономических зон, макропроблем региональной экономики.

В круг научно-исследовательских интересов ученого непосредственно входят проблемы теории и практики становления и развития рынка, формирования рыночных отношений, предпринимательства и маркетинга, устойчивого социально-экономического развития регионов страны.

Необходимо отметить, что еще в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого века, будучи аспирантом, А. А. Байматов занимался исследованием процессов функционирования товарных рынков, определением соотношения спроса и предложения, прогнозированием конъюнктуры внутренней торговли. Результаты научных исследований этого периода отразились в нескольких статьях, кандидатской диссертации и первой монографии, выпущенной издательством «Ирфон» (Душанбе) в 1977 году под названием «Проблемы развития внутреннего рынка товаров легкой промышленности Таджикистана». Это логично, так как в те годы республика имела крупнейшие текстильные и шелковые комбинаты, несколько крупных обувных фабрик, трикотажные и чулочно-носочные предприятия, набирал темпы производства ковров Кайраккумский ковровый комбинат. Таджикистан вывозил изделия легкой промышленности не только во все союзные республики, но и в 14 зарубежных стран. В связи с этим изучение емкости рынка и разработка прогнозов имели первостепенное значение для легкой промышленности, а также для планирующих органов страны.

Вопрос о том, было ли возможным обеспечение сбалансированности спроса и предложения товаров и услуг в союзных республиках в условиях командно-административной системы управления экономикой, относился к числу ключевых, ибо его нельзя было решить без теоретического анализа и совершенной методологии и без обобщения практики. Анализу этих проблем были посвящены монография «Региональный рынок: состояние и проблемы сбалансированности» и защита докторской диссертации на заседании совета под председательством академика Л. И. Абалкина в Институте экономики АН СССР.

А. А. Байматовым было впервые дано теоретическое определение сбалансированности спроса и предложения как многоплановой экономической категории и как одной из сверхсложных форм сбалансированности народного хозяйства. Дальнейший углубленный анализ позволил автору сформулировать возможные типы проблемных ситуаций, которые могут возникнуть на различных уровнях управления экономикой, и выявить особенности их проявления. Выводы имели большое значение для хозяйственной практики региона, поскольку экономика могла переходить от одной ситуации к другой, быть количественно и качественно соизмеримой, а последствия несвоевременного решения проблем — разными.

Не потеряли своего значения и предложенные автором пути решения проблемы региональной сбалансированности спроса и предложения товаров тремя эффективными способами, к числу которых относятся: совершенствование предложения товаров и услуг на основе использования НТП; организация спроса населения путем формирования мышления о рациональном потреблении и, наконец, совершенствование хозяйственного механизма в сфере рынка.

Начиная с 1979 года в стране велись активные поиски путей совершенствования командно-административной системы управления экономикой. Основа для такого поиска была налицо, а перестроечные процессы более ярко высветили пороки командной экономики, а также те, для устранения которых было упущено время. Эта проблема становилась все острее в связи с замедлением темпов общественного производства, проявлением застойных, а в ряде мест и кризисных ситуаций, усилением диспропорций в народном хозяйстве.

Попытки автора по совершенствованию командной экономики были изложены в статьях, к числу которых относится статья «Производить то, что продается». Это была

ключевая проблема перестройки экономических отношений в отраслях, предприятия которых производили и реализовывали товары народного потребления и сферы услуг, от работы которой во многом зависит материальный и культурный уровень жизни народа. Тогда, в условиях действия централизованного плана, имела место недооценка действия законов стоимости, товарно-денежных отношений и рынка.

Проведенное исследование позволило А. А. Байматову определить характерные черты «рынка покупателя»: отдельные товары соперничают друг с другом, а их производители — между собой, используя цены, рекламу и иные методы воздействия на сбыт товаров. По существу, это были рыночные принципы организации производства товаров, в наибольшей степени соответствующих требованиям спроса.

Маркетинг — один из столбов, на котором стоит рыночная экономическая система. Здесь уместно отметить, что А. А. Байматов занимался научными исследованиями его отдельных проблем еще в советский период, читал в вузах курсы «Изучение спроса и потребления», «Торговая конъюнктура» и другие, а с 1990 года — «Маркетинг».

С 2000 по 2005 год А. А. Байматов являлся директором созданного им Регионального маркетингового центра (РМЦ), который занимался исследовательской, образовательно-издательской и консалтинговой деятельностью. На проведенных в РМЦ курсах повысили квалификацию 120 маркетологов сферы малого и среднего бизнеса, впервые в стране были изданы 12 номеров ежеквартального информационного журнала «Маркетинг». В 2004 году в рамках программы повышения профессиональной подготовки муниципальных работников была издана работа «Муниципальный маркетинг», вошедшая в книгу «Муниципальный менеджмент». В 2005 году был издан первый учебник «Маркетинг для вузов», а в 2009-м — его переработанный и дополненный вариант. В 2006—2010 годах опубликованы статьи в научных сборниках Балашовского института Саратовского госуниверситета имени Н. Г. Чернышевского: «Инновационный маркетинг: стратегия создания новой потребительской ценности», «Маркетинговые подходы к управлению национальными компаниями в кризисных условиях» и другие, которые создали базу для широкого использования приемов маркетинга в практической деятельности. А. А. Байматов создал свою научную школу маркетологов республики.

Книга «Экономика Таджикистана на пути к рынку» 2002 года издания, где изложены результаты научно-исследовательской работы за последние полтора десятка лет, удостоена премии имени академика Б. Гафурова в области науки и образования.

А. А. Байматов как независимый консультант международных организации провел исследование принципиального вопроса переходного периода к рынку о взаимоотношениях центра и региона, результат которого был опубликован в докладе Луиджи де Мартино «Таджикистан: оптимизация отношений между центром и регионами. Вызовы и возможности» (Женева, 2004).

В 2011 году была издана книга «Таджикистан и Киргизия: торгово-экономическое сотрудничество» (в соавторстве). В ней представлены результаты научного исследования проблем развития взаимной торговли и предложены пути перспективного сотрудничества между соседними странами, рационализации экспорта и импорта товаров и услуг, сильные и слабые стороны взаимодействия двух национальных экономик.

С созданием научного центра расширился круг проблем, связанных с исследованием процессов обеспечения устойчивого социально-экономического развития регионов страны. Под редакцией профессора А. А. Байматова опубликована монография «Формирование стратегии устойчивого развития региональной экономики» (Душанбе: Ирфон, 2014. 223 с.), в которой им написаны две главы.

А. А. Байматов принимал активное участие в подготовке высококвалифицированных научных кадров. Под его руководством защищены девять кандидатских диссертаций, в том числе гражданином Афганистана, и одна докторская диссертация. Более десяти лет А. А. Байматов являлся членом совета по защите докторских диссертаций Института экономики АН РТ, с 2005 года — членом регионального диссертационного совета, созданного при Институте экономических исследований Министерства экономики и торговли РТ. В 2010—2012 годах — заместитель председателя совета, а с ноября 2012-го — председатель совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по экономическим наукам, созданного на базе ТГУПБП.

Свой 70-летний юбилей Алиджон Азизович встречает в расцвете творческих сил, полным новых замыслов и идей, и мы желаем ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, благополучия и новых творческих достижений.

JUBILEE OF THE SCIENTIST

Baimatov Alidjon Azizovitch, doctor of economics, professor, Director of the Scientific-research and educational center of the University SCO and sustainable development under the Tajik State University of Law, Business and Politics, holder of the award in science and education named after academician B. Gafurov, honorable citizen of the city of Lincoln (USA), Member of the International editorial board of the journal «Business. Education. Law».

A. A. Baimatov graduated with honors from the economic department of Tajik state university (1966), postgraduate school of Moscow institute of the Soviet trade (1973), doctoral studies of the Institute of economics of the USSR Academy of Sciences (1987); took courses in qualification enhancement in business disciplines of the Nebraska University, USA (1995).

He started his working activity at the position of an economist of the republican forestry materials trading depot.

His interest to economic science guided him to Tajik branch of the scientific and research institute of business environment and demand of the USSR Ministry of trade, where he worked as scientific employee and head of the department (1967—1974), and later as the branch director (1975—1984). Since 1984 till 2001 A. A. Baimatov was the leading scientific employee and head of the department of the Institute of economics renamed in 1993 in the Institute of global economics and international

relations of the RT Academy of Sciences. At the same time he worked as professor in the number of higher schools (TNU, TGUK, HGU named after academician B. Gafurov, PTI TTU named after academician M. Osimi, TGUPBP); and was the chairman of the state attestation committee of the Ministry of education and science of the Republic of Tajikistan, as well as professor-coach of the regional marketing center and the center for municipal employees training. In 2006—2010 he was professor at the department of economics and law of Balashov institute of Saratov state university named after Chernyshevsky.

A. A. Baimatov published more than 200 scientific works in the area of theory and practice of examination of demand and consumption, market and market relations, forecast of economic environment, commerce and industrial complex, foreign trade, economic integration and establishment of free economic zones, macro-issues of regional economics.

The range of scientific and research interests of the scientist includes the issues of theory and practice of the market establishment and development, formation of market relations, entrepreneurship and marketing, sustainable social-economic development of the country regions.

It should be noted that even at the end of 1960-s — beginning of 1970-s A. A. Baimatov being the post-graduate student was involved in researches of the processes of functioning of the product markets, in determination of the demand-offer ratio, in forecasting of the internal trade environment. Results of scientific researches of that period were published in several articles, candidate dissertation and the first monograph issued by the Publishing house «Irfon» (Dushanbe) in 1977 under the title «Issues of development of the internal market of products of the light industry of Tajikistan». That was logic as at that time the largest textile and silk making facilities were located in the republic, as well as several large shoo-making facilities, and knitwear manufactures, Kairakkum carpet production was growing. Tajikistan exported production of the light industry to all republics of the USSR, as well as to 14 foreign countries. In this connection, examination of the market volume and development of forecasts were urgent for the light industry as well as for planning authorities of the country.

The issue of possibility of ensuring balanced demand and offer of goods and services in the republics in the conditions of the command-and-control system of economic management was the key issue as it could not be solved without theoretical analysis and perfect methodology, as well as without generalization of practice. Analysis of these issues were presented in the monograph «Regional market: condition and issues of balance», as well as at the defense of the doctor dissertation at the meeting of the board headed by academician L. I. Abalkin at the Institute of economics of the USSR Academy of Sciences.

A. A. Baimatov was the first to provide theoretical definition of balanced demand and offer as the multi-level economic category and as one of the super-complicated forms of balanced national economy. Further deep analysis allowed the author formulating the possible types of problem situations that can occur at different levels of the economic management, as well as identifying peculiarities of their behavior. Conclusions were valuable for the region economy as economic situation could change; could be quantitatively and qualitatively measured, and the results of untimely resolution of the issues could be different.

The ways of resolution of the issue of regional balanced demand and offer of goods in three effective methods proposed by the author are still valuable, which include: improvement of goods and services offer based on use of STP; arrangement of demand of population by creating the way of thinking about rational consumption, and, ultimately, improvement of the economic mechanism of the market.

Since 1979 the search for the ways of improving the command-and-control system of economic management was fulfilled in the country. The basis for such search was obvious; the processes of reconstruction highlighted drawbacks of the command-and-control economics, as well as those, for elimination of which the right moment was missed. The problem became more critical due to slowdown of the rates of public production, occurrence of stagnant and sometimes crisis events, and strengthening of misbalance in the national economy.

Attempts of the author to improve the command-and-control economics were presented in his articles, including the article «Produce the goods that can be sold». This was the key issue of reconstruction of economic relations in the industries, which facilities produced and sold consumer goods services, and on which operation the population material and cultural life level depends. In the conditions of centralized plan the laws of cost, goods-money relations and the market were underestimated.

The conducted researched allowed A. A. Baimatov determined the characteristic features of the «consumer marker»: goods compete with each other and their producers compete with each other using prices, advertisement and other market principles of producing goods that meet demands in the best possible way.

Marketing is one of the piles supporting market-based economic system. It should be noted that A. A. Baimatov fulfilled examination of the individual issues of marketing even in the Soviet period; he conducted lectures at higher school on the subjects «Examination of demand and consumption», «Trade competition» and others, and «Marketing» — since 1990.

From 2000 to 2005, A. A. Baimatov worked as the Director of the Regional marketing center (RMC) founded by him, which conducted research, educational, publishing and consulting activities. Thanks to the training courses conducted by RMC, 120 marketing researchers of small and medium businesses enhanced their qualification; 12 issues of the quarterly information journal «Marketing» were published the first time in the country. In 2004 the work «Municipal marketing» included in the book «Municipal management» was published within the frame of the program for improvement of the municipal employees» professional training. In 2005 the first textbook «Marketing for higher school» was published; and in 2009 revised and amended issue of the textbook was published. In 2006-2010 the articles of A. A. Baimatov were published in the scientific collection of works of Balashov institute of Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky: «Innovation marketing: strategy of establishing new consumer values; «Marketing approaches to management of national companies in the conditions of crisis», and others, which established the basis for the wide practical use of marketing methods. A. A. Baimativ has founded his scientific school of the marketing researchers in the republic.

The book «Economics of Tajikistan on the way to the market» published in 2002, which presented results of the scientific and research activity for the last decade, was awarded with the prize named after academician B. Gafurov in the field of science and education.

Being an independent consultant of the international agencies, A. A. Baimatov has conducted research of the critical issue of transition to the market regarding interaction of the center and the region, which result was published in the report of Luigi

de Martino «Tajikistan: optimization of interaction between the center and the regions. Challenges and opportunities» (Geneva, 2004).

In 2011 the book «Tajikistan and Kirgizia: trade and economic cooperation» (joint authorship). The book presents results of the scientific research of the issue of the joint commerce development and proposes the ways of prospect cooperation of neighboring countries, of optimization of the goods and services export and import; describes strengths and weaknesses of two national economies interaction.

Establishment of the scientific center contributed to enlargement of the range of issues connected with examination of the processes of ensuring sustainable social-economic development of the regions. The monograph «Development of the strategy of sustainable development of regional economics» was published under the editorship of Professor A. A. Baimatov (Dushanbe: Irfon, 2014. 223 p.), for which he personally wrote two chapters.

A. A. Baimatov actively participated in preparation of high-quality scientific employees. Nine candidate dissertations were defended under his leadership, including dissertation of the citizen of Afghanistan; as well as one doctor thesis. A. A. Baimatov was the member of the doctor thesis defense board at the Institute of economics of the Tajik Republic Academy of Sciences for more than ten years; he was the member of the regional dissertation board established at the Institute of economic researches of the RT Ministry of economic and trade since 2005. In 2010—2012 he was the deputy chairman of the board; and since November 2012-he has been working as the chairman of the board for defense of candidate and doctor dissertations in economic sciences established on the bases of Tajik State University of Law, Business and Politics.

Alidjon Azizovitch celebrates his 70-anniversary at the plenitude of his creative powers, full of plans and ideas. We wish him good health, long life, prosperity and new achievements.

08.00.00 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
08.00.00 ECONOMIC SCIENCES

УДК 339.9:332.1
ББК 65.298:65.04

Baymatov Alidjon Azizovich,
doctor of economics, professor, director
of the Scientific-research and Educational Centre
of the University of SCO and sustainable development
under the Tajik State University of Law,
Business and Politics,
Tajikistan, Khujand,
e-mail: alijon45@mail.ru

Байматов Алиджон Азизович,
д-р экон. наук, профессор,
директор Научно-исследовательского
и образовательного центра
Университета ШОС
и устойчивого развития ТГУПБП,
Республика Таджикистан, г. Худжанд,
e-mail: alijon45@mail.ru

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ВЭД И СТЕПЕНЬ ОТКРЫТОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY LIBERALIZATION AND DEGREE OF TRANSPARENCY OF REGIONAL ECONOMY

В статье обосновывается необходимость исследования ВЭД как фактора устойчивого развития экономики региона, выявляется связь между рыночной моделью развития и либерализацией деятельности хозяйствующих субъектов. Показывается зависимость дальнейшего развития экспорта от использования естественных конкурентных преимуществ и государственной поддержки предпринимательских структур импортозамещающего сектора. Выявлены последствия экспансии зарубежных фирм — производителей товаров, выразившиеся в снижении загрузки мощностей, ухудшении финансового положения чувствительных к импорту отраслей и повышении степени открытости региональной экономики. Определяются тенденции изменения внешнеторговой ориентации страны от СНГ на дальнее зарубежье. Проанализированы процессы, влияющие на усиление регионализации ВЭД хозяйствующих субъектов, функционирующих в новых интеграционных объединениях: ЕАЭС и ШОС.

The author substantiates necessity of the FEA (foreign economic activity) study as a factor of sustainable development of the regional economics; identifies the connection between the market model of development and liberalization of activity of the economic entities. Dependence of the further export development on utilization of natural competitive advantages and the state support of entrepreneurial entities of the import substitution sector is demonstrated. Consequences of expansion of foreign firms-producers of goods resulted in reduction of production capacities loading, deterioration of financial situation of the industries sensitive to import, and an increase of the degree of transparency of the regional economics are revealed. Trends of changing the foreign trade orientation of the country from SIC to foreign states are determined. Processes affecting strengthening of the FEA of the economic entities functioning in new integration associations of EAEU and SCO are analyzed.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, либерализация, рыночная модель, развитие региона, глобализация, степень открытости экономики, объединение стран, евро-азиатское пространство, реформа, мировой рынок, рычаги, структура внешнеторгового оборота.

Keywords: foreign economic activity, liberalization, market model, region development, globalization, degree of economy transparency, association of countries, Eurasian space, reform, world market, levers, structure of foreign trade turnover.

Необходимость рассмотрения внешнеэкономической деятельности (ВЭД) как фактора устойчивого развития экономики региона является очевидной, поскольку она связана с разработкой рыночной модели в условиях усиления глобализационных процессов и либерализации деятельности хозяйствующих субъектов. Она предполагает дальнейшее развитие экспорта, базирующегося на использовании естественных конкурентных преимуществ в природно-ресурсной сфере, и всемерную государственную поддержку предприятий и предпринимательских структур, функционирующих в импортозамещающем секторе национального производства.

Массированная импортная экспансия (России, Китая, Турции и др.) привела к существенному ухудшению финансового положения чувствительных к импорту отраслей: резко снизилась загрузка производственных мощностей и повысилась степень открытости региональной экономики. Изменилась внешнеторговая ориентация страны и ее отдельных регионов от стран СНГ на страны дальнего зарубежья. Глобализационные процессы усилили регионализацию ВЭД хозяйствующих субъектов, возникли новые интеграционные объединения на евро-азиатском пространстве — ЕАЭС и ШОС.

Задачи и основные направления либерализации ВЭД

В Республике Таджикистан, вставшей на путь реформирования национальной экономики, согласно рыночной модели развития главным направлением преобразований внешнеэкономической сферы стала ее либерализация. Решая эту задачу, Республика Таджикистан не могла игнорировать объективные тенденции развития мирохозяйственных связей. Речь идет о степени открытости национальных экономик по отношению к мировому хозяйству. Опыт показывает, что все страны идут по пути либерализации ВЭС, поскольку она позволяет интенсифицировать товарообмен, торговлю услугами и процесс вложения капитала, осуществить структурные изменения в экономике и тем самым создает условия для устойчивого развития.

Вместе с тем этот процесс в Республике Таджикистан

проходил бесконтрольно, особенно на начальном этапе. Открывая свои рынки для иностранной конкуренции, ослабляя контроль за экспортом стратегически важной для национальной экономики продукции, снижая жесткие нормы валютного контроля и формируя либеральный режим для привлечения иностранных инвестиций и вывоза капитала за рубеж, Республика Таджикистан исходила из конкретных возможностей отечественных товаропроизводителей. Принципы либерализации деятельности субъектов ВЭД и организации свободной торговли важными стратегическими товарами можно наиболее полно реализовать в алюминиевом и хлопковом секторах национальной экономики, имеющих очевидные конкурентные преимущества на мировых рынках, а в других секторах и сферах широко применяются различные меры защиты и поддержки своих производителей, действующих на внутреннем рынке. Если в первом случае Республика Таджикистан добилась определенных положительных результатов, то во втором не смогла создать для многих отраслей, особенно для легкой промышленности, достаточных условий для их выживания.

Отсюда следует, что на начальном этапе перехода Республики Таджикистан к рыночной экономике проведение ускоренной либерализации внешней торговли в рамках программы реформ не способствовало модернизации национальной экономики, а в ряде отраслей и производств определенно им повредило.

Анализ показывает, что либерализация внешней торговли в Республике Таджикистан стала осуществляться широким фронтом и методом «шоковой терапии» в стремлении максимально форсировать открытие национальной экономики и ее интегрирование в мировое хозяйство. При этом отсутствовала целостная и достаточная научно обоснованная концепция и продуманная структурная политика, а в ряде случаев игнорировались сами принципы осуществления либерализации внешней торговли. В результате страна имела парадоксальную ситуацию: заметно опережая внутренние реформы и становление отечественного рынка, внешнеэкономические преобразования стали все больше отрываться от реального хозяйственного положения в стране.

Либерализация и связанная с ней реформа во внешнеэкономической сфере преследовали решение троякой и взаимосвязанной задачи: во-первых, обеспечение активного воздействия внешнеэкономического фактора на ускорение процесса перехода к рыночным отношениям, способствующего повышению эффективности всей национальной экономики. Во-вторых, создание условий для эффективного включения национальной экономики в мирохозяйственные процессы, и прежде всего путем расширения вывода отечественной продукции на мировые рынки и открытия внутреннего рынка для иностранных товаров и инвестиций. В-третьих, ускорение формирования и накопления в стране частного предпринимательского капитала и приобщение отечественных товаропроизводителей к мировому опыту рыночного ведения хозяйства.

Реформы внешнеэкономических связей и рост экспорта из страны, особенно на начальном этапе, способствовали обеспечению притока валютных средств, часть из которых использовалась для оплаты импорта товаров. Но впоследствии они из-за разрушения производственного потенциала национальной экономики, и особенно научно-технической базы развития экспорта, с одной стороны, и все возрастающего объема импорта для удовлетворения внутреннего спроса — с другой, в значительных объемах увеличили дефицит торгового баланса.

Таблица 1

Рост дефицита торгового баланса Согдийской области Республики Таджикистан (в млн долл.)

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2013-й в % к 2007-му
Внешнеторговый оборот	765,1	1067,2	809,3	944,6	1215,4	1769,9	2045,0	267,3
То же, в %	100	100	100	100	100	100	100	—
Экспорт	168,9	161,5	150,3	207,8	292,9	500,7	360,5	214,6
То же, в % к обороту	22,1	15,1	18,6	22,0	24,1	28,3	17,7	—
Импорт	596,2	905,7	659,0	736,8	922,5	1269,2	1684,5	282,6
То же, в % к обороту	77,9	84,9	81,4	78,0	75,9	71,7	82,3	—
Дефицит (импорт больше экспорта)	427,3	744,2	508,7	529,0	629,6	768,5	1324,0	310,1
То же, в % к обороту	55,8	69,7	62,9	56,0	51,8	43,5	64,7	—

Расчеты автора на основе [1, с. 201].

Так, в период с 2007 по 2013 год общий объем внешнеторгового оборота Согдийской области вырос почти в 2,7 раза при росте экспорта всего в 2,1 раза; следовательно, его удельный вес снизился с 22,1% в 2007 году до 17,7% в 2013-м. Дефицит торгового баланса области достиг более 1,3 млрд долл. и увеличился по сравнению с 2007 годом в 3,1 раза.

Рост торгового дефицита был связан с отсутствием в региональном хозяйстве эффективных предпринимательских структур, функционирующих в производственной сфере, а также с нехваткой на потребительском рынке региона многих товаров для удовлетворения потребностей населения. Все это, вместе взятое, обусловило практически неизбежную экспансию импортных товаров на внутреннем рынке, что привело к существенному ухудшению финансового положения чувствительных к импорту отраслей из-за резкого снижения загрузки производственных мощностей. Именно в этот период происходило интенсивное вытеснение отечественных производителей с национального рынка, то есть ввоз товаров рос, а их местное производство сокращалось.

Необходимо отметить, что к началу 2000 года произошло насыщение внутреннего рынка дешевой импортной продукцией, а возросший платежеспособный спрос предъявлялся на товары более высокого качества и известных производителей. В связи с этим наметилась тенденция формирования ассортимента для сети крупных супермаркетов и специализированных магазинов по обслуживанию элитных и высокодоходных групп населения.

Либерализация ВЭД и изменение ориентации во внешней торговле

Ориентация стран в мировом хозяйстве часто меняется, что связано с изменением конъюнктуры мирового рынка. Приоритетным направлением внешнеторговой деятельности Республики Таджикистан являлась торговля со странами СНГ. Основой для таких отношений служил единообразный эконо-

мический менталитет субъектов хозяйствования и их поведение, сформировавшееся в рамках единого народно-хозяйственного комплекса СССР и жесткого централизованного планирования и планового ведения хозяйства. Не менее важное значение имели сложившиеся хозяйственные и торгово-экономические связи между регионами и предприятиями стран СНГ.

Если во внешнеторговом обороте РТ удельный вес стран СНГ составлял в 1995 году 49,3%, в 2001-м — 55,9%, а к 2007-му снизился до 45,8%. Практически с этого момента начинается второй этап, когда Республика Таджикистан и ее основные регионы, а также другие постсоветские страны ориентируются на рынки вне Содружества. В последующий период, вплоть до 2013 года, наблюдалась тенденция дальнейшего снижения доли стран СНГ во внешнеторговом обороте страны до 41,8% [2, с. 317].

Таблица 2

Ориентация внешней торговли Согдийской области на страны ближнего и дальнего зарубежья (в %)

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Внешнеторговый оборот, всего (в %)	100	100	100	100	100	100	100
Страны СНГ — удельный вес, в % к обороту	66,0	63,5	63,5	60,4	58,9	57,6	62,3
Страны остального мира	34,0	36,5	36,5	39,6	41,1	42,4	37,7
Экспорт (в %)	100	100	100	100	100	100	100
Страны СНГ	57,1	53,9	60,1	48,3	34,9	31,4	29,8
Страны остального мира	42,9	46,1	39,9	51,7	65,1	68,6	70,2
Импорт (в %)	100	100	100	100	100	100	100
Страны СНГ	68,5	65,2	64,3	63,8	66,5	68,1	69,3
Страны остального мира	31,5	34,8	35,7	36,2	33,5	31,9	30,7

Расчеты автора на основе [1, с. 201].

За рассматриваемый период (2007—2013) доля стран СНГ во внешнеторговом обороте Согдийской области снизилась с 66,0 до 62,3%, и, наоборот, возросла доля стран остального мира — с 34 до 37,7%. В то же время доля стран СНГ в экспорте товаров региональных производителей сократилась почти в 2 раза, с 57% в 2007 году до 29% в 2013-м [1, с. 200, 202].

В объеме импорта 1/3 занимают товары, произведенные в странах остального мира. Усиливается тенденция переориентации на импорт товаров из стран дальнего зарубежья, связанная с высоким качеством товаров и ввозом техники и технологий. За рассматриваемый период объем импорта из стран дальнего зарубежья увеличился в 1,7 раза, а их удельный вес снизился с 35,7% в 2009 году до 30,7% в 2013-м.

Если рассмотреть товарную структуру импорта Согдийской области, то она в 2010—2013 годах составила: машины и оборудование, транспортные средства, включая легковые автомобили всех марок, — 29,3% от общего объема импорта товаров в Согдийскую область; минеральные продукты, включая поставки газа и электроэнергии из Узбекистана и Туркмении, — 22,3%, продукция химической промышленности — 17,1%, продукты растительного происхождения — 7,7%, а также прочие товары — 25,7%, в состав которых входят в основном товары широкого потребления.

Структура импорта Согдийской области явно ориентирована на удовлетворение текущих потребительских нужд. Основное место в импорте товаров народного потребления занимают: продовольствие, медикаменты, напитки, включая алкогольные, табачные изделия, товары легкой промышленности. В импорте технической продукции существенную долю занимает оборудование непроизводственного назначения, прежде всего бытовая радиоэлектронная техника (телевизоры, машины стиральные и швейные и др.).

Для импорта, в отличие от экспорта, характерна значительно более широкая и разнообразная номенклатура товаров, большинство из которых представлено готовыми к потреблению товарами и продуктами. Необходимо отметить, что ввоз ряда потребительских товаров обусловлен чисто объективными причинами. Они или не производятся в стране (бытовая электроника, сигареты, кофе, чай, сахар, тропические фрукты), или производятся в недостаточном количестве (одежда, обувь, галантерея, парфюмерия и др.).

Тем не менее, по разным оценкам, от 23 до 27% номенклатуры импортируемых товаров составляют товары, которые могут быть произведены в стране при условии создания условий для этого предпринимательским структурам и при их государственной поддержке, что является важной составляющей для широкого применения импортозамещающей политики в регионе.

Следует отметить, что сейчас, в условиях усиления глобализационных процессов и изменения циклической фазы финансово-экономического кризиса, появилась возможность для более эффективного решения проблемы организации регионального производства импортозамещающей продукции. Вместе с тем:

— из-за низкой конкурентоспособности основных товаров отечественного производства конкурентные позиции регионов Таджикистана ухудшились не только на мировых рынках, но и на внутреннем рынке;

— рационализация импорта товаров зависит от осуществления активной протекционистской политики с целью защиты региональных производителей от конкуренции зарубежных фирм и экспансии дешевых и низкокачественных товаров на внутренний рынок страны.

Эти проблемы, а также усиливающееся отрицательное воздействие на состояние внутреннего рынка страны и внешней торговли изменяющегося курса валюты, складывающегося в современных условиях экономического развития, значительно усложнили практику организации производства товаров, соответствующих требованиям мирового рынка. Так, падение курса национальной валюты, российского рубля и китайского юаня по отношению к доллару США в 2009—2013 годах привело не только к повышению цен на товары, импортируемые в регионы Таджикистана из этих стран, но и к общему повышению цен на все товары, реализуемые на внутреннем рынке. Инфляционные процессы затронули национальную валюту — сомони, который по отношению к доллару США значительно ослаб, и сейчас $100 приравниваются к 620 сомони.

В структуре экспорта Согдийской области основную долю занимают текстильные изделия, включая хлопок-волокно и пряжу, минеральную продукцию, овощи и фрукты, другие сельхозпродукты, а также реэкспорт транспортных средств, и особенно легковых автомобилей.

Доминирующее положение в экспорте Согдийской области занимают Россия, Китай, Турция, Казахстан и другие страны. Они определяют динамику и товарную структуру экспорта готовых и сырьевых товаров.

Здесь уместно напомнить о том, что на ранних стадиях пе-

рехода к рыночной экономике либерализация внешней торговли, особенно быстрая, не только не будет способствовать модернизации экономики, но даже может определенно ей навредить. Тем не менее в Таджикистане, как и в других постсоветских странах, был избран иной, «шоковый» способ проведения реформы внешнеэкономической сферы с целью максимального форсирования открытия национальной экономики и ее интегрирования в мировое хозяйство. При этом основной акцент делается на регулирующую роль самих рыночных механизмов при минимизации вмешательства государства во внешнеэкономическую сферу.

Заметно опережая внутренние реформы и становление регионального рынка, преобразования во внешнеэкономической сфере стали все больше отрываться от реального хозяйственного положения в стране. Вместе с тем с осуществлением программы экономических преобразований в Республике Таджикистан и в ее регионах международные экономические отношения претерпели кардинальные изменения. По мнению академика Р. Рахимова, они стали одним из решающих факторов, определяющих уровень экономического и социального развития страны [3].

Эта точка зрения высказывается и другими учеными и специалистами в области внешнеэкономических связей [4, с. 33—39].

В силу целого ряда объективных и субъективных факторов рыночные преобразования в этой сфере стартовали еще в 1990 году с созданием республиканского внешнеторгового объединения, фактически действовавшего как государственная монополия. Все отечественные предприятия осуществляли внешнюю торговлю через нее. Однако при этом в стране не был выработан комплексный подход к решению проблемы эффективного управления внешнеэкономическими связями государства как важным структурообразующим элементом национальной экономики в целом. Неадекватные внутренние и внешние экономические условия, постоянная смена инструментов осуществления и регулирования внешнеэкономических связей привели к развалу системы управления деятельностью субъектов внешнеэкономической сферы страны. Государство практически полностью самоустранилось не только от регулирования экономических явлений и процессов в этой сфере, но и от контроля над ними. Организация Министерства внешнеэкономических связей Республики Таджикистан и построение его громоздкой структуры в областях и городах, крайне забюрократизированного и неэффективного государственного аппарата, существенно не изменили ситуацию. На наш взгляд, именно во внешнеэкономической сфере негативный кумулятивный эффект от просчетов, допущенных в ходе реорганизации всей государственной системы управления хозяйственными процессами, проявился особенно ярко.

Либерализация и степень открытости региональной экономики

Углубление международного разделения труда, реальное функционирование международных корпораций в большинстве стран мира, широкая миграция рабочей силы и движение капитала создают определенные условия для регионального воспроизводства факторов производства. Это дает основание рассматривать относительные преимущества региона в привязке к определенному моменту времени. Кроме того, технология современного производства способствует выравниванию издержек производства одного и того же товара в разных регионах страны. Поэтому, на наш взгляд, следует акцентировать внимание на изменении внутренней структуры сравнительных преимуществ региона.

Вопрос открытости региональной экономики и свободной торговли между регионами не является предметом дискуссий. Вместе с тем анализ развития внешнеэкономических связей регионов Таджикистана позволяет констатировать тенденцию уменьшения степени их включенности в мировое хозяйство и ее однобокое развитие. Данные, приведенные в следующей таблице, свидетельствуя о повышении открытости региональной экономики, усиливают ее импортозависимость.

Таблица 3

Показатели степени внешней открытости экономики Согдийской области Республики Таджикистан (в % к валовому региональному продукту — ВРП)

Показатели	Годы				
	2005	2010	2011	2012	2013
Экспорт (в% к ВРП)	24,6	22,4	19,5	27,4	17,8
Импорт (в% к ВРП)	44,1	55,8	61,6	69,6	83,1
Внешняя открытость Согдийской области (внешнеторговый оборот, в% к ВРП)	34,4	44,6	81,2	97,1	100,8

Расчеты автора на основе [1, с. 8—9].

Внешняя открытость региональной экономики, определяемая как отношение внешнеторгового оборота к ВРП, возросла с 34,4% в 2005 году до 100,8% в 2013-м. Чрезмерная внешняя открытость региональной экономики и рынка может подорвать внутренние конкурентные позиции отечественных производителей и устои экономической безопасности страны. Вместе с тем все возрастающий объем импорта товаров для удовлетворения внутреннего и межрегионального спроса по сравнению с экспортом увеличил дефицит торгового баланса Согдийской области с 427 млн долл. в 2007 году до 1 324 млн долл. в 2013-м, или в 3,1 раза. Это обусловлено тем, что часть товаров, в частности автомобили, нефтепродукты и др., импортируемые в Согдийскую область, вывозятся в другие регионы страны, а также осуществляется их реэкспорт в Афганистан. Следовательно, при определении показателей открытости региональной экономики следует учитывать межрегиональный ввоз и вывоз товаров, особенно перемещение транспортных средств из одного региона в другой.

Необходимо отметить, что раскрытие внутреннего рынка для иностранных товаров было резко односторонним, и региональные экспортеры не получили встречных уступок, а наоборот, резко усилилась дискриминация наших товаров на внешних рынках. Не происходит совершенствования производственного аппарата за счет использования валютных средств и экспорта товаров, а в деградированной структуре импорта инвестиционные товары занимают незначительный удельный вес.

Стимулирование экспорта в современных условиях должно рассматриваться в контексте региональной экономической политики и как дополнение к внутренней экономике региона. Главное внимание должно уделяться подъему регионального хозяйства в целом и повышению уровня его международной конкурентоспособности. Для этого нужно формировать благоприятные условия регионального экономического развития и соответствующую рыночную инфраструктуру. Так, снижение экспортной квоты региона приводит к потере части его рынков сбыта, а следовательно, и к уменьшению загрузки производственных мощностей и занятости населения. При этом сокращается объем экспортной валютной выручки и, следовательно, уменьшается доход, поступающий в государственный бюджет. Это, в свою очередь, снижает инвестиционную

активность хозяйствующих субъектов и затрудняет реализацию региональных социальных программ.

Деятельность государственных структур региональной власти Таджикистана в этих условиях должна быть направлена на создание промышленных комплексов, призванных насытить внутренний рынок высококачественными товарами отечественного производства, замещая импортные товары. В реальной практике создание таких комплексов оказывает двоякое влияние на региональную экономику. Это, во-первых, стимулирование инвестиций в производство товаров, напрямую конкурирующих с импортом, что является предпочтительным, поскольку снижает цены на товары, которые импортирует регион. В результате улучшается торговля и создаются условия для промышленного роста в отраслях, задействованных в производстве таких товаров. Во-вторых, низкая покупательная способность предприятий и населения, обусловливающая неизбирательный спрос, ограничивает емкость рынка и подрывает его конкурентную среду. В конечном счете такая ситуация может оказать негативное влияние на экспорт отечественных товаров и на их продвижение на мировые рынки.

Экспорторасширяющий рост регионального производства приводит к относительному снижению цены на экспортируемые товары, и, следовательно, ухудшает условия международной торговли. Поэтому необходимо разумно сочетать импортозамещающую и экспорторасширяющую стратегию. Представляется, что выбор приоритетов экономической политики государства должен быть результатом анализа возможностей народного хозяйства, тенденций мирового развития и особенно всемерного роста внешнеэкономических связей, а также создания необходимых и достаточных условий для эффективной реализации имеющихся в стране относительных преимуществ.

Наличие у Таджикистана определенных конкурентных преимуществ в производстве тех или иных товаров не является догмой. Эти преимущества должны быть конкретизированы по регионам страны. В Согдийской области они могут быть развиты и воспроизведены в результате создания благоприятных условий для активизации инвестиционной деятельности, создания новых технологий, способствующих сокращению издержек производства, выпуску новых товаров, не производимых другими регионами страны, а повышение квалификации работников дает возможность использовать их труд для производства товаров с высокой степенью переработки и т. д.

Согдийская область Таджикистана обладает конкурентными преимуществами, и прежде всего природными ресурсами, позволяющими перейти к траектории быстрого и устойчивого развития. Их объем достаточен для того, чтобы удовлетворить внутренние потребности страны и осуществлять экспортные поставки. При этом конъюнктура мировых сырьевых и энергетических рынков последних лет делает это преимущество еще более весомым. В ближайшее время даже в условиях снижения удельного веса сырья в мировом торговом обмене, обусловленном использованием ресурсосберегающих технологий в экономике развитых стран, Таджикистан и его регионы сохраняют за собой роль одного из значительных поставщиков минерального сырья, и их вывоз останется доминирующей статьей экспорта товаров. Эффективное использование этого преимущества позволяет регионам перейти к траектории устойчивого развития.

Использование конкурентных преимуществ с целью обеспечения роста производства и благосостояния населения во всех регионах страны предполагает разработку и осуществление государственной политики регионального развития, отвечающей национальным интересам.

Другим конкурентным преимуществом является дешевая, но достаточно квалифицированная рабочая сила, которой располагают регионы Таджикистана. Они представлены многочисленной среднеквалифицированной рабочей силой, оплата труда которой позволяет поставить этот фактор в ряд сравнительных преимуществ. Использование существующих производственных фондов в промышленности, особенно в тех ее отраслях, где были достигнуты определенные успехи, позволяет произвести модернизацию предприятий с меньшими капитальными затратами, чем строительство новых. К числу отраслей, где имеются возможности для выпуска конкурентной на мировых рынках продукции, следует отнести легкую и пищевую промышленность Согдийской области.

Для придания большей открытости экономике регионов Таджикистана большое значение имеет предоставление предприятиям (фирмам) и иным хозяйственным организациям права самостоятельного выхода на внешний рынок. С одной стороны, появилась возможность эффективного использования имеющихся региональных преимуществ, а с другой — актуальным стал вопрос о применении системы мер по защите региональной экономики от неблагоприятного воздействия иностранной конкуренции. Широкий выход региональных предприятий и других организаций на внешний рынок может быть эффективным лишь в том случае, если будут учтены все нюансы, такие как открытость внутреннего рынка и эффективность его функционирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Статистический ежегодник Согдийской области. Худжанд, 2014. 314 с.

2. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе, 2014. 466 с.

3. Рахимов Р. К. Оценка внешнеэкономической деятельности Республики Таджикистан // Экономика Таджикистана: стратегия развития. 2005. № 3. С. 16—45.

4. Назаров А. А, Байматов А. А и др. Таджикистан и Киргизия: торгово-экономическое сотрудничество. Худжанд: Мехроч, 2011. 223 с.

REFERENCES

1. Statistical Annual book of Sohd region. Khujand, 2014. 314 p.

2. Statistical Annual book of the Tajikistan Republic. Dushanbe, 2014. 466 p.

3. Rakhimov R. K. Assessment of Foreign Economic Activity of the Tajikistan Republic // Economics of Tajikistan: Strategy of Development. 2005. № 3. P. 16—45.

4. Nazarov A. A., Baymatov A. A. et al. Tajikistan and Kirghizia: Trade-Economy Cooperation. Khujand: Mehkrodge, 2011. 223 p.

УДК 657.421.32
ББК 65.290.5

Bezdudnaya Anna Geroldovna,
doctor of economics, professor,
head of the department
of industrial management and innovation
of St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg,
e-mail: annaspbru@yandex.ru

Starinskiy Vladislav Nikolaevich,
doctor of economic, professor,
professor of the department
of industrial management and innovation
of St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg,
e-mail: vn2309@mail.ru

Бездудная Анна Герольдовна,
д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой
производственного менеджмента и инноваций
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: annaspbru@yandex.ru

Старинский Владислав Николаевич,
д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры
производственного менеджмента и инноваций
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: vn2309@mail.ru

МЕТОДЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТОИМОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ОСНОВЕ ЭКСПРЕСС-ОЦЕНОК ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

METHODS OF DEFINITION OF ENTERPRISES COST BASED ON EXPRESS EVALUATIONS OF INDUSTRIAL FACILITIES

В статье сформулированы методы экспресс-оценки стоимости предприятий, в основе которых лежит, во-первых, стоимость конкретного вида имущества, необходимого для изготовления продукции предприятия и выраженного в натуральном либо денежном измерении, то есть удельная стоимость конкретных производственных объектов; во-вторых, единичная стоимость важнейшего для данного объекта оценки технико-экономического параметра. Показана практика применения этих методов. Даны подробные рекомендации по определению стоимости частных предприятий с использованием показателей либо стоимости их активов, либо объемов продаж. Приводится пример расчета стоимости предприятия при помощи метода экспересс-оценок, что дает возможность увидеть работу метода на практике.

Methods of express assessment of enterprises value are presented in the article, which are based on, firstly, the value of specific type of property required for the enterprise product manufacturing and expressed either in volume or in monetary terms, that is, the specific value of particular production facilities; second, the unit cost of technical and economic parameter that is the most important for specific object of appraisal. Practical use of these methods is shown. Detailed recommendations for determining the value of private enterprises using either indicators or the value of their assets, or sales volumes are provided. The example of calculation of the enterprise value using the method of express assessment is provided, which makes it possible to see practical application of the method.

Ключевые слова: методы определения стоимости, оценка производственных объектов, экспресс-оценка, стоимость, стоимость частных предприятий, капитал, управление стоимостью, денежный поток, принципы оценки, подходы к оценке.

Keywords: methods of cost assessment, assessment of industrial facilities, express assessment, cost, cost of private enterprises, capital, cost management, cash flow, principles of evaluation, approaches to evaluation.

В отечественной практике становится все более востребованным метод быстрой оценки стоимости имущества предприятий с помощью компьютерной системы ASIS® — Appraiser Support Info System [1; 2].

Суть метода заключается в следующем. Из всего имущества предприятия выделяется 8—10% наиболее дорогих объектов, которые по балансовой стоимости составляют до 80% всех активов. Затем подбирается 5—7 аналогов с близкими нормами амортизационных отчислений. Далее для каждого объекта определяется отношение его остаточной стоимости к балансовой. Произведение индекса изменения стоимости по группе аналогов и поправочных коэффициентов для каждого объекта оценки представляет собой индекс удорожания его стоимости либо затрат на создание. Затем, умножая балансовую стоимость объекта оценки на индекс удорожания, определяют стоимость оцениваемого объекта.

Индекс удорожания недвижимого имущества можно рассчитать по изменению стоимости строительно-монтажных работ (СМР), используя для этих целей данные бюллетеней компании «КО-Инвест». Индекс удорожания движимого имущества можно рассчитать, используя данные бюллетеней сводных индексов цен Госкомстата РФ.

В качестве примера определения стоимости предприятия методом экспресс-оценки рассмотрим следующую ситуацию.

По состоянию на конкретную дату (допустим, на 01.01.2012) необходимо определить залоговую стоимость предприятия. Последняя переоценка основных фондов проводилась по состоянию на 01.04.2008. Рассматривая залоговую стоимость предприятия как совокупность стоимостей недвижимого и движимого имущества, оценщик определяет их величины.

Оценка стоимости недвижимого имущества. Индекс удорожания стоимости недвижимых объектов представлен в табл. 1 (цифры условные).

Если балансовая стоимость недвижимых объектов на день оценки составляет, например, 40 млн руб., то их стоимость можно считать равной: 40 млн руб. х 2,076 = 83040000 руб.

Таблица 1

Индексы удорожания объектов недвижимости

Номера бюллетеней компании «КО-Инвест»	Индексы удорожания СМР на 01.01.2012 по сравнению с 01.01.1984	Индексы (расчетные) удорожания восстановительной стоимости
№ 58 январь 2012 г.	29,201	29,201: 29,201 = 1,000
№ 57 октябрь 2011 г.	28,482	29,201: 28,482 = 1,025
№ 56 июль 2011 г.	27,443	29,201: 27,443 = 1,064
№ 55 апрель 2011 г.	25,884	1,128
№ 54 январь 2011 г.	24,469	1,193
№ 53 октябрь 2010 г.	23,880	1,223
№ 52 июль 2010 г.	22,412	1,303
№ 51 апрель 2010 г.	19,959	1,463
№ 50 январь 2010 г.	19,285	1,514
№ 49 октябрь 2009 г.	17,375	1,681
№ 48 июль 2009 г.	15,836	1,844
№ 47 апрель 2009 г.	15,767	1,852
№ 46 январь 2009 г.	15,281	1,911
№ 45 октябрь 2008 г.	14,202	2,056
№ 44 июль 2008 г.	13,564	2,153
№ 43 апрель 2008 г.	14,068	2,076

Оценка восстановительной стоимости движимого имущества предприятия. Используя данные бюллетеней сводных индексов цен Госкомстата РФ, в которых зафиксированы индексы удорожания по 289 товарным группам продукции, можно рассчитать индекс удорожания стоимости оцениваемого движимого имущества. Эти индексы публикуются с 1991 года и дают хорошие результаты при определении стоимости объектов. Индексы удорожания по товарным группам публикуются в таблице, содержащей следующую информацию (табл. 2).

Таблица 2

Индексы удорожания по товарным группам

№ товарных групп	Наименование товарной группы	Индексы удорожания
1.	Машиностроение	
2.	Тяжелое энергетическое машиностроение	
- — - — - — - — - — - — - — - — - — - — - — - — - —		
288.	Насосы поршневые	
289.	Оборудование технологическое для химической чистки одежды и запасные части к нему	

Чтобы рассчитать стоимость движимого имущества на дату оценки, нужно использовать информацию об аналогичных объектах. В системе ASIS® таких объектов-аналогов зафиксировано более 150 тысяч единиц.

Принимая во внимание индексы удорожания по товарным группам и базовые величины стоимости объектов оценки, можно путем умножения этих показателей определить стоимость отдельной единицы или группы оборудования на дату оценки. Поскольку залоговая стоимость предприятия рассматривается как совокупность стоимостей движимого и недвижимого имущества, то, суммируя результаты оценки, оценщики получают величину, которую можно отождествлять с залоговой стоимостью всего предприятия [3].

Достаточно широкое применение методы экспресс-оценок находят при определении стоимости предприятий малого бизнеса (магазины, юридические, бухгалтерские, аудиторские и т. д.). Специфика оценки этих предприятий заключается в том, что оценщик, как правило, не получает достоверной информации, поскольку она является коммерческой тайной; очень часто сталкивается с плохим качеством бухгалтерской отчетности. Есть и другие факторы, которые затрудняют стоимостную оценку предприятий малого бизнеса. Тем не менее при определении их стоимости следует придерживаться общей логической схемы, суть которой заключается в следующем. Оценщик определяет нижнюю границу стоимости предприятия (это собственный капитал). Затем определяется верхняя граница стоимости (практика показывает, что она может быть равной 5-кратной прогнозной прибыли до налогообложения, но после расходов на выплату заработной платы владельцу). В качестве примера рассмотрим два метода оценки стоимости.

Метод оценки стоимости предприятия на базе его активов

Сущность метода заключается в том, что стоимость определяется на основе расчета величины собственного капитала и премии за гудвилл, которая обычно принимается равной величине типичной месячной прибыли до налогообложения, включая оклад владельца.

Метод оценки предприятий на базе определения стоимости его активов прост, и результаты его использования могут быть легко объяснены. В то же время этот метод не лишен недостатков. Субъективизм при оценке (например, гудвилла и оплаты труда владельца) является основным недостатком, который сдерживает широкое применение этого метода. Тем не менее метод иногда становится единственным вариантом определения рыночной стоимости предприятия, и поэтому технологию его применения следует рассмотреть более подробно [4].

1. Разрабатывается приведенный к дате оценки ретроспективный отчет о прибылях и убытках за последние годы. Затем рассчитывается приведенная к дате оценки чистая прибыль до налогообложения с учетом заработной платы владельца. В зависимости от принятого рынком подхода к оценкам подобных предприятий либо выбирается типичный уровень месячной прибыли прошлых лет, либо рассчитывается прогнозная месячная прибыль.

2. Выбирается отраслевой (максимальный, минимальный или средний) мультипликатор, рассчитанный на основе показателя прибыли оцениваемого предприятия.

3. Выбранный мультипликатор умножается на типичную месячную ретроспективную прибыль (п. 3 х п. 2). Принято считать, что результатом расчета является стоимость гудвилла.

4. В результате сложения стоимости гудвилла (п. 3) и величины рыночного собственного капитала (п. 1) получается общая стоимость оцениваемого предприятия.

Рассмотрим условный пример.

Магазин является обществом с ограниченной ответственностью, управляется одним физическим лицом, хотя в уставном капитале общества 53% составляет доля другого предприятия — «АКЦ», а значит, оно предполагает участие в доходах магазина. Доля «АКЦ» в доходах магазина составляла: в 2007 году — 150000 руб.; в 2008-м — 300000 руб.; в 2009-м — 450000 руб.; в 2010-м — 450000 руб.; в 2011-м — 450000 руб.

Оклад директора магазина соответствует рыночным показателям и был учтен до расчета дохода предприятия. Суммарная чистая прибыль магазина до налогообложения с учетом заработной платы директора составила: в 2007 году — 282000 руб.; в 2008-м — 567000 руб.

в 2009-м — 849000 руб. в 2010-м — 849000 руб. в 2011-м — 849000 руб.	стабильная величина, и ее выбрали в качестве типичного уровня 849000 руб. в год 849000 руб.: 12 = 70750 руб. в месяц

Решение. Расчет стоимости магазина на базе его активов.

Операция I. Вычисление собственного капитала магазина: счета дебиторов — 450000 руб.; материальные запасы — 900000 руб.; оборудование — 900000 руб. Итого 2250000 руб.

Минус: задолженность поставщикам 450000 руб.

Всего: собственный материальный капитал: 1800000 руб.

Операция II. Вычисление надбавки за гудвилл: типичная среднемесячная прибыль 70740 руб.; мультипликатор 12; стоимость гудвилла: 848880 х 12 = 848880 руб.

Операция III. Определение стоимости магазина.

1800000 + 848880 = 2648880 руб.

Операция IV. Определение доли акций фирмы «АКЦ» (53%)

2648880 х 0,53 = 1403906 руб.

Метод оценки стоимости предприятия на базе объема продаж

Стоимость предприятия рассчитывается по среднегодовому прогнозному или ретроспективному объему продаж с использованием мультипликатора, полученного на основе рыночных данных. Метод оценки стоимости предприятия достаточно прост. Основным недостатком является тот факт, что он не учитывает величину собственного капитала и в нем проявляется ярко выраженный субъективизм при выборе мультипликатора. Тем не менее практика применения метода представляет интерес, и поэтому следует более подробно рассмотреть технологию его применения.

1. Определяется годовой (прогнозный или ретроспективный) объем продаж.

2. Рассчитывается чистая прибыль предприятия до налогообложения.

3. Определяются мультипликаторы объема продаж (М1) и прибыли (М2). Затем определяется стоимости продаж и прибыли предприятия:

М1 х объем продаж = стоимость продаж;

М2 х объем прибыли = стоимость прибыли.

Из полученных величин стоимости выбирается наименьшее значение. Эту величину и следует считать стоимостью предприятия [5].

Рассмотрим условный пример. Исходные данные те же, что и в предыдущем примере. Допустим, за основу расчетов выбраны типичные ретроспективные годовые объемы продаж и годовые показатели прибыли. Для нашего примера: объем продаж в год — 15 млн руб.; годовая прибыль — 849 тыс. руб. По результатам анализа аналогичные предприятия продаются по цене, равной 0,25 годового объема продаж, но не дороже учетверенной типичной годовой прибыли. Тогда:

операция I — рассчитывается стоимость предприятия на базе объема продаж: типичный годовой ретроспективный объем продаж 15 млн руб.; мультипликатор 0,25; стоимость предприятия (15 млн руб. х 0,25) = 3750 тыс. руб.;

операция II — рассчитывается стоимость предприятия на базе определения годовой прибыли: типичная годовая ретроспективная прибыль 849 тыс. руб.; мультипликатор 4; стоимость предприятия (849 тыс. руб. х 4) = 3396 тыс. руб.;

операция III — из двух величин (операций I и II) выбирается наименьшее значение, то есть 3396 тыс. руб., а затем определяется доля фирмы «АКЦ»: (3396 тыс. руб. х 0,53) = 1799880 руб.

Как правило, оценщики предприятий малого бизнеса ведут расчеты одновременно по этим двум методам, а затем с учетом экспертных оценок определяют окончательную величину стоимости объекта. При определении премии за гудвилл сравниваются данные по объектам-аналогам: объему продаж и уровню рентабельности, типу бизнеса и уровню управления, объемам вложений в материальные активы и т. д.

В оценочной практике сложилась определенная технология определения стоимости таких предприятий, которая, на наш взгляд, может представлять интерес.

Оценка стоимости гостиниц и мотелей:

Продажная цена = Стоимость объектов недвижимости + Премия за гудвилл

Оценка стоимости автомастерских:

Продажная цена = Удвоенная типичная месячная прибыль + Рыночная стоимость материальных активов - Предполагаемые пассивы

Оценка стоимости винных магазинов:

Продажная цена = Удвоенная типичная месячная прибыль + Рыночная стоимость материальных активов - Предполагаемые пассивы

Оценка стоимости страховых компаний:

Продажная цена = 120 – 150% от годовой суммы страхового сбора или комиссионных + Стоимость списка клиентов + Стоимость оборотного капитала + Стоимость основных фондов

Оценка стоимости бухгалтерских и аудиторских фирм:

Продажная цена = Стоимость гудвилл (обычно это 75 – 150% типичной ретроспективной выручки) + Стоимость активов предприятия (♦ Основные фонды по рыночной стоимости, ♦ дебиторская задолженность, ♦ Незавершённое производство и т.д.) - Стоимость предполагаемых пассивов предприятия

Оценка стоимости юридических контор

Специфика оценки стоимости этих фирм заключается в том, что они работают с физическими лицами и поэтому возникает проблема, насколько этично оценивать в стоимостном выражении такую клиентуру и ее интересы, которые являются для подобных предприятий предметом труда. Практика показывает, что в этих ситуациях можно предложить сотруднику перейти в другую фирму (потенциальному покупателю) вместе со своей клиентурой вначале на временную работу, а затем или уволиться, или продолжать работать, но уже в новом качестве. Тем самым будет цивилизованно разрешен вопрос о преемственности клиентуры и заложен фундамент стоимостной оценки юридической конторы.

Оценка стоимости рекламных агентств:

Продажная цена = 30% - 50% типичной годовой выручки + Рыночная стоимость материальных активов - Стоимость предполагаемых пассивов

Оценка стоимости бакалейных магазинов:

Продажная цена магазина = (3 – 4) × Типичный месячный объём продаж

Продажная цена = Чистый объём продаж за 4 – 6 месяцев + Стоимость лицензии

Предложенные рекомендации не исчерпывают всего многообразия приемов и методов оценки стоимости предприятий малого бизнеса. Здесь возникает много специфических проблем. Однако независимо от типа предприятий существуют некоторые определенные логические границы их стоимости. Так, например, продажная цена предприятия не может быть меньше рыночной стоимости его собственного капитала и больше 5-кратной годовой чистой прибыли до налогообложения с учетом заработной платы владельца. Практика показывает, что кроме этих методов оценки эксперт может столкнуться с нестандартными условиями и вправе разработать собственную версию определения стоимости оцениваемого предприятия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тришин В. Н., Шатров М. В. Система информационной поддержки оценщика ASIS (Appraiser Support Info System) // Инвестиции в России. 1995. № 5. С. 35—37.

2. Аренс В. Ж., Тришин В. Н. Оценка восстановительной стоимости нефтяных скважин и трубопроводов в системе ASIS® // Нефть, газ и бизнес. 2002. № 5. С. 8—10.

3. Старинский В. Н. и др. Оценка стоимости объектов промышленной собственности: учеб.-метод. пособие / под ред. д-ра экон. наук, проф. В. Н. Старинского. СПб.: Астериоен, 2012. 298 с.

4. Асаул А. Н., Старинский В. Н., Асаул М. А. Оценка собственности: учеб. пособие / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. Н. Асаула. СПб.: СПбГАСУ, 2008. 248 с.

5. Старинский В. Н., Бездудная А. Г. Оценка объектов интеллектуальной собственности: учебник / под ред. д-ра экон. наук, проф. Г. А. Краюхина. СПб.: СПбГИЭУ, 2010. 300 с.

REFERENCES

1. Trishin V. N., Shatrov M. V. Information Support System for the appraiser ASIS (Appraiser Support Info System) // Investments in Russia. 1995. № 5. P. 35—37.

2. Ahrens V. Zh., Trishin V. N. Assessment of the replacement cost of oil wells and pipelines in the ASIS® // Oil, gas and business. 2002. № 5. P. 8—10.

3. Starinskiy V. N. et al. Valuation of Industrial Property: training and methodical manual / edited by doctor of economics, professor V. N. Starinskiy. St. Petersburg: Asterioen, 2012. 298 p.

4. Asaul A. N., Starinskiy V. N., Asaul M. A. Property appraisal: textbook / edited by doctor of economics, professor A. N. Asaul. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, 2008. 248 p.

5. Starinskiy V. N., Bezdudnaya A. G. Evaluation of intellectual property: textbook / edited by doctor of economics, professor G. A. Krayukhin. St. Petersburg: SPbGIEU, 2010. 300 p.

УДК 338
ББК 65.013

Egorshin Alexander Petrovich,
doctor of economics, professor, honored science worker of the RF, academician of MAM, the president of Nizhny Novgorod Institute of Management and Business, Nizhny Novgorod,
e-mail: rectorat@nimb.nnov.ru

Guskova IrinaVladimirovna,
doctor of economics, associate professor, vise rector for scientific work of Nizhny Novgorod Institute of Management and Business, professor, Nizhny Novgorod,
e-mail: guskova545@yandex.ru

Егоршин Александр Петрович,
д-р экон. наук, профессор, ректор Нижегородского института менеджмента и бизнеса, заслуженный деятель науки РФ, академик МАМ, г. Нижний Новгород,
e-mail: rectorat@nimb.nnov.ru

Гуськова Ирина Владимировна,
д-р экон. наук, доцент, проректор по научной работе Нижегородского института менеджмента и бизнеса, г. Нижний Новгород,
e-mail: guskova545@yandex.ru

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: СОСТОЯНИЕ, ВЛИЯНИЕ КРИЗИСОВ И САНКЦИЙ

RUSSIAN ECONOMY IN THE POST-SOVIET PERIOD: STATE IMPACT OF THE CRISIS AND SANCTIONS

В статье анализируются последствия экономических реформ в России, осуществляемых современным правительством в период с 2000 по 2014 год. Исследованы особенности становления рыночной экономики с использованием статистических данных важнейших социально-экономических показателей. Определены утраченные возможности и экономические инструменты стимулирования экономического роста в период последнего кризиса. На основе полученных результатов анализа экономических реформ даны предложения по формированию инновационной экономики России в ближайшей перспективе, сформулированы первоочередные задачи Правительства России, необходимые для решения проблем

экономического роста в условиях санкций и стагфляции.

The article analyzes consequences of economic reforms in Russia undertaken by the government in the period from 2000 to 2014. The features of the market economy are examined using statistical data of the most important socio-economic indicators. The lost opportunities and economic instruments for stimulation of economic growth during the last crisis are identified. Based on the results obtained in the process of analysis of economic reforms, the proposals for establishing of innovative economy in Russia in the nearest future are made; the priority objectives of the Russian Government are stated, which are required for resolution of the challenges of economic growth in the conditions of sanctions and stagflation.

Ключевые слова: ретроспектива, реформы, экономическое развитие, кризис, антикризисные меры, государственное регулирование экономики, институциональная среда, санкции в отношении России, стагфляция, первоочередные задачи правительства.

Keywords: retrospective reforms, economic development, crisis, anti-crisis measures, government regulation of the economy, the institutional environment, the sanctions against Russia, stagflation, the priorities of the government.

Российская экономика в настоящее время столкнулась с новыми вызовами и проблемами. Однако если даже проанализировать новейшую историю экономического становления России, то можно увидеть, что подобные ситуации мы уже переживали: находились пути для решения задач, совершались ошибки. Для того чтобы усвоить прошедшие уроки, необходимо проанализировать пройденные этапы, поэтому статья является актуальной. Данная работа посвящена ретроспективному анализу экономических реформ в России в период с 2000 по 2015 год. Проанализирован период кризиса рыночной экономики с 2013 по 2015 год с использованием статистических данных важнейших социально-экономических показателей, выделены этапы становления правового обеспечения трансформации экономики. На основе полученных результатов анализа экономических реформ дан прогноз развития рыночной экономики России на 2015—2020 годы, а также первоочередные задачи Правительства России, необходимые для решения в посткризисный период.

1. Экономическое состояние в периоды роста и кризиса

Дадим характеристику основных социально-экономических показателей России за 2000—2014 годы — в годы роста и кризиса. Для реального анализа дадим статистику в сопоставимых ценах с учетом инфляции (табл. 1). Все стоимостные показатели приведены к сопоставимому виду цен 2000 года путем деления действующих цен на интегральный уровень инфляции [1, с. 215—253]. Валовой внутренний продукт увеличился с 384 млрд руб. в 2000 году до 920 млрд руб. в 2014 году. Рост к 2000 году составил 239,6%, а к году начала кризиса — 111%, то есть среднегодовой рост всего 1,8% за последние 6 лет. ВВП на душу населения увеличился с 2620 руб. в 2000 году до 6402 — в 2014 году. Рост составил 244% к 2000 году и 110,2% к году начала кризиса.

Среднегодовая численность занятых в экономике увеличилась с 65,1 млн чел. в 2000 году до 71,5 млн чел. Это составляет 109,8% к 2000 году и 100,7% к 2008-му, что подтверждает позитивные меры Правительства РФ по сохранению занятости за счет привлечения в экономику пенсионеров и учащейся молодежи.

Позитивным фактором является сокращение численности безработных с 7059 тыс. чел. в 2000 году до 3889 тыс. чел. в 2014-м. В процентах это составило 55,1% к 2000 году и 73,5% к 2008 году, что подтверждает улучшение ситуации на рынке труда и занятости населения России. Однако в условиях санкций, последствия которых стали более ощутимы в 2015 году, ожидается значительный рост фактической безработицы и процветание различных форм теневой занятости населения. Уже в первом квартале 2015 года численность безработных составила 4502 тыс. чел.

Среднемесячная реальная зарплата в период экономического роста до кризиса росла более высокими темпами, чем ВВП на душу населения. Так, в 2000 году реальная зарплата составила 117 руб. в месяц, а в 2014 году — 419 руб. в месяц. Таким образом, рост составил 358 и 120,7% по сравнению с ростом ВВП на душу населения 239,6 и 111% соответственно, но уже в 2015 году наблюдается сокращение реальной заработной платы.

Позитивной тенденцией за последние 13 лет является рост доли оплаты труда в структуре ВВП, что характеризует социально ориентированную экономику. Если в 2000 году эта доля составляла 40%, то в 2014 году — уже 52%, рост к 2000 году составил 130%, а к году начала кризиса — 109,7%.

К сожалению, за анализируемый период времени (2000—2014) не удалось существенно снизить уровень инфляции в России и приблизить его к уровню высокоразвитых стран G7 (1—2% в год). Так, годовая инфляция в 2000 году составила 120,2%, а в 2005 году — 110,9%, в 2008-м — 113,8% и в 2014-м — 111,4%. Некоторое сокращение уровня инфляции в 2014 году к 2008-му в размере 98% не позволяет говорить о существенных успехах. Какова экономическая цена кризиса в России? Общая сумма антикризисных мер Правительства РФ за период 2008—2011 годов оценивается в размере 12 трлн руб. при годовом объеме ВВП в эти годы около 41 трлн руб., то есть около 30%, из них первая половина (6 трлн руб.) — в форме краткосрочных кредитов, а вторая половина (6 трлн руб., или 15% ВВП) — в виде долгосрочных кредитов и безвозмездного финансирования [2, с. 6].

Объем Резервного фонда России на 1 марта 2015 года составил 4,72 трлн руб. В 2015 году из Резервного фонда может потребоваться 3,7 трлн руб., в 2016-м — еще 1,2 трлн. Таким образом, к началу 2017 года в фонде останется лишь 0,5 трлн руб.— примерно 3% годовых доходов России в 2017 году (сейчас в Резервном фонде почти половина уточненных доходов 2015 года). Между тем средства резервов понадобятся на финансирование «двойного дефицита» бюджета [Там же. С. 8].

По сравнению с прежним планом бюджет недополучит доходов. Плюс к тому выпадет ряд источников его финансирования — средства от приватизации, займы, возврат бюджетных кредитов. В цифрах картина выглядит так. Дефицит в 2015 году составит 2,76 трлн руб. (3,8% ВВП) вместо планировавшегося осенью 431 млрд (0,6%), в 2016 году — 994 млрд руб. (1,2%) вместо 476 млрд (0,6%) [Там же. С. 12].

Покрывать дефицит придется из Резервного фонда. Вместе с тем в 2017-м, по прогнозу Минфина, нефть подорожает до 70 долл. за баррель, и Резервный фонд снова можно будет пополнить, но лишь на 111 млрд (до 0,6 трлн руб.). Логика ситуации толкает правительство на секвестр расходов. Действительно, в 2016—2017 годах Минфин планирует сократить расходы на 3,1 трлн руб. Финансирование проектов на эти годы уже заморожено [Там же. С. 16].

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели России (2000—2014)

Показатели	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Изменение показателя 2014 года к показателю 2008 года, %
Валовой внутренний продукт, млрд руб.	384	600	686	757	829	717	767	873	938	950	920	111,0
ВВП на душу населения, руб.	2620	4180	4793	5299	5809	5018	5367	6107	6552	6622	6402	110,2
Среднегодовая численность занятых в экономике, млн чел.	65,1	68,3	69,2	70,8	71,0	69,4	69,9	70,8	71,5	71,4	71,5	110,0
Численность безработных, тыс. чел.	7059	5208	4999	4246	5289	6162	5636	5020	4131	4137	3889	73,5
Производительность труда (темпы роста), %	100,0	105,5	107,5	107,5	104,8	95,9	103	103,8	107,0	101,1	96,7	—
Среднемесячная реальная зарплата, руб.	117	238	271	309	347	344	356	374	402	427	419	120,7
Доля оплаты труда в структуре ВВП, %	40	43,8	44,5	46,7	47,4	52,6	49,9	49,8	50,4	51,9	52,0	109,7
Индекс потребительских цен, %	120,2	110,9	109	111,9	113,3	108,8	108,8	106,1	106,7	106,5	111,4	—

Заслуживает внимания экономико-статистический анализ базовых отраслей экономики за период с 1992 по 2014 год, что характеризует полный период переходной и начала рыночной экономики. Для решения этой задачи мы использовали индексы физического объема производства базовых отраслей экономики (с 2005 года — видов деятельности) по данным Федеральной службы статистики за указанный выше период. Динамика падения и последующего роста отраслей экономики показана на рис. 1 [1, с. 276—278].

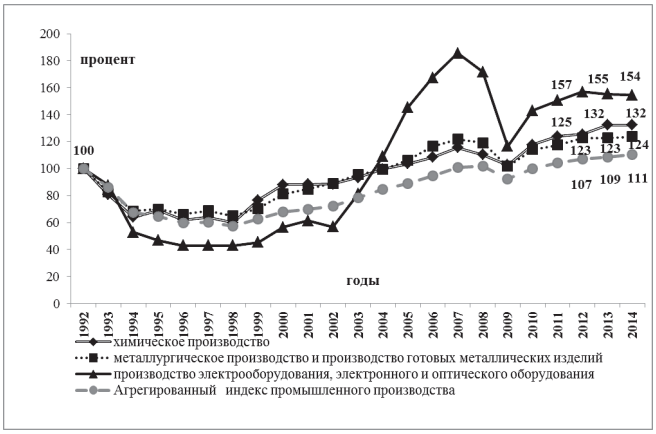


Рис. 1. Диаграмма индексов физического объема производства по отраслям экономики России

Как видно из графика, наибольшее падение базовых отраслей приходится на 1992—1998 годы, основные периоды — это приватизация, бартерные сделки, падение госзаказа, безработица и реструктуризация производства. После кризиса 1998 года начинается постепенный рост ряда отраслей, которые достигают уровня 1992 года к 2003—2004 годам, а к 2014 году имеют даже его превышение:

— производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (154,5% от уровня 1992 года), но произошло сокращение по сравнению с уровнем 2012 года — 156,8;

— металлургическое производство и производство готовых металлических изделий (123,6% от уровня 1992 года);

— химическое производство (132,4% от уровня 1992 года).

В то же время агрегированный индекс промышленного производства достиг 110,5% только в 2014 году — на это восстановление ушло 23 года.

Наряду с этим можно констатировать, что ряд важных отраслей экономики, несмотря на определенный рост после 1998 года, так и не достигли уровня 1992 года, а именно:

— производство транспортных средств (77,2%);

— производство машин и оборудования (47,6%);

— текстильное и швейное производство (25,1%).

Большинство населения России смирилось с мыслью, что их одевают и обувают товарами из Китая, Турции, Греции, Польши и других развивающихся стран, причем часто с поддельными брендами Италии, Франции, Германии, Испании и Великобритании.

Значительная проблема добывающих и обрабатывающих отраслей экономики России связана с производством собственных машин и оборудования (47,6% к уровню 1992 года). В результате в доле экспорта России это оборудование составляет всего 5%, а в доле импорта свыше 50%.

Наше оборудование проигрывает в качестве и производительности, и поэтому страна и предприятия тратят огромную валютную выручку от экспорта энергоресурсов на модернизацию отраслей промышленности, транспорта, строительства и связи.

2. Выводы из экономического кризиса России 2008—2014 годов

Системный анализ работ крупных российских ученых, особенно академика РАН РФ А.Г. Аганбегяна, позволил выделить наиболее значимые выводы из последнего экономического кризиса 2008—2014 годов [3, с. 14—21].

1. Экономический кризис выявил глубокие диспропорции национальной экономики в сфере производства, обмена, распределения и потребления.

2. Восстановление национальной экономики будет долгим и постепенным с занятием своего сегмента в международном разделении труда от «экспортера сырья» до «экспортера продуктов».

3. Придется смириться с тем, что отечественная продукция и услуги мало востребованы и проигрывают в качестве на мировом рынке не только развитым странам, но и странам с развивающейся экономикой (Китай, Индия).

4. Предстоит снижение общественного потребления и уровня доходов экономически активного населения России по сравнению с развитыми странами (G 20).

5. В ближайшие годы мы не сможем наладить импортозаменяющие производства машин и оборудования (52,1% импорта) по причине недостатка интеллектуальных, трудовых и технических ресурсов.

6. Не удастся уменьшить зависимость в условиях санкций от международного рынка капиталов стран Азии и за счет собственных ресурсов обслуживать внешний долг государства, банков и предприятий.

7. Будет нарастать проблема трудоустройства и занятости.

8. Следует уменьшить порочную практику импорта капитала и растранжиривания экспортной выручки на предметы роскоши чиновниками и «олигархами».

9. Проблеме инвестирования в человеческий капитал и повышения качества рабочей силы за счет государства и работодателей не уделялось внимание долгие годы.

10. Нужна кардинальная переоценка общественных ценностей по отношению к труду и капиталу [4, с. 276—278].

Какие первоочередные задачи Правительства России можно выделить в посткризисный период?

1. Сократить ставку рефинансирования Центробанка РФ до 3% и установить максимальную маржу для кредитов коммерческих, что обеспечит доступность долгосрочных кредитов для предприятий и организаций.

2. Освободить инвесторов, вкладывающих средства в развитие производства, от налога на прибыль и НДС по согласованным с органами власти бизнес-планам, что позволит открыть «ворота инновационной экономики».

3. Сократить налог на добавленную стоимость с 18 до 15%, что позволит снизить постоянный рост цен на товары, работы и услуги, а в перспективе и инфляцию.

4. Сократить социальные налоги с организаций с 30 до 15% и отменить взимание страховых взносов с фонда социального развития. Это позволит легализовать общий ФОТ на малых и средних предприятиях и увеличить доходы бюджета.

5. Ввести прогрессивную шкалу налогообложения доходов с физических лиц с 0 до 35%, что позволит восстановить социальную справедливость и увеличить доходы бюджета за счет богатых.

6. Восстановить государственную тарифную систему оплаты труда работников бюджетной сферы, при которой ставка 1-го разряда равна прожиточному минимуму (ПМ). Это позволит прекратить субъективизм и произвол в оплате труда.

7. Установить минимальный размер оплаты труда для всех секторов экономики (МРОТ = ПМ) и во всех регионах России, что позволяет ограничить дополнительную дифференциацию регионов на «доноров» и «дотационных».

8. Ввести налоговые кредиты для предприятий и организаций сроком на 3 года, производящих продукцию и услуги, для сохранения персонала и стабилизации отечественного рынка.

9. Компенсировать за счет государства ставки ипотечного кредитования в размере 6—7% для молодежи в возрасте до 35 лет.

10. Освободить все социальные учреждения образования, социального обеспечения, здравоохранения, физической культуры и спорта от налогов на землю и имущество.

11. Предоставлять беспроцентные кредиты для всех инновационных предприятий под бизнес-планы развития, согласованные с муниципальными органами власти.

12. Прекратить государственное бюджетное финансирование непрофильных направлений бакалавриата и магистратуры в государственных отраслевых, технических и педагогических университетах.

13. Ввести платное обучение во всех вузах дифференцированно от величины ЕГЭ. Это уравняет в правах государственные и негосударственные вузы и повысит уровень конкуренции.

14. Закончить государственное финансирование строительства «пирамид» и направить освободившиеся огромные средства на восстановление инфраструктуры России (железные и автодороги между регионами, региональные аэродромы, современные транспортные средства, переход к ресурсосберегающим технологиям и др.).

15. Снизить цены и тарифы государственных монополий (Газпром, ЕЭС, Роснефть, РЖД и др.) в 2 раза к уровню 2014 года.

16. Навести порядок в ЖКХ путем инвентаризации и укрупнения домоуправляющих компаний, снижения тарифов на электроэнергию, отопление, газ, воду и их унификации в пределах региона.

17. Сократить расходы и численность государственного, регионального и муниципального управления в 2 раза, привести их к уровню 1990 года и снизить зарплату.

Реализация указанных мер потребует последовательной и целенаправленной работы Президента РФ и Председателя Правительства РФ, Государственной Думы и Федерального Собрания и многих федеральных министерств и ведомств. Только такие решительные меры позволят быстро преодолеть посткризисный период и перевести Россию «на рельсы инновационного развития», улучшить качество жизни населения.

3. Перспективы формирования инновационной экономики России

Состояние инновационной экономики России можно установить на основе оценки институциональных основ и роли государства в ее формировании, а также на базе экономико-рейтингового определения места России в мире среди других стран [5, с. 14—21].

Известно, что институциональные основы инновационной экономики зависят от фундаментальных рыночных ценностей (категорий) и роли государства в поддержке инноваций. Мы представили их в виде концептуальной модели (рис. 2).

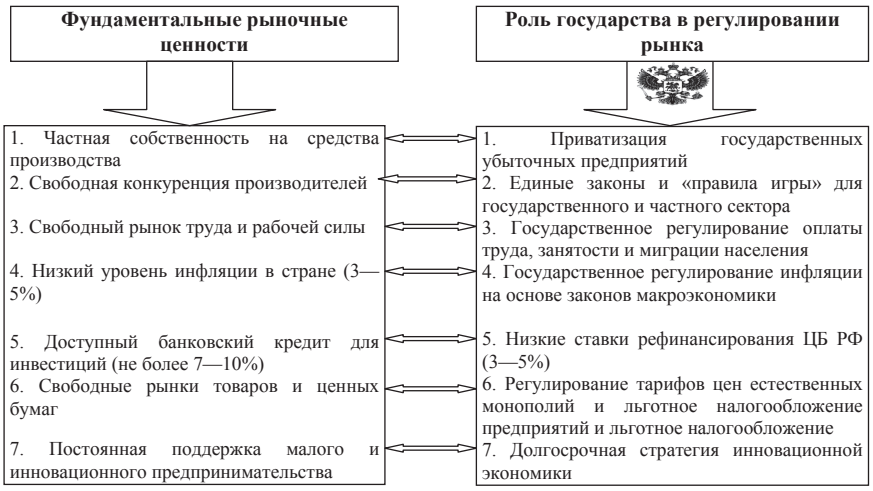


Рис. 2. Модель институциональных основ инновационной экономики

Сравнительный анализ фундаментальных рыночных ценностей и роли государства в регулировании рынка показывает, что только в развитии частной собственности на средства производства, путем приватизации государственных предприятий в 1990-х годах имеется реальный прогресс (п. 1 рис. 2). Также можно констатировать, что в стране сформирован свободный рынок труда и его регулирование путем установления ПМ и занятости населения (п. 3 рис. 2).

В утверждении остальных пяти фундаментальных рыночных ценностей Россия остановилась «на полпути» (п. 2, 4, 5, 6 и 7), и мы не можем видеть реальных мер, путей и сроков их достижения на период до 2020 года [6, с. 8—68].

Государственное регулирование инновационной деятельности, как показывает практика развивающихся стран Китая, Индии, Бразилии, Польши и др., позволяет соединить партнерскими отношениями политическую силу государства с экономическими возможностями бизнеса. Концептуальный подход такого взаимодействия представлен на рис. 3.

Рис. 3. Схема государственного регулирования инноваций

Место в мире российской инновационной экономики может быть определено на основе публикуемых рейтингов Мирового банка, Мирового экономического форума, ЮНЕСКО и ОЭСР.

Мы постарались собрать в одной таблице различные рейтинги, характеризующие инновационную экономику, с указанием источника, места России и метода оценки.

Таблица 2

Место инновационной экономики России в мире

Показатель	Источник оценки	Место России	Кол-во стран, ед.
Факторы инновационной экономики (3,3 балла из 7,0)	The Global competitiveness Report 2013—2014 [4]	**56**	**133**
Доля предприятий, осуществляющих технологические инновации, от общего количества инновационных предприятий	The Global competitiveness Report 2013—2014 [4]	**69, 9,6 %**	**148, 70 % ФРГ**
Глобальный индекс конкурентоспособности (GCI)	The Global competitiveness Report 2013—2014 [4]	**64**	**148**
Рейтинг легкости ведения бизнеса (средний показатель по 10 индикаторам)	Doing Business 2014 [5,7]	**62**	**189**
Индекс развития человеческого потенциала (ИЧР = 0,788)	МБ «О развитии человека» за 2014 год [8, с. 28]	**57**	**186**
Производительность труда на одного занятого в экономике по паритету покупательной способности	Глобальный раунд международных сравнений ВВП стран мира за 2010 год	**32,2 %**	**100 % США**
Общие расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки	Мир в цифрах 2013. Карманный справочник [9, с. 53]	**13-е место, 17,2 млрд $**	**1-е место США 401,6 млрд $**
Прямые иностранные инвестиции в экономику России Вливания Отток	Мир в цифрах 2013. Карманный справочник [9, с. 55]	**8-е место, 41,2 млрд $ 8-е место, 51,7 млрд $**	**1-е место США, 228,2 млрд $ 1-е место США, 328,9 млрд $**

Таким образом, уровень инновационной экономики России по ряду мировых рейтингов находится на 50—70-м месте в мире среди 133—185 оцениваемых стран. Это нельзя считать достойным по уровню интеллектуального, производственного и ресурсного потенциала России в мире.

Перспективы формирования инновационной экономики России зависят от изменения роли государства в регулировании рынка и его фундаментальных ценностей и вряд ли будут изменены в полном объеме до 2020 года.

Заключение

1. Кризис 2008—2014 годов больно ударил по показателям роста социально-экономического развития России, которые имели место в 1999—2007 годах. К сожалению, небывалый приток валюты от экспорта энергоресурсов не был инвестирован в развитие инфраструктуры страны и потрачен на ликвидацию последствий финансового кризиса (более 12 трлн руб.).

2. Системный анализ позволил выделить наиболее важные причины замедления экономического роста России и разработать первоочередные задачи Правительства РФ в посткризисный период (2013—2015) и на период ожидаемого роста до 2020 года.

3. Уровень инновационной экономики России находится на 50—70-м месте в мире, что не соответствует ее интеллектуальному и ресурсному потенциалу. Перспективы инновационного пути развития зависят от изменения роли государства и его регуляторов в отношении фундаментальных ценностей рынка и обеспечения «режима благоприятствования инновациям».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Российский статистический ежегодник. Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 693 с.

2. Аганбегян А. Г. Экономика России в текущих социально-экономических условиях // Мат. междунар. науч.-практ. конф. МКД-64. Дубна, НИМБ, 2015/ 18 с.

3. Егоршин А. П. Кризис и управление предприятием: монография. Н. Новгород: НИМБ, 2011. 416 с.

4. Гуськова И. В. Трансформация рынка труда России: монография. Н. Новгород: НИМБ, 2010. 288 с.

5. The Global Competitiveness Report 2013—2014, Insight Report / World Economic Forum. Geneva, 2013. 569 p.

6. Егоршин А. П., Гуськова И. В. Трансформация социально-экономической системы России в постсоветский период // 25 лет НИМБу — 25 лет рыночной экономике: мат. всерос. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 25—26 сентября 2013 года. Н. Новгород: НИМБ, 2013. С. 14—21.

7. World Bank. 2013. Doing Business 2014: Understanding Regulations for Small and Medium-Size Enterprises. Washington: DC: World Bank Group, 2013. 316 p.

8. Доклад о человеческом развитии — 2014. М.: Весь Мир, 2014. 328 с.

9. Мир в цифрах. 2013. Карманный справочник. М.: Олимп-Бизнес, 2013. 272 с.

REFERENCES

1. Statistical Yearbook. St. sb. / Rosstat. M., 2014. 693 p.

2. Aganbegyan A. G. Russia's economy in the current socio-economic conditions // Proceedings of the international scientific and practical conference. ICD-64. Dubna, NIMB, 18 p.
3. Egorshin A. P. The crisis and the management of the enterprise: monograph. Nizhny Novgorod: NIMB, 2011. 416 p.
4. Guskova I. V. The transformation of the labor market in Russia: a monograph. Nizhny Novgorod: NIMB, 2010. 288 p.
5. The Global Competitiveness Report 2013—2014, Insight Report / World Economic Forum. Geneva, 2013. 569 p.
6. Egorshin A. P., Guskova I. V. The transformation of the socio-economic system of Russia in the post-Soviet period // 25 Nimbus — 25 years of a market economy: Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference. Nizhny Novgorod, 25—26 September 2013. N. Novgorod: NIMB, 2013. P. 14—21.
7. World Bank. 2013. Doing Business 2014: Understanding Regulations for Small and Medium-Size Enterprises. Washington: DC: World Bank Group, 2013. 316 p.
8. Human Development Report 2014. M.: Publishing House All The World, 2014. 328 p.
9. The World in Figures. 2013 Pocket Guide. M.: Olympus-Business, 2013. 272 p.

УДК 338.26
ББК 65.291.231

Merzlikina Galina Stepanovna,
doctor of economics, professor,
head of the department of economics and management
of Volgograd State Technical University,
Volgograd,
e-mail: merzlikina@vstu.ru

Мерзликина Галина Степановна,
д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой экономики
и управления Волгоградского государственного
технического университета,
г. Волгоград,
e-mail: merzlikina@vstu.ru

Mitina Tatyana Evgenyevna,
competitor of the department
of economics and management,
senior teacher of the department of applied mathematics
of Volgograd State Technical University,
Volgograd,
e-mail: mitina.te@yandex.ru

Митина Татьяна Евгеньевна,
соискатель кафедры экономики и управления,
ст. преподаватель кафедры прикладной математики
Волгоградского государственного
технического университета,
г. Волгоград,
e-mail: mitina.te@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР

OPPORTUNITIES FOR STRATEGIC PLANNING OF ENTREPRENEURIAL STRUCTURES DEVELOPMENT

В статье определены возможности стратегического планирования предпринимательских структур, уточнены взаимосвязи понятий «стратегическое планирование развития» и «планирование стратегических изменений» и их содержание, рассмотрен процесс разработки и внедрения стратегических изменений. Авторами выделены факторы, влияющие на развитие предпринимательских структур и предусматривающие внедрение стратегических изменений, классифицированы модели стратегического планирования развития, разработана модель анализа стратегического планирования развития, отмечены критерии оценки уровня развития, составлена модель процесса управления стратегическими изменениями предпринимательских структур.

Ключевые слова: стратегическое планирование, развитие предпринимательской структуры, внешние и внутренние факторы, планирование стратегических изменений, уровень стратегического развития, стратегический план развития, формирование стратегического плана, выбор стратегии изменения, внедрение стратегических изменений, модель управления изменениями.

Possibilities of strategic planning of business companies are determined in the article; relations of the concepts of strategic planning of development and planning of strategic changes and their content are clarified; development and implementation of strategic changes are examined. The authors identified factors affecting development of businesses and provide for introduction of strategic changes; models of strategic planning of development are classified; the model of analysis of strategic planning of development is developed; criteria of the development level assessment are identified; the model of the process of strategic changes of businesses is developed.

Keywords: strategic planning, business structure development, external and internal factors, planning of strategic changes, level of strategic development, strategic development plan, arrangement of strategic plan, selection of change strategy, introduction of strategic changes, model of changes management.

Основу любой рыночной системы составляет множество адаптивных самоорганизующихся субъектов — предпринимательских структур (далее ПС), которые участвуют в развитии производства и рыночных связей. Предпринимательские структуры — это, как правило, самостоятельно функционирующие экономические единицы, основными признаками деятельности которых являются опора на самофинансирование, более высокая рискованность, ориентированность на инновации.

В настоящее время предпринимательские структуры России представлены в большей степени индивидуальными

предпринимателями, но также выделяется малое и среднее предпринимательство. В 2013 году, по данным Росстата, средний и малый бизнес России обеспечивал 27,1% всех рабочих мест страны и произвел 25,4% валового внутреннего продукта [1]. В то время как в развитых экономиках (США, Евросоюзе, Китае) средний и малый бизнес обеспечивает почти 80% всех рабочих мест и производит от 40 до 70% всего валового внутреннего продукта. Как мелкое, так и крупное предпринимательство решает свои задачи, поставленные для достижения цели, и сталкивается с проблемами, которые часто схожи [2].

Основными проблемами ПС в Российской Федерации являются неразвитость, непредсказуемость, «близкие горизонты» планирования деятельности. Востребованность стратегического планирования развития ПС в настоящее время продиктована необходимостью просчитывать свои действия на рынке и быть готовыми к возможным изменениям, а также умением ПС обосновывать свои заявки на финансирование и доказывать, что она способна успешно реализовать предлагаемые проекты и получить весомую финансовую отдачу в долгосрочной перспективе.

Научная новизна исследования состоит в разработке теоретико-методологических положений стратегического планирования развития ПС, а именно:

— показана взаимосвязь понятий «стратегическое планирование развития» и «планирование стратегических изменений»;

— разработаны методика формирования стратегического плана развития и алгоритм анализа планирования стратегических изменений ПС;

— выявлены критерии оценки уровня стратегического планирования развития.

Таким образом, цель работы — показать необходимость и способы оценки возможностей стратегического планирования развития ПС, и для этого необходимо решить следующие задачи:

1) уточнить термины «развитие» и «стратегическое планирование развития», их содержание и взаимосвязь с ростом и изменениями;

2) рассмотреть критерии и показатели оценки уровня стратегического планирования развития ПС.

Стратегическое планирование предполагает процесс выработки и конкретизации стратегии предприятия в форме стратегического плана на период, равный периоду реализации стратегии, и всегда предлагает развитие ПС. Стратегическое планирование развития требует уточнения понятия «развитие» как возможности изменения результатов этого процесса.

Исследованием вопроса о взаимосвязи экономического роста и развития занимались экономисты разных школ и направлений. И очень часто экономический рост приравнивают к развитию. Однако рост может происходить с развитием или при его отсутствии. Это всего лишь количественный тип изменения при сохранении целостности изменяемого, например, увеличение объема производства, доли на рынке, величины продаж, чистой прибыли, численности персонала и т. д. ПС как организованные системы могут стимулировать свой рост, осуществляя, например, привлечение инвестиций, расширение рынка сбыта и т. д. [3].

Развитие всегда характеризуется переходом из одного качественного состояния в другое. Стоит отметить, что практически в каждом определении развития используются термин «изменение» или его синонимы. У Н. В. Афанасьева развитие — процесс достижения качественного или количественного прироста полезного результата процесса по сравнению с прежним уровнем или с уровнем, достигнутым на других предприятиях, вследствие улучшения производственных или бизнес-процессов или управления ими. М. Н. Нечепуренко считает, что единственным основным направлением экономического развития организации является инновационная деятельность [4]. О. И. Новакова и Г. С. Мерзликина предлагают следующее определение: экономическое развитие организации заключается в правильном балансе экономического роста и устойчивости организации [5]. Причем под финансовой устойчивостью предприятия понимается стабильность финансового положения, выражающаяся в сбалансированности финансов, достаточной ликвидности активов и наличии необходимых резервов [6, с. 148].

Авторы предлагают следующее определение стратегического планирования развития — это процесс руководства функционированием ПС, направленный на наращивание внутреннего потенциала ПС и на достижение стратегических целей организации.

Авторами были выделены основные условия стратегического планирования развития ПС:

1) стратегическое планирование развития возможно только на стадии функционирующей деятельности ПС;

2) стратегическое планирование развития всегда связано с качественными и структурными изменениями;

3) результатом, как правило, является формирование новой, более сложной внутренней структуры, адаптированной к изменившимся внешним условиям и способной обеспечить экономическую устойчивость ПС.

Поэтому под стратегическим планированием развития предлагается стратегическое планирование изменений или планирование стратегических изменений. Возможности стратегического планирования развития ПС во многом определяются возможностями определения, выявления и управления стратегическими изменениями.

Коттер и Шлезингер в 1979 году предложили процесс, который позволяет значительно облегчить успешную разработку и внедрение стратегических изменений. В него входят стадии анализа текущей ситуации, анализа факторов ситуации, выбора стратегии изменения и контроля за реализацией и внедрением [7].

Авторами эти стадии были рассмотрены подробнее и дополнены различными методиками и схемами.

1. Анализ текущей ситуации. Как правило этот процесс считается начальной точкой стратегического планирования изменений, так как он обеспечивает основу для выработки стратегии поведения, позволяющей фирме выполнить миссию и достичь своих целей. Данный анализ предполагает исследование трех компонентов: макросреды, непосредственного окружения ПС и внутренней среды. В анализ макроокружения входит изучение влияния экономики, правового регулирования, политических процессов, ресурсов, социальной и культурной составляющих общества, научно-технологического уровня, инфраструктуры и т. д. Непосредственное окружение анализируется путем исследования рынка, а именно изучения потребностей рынка и поведения конкурентов. Анализ внутренней среды позволяет определить, какое количество продукции предприятие может произвести, и уровень издержек на производство этого количества продукции. Анализ внутренней среды позволяет также лучше выявить цели ПС и сформулировать ее миссию.

Таким образом, на этом этапе необходимо определить воз-

можные причины проблем, вызванные изменениями, и темпы, с которыми они должны быть разрешены. Необходимо также выявить пути использования возможностей и затем определить все необходимые изменения и установить их результаты и влияния [Там же].

2. Анализ факторов ситуации. Во-первых, влияют на развитие ПС внешние факторы, которые так или иначе нарушают прежний режим функционирования предприятия. К ним относятся рыночно-конъюнктурные факторы (изменение деятельности предприятия, конкурентоспособность, изменение тарифов и цен на поставляемые продукцию и услуги в результате инфляции) и административные и хозяйственно-правовые факторы (налогообложение, правовые акты, постановления и положения, регламентирующие деятельность организации, государственное регулирование тарифов и цен). Любые серьезные изменения внешних факторов хозяйствования предприятия (например, появление на рынке более дешевых товаров или более высокого качества, потеря потребительского интереса к продукции) выводят его из состояния устойчивого равновесия. Турбулентность внешней среды требует адаптации системы управления к изменяющимся условиям ведения предпринимательской деятельности [8, с. 42]. Во-вторых, внутренние факторы также оказывают влияние на развитие ПС. К внутренним относят факторы, зависящие от деятельности самого предприятия и характеризующие работу коллектива: материально-технические (использование прогрессивных предметов труда, технологическое оборудование, материально-техническая база производства), организационно-управленческие (освоение новых, более совершенных видов продукции и услуг, стратегии и тактики развития организации, процесс принятия решений), экономические (налоговое планирование, анализ и поиск внутренних резервов роста прибыли, финансовое планирование деятельности предприятия) и социальные факторы (квалификация работников, условия труда) [7].

При сочетании первых со вторыми факторами происходит ориентация на поддержание естественно-искусственного порядка. Такая направленность и ведет к гармонии «внутреннего механизма» с «внешним окружением» [9].

3. Выбор стратегии изменения. Решение о стратегии должно включать своевременные изменения в соответствии с переменами во внешней и внутренней среде, то есть согласовываться с выводами, полученными в результате анализа текущей ситуации и анализа факторов ситуации [10].

В стратегическом анализе важное место отводится формированию миссии, определяющей смысл организационной деятельности. Миссия включает в себя следующие понятия и взаимосвязь между ними: покупатели, продукция или услуги, рынки, технология, забота о выживании, росте и прибыльности, ценности, самооценка, имидж, отношение к персоналу [7].

Стратегическое планирование подразумевает формулирование миссии и целей фирмы, выбор стратегии, определение ресурсов и мер, необходимых для ее реализации. Обычно стратегическое планирование рассчитано на длительный период, но его принципиальное отличие от оперативного планирования состоит в том, что стратегия является функцией не времени, а направления. В стратегическом планировании максимально проявляется личность предпринимателя, его видение ситуации и прогноза на будущее, отражается инновационная политика фирмы. Стратегический план содержит не конкретные задания, а ориентиры для управляющего персонала фирмы.

Таким образом, стратегическое планирование — это процесс выбора курса управления ПС, направленного на достижение конечных целей компании. Авторами предложена методика формирования стратегического плана развития ПС (рис. 1).

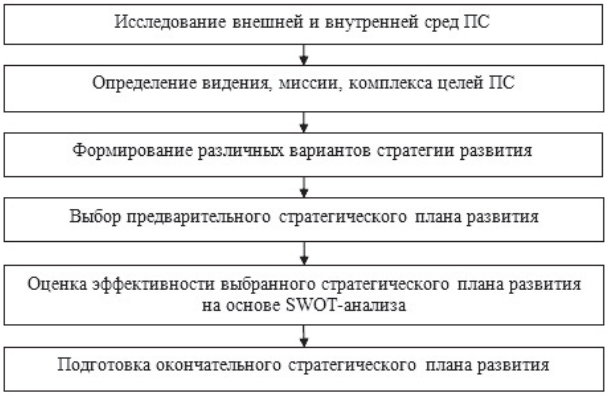


Рис. 1. Методика формирования стратегического плана развития ПС (сост. авторами на основе [11, с. 128])

Общеизвестно, что в зависимости от целей и порядка разработки плана выделяют следующие модели стратегического планирования развития: реактивное планирование («плыть против течения») избегает инноваций, фирма ориентирована на прошлые достижения и традиции; инактивное планирование («плыть по течению») стремится сберечь достигнутое, удержаться на уровне, характерно для стабильного бизнеса; преактивное планирование («оседлать волну») ориентировано на будущие изменения, как правило, ставится задача не увеличить прибыль, а выжить и развиваться; интерактивное планирование («изменить течение») подразумевает максимальную активизацию творческого потенциала сотрудников и ставит цель созидать и контролировать, особенно часто применяется при становлении фирмы [12].

Таким образом, стратегические изменения предполагают оценку их направленности, формы развития и учета модели развития (рис. 2).

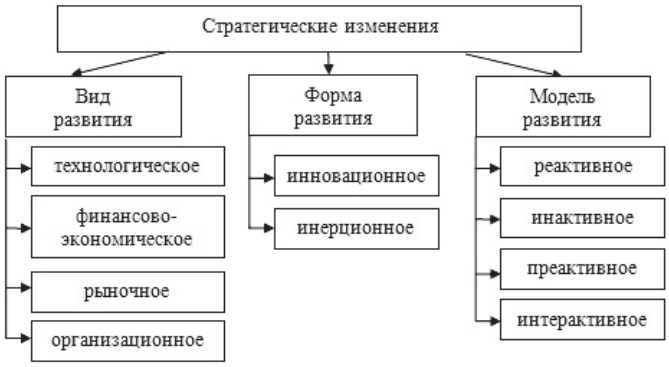


Рис. 2. Содержание стратегических изменений (сост. авторами)

Пунктами содержания стратегического планирования развития могут стать производство нового продукта, внедрение нового метода производства уже известного продукта, освоение нового рынка сбыта, получение нового источника сырья, материалов, знаний, проведение реорганизации, в том числе с целью получения монопольного положения или использования других дефектов рынка.

Тогда результат развития ПС может выражаться в том, что ПС осваивает выпуск новой продукции, использует новые технологии и методы производства, осваивает новые рынки сбыта, патентует изобретения с целью дальнейшего лицензирования, открывает собственные филиалы, вступает в стратегические альянсы с аналогичными фирмами

с целью получения монопольного положения и др. [7].

4. Контроль за реализацией и внедрением. Данный этап помогает быстро выявить неожиданные проблемы и реагировать на них, а также позволяет оценить стратегические изменения и извлечь уроки для использования в будущих моментах. Внедрение является наиболее важным компонентом стратегического управления, поэтому каждый шаг в формировании стратегии, оценке и выборе должен осуществляться с полным учетом потребностей реализации.

Таким образом, последовательность этапов планирования стратегических изменений может быть представлена в форме алгоритма (рис. 3).

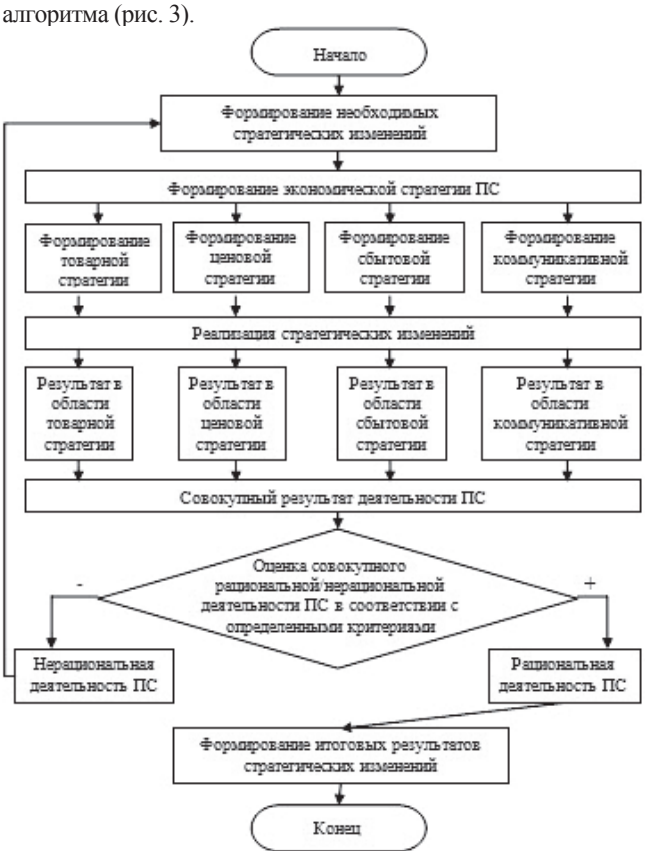


Рис. 3. Алгоритм анализа планирования стратегических изменений ПС (разработан авторами)

При необходимости стратегических изменений идет формирование экономической стратегии в основных областях функционирования (товарная, ценовая, сбытовая и коммуникативная стратегии). Затем происходит реализация стратегических изменений и оценивается результат в каждой из этих областей. После этого осуществляются формирование и оценка совокупного результата деятельности ПС, поскольку предпринимательская деятельность всегда направлена на достижение цели и обязательно должна заканчиваться результатом, даже если он не запланирован или является отрицательным. Причем если конечный результат совпадает с целью, то деятельность ПС можно считать рациональной, а результат — обдуманным и предсказуемым. Завершающим этапом является формирование итоговых результатов стратегических изменений. Если же такое совпадение отсутствует, то деятельность является нерациональной и требуется дальнейшее усовершенствование путем доработки, то есть возвращения в начало алгоритма (рис. 3).

Важнейшим вопросом стратегического планирования развития является оценка уровня стратегического планирования развития ПС в соответствии с определенными критериями. Такими критериями могут быть:

1. Сопоставление цели и достижение цели в форме конечного результата деятельности. ПС присуща множественность целей. В процессе целеполагания следует отдавать преимущество целям, характеризующим устойчивость рыночных позиций. При этом оценивается результативность усилий, предпринимаемых в том или ином стратегическом направлении. Как правило, для оценки используют метод многоцелевой оптимизации.

2. Достижение нескольких показателей оптимальности, которые обеспечивают экономический рост и устойчивость ПС. Оптимальность — состояние системы, при котором обеспечивается достижение максимума или минимума значений каких-либо параметров. Поэтому такими показателями могут быть определенный уровень продаж и прибыли, определенная доля на рынке, определенный уровень издержек и др.

3. Соответствие жизненного цикла продукции и показателей предпринимательской деятельности, которые характеризуют позиции ПС в конкурентной среде. На стадиях разработки и внедрения показателями могут служить повышение качества разрабатываемого и внедряемого продукта, а также сокращение затрат на исследование продукта, его апробацию, подготовку рынка и внедрение в рыночную среду. На стадии роста целесообразно использование показателя прибыли, темпов роста объема продаж, так как эти показатели свидетельствуют о достаточно широком рыночном признании. На стадии зрелости в системе показателей доминирует прибыль, на стадии спада, завершающей жизненный цикл продукции, помимо показателя прибыли рассматриваются аналитические характеристики, отражающие вероятность возобновления спроса, и риски, обусловленные его неопределенностью и прогнозируемой длительностью периода, предшествующего новому всплеску спроса. Изменчивость результирующих показателей ПС в зависимости от стадии жизненного цикла продукции подразумевает возможность их комбинации, обусловленную структурными изменениями в зависимости от целей и задач предпринимательства [13].

Опираясь на вышеописанный процесс разработки и внедрения изменений, состоящий из анализа текущей ситуации и факторов, влияющих на деятельность ПС, выбора стратегии изменения, контроля за реализацией и внедрения, предложим модель процесса управления стратегическими изменениями (рис. 4).

Рис. 4. Модель процесса управления стратегическими изменениями (разработана авторами)

Модель, предложенная авторами, предполагает наличие шести последовательных этапов:

1) на организацию воздействуют внутренние и внешние силы, которые вызывают необходимость изменений;

2) менеджеры изучают эти воздействия и формируют портфель стратегических изменений;

3) осознанная потребность изменений позволяет выделить необходимые и инициируемые стратегические изменения;

4) производится оценка возможности и эффективности данных изменений;

5) изменения осуществляются;

6) и закрепляются на основе положительных результатов, то есть изменения становятся необходимым элементом организации.

Итак, уточнив термины «развитие» и «стратегическое планирование развития» и рассмотрев факторы, влияющие на развитие ПС, и этапы стратегического планирования, мы составили алгоритм анализа планирования стратегических изменений, что позволит ПС выявить сильные и слабые стороны своей деятельности, выбрать стратегии изменений, содержательно наполнить стратегии в соответствии с выбранной направленностью, формой и моделью развития, осуществить изменения во всех областях функционирования и отследить результат деятельности, скорректировать деятельность, если результат не оправдал ожидания, сформировать итоговый результат деятельности и, конечно, оценить эффективность этих изменений.

Критерии оценки уровня стратегического планирования развития ПС обеспечат инструментарий сопровождения стратегического планирования развития организации.

Таким образом, с учетом предложенной общей модели процесса управления стратегическими изменениями мы можем расширить возможности стратегического планирования развития или планирования стратегических изменений, позволить маневрировать ПС, учитывая воздействие внешней и внутренней среды, замечать необходимость стратегических изменений и с успехом их реализовывать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Малое и среднее предпринимательство в России — 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2014. 86 с.

2. Брыкалов С. М. Анализ ключевых показателей эффективности зарубежных промышленных предприятий: проблемы и направления развития // Проблемы современной экономики: мат. IV междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2015. С. 83—87.

3. Баринов В. А., Харченко В. Л. Стратегический менеджмент: учебник. М.: ИНФРА-М, 2006. 237 с.

4. Нечепуренко М. Н. Проблемы экономического развития предприятий // Вопросы экономических наук. 2006. № 1 (17). С. 23—25.

5. Новакова О. И. Экономическое развитие предприятия [Электронный ресурс]. URL: http://www.smartcat.ru/catalog/con_143_1.shtml> (дата обращения: 20.03.2015).

6. Маркина И. А., Угримова И. В. Реструктуризация как инструмент повышения стратегической устойчивости предприятия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 3 (24). С. 145—150.

7. Зуб А. Т. Стратегический менеджмент: теория и практика: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. 415 с. [Электронный ресурс]. URL:http://i-u.ru (дата обращения: 15.04.2015).

8. Горбунова Е. Г., Матушкин М. А. Стратегическое управление конкурентоспособностью производства в турбулентной среде // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 2 (31). С. 42—46.

9. Бухалков М. И. Внутрифирменное планирование: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. 400 с.

10. Фадеева Е. А., Маргарян А. А. Особенности стратегического управления малыми предприятиями в современных условиях // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 1 (30). С. 56—59.

11. Асаул А. Н. Организация предпринимательской деятельности: учебник. СПб.: АНО ИПЭВ, 2009. 336 с.

12. Коган А. Ф., Есенькин Б. С. Предпринимательство в книжном деле: учеб. пособие. М.: МГУП, 2003. 284 с.

13. Асаул А. Н., Владимирский Е. А. Закономерности и тенденции развития современного предпринимательства / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. Н. Асаула. СПб.: АНО ИПЭВ, 2008. 280 с.

REFERENCES

1. Small and medium business in Russia. 2014: statistical collection / Rosstat. M., 2014. 86 p.

2. Brykalov S. M. Analysis of key performance indicators of foreign industrial companies: problems and directions of development // Problems of modern economics: materials of IV International scientific conference (Chelyabinsk, February 2015). Chelyabinsk: Two Komsomolets, 2015. P. 83—87.

3. Barinov V. A., Kharchenko V. L. Strategic management: textbook. M.: INFRA-M, 2006. 237 p.

4. Nechepurenko M. N. Problems of economic development of enterprises // Problems of Economics. 2006. № 1 (17). P. 23—25.

5. Novakova O. I. Economic development of the enterprise [Electronic resource]. URL: http://www.smartcat.ru/catalog/con_143_1.shtml> (date of viewing: 20.03.2015).

6. Markina I. A., Ugrimova I. V. Restructuring as a strategic tool to improve sustainability of an enterprise // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 3 (24). P. 145—150.

7. Zub A. T. Strategic Management: theory and practice: textbook for higher schools. M.: Aspect Press, 2002. 415 p. [Electronic resource]. URL: http://i-u.ru (date of viewing: 15.04.2015).

8. Gorbunova E. G., Matushkin M. A. Strategic management of competitiveness of production in the turbulent medium // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. № 2 (31). P. 42—46.

9. Bukhalkov M. I. House planning: textbook. 2nd edition, revised and amended. M.: INFRA-M, 2003. 400 p.

10. Fadeeva E. A., Margaryan A. A. Features of strategic management of small enterprises in modern conditions // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. № 1 (30). P. 56—59.

11. Asaul A. N. Arrangement of entrepreneurship: textbook. St. Petersburg: ANO IPEV, 2009. 336 p.

12. Kogan A. F., Esenkin B. S. Entrepreneurship in book business: textbook. M.: MGUP, 2003. 284 p.

13. Asaul A. N., Vladimirsky E. A. Patterns and trends in development of modern business / edited by professor A. N. Asaul. St. Petersburg: ANO IPEV, 2008. 280 p.

УДК: 332.1
ББК 65.04

Kushkhova Bella Amirkhanovna,
candidate of economic sciences, associate professor,
associate professor of the department of real estate economy
and quality of Kabardino-Balkar State Agricultural
University named after V. M. Kokov,
Nalchik,
e-mail: bakucsh21@mail.ru

Кушхова Белла Амирхановна,
канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры
экономики недвижимости и качества
Кабардино-Балкарского государственного аграрного
университета им. В. М. Кокова,
г. Нальчик,
e-mail: bakucsh21@mail.ru

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ КАЧЕСТВА И УРОВНЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ НА ДИНАМИКУ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF QUALITY AND LEVEL OF TERRITORIAL DIFFERENCES ON THE DYNAMICS OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

В статье выдвинута гипотеза о растущем влиянии регионов на формирование среднесрочной и долгосрочной траектории роста национального хозяйства. Выявлена причина этого влияния, состоящая в наличии качественных и количественных территориальных различий. Предложены методические новации для оценки и измерения этих влияний, заключающиеся в дифференциации регионов по размеру ВРП, сопоставлении темпов роста ВРП и их среднеквадратического отклонения. Предложена и доказана эмпирически и теоретически гипотеза о пороговом характере влияния территориальных различий в формировании траектории роста регионального и национального хозяйства, состоящая в том, что чем больше размер ВРП территории, тем ниже вариация в темпах роста, и напротив, чем меньше региональная экономика, тем выше среднеквадратическое отклонение в темпах роста ее ВРП.

The hypothesis of a growing influence of the regions on the formation of medium-term and long-term trajectories of growth of national economy is stated in the article. The cause of this effect consisting in the presence of qualitative and quantitative territorial differences is determined. Methodical innovations for evaluation and measurement of these influences are proposed, which consist in differentiation of the regions in GRP size, comparison of GRP growth rate and their mean root deviation. Hypothesis about the threshold nature of influence of the territorial differences in the formation of regional and national economy growth path consists in the fact that the larger is the GRP value of the territory, the lower is the variation in growth rates and, vice versa, the smaller is the regional economy, the higher is the mean root deviation in the rate of growth of its GRP.

Ключевые слова: динамические тренды, структурные тренды, территориальные различия, качественные различия, количественные различия, оценка и измерения различий, региональное и национальное развитие, экономический рост, пороговость, дисперсия.

Keywords: dynamic trends, structural trends, territorial differences, qualitative differences, quantitative differences, assessment and measurement of differences, regional and national development, economic growth, liminality, dispersion.

В последнее время в научных теоретических и прикладных исследованиях большое внимание уделяется поиску факторов, разработке механизмов и проектированию будущей модели экономического роста в России [1; 2]. Утверждается, что сформированная в конце 1990-х — первой половине 2000-х модель экономического роста исчерпала себя еще в докризисный период. Нынче для полноценного развития страны необходимо создание новой модели роста. Различными авторами предлагаются основные контуры такой модели [3; 4; 5]. Обилие предложений, к сожалению, носит преимущественно фрагментарный несистемный эскизный характер. Впрочем, все это говорит о сложности задачи и о постепенном эволюционном характере формирования такой модели, то есть что такая модель формируется не разом, а постепенно в виде определенных блоков и конструкций. Однако уже очевидно, что в этой модели определенную нишу займет региональное развитие. Более того, некоторые авторы видят в регионах основную конструкцию будущей модели экономического роста и социально-политического развития России. Эти предположения подтверждаются также эмпирически (см. табл. 1).

Таблица 1

Соотношение динамики ВВП и ВРП за 2005—2013 годы

Параметры	2005	2008	2010	2011	2012	2013	Средние темпы роста, %	Дисперсия
ВВП (млрд руб.)	21610	41277	46309	55967	62218	66755		
Темпы роста, %	106,4	105,6	119,3	120,9	111,2	107,3	115,1	70,1
ВРП (млрд руб.)	18034	33909	37688	45392	49920	54010		
Темпы роста, %	129,1	121,3	117,5	120,4	110,0	108,2	114,7	114,6
Отклонение темпов роста ВРП от ВВП, +/-	22,7	15,7	-1,8	-0,4	-1,2		-0,4	

Таблица составлена по данным: [6; 7].

Визуальный анализ приведенных данных позволяет отметить ряд тенденций в динамике ВВП и ВРП страны. Первая — более высокая вариация темпов роста ВРП, чем в ВВП; дисперсия первого превышала дисперсию второго почти на 50 пунктов. Вторая — если с 2005 по 2009 год темпы роста ВРП превосходили темпы роста ВВП, то с 2010 года про-

явилась обратная тенденция — темпы роста ВВП опережали темпы роста ВРП. При этом следует указать на работу микротенденции внутри данной тенденции, состоящую в том, что с 2006 по 2008 год имело место постепенное (с темпом в 0,8 и 0,5%) снижение отклонения динамики ВРП от ВВП, которое в 2008—2009 годах приняло резкий спад (снижение отклонения составило более 6 раз). Что же касается превышения ВВП над ВРП, которое образовалось в 2010 году, то оно не превышает 2,0%. Сопоставляя отмеченные тенденции, можно сделать вывод о том, что до 2010 года основную динамику в национальном хозяйстве России формируют регионы; темпы роста валового регионального продукта опережали темпы роста валового внутреннего продукта. Однако с наступлением кризиса (2008—2010) динамика ВРП провисла сильнее, чем динамика ВВП. Если учесть структуру обоих показателей, то речь идет о том, что за счет роста государственных расходов было сглажено падение динамики национального хозяйства.

В связи с описанными тенденциями в динамике ВВП и ВРП возникает вопрос: чем объясняется более высокая динамика ВРП, чем ВВП до 2010 года, и почему она стала снижаться с 2010-го? Объяснению данного феномена в отечественной литературе посвящено большое количество исследований, в которых высказываются разные гипотезы, предлагается их доказательство. Одной из причин динамики ВРП и ее более быстрого роста до 2010 года и снижения с 2010 года называют территориальные различия и неравенства социально-экономического развития регионов [8; 9; 10]. Полученные доказательства, основанные на эмпирических статистических данных, однако, получили подтверждение не во всех аспектах. Полагаем, что главная причина недостаточной доказательности выдвинутого тезиса заключается в том, что авторы не учитывают качество территориальных различий, то есть какие факторы и условия их создают, а также пороговость этих различий и неравенств. А это, на наш взгляд, означает необходимость новых методических и даже теоретико-методологических подходов к исследованию данной проблемы. Все в совокупности обязывает провести исследование данного феномена регионального социально-экономического развития, который будет в ближайшей, среднесрочной и отдаленной перспективе формировать экономический рост России, на новой теоретико-методологической основе.

Прежде всего заметим, что территориальные различия и неравенства формируются совокупностью естественных (природных) и искусственных факторов и условий, каковыми выступают: географическое местоположение, климатические, природные, погодные условия, состояние производительных сил, институтов, демографии и т. д. Все перечисленные факторы по-разному влияют на территориальную социально-экономическую динамику страны. В одном случае они формируют основные и самостоятельные тренды, в другом — участвуют в сложившихся тенденциях. Кроме того, качество участия в формировании территориальной динамики определяется темпами роста этой динамики, а также наличием территориальных различий по каждому фактору и условию. В одном случае, при наличии высокой динамики, влияние того или иного фактора оказывается ничтожным, оно погашается общей динамикой, в другом же, напротив, даже ничтожное влияние фактора становится решающим для самой экономической динамики. Причина, по которой имеет место данная ситуация, на наш взгляд, заключается в существовании двух качественных особенностей в архитектуре территориальной динамики: а) наличие свойства замещаемости факторов и б) наличие свойства автономности или непроницаемости факторов. В первом случае различные факторы трансформируются друг в друга, такое происходит в условиях дефицита одного фактора и профицита другого. Дефицитный фактор замещается профицитным. Например, дефицит трудовых ресурсов замещается техникой, и напротив, дефицит техники замещается излишком рабочих рук. То же самое относительно сырья и материалов, но при этом данное замещение осуществляется в определенных пропорциях. Во втором случае между факторами не происходит обмена, ему препятствует наличие своеобразных непроницаемых перегородок. Поэтому избыток какого-либо фактора не ведет к замещению недостаточного фактора. В системе как бы образуется ресурсное равновесие. Например, дефицит земельных ресурсов невозможно заменить избытком рабочих рук или же техники (тракторов, машин, оборудования). Между различными ресурсами должен существовать определенный паритет. Здесь, как заметил К. Маркс, еще не найдено способа ловить рыбу в водоеме, в котором она не водится.

Посмотрим, как согласуются данные положения с эмпирическими данными. Изучим динамику валового регионального продукта (ВРП) в зависимости от качества и размера территориальных различий. Для чего, во-первых, проведем группировку регионов по объему ВРП, во-вторых, ранжирование регионов по темпам роста. Проведенные расчеты позволили выявить следующие основные динамические и структурные тенденции в динамике ВРП, вызванные качеством и размером территориальных различий.

Первая — между размером ВРП и динамикой его роста (по цепному темпу роста) наблюдается высокая корреляция. Причем по мере снижения размера ВРП значение коэффициента корреляции снижается.

Вторая — вариация в динамике роста ВРП по регионам заметно менялась по периодам. В 2008—2009 годах имел место спад в темпах роста, снизились также показатели вариации (дисперсия и коэффициент вариации); в 2009—2010 годах, когда имел место подъем темпов роста ВРП, наблюдался также рост параметров вариации (дисперсии и среднеквадратического отклонения); в 2011—2013 годах, когда имела место относительная стабилизация ВРП, наблюдается незначительная динамика и в параметрах вариации.

Третья — наблюдаются вариации в различных группах регионов. В частности, темпы роста ВРП и динамика дисперсии в группе мелких регионов проявляли высокую синхронность. Напротив, в группе крупных регионов наблюдается снижение показателя среднеквадратического отклонения. К тому же он оказывается ниже, чем аналогичный показатель в предыдущей группе регионов.

Полагаем, что эти эмпирические индикаторы свидетельствуют о влиянии качества и размера территориального неравенства на динамику регионального развития. Правда, данная взаимосвязь по-разному проявляет себя на разных уровнях регионального хозяйства страны. В регионах «мелких экономик» наблюдалась более сильная зависимость динамики их ВРП от внутренней и внешней конъюнктуры. Этим объясняются высокие значения вариации по большинству макропоказателей. Напротив, для регионов с «большими» экономиками динамика ВРП оказалась более консервативной, и поэтому вариации основных макроэкономических показателей в них оказываются менее высокими.

Дифференциация региональных хозяйств по размеру ВРП показала, что в разных группах соотношение между темпами роста ВРП и среднеквадратическим отклонением оказывается

разной, но в целом имеет тенденцию к росту. Последнее может быть интерпретировано как взаимосвязь между названными параметрами региональной системы. Можно предположить два возможных варианта объяснения данного явления. Одно связано с дальнейшей дифференциацией регионов по предложенным критериям. Другое — изучение данного явления в контексте влияния вариации территориальной неоднородности концентрации различных ресурсов на динамику регионального и национального хозяйства [11; 12; 13; 14].

Однако анализ статистических данных показывает, что углубление дифференциации регионов по признаку размера ВРП не подтверждает предположение о непосредственном влиянии размера территориальных неравенств на динамику ВРП, то есть сопоставление среднеквадратического отклонения в темпах роста ВРП с аналогичным показателем по отклонениям региональных ВРП от среднего ВРП (что формально выглядит следующим образом: $\delta_{T/ВРП}$ и $\delta_{ВРП}$) не выявило существенной взаимосвязи, а значит, и динамики регионального развития национального хозяйства страны. Дело в том, что в отдельных группах регионов оно вовсе не проявилось. На это указывает значение коэффициента корреляции между исследуемыми явлениями. По нашему мнению, такое положение объясняется низкими вариациями в различиях между реальным ВРП и средним значением ВРП. Статистические данные указывают на то, что стремление к минимизации отклонений происходит с ростом размера региональной экономики. Установлено, что чем больше размер экономики (для чего использовался показатель ВРП), тем ниже вариация в отклонениях реального ВРП и среднего его размера по национальному хозяйству. Кроме того, крупные региональные хозяйства демонстрировали также и более низкие темпы роста ВРП. Напротив, мелкие региональные хозяйства (как, например, Ингушетия, КЧР, Калмыкия и т.п.) демонстрировали, во-первых, высокие годовые вариации в отклонениях, и во-вторых, высокие вариации в темпах роста ВРП. Кроме того, в группах мелких региональных хозяйств корреляция между темпами роста и отклонениями размера региональной экономики оказалась выше, чем в группах крупных и средних региональных хозяйств. Это, на наш взгляд, указывает на явное и сильное влияние качества и размера вариации территориальных неравенств на динамику развития регионального и национального хозяйства.

Проведенный расчет региональных отклонений, их ранжирование и группировка показали, что уровень отклонений оказывает разное влияние на динамику регионального развития. Причем не всегда там, где имел место более высокий уровень региональных отклонений, оказался более высокий темп роста регионального хозяйства (ВРП). В группе регионов, которая представлена преимущественно мелкими региональными хозяйствами, имели место сильные вариации как по показателю уровня отклонений, так и по показателю темпов роста ВРП. Но при этом там, где уровень отклонений был более низким, темпы роста оказывались низкими или умеренными. Эту группу регионов формировали, как правило, крупные регионы (большим размером ВРП). При этом замечено, что сам уровень региональных отклонений зависит от размера (ВРП) региональной экономики. В тех группах, где имеет место больший размер региональной экономики, изменение отклонений (их увеличение больше рационального размера) начинало негативно влиять на динамику регионального и национального хозяйства. Оно начинало тормозить экономический рост. Однако и слишком низкие вариации также негативно сказывались (проявляя торможение) на динамике регионального роста (темпах роста ВРП). Характерно, что эти явления наблюдаются не только в группе крупных региональных хозяйств, но и в целом по региональному аспекту национальной системы. При этом следует иметь в виду, что влияние малых по размеру региональных систем на общий тренд национального хозяйства не было столь значительным, как больших региональных экономик (в которые входят московская, тюменская (вместе с ХМО и ЯНАО), подмосковная, татарстанская, свердловская, красноярская и ряд других). Правда, внутри группы малых региональных экономик вариации в них оказывали влияние на траекторию роста. Что же касается влияния больших и средних региональных хозяйств на динамику региональной системы национального хозяйства, то оно оказывается противоречивым. С одной стороны, именно крупные и средние региональные хозяйства выступают локомотивом развития регионального и национального хозяйства. С другой стороны, вариации внутри группы больших экономик расшатывали траекторию роста регионального и национального хозяйства сильнее, чем вариации в группах средних и мелких экономик. Отдельные авторы объясняют эту особенность так называемом «эффектом массы или размера» и логики: чем крупнее экономика, тем ниже ее вариация [9]. Однако при всей теоретической привлекательности данное предположение не находит своего безусловного эмпирического подтверждения. По-видимому, проблема «сбоя» заключается в пороговости вариации. Объясним, в чем суть.

Между уровнем и качеством территориальных различий и темпами роста национального хозяйства наблюдается положительная зависимость. Однако для различных уровней территориальных различий темпы роста оказываются разными. Причем важно отметить, что нет прямой зависимости типа: чем выше/ниже уровень территориальных различий, тем выше/ниже темпы роста национального хозяйства. Причину неравномерности размерности роста от уровня территориальных различий мы видим в неоднородности региональной структуры национального хозяйства, то есть доли различных по размеру и типологии (мелких, средних, крупных и гигантских) региональных хозяйств. Замечается, что с увеличением доли мелких и средних региональных хозяйств темпы роста национального хозяйства выше, чем при увеличении доли средних и крупных. Кроме того, при переходе порогового уровня регионального хозяйства с мелкого к среднему, а последнего к крупному происходит снижение в нем темпов роста. Обратное — от крупных к средним, а от последних к мелким — также наблюдается, но с меньшей вариацией. Это, в свою очередь, сказывается на общей динамике национального хозяйства.

Обобщение расчетов и их логическое объяснение позволяет отметить, что, во-первых, в современных условиях (вызванных санкциями и продовольственным эмбарго) решающим фактором роста национального хозяйства становятся регионы; от них будет зависеть средне- и долгосрочная динамика национального хозяйства; во-вторых, наличие взаимосвязи между территориальными различиями и темпами роста национальной и региональной экономик; в-третьих, с ростом территориальных различий в одних (мелких и средних региональных экономиках) группах регионов происходит ускорение макрорегиональной динамики, в других (средних, крупных и сверхкрупных) такой динамики не наблюдается; в-четвертых, снижение территориальных различий в группе мелких и средних регионов тормозит региональную динамику, а в средних, крупных и сверхкрупных почти не проявляется.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Улюкаев А., Мау В. От экономического кризиса к экономическому росту, или Как не дать кризису превратиться в стагнацию // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 5—19.

2. Рахаев Б., Бизенгин Б. Критерии и императивы экономического развития: что определяет экономическое развитие, как и за счет чего можно добиться экономического доминирования // Общество и экономика. 2013. № 9. С. 5—40

3. Князев Ю. Перспективы российской экономики: шанс на ускорение // Общество и экономика. 2014. № 1—2. С. 25—38.

4. Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 4—36.

5. Будущее России: собственная, особая экономическая модель / Б. Рахаев и др. // Общество и экономика. 2012. № 9. С. 5—24.

6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

7. Россия в цифрах. 2014: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2014. 558 с.

8. Почему одни регионы богаты, а другие бедны и почему богатые богатеют, а бедные беднеют? / Х. М. Рахаев и др. М.: Экономика, 2014. 372 с.

9. Имеет ли значение размер региональной экономики для темпов ее роста? / Ф. М. Седум и др. // Экономические науки. 2014. № 2. С. 84—88.

10. Трофимов Е. А., Рахаев Б. М., Калабекова К. А. Влияние территориального неравенства на экономический рост национального хозяйства // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 3. С. 12—19.

11. Влияет ли концентрация и структура полезных ископаемых на динамику социально-экономического развития территории? / Б. А. Барагунова и др. // Экономика и предпринимательство. 2015. № 4. Ч. 2. С. 287—290.

12. Шомахова М. Х., Барагунова Б. А., Бозиева А. Р. Малое предпринимательство как фактор и условие снижения территориальных региональных различий и противоречий в уровне и качестве развития // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 2 (31). С. 170—174.

13. Коростышевская Е. М., Плотников В. А. Региональная политика: к вопросу о выборе приоритетов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 128—134.

14. Ахунов Р. Р. Конкурентоспособность региона как результат реализации его воспроизводственного потенциала // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 140—144.

REFERENCES

1. Ulyukaev A., Mau V. From economic crisis to economic growth, or how not to let the crisis convert into stagnation // Issues of economy. 2015. № 4. P. 5—19.

2. Rakhaev B., Bizengin B. Criteria and imperatives of economic development: what determines economic development, how and through what you can achieve economic dominance // Society and economy. 2013. № 9. P. 5—40.

3. Knyazev Yu. Prospects of the Russian economy: a chance to speed up // Society and economy. 2014. № 1—2. P. 25—38.

4. Kudrin A., Gurvich E. New model for growth of Russian economy // Issues of economics. 2014. № 12. P. 4—36.

5. The future of Russia: private, special economic model / B. M. Rakhaev, et al. // Society and economy. 2012. № 9. P. 5—24.

6. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2014 / Rosstat. M., 2014. 900 p.

7. Russia in figures. 2014: statistical collection. / Rosstat. M., 2014. 558 p.

8. Why some regions are rich, and others are poor and why the rich ones get richer and the poor ones get poorer? / Kh. M. Rakhaev, et al. M.: Economics, 2014. 372 p.

9. Does the size of the regional economy matter for the rates of its growth? / F. M. Sedum, et al. // Economic science. 2014. № 2. P. 84—88.

10. Trofimov E. A., Rakhaev B. M., Kalabekova K. A. Influence of spatial inequality on economic growth of national economy // Materials of the Irkutsk State Academy of economics. 2014. № 3. P. 12—19.

11. Does the concentration and structure of minerals affect the dynamics of socio-economic development of the territory? / B. A. Baragunova, et al. // Economics and entrepreneurship. 2015. № 4. P. 2. P. 287—290.

12. Shomahova M. Kh., Baragunova B. A., Bozieva A. R. Small business as a factor and condition reducing territorial differences and contradictions of the level and quality of development // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. № 2 (31). P. 170—174.

13. Korostyshev E. M., Plotnikov V. A. Regional policy: towards the issue of priorities // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 4 (29). P. 128—134.

14. Akhunov R. R. Region's competitiveness as a result of the implementation of its reproductive capacity // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 4 (29). P. 140—144.

УДК 37
ББК 74.04

Alexeeva Olga Sergeevna,
candidate of economic sciences,
associate professor of the department
of economic theory and labor economics
of Saratov State Technical University
named after Yu. A. Gagarin,
Saratov,
e-mail: lex0812@rambler.ru

Otstavnova Lilia Alexeevna,
candidate of economic sciences,
associate professor of the department
of economic theory and labor economics
of Saratov State Technical University
named after Yu. A. Gagarin,
Saratov,
e-mail: liliotstav69@yandex.ru

Алексеева Ольга Сергеевна,
канд. экон. наук, доцент кафедры
экономической теории и экономики труда
Саратовского государственного
технического университета
им. Ю. А. Гагарина,
г. Саратов,
e-mail: lex0812@rambler.ru

Отставнова Лилия Алексеевна,
канд. экон. наук, доцент кафедры
экономической теории и экономики труда
Саратовского государственного
технического университета
им. Ю. А. Гагарина,
г. Саратов,
e-mail: liliotstav69@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

INFLUENCE OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF EDUCATION ON THE HUMAN CAPITAL FORMATION

В статье рассмотрено влияние инновационного развития системы образования на формирование человеческого капитала, выявлены сущность и роль понятия «инновации в образовании», выделены признаки, предложены классификация и предпосылки внедрения. Приведена авторская трактовка инновационного процесса в сфере образования, выявлены основные противоречия его осуществления. Перечислены виды инновационных образовательных учреждений, даны их характеристики. Дано определение понятия социальных инвестиций. Рассмотрена роль реального сектора экономики в инвестировании инноваций в сфере образования, выделены риски. Предложены перспективы и результаты развития инноваций в образовательной системе.

Influence of innovative development of the system of education on the human capital formation is examined in article. The essence and the role of the concept of innovations in education are revealed; the signs are distinguished; and the classification and prerequisites of introduction are proposed. The author's interpretation of the innovative process in education is given. The main contradictions of its implementation are revealed. Types of innovative educational institutions are listed, their characteristics are given. Definition of the concept of social investments is given. The role of the real sector of economics in investment of innovations in education is studied; risks are allocated. Prospects and results of development of innovations in educational system are proposed.

Ключевые слова: инновации, образование, человеческий капитал, эффект, эффективность, нововведение, образовательное учреждение, инновационная деятельность, инновационный процесс, образовательный стандарт, инвестиции, социальные инвестиции.

Keywords: innovations, education, human capital, effect, efficiency, innovation, educational institution, innovative activity, innovative process, educational standard, investments, social investments.

В инновационной экономике, основанной на знаниях, особое внимание уделяется аналитическим навыкам человека, способного быстро находить нужную информацию, анализировать ее, формулировать гипотезы, решать сложные задачи. Знания и информация позиционируются как ключевой ресурс, становясь важнейшим фактором прогресса социально-экономического развития [1]. Особенно ценятся способности работника к общению, адаптации к переменам, к выполнению командной работы, творческий подход, умение предвидеть критические ситуации, находчивость. Приобретение большинства из этих способностей формирует человеческий капитал, являющийся доминирующим фактором при формировании инновационной экономики, и вызывает необходимость тесной взаимосвязи точных и гуманитарных наук, что позволит расширить базу знаний учащихся и сформировать у них способность к обучению. Важным моментом при этом является интегрированное образование, заключающееся в сочетании теоретических базовых знаний с практическими умениями, приобретаемыми на рабочих местах предприятий, а инновационный путь развития образования выражается в поощрении творческой деятельности учащихся, их участия в научно-исследовательских работах, накопления практических навыков.

Достаточно продолжительное время в специализированной литературе инновации рассматривались в аспекте экономических исследований. При этом большинство современных авторов склоняются к трактовке понятия инновации как системы взаимосвязанных элементов, образованной в процессе создания и использования результатов научных исследований и разработок, целью которых является достижение экономии затрат, получение различных эффектов во всех сферах жизнедеятельности общества [2].

В настоящее время возникла потребность исследования

инновационных процессов в других сферах жизни общества, в том числе в социальной. Не остается без внимания и система образования, ставшая одним из основных направлений для привлечения новых информационных технологий, методов и средств обучения, глобальных стратегий современного инновационного развития во многих экономически развитых странах. Это связано с тем, что в современных условиях мировое сообщество стремится к созданию глобальной стратегии образования каждого человека независимо от места его проживания, уровня образования, мировоззрения.

В соответствии со статьей 20 «Экспериментальная и инновационная деятельность в сфере образования» Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [3] инновационную деятельность необходимо ориентировать на постоянное совершенствование учебно-методического, научного, педагогического, финансово-экономического, материально-технического, правового и кадрового обеспечения системы образования и осуществлять путем реализации инновационных проектов организациями, ведущими образовательную деятельность.

По мнению ряда авторов [4], различные новшества в образовательной среде рационально объединить в рамки понятия «инновации в образовании» или «образовательные инновации» и заложить в основу изучения образовательных инноваций положение, согласно которому инновация является результатом создания и воплощения любого новшества.

Сущность понятия инновации проявляется как следствие социально-технологических процессов в деятельности человека, поэтому различают:

— технологические инновации, связанные с разработкой новых технологий, их усовершенствованием, применением новых видов технологической оснастки и оборудования [5];

— социальные инновации, направленные на удовлетворение социальных потребностей человека в сфере условий труда, образования, здравоохранения с целью улучшения жизни как отдельного человека, так и всего общества в целом [6];

— экономические инновации, представляющие собой новые экономические механизмы, связанные с совершенствованием бухгалтерско-финансовой сферы;

— организационные инновации, предусматривающие создание или совершенствование организации и управления персоналом, трудовыми процессами, всем производством.

Применительно к образованию инновация означает распространение нового в целях, содержании, методах, формах и организации обучения, что в конечном итоге должно способствовать обновлению и реорганизации всего общества. Таким образом, под инновациями в образовании целесообразно понимать итог процесса создания, разработки или внедрения принципиально новых, ранее не использовавшихся и не существовавших способов, средств и методов удовлетворения потребностей в образовательных услугах, приносящий социально-экономический эффект от его использования.

Анализ инноваций в образовании состоит из исследований достижений в области науки и техники на современном этапе развития экономики и в сфере управления системой образования.

При внедрении инноваций в систему образования, равно как и в другие сферы жизни общества, экономики, имеет место инновационный процесс, выраженный в виде совокупности различных состояний инноваций, чередующихся в момент преобразования начального состояния в итоговое на разных уровнях управления.

Под инновационным процессом в системе образования авторы понимают комплексный процесс создания, распространения, внедрения форм, методов, способов ведения образовательного процесса, форм и видов образовательных учреждений, иных усовершенствований, обладающих принципиальной новизной и способных более полно удовлетворить общественные потребности в образовательных услугах.

Инновационные процессы в сфере образования представляют собой интегрирующий базис для развития и совершенствования научных знаний и практического опыта, а также поддерживают ведущую роль новаторской деятельности.

На наш взгляд, целесообразно предложить классификацию инноваций в образовании по следующим признакам:

1. По формам и методам образования: новейшие образовательные программы, формы организации образовательного процесса, методики обучения, инновационные приемы и подходы к ведению образовательного процесса.

2. По уровню инновационного образовательного учреждения (ИОУ), к которым нами предлагается относить:

— ИОУ высшего образования, примером которых могут служить различные университеты и институты;

— ИОУ среднего образования, такие как гимназии, школы;

— ИОУ дошкольного образования;

— ИОУ повышения квалификации.

3. По средствам ведения образовательного процесса (компьютерные технологии, технологии виртуальной реальности, видео- и аудиообеспечение).

4. По масштабу преобразований различают единичные, локальные, комплексные и системные нововведения.

5. По инновационному потенциалу выделяют радикальные и комбинаторные преобразования, а также нововведения, связанные с рационализацией и усовершенствованием образовательного процесса.

6. По отношению к своему предшественнику нововведения делятся на отменяющие, замещающие, открывающие.

Как показывают современные исследования, в целях обеспечения успеха инновационной деятельности необходимо, чтобы инновация отвечала определенным критериям, имела характерные признаки. Инновации в системе образовании, как и любой другой вид инноваций, должны иметь характерные признаки новизны.

Так, на наш взгляд, целесообразно предложить следующие признаки инновации в образовании (табл. 1).

Таблица 1

Признаки инновации в образовании

Признак инновации	Описание признака
1. Уникальность	Итог внедрения новшества для потребителей является отличным от уже имеющегося аналога или ранее не существовавшим
2. Значимость	Инновация оценивается потребителями как необходимая, наиболее целесообразная в конкретное время, несущая положительные последствия для каждого человека и для всего общества в целом
3. Разновидность социальной инновации	Форма активизации и развития человеческого капитала и его влияния на хозяйственную, социальную и культурную деятельность экономики страны
4. Ликвидность	Возможность реализации новшества и его распространения во все сферы хозяйственной деятельности

Окончание табл. 1

Признак инновации	Описание признака
5. Прямой характер воздействия на индивида	Непосредственное воздействие на каждого индивида и его человеческий капитал в процессе получения образования
6. Многосубъектная целевая ориентация	Субъектами инноваций в образовании могут быть индивиды или их группы, предприятия всех форм собственности и сфер деятельности, государственные органы
7. Масштабность	Инновации в образовании охватывают все сферы экономической деятельности и распространяются на различных уровнях управления

Кроме того, инновационные образовательные учреждения имеют соответствующие характеристики, определяющие их как инновационную макроэкономическую систему (табл. 2).

Таблица 2

Характеристика инновационного образовательного учреждения

Наименование характеристики	Сущность характеристики
1. Цели	— обеспечение экономической эффективности образования и ее повышение; — достижение социальной эффективности образовательных услуг для потребителей всех уровней
2. Средства	— передовые технологии образовательного процесса; — организация процесса образования на инновационной основе; — новейшие способы обучения, такие как мастер-классы, индивидуальные занятия
3. Возможности внедрения	— поддержка со стороны государства; — общественная поддержка; — поддержка с помощью законодательной базы; — поддержка реального сектора экономики
4. Результаты	— эффект с экономической точки зрения, направленный на снижение безработицы, увеличение занятости, уменьшение затрат на потребление образовательных услуг; — социальный эффект в виде предоставления возможности получения образования лицам с ограниченными возможностями для последующего их трудоустройства

Количество организаций высшего образования, выполняющих исследования и разработки, с 2000 по 2011 год увеличивается в 1,5 раза (рис. 1).

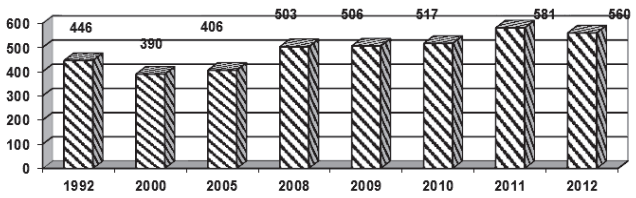


Рис. 1. Организации высшего образования, выполняющие исследования и разработки [7]

Главной целью внедрения инноваций в систему образования является достижение ее максимального соответствия требованиям современного человека в процессе формирования человеческого капитала.

Инновационная система образования должна не только обеспечивать знаниями, но и формировать потребность в самостоятельном обучении в течение всей активной жизни индивидуума. Образование все чаще рассматривается как главное направление формирования человеческого потенциала и общественной модернизации [8], поэтому современная образовательная система должна отвечать требованиям открытости, способности предоставлять человеку различные виды образовательных услуг, позволять вести непрерывное обучение и обеспечивать возможность доступа широким слоям населения к получению необходимого уровня образования. Так, если в 1993/1994 учебном году, по статистическим данным, выпускников со средним профессиональным образованием было выше на 100 тыс. чел., то с 2000 года тенденция меняется: преобладают выпускники высших учебных заведений, причем этот разрыв с каждым годом увеличивается, достигая своего максимального значения в 2012/2013 учебном году — 2,94 раза (рис. 2).

Динамика количества выпускников имеет волнообразный характер, увеличиваясь к 2005/2006 учебному году до 684 тыс. чел. со средним профессиональным образованием и к 2010/2011 учебному году до 1468 тыс. чел. с высшим образованием. Затем для обеих групп наблюдается снижение численности.

Рис. 2. Выпущено специалистов с высшим и средним профессиональным образованием, тыс. чел. [7]

Сложившаяся на данный момент система образования содержит в себе многообразие форм и методов обучения при одновременном появлении элементов эксклюзивности, элитарности образования, ограничивающих доступ к нему слабозащищенных категорий населения, что отрицательно сказывается на возможности получения образования этими категориями.

Инновационная экономика предъявляет определенные требования к образовательному процессу:

1. Модернизация системы образования, предусматривающая использование современных методов и технологий обучения для формирования таких компетенций инновационной деятельности у человека, как непрерывное развитие творческого аналитического и критического мышления и его дальнейшее совершенствование, накопление и использование нового знания, поиск и анализ различной информации, приобретение навыков индивидуальной и коллективной работы. Для достижения этих целей в образовательных учреждениях необходимо внедрить кредитно-модульные технологии с индивидуальным подходом к каждому обучающемуся.

2. На основе современного мирового уровня научно-

технологических знаний актуализация содержания образовательных программ, заключающаяся в расширении взаимосвязей образовательных учреждений с высокотехнологичными предприятиями, что позволит сформировать у учащихся управленческие и технические компетенции и получить навыки управления производством, инжиниринга, логистики, системного проектирования.

3. Международная интеграция образования, означающая освоение учащимися образовательных программ по иностранным языкам, повсеместное применение международных стандартов, расширение международной академической мобильности преподавателей и студентов.

4. Расширение участия инновационного бизнеса в формировании и реализации образовательных программ, взаимодействие образовательных учреждений и предприятий с целью создания филиалов кафедр на предприятиях, с одной стороны, и обучения будущих специалистов или переподготовки действующих работников — с другой.

5. Реализация программы подготовки управленческих кадров нового поколения в ведущих международных университетах.

6. В отраслевых центрах повышения квалификации создание эффективных тренинг-программ, помогающих развитию инновационных предприятий [6].

Сегодняшняя же система образования состоит из множества противоречий, которые, в свою очередь, затрудняют процесс внедрения инноваций. Среди главных противоречий целесообразно выделить следующие:

— несоответствие между реальными потребностями обучающихся и существующими образовательными стандартами;

— малоэффективная политика управления образовательной системой, отрицательно влияющая на отношение молодого поколения к образованию как таковому;

— образовательная политика осуществляется стихийно, вызывая ряд разрушительных последствий в системе образования;

— изменение правил и стандартов в образовании, повлекшее за собой нарушение в организации учебного процесса;

— стихийное развитие научной базы лишь в меньшей мере соответствует действительным познавательным возможностям обучающихся;

— существующие образовательные стандарты не рассчитаны на развитие творческого потенциала индивидуумов, что противоречит потребности общества в людях с развитыми творческими способностями;

— несоответствие между доступным обучением по одной конкретной специальности или направлению и задачей разностороннего развития личности обучающегося.

Исходя из перечисленных противоречий целесообразно сформулировать ряд существующих в современной образовательной системе проблем, затрудняющих инновационные процессы:

— застойные явления в образовательной системе, связанные с фактическим отсутствием новизны в образовательном процессе;

— отсутствие механизмов управления инновационным процессом в образовательной сфере;

— отсутствие методологических основ разработки и внедрения инноваций;

— быстрое устаревание знаний, связанное с низкой скоростью обновления информации в процессе ее передачи от преподавателя к обучаемому традиционными способами обучения;

— проблема нехватки молодых специалистов в образовательной сфере;

— низкая заинтересованность учебным процессом у обучающихся как следствие однотипности построения занятий;

— недостаточное финансирование;

— малый опыт инновационной деятельности в условиях конкуренции среди учреждений образования;

— низкая инвестиционная привлекательность;

— узкая направленность образовательного процесса.

В качестве основных предпосылок или факторов, обусловливающих необходимость внедрения инноваций в образовательной сфере, на наш взгляд, рационально выделить следующие:

— экономические и социальные преобразования, проявляющиеся на современном этапе развития экономики, вызывают необходимость значительного обновления системы образования в части методологии и технологии организации образовательного процесса различных учебных заведений;

— непрерывное изменение состава и объема учебных дисциплин требует поиска, освоения и внедрения новых технологий и форм обучения, перенося основной акцент на знания и умения педагогического состава;

— предоставление свободы преподавателям к освоению и применению образовательных инноваций, приемов и способов образовательной деятельности;

— появление новых типов учебных заведений увеличивает конкуренцию на рынке образовательных услуг, побуждая их повышать свою конкурентоспособность;

— международные и российские нормативно-правовые акты, законодательство, закрепляющее право на получение качественного и доступного образования каждым индивидом;

— недостаточно эффективная действующая система образования;

— недостаточная обеспеченность существующих образовательных институтов финансовыми, материальными и иными ресурсами;

— международный опыт внедрения инноваций в образовательной сфере;

— возможность привлечения инвесторов из реального сектора экономики;

— необходимость обеспечения доступности образовательной услуги всем ее потенциальным потребителям;

— возможность достижения явных экономических и социальных последствий и результатов: рост производительности труда, сокращение числа безработных, вовлечение родителей, имеющих детей-инвалидов, в число занятых, рост совокупного человеческого капитала страны, повышение качества образовательных услуг, снижение риска бедности и др.

Инновации в образовании взаимосвязаны с преобразованиями в содержании образования: в структуре образовательных институтов, в организации и технологии учебно-воспитательных процессов, методах и средствах обучения. В то же время инновации затрагивают и сам механизм управления образовательной системой. Поэтому в существующих условиях инновационная деятельность в сфере образования становится главным инструментом повышения качества и конкурентоспособности образования.

В развитии инновационного образовательного процесса можно выделить несколько уровней, первый из которых является стратегическим, ориентированным на доступность образования, переход к многоуровневой системе, возможность обучения на протяжении всей жизни, подготовку универсальных специалистов, востребованных на мировом рынке труда. Второй уровень проявляется в деятельности конкретного образовательного учреждения в виде использования информатизационных технологий, применения менеджмента качества в соответствии с требованиями стандартов, модернизации учебно-технической базы, гибкого учебного процесса, ориентированного на быстро меняющиеся требования рынка труда. Третий уровень характеризует инновационную деятельность преподавательского состава, выражающуюся в изыскании и применении новых технологий обучения, адаптации к нововведениям, распространении инноваций в конкретных условиях.

Современная образовательная система, несомненно, требует обновления на всех уровнях. В свою очередь, это требует достаточного количества вложений. С учетом того, что в последнее десятилетие роль государства в финансировании образовательной системы существенно снижается, возникает вопрос о привлечении дополнительных финансовых и инвестиционных средств со стороны реального сектора экономики. В этом случае реальный сектор может выступить основным перспективным источником инвестиционных средств для развития инноваций в образовательной сфере. Кроме того, согласно результатам исследований ряда авторов, инвестирование социальной сферы, в том числе сферы образования, является основой корпоративной социальной ответственности бизнеса [9].

Инвестиции в образовательную сферу, в том числе в развитие инноваций в ней, относятся к разновидности социальных инвестиций, под которыми принято понимать долгосрочные вложения денежных и других средств, осуществляемые субъектами экономической системы в отрасли социальной сферы с целью повышения качества и уровня жизни населения или отдельных его групп, удовлетворения потребностей в социальных услугах, способные приносить экономический и иной эффект.

Осуществление социального инвестирования преимущественно в образовательную сферу способствует, на наш взгляд, усилению государственной поддержки инвесторов, формирует имидж и репутацию организаций, осуществляющих социальное инвестирование, способствует получению ими налоговых льгот, усиливает их конкурентоспособность.

Риски инвестирования в образовательную сферу со стороны реального сектора экономики связаны с наличием ряда негативных факторов, среди которых значительный вес имеют следующие:

— фактическое отсутствие государственного стимулирования потенциальных инвесторов;

— кризисные явления в экономике;

— замедленный процесс понимания эффективности инвестиций в социальную сферу;

— стремление потенциальных инвесторов к получению быстрой выгоды, а не ожидание отсроченного эффекта;

— риски, связанные с отсутствием четких механизмов инвестирования социальной сферы.

В то же время вложения в образовательную сферу со стороны частного сектора способствуют достижению наиболее полного удовлетворения потребностей в образовательных услугах, развитию и реализации инновационных технологий в образовании, а также реализуют интересы государства в сфере образования и способствуют росту экономики.

В условиях возникновения кризисных явлений в экономике страны целесообразно развитие системы долевого участия реального сектора экономики в инвестировании инноваций в сфере образования.

В Стратегии инновационного развития России на период до 2020 года предлагается внедрять технологические и организационные инновации в социальной сфере и общественном секторе, что позволит улучшить качество услуг для населения, сократить сроки предоставления, обеспечить их доступность и обратную связь в отношении контроля качества и своевременности оказания услуг. Для осуществления этой цели необходимо разрабатывать концепции развития с элементами инновационности в сферах здравоохранения, культуры, социального обслуживания, образования, а также максимально отражать приоритеты инновационного развития в государственных программах конкретных секторов экономики, формируя при этом систему непрерывного образования и управления знаниями [10].

В качестве основных перспектив и результатов развития инноваций в образовательной системе, на наш взгляд, целесообразно выделить следующие:

1. Повышение конкурентоспособности образовательных учреждений, преимущественно вузов.

2. Повышение качества обучения за счет внедрения организационных, технологических и социальных инновационных разработок.

3. Решение проблемы привлечения в сферу образования молодых кадров.

4. Повышение доступности образовательных услуг для социально незащищенных слоев населения.

5. Повышение заинтересованности учебным процессом у обучающихся как один из основных факторов формирования необходимых компетенций.

6. Повышение инвестиционной привлекательности образовательной сферы для реального сектора экономики.

7. Решение проблемы разностороннего развития творческого потенциала индивидуумов.

8. Расширение точек взаимодействия разработчиков образовательных стандартов с предприятиями и организациями реального сектора экономики в части формирования необходимых при трудоустройстве компетенций у выпускников образовательных учреждений.

9. Разработка программ по реализации инноваций в образовательной системе на уровне регионов.

Таким образом, обобщая вышесказанное, целесообразно заметить, что инновации являются одним из основополагающих факторов устойчивого развития современной образовательной системы. Наряду с этим формирование экономики, основанной на знаниях, неосуществимо без перехода всей сферы образования на инновационный путь развития. Нововведениями должны быть затронуты все элементы образовательного процесса, все институты образовательной системы.

Состояние инновационных процессов в образовательной сфере позволяет сделать вывод о том, что фактически они являются малоуправляемыми, недостаточно подготовленными и разрозненными. Происходящие изменения носят в основном локальный характер и ограничиваются лишь внедрением отдельных инновационных методик. Это

является своего рода барьером к переходу образовательной системы на качественно инновационный уровень [4].

Несомненно, преобразования в современном российском социально-экономическом пространстве способствовали активизации инновационных процессов. Модернизация образовательного пространства предложена на государственном уровне и поддержана на всех уровнях образовательной системы. Развитие инновационных процессов в образовании диктуется в том числе современной социально-экономической политикой России.

Именно поэтому инновационная деятельность в образовательной сфере в большей мере должна стать обязательным элементом для всей системы образования как главное и необходимое условие ее устойчивого развития. Инновации в образовательной системе призваны обеспечить непрерывное и адекватное развитие системы образования, отвечающей требованиям современных пользователей образовательной услуги.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Янченко Е. В. Рынок труда при переходе к экономике знаний // Человек в постиндустриальном обществе. Саратов: Пресс-Лицей, 2013. С. 143—149.

2. Федорченко М. А. Экономическое содержание понятия «инновация» и его специфика в дорожно-строительной отрасли // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 1 (30). С. 75—80.

3. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173649/ (дата обращения: 07.05.2015).

4. Бабич Т. В., Иванов А. С. Управление образовательными инновациями: социокультурный аспект // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 82—86.

5. Инновационная деятельность. Основные термины [Электронный ресурс]. URL: http://inno.sfedu.ru/node/69 (дата обращения: 15.05.2015).

6. Федотова В. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 3—17.

7. Россия в цифрах. 2014: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2014. 558 с.

8. Санкова Л. В., Горнастаева Н. В. Исследование проблем конкурентоспособности работников в экономике знаний: инновации и традиции // Инновационная деятельность. 2014. № 3 (30). С. 46—55.

9. Демушина О. Н., Коваленко Н. В. Корпоративная социальная ответственность в России: особенности российской модели // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 80—83.

10. Инновационная Россия — 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года) / Минэкономразвития России. М., 2010. 105 с.

REFERENCES

1. Yanchenko E. V. The labor market in the transition to the knowledge economy // Man in the post-industrial society. Saratov: Press Lyceum, 2013. P. 143—149.

2. Fedorchenko M. A. Economic content of the concept «innovation» and its specificity in the road construction industry // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. № 1 (30). P. 75—80.

3. On education in the Russian Federation: Federal law of 29.12.2012 № 273-FZ [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173649/ (date of viewing: 07.05.2015).

4. Babich T. V., Ivanov A. S. Management of educational innovations: socio-cultural aspect // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 82—86.

5. Innovation activity. Basic terms [Electronic resource]. URL: http://inno.sfedu.ru/node/69 (date of viewing: 15.05.2015).

6. Fedotova V. Social Innovation as a basis for the process of modernization of the society // Problems of Philosophy. 2010. № 10. P. 3—17.

7. Russia in numbers. 2014: Concise statistical book / Rosstat. M., 2014. 558 p.

8. Sankova L. V., Gornastaeva N. V. Study of the problems of competitiveness of workers in the knowledge economy: innovation and tradition // Innovation. 2014. № 3 (30). P. 46—55.

9. Demushina O. N., Kovalenko N. V. Corporate Social Responsibility in Russia: features of the Russian model // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 4 (29). P. 80—83.

10. Innovative Russia — 2020 (Strategy of innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020) / Ministry of Economic Development of Russia. M., 2010. 105 p.

УДК 338.45:621
ББК 65.305.4

Akhmadeeva Gulnara Chulpanovna,
candidate of economics, associate professor
of the integrated quality systems department
of the Institute of Economics, Management and Law,
Kazan,
e-mail:gulnara.a@innopolis.ru

Antonova Irina Ilgizovna,
candidate of physics, associate professor
of the integrated quality systems department
of the Institute of Economics, Management and law,
Kazan,
e-mail: antonova@ieml.ru

Antonov Stanislav Alexeevich,
candidate of economics, associate professor
of the integrated quality systems department
of the Institute of Economics, Management and Law,
Kazan,
e-mail: santonov@ieml.ru

Ахмадеева Гульнара Чулпановна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры интегрированных систем качества
Института экономики, управления и права,
г. Казань,
e-mail: gulnara.a@innopolis.ru

Антонова Ирина Ильгизовна,
канд. физ.-мат. наук, доцент
кафедры интегрированных систем качества
Института экономики, управления и права,
г. Казань,
e-mail: antonova@ieml.ru

Антонов Станислав Алексеевич,
канд. экон. наук, доцент
кафедры интегрированных систем качества
Института экономики, управления и права,
г. Казань,
e-mail: santonov@ieml.ru

ПОДХОДЫ К СНИЖЕНИЮ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПОТЕРЬ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МАШИНОСТРОЕНИЯ

APPROACHES TO DECREASING OF PRODUCTION LOSSES AT ENTERPRISES OF MECHANICAL ENGINEERING

В статье на основе теоретических разработок и практик промышленных предприятий предложена концептуальная структура системы снижения производственных потерь на машиностроительных предприятиях на микроуровне, которая позволяет учесть многообразие производств и создает предпосылки для существенного повышения эффективности процессов снижения производственных потерь. Предложена «трехмерная» матрица соотносимости инструментария с видами потерь. Третье измерение реализовано путем кодировки типов ресурсов и размещения кодов в ячейки матрицы. Сформулирована сравнительная характеристика методов определения объема необходимых ресурсов для организации системы снижения производственных потерь на машиностроительном предприятии: нормативного, экспертного, ресурсного. Предложен алгоритм экономической оценки эффективности внедрения мероприятий по снижению производственных потерь в машиностроении.

The conceptual structure of the system of production losses reduction at the micro-level of the mechanical engineering enterprises is proposed in the article based on the theoretical developments and good practices of the companies, which allows taking into account the production diversity and establishes prerequisites for significant increase of effectiveness of the production losses reduction processes. The three-dimensional matrix of attributability of the set of tools with the types of losses is proposed. The third dimension is implemented by means of coding of the types of resources and by placing codes in the matrix's cells. Comparative characteristic of the methods of determination of the required resources volume for arrangement of the system of production losses reduction at the mechanical engineering enterprise: regulatory method, expert and resource ones. Algorithm of economic assessment of efficiency of introduction of the measures for production losses reduction in the mechanical engineering industry is proposed.

Ключевые слова: машиностроение, предприятия машиностроения, снижение производственных потерь, экономический эффект, бережливое производство, обучение специалистов, системный подход, повышение эффективности процессов, экономическая оценка эффективности, эффективное управление производством.

Keywords: mechanical engineering, enterprises of mechanical engineering, decreasing of production losses, economic effect, lean production, training of experts, system approach, increase of processes efficiency, economic assessment of efficiency, effective management of production.

Эволюция методов обработки предметов труда и развитие производительных сил привели к необходимости пересмотреть проблемы потерь, возникающих в ходе производства. Во-первых, возникновение потерь — процесс объективный, полностью безотходных производств не существует. Во-вторых, удорожание природных ресурсов, усложнение и удорожание процессов добычи полезных ископаемых, ужесточение природоохранных нормативов делают необходимым снижение возможных потерь до минимального уровня.

По результатам многочисленных исследований, показатели производственных потерь в машиностроительной отрасли превышают аналогичные параметры в любых других сферах на 30%. Разработка эффективной системы мониторинга и управления производственными потерями на пред-

приятиях машиностроения позволит сократить данные показатели на 34—37% [1].

Эффективное управление производством в целом и отдельными составными элементами должно быть на системной основе [2; 3; 4; 5]. Главными характеристиками системы являются объект, субъект, механизм их взаимодействия и цель функционирования. Определение показателей экономической устойчивости может производиться на основе двух подходов: по анализу результатов деятельности промышленного предприятия и по анализу его ресурсного потенциала [6]. Ранее проводимые исследования в области снижения производственных потерь основное внимание уделяли отдельным элементам системы, редко анализируя совокупность этих элементов, объединяемых в систему. Автор предлагает проводить комплексный, системный анализ всей совокупности указанных элементов.

Система снижения производственных потерь на машиностроительных предприятиях будет являться подсистемой относительно всей системы управления предприятием. Концептуально, на взгляд автора, указанная система на микроуровне выглядит следующим образом (рис. 1) [1].

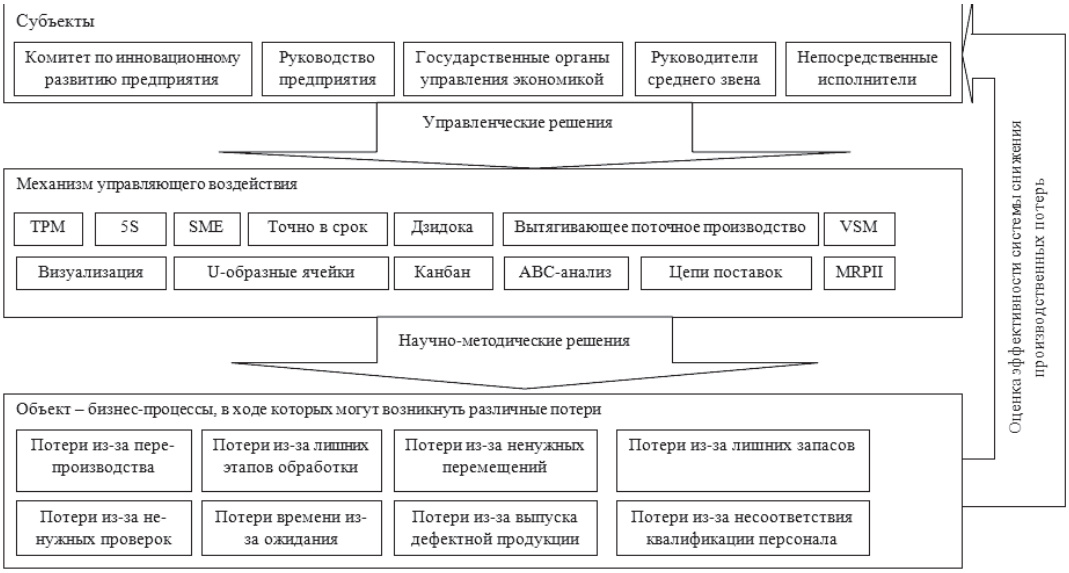


Рис. 1. Концептуальная структура системы снижения производственных потерь на машиностроительных предприятиях на микроуровне

Необходимо отметить активное участие региональных властей Республики Татарстан в снижении производственных потерь — разработку республиканских целевых программ «Развитие машиностроительного комплекса РТ на 2012—2014 годы», «Реализация проекта «Бережливое производство» в Республике Татарстан на 2011—2013 годы», в которых задействованы машиностроительные предприятия региона.

По данным Министерства промышленности и торговли Республики Татарстан, на сегодняшний день внедрение технологий «бережливого производства» осуществляется на 162 предприятиях и организациях машиностроения, химии, нефтехимии, энергетики, легкой промышленности, сельского хозяйства, транспорта, здравоохранения. По состоянию на 30 декабря 2013 года данными предприятиями от реализации проекта «Бережливое производство» получен экономический эффект в размере более 6500 млн рублей, в том числе по ООО «Мефро уилз Завод Заинск» — 23,7 млн рублей, ОАО «Казанская теплосетевая компания» — 18,8 млн рублей, ЗАО «КВАРТ» — 18 млн рублей, ОАО «Альметьевский трубный завод» — 16 млн рублей, НГДУ «Альметьевнефть» — 15 млн рублей, Управлению «Татнефтегазпереработка» — 14,1 млн рублей [7].

Пример системной работы показывает КамАЗ, где «бережливое производство» внедряется с 2006 года. За это время лин-технологиям обучен весь персонал предприятия, внедрено около 150 тысяч кайдзен-предложений и более 5 тысяч проектов, высвобождено около 370 тысяч квадратных метров площадей и около 4,5 тысячи единиц оборудования, создано 106 эталонных участков. Экономический эффект составил 9 млрд рублей, затраты на внедрение — 35 млн рублей [8].

В структуре системы снижения производственных потерь очень большое значение приобретает обратная связь от объекта к субъекту (рис. 1). Концептуально обратная связь должна реализовываться через информационные потоки, вызываемые контрольными бизнес-процессами. Указанные потоки должны содержать в себе достаточно информации, позволяющей проследить связи между воздействием и результатом, вызванным этим воздействием. Предлагаемая нами концептуальная структура благодаря своей внутренней гибкости позволяет учесть все многообразие машиностроительных производств и одновременно создает предпосылки для существенного повышения эффективности процессов снижения производственных потерь на машиностроительных предприятиях.

В концепции бережливого производства всю деятельность предприятия можно классифицировать так:

— операции и процессы, добавляющие ценность для потребителя;

— операции и процессы, не добавляющие ценности для потребителя.

Следовательно, все действия, которые не добавляют ценности для потребителя, с точки зрения бережливого производства классифицируются как потери и должны быть устранены.

В рамках данной концепции выделяется семь видов потерь:

1) потери из-за перепроизводства;
2) потери из-за лишних этапов обработки;
3) потери из-за ненужных перемещений;
4) потери из-за лишних запасов;
5) потери из-за ненужных проверок;
6) потери из-за ожидания;
7) потери из-за выпуска дефектной продукции (переделка).

Применительно к инновационным трудоемким производствам целесообразно выделять также потери из-за несоответствия уровня квалификации сотрудников.

Данный вид потерь может формироваться:

— во-первых, из-за отставания роста имеющегося уровня квалификации персонала по сравнению с ростом уровня требования к персоналу со стороны производства (такая ситуация возможна на инновационных предприятиях, когда переход на следующий уровень развития производства может скачкообразно повысить требования к квалификации персонала, а персонал как более инертная подсистема не сможет так же оперативно изменить свои квалификационные характеристики);

— во-вторых, хотя это более редкая ситуация, потери из-за несоответствия уровня квалификации персонала могут принять и такую форму: имеющийся персонал имеет более высокую квалификацию, чем предъявляет производство (в данном случае предполагается, что работник выполняет свою работу с достаточным уровнем качества, без дефектов, без излишних перемещений, потери из-за несоответствия уровня квалификации формируются из-за того, что работнику с несоответствующим уровнем квалификации необходимо больше времени на выполнение технологических операций по обработке детали, по переналадке оборудования).

Методы бережливого производства могут эффективно внедряться на всех видах производства, в том числе в непрерывных производственных процессах [9]. Теория организации производства в области снижения производственных потерь предлагает определенный инструментарий, направленный на нейтрализацию определенных видов потерь:

1) система TPM (система всеобщего ухода за оборудованием);

2) система 5S (система организации и рационализации рабочего места);

3) система SMED (быстрая переналадка);

4) система JIT (система «точно вовремя»);

5) дзидока;

6) вытягивающее поточное производство;

7) картирование потока создания ценности;

8) визуализация;

9) U-образные ячейки;

10) канбан;

11) ABC-анализ;

12) управление цепями поставок;

13) MRPII.

Автором предлагается матрица соотносимости разработанного инструментария с видами потерь, которые могут быть устранены (табл.) [1].

Таблица

Матрица соотносимости потерь, ресурсов и инструментов устранения потерь

№ п/п	Виды потерь	Инструменты устранения потерь ресурсов												
		TPM	5S	SMED	Точно в срок	Дзидока	Вытягивающее поточное производство	VSM	Визуализация	U-образные ячейки	Канбан	ABC анализ	Цепи поставок	MRPII
1	Потери из-за перепроизводства				М		М, К					М		М
2	Потери из-за лишних этапов обработки		К				М, К	М					К	М
3	Потери из-за ненужных перемещений		К, Ф		М	М, Ф	К		К	К	М, К		К	
4	Потери из-за лишних запасов				Ф		Ф	Ф		К, Ф		М, Ф		Ф
5	Потери из-за ненужных проверок (контроля)					К								
6	Потери времени из-за ожидания	Ф	К	К	Ф	К	К	Ф	К		К		Ф	
7	Потери из-за выпуска дефектной продукции	К	К, Ф	К, Ф		М								
8	Потери из-за несоответствия квалификации персонала		К			М	Ф							К

Примечание: М — материальные, Ф — финансовые, К — кадровые.

Особенностью является «трехмерность» предлагаемой автором матрицы: наряду с используемыми ранее двумя размерностями — типы потерь и инструментарий — нами добавлено третье измерение — типы ресурсов, подверженных потерям. Третье измерение реализовано путем кодировки типов ресурсов и размещения кодов в ячейки матрицы.

Результаты мирового финансового кризиса неоднозначны, но явно просматривается одна закономерность — наибольшие потери от кризиса несут регионы, лидировавшие по уровню экономического развития и вносившие наиболее значительный вклад в формирование бюджета РФ. Выработанные ранее инструменты снижения производственных потерь весьма отличаются между собой по сумме затрат, необходимых для их внедрения. Причем это деление очень явное: одна группа инструментов малозатратна (например, визуализация, вытягивающее производство), другая группа инструментов предполагает существенные разовые затраты, прежде всего в программные продукты (например, MRPII) [1; 10]. Соответственно отличается и механизм формирования эффекта в области снижения затрат.

В зависимости от состояния внешней среды, от уровня экономической нестабильности изменяется интерес промышленных предприятий к выбору тех или иных инструментов. В стабильных условиях основное внимание уделяется относительно дорогостоящим инструментам. В условиях нестабильности происходит смещение внимания в область малозатратных инструментов.

Для установления взаимосвязи инструментов «бережливого производства» со скрытыми потерями может быть применен один из «новых» подходов к управлению качеством, называемый матрицей связей. Матрица связей является основой методологии QFD (развертывание функции качества), уста-

навливающей взаимосвязь между функциональными и инженерными характеристиками продукта производства. В данном случае оценка значимости дается не функциональным характеристикам, располагаемым по горизонтальным строкам матрицы, а целевым показателям скрытых потерь, располагаемым по вертикальным строкам матрицы [11].

Рейтинг инструментов «бережливого производства» определяется простым суммированием «сил» их влияния на скрытые потери, а рейтинг потерь — с учетом их значимости для конкретных условий производства.

Вложения в систему снижения производственных потерь представляют собой иммобилизацию капитала во всех его формах в различные инструменты рассматриваемой концепции с целью сокращения потерь, а также достижения иного экономического и внеэкономического эффекта, осуществление которого базируется на рыночных принципах и связи с факторами времени, риска и ликвидности.

Автором же сформулирована и ранее предложена сравнительная характеристика возможных методов определения объема необходимых ресурсов для организации системы снижения производственных потерь на машиностроительном предприятии: нормативного, экспертного, ресурсного. Использование сравнительной таблицы позволяет оперативно выбрать метод, в наибольшей степени учитывающий специфику данного предприятия и момента анализа по нескольким параметрам:

1) наличие необходимой нормативной базы осуществления затрат;

2) наличие достаточного количества независимых экспертов, открытых к сотрудничеству и обладающих необходимой квалификацией;

3) располагаемое время для проведения анализа.

Сопоставив влияние этих трех параметров, работник, ответственный за внедрение системы снижения производственных потерь, сможет оперативно сконцентрироваться именно на том методе, который оптимален в данной ситуации, что, в свою очередь, за счет экономии ресурсов и времени повысит эффективность всего процесса внедрения в целом.

Также при решении задач по снижению производственных потерь необходимо уделить внимание вопросам систематизации показателей экономической эффективности. Имеющиеся подходы к формированию систем показателей имеют специфические черты, ограничивающие сферу их применения. Это методики, ориентированные на экспертные оценки, и методики прямого расчета. Оба подхода разделяют частные элементы повышения эффективности по группам. Однако критерии отнесения указанных частных показателей по группам различны, и информацию по ним для прямых оценок собрать сложно.

Методики на основе экспертных оценок предполагают распределение составляющих развития производственной системы предприятия на поток создания потребительской ценности и поток создания ценных сотрудников. Недостатком данного подхода является его ориентация лишь на некоторые аспекты деятельности организации, направленные на снижение потерь и повышение эффективности функционирования, что не может обеспечить комплексность анализа. Больший интерес представляет возможность оценивать эффективность проведенных мероприятий по снижению производственных потерь.

В методиках прямого расчета оцениваемые параметры сгруппированы в три кластера: материальные, инновационные, организационные. Каждое мероприятие вводится в автоматизированную расчетную систему, и анализируется его эффективность в разрезе указанных показателей и их групп. Облегчение работы пользователей с расчетной системой может привести к сложностям ее переналадки и адаптации к нуждам конкретного предприятия.

Ранее в своих работах автор предложил решение, лишенное указанных недостатков [1]. Также была решена задача адаптации предлагаемых подходов к требованиям действующей нормативной базы (Постановление Кабинета Министров РТ от 07.05.1999 № 284 «Об утверждении Положения о порядке предоставления государственной поддержки предприятиям и организациям, реализующим инвестиционные проекты в Республике Татарстан», Закон РТ от 22.04.2011 № 13-ЗРТ «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Татарстан на 2011—2015 годы», Приказ Министерства промышленности и торговли РТ от 04.07.2011 № 138-ОД «Об утверждении методических рекомендаций «Оценка уровня работ хозяйствующих субъектов Республики Татарстан в области менеджмента организации» и др.).

Подобная адаптация обеспечивает эффективное функционирование системы снижения производственных потерь на предприятии, структура которой представлена на рис. 1.

Для описания последовательности процедур оценки эффективности предлагаемой системы нами впервые алгоритмизирован универсальный процесс экономической оценки эффективности внедрения мероприятий по внедрению системы снижения производственных потерь на машиностроительных предприятиях, что представлено на рис. 2 [Там же].

Рис. 2. Алгоритм экономической оценки эффективности внедрения мероприятий по снижению производственных потерь в машиностроении

В качестве критериев эффективности комплекса мероприятий по внедрению системы снижения производственных потерь на машиностроительных предприятиях автором использованы традиционные показатели эффективности инвестиционных проектов, такие как: чистый дисконтированный доход *(NPV)*, внутренняя норма рентабельности *(IRR)* и дисконтированный срок окупаемости *(PP)*.

Система показателей оценки экономической эффективности мероприятий по снижению производственных потерь в машиностроении предполагает первоначальную оценку потенциала снижения затрат, его декомпозицию на составляющие, определение величины ресурсов, необходимых для устранения затрат, эффект от проведения комплекса мероприятий и степень реализации первоначального потенциала. Порядок расчета показателей приведен в диссертации [Там же]. Степень реализации потенциала рассчитывается по формуле (1).

$$\Delta P = \frac{\sum_{j=1}^{J}\left(C_j * \sum_{i=1}^{I}\left(N_{ij} - N'_{ij}\right)\right)}{\sum_{j=1}^{J}\left(C_j * \sum_{i=1}^{I} N_{ij}\right)}, \quad (1)$$

где: ΔP — степень реализации потенциала снижения производственных потерь;

i — номер вида производственных потерь (изменяется от 1 до I);

j — номер вида ресурса (изменяется от 1 до J);

N_{ij}, N'_{ij} — устранимый расход j-го ресурса в i-м виде потерь в натуральном выражении (до и после проведения комплекса мероприятий);

Cj — цена j-го ресурса.

Апробация расчета оценки экономической эффективности внедрения мероприятий по организации снижения производственных потерь была произведена автором на основе данных экспериментального производства ОАО «Казанькомпрессормаш» и в цехе по производству нефтегазового оборудования № 9 ОАО «Зеленодольский завод имени Горького».

В результате проведенной работы были достигнуты две группы результатов — практические и образовательные. К наиболее значимым практическим результатам можно отнести: текущие потери в производстве составляют 648,4% (!) от времени создания ценности; к основным потерям отнесено исправление дефектов (50%), транспортировка (20%), передвижения (15%); за счет сокращения потерь на узких местах возможно сокращение производственного цикла более чем в 4 раза; разработан внутризаводской план по предложенным мероприятиям.

Необходимость целостного, системного подхода к проблеме управления интеллектуальными ресурсами сегодня очевидна, несмотря на то что многие руководители отечественного производства считают, что затраты на обучение персонала являются непроизводительными [12]. К наиболее значимым образовательным результатам относятся: межфункциональная группа обучена пользованию инструментами снижения производственных потерь; расширен состав группы и продолжено обучение специалистов навыкам выявления и устранения потерь на продуктах; освещены результаты обучения и работы межфункциональной группы в заводских средствах массовой информации.

С учетом всего вышесказанного можно сделать вывод, что рекомендации по организации системы снижения потерь на машиностроительных предприятиях для повышения уровня конкурентоспособности в условиях экономической нестабильности внесут существенные изменения во внешнюю среду функционирования машиностроительных предприятий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахмадеева Г. Ч. Система снижения производственных потерь на предприятиях машиностроения: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2011. 25 с.

2. Демченко С. Г. Управление промышленным предприятием: эмпирические принципы // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4. С. 56—62.

3. Абелян А. С. Диагностика производственного потенциала машиностроительного предприятия и снижение стохастичности его развития // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4 (17). С. 179—182.

4. Романовская Е. В. Понятие и механизм реализации реструктуризации промышленных предприятий // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 2. С. 84—88.

5. Светуньков С. Г., Смолькин В. П. Подход к оценке устойчивого развития промышленного предприятия // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 2. С. 89—93.

6. Шмидт А. В. Сущность и показатели и экономической устойчивости промышленных предприятий // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 3 (16). С. 55—66.

7. Внедрение бережливого производства в Республике Татарстан [Электронный ресурс]. URL: http://mpt.tatarstan.ru/rus/ber_proiz1 (дата обращения: 29.04.2015).

8. Итоги реализации проекта «Бережливое производство» в РТ [Электронный ресурс]. URL: http://www.tppzkam.ru/news/news_region.php?ELEMENT_ID=12783 (дата обращения: 29.04.2015).

9. Методы бережливого производства в непрерывных производственных процессах / Б. Е. Недбайлюк, И. И. Антонова, С. А. Антонов, В. Н. Кудряшов, Л. Х. Галявиев // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 1. С. 102—110.

10. Установление показателей эффективности «бережливого производства» / В. А. Смирнов, И. И. Антонова, С. А. Антонов, Г. Ч. Ахмадеева // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3. С. 146—153.

11. Белобрагин В. Я., Антонова И. И. Систематизация скрытых потерь и инструментов «бережливого производства» // Инновации. 2014. № 1 (183). С. 16—18.

12. Кузнецов А. В. Управление интеллектуальным потенциалом производственной организации // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 3 (16). С. 152—159.

REFERENCES

1. Akhmadeeva G. Ch. System of decreasing production losses at the enterprises of mechanical engineering: abstract of dissertation of the candidate of economics, Kazan, 2011. 25 p.

2. Demchenko S. G. Management of an industrial enterprise: empirical principles // Actual problems of economics and law. 2008. № 4. P. 56—62.

3. Abelyan A. S. Diagnostics of production potential of the mechanical engineering enterprise and decreasing stochasticity of its development // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 4 (17). P. 179—182.

4. Romanovskaya E. V. The concept and mechanism of implementation of restructuring of an industrial enterprise // Actual problems of the economics and law. 2014. № 2. P. 84—88.

5. Svetunkov S. G., Smolkin V. P. Approach to assessment of sustainable development of an industrial enterprise // Actual problems of economics and law. 2014. № 2. P. 89—93.

6. Schmidt A. V. The concept and indicators of economic stability of the industrial enterprises // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 3 (16). P. 55—66.

7. Introduction of lean production in the Republic of Tatarstan [Electronic resource]. URL: http://mpt.tatarstan.ru/rus/ber_proiz1 (date of viewing: 29.04.2015).

8. Results of implementation of the project of Lean Production in the RT [Electronic resource]. URL: http://www.tppzkam.ru/news/news_region.php? ELEMENT_ID=12783 (date of viewing: 29.04.2015).

9. Methods of lean production in uninterruptable production processes / B. E. Nedbaylyuk, I. I. Antonova, S. A. Antonov, V. N. Kudryashov, L. H. Galyaviyev // Actual problems of economics and the law. 2011. № 1. P. 102—110.

10. Establishment of indicators of efficiency of «lean production» / V. A. Smirnov, I. I. Antonova, S. A. Antonov, G. Ch. Akhmadeeva // Actual problems of economics and law. 2011. № 3. P. 146—153.

11. Belobragin V. Ya., Antonova I. I. Systematization of the hidden losses and instruments of «lean production» // Innovations. 2014. № 1 (183). P. 16—18.

12. Kuznetsov A. V. Management of intellectual potential of the production organization // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 3 (16). P. 152—159.

УДК 338.45.01
ББК 65.30-18

Bulgakov Vladimir Nikolaevich,
candidate of economic sciences,
general director of the Krasnodar regional consulting firm to provide socio-economic services,
Krasnodar,
e-mail: kkf23@yandex.ru

Булгаков Владимир Николаевич,
канд. экон. наук, генеральный директор
Краснодарской краевой консультационной фирмы
по оказанию социально-экономических услуг,
г. Краснодар,
e-mail: kkf23@yandex.ru

МНОГОКРИТЕРИАЛЬНЫЙ ВЫБОР И ДОПУСТИМЫЕ РЕШЕНИЯ УСТОЙЧИВО РАЗВИВАЮЩИХСЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

MULTICRITERIA CHOICE AND FEASIBLE SOLUTIONS TO SUSTAINABLE INDUSTRIAL ENTERPRISES

В статье рассмотрена проблема принятия оптимальных решений устойчиво развивающимися промышленными предприятиями при наличии нескольких критериев выбора. Исследуется устойчиво развивающееся предприятие как эволюционирующая «система — объект». Автором предложен подход к постановке и решению задач многокритериальной оптимизации, возникающих в моделях устойчивого развития предприятий (УРП) со случайным множеством альтернатив, дано определение понятию «устойчивое развитие предприятия», разработан понятийный аппарат, выявлена и обоснована возможность достижения максимально возможной эффективности предприятия в процессе его перехода из одного состояния в другое, более совершенное. Отмечены критерии эффективности. В качестве критерия экономической эффективности введено понятие «энтропия предприятия». Рассматриваемый метод принадлежит к семейству адаптивных.

The article considers the problem of making optimal decisions steadily developing industrial enterprises with multiple selection criteria. Explores the steadily growing company, as an evolving system — object. The author suggests an approach to the formulation and solution of multicriteria optimization problems arising in models of sustainable development of enterprises (URP) with a random set of alternatives, given the definition of sustainable development enterprises developed a conceptual framework, identified and justified by the possibility of achieving the maximum possible efficiency of the enterprise in the process of transition from one state to another more perfect. Marked performance criteria. As a criterion of economic efficiency introduced the concept of entropy enterprise. The method belongs to the family of adaptive.

Ключевые слова: устойчивое развитие, устойчивость предприятия, лицо, принимающее решение, совокупный эффект, инвестиционная активность, энтропия предприятия, допустимые решения, многокритериальный выбор, устойчивость системы, принцип рациональных ожиданий.

Keywords: sustainable development, sustainability of the company, person making decision, combined effect, investment activity, entropy of the company, valid decisions, multi-criteria selection, stability of system, principle of rational expectations.

Актуальность и значимость вопросов совершенствования механизма устойчивого развития промышленных предприятий, принимающих те или иные решения, определяются радикальными преобразованиями экономической системы в целом. Анализ показал, что данная проблема разрабатывается достаточно широко, но в значительной части проводимые исследования охватывают понятие «устойчивость» и его производные — «устойчивость системы», «устойчивость предприятия», «экономическая устойчивость», «технологическая, производственная, организационная» и т. п. устойчивость. Однако существуют расхождения в толковании понятия «устойчивость» как основы концепции устойчивого развития (В. В. Шакин, Ч. Чултэм, А. Ч. Ахохов, Д. Д. Галданова и др.), под которым понимается важнейшее свойство сложных систем, обусловливающее их жизнеспособность, адаптацию к изменяю-

щимся условиям внешней среды. С позиции же эффективности наибольшую проблематику содержит термин «развитие», под которым в общих чертах можно понимать эффект от добавления к необходимому экономическому росту определенного повышения сложности, это процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное.

Основной идеей, которая выдвигается и обосновывается в настоящей статье, является экспликация модели устойчивого развития предприятий (УРП), позволяющая лицам, принимающим решения (ЛПР) на предприятии, находить оптимальные управленческие решения при многокритериальном выборе.

ЛПР под влиянием их рациональных или нерациональных ожиданий вынуждены адаптироваться к требованиям быстро изменяющейся внутренней и внешней среды устойчиво развивающихся предприятий. Средства, которые могут использоваться при этом, варьируются от обычной интуиции до привлечения высококвалифицированных экспертов, применения соответствующих методов принятия решений и т. п.

Возникает необходимость четкого формулирования целей, путей и методов их достижения, то есть всего того, что, являясь уникальным для каждого ЛПР, находится в русле общей концепции разработки механизма устойчивого развития предприятия. Поэтому вопросы рационализации деятельности предприятия, разработки понятийного аппарата, принципиальных основ принятия допустимых решений, когда их оценка производится одновременно по нескольким показателям, выходят на первый план.

Основная цель настоящего исследования заключается в разработке модели устойчивого развития промышленного предприятия, позволяющей ЛПР осуществлять разумный компромисс между различными критериями, по которым производится выбор оптимальной альтернативы.

В соответствии с поставленной целью сформулирована основная научная задача, которая заключается в необходимости определения понятия «устойчивое развитие предприятия»; исследовать его с точки зрения достижения суммарной, максимально возможной эффективности в заданный период времени с целью перехода предприятия из одного состояния в другое, более совершенное. В качестве критериев эффективности устойчивого развития предприятия, на наш взгляд, могут быть приняты: энтропия предприятия; ожидаемая инфляция в сочетании с обменным курсом; сравнимые состояния предприятия; совокупный экономический, экологический, социальный, технологический, технический и т. п. эффект, получаемый предприятием в результате его деятельности в заданный период времени.

Научная новизна результатов исследования состоит в разработке модели устойчивого развития промышленного предприятия для принятия оптимальных решений при многокритериальном выборе, позволяющих предприятию получать максимально возможный совокупный экономический, экологический, социальный, технологический, технический и т. п. эффект от всех видов понесенных затрат, включая уровень запасов, и обеспечить переход предприятия из одного состояния в другое, более совершенное в течение заданного периода времени.

Использование на практике разработанных в статье теоретических положений способствует решению важнейшей народно-хозяйственной задачи — устойчивого развития промышленных предприятий. Общность и универсальность предлагаемых методов и процедур позволяют использовать их для решения проблем повышения качества управления деятельностью предприятий.

Некоторые исследователи считают, что производственно-экономическая деятельность предприятия представляет собой необратимый, направленный и закономерный переход из одного состояния в другое, отличающегося от первого увеличением или уменьшением некоторых параметров, а устойчивое развитие предприятия складывается из устойчивости его производственно-хозяйственной системы и устойчивости ее процессов. При этом в самом общем виде под устойчивостью системы понимается ее способность восстанавливать исходный или близкий к исходному режим при малом его нарушении и продолжать нормальную работу после резкого нарушения режима, сохраняя качественно прежнее состояние, описываемое системой параметров. В то же время под развитием понимается процесс модификации внутренней структуры системы (появление и удаление объектов и связей между ними) [1; 2].

Таким образом, понятие «устойчивость развития» предприятия формулируется как равновесное сбалансированное состояние всех элементов производственного потенциала предприятия, способного противостоять воздействию внешних и внутренних факторов и обеспечивать заданную прибыльность [3].

Автор различает понятия «устойчивость развития» и «устойчивое развитие», рассматривая предприятие как систему, определяет понятие «устойчивое развитие предприятия» как системы. При этом устойчивость системы состоит из ее структурно-организационной и функциональной устойчивости. Рассмотрение предприятия в системном ракурсе как объекта позволяет одновременно наделять его свойствами внешней целостности и внутреннего разнообразия. Г. Б. Клейнер, исследуя экономические системы, рассматривает предприятие как систему, принадлежащую к классу объектов, как социально-экономическую систему, обладающую большим внутренним разнообразием и включающую объектные, средовые, проектные и т. п. подсистемы [4].

Соглашаясь с Г. Б. Клейнером, мы считаем, что предприятие — это эволюционирующая «система — объект», при анализе которого можно использовать положения как технологических, так и эволюционно-институциональных теорий [5].

Далее, мы утверждаем, что термин «устойчивость», занимая важное место в научном познании (проблема равновесия, экономико-математическое моделирование, кибернетика, синергетика и т. п.), к концепции устойчивого развития прямого отношения не имеет. Рассмотрение и анализ экономической системы с позиции ее «устойчивости» оправданны при анализе ее безопасности, изучении пороговых значений ее существования и т. п. [6]. С позиции же эффективности наиболее оптимальным является термин «развитие», под которым понимается эффект от добавления к необходимому экономическому росту определенного повышения сложности, причем этот процесс должен сопровождаться структурными изменениями, позволяющими обеспечить его постоянность. Развитие — это процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное [7].

На наш взгляд, под устойчивым развитием предприятия $\overset{t=T}{\underset{t=0}{U_{RP}}}$ следует понимать развитие, направленное на получение максимально возможного совокупного экономического, экологического, социального, технологического, технического и других видов эффекта от всех произведенных предприятием затрат, включая уровень запасов, $\overset{Z_{t=T}}{\underset{Z_{t=0}}{\sum_{m=1}^{m=M}}} \zeta_m$ в течение

заданного периода времени T, обеспечивающее переход предприятия из одного состояния $Z_{t=0}$ в другое, более совершенное $Z_{t=T}$.

Здесь:

$\underset{t=0}{\overset{t=T}{U_{RP}}}$ — устойчивое развитие промышленного предприятия в течение заданного периода времени T;

$\Phi = \underset{\substack{i=0\\t=0\\Z_{t=0}}}{\overset{\substack{Z_{t=T}\\t=T\\i=n}}{\sum}} \varphi_i^{Z_i}(t)$ — совокупный экономический, экологический, социальный, технологический, технический и т.п. эффект, выраженный в соизмеримых единицах, в заданный период времени T;

$\varphi_i^{Z_i}(t)$ — i-тый экономический, экологический, социальный, технологический, технический и т.п. эффект, выраженный в соизмеримых единицах, в заданный момент времени t и состоянии предприятия Z_i;

$\underset{\substack{m=0\\t=0\\Z_{t=0}}}{\overset{\substack{Z_{t=T}\\t=T\\m=M}}{\sum}} \zeta_m^{Z_i}(t)$ — произведенные предприятием затраты M в заданный период времени T и состоянии предприятия Z_T; m — произведенные предприятием затраты в заданный момент времени t;

$$\left.\underset{\substack{i=0\\t=0\\Z_{t=0}}}{\overset{\substack{Z_{t=T}\\t=T\\i=n}}{\sum}} \varphi_i^{Z_i}(t) \right/ \underset{\substack{m=0\\t=0\\Z_{t=0}}}{\overset{\substack{Z_{t=T}\\t=T\\m=M}}{\sum}} \zeta_m^{Z_i}(t)$$

— совокупный экономический, экологический, социальный, технологический, технический и т.п. эффект, выраженный в соизмеримых величинах, на единицу затрат в заданный период времени T и состоянии предприятия Z_T;

Zi — состояние предприятия в условиях $\varphi_i^{Z_i}(t)$ и $\zeta_m^{Z_i}(t)$ в заданный момент времени t;

$Z_{t=0}$ — состояние предприятия в начале заданного периода времени T;

$Z_{t=T}$ — состояние предприятия в конце заданного периода времени T.

Задача ЛПР предприятия, максимизирующего совокупный экономический, экологический, социальный, технологический, технический и т.п. эффект в заданный период времени на единицу затрат с целью перехода из одного состояния $Z_{t=0}$ в другое, более совершенное, например $Z_{t=T}$, является многокритериальной и имеет, на наш взгляд, следующий вид:

$$\left.\underset{\substack{i=0\\t=0\\Z_{t=0}}}{\overset{\substack{Z_{t=T}\\t=T\\i=n}}{\sum}} \varphi_i^{Z_i}(t) \right/ \underset{\substack{m=0\\t=0\\Z_{t=0}}}{\overset{\substack{Z_{t=T}\\t=T\\m=M}}{\sum}} \zeta_m^{Z_i}(t) \to \max \qquad (1)$$

на ограничениях:

$$\begin{cases} 0 < \underset{\substack{t=0\\m=0\\Z_{t=0}}}{\overset{\substack{Z_{t=T}\\t=T\\m=M}}{\sum}} \zeta_m^{Z_i}(t) < \underset{\substack{t=0\\i=0\\Z_{t=0}}}{\overset{\substack{Z_{t=T}\\t=T\\i=n}}{\sum}} \varphi_i^{Z_i}(t) & \forall_t \\ Z_{t=0} < Z_{t=T}, \quad T = \overset{i=T}{\underset{i=0}{\sum}} t_i \end{cases}$$

По нашему мнению, постановка задачи (1) многокритериального выбора устойчивого развития промышленного предприятия может определяться следующей шестеркой:

$$\left\langle C\left(E^k\right), E^k, Э_{ПР}, O_J, \Phi, Z \right\rangle,$$

где:

$C\left(E^k\right)$, $C\left(E^k\right) \subset E^k$ — множество возможных (допустимых) решений;

E^k — критериальное k-мерное пространство;

$\underset{t=0}{\overset{t=T}{Э}}_{ПР} = \dfrac{\overset{\substack{i=n\\t=T}}{\underset{t=0}{\sum}} З^i_{ПР}}{\overset{\substack{t=T\\i=n}}{\underset{t=0}{\sum}} G^i_{ПР}}$ — энтропия предприятия; в течение заданного периода времени T [8].

$Э_{ПР}$, по нашему мнению, представляет собой емкий и объективный показатель экономического и структурного совершенства предприятия и может использоваться для оценки устойчивого развития предприятия в условиях рациональных и нерациональных ожиданий. При этом более устойчивым будет считаться то предприятие, у которого энтропия ($Э_{ПР}$) будет меньше, а значит, внутренние темпы роста ($G_{ПР}$) при равном объеме затрат ($З_{ПР}$) выше.

Мы считаем, что $\underset{t=0}{\overset{t=T}{Э}}_{ПР}$ совместно с показателем ожидаемой инфляции в сочетании с обменным курсом – $\underset{t=0}{\overset{t=Y}{O}}_J$ может определять состояние предприятия $\underset{t=0}{\overset{t=T}{Z}}$ в течение заданного периода времени T.

На наш взгляд, $\underset{t=0}{\overset{t=T}{Э}}_{ПР}$, очерчивает не только верхнюю границу потенциального развития производства предприятия в условиях рациональных и нерациональных ожиданий, эффективности его организационной структуры, конкурентоспособности, уровня дивидендов, наивыгоднейшей политики заимствований, совершенства технологий и производственных процессов, но и рациональную структуру баланса, ее связь с состоянием производства и реализацией продукции, управление текущими активами и пассивами, подготовленность производственного и обеспечивающего персонала и т.п. [Там же].

O_J — ожидаемая инфляция в сочетании с обменным курсом

$$O_J\left[\Delta r_{t+1}\right] = \omega(\bar{r}_t - r_t) + O_t\left[I_{t+1} - I^*_{t+1}\right]$$

Здесь:

$O_J\left[\Delta r_{t+1}\right]$ — ожидаемый инвесторами уровень обесценивания внутренней валюты (не математическое ожидание);

$\bar{r}_t$ — вектор долгосрочного равновесия обменного курса;

r_t — логарифм текущего спот-курса;

ω — число между (0 и 1), означающее скорость, с которой регрессирует в сторону ;

l_{t+1} — ожидаемая инфляция в стране;

l^*_{t+1} — ожидаемая инфляция за рубежом;

$\underset{t=0}{\overset{t=T}{O}}_J$ — ожидаемая инфляция в сочетании с обменным курсом в течение заданного периода времени T;

$\Phi = \underset{\substack{i=0\\t=0\\Z_{t=0}}}{\overset{\substack{Z_{t=T}\\t=T\\i=n}}{\sum}} \varphi_i^{Z_i}(t)$ — совокупный экономический,

экологический, социальный, технологический, технический и т. п. эффект, выраженный в соизмеримых единицах, в заданный период времени T;

$Z = f\left(\Phi, Э_{ПР}, O_j, C\right)_T$, $T = \sum_{i=0}^{i=T} t_i$ — состояние предприятия в течение заданного периода времени T.

В этом случае задачу устойчивого развития промышленного предприятия в общем виде можно записать следующим образом:

$$\begin{cases} \sum_{t=0}^{t=T} \left(\Phi, Э_{ПР}, O_j, C\right)_T \to \underset{\left(\Phi, Э_{ПР}, O_j, C\right) \in E^k, \forall t}{opt} \\ T = \sum_{i=0}^{i=T} t_i \end{cases} \quad (2)$$

на ограничениях:

$$Z_{t=0} < Z_{t=1}, \ldots, < Z_{t=T}, \forall t$$

Решения, которые удовлетворяют всем ограничениям и могут быть реализованы на практике, называют допустимыми решениями. В пределах заданных ограничений формируется область допустимых вариантов действий или множество альтернатив, предъявляемых для выбора, но прежде всего определяют набор решений $Z(C)$, $Z(C) \subset E^k$, из которого следует осуществлять выбор.

В практических задачах очень важно то, что при многокритериальном выборе некоторое улучшение основной задачи по одному критерию влечет за собой определенное ухудшение по другому. Выбор решения состоит в отыскании среди допустимых решения, которое ЛПР считает наилучшим, при этом допустимые решения устойчиво развивающихся промышленных предприятий в заданный период времени имеют ограничения: $Z_{t=0} < Z_{t=1}, \ldots, < Z_{t=T}, \forall t$.

Часто происходит выбор не одного, а целого набора решений, являющегося определенным подмножеством множества возможных решений $Z(C)$. В этом случае решить задачу означает найти множество $Z(C)$, $Z(C) \subset E^k$[9; 10].

Пусть $f(Z)$ — множество всех возможных векторов $f(Z)$, $Z \in C$, образующих ***k***-мерное критериальное пространство E^k, каждой точке $Z' \in C$ которого соответствует точка критериального пространства $f(Z')$ с декартовыми координатами:

$$f = \left\langle f_1(Z'), f_2(Z'), \ldots, f_k(Z') \right\rangle \in E^k$$

Тогда задачу многокритериальной оптимизации в общем виде можно записать следующим образом:

$$f = \left\langle f_1(Z'), f_2(Z'), \ldots, f_k(Z') \right\rangle \to \underset{Z \in C}{opt} \quad (3)$$

В этом случае задача ЛПР заключается в нахождении такого вектора, который, по его мнению, осуществляет разумный компромисс между различными критериями, по которым производится отбор оптимальной альтернативы. Если для задачи (3) существует такой вектор $Z^\bullet$, что $Z^\bullet = \arg optf(Z)$, $\forall i \in I : k, Z \in C$, то есть вектор, доставляющий оптимум одновременно по всем имеющимся частным критериям, то соответствующую альтернативу легко найти, решив соответствующую задачу оптимизации (например, методом адаптивного случайного поиска) [11; 12; 13; 14; 15].

В предлагаемой модели устойчивого развития промышленного предприятия целевая функция ЛПР зависит от будущих результатов его деятельности, которые планируются. Возникает парадокс: модели строятся для того, чтобы помочь ЛПР прогнозировать переменные, но для построения модели нужно знать, как ЛПР делает эти прогнозы.

Для преодоления указанного парадокса был предложен принцип рациональных ожиданий [16; 17], который подразумевает, что ЛПР может и должно наиболее эффективно использовать имеющуюся у него информацию. Поэтому как следствие принятия принципа рациональных ожиданий в самой сильной форме (полное предвидение) необходимо также принять то, что в равновесии устанавливаются такие значения информационных переменных, какие ожидали увидеть ЛПР [18].

Если принять принцип рациональных ожиданий, формальное описание экономической динамики на конечном числе последовательных периодов времени становится сравнительно простым [19], если только считать **T** множеством периодов времени, а переменные модели $f = \left\langle f_1(Z'), f_2(Z'), \ldots, f_k(Z') \right\rangle \in E^k$ — векторами, компоненты которых соответствуют различным состояниям устойчиво развивающегося предприятия, тогда:

$$\left(\forall T = 1, \ldots, T\right) \cdot \left(\exists f^\bullet > 0\right) \cdot \left(\forall Z' > 0 \cdot \left| Z'_{t=0} < Z'_{t=1}, \ldots, < Z'_{t=T} \right|\right) \cdot \left(f^\bullet = \arg optf\left(Z'\right), \forall i \in I : k, Z' \in C\right)$$

Исходя из постановки задачи многокритериального выбора устойчивого развития промышленного предприятия, мы установили, что на первом этапе ее решения ЛПР необходимо определиться и описать набор решений $Z(C)$, $Z(C) \subset E^k$, из которого следует осуществлять выбор. На втором — используя модели (2) или (3), из допустимых решений выбрать наилучшее, учитывая при этом ограничения $Z_{t=0} < Z_{t=1}, \ldots, < Z_{t=T}, \forall t$.

Таким образом, мы приходим к выводу, что:

— устойчивое развитие промышленного предприятия предполагает получение максимально возможного совокупного экономического, экологического, социального, технологического, технического и других видов эффекта от всех произведенных предприятием затрат, включая уровень запасов, в течение заданного периода времени, что обеспечивает переход предприятия из одного состояния $Z_{t=0}$ в другое, более совершенное $Z_{t=T}$;

— постановка задачи многокритериального выбора устойчивого развития промышленного предприятия включает следующую шестерку: $\left\langle C\left(E^k\right), E^k, Э_{ПР}, O_J, \Phi, Z \right\rangle$;

— задача ЛПР заключается в нахождении такого решения, которое осуществляет разумный компромисс между различными критериями, по которым производится выбор оптимальной альтернативы;

— если существует такой вектор $Z^\bullet$, что $Z^\bullet = \arg optf(Z)$, $\forall i \in I : k, Z \in C$, то есть вектор, доставляющий оптимум одновременно по всем имеющимся частным критериям, то соответствующую альтернативу легко найти, решив задачу оптимизации (например, методом адаптивного случайного поиска);

— принимая принцип рациональных ожиданий, при прогнозировании ЛПР будущих переменных экономической динамики на конечном числе последовательных периодов времени $T = 1, \ldots, T$ нужно считать **T** множеством периодов времени, а переменные модели $f = \left\langle f_1(Z'), f_2(Z'), \ldots, f_k(Z') \right\rangle \in E^k$ — векторами, компоненты которых соответствуют различным состояниям устойчиво развивающегося предприятия:

$$\left(\forall T = 1, \ldots, T\right) \cdot \left(\exists f^\bullet > 0\right) \cdot \left(\forall Z' > 0 \cdot \left| Z'_{t=0} < Z'_{t=1}, \ldots, < Z'_{t=T} \right|\right) \cdot \left(f^\bullet = \arg optf\left(Z'\right), \forall i \in I : k, Z' \in C\right)$$

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кучерова Е. Н. Сущность и понятие концепции устойчивого развития промышленного предприятия // Образование, наука и производство: сб. науч. тр. Т. 7. Вязьма: ВФ ГОУ МГИУ, 2008. 212 с.

2. Рябов В. М. Устойчивое развитие промышленных предприятий в современных условиях // Вектор науки ТГУ. 2011. № 4 (18). С. 271—273.

3. Кучерова Е. Н. Современный подход к устойчивому развитию предприятия // Вестник ОГУ. 2007. № 9. С. 76—81.

4. Клейнер Г. Б. Эволюция и модернизация теории предприятия // Вестник ВГУ. Сер. Экономика и управление. 2004. № 1. С. 1—17.

5. Клейнер Г. Б. От теории предприятия к теории стратегического управления // Российский журнал менеджмента. 2003. № 1. С. 31—56.

6. Коробкова З. В. Устойчивое развитие промышленных предприятий в глобализированной экономике // Совершенствование институциональных механизмов в промышленности: сб. науч. тр. / под ред. В. В. Титова, В. Д. Марковой. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2005. С. 90—101.

7. Коробкова З. В. Экономический механизм устойчивого развития предприятия в условиях растущей хозяйственной глобализации // Функционирование предприятий в российской экономике: проблемы и решения: сб. науч. тр. / под ред. В. В. Титова, В. Д. Марковой. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2006. С. 57—68.

8. Булгаков В. Н. Коррупция и устойчивое развитие промышленных предприятий в условиях рациональности и нерациональности ожиданий // Интеллект. Инновации. Инвестиции (ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный институт менеджмента»). 2014. № 2. С. 4—13.

9. Ногин В. Д. Принятие решений в многокритериальной среде: количественный подход. 2-е изд. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 176 с.

10. Подиновский В. В., Ногин В. Д. Парето-оптимальные решения многокритериальных задач. М.: Наука, 1982. 254 с.

11. Абакаров А. Ш., Сушков Ю. А. Программа поиска оптимальных решений разной природы при заданной модели пользователя (OPTIMUM). Свидетельство об официальной регистрации программы для ЭВМ 2005611280 от 31 мая 2005 г.

12. Сушков Ю. А. Об одном способе организации случайного поиска // Исследование операций и статистическое моделирование. Л.: ЛГУ, 1972. С. 180—185.

13. Тагавердиева Д. С. Моделирование корпоративных структур промышленных предприятий // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 1 (30). С. 44—47.

14. Шабалина Е. И. Применение функционально-объектного моделирования в стратегическом управлении развитием систем интегрированного регионального взаимодействия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 1 (30). С. 143—147.

15. Чабанюк О. В. Методика построения моделей производственно-экономических систем на основе эволюционного подхода // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 52—59.

16. Handbook of Mathematical Economics. North-Holland, 1991. 398 p.

17. Lucas R. E., Sargent T. J. Rational Expectations and Econometric Practice. Allen & Unwin, London, 1981. 106 p.

18. Рубинов А. М. Математическая теория экономической динамики и равновесия. М.: Наука, 1973. 338 с.

19. Маленво Э. Лекции по микроэкономическому анализу. М.: Наука, 1985. 392 с.

REFERENCES

1. Kucherova E. N. The essence of the concept of sustainable development of industrial enterprise // Education, Science and Production: Collection of trudov. B. 7. Viazma: WF MGIU SEI, 2008. 212 p.

2. Ryabov V. M. Sustainable development of industrial enterprises in modern conditions // Vector Science TSU. 2011. № 4 (18). P. 271—273.

3. Kucherova E. N. The modern approach to sustainable development of enterprises // Herald of OSU. 2007. № 9. P. 76—81.

4. Kleiner G. B. Evolution and the theory of modernization enterprise // Herald of the Voronezh State University. Economics and Management. 2004. № 1. P. 1—17.

5. Kleiner G. B. From theory to the enterprise strategic management theory // Russian Management Journal. 2003. № 1. P. 31—56.

6. Korobkova Z. V. Sustainable development of industrial enterprises in a globalized economy // Institutional mechanisms in the industry: sat. scientific, art. / ed. by V. V. Titov, V. D. Markova. Novosibirsk: IEIE SB RAS, 2005. P. 90—101.

7. Korobkova Z. V. Economic mechanism of sustainable development of the company in an increasingly economic globalization // Functioning of enterprises in the Russian economy: problems and solutions: sat. scientific. art. / ed. by V. V. Titov, V. D. Markova. Novosibirsk: IEIE SB RAS, 2006. P. 57—68.

8. Bulgakov V. N. Corruption and sustainable development of industrial enterprises in the conditions of rational and irrational expectations // Intelligence Innovation Investment (Orenburg State Institute of Management). 2014. № 2. P. 4—13.

9. Nogin V. D. Decision-making in multicriteria environment: a quantitative approach. 2nd ed. M.: FIZMATLIT, 2005. 176 p.

10. Podinovskii V. V., Nogin V. D. Pareto-optimal solutions of multiobjective problems. M.: Science, 1982. 254 p.

11. Abakarov A. S., Sushkov Yu. A. The program search for optimal solutions of different nature for a given user model (OPTIMUM). Certificate of official registration of the computer 2005611280 on May 31, 2005.

12. Sushkov Yu. A. A method of organizing a random search // Operations Research and statistical modeling. L.: LGU, 1972. P. 180—185.

13. Tagaverdieva D. S. Modeling of corporate structures Industrial // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2015. № 1 (30). P. 44—47.

14. Shabalina E. I. The use of functional and object modeling in strategic management systems integrated development of regional cooperation // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2015. № 1 (30). P. 143—147.

15. Chabanyuk O. V. A method for constructing models of production — economic systems based on an evolutionary approach // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 52—59.

16. Handbook of Mathematical Economics. North-Holland, 1991, 398 p.

17. Lucas R. E., Sargent T. J. Rational Expectations and Econometric Practice. Allen & Unwin, London, 1981. 106 p.

18. Rubinov A. M. The mathematical theory of economic dynamics and balance. M.: Nauka, 1973. 338 p.

19. Malenvo E. Lectures on microeconomic analysis. M.: Nauka, 1985. 392 p.

УДК 331.108:631 (470.45)
ББК 65.291.6:65.32

Zubova Olga Gennadyevna,
candidate of economics, associate professor
of the department of financial-economic discipline
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: oly-zubova@yandex.ru

Зубова Ольга Геннадьевна,
канд. экон. наук, доцент кафедры
финансово-экономических дисциплин
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: oly-zubova@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

THE FORMATION OF THE STAFFING OF THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE VOLGOGRAD REGION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

В статье представлен развернутый анализ кадрового обеспечения аграрного сектора Волгоградской области, начиная с исследования процесса его формирования, который, по мнению автора, осуществляется в следующей последовательности: профориентационная работа, подготовка (переподготовка) кадров, привлечение и распределение специалистов, профессиональное закрепление специалистов на рабочих местах. Наряду с проблемами, связанными с формированием кадрового обеспечения, анализируются и другие факторы: демографическая ситуация в регионе, миграционный отток сельского населения, оплата труда, складывающаяся в аграрном секторе, состояние социально-культурной сферы и другие. Предложены мероприятия по формированию качественного, конкурентоспособного кадрового обеспечения аграрного сектора Волгоградской области, способствующего его инновационному развитию.

The article presents a detailed analysis of staffing of the agricultural sector of the Volgograd region, starting from research of the process of its formation, which, in the opinion of the author, is fulfilled in the following sequence: career guidance, training (retraining) of personnel, attraction and distribution of specialists, professional retaining of employees at workplaces. The author analyzes other factors along with the problems associated with the formation of staffing: demographic situation in the region, out-migration of the rural population, wages prevailing in the agricultural sector, the state of the socio-cultural area and others. Measure for establishing the high-quality, competitive staffing of the agricultural sector of the Volgograd region are proposed in the article, which contribute to its innovative development.

Ключевые слова: аграрный сектор, кадровое обеспечение, формирование кадров, безработица, трудоустройство, привлечение и распределение специалистов, подготовка кадров, профориентационная работа, профессиональное закрепление специалистов, занятость по уровню образования, вакансии специалистов.

Keywords: agricultural sector, staffing, development of skills, unemployment, employment, attraction and distribution of specialists, personnel training, career guidance, professional retaining of employees, employment by educational level, vacancies of specialists.

XXI век определил доминирующую роль кадрового потенциала, поскольку его профессиональная и инновационная составляющие должны стать основной созидательной силой в становлении конкурентоспособной экономики региона в целом и сельского хозяйства в частности. В связи с этим образование и наука, формирующие экономику знаний и качественный человеческий потенциал, должны стать базисом инновационной экономики.

В условиях жестких финансовых санкций, введенных в отношении России, объявленный курс на импортозамещение в продовольственной сфере требует первоначального решения вопроса кадрового обеспечения аграрного сектора. Решение данного вопроса никогда не снималось с повестки дня, при этом в его основе лежали разные проблемы. В конце XX века сельское хозяйство испытывало дефицит в квалифицированных специалистах и руководителях, в дальнейшем произошло сокращение рабочих специальностей, следствием которого стала безработица в сельской местности. Все это в совокупности привело к истощению кадрового потенциала аграрного сектора как в количественном, так и в качественном аспекте [1, с. 133].

Анализ кадрового обеспечения аграрного сектора необходимо начинать с исследования процесса его формирования, который, на наш взгляд, осуществляется в следующей последовательности:

1) профориентационная работа — создание предпосылок для обеспечения сельского хозяйства необходимыми кадрами (количественный аспект);

2) подготовка/переподготовка кадров — формирование квалифицированных кадров для аграрного сектора (качественный аспект);

3) привлечение/распределение специалистов — наращивание кадрового потенциала в сельской местности (количественный и качественный аспекты);

4) трудоустройство специалистов — профессиональное использование кадрового потенциала (качественный аспект).

Профориентационная работа, с одной стороны, является ориентиром в профессиональном выборе молодежи, а с другой — способствует сбалансированности рынка труда, поскольку спрос работодателя определяет структуру подготовки кадров. Проведение профориентационной работы — прерогатива учебного заведения, основной задачей которого на практике является обеспечение собственного набора абитуриентов вне зависимости от потребностей регионального рынка труда.

Согласно данным исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в настоящее время профориентация утратила свою значимость в вопросах формирования кадрового обеспечения. Так, 30% респондентов осуществляют профессиональный выбор исходя из личных предпочтений, 29% россиян находятся во власти обстоятельств, 12% не мучаются вопросами выбора профессии (спонтанное решение), для 11% в приоритете стоит востребованность профессии на рынке труда и ее оплата, 7% граждан ориентируются на советы друзей и родственников [2].

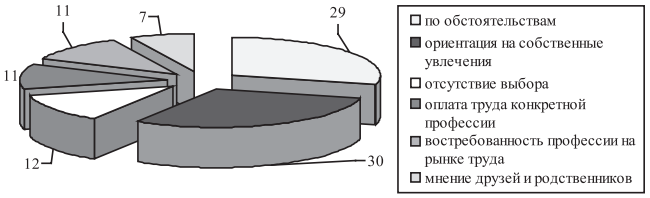


Рис. 1. Данные исследования ВЦИОМ [2] о предпочтениях респондентов при выборе профессии, %

Осуществляют выбор профессии исходя из личных предпочтений 36% респондентов в возрасте от 18 до 24 лет и 43% граждан с неполным или полным высшим образованием, ориентируются на стечение обстоятельств в основном пожилые граждане (34%) и люди, имеющие начальное, неполное среднее или среднее образование (по 35%). 24% россиян с начальным или неполным средним образованием ссылаются на отсутствие выбора.

Остановимся на этапах формирования кадров для сельского хозяйства и распределения специалистов. Если оперировать данными о потребностях аграрного сектора Волгоградской области, с одной стороны, и ежегодным выпуском Волгоградского государственного аграрного университета, с другой стороны, то можно констатировать отсутствие проблемы кадрового обеспечения села в регионе (рис. 2) [3].

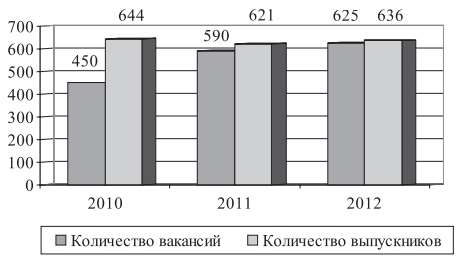


Рис. 2. Количество вакансий от работодателей и выпускников по сельскохозяйственным группам специальностей в Волгоградской области за период 2010—2012 годов, чел.

В течение всего анализируемого периода наблюдается превышение числа выпускников над количеством вакансий, несмотря на то что имеют место разнонаправленные тенденции. Так, если количество вакансий за период сократилось на 1,2%, то количество выпускников возросло на 38,9%.

Повышенный спрос на специалистов по сельскохозяйственным группам специальностей на рынке труда Волгоградской области в первую очередь наблюдался на экономистов, бухгалтеров АПК (208 чел. в 2012 году при динамике роста 187,4% относительно 2010 года), инженеров-электриков (101 чел. в 2012 году при динамике роста 153,0% за период), зоотехников, ветеринаров (99 чел. в 2012 году при динамике роста 116,5% за период) (табл. 1) [Там же].

Таблица 1

Вакансии специалистов по сельскохозяйственным группам специальностей в Волгоградской области за период 2010—2012 годов

Специальность	Анализируемый период, годы			Отклонение 2012/2010, %
	2010	2011	2012	
Агроном	78	88	86	110,3
Инженер-электрик	66	152	101	153,0
Экономист, бухгалтер АПК	111	78	208	187,4
Инженер-механик	59	94	68	115,3
Инженер-технолог по переработке	31	38	35	112,9
Зоотехник, ветеринар	85	122	99	116,5
Инженер по землеустройству и природопользованию	20	17	28	140,0
Итого	450	590	625	138,9

Наибольшие шансы на трудоустройство в аграрном секторе Волгоградской области в 2012 году имели агрономы (94%), несмотря на снижение спроса на рынке труда на 2,1% за анализируемый период, инженеры-механики (87,5%), зоотехники и ветеринары (86,0%) (табл. 2) [Там же].

Таблица 2

Оценка возможности трудоустройства по сельскохозяйственным группам специальностей в Волгоградской области за период 2010—2012 годов, %

Специальность	Анализируемый период, годы			Отклонение 2012/2010, %
	2010	2011	2012	
Агроном	96,0	87,0	94,0	97,9
Инженер-электрик	70,3	77,2	77,0	109,5
Экономист, бухгалтер АПК	87,1	85,9	85,0	97,6
Инженер-механик	82,4	79,5	87,5	106,2
Инженер-технолог по переработке	93,2	78,0	63,0	67,6
Зоотехник, ветеринар	83,0	74,1	86,0	103,6
Инженер по землеустройству и природопользованию	58,0	77,0	76,5	131,9
Итого	82,0	81,9	81,7	99,6

Таким образом, согласно представленным данным, на этапе профессионального закрепления специалистов на рабочих местах в идеале мы должны иметь следующую ситуацию: при условии трудоустройства всех выпускников на предприятиях аграрного сектора за год должны быть закрыты все вакансии в регионе. Однако, как показывает статистика, процент выпускников, трудоустроенных на предприятиях аграрного сектора Волгоградской области, колебался от 59% в 2010 году до 56% в 2012-м (рис. 3) [Там же].

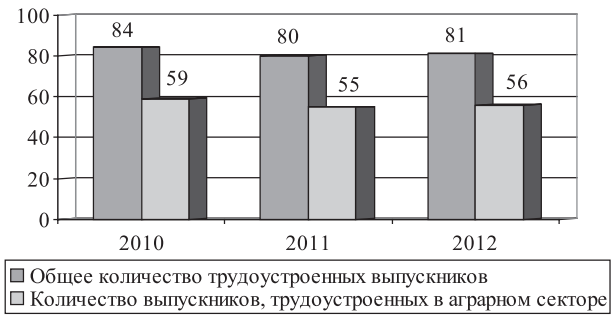


Рис. 3. Динамика трудоустройства выпускников по сельскохозяйственным группам специальностей в Волгоградской области за период 2010—2012 годов, %

Аналогичный показатель в среднем по России свидетельствует о том, что в сфере АПК трудоустраивается только 30% всех выпускников, обучающихся за счет средств федерального бюджета на очной форме обучения в аграрных вузах.

При этом остаются на постоянное место жительство, закрепляются в сельской местности в целом по РФ только 18% молодых специалистов, по данным региональной статистики Волгоградской области — 17%. Таким образом, речь идет о профессиональном использовании в сельском хозяйстве только 17% кадрового потенциала от общего объема подготовленных выпускников.

Необходимость постоянного мониторинга состояния кадрового обеспечения аграрного сектора Волгоградской области обусловлена тем, что отличительной особенностью ее сельских территорий является моноотраслевая структура сельской экономики, в которой сельское хозяйство остается основной сферой приложения труда сельских жителей. Доля сельского населения в общей численности жителей Волгоградской области в 2013 году составила 23,6%, при этом доля занятых в сельском хозяйстве в общей численности сельского населения колебалась от 31,6% в 2010 году до 35,3% в 2013-м (табл. 3) [Там же].

Таблица 3

Кадровая обеспеченность аграрного сектора Волгоградской области за период 2010—2013 годов

Показатели	Анализируемый период, годы				Отклонение 2013/2010, %
	2010	2011	2012	2013	
Численность сельского населения, тыс. чел.	625,7	620,2	612,2	606,3	96,9
Среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве, тыс. чел.	197,4	196,4	213,1	213,7	109,3
Удельный вес занятых в сельском хозяйстве, %	31,6	31,7	34,8	35,3	111,7

Представленные на рис. 4 и 5 данные отражают существенные различия в структуре занятости по месту работы в аграрном секторе в РФ и в Волгоградской области в 2012 году. Так, если в РФ только 49,9% работали на предприятиях и в организациях, то аналогичный показатель по Волгоградской области составил 78,6%. 31,8% сельских жителей в РФ были заняты в личном подсобном хозяйстве, а в Волгоградской области здесь трудилось только 4,3% сельского населения [Там же].

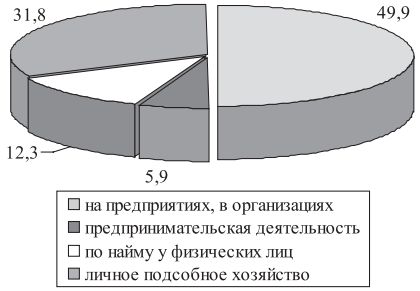


Рис. 4. Структура занятых в сельском хозяйстве по месту основной работы в РФ в 2012 году, %

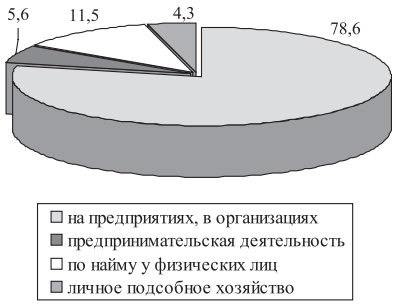


Рис. 5. Структура занятых в сельском хозяйстве по месту основной работы в Волгоградской области в 2012 году, %

Индивидуальное предпринимательство аграрного сектора Волгоградской области в структуре занимает 5,6% и практически сопоставимо с показателями по РФ (5,9%). Столь низкая предпринимательская активность обусловлена тем, что малый бизнес пока не в состоянии конкурировать с крупными сельскохозяйственными организациями ввиду высокой концентрации их производственного потенциала и потребностью развития кадрового потенциала.

Уровень занятости населения Волгоградской области увеличился за анализируемый период на 1,6% и составил в 2012 году 61,6% от экономически активного населения региона. В структуре занятости доля руководителей и специалистов с высшим образованием составила 27,1%, при этом их средний возраст — 48—55 лет, что в целом негативно отражается на качестве менеджмента и является сдерживающим фактором в повышении эффективности агропромышленного производства и возможности его инновационного развития (рис. 6) [Там же].

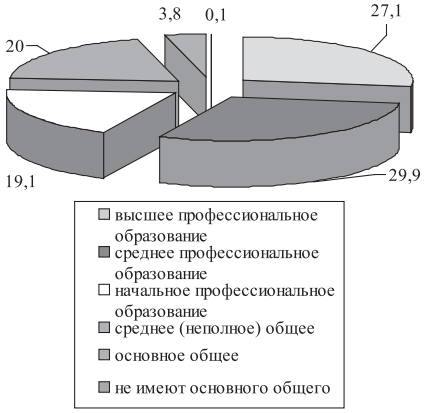


Рис. 6. Структура занятости по уровню образования Волгоградской области в 2012 году, %

По мнению автора, аграрный сектор Волгоградской области вызывает тревогу как в части повышения качества его

кадрового обеспечения, так и в части обеспечения устойчивой занятости сельского населения. Динамика безработицы в Волгоградской области имеет незначительную тенденцию к сокращению за анализируемый период на 1,1%, ее доля в 2012 году составила 5,6% от экономически активного населения, в абсолютной сумме — 80,4 тыс. чел. Анализ структуры безработных по уровню образования Волгоградской области показал, что на учете в центре занятости стояли 19,1% граждан с высшим профессиональным образованием и 26,1% со средним профессиональным образованием, и это без учета латентной безработицы (рис. 7) [Там же].

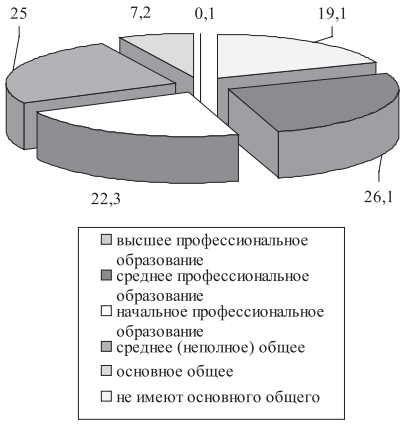


Рис. 7. Структура безработных по уровню образования Волгоградской области в 2012 году,%

Не решает проблем занятости и аграрный рынок труда Волгоградской области, обладающий рядом специфических особенностей, таких как:

— недостаточная информированность сельских жителей об имеющихся вакансиях, обусловленная небольшим количеством центров занятости и их отдаленностью;

— значительная рассредоточенность вакантных мест по сельским территориям, в ряде случаев их недоступность, связанная с отсутствием дорожно-транспортной инфраструктуры;

— малое число вакансий по видам деятельности, не связанным с сельскохозяйственным трудом;

— низкая предпринимательская активность, неготовность сельского населения создавать фермерские хозяйства, предприятия малого бизнеса;

— наличие вакансий на сельскохозяйственные группы специальностей на сезонную работу;

— низкая горизонтальная мобильность работников между сельскими поселениями.

Сельский рынок труда свидетельствует о необходимости его совершенствования, поскольку он не решает в полном объеме проблем трудоустройства населения, что, в свою очередь, негативно отражается в целом на социально-экономическом развитии сельских поселений [4, с. 93].

Истощение кадрового обеспечения аграрного сектора Волгоградской области связано как с проблемами его формирования, так и с рядом других объективных факторов. Рассмотрим основные из них.

Во-первых, Волгоградская область в 2012 году входила в число регионов с превышением числа умерших над числом родившихся в 1—1,2 раза, а ведь именно уровень рождаемости на селе обеспечивает простое воспроизводство населения. В целом по РФ суммарный коэффициент рождаемости у сельского населения в 2012 году в 1,44 раза превышал аналогичный показатель у городского населения.

Во-вторых, в Волгоградской области в 2012 году наблюдался значительный внутрирегиональный и межрегиональный миграционный отток сельского населения (коэффициент миграционной убыли свыше 70), межотраслевое перераспределение трудовых ресурсов — отток в отрасли, с которыми сельскому хозяйству трудно конкурировать.

В-третьих, не способствует формированию качественного кадрового обеспечения Волгоградской области и оплата труда, складывающаяся в аграрном секторе (табл. 4) [3].

Таблица 4

Средняя заработная плата специалистов по сельскохозяйственным группам специальностей в Волгоградской области за период 2010—2012 годов, руб.

Год	Агротехнологический	Инженерно-технологический	Биотехнологии и ветеринарной медицины	Перерабатывающих технологий и товароведения	Экологомелиоративный	Электроэнергетический	Экономический	Средняя заработная плата
2010	7940	8600	8500	8400	7600	11100	6960	8450
2011	8400	8500	12000	8000	7700	8760	8000	8765
2012	9000	10200	11300	7950	9800	10200	8300	9535

В Волгоградской области средняя заработная плата работников аграрного сектора возросла за период на 12,8% и составила в 2012 году 9535 руб. Наиболее «высокооплачиваемыми» в 2012 году стали специалисты по биотехнологии и ветеринарной медицине (11300 руб.), а также инженеры-технологи и энергетики (10200 руб.). В РФ среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве в 2012 году составила 14129 руб. Таким образом, средняя заработная плата специалистов АПК по РФ на 48,2% опережает аналогичный показатель по Волгоградской области. По соотношению заработной платы в сельском хозяйстве с региональной величиной прожиточного минимума трудоспособного населения Волгоградская область в 2013 году входила в число регионов с диапазоном 150,1—200,0% [Там же].

В-четвертых, сдерживающим фактором для молодых специалистов является неразвитость социально-культурной сферы, жилищного фонда, дорожно-транспортной инфраструктуры и общее падение уровня жизни на селе. Так, доля сельских поселений Волгоградской области с численностью населения до 999 чел. в 2013 году составила 38,7%, возможности таких поселений по обеспечению медицинскими, образовательными, культурными, торговыми, бытовыми и прочими социальными услугами ограничены и представлены в соответствии с социальными нормативами лишь минимальным набором учреждений соответствующего профиля (филиалы, передвижные центры, комплексы) [5, с. 54].

В-пятых, малые и средние сельские поселения Волгоградской области не могут стать хозяйственными центрами, на территории которых размещаются крупные производства (агропромышленные комплексы, крупные животноводческие комплексы, предприятия глубокой переработки продукции), поскольку они не располагают значительными производственными мощностями и, как следствие, не нуждаются в значительной концентрации квалифицированных специалистов аграрного сектора [6, с. 78].

Это далеко не все факторы, объективно препятствующие привлечению и закреплению специалистов в аграрном секто-

ре Волгоградской области. Как показывает практика, основная проблема кроется не в завышенных требованиях работодателей к потенциальным работникам, что характерно для городов, а в отсутствии элементарных условий, обеспечивающих достойное качество жизни в сельских поселениях молодых специалистов.

Формирование качественного, конкурентоспособного кадрового обеспечения аграрного сектора Волгоградской области, способствующего его инновационному развитию, на наш взгляд, возможно только при реализации следующих основных мероприятий:

1) создание эффективной системы профессиональной ориентации выпускников сельских школ, средних учебных заведений, позволяющей сформировать готовность населения к обучению по сельскохозяйственным группам специальностей, к последующему самообразованию и самореализации в сельском хозяйстве [7, с. 99];

2) формирование опережающей системы подготовки и переподготовки кадров для аграрного сектора в соответствии с прогнозами развития аграрного рынка труда и стратегии развития региона;

3) создание единого образовательного, научного, производственного пространства для подготовки квалифицированных специалистов аграрного сектора, основными субъектами которого должны стать представители аграрного бизнеса, профессорско-преподавательский состав и студенческое сообщество. Примерами взаимодействия могут быть: формирование требований к уровню и качеству подготовки сельскохозяйственных кадров, участие работодателей в учебном процессе на этапе формирования практических навыков, подбор потенциальных работников в соответствии с имеющимися вакансиями и их трудоустройство;

4) возрождение системы распределения выпускников аграрных образовательных учреждений, поскольку традиционная система отбора и найма работников неэффективна применительно к аграрному сектору;

5) формирование информационной инфраструктуры и освоение сельскими жителями информационных ресурсов и технологий, что позволит обеспечить возможность постоянного доступа к необходимой информации, актуализировать имеющиеся профессиональные знания и навыки, изучить российский и мировой опыт, ознакомиться с новыми технологиями и инновационными разработками в сельском хозяйстве;

6) формирование кадрового обеспечения с активной инновационной восприимчивостью, отражающей уровень востребованности специалистами аграрного сектора результатов инновационной деятельности [8, с. 53];

7) разработка системы мотивации и обеспечения социальной защиты трудоспособного сельского населения, позволяющей обеспечить высокую мотивированность как к труду в целом, так и к повышению уровня своего профессионализма;

8) повышение престижности сельскохозяйственного труда за счет обеспечения хороших условий труда, социально-бытовых условий и достойной заработной платы.

Как показывает российская и мировая практика, аграрный сектор экономики в силу своей важнейшей стратегической, монополистической роли в вопросах продовольственной безопасности государства, социальной ориентированности не может существовать без государственного регулирования и поддержки, что является экономически, социально, политически оправданным в любые исторические периоды. Однако реальные перспективы инновационного развития агарного сектора могут быть достигнуты только после решения проблемы его кадрового обеспечения квалифицированными специалистами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зубова О. Г. Кадровый потенциал как компонент многофункциональной конкурентной среды аграрного сектора: региональный аспект // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 2 (100). С. 132—136.

2. Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/ (дата обращения: 20.03.2015).

3. Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/scripts/db_ inet2/passport/pass.aspx?base=munst18&r=18701000 (дата обращения: 25.03.2015).

4. Беликова Е. В., Сырбу А. Н. Состояние современного рынка трудовых ресурсов России: проблемы и тенденции развития // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 91—94.

5. Зубова О. Г. Михайлова Е. В., Зверева Г. Н. Комплексное благоустройство как инструмент повышения инвестиционной активности сельской местности // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2014. № 2. С. 52—55.

6. Zubova O. G., Daeva T. V. The analytical tools for assessing investment activity in rural areas // Futurum. Eurasijskj Svaz Vzdelavacich Aktivit a Mezinarodni Spoluprace (EURASS). 2015. Vol. 2. № 1. C. 15—17.

7. Изюмова О. Н., Федянова Н. А. Модель непрерывной профессиональной адаптации в системе бизнес-образования // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 97—101.

8. Ващенко А. Н., Зубова О. Г., Даева Т. В. Мониторинг инвестиционной активности сельских территорий // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 52—55.

REFERENCES

1. Zubova O. G. Personnel potential as a multifunctional component of the competitive environment of the agricultural sector: regional aspect // Bulletin of the Altai State Agrarian University. 2013. № 2 (100). P. 132—136.

2. The website of the all-Russian center for public opinion research [Electronic resource]. URL: http://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/ (date of viewing: 20.03.2015).

3. The website of the Federal state statistics service [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst18&r=18701000 (date of viewing: 25.03.2015).

4. Belikova E. V., Sirbu A. N. The state of the modern labor market in Russia: problems and trends of development // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 91—94.

5. Zubova O. G., Mikhailova E. V., Zvereva G. N. Complete improvement as a tool to improve the investment activity of rural areas //

Economics of agricultural and processing enterprises. 2014. № 2. P. 52—55.

6. Zubova O. G., Daeva T. V. The analytical tools for assessing investment activity in rural areas // Futurum. Eurasijskj Svaz Vzdelavacich Aktivit a Mezinarodni Spoluprace (EURASS). 2015. Vol. 2. № 1. P. 15—17.

7. Izyumova O. N., Fidyanova N. A. The model of continuous professional adaptation in the system of business education // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 4 (21). P. 97—101.

8. Vashchenko A. N., Zubova O. G., Daeva T. V. Monitoring of investment activity of rural territories // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 1 (26). P. 52—55.

УДК 338.22
ББК 65.011.151

Ivanova Marina Anatolievna,
candidate of economic sciences, associate professor
of the department of finance and credit
of Kurgan State University,
Kurgan,
e-mail: marinaivanova59@gmail.com

Иванова Марина Анатольевна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры финансов и кредита
Курганского государственного университета,
г. Курган,
e-mail: marinaivanova59@gmail.com

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

PROBLEM ISSUES OF THE ECONOMY INNOVATIVE DEVELOPMENT

В статье рассматриваются практические вопросы обеспечения инновационного развития страны, анализируются причины обострения проблем экономического роста и необходимость кардинальных изменений в экономической системе страны для обеспечения устойчивого экономического роста, повышения уровня качества жизни населения, гарантирования технологической и экономической безопасности на уровне государства и любой организации. Сформулированы особенности интеллектуальных ресурсов как фактора экономического роста. Определены функции государства для ускорения темпов экономического роста, а именно формирование законодательной базы инновационного развития, определение приоритетных направления развития, которые обязательно должны носить пионерский характер, обеспечение мотивации инновационной деятельности, формирование механизма управления ресурсами и обеспечение жесткого контроля. Предложены рекомендации по формированию элементов механизма управления интеллектуальными ресурсами.

Ключевые слова: инновационный тип экономики, система образования, обеспечение конкурентоспособности, интеллектуальные ресурсы, нематериальные активы, экономический рост, экономическая безопасность, инновационная составляющая, человеческий капитал, приоритетные направления развития, финансирование инновационной деятельности, мотивация, механизм управления.

The article examines the practical issues of providing the country innovative development, analyzes the reasons of aggravation the challenges of economic growth, as well as the need for fundamental changes in the economic system of the country to achieve sustainable economic growth, improving the population life quality, ensuring technological and economic security at the level of the state and any organization. Peculiarities of intellectual resources as a factor of economic growth are formulated. Functions of the state for acceleration of the economic growth rate are identified, namely the formation of the legislative base of innovative development, definition of priority directions of development, which must have pioneer nature, providing motivation of innovation activity, establishing the mechanism of resources management and ensuring strict control. The recommendations for establishing the components of the mechanism of the intellectual resources management are proposed.

Keywords: innovative type of economy, system of education, provision of competitiveness, intellectual resources, intangible assets, economic growth, economic security, innovative component, human capital, development priorities, funding of innovations, motivation, management mechanism.

Мировая экономика в своем развитии переходит от индустриального и постиндустриального уклада к инновационному типу экономики. На современном этапе развития в условиях обострения политических, экономических проблем мирового сообщества и непрерывного роста глобальной конкуренции на рынках товаров и услуг экономический рост связывают с масштабом и устойчивостью эффективного развития во всех отраслях национальных экономик. Именно эффективное развитие, обусловленное инновационной деятельностью, становится решающим фактором экономического роста и обеспечения конкурентоспособности экономики любой страны, а также конкурентоспособности любой организации, поскольку только на основе новаторского движения вперед можно обеспечить устойчивый экономический рост, поднять качество жизни населения, гарантировать технологическую и экономическую безопасность на уровне государства и конкретной организации. К сожалению, следует констатировать катастрофическую диспропорцию нашей национальной экономики, а именно ее сырьевую направленность. Анализ товарной структуры экспорта Российской Федерации (в фактически действовавших ценах) по данным Федеральной службы государственной статистики показал, что в 2011 году 70,3% экспорта в России приходилось на долю минеральных продуктов. Причем названная доля за последние двадцать лет выросла в 1,7 раза. Доля экспорта всех остальных товаров, где потенциально могут использоваться высокие технологии, наоборот, из года в год сокращается. Доля экспорта машин и оборудования, доля продукции химической промышленности по сравнению с 1995 годом сократились почти вдвое [1]. Природные ресурсы конечны,

и в долгосрочной перспективе, если ситуация не изменится, нам просто нечем будет торговать.

Проблема инновационного развития для России обострилась с начала 2014 года. Именно в этот период руководство страны нашло силы и мужество выступить против политики западного мира, поддержав сопротивление украинского народа, который не принял военный переворот в Киеве, организованный США. В результате России объявлены санкции, которые лишают ее возможности использовать инвестиционные и интеллектуальные ресурсы мирового сообщества.

Инновационная составляющая экономического роста определяется уровнем использования человеческого капитала, который генерирует интеллектуальные ресурсы. Главным источником благосостояния государства становятся не природные ресурсы, а творческие достижения людей — результаты интеллектуальной деятельности, основанные на знаниях и опыте. Интеллектуальные ресурсы обеспечивают само существование и масштаб материального производства. При этом самыми ценными инновациями являются те, что обретают форму охраняемой законом интеллектуальной собственности, то есть форму нематериальных активов, которые дают возможность создать инновационную монополию.

Поэтому важнейшие задачи, стоящие перед Россией в современной ситуации, — формирование благоприятных условий для развития собственных интеллектуальных ресурсов и изыскание инвестиционных ресурсов внутри страны.

Рассматривая интеллектуальные ресурсы как фактор экономического роста, автор формулирует следующие их особенности по сравнению с материальными ресурсами.

Первая особенность: создание интеллектуальных ресурсов целиком зависит от уровня развития науки и образования.

Вторая особенность: формирование интеллектуальных ресурсов — это прерогатива государства, так как рыночные отношения начнут работать тогда, когда государство создаст механизм регулирования воспроизводства интеллектуальных ресурсов через процессы перераспределения общественного продукта.

Третья особенность: сложность выделения критериев эффективного использования интеллектуальных ресурсов.

Четвертая особенность: затраты на формирование интеллектуальных ресурсов носят характер долгосрочных инвестиций.

Названные особенности позволяют сделать вывод, что роль государственного регулирования в формировании инновационной деятельности, результатом которой являются нематериальные активы и интеллектуальная собственность, огромна. Как свидетельствует мировой опыт, чем больше страна отстает в своем развитии, тем значительнее роль государственных органов управления в создании инфраструктуры, мобилизации ресурсов, выявлении приоритетов развития, достижении пропорций и взаимосвязей в национальной экономике.

Автор предлагает выделить следующие функции государства, направленные на формирование и развитие инновационной деятельности.

Первая функция — обеспечение законодательной базы. США, приступая в 80-х годах прошлого столетия к формированию инновационной политики, приняли пакет из 10 важнейших законодательных актов. Среди них «Закон о технологических инновациях» «Закон о процедурах патентования в университетах и малом бизнесе», «Закон о трансферте федеральных технологий». Создана национальная инновационная система, в рамках которой реализуются многочисленные программы поддержки инновационной деятельности. В России до сих пор нет федерального закона, закрепляющего цели, задачи, принципы инновационной политики и механизмы их реализации, хотя на самом высоком уровне приоритетность инновационного развития провозглашена.

Исследования международных и российских законодательных актов, МСФО 38, Международных стандартов оценки (МР 4), Налогового кодекса РФ, Гражданского кодекса РФ и правил бухгалтерского учета ПБУ 14/2007 не дают неоднозначного определения и структуры нематериальных активов. Анализ показывает, что как в мире, так и у нас в стране нет единого толкования состава нематериальных активов.

Одно из наиболее значительных расхождений между международными документами и российскими заключается в том, что правовые критерии признания нематериальных активов в российских стандартах являются основными.

Такое неоднозначное толкование нематериальных активов связано с широким диапазоном видов нематериальных активов и специфическими особенностями, характерными только для отдельных видов нематериальных активов, но не для всех одновременно.

В определении нематериальных активов следует остановиться на позициях, которые характеризовали бы то общее, что можно сказать о нематериальных активах вообще, не делая специальных оговорок относительно сферы применения или страны, в которой они функционируют [2]. В законодательных актах нет определения и структуры нематериальных активов, что не позволяет осуществлять качественный анализ и учет интеллектуальных ресурсов.

Вторая функция — государство прогнозирует и планирует инновационное развитие, формирует приоритетные направления развития научно-технического прогресса. Эти направления в обязательном порядке должны носить глобальный, поистине пионерский характер. Только такой подход сможет нам обеспечить инновационное развитие. При этом необходимо устанавливать индикативные показатели, чтобы инновационные программы приводили к конкретным результатам, а не являлись просто декларациями.

Третья функция — государство должно обеспечивать процесс воспроизводства рабочей силы, что означает обязательность повышения эффективности работы образовательных учреждений в новых социально-экономических и демографических условиях [3]. Эффективное функционирование системы образования — основной фактор развития интеллектуальных ресурсов [4].

Четвертая функция — развитие фундаментальных знаний, которые зачастую не могут в краткосрочном периоде приносить доход, но служит базой для развития прикладных знаний. Лидеры современного прогресса вкладывают огромные средства в развитие науки и техники.

Пятая функция — финансирование инновационной деятельности. В условиях острого дефицита инвестиционных ресурсов предлагается привлечение частного капитала. Причем привлечение мелких инвесторов можно обеспечить только в том случае, если законодательно определить, например, обязательную выплату дивидендов в большем размере, чем доходность безрисковых финансовых инструментов. Тогда мелкий инвестор, а таких у нас в стране много, потому что русский человек всегда откладывает деньги на черный день, будет мотивирован на получение большего дохода. Передавая в руки частного капитала приоритетные программы развития экономики, государство сокращает расходы бюджета и обеспечивает в будущем увеличение налоговых поступлений за счет реализации инновационных

проектов. Формирование налоговой политики государства в интересах роста производственного и человеческого капитала имеет большое значение [5]. Мотивация частного капитала заключается и в кардинальном снижении налоговой нагрузки на организации, которые занимаются инновационной деятельностью, вплоть до полного освобождения от уплаты налогов на какой-то период, например, на срок окупаемости проектов. К сожалению, целевое выделение денежных средств ведет к неэффективному использованию бюджетных средств.

Шестая функция — формирование механизма управления интеллектуальными ресурсами. По мнению автора, такой механизм — это система управления экономическими отношениями организации по обеспечению развития нематериальных активов, через инструменты управления с помощью методов управления при наличии государственного нормативно-правового обеспечения, рыночного и внутреннего механизмов управления, информационного обеспечения.

Механизм управления интеллектуальными ресурсами представлен управляющей и управляемой подсистемами.

Управляющая подсистема (субъект управления) включает в себя менеджеров всех уровней и специалистов, непосредственно участвующих в процессе формирования и развития интеллектуальных ресурсов.

Управляемая подсистема (объект управления) включает в себя экономические отношения по формированию и развитию интеллектуальных ресурсов.

По мнению автора, управляющая подсистема должна выполнять такие функции, как:

— разработка стратегии развития интеллектуальных ресурсов;

— создание эффективных информационных систем;

— осуществление анализа состояния интеллектуальных ресурсов;

— планирование мероприятий по обеспечению развития активов;

— формирование «центров ответственности» по развитию активов;

— разработка и реализация мероприятий по созданию интеллектуальных ресурсов;

— мотивация, основания для создания инновационной монополии.

Все перечисленные выше функции управляющей подсистемы направлены на управляемую подсистему. Именно под действием управляющей подсистемы формируются экономические отношения по созданию интеллектуальных ресурсов, формированию использования источников, происходит оборот интеллектуальных ресурсов.

Таким образом, можно сформулировать рекомендации по формированию элементов механизма управления интеллектуальными ресурсами и нематериальными активами:

— строгое соблюдение законодательства по охране интеллектуальной собственности;

— сбор и анализ информации о приоритетных направлениях развития науки, техники, бизнеса;

— организация центров ответственности, в первую очередь патентных отделов, укомплектованных патентными поверенными;

— формирование портфеля нематериальных активов (для этого выявить имеющиеся и потенциальные активы, если есть возможность, запатентовать, если нет — засекретить);

— предоставление консалтинговых и юридических услуг по бухгалтерскому и управленческому учету, оценке, организации бизнеса, по разработке инвестиционных проектов, патентному делу, ликвидации финансовой безграмотности населения и т. п.;

— развитие человеческого капитала путем повышения квалификации специалистов, материальной и моральной заинтересованности, соблюдения авторских прав;

— проведение мониторинга эффективности использования нематериальных активов.

Сформированный и четко функционирующий механизм управления нематериальными активами обеспечит инновационное развитие и увеличение темпов экономического роста.

Седьмая функция — жесткий контроль реализации инновационных программ, достижения индикативных показателей приоритетных направлений инновационного развития, эффективности использования бюджетных средств.

Таким образом, для обеспечения инновационного развития государству необходимо сформировать законодательную базу развития, определить приоритетные направления развития, которые обязательно должны носить пионерский характер, обеспечить мотивацию инновационной деятельности, сформировать механизм управления и обеспечить жесткий контроль.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ftrade/# (дата обращения: 05.07.2015).

2. Козырев А. Н., Макаров В. Л. Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности. М.: РИЦ ГШ ВС РФ, 2003. 368 с.

3. Кузьмин А. В. Концентрация интеллектуальных ресурсов на основе сравнительного подхода к оценке качества образования // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 107—109.

4. Иванова М. А. Влияние интеграционных процессов в высшей школе на повышение качества образовательных услуг // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 101—107.

5. Огородникова И. И. Формирование налоговой политики государства в интересах роста производственного и человеческого капитала // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 1 (30). С. 52—55.

REFERENCES

1. Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ftrade/# (date of viewing: 07.05.2015).

2. Kozyrev A. N., Makarov V. L. Valuation of intangible assets and intellectual property. M.: RIC of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, 2003. 368 p.

3. Kuzmin A. V. Concentration of intellectual resources on the basis of a comparative approach to assessing the quality of education //

Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 4 (21). P. 107—109.

4. Ivanova M. A. Influence of integration processes in higher education on improvement of the quality of educational services // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 4 (21). P. 101—107.

5. Ogorodnikova I. I. Formation of the tax policy of the state in the interest of production and human capital growth // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2015. № 1 (30). P. 52—55.

УДК 658.114
ББК 65.290.31

Kiseleva Olga Vladimirovna,
candidate of economics, associate professor, associate professor of the department of economic analysis and public administration
of Ulyanovsk State University,
Ulyanovsk,
e-mail: kiseleva_o@rambler.ru

Davydova Yulia Vitalievna,
the 4th year student of the department of management, of the subject Government and municipal management
of Ulyanovsk State University,
Ulyanovsk,
e-mail: davydova_ju@rambler.ru

Киселева Ольга Владимировна,
канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры экономического анализа и государственного управления
Ульяновского государственного университета,
г. Ульяновск,
e-mail: kiseleva_o@rambler.ru

Давыдова Юлия Витальевна,
студентка 4-го курса факультета управления, направление «Государственное и муниципальное управление»
Ульяновского государственного университета,
г. Ульяновск,
e-mail: davydova_ju@rambler.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РФ

ASSESSMENT OF EFFECTIVENESS OF THE STATE POLICIES FOR SUPPORTING ENTREPRENEURSHIP IN THE RF

В статье рассматриваются меры государственной поддержки развития предпринимательства в РФ. Представлены методы поддержки малого бизнеса, предусмотренные в государственных программах, проанализированы целевые индикаторы развития предпринимательства и реализации государственных программ. Рассмотрена практика реализации государственной политики поддержки предпринимательства на региональном уровне и механизм поддержки малого бизнеса на примере Ульяновской области. На основе построения модели корреляционной зависимости налоговых поступлений от субъектов малого предпринимательства и затрат государственного бюджета на их поддержку проведена оценка эффективности реализации программ по поддержке предпринимательства. Сделаны выводы об эффективности государственной политики поддержки предпринимательства и необходимости усовершенствования методов поддержки развития малого бизнеса в России.

The article discusses measures of the state support of entrepreneurship development in the Russian Federation. Methods of supporting small business provided for in the state programs are presented; the target indicators of development of entrepreneurship and implementation of the government programs are analyzed. Practical implementation of the state policy for supporting entrepreneurship at the regional level and the mechanism of supporting small business is presented on the example of Ulyanovsk region. Based on development of a model of correlation dependence of tax revenues from small businesses and the expenses of the state budget for their support, evaluation of effectiveness of implementation of the programs for supporting entrepreneurship is done. Conclusions about effectiveness of the public policies for supporting entrepreneurship and the need for improvement the methods of small business development support in Russia are made.

Ключевые слова: предпринимательство, малый бизнес, поддержка развития предпринимательства, эффективность государственной политики, программы поддержки предпринимательства, условия для ведения бизнеса, меры поддержки предпринимательства, механизмы поддержки бизнеса, индикаторы развития бизнеса, деловой климат.

Keywords: entrepreneurship, small business, support of business development, effectiveness of government policies, programs of supporting entrepreneurship, conditions for doing business, measures for supporting entrepreneurship, business support mechanisms, business development indicators, business climate.

О необходимости поддержки малого бизнеса в России говорят много и постоянно. Действительно, мировая практика показывает, что предпринимательство играет важную роль в экономике любого государства, оно во многом определяет темпы экономического роста, структуру и качество валового внутреннего продукта. Однако темпы развития предпринимательства в России отстают от мировых показателей, доля малого и среднего бизнеса в ВВП ниже, чем в среднем в мире. В связи с этим возникает необходимость анализа и оценки эффективности проводимой в Российской Федерации государственной политики в области развития и поддержки предпринимательства.

Новая экономика — это экономика, где малый бизнес представляет не менее половины рабочих мест в экономике. При этом значительная часть малого бизнеса 2020 года — это

должны быть сектора интеллектуального и творческого труда, работающие на глобальном рынке, экспортирующие свои продукты и услуги [1].

Основными элементами нового позиционирования государственной политики по развитию малого и среднего предпринимательства выступают:

1) формирование и широкое применение инструментов поддержки динамичного развития малых и средних предприятий на разных этапах жизненного цикла;

2) развитие механизмов обратной связи и общественного мониторинга решений в сфере регулирования предпринимательской деятельности;

3) реализация программы пропаганды предпринимательской деятельности;

4) расширение программ поддержки молодежного предпринимательства;

5) тиражирование лучших практик поддержки малого и среднего предпринимательства на региональном и муниципальном уровнях.

Данные направления реализуются посредством определенных механизмов поддержки в каждой из сфер предпринимательской деятельности (табл. 1)

Таблица 1

Механизмы поддержки предпринимательской деятельности

Сфера	Механизм
Финансы	1) гранты начинающим (приоритет — безработные, уволенные, в запасе); 2) субсидии государственным микрофинансовым организациям и гарантийным фондам
Модернизация	1) субсидирование % ставок по кредитам; 2) субсидирование покупки нового оборудования; 3) лизинг оборудования
Инновационная инфраструктура	1) центры кластерного развития; 2) региональные центры инжиниринга; 3) центры прототипирования; 4) центр сертификации, стандартизации и испытаний
Экспорт	1) региональные центры поддержки экспорта; 2) региональные интегрированные центры
Социальные инициативы	1) субсидии социально ориентированным субъектам МСП; 2) субсидии центрам дневного времяпрепровождения детей, дошкольным образовательным центрам; 3) молодежное предпринимательство, в том числе центры молодежного инновационного творчества; 4) народные художественные промыслы
Информационно-консультационная поддержка	Центры поддержки предпринимательства
Специальная инфраструктура	Бизнес-инкубаторы, промышленные парки (в том числе частные) и технопарки

В целях создания благоприятного предпринимательского климата, условий для ведения бизнеса, а также повышения его инновационной активности Министерством экономического развития Российской Федерации в 2014 году утверждена государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика». В рамках данной программы предусмотрена реализация Федеральной целевой подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства» [2]. Целью данной подпрограммы является увеличение доли субъектов малого и среднего предпринимательства в экономике РФ.

Среди задач данной подпрограммы указываются обеспечение доступности финансовой, имущественной, образовательной и информационно-консультационной поддержки для субъектов малого и среднего предпринимательства; сокращение издержек субъектов малого и среднего предпринимательства, связанных с государственным регулированием, а также совершенствование системы налогообложения для субъектов малого и среднего предпринимательства.

В 2013 году в рамках финансовой программы поддержки предпринимательства из бюджета было выделено 19,82 млрд руб., в 2014 году — на 8,1% больше. Финансирование программы постоянно растет. Такая тенденция наблюдается с 2009 года, и обусловлена она реализацией антикризисного пакета мер, а также общим увеличением количества субъектов Российской Федерации, участвующих в реализации программы (рис. 1).

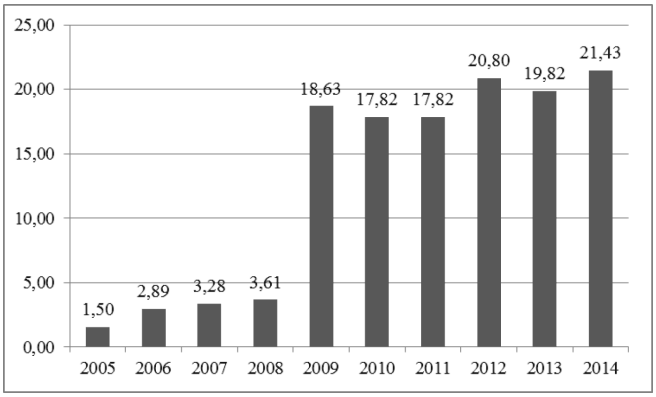


Рис. 1. Объем бюджетного финансирования федеральной программы поддержки малого и среднего предпринимательства в 2005—2014 годах, млрд руб. [3]

Распределение средств федерального бюджета на реализацию программы в последние годы показывает следующую ситуацию:

— на реализацию прямых мер финансовой поддержки в виде предоставления субсидий субъектам МСП на различные цели направляется около 55% от общего объема выделяемых средств;

— на реализацию непрямых мер поддержки в виде создания специализированной инфраструктуры поддержки, в том числе финансовой, направляется около 45% от общего объема выделяемых средств.

Определим эффективность реализации программы в части достижения целевых показателей количества субъектов малого и среднего предпринимательства (включая индивидуальных предпринимателей) в расчете на 1 тыс. чел. населения Российской Федерации за 2012—2014 годы. По данным подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства» государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика», в 2013 году запланирован рост значения показателя на 2 единицы, а в 2014-м — на 1,4:

1) 2012 год — 42,2 единицы субъектов МСП в расчете на 1 тыс. чел.;

2) 2013 год — 44,2 единицы субъектов МСП в расчете на 1 тыс. чел.;

3) 2014 год — 45,6 единицы субъектов МСП в расчете на 1 тыс. чел.

Таблица 2

Численность населения и субъектов малого и среднего предпринимательства в РФ за 2012—2014 годы [4]

Год	Население РФ, млн чел.	**Количество субъектов МСП, тыс. чел.**	**Количество субъектов МСП в расчете на 1 тыс. чел.**
2012	143,0	6040,6	42,24
2013	143,3	5590,9	39,02
2014	143,7	5665,8	39,43

Сравнив фактические значения с плановыми показателями программы, можно сделать вывод, что в части роста субъектов предпринимательства программа на данном этапе неэффективна, так как число малых предпринимателей в 2013 году сократилось.

Эффективность реализации государственной программы поддержки малого и среднего предпринимательства определяется не только ростом количества субъектов малого бизнеса, но и экономической выгодой для государства за счет увеличения налоговых поступлений в бюджет.

Для оценки эффективности государственных расходов в части реализации государственных программ поддержки предпринимательства проведем корреляционный анализ зависимости налоговых поступлений от субъектов малого бизнеса и затрат государства на их финансовую поддержку (табл. 3).

Таблица 3

Объем налоговых поступлений от МСП и затрат на их поддержку в 2009—2013 годах [5; 6]

Год	Объем налоговых поступлений (ЕНВД + УСН + ЕСХН), млрд руб.	Объем средств на поддержку МСП, млрд руб.
2009	173,5	4,0
2010	205,7	10,0
2011	223,0	16,0
2012	258,9	19,0
2013	263,9	20,1

Для того чтобы провести корреляционный анализ, занесем имеющиеся данные в табл. 4 и выполним необходимые расчеты.

Таблица 4

Год	Объем средств на поддержку, x	Объем налоговых поступлений, y	$x2$	$x \times y$	$y2$	$\hat{y}$
2009	4,00	173,50	16,00	694,00	30102,25	171,38
2010	10,00	205,70	100,00	2057,00	42312,49	204,20
2011	16,00	223,00	256,00	3568,00	49729,00	237,02
2012	19,00	258,90	361,00	4919,10	67029,21	253,43
2013	20,10	263,90	404,01	5304,39	69643,21	259,44
∑	69,10	1125,00	1137,01	16542,50	258816,16	1125,0

$$a_0 = \frac{\sum y \times \sum x^2 - \sum xy \times \sum x}{n \times \sum x^2 - (\sum x)^2} = \frac{1125 \times 1137{,}01 - 16542{,}5 \times 69{,}1}{5 \times 1137{,}01 - 4774{,}81} = \frac{136049{,}5}{910{,}24} = 149{,}5$$

$$a_1 = \frac{n \times \sum xy - \sum y \times \sum x}{n \times \sum x^2 - (\sum x)^2} = \frac{5 \times 16542{,}5 - 1125 \times 69{,}1}{5 \times 1137{,}01 - 4774{,}81} = \frac{4975}{910{,}24} = 5{,}47$$

$\hat{y}$ x = 149,5 + 5,47x, следовательно, при увеличении финансирования программ поддержки предпринимательства на 1 млрд руб. объем налоговых поступлений от субъектов малого бизнеса возрастает на 5,47 млрд руб.

На основании полученных значений рассчитаем коэффициенты:

1) линейный коэффициент корреляции:

$$r = a_1 \times \frac{y_x}{y_y} = 5{,}47 \times \frac{6{,}03}{33{,}74} = 0{,}98, \text{ где}$$

$$y_x = \sqrt{\frac{\sum x^2}{n} - \bar{x}^2} = \sqrt{\frac{1137{,}01}{5} - 190{,}99} = 6{,}03$$

$$y_y = \sqrt{\frac{\sum y^2}{n} - \bar{y}^2} = \sqrt{\frac{258816{,}16}{5} - 50625} = 33{,}74$$

Полученный коэффициент находится в диапазоне 0,7 < 0,98 < 1, это свидетельствует о том, что связь между объемом средств на поддержку малого бизнеса и налоговыми поступлениями от них тесная, прямая;

2) линейный коэффициент детерминации:

$$R = r^2 \times 100\% = (0{,}98)^2 \times 100\% = 96\%$$

Следовательно, величина налоговых поступлений в бюджет от субъектов предпринимательства на 96% зависит от объема государственной поддержки;

3) коэффициент эластичности:

$$\bar{э} = a_1 \times \frac{\bar{x}}{\bar{y}} \times 100\% = 5{,}47 \times \frac{13{,}82}{225} = 34{,}6\%$$

Можно сделать вывод, что при увеличении финансирования государственных программ поддержки предпринимательства на 1% объем налоговых поступлений от данного сектора вырастет на 34,6%.

Обобщив вышеизложенные результаты анализа эффективности программы «Развитие малого и среднего предпринимательства» в РФ, можно сказать, что программа в целом обеспечивает финансовую, имущественную, образовательную и информационно-консультационную поддержку для субъектов малого и среднего предпринимательства. Чем больше средств выделяет государство на субсидирование различных целей предпринимателей, тем больше оно получает в бюджет в виде налоговых поступлений. Однако меры по увеличению

численности субъектов малого и среднего предпринимательства следует в некоторой мере усовершенствовать.

Необходимость софинансирования расходных обязательств из средств региональных бюджетов в дополнение к средствам федерального бюджета позволяет привлекать финансовые средства регионов, что стимулирует региональные власти к повышению эффективности программ поддержки малого и среднего предпринимательства. Следует отметить, что уровень софинансирования зависит от индекса бюджетной обеспеченности региона, ежегодно рассчитываемого Министерством финансов РФ, и в среднем составляет около 70%.

Для того чтобы узнать, как реализуется государственная политика поддержки предпринимательства на региональном уровне, рассмотрим результаты развития малого бизнеса на примере Ульяновской области.

В Ульяновской области развитию и поддержке малого и среднего предпринимательства уделяют значительное внимание.

Ульяновская область вошла в число регионов, где в 2015 году внедряется риск-ориентированная модель в сфере государственного контроля и надзора, утвержден и начал работать «Стандарт деятельности по обеспечению благоприятного делового климата в Ульяновской области». В области создана полноценная инфраструктура поддержки и сопровождения предпринимательства [7].

В табл. 5 представлена динамика показателей деятельности малых предприятий в Ульяновской области [4].

Таблица 5

Динамика показателей деятельности малых предприятий Ульяновской области за 2011—2014 годы

Показатели	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Количество предприятий, ед.	1992	2062	2048	1952
Оборот, тыс. руб.	97090423,0	105396226,0	108651974,0	102586722,7
Инвестиции в основной капитал, тыс. руб.	4559679,0	5441588,0	8380244,0	7223546,2

В 2011 году оборот на 1 малое предприятие в среднем составляет 48,74 млн руб. В 2012 году этот показатель равен 51,11 млн руб., что на 2,37 млн руб. больше. В 2013 году оборот на 1 малое предприятие Ульяновской области вырос еще на 1,94 млн руб. и достиг 53,05 млн руб. В 2014 году оборот на 1 предприятие составляет 52,55 млн руб., что ниже показателя 2013 года.

Анализ инвестиций в основной капитал на 1 малое предприятие также позволяет выявить неоднородную динамику: в 2011 году показатель составил 2,29 млн руб., в 2012-м — 2,63 млн руб., в 2013-м — 4,09 млн руб., в 2014-м показатель снижается до 3,70 млн руб. Распределение инвестиций в основной капитал малых предприятий в 2014 году по видам экономической деятельности следующее: наибольший объем инвестиций приходится на строительство — 2,24 млрд руб., операции с недвижимым имуществом, аренду и предоставление услуг — 1,28 млрд руб., сельское хозяйство, охоту и лесное хозяйство — 842,6 млн руб., обрабатывающие производства — 124,5 млн руб., а также на оптовую и розничную торговлю — 49 млн руб. Как видно, основная доля инвестиций в основной капитал малых предприятий приходится на строительство.

Несмотря на то что численность малых предприятий в 2013 году имеет тенденцию к уменьшению, общий оборот предприятий вырос на 3%, а инвестиции в основной капитал — на 54%. Это свидетельствует о высокой инвестиционной активности малых предприятий, увеличении их конкурентоспособности, рентабельности и, как следствие, о росте экономики региона. Однако в 2014 году наблюдается снижение всех показателей деятельности малых предприятий, на наш взгляд, это связано с нарастающими кризисными явлениями в экономике, а также с необходимостью корректировки государственных мер и инструментов поддержки развития малого бизнеса.

Проанализируем деятельность индивидуальных предпринимателей в Ульяновской области. За 2010—2014 годы прослеживается тенденция роста индивидуальных предпринимателей в регионе. Если в 2011 году их численность составляла 17 тыс. чел., то к 2014 году она возросла на 5,0 тыс. чел., или на 29,4%. Этому способствует развитая система поддержки малого бизнеса в регионе. Динамику численности индивидуальных предпринимателей в Ульяновской области можно рассмотреть на рис. 2.

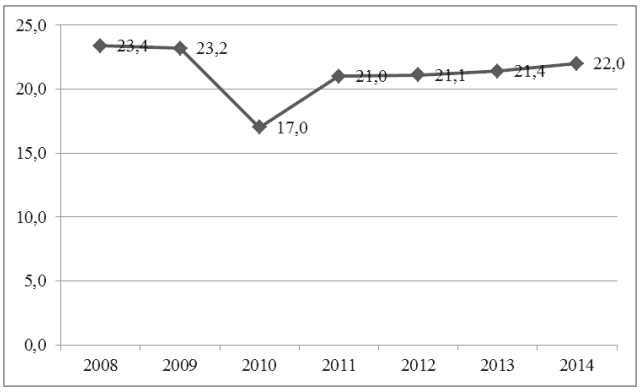


Рис. 2. Динамика численности индивидуальных предпринимателей в Ульяновской области за 2008—2014 годы, тыс. чел.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в Ульяновской области на 01.01.2015 осуществляют свою деятельность 14006 микропредприятий, что на 7% меньше, чем в 2013 году. Оборот предприятий снизился на 1,34%, а инвестиции — на 8,3%, что свидетельствует о падении инвестиционной активности среди микропредприятий (табл. 6) [4].

Таблица 6

Динамика показателей деятельности микропредприятий Ульяновской области за 2011—2014 годы

Показатели	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Количество предприятий, ед.	11740	13755	15055	14006
Оборот, тыс. руб.	43743539	64278705	68914019	67992634,8
Инвестиции в основной капитал, тыс. руб.	3152190	5441588	7718858	7077699

В 2011 году оборот на 1 микропредприятие в среднем составляет 3,73 млн руб. В 2012 году этот показатель равен 4,67 млн руб., что на 940 тыс. руб. больше. В 2013 году оборот на 1 микропредприятие Ульяновской области снизился на 90 тыс. руб. и достиг 4,58 млн руб. По итогам 2014 года снова наблюдается рост показателя на 5,9%, он составляет 4,85 млн руб.

Анализ инвестиций в основной капитал на 1 микропредприятие также позволяет выявить динамику роста: в 2011 году

показатель составил 268,5 тыс., в 2012-м — 395,6 тыс. руб., в 2013-м — 512,7 тыс. руб. Однако в 2014 году наблюдается незначительное снижение на 1,4%, что приводит уровень инвестиций на 1 микропредприятие к уровню 505,3 тыс. руб.

Динамику налоговых поступлений от субъектов малого и среднего бизнеса Ульяновской области за 2010—2013 годы можно проследить в табл. 7 [5].

Таблица 7

Объем налоговых поступлений от субъектов малого и среднего бизнеса Ульяновской области за 2011—2013 годы, тыс. руб.

Показатели	2010	2011	2012	2013
ЕНВД	560058	570065	649099	547191
УСН	749000	843560	979127	1037118
ЕСХН	14561	16139	22022	23508
Всего	1323619	1429764	1650248	1607817

Как было отмечено выше, за 2013 год малое предпринимательство достигло высоких показателей роста инвестиций в основной капитал. В рамках совместного проекта Агентства стратегических инициатив (АСИ), Фонда «Общественное мнение» и «ИТАР-ТАСС» «Пульс бизнеса» проведено исследование инвестиционного климата в 75 регионах России. В опросе приняло участие более 65 тысяч человек, среди которых — жители городов и представители общественности, связанные с бизнесом и предпринимательской деятельностью.

Ульяновская область вошла в число регионов, где бизнес-климат оценен как положительный. По всем показателям получены позитивные результаты: условия для ведения бизнеса хорошие, динамика бизнес-процессов средняя, отношение со стороны населения хорошее, отношение власти к бизнесу среднее [8].

Подводя итог, можно сказать, что предпринимательские структуры, в которых занято 24,6% экономически активного населения и вложения в основные фонды которых составляют 22,7%, обеспечивают более половины всего объема производимых в Ульяновской области товаров и услуг. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне производства, достигнутом к настоящему времени малыми, средними предприятиями и индивидуальными предпринимателями, а также о важной роли, которую играют предпринимательские структуры в экономике региона [9; 10; 11].

В заключение можно отметить, что в поддержку предпринимательской деятельности Ульяновская область вкладывает огромные усилия. В связи с этим реализацию государственной политики поддержки предпринимательства можно назвать эффективной, так как, затрачивая средства на финансирование государственных программ, взамен регион получает ежегодное увеличение налоговых поступлений в бюджет и дополнительные рабочие места. Однако наметившиеся негативные тенденции снижения показателей деятельности субъектов малого бизнеса свидетельствуют о необходимости корректировки используемых государством и региональными властями мер и инструментов их поддержки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Путин В. В. О наших экономических задачах // Ведомости. 2012. 30 января. № 3029.

2. Об утверждении государственной программы Ульяновской области «Формирование благоприятного инвестиционного климата в Ульяновской области» на 2014—2018 годы: Постановление Правительства РФ от 13.09.2013 № 37/417-п // Ульяновская правда. 2013. 30 сентября. № 121.

3. О ходе реализации мер поддержки малого и среднего предпринимательства в 2010—2013 годах и основных направлениях развития малого и среднего предпринимательства на ближайшую и среднесрочную перспективу: Доклад [Электронный ресурс]. URL: http://smb.gov.ru/files/images/New%20(Tanya)/New%20(Tanya)/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B0%20%D0%BE%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B8%20%D0%9C%D0%A1%D0%9F%20%D0%B2%202010-2013%20%D0%B3%D0%B3..pdf/ (дата обращения: 03.06.2015).

4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 03.06.2015).

5. Федеральная налоговая служба РФ [Электронный ресурс]. URL: www.nalog.ru (дата обращения: 03.06.2015).

6. Счетная палата РФ [Электронный ресурс]. URL: www.audit.gov.ru (дата обращения: 03.06.2015).

7. Инвестиционное послание губернатора Ульяновской области на 2015 год [Электронный ресурс]. URL: http://asi.ru/news/26013/ (дата обращения: 03.06.2015г.)

8. Ульяновская область вошла в число лучших регионов для ведения бизнеса в общероссийском рейтинге «Пульс бизнеса» // Официальный сайт Губернатора и Правительства Ульяновской области [Электронный ресурс]. URL: http://ulgov.ru/news/index/permlink/id/30823/ (дата обращения: 03.06.2015).

9. Юленкова И. Б. Активизация государственной поддержки предпринимательства как важнейшее условие социально-экономического развития в современных условиях // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 2 (19). С. 175—178.

10. Минаков В. А. Эффективность государственной поддержки малого предпринимательства Волгоградской области // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 154—158.

11. Маркина И. А. Развитие малого бизнеса в регионе: методические и практические аспекты // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 3 (24). С. 32—34.

REFERENCES

1. Putin V. V. On our economic goals // Vedomosti. 2012. January 30. № 3029.

2. On approval of the state program of the Ulyanovsk region «Establishing favorable investment climate in the Ulyanovsk region» for 2014—2018: Decree of the Government of the Russian Federation dated 13.09.2013 № 37/417-p // Ulyanovskaya Pravda. 2013. September 30. № 121.

3. On implementation of measures to support small and medium enterprises in 2010—2013 and the main directions of development of small and medium-size business for the short-term and medium-term perspective: Report [Electronic resource]. URL: http://smb.gov.ru/files/images/New%20(Tanya)/New%20(Tanya)/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B0%20%D0%BE%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B8%20%D0%9C%D0%A1%D0%9F%20%D0%B2%202010-2013%20%D0%B3%D0%B3..pdf/(date of viewing: 03.06.2015).

4. Official site of the Federal state statistics service [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/ (date of viewing: 03.06.2015).

5. The Federal tax service of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: www.nalog.ru (date of viewing: 03.06.2015).

6. The audit chamber of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: www.audit.gov.ru (date of viewing: 03.06.2015).

7. Investment statement of the Governor of Ulyanovsk region for 2015 [Electronic resource]. URL: http://asi.ru/news/26013/ (date of viewing: 03.06.2015).

8. Yulyanovsk region is among the best regions for doing business in the national ranking of «Puls of Business» // Official website of the Governor and the Government of the Ulyanovsk region [Electronic resource]. URL: http://ulgov.ru/news/index/permlink/id/30823/ (date of viewing: 03.06.2015).

9. Elenkova I. B. Governmental support of entrepreneurship as a key condition for socio-economic development in modern conditions // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 2 (19). P. 175—178.

10. Minakov V. A. Efficiency of the state support of small business in Volgograd region // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 4 (21). P. 154—158.

11. Markina I. A. Development of small business in the region: methodological and practical aspects // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 3 (24). P. 32—34.

УДК 338.24
ББК 65.291.21

Lobyzenkova Vera Alexandrovna,
candidate of sociological sciences,
senior lecturer of the department
of humanitarian and socio-economic disciplines
of Volgograd branch of Moscow State University
of Technologies and Management
named after K. G. Razumovsky,
Svetly Yar settlement, Volgograd region,
e-mail: FeklaCat@ya.ru

Kovalenko Nadezhda Viktorovna,
candidate of political sciences, assistant professor
of the department of corporative management
of the Russian Presidential Academy
of Nation Economy and Public Administration,
Volgograd,
e-mail: nkoval12@mail.ru

Kovshikova Elena Vladimirovna,
candidate of philology sciences,
assistant professor of the department
of corporative management
of the Russian Presidential Academy
of Nation Economy and Public Administration,
Volgograd

Лобызенкова Вера Александровна,
канд. социол. наук, ст. преподаватель кафедры
гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Волгоградского филиала
Московского государственного университета
технологий и управления им. К. Г. Разумовского,
Волгоградская обл., р. п. Светлый Яр,
e-mail: FeklaCat@ya.ru

Коваленко Надежда Викторовна,
канд. полит. наук, доцент
кафедры корпоративного управления
Волгоградского филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Волгоград,
e-mail: nkoval12@mail.ru

Ковшикова Елена Владимировна,
канд. филол. наук, доцент
кафедры корпоративного управления
Волгоградского филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Волгоград

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОЛИ ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УПРАВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

THEORETICAL ASPECTS OF THE ROLE OF KNOWLEDGE IN THE COMPANY MANAGEMENT

В статье проанализированы теоретические основы управления знаниями в организации. Рассмотрены современные теоретические подходы к понятию «знание». Дано авторское определение понятия «управление знанием». Охарактеризована суть значения понятия «знаниевая организация». Представлен авторский взгляд на процесс управления знаниями в организации. Обоснованы и предложены пути распространения знаний в организации. Выявлены организационные барьеры, сдерживающие распространение знания. Сделан вывод о том, что знание является ресурсом первостепенной важности для индивидуума, отдельной компании и экономики в целом.

The article analyzes theoretical bases of knowledge management in the organization. Modern theoretical approaches to the concept of knowledge are examined. The author's definition of the term of knowledge management is provided. The essence of the meaning of knowledge organization is characterized. The author's view on the process of knowledge management in the organization is presented. The ways of knowledge distribution in the organization is proposed and justified. Organizational barriers hindering the spread of knowledge are revealed. Conclusion regarding the knowledge as a resource of paramount importance for the individual, individual company and for economics as a whole is made.

Ключевые слова: знания, организация, менеджмент, управление знаниями, знаниевая организация, организационный ресурс, организационный коллектив, управление персоналом, социальное знание, структурированное знание, человеческое знание.

Keywords: knowledge, organization, management, knowledge management, knowledge arrangement, organizational resource, organizational team, human resources management, social knowledge, structured knowledge, human knowledge.

Управление знаниями касается важных моментов организационной деятельности, зависящей от постоянно изменяющейся внешней среды. Необходимо отметить, что процесс управления знаниями позволяет интегрировать в организационную среду новые маркетинговые, информационные технологии, а также побуждать персонал организации к инновационной активности и творчеству. Можно сказать, что менеджмент знаний — это некое связующее звено между технологическими и поведенческими аспектами управления. Знание является ресурсом первостепенной важности как для индивидуума, так и для экономики в целом. В успешных организациях управление знаниями все в большей мере становится сердцевиной всего их образа жизни: оно является и неотъемлемой частью ежедневной операционной деятельности, и той методологией, которая позволяет интегрировать индивидуальные и корпоративные задачи. Наконец, управление знаниями способно многократно усилить конкурентные преимущества организации, так как в современном управлении на первый план выходит значимость человеческого потенциала как ключевого фактора успеха функционирования предприятия.

Менеджмент знаний — многогранная и многоаспектная деятельность организации, в результате которой знание рассматривается как ресурс, специализированное знание, реализуемое в рамках единой задачи. Как и любым ресурсом, знанием необходимо управлять, и для того чтобы успешно решать проблемы управления знаниями, необходимо разграничить понятия «информация» и «знания».

По мнению Питера Друкера [1], тот факт, что знание из какого-то неопределенного ресурса превратилось во вполне определенный ресурс, придает современному обществу качественно новые черты. Тематике управления знаниями посвящено более 300 книг, многие тысячи статей и более 40 тысяч веб-страниц.

В статье Д.У. Делонга и Л. Фейхи данные рассматриваются в качестве необработанных или несокращенных описаний или наблюдений прошлых, настоящих или будущих событий, а информация — в качестве тех моделей, которые люди обнаруживают в данных или черпают из них [2].

Справочные и энциклопедические издания дают сходные определения термина «знание». В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова знание рассматривается как «результаты познания, научные сведения; совокупность сведений в какой-либо области» [3, с. 231]. Толковый словарь Д.Н. Ушакова дает следующее определение: «знание — результат познавательной деятельности, система приобретения с ее помощью понятий о действительности». В Советском энциклопедическом словаре указывается, что знание представляет собой форму существования и систему результатов познавательной деятельности человека [4, с. 1109].

И. Нонака, автор четырехфазной спиралевидной модели создания знаний в организации и теории обмена знаниями, полагает, что знанием является обоснованное достоверное убеждение [5, с. 102].

Итак, в приведенных выше определениях знание рассматривается как результат исследования действительности и отражается в мышлении человека.

Знания являются ресурсом, который зависит от контекста и всегда привязан к отдельному человеку или коллективу или заключен в сложившейся практике или процессе. Будучи воплощенными в языке, историях, понятиях, правилах и инструментах, знания повышают способность к принятию решений и совершению действий для достижения какой-либо цели [6].

Для понимания знания в контексте практической деятельности организации необходимо учитывать два аспекта. Во-первых, существуют индивидуальный, групповой и организационный уровни знаний. Усилия по управлению знаниями преимущественно направлены на совершенствование процесса создания знаний и их использования на групповом и организационном уровнях. Во-вторых, знания могут быть либо явными, либо неявными. Явные знания могут быть закодированы и отражены в формальных правилах, инструментах и процессах. Неявные знания представляют собой то, что мы знаем, но не можем объяснить.

Основной причиной дискуссии о знаниях и управлении знаниями в организациях является непонимание того, что существует по крайней мере три отличных друг от друга типа знаний.

Человеческое знание представляет собой то, что люди знают или знают, как делать. *Человеческое, или индивидуальное, знание* проявляется в навыках или профессиональных компетенциях и обычно сочетает в себе и явное, и неявное знание. Этот тип знания может быть чувственным, то есть заключенным в теле человека, как, например, навыки машинописи или езды на велосипеде. Или он может быть когнитивным, то есть в значительной степени понятийным и абстрактным [7].

Социальное знание. Этот тип знания существует только во взаимоотношениях между индивидуумами или внутри групп. Например, высокопроизводительные команды ученых-исследователей или веб-дизайнеров обладают определенным коллективным знанием, которое превосходит сумму индивидуальных знаний членов команды. Социальное или коллективное знание преимущественно неявное, оно принадлежит членам группы и развивается только в результате совместной работы. Его существование проявляется в способности индивидов к эффективному сотрудничеству.

Структурированное знание заключено в системах, процессах, инструментах и сложившихся практиках организации. Знание в этом случае является явным и основано на правилах. Основное отличие структурированного знания от первых двух типов знаний заключается в том, что оно считается существующим независимо от людей — носителей знаний. Вместо этого оно представляет собой организационный ресурс.

Некоторые исследователи и консультанты утверждают, что знание не может существовать независимо от людей, однако с практической точки зрения менеджмента знание непрерывно создается и закрепляется в сложившихся практиках, системах и инструментах.

Знания, закрепленные в сложившихся практиках, системах и инструментах и требующие для осуществления деятельности минимального вмешательства человека, отличаются от информации, которую можно найти в книгах, справочниках и базах данных.

Эти информационные ресурсы, как бы подробно они ни были изучены, становятся практическим знанием только тогда, когда индивидуумы могут применить свой собственный опыт и понимание общего контекста для интерпретации деталей и выводов для дальнейших действий [8].

Важной деятельностью для организации является процесс управления. Задачей управления знаниями является улучшение показателей деятельности организации посредством разработки и применения инструментов, процессов, систем, структур и культур для совершенствования механизмов создания, распространения и использования всех трех типов знаний, необходимых для принятия решений. Управление знаниями обычно осуществляется посредством ряда новых проектов (таких как программа виртуальной командной работы при помощи видеоконференций, созданная для обмена опытом между сотрудниками отдаленных офисов компаний), процессов (таких как создание исследовательских групп для визитов к покупателям) и действий (таких как интервьюирование потенциальных клиентов).

Для успешного развития способности организации к созданию, распространению и использованию знаний менеджерам необходимо в конечном итоге учитывать все три типа знания [9, с. 105].

В теории и практике управления знаниями широкую известность получила концепция обучающейся (самообучающейся, научающейся) организации. Концепция самообучающейся организации представлена в работах Д. Гарвина, Н. Диксона, М. Румизена, П. Сенге и др.

Обучающаяся организация — это организация, умеющая создавать, приобретать и распространять знание и изменяющая свое поведение в соответствии с новой информацией, оригинальными мнениями и современными моделями мышления [10, с. 54].

П. Сенге в работе «Пятая дисциплина» подчеркивает, что в обучающейся организации люди постоянно расширяют свои способности добиваться желаемых результатов, постоянно учатся тому, как учиться вместе. «Это плодотворное обучение длиною в жизнь. И обучающиеся организации возможны только в том случае, если там на каждом уровне будут люди, практикующие такой подход к своей жизни» [11, с. 125].

М. Румизен считает, что организация является самообучающейся в том случае, когда «создает, приобретает, передает и сохраняет знания. Она способна успешно изменить формы своего поведения, отражающие новые знания или проекты» [12, с. 23].

Среди новых направлений исследования в данной области можно назвать теорию М. Кетс де Вриса о совершенствующихся (аутентивных) организациях, которые устанавливают стандарт для организаций XXI века. Аутентивные организации «исполняют роль надежного «удерживающего окружения», предлагая высокий уровень безопасности и стабильности своему персоналу. Внимание к росту и развитию персонала поддерживает хорошие отношения внутри организации и предупреждает узость взглядов». Одним из основных элементов, характеризующих аутентивную организацию, является акцент на обучение и развитие персонала [13, с. 92; 14].

Управление знаниями — это процесс, позволяющий компании извлекать прибыль из объема знаний, или интеллектуального капитала, имеющихся в ее распоряжении. Фокус на ресурсах, которые создаются внутри компании и с трудом поддаются копированию конкурентами, выводит знания компании на особые позиции основного источника конкурентного преимущества [15]. Несмотря на различия в терминологии, принятой для обозначения знаний, принадлежащих компании, специалисты все больше и больше сходятся во мнении, что именно то, что организация знает, объясняет ее эффективность [16]. Проблема, которая встает перед теми, кто стремится создать конкурентное преимущество для своей компании, однако, заключается в том, что в сфере бизнес-стратегии больше усилий было направлено на выявление знаний, лежащих в основе конкурентного преимущества, чем на объяснение того, как организации могут развивать, сохранять и передавать эти знания. Как отмечают Спендер и Грант [15, с. 6], «всплеск интереса к организационным способностям и компетенциям направил внимание к знанию, которое имеется в компании, но мало продвинул понимание анатомии этого знания и процессов его создания».

В рамках данного исследования знаниевая организация представляет собой организацию, которая уже добилась значительных успехов в своей деятельности, исходя из поставленных целей. Знаниевой организация становится, когда она за счет грамотного управления знаниями имеет пиковые показатели прибыльности и эффективности в сравнении со своими результатами предшествующих периодов и результатами организаций на конкурентном рынке. Одним из главных признаков знаниевой организации является создание и приобретение ценности ресурсов именно внутри компании.

Таким образом: 1) знание в современном управлении — это ресурс, который рассматривается как результат исследования действительности и который всегда привязан к отдельному человеку или коллективу или заключен в сложившейся практике или процессе; 2) специфика современного управления организацией предполагает тот факт, что знание является ресурсом первостепенной важности для индивидуума, отдельной компании и экономики в целом; 3) научающуюся организацию целесообразно рассматривать как организацию, находящуюся в процессе познания, то есть она являет собой «этап» к знаниевой организации; 4) знаниевая организация — это поиск лучшей стратегической практики и ее реализации.

В успешных организациях управление знаниями все в большей мере становится сердцевиной всего их образа жизни: оно является и неотъемлемой частью ежедневной операционной деятельности, и той методологией, которая позволяет интегрировать индивидуальные и корпоративные задачи.

Управление знаниями способно многократно усилить конкурентные преимущества организации. В последние годы все больше руководителей, консультантов и теоретиков менеджмента заявляют о том, что знания выступают сейчас основным источником конкурентных преимуществ для организаций. Эффективность выполнения компаниями задач создания, организации и использования интеллектуальных активов по сравнению с конкурентами определяет результаты их деятельности. Приняв во внимание это соображение, многие компании организовали масштабные программы по улучшению управления знаниями, и все чаще можно встретить такие

названия должностей, как директор по управлению знаниями и менеджер по знаниям.

Следовательно, можно смело заявить о том, что организации заинтересованы в приращении знаний сотрудников. Но возникает вопрос: каким образом следует наращивать? Эти знания дорогостоящие, так как требуют немалых затрат на профессиональную переподготовку, тренинги, обучение и т. д.

Существует и другой путь — это распространение знаний между сотрудниками внутри организации. Однако здесь также для организации полноценного процесса управления знаниями возникает препятствие, которое заключается в невозможности изменить психологию сотрудников. Сотрудники не хотят участвовать в процессе распространения знаний, сопротивляются, выстраивают барьеры. Ко всему этому в качестве проблемы можно добавить неэффективность процесса управления. Поэтому актуальность научного анализа проблемы распространения знаний в организации сегодня в целом очень высока, и тем более целесообразно и необходимо изучать процессы распространения знаний для разработки действий менеджеров в рамках диагностики враждебности и нежелания сотрудников распространять знания.

Для организаций существует необходимость предоставления своему персоналу средств, которые способствуют активизации поиска нового знания. Чем разнообразнее источники знаний и информации у компании, чем больше опыта общения имеют ее работники с массивами информации, тем выше вероятность того, что они оригинально и творчески смогут применить имеющиеся знания.

Важным моментом является выявление всех источников знаний и обеспечение доступа к ним. Влияние на отбор источников и полноту их использования могут оказывать: базовое образование работников, их профессионально-техническая подготовка и квалификация, повышение уровня профессиональных навыков и знаний в соответствии с потребностями рынка труда, новаторское мышление и т. д.

Все источники знаний можно разделить на две большие группы — внешние и внутренние.

Внешние источники знаний: публикации (книги, журналы, материалы конференций, отраслевые отчеты и др.); отраслевые конференции и консультационные услуги; специальные документы об отраслевых знаниях; коммерческие базы данных и системы экспертных знаний; научные исследования; мониторинг среды и сканирование событий и тенденций. Помимо вышеперечисленных важными источниками являются курсы, семинары, симпозиумы, интеллектуальный потенциал смежных организаций, обратный поток информации от агентов рынка (о продукции и услугах) и от потребителя (жалобы, рекламации, предложения, требования), а также новые сотрудники, менеджеры-консультанты, изучение передовых методов работы, сотрудничество, партнерство, стратегические альянсы и совместные предприятия, средства массовой информации (печать, телевидение, радио).

Внутренние источники знаний: отраслевые специалисты и ведущие специалисты организации; внутренние заказчики и поставщики; организационная оценка; корпоративная экспертиза (измерительные и информационно-управленческие системы); внутреннее обучение и образование; стратегия бизнеса (круг основных полномочий, размещение ресурсов, информационные технологии, планы и прогнозы); мероприятия по совершенствованию и инициативы по развитию (например, модернизация бизнеса); операционное планирование и бюджет. Кроме того, к внутренним источникам можно отнести корпоративное управление (полномочия, функции и ответственность, взаимоотношения, подчиненность, размещение ресурсов, организационные графики); организационную структуру и виды работ; практический опыт и анализ работ после внедрения новых разработок (проекты, инициативы, целевые бригады, мероприятия по повышению качества продукции и услуг); постоянное документирование процессов, работы команд; предложения работников; корпоративные информационные бюллетени.

Знания, которые генерируются внутри фирмы, имеют особую значимость, так как им присуща большая степень уникальности и закрытости. Знания извне фирмы обычно более абстрактны, дорогостоящи и общедоступны, в том числе конкурентам [17, с. 34].

Существует множество методов, которые способствуют распространению и повторному использованию знаний: обзоры результатов деятельности, сообщества практиков, личное общение, программы наставничества и привлечения экспертов для консультаций по сложным вопросам, тренинги, видеоконференции, интервью, письменные отчеты и др. Многие из этих методов полезны для создания общей атмосферы, способствующей распространению знаний.

Критерии для выбора методов передачи знаний подразделяются на три категории: 1) оценка степени важности данных знаний; 2) оценка сроков их возможной утраты; 3) оценка вида знаний.

Третьим фактором, определяющим тип применяемых методов, является вид знаний. По мере возможности неявные или связанные с корпоративной культурой знания должны передаваться методами, в большей степени включающими личный контакт, в частности с помощью наставничества или оценки результатов деятельности. Но чем более практическими, явными и основанными на правилах являются знания, тем меньше личного контакта требуется для их передачи и тем эффективнее использование обучения или технических систем.

Менеджерам важно принимать особенности организационной среды, так как от нее зависит повышение производительности труда в организации [18; 19].

Общая цель изменений должна заключаться в том, чтобы целенаправленно инициировать процесс распространения знаний. Как только существующие в организации барьеры к распространению знаний будут преодолены, можно применять более сложные инструменты и достигать в распространении знаний более эффективных результатов.

Делая вывод, можно сказать, что существует два пути преодоления препятствий к распространению знаний: 1) поощрение и стимулирование распространения знаний; 2) принуждение и навязывание распространения знаний. Действия менеджеров в рамках поощрения могут быть: а) по отношению к передающим знание — выстраивать и поддерживать отношения, построенные на доверии в организации, обеспечивать достаточные стимулы, награждать сотрудников за выдвижение новых идей, фиксацию своего опыта, и это вознаграждение не обязательно должно носить денежный характер; б) по отношению к получателям знания — стимулировать развитие доверия среди сотрудников, стимулировать использование существующего знания; в) по отношению к поведению, связанному с содержанием распространяемого знания, — культивировать положительное отношение сотрудников к ошибкам, мотивировать работников к обмену уроками, извлеченными из анализа и самоанализа проектов. Действия менеджеров в рамках принуждения могут быть: а) по отношению к поведению передающих знание и получателей знания — поручить сотрудникам работу над заданиями и проектами, которые

не могут быть выполнены без интенсивного обмена знаниями, дать четкие инструкции относительно того, с кем и какими знаниями делиться, следить и контролировать, что знание из внешних источников используется и оценивается по достоинству; б) по отношению к поведению, связанному с содержанием распространяемого знания, — разработать меры наказания за отсутствие инициативы и попытки скрывать ошибки, помнить о том, что принуждение к распространению знаний является высокорискованным подходом.

Отметим, что стратегии управления знаниями могут эффективно использоваться не только в коммерческих, но и в некоммерческих организациях. Однако этот аспект управления знаниями пока недостаточно раскрывается в научной литературе. Можно сказать, что опыт методик и технологий управления знаниями находится на стадии формирования и развития. Современные организации мало уделяют внимания внедрению стратегий менеджмента знаний, формированию обучаемых организаций. В то же время концепция обучаемых организаций вполне подходит и для органов государственного и муниципального управления. Однако этот аспект управления знаниями на практике пока еще мало разработан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Drucker P. The New Society of Organizations [Электронный ресурс] // Harvard Business Review. 1992. № 9—10. P. 95—104.

2. Davenport T. H. Some Principles of Knowledge Management, Strategy, Management, Competition // Strategy+Busness / Columbia Business School / 1996 [Электронный ресурс]. URL: http://www.strategy-business.com/article/8776?gko=f91a7 (дата обращения: 29.06.2015).

3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. 941 с.

4. Толковый словарь русского языка: Т. 1: А — Кюрины / Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. Энцикл.»; Сов. энцикл.: ОГИЗ. 1562 с.

5. Нонака И., Такеучи Х. Компания — создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах / пер. с англ. А. Трактинского. М.: Олимп-Бизнес, 2003. 384 с.

6. Blackler F. Knowledge, Knowledge Work and Organizations: An Overview and Analysis. New York: Harper & Row, 1995 // Research Gate [Электронный ресурс]. URL: http://www.researchgate.net/publication/239059712_Knowledge_Knowledge_Work_and_Organizations_An_Overview_and_Interpretation (дата обращения: 29.06.2015).

7. Zuboff S. Panoptic Power and the Social Text // Age of the Smart Machine: The Future of Work and Power. New York, 1988. P. 362—386.

8. Cohen J. The scientific challenge of hepatitis C // Science. 1999. № 285. P. 26—30.

9. Управление знаниями в корпорациях: учеб. пособие / Б. З. Мильнер и др.; под ред. Б. З. Мильнера. М.: Дело, 2006. 304 с.

10. Гарвин Д. Управление знаниями / пер. с англ. Т. Гутниковой; под ред. Д. Болотиной, Р. Пискотиной. М., 2006. 408 с.

11. Сенге П. М. Пятая дисциплина. Искусство и практика обучающейся организации / пер. с англ. Б. Пинскера, И. Татариновой. М.: Олимп-Бизнес, 2011. 384 с.

12. Румизен М. К. Управление знаниями / пер. с англ. М.: АСТ: Астрель, 2004. 318 с.

13. Кетс де Врис М. Мистика лидерства: Развитие эмоционального интеллекта / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2011. 280 с.

14. Карнаух И. В. Проблемы внедрения и реализации информационных технологий в системе управления знаниями на российских предприятиях // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 2 (15). С. 138—141.

15. Spender J. C. Knowledge and the Firm: Overview / J. C. Spender, R. M. Grant // Strategic Management Journal. 1996. № 17. P. 5—9.

16. Teece D. J. Dynamic Capabilities and Strategic Management / D. J. Teece, G. Pisano, A. Shuen // Strategic Management Journal. 1997. № 18. P. 509—533.

17. Гольдштейн Г. Я. Стратегический инновационный менеджмент: учеб. пособие. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2004. 267 с.

18. Тимарсуев М. В. Анализ методологических подходов к оценке производительности труда // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 2 (31). С. 213—218.

19. Потуданская В. Ф., Трункина Л. В. Оценка трудового потенциала персонала предприятия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4 (17). С. 96—101.

REFERENCES

1. Drucker P. The New Society of Organizations [Electronic resource] // Harvard Business Review. 1992. № 9—10. P. 95—104.

2. Davenport T. H. Some Principles of Knowledge Management, Strategy, Management, Competition // Strategy+Busness / Columbia Business School. 1996 [Electronic resource]. URL: http://www.strategy-business.com/article/8776?gko=f91a7 (date of viewing: 29.06.2015).

3. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova; Institute of the Russian language named after V. V. Vinogradov of the Russian Academy of Sciences. 4th edition, amended. M.: Azbukovnik, 2000. 941 p.

4. Explanatory dictionary of the Russian language: Vol. 1: A — Curini / composed by G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, B. V. Tomashevsky, D. N. Ushakov; edited by D. N. Ushakov. M.: State institute Soviet encyclopedia; Soviet encyclopedia: OGIZ. 1562 p.

5. Nonaka I., Takeuchi H. The Company is Creator of knowledge. The origin and development of innovation in Japanese firms / translation from English by A. Tracktinskiy. M.: Olymp-Business, 2003. 384 p.

6. Blackler F. Knowledge, Knowledge Work and Organizations: An Overview and Analysis. New York: Harper & Row1, 1995 // ResearchGate [Electronic resource]. URL: http://www.researchgate.net/publication/239059712_Knowledge_Knowledge_Work_and_

Organizations_An_Overview_and_Interpretation (date of viewing: 29.06.2015).

7. Zuboff S. Panoptic Power and the Social Text // Age of the Smart Machine: The Future of Work and Power. New York, 1988. P. 362—386.

8. Cohen J. The scientific challenge of hepatitis C // Science. 1999. № 285. P. 26—30.

9. Knowledge management in corporations: textbook / B. Z. Milner et al.; edited by B. Z. Milner. M.: Delo, 2006. 304 p.

10. Garvin D. knowledge Management / translation from English by Gutnikov; under the editorship of D. Bolotina, R. Piskotina. M., 2006. 408 p.

11. Senge P. M. The Fifth discipline. The art and practice of the learning organization / translation from English by B. Pinsker, I. Tatarinova. M.: Olymp-Business, 2011. 384 p.

12. Rumizen M. K. Knowledge Management: translation from English. M.: ACT: Astrel, 2004. 318 p.

13. Kets de Vries M. Mystery of leadership: developing emotional intelligence: translation from English. M.: Alpina Pablisher, 2011. 280 p.

14. Karnaukh I. V. Problems of implementation of information technologies in the knowledge management system in Russian companies // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 2 (15). P. 138—141.

15. Spender J. C., Grant R. M. Knowledge and the Firm: Overview // Strategic Management Journal. 1996. № 17. P. 5—9.

16. Teece D. J. Dynamic capabilities and strategic management / D. J. Teece, G. Pisano, A. Shuen // Strategic Management Journal. 1997. № 18. P. 509—533.

17. Goldstein G. Ya. Strategic innovation management: textbook. Taganrog: Publishing house of TRTU, 2004. 267 p.

18. Timarsuev M. V. Analysis of methodological approaches to the estimation of productivity // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2015. № 2 (31). P. 213—218.

19. Potudanskaya V. F., Trunkina L. V. Assessment of labor potential of personnel // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 4 (17). P. 96—101.

УДК 330.142
ББК 65.011.15

Smetanina Tatiana Vladimirovna,
candidate of economic sciences, associate professor
of the department of management of Saint-Petersburg State
University of Technology and Design,
Saint-Petersburg,
e-mail: smetdipdok@mail.ru

Сметанина Татьяна Владимировна,
канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента
Санкт-Петербургского государственного университета
технологии и дизайна,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: smetdipdok@mail.ru

Zhikina Olga Vitalievna,
candidate of economic sciences, associate professor
of the department of management of Saint-Petersburg State
University of Technology and Design,
Saint-Petersburg,
e-mail: ovzhikina@gmail.com

Жикина Ольга Витальевна,
канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента
Санкт-Петербургского государственного университета
технологии и дизайна,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: ovzhikina@gmail.com

СТЕПЕНЬ РАЗВИТИЯ СУВЕРЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ, ОПРЕДЕЛЕННАЯ РЕАЛЬНОЙ СТОИМОСТЬЮ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА

DEGREE OF DEVELOPMENT OF THE SOVEREIGN TERRITORY SPECIFIED BY THE REAL VALUE OF INTELLECTUAL CAPITAL

В статье рассматриваются проблемы оценки интеллектуального капитала, его роли в формировании статуса территории, к которой он принадлежит. Уделено внимание роли интеллектуального капитала в определении уровня стандартизации территории, выявлении общности интеллектуального капитала индивида, организации, суверенной территории, развития теоретических понятий интеллектуального капитала. Определено место России среди стран мира по уровню ВВП, приходящегося на долю индивидов с высоким уровнем образования, посредством корреляции удельного веса индивидов с высшим образованием и роста ВВП по странам. В статье определена реальная стоимость интеллектуального капитала. Сделаны выводы о взаимосвязи между стоимостью интеллектуального капитала (материальной и нематериальной) и практической реализацией результатов его деятельности. Статья имеет теоретическую направленность.

The article examines the issues of evaluation of intellectual capital, its role in formation of the territory status, to which it belongs. The role of intellectual capital in determining the level of the territory standardization is emphasized; the common features of the individual, organization, and the sovereign of the territory intellectual capital are identified, as well as of development of the theoretical concepts of intellectual capital. The place of Russia among the countries in terms of GDP level per individual with high level of education is determined by means of correlation of the share of individuals with higher education and GDP growth by countries. The article defines the real value of intellectual capital. The conclusions about the relations between the value of intellectual capital (tangible and intangible) and the practical implementation of the results of its activities are made. The article has a theoretical orientation.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, суверенная территория, индивид, методы оценки, конкурентоспособность, стандартизация, стоимость, нематериальные активы, человеческий капитал, интеллектуальный капитал индивида, индекс экономической свободы, индекс человеческого развития.

Keywords: intellectual capital, sovereign territory, individual, evaluation methods, competitiveness, standardization, cost, intangible assets, human capital, individual intellectual capital, index of economic freedom, human development index.

Предметом исследования является интеллектуальный капитал, его роль в формировании статуса суверенной территории, значение уровня образования для характеристики интеллектуального капитала, определения его стоимости, влияния на стоимость суверенной территории.

Задачи исследования включают в себя:

— определение значения понятия интеллектуального капитала в мировой экономике;

— определение места стоимости интеллектуального капитала в оценке стоимости суверенной территории, организации, индивида как такового;

— выявление роли высшего образования в формировании стоимости интеллектуального капитала;

— определение статуса страны в мировом сообществе посредством доли ВВП, созданной специалистами с высшим образованием;

— установление взаимосвязи между статусом страны в мировом сообществе и уровнем стандартизации внутри страны.

Цель исследования — выявить взаимосвязь между удельными расходами на высшее образование на душу населения и удельного ВВП на душу населения, рассчитать коэффициент корреляции удельного веса людей с высшим образованием в наиболее развитых странах мира и определить в этой системе место России. В результате необходимо сделать предварительные выводы об определении взаимосвязи статуса страны с уровнем стандартизации (через качество и уровень предлагаемых суверенной территорией товаров, удовлетворяющих потребности общества).

На современном этапе развития мировой экономики интеллектуальный капитал становится основой богатства общества. Именно он определяет конкурентоспособность экономических систем, выступает ключевым фактором их развития.

Общепризнанным является факт наличия прямой связи между экономическим ростом страны и интеллектуальным капиталом. Согласно методике ООН, рост интеллектуального капитала повышает индекс человеческого развития страны.

Индекс человеческого развития (до 2013 года — индекс развития человеческого потенциала) рассчитывается как средняя геометрическая трех индексов: индекса ожидаемой продолжительности жизни, индекса образования, индекса дохода. По данным доклада о человеческом развитии 2014 года (Human Development Report 2014) ООН, в пятерку наиболее благополучных стран вошли Норвегия, Австралия, Швейцария, Нидерланды и Соединенные Штаты. Россия занимает 57-е место в данном рейтинге [1].

Впервые о человеческом (гуманитарном) капитале (human capital) заговорили основоположники классической экономической теории Адам Смит и Джон Стюарт Милль. За несколько столетий взгляды на понятия неосязаемых активов, невидимых ресурсов, нематериальных активов, интеллектуальных ресурсов, человеческого капитала, капитала знаний, экономики знаний, инноваций, интеллектуальной собственности, интеллектуального капитала получили развитие в рамках различных теорий, качественный обзор которых представлен в работе [2].

Теория интеллектуального капитала тесно связана с теорией человеческого капитала, разработанной нобелевскими лауреатами по экономике Т. Шульцем (1979) и Г. Беккером (1992). Человеческий капитал понимается как совокупность знаний, навыков, умений, квалификации, компетенций, репутации, опыта, способностей к инновациям, использующихся для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом.

Человеческий капитал рассматривается в качестве главного фактора формирования и развития инновационной экономики и экономики знаний как следующего высшего этапа развития общества.

Понятие неосязаемого капитала появилось с начала 1970-х в работах по экономической теории и эконометрике.

В 1994 году Томас А. Стюарт выступил с докладом «Знание как конкурентное преимущество» на Форуме стратегического руководства. Именно он считается основоположником теории интеллектуального капитала. В 1997 году вышла в свет его книга «Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций». Таким образом, изначально речь шла об интеллектуальном капитале организаций (компаний, фирм).

Интеллектуальный капитал рассматривается как «интеллектуальное богатство», «организованные знания, участвующие в создании богатства», «коллективная умственная энергия» [3]. Он также рассматривается как нематериальные активы, при этом человеческие активы являются их составной частью (Энн Брукинг).

Одним из условий развития и повышения качества человеческого капитала является высокий индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom). Этот комбинированный показатель и сопровождающий его рейтинг оценивает уровень экономической свободы (невмешательства государства в экономику) в странах мира; рассчитывается ежегодно начиная с 1995 года американским исследовательским центром The Heritage Foundation совместно с газетой The Wall Street Journal. В 2015 году Россия занимает 143-е место с индексом 52,1 и, соответственно, входит в группу стран с преимущественно несвободной экономикой [1].

Как экономическая категория интеллектуальный капитал представляет собой систему отношений различных экономических субъектов по поводу рационального, устойчивого его воспроизводства на основе прогрессивного развития науки в целях производства товаров, выполнения работ, оказания услуг, повышения качества жизни, решения проблемы неравномерности мирового и регионального развития.

Можно с определенной долей уверенности сказать, что в научных и профессиональных кругах основное внимание уделялось и уделяется управлению интеллектуальным капиталом на уровне организации, и данные вопросы достаточно хорошо проработаны. Разработаны подходы к структуре интеллектуального капитала организации, к наиболее известным из которых относятся (см. табл. 1). Можно отметить, что все подходы в целом очень схожи, все они рассматривают внутреннюю и внешнюю среду организации, все они включают человеческий капитал.

Таблица 1

Подходы к структуре интеллектуального капитала организации

<table>
<tr><td></td><td colspan="4">Составляющие интеллектуального капитала организации</td></tr>
<tr><td>Система сбалансированных показателей Р. Каплана, Д. Нортона (1992) [4]</td><td>Финансы</td><td>Клиенты (клиентский капитал)</td><td>Внутренние бизнес-процессы (организационный капитал)</td><td>Обучение и развитие персонала (человеческий капитал)</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Л. Эдвинссон, М. Мэлоун (1994) [4]</td><td rowspan="2">Человеческий капитал</td><td rowspan="2">Структурный капитал</td><td colspan="2">клиентский</td></tr>
<tr><td colspan="2">организационный</td></tr>
<tr><td>Э. Брукинг (1996)</td><td>Рыночные активы</td><td>Человеческие активы</td><td>Интеллектуальная собственность</td><td>Инфраструктурные активы</td></tr>
<tr><td>Томас Стюарт (1997) [3]</td><td>Человеческий капитал</td><td>Организационный капитал</td><td colspan="2">Потребительский (клиентский, рыночный) капитал</td></tr>
<tr><td>Матрица К. Э. Свейби (1997)</td><td>Компетенция персонала</td><td>Внутренняя структура</td><td colspan="2">Внешняя структура</td></tr>
<tr><td>Трехлистная модель FiMIAM (2002), I. Rodov, Ph. Leliaert [4]</td><td>Человеческий капитал</td><td>Потребительский капитал</td><td colspan="2">Структурный капитал</td></tr>
<tr><td>Четырехлистная модель FiMIAM (2002), I. Rodov, Ph. Leliaert [4]</td><td>Человеческий капитал</td><td>Потребительский капитал</td><td>Структурный капитал</td><td>Партнерский капитал (стратегический альянс)</td></tr>
<tr><td>Л. И. Лукичева, Ю. А. Еленева, Е. В. Егорычева (2014) [2]</td><td>Человеческий капитал</td><td colspan="3">Интеллектуальные активы</td></tr>
</table>

Обзор авторефератов диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук, защищенных в 2007—2010 годах в нашей стране, подробно представленный д-ром экон. наук, проф. В. Н. Кабановым и ст. преп. Е. В. Михайловой Волгоградского института бизнеса, показал непрекращающийся интерес к данной теме [5].

Сегодня интеллектуальный капитал рассматривается как информация, знания, образование, квалификация, опыт, интуиция, интеллектуальные способности экономически активных людей получать новое знание, которое можно использовать, чтобы создавать богатство и повышать конкурентоспособность.

Интеллектуальный капитал включает также нематериальные активы, то есть права на интеллектуальную собственность: свидетельства, патенты, лицензии, также используются в целях максимизации прибыли и получения социальных результатов.

Выделяют две составляющие интеллектуального капитала — материальную и нематериальную. К материальной части относятся патенты, лицензии, свидетельства на изобретения, научные издания (монографии, статьи, диссертации), базы данных, программное обеспечение, товарные знаки, бренды; принадлежит компании, учреждению. К нематериальной — знания, умения, опыт, интуиция, профессионализм, творческая энергия, не оформленные в слова мысли и идеи.

Широко известны следующие методы количественного измерения интеллектуального капитала компании [4]:

1. Методы прямого измерения интеллектуального капитала — Direct Intellectual Capital methods (DIC).

2. Методы рыночной капитализации — Market Capitalization Methods (MCM).

3. Методы отдачи на активы — Return on Assets methods (ROA).

4. Методы подсчета очков — Scorecard Methods (SC).

Авторами статьи подчеркивается, что понятие интеллектуального капитала употребляется в большинстве случаев на микроуровне (применительно к бизнесу, предприятиям и организациям) и рассматривается как важнейший объект управления и конкурентное преимущество. Однако исследование интеллектуального капитала на макроуровне требует сегодня наиболее пристального внимания. Интеллектуальный капитал должен изучаться применительно к конкретной личности, совокупному работнику организации, региону, стране. Рассматривать необходимо интеллектуальный капитал как метод переноса нематериального знания в скалярной цепочке от индивида к организации, затем на уровень отрасли и суверенной территории.

Чем больше степень развития этого переносчика, тем уровень конкурентоспособности суверенной территории выше, тем качественнее удовлетворяются потребности индивидов на данной территории.

Таким образом, возникает потребность в разработке методологии количественной оценки интеллектуального капитала страны и его влияния на экономический рост.

Интеллектуальный капитал на макроуровне (на уровне страны, нации) понимается как высокообразованная часть населения с высшим, надвысшим образованием (аспирантура, докторантура), учеными степенями и учеными званиями, а также предприниматели и руководители среднего и высшего звена. Надо отметить, что в Дании сделана попытка унификации подходов к отчетам об интеллектуальном капитале на государственном уровне. Издано соответствующее руководство (Mouritzen, Bukh & al (2003), которое в 2003 году было обновлено. Дания как страна социалистического капитализма является одним из примеров практической реализации общественной справедливости. В этом смысле общественная справедливость ассоциируется с оценкой реальной стоимости интеллектуального капитала. То есть индивиды, имеющие накопленный уровень нематериального и материального измерителя интеллектуального капитала, оцениваются в соответствии с его накоплениями.

В зависимости от масштаба субъекта, к которому относится интеллектуальный капитал, выделяются различные методы его оценки и нормативные величины. Важной причиной в дан-

ном случае является различный уровень менеджмента (система управления) [6].

Интеллектуальный капитал на уровне индивида, организации и страны характеризуется разной степенью оценки и значения. Это определено уровнем менеджмента, существующим у индивида, компании (организации), страны (суверенной территории). В менеджменте индивид, организация, суверенная территория могут быть представлены отдельными бизнес-единицами (БЕ).

В табл. 2 авторами сделана попытка сравнить интеллектуальный капитал индивида, организации, страны.

Таблица 2

Сравнительная характеристика интеллектуального капитала в зависимости от уровня менеджмента системы

Характеристики	ИК индивида (ИИК)	ИК организации	ИК суверенной территории (страны, нации)
Природа	изначально нематериальная природа и неосязаемость (мысли, идеи, оформленные и не оформленные в сознании), затем возможность получить воплощение в материальных объектах (записях, публикациях, базах данных, компьютерных программах, программном обеспечении, патентах, лицензиях, ноу-хау, моделях, свидетельствах);		
	неисчерпаемость, неограниченность;		
Характер	творческий характер, креативность, свобода мысли и слова;		
Источник	изначальным носителем интеллектуального капитала является человек (индивидуум), который затем может поделиться им с компанией или страной за вознаграждение или безвозмездно;		
	физический, эмоциональный и культурный капитал индивида;	ИК индивидуума	ИК индивидуума, ИК научных и коммерческих организаций, ИК общества в целом
Ценность	ценность не всегда определяется стоимостью создания;		
	ценность может не быть признанной;		
	возможность приносить благо обществу;		
Методы	накапливаемость: сбор, хранение, развитие (способность передаваться, расширяться, дополняться, углубляться), использование;		
Оценка	не всегда оцениваются адекватно, присутствует субъективность оценки;		
	должны иметь экономическую (материальную) и неэкономическую (нематериальную) оценку;		
	удовлетворение от интеллектуального труда, адекватная заработная плата и признание руководства;	адекватная заработная плата и признание руководства;	адекватная заработная плата в части научных работников бюджетной сферы и признание заслуг на уровне страны;
	повышает самооценку;	улучшает имидж компании на рынке;	повышает место страны в различных рейтингах;

Окончание табл. 2

Характеристики	ИК индивида (ИИК)	ИК организации	ИК суверенной территории (страны, нации)
Влияние времени	способность развиваться количественно, качественно и во времени, иногда без внешней поддержки;		
	наращивается годами (требует времени);		
	угроза обесценивания в результате научно-технического прогресса, следовательно, он может и должен быть застрахован путем непрерывного образования (высшего, надвысшего, постоянное повышение квалификации, переподготовка);		
Инвестиции	возможность инвестировать и ожидать высокую отдачу в будущем, однако отдача происходит не сразу; только при трансформации интеллектуального капитала в материальную форму создаются возможности окупаемости затрат (инвестиций), получения прибыли;		
Конкурентоспособность	фактор конкурентоспособности соответственно на рынке труда, на рынке товаров и услуг, на мировом рынке		
	возможность хорошо зарабатывать;	конкурентное преимущество	фактор экономического роста и конкурентоспособности [7];
	возможность самореализации;	рост стоимости компании	фактор национальной безопасности;
Измерители: финансовые и нефинансовые	сложность в измерении;		
	заработная плата, удовлетворенность работой;	рост стоимости компании, устойчивое финансовое состояние, рост показателей прибыли, рентабельности, деловой активности, низкая текучесть кадров, здоровый морально-психологический климат;	рост ВВП, рост инвестиций в науку, высшее образование, здравоохранение, культуру, отсутствие или низкий уровень «утечки мозгов»;
Синергетический эффект	роль теории организации в определении интеллектуального капитала рассматриваемой бизнес-единицы;		
Угроза	возможность воровства идей, копирования, плагиата;		
Поддержка	нуждаются в поддержке со стороны — финансовой и моральной;		
Защита	нуждаются в защите со стороны государства		

Понятие интеллектуального капитала для разных уровней менеджмента взаимосвязано, так как многие его характеристики общие для индивида, организации и суверенной территории. Эта особенность подчеркивает уникальность интеллектуального капитала как экономической единицы.

В основе интеллектуального капитала индивидуума лежит физический и эмоциональный капитал. Физический капитал включает физическое и психическое здоровье стрессоустойчивость; эмоциональный — жизнерадостность, неравнодушие, неподдельный интерес к жизни. В продолжение теории человеческого капитала, предложенном М. Гроссманом, здоровье или капитал здоровья, рассматривается как структур-

ный элемент человеческого капитала в русле неоклассического направления экономической мысли [8].

Культурный капитал индивида, в свою очередь, включает образовательный, морально-нравственный, символический и социальный капитал; интеллектуальный капитал в данной работе также рассматривается в составе культурного [9].

Соотношение человеческого и интеллектуального капитала страны (нации) представлено в табл. 3, 4.

Человеческий капитал нации может быть оценен как расходы государства на науку, образование, в том числе высшее и надвысшее (ученые степени, ученые звания) образование, здравоохранение и культуру (табл. 3).

В скобках показана доля расходов государства на здравоохранение и спорт, культуру и высшее образование в совокупных расходах государства в 2004 и 2013 годах. При этом доля расходов государства на высшее образование (включая послевузовское) в совокупных расходах на образование составили 59,06 и 73,72% соответственно. Данные получены авторами по результатам проведенных расчетов.

Таблица 3

Классификация человеческого капитала нации

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ НАЦИИ		
Физический капитал	Эмоциональный капитал	Интеллектуальный капитал
Расходы государства на здравоохранение и спорт (1,82 и 4,27%)	Расходы государства на культуру (1,04 и 1,29%)	Расходы государства на науку и образование (2,66 и 3,71%)

Таблица 4

Классификация интеллектуального капитала нации

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ НАЦИИ (СТРАНЫ)			
Индивидуальный интеллектуальный капитал	Интеллектуальный капитал компаний	Интеллектуальный капитал научных организаций	Интеллектуальный капитал регионов

Человеческий капитал нации и интеллектуальный капитал взаимосвязаны. Однако есть причина отставания уровня развития интеллектуального капитала от статуса страны в целом. Это то, что в большей части интеллектуальный капитал — нематериальный актив, который нужно уметь практически реализовывать. Для этого должна быть создана система реализации, работа которой в одних странах отлажена, а другие остаются на уровне идей, патентов и монографий.

Далее мы постарались определить место России среди наиболее развитых стран мира. С этой целью мы проанализировали данные по ВВП на душу населения в России и ведущих странах мира во взаимосвязи с долей населения с высшим образованием на рассматриваемых территориях. Данная динамика показала уровень развития суверенной территории и ее место в долевой собственности на интеллектуальный капитал в мире.

В табл. 5 представлены данные по расчету расходов на высшее образование на душу населения в России и данные по ВВП на душу населения за период с 1999 по 2013 год — наиболее стабильный период развития экономической политики на территории современной России. Расчеты в табл. 5 произведены в ценах 2013 года. Наблюдается незначительный поступательный рост. Причем этот рост не линейный, а степенной, то есть динамика расходов на высшее образование не связана линейно с ВВП на душу населения. В целом результат связан с индивидуальной политикой государства в отношении формирования расходов на высшее образование. В последние годы доля бюджетного финансирования вытесняется долей внебюджетного финансирования. Население за счет своих накоплений, а также прочих доходов обеспечивает приобретение дополнительной интеллектуальной стоимости, без которой современная адаптация индивида в обществе практически невозможна.

Таблица 5

Исходные данные

Год	Расходы на высшее образование на душу населения, тыс. руб./чел. (X)	ВВП на душу населения, тыс. руб./чел. (У)
1999	0,51	188
2000	0,65	209,47
2001	0,75	214,21
2002	0,91	220,38
2003	1,01	233,83
2004	1,14	270,45
2005	1,7	308,35
2006	2,09	347,78
2007	2,71	395,2
2008	2,98	438,47
2009	3,14	364,1
2010	3,14	399,06
2011	3,19	442,97
2012	3,34	463,28
2013	3,39	452,45
Среднее значение	2,04	329,87

Определяя уровень аппроксимации, мы установили степенную зависимость между динамикой изменения ВВП на душу населения и расходами государства на высшее образование на душу населения в период с 1999 по 2013 год (рис. 1).

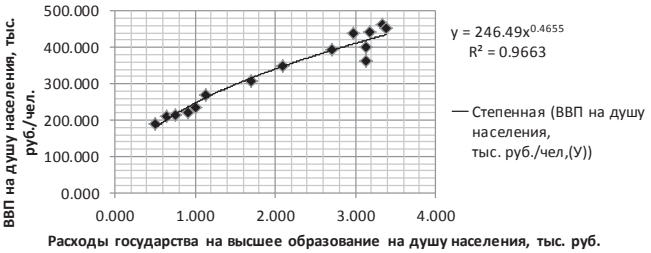


Рис. 1. Степенная зависимость между ВВП на душу населения и расходами государства на высшее образование по России за период с 1999 по 2013 год

Если рассматривать ситуацию с подготовкой специалистов с высшим образованием в мировом пространстве, включая данные по наиболее развитым странам мира, то Россия занимает, по данным Росстата, отнюдь не последнее место. Страна является одним из ведущих государств мира по подготовке специалистов с высшим образованием (табл. 6). В 2014 году доля населения с высшим образованием, занятого в экономике, составила 31,4%.

Таблица 6

Доля населения с высшим образованием и среднегодовой темп прироста

Страна	1982	2005	Среднегодовой темп прироста, %
Австралия	6	19,6	5
Австрия	5,5	13,5	3,8
Бельгия	7,6	15,4	3
Канада	12,6	22,5	2,4
Дания	3,2	8,3	4
Финляндия	18,7	35	2,6
Франция	6,1	15,3	3,9
Германия	5,8	9,5	2,1
Италия	5	12,8	4
Япония	14	26,3	2,7
Нидерланды	4,6	12,9	4,3
Испания	8,4	21,6	4
Швеция	10,3	19,9	2,8
Великобритания	6	18,9	4,9
США	22,1	31,7	1,5
Россия	нет данных	24,7	2,8 (за период 2002—2013 годов) 1,8 (за период 2002—2005 годов)

Источником информации по «странам золотого миллиарда» является отчет группы исследователей Национального института экономических и социальных исследований (National Institute of Economic and Social Research) Великобритании [10].

Данные по России получены авторами в результате проведенного исследования на основе открытой информации. В качестве источников информации выступили законы Российской Федерации об исполнении федерального бюджета в соответствующие годы, статистические ежегодники и данные, размещенные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики России.

В табл. 7 представлена фильтрация стран по доли людей с высшим образованием в 2005 году.

Таблица 7

Порядок стран по доли людей с высшим образованием в 2005 году

Страна	2005
Дания	8,3
Германия	9,5
Италия	12,8
Нидерланды	12,9
Австрия	13,5
Франция	15,3
Бельгия	15,4
Великобритания	18,9
Австралия	19,6
Швеция	19,9
Испания	21,6
Канада	22,5

Окончание табл. 7

Страна	2005
Россия	**24,7**
Япония	26,3
США	31,7
Финляндия	35

В 2005 году Россия занимала 4-е место после Финляндии (35%), США (31,7%) и Японии (26,3%). Это достаточно высокий показатель. Однако средние темпы прироста данного показателя достаточно низки.

В табл. 8 представлен расчет показателей доли людей с высшим образованием (включая послевузовское), занятых в экономике, и ВВП на 1 отработанный час.

Таблица 8

Исходные данные по определению ВВП на 1 отработанный час по России

Год	Доля людей с высшим образованием (включая послевузовское), занятых в экономике, % (X)	ВВП на 1 отработанный час, млрд руб./ч (ВВП/часы) (У)
2002	23,4	16,06
2003	23,2	17,02
2004	24,9	19,47
2005	24,7	22,47
2006	25,6	25,15
2007	27,8	28,42
2008	27,9	31,42
2009	29	26,15
2010	28,9	28,68
2011	29,5	31,95
2012	30,4	33,36
2013	31,7	33,6
Среднее значение	27,25	26,15

Зависимость между этими показателями представлена на рис. 2. Она полиномиальная.

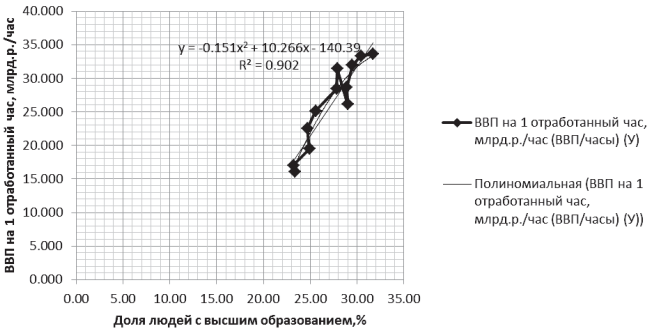


Рис. 2. Зависимость между ВВП на 1 отработанный час от доли людей с высшим образованием за период с 2002 по 2013 год

Наблюдается рост и людей с высшим образованием, и величины ВВП, приходящегося на 1 отработанный час, определенной в ценах 2013 года.

В табл. 9 представлены коэффициенты корреляции удельного веса людей с высшим образованием в наиболее развитых странах мира.

Таблица 9

Коэффициенты корреляции удельного веса людей с высшим образованием в наиболее развитых странах мира

Страна	Корреляция
Австралия	0,95
Австрия	0,97
Бельгия	0,99
Канада	0,97
Дания	0,98
Финляндия	0,96
Франция	0,99
Германия	0,99
Италия	0,9
Япония	0,95
Нидерланды	0,98
Испания	0,86
Швеция	0,97
Великобритания	1
США	0,99
Россия	**0,94**

По представленным данным можно построить следующую диаграмму (рис. 3).

Рис. 3. Зависимость удельного веса людей с высшим образованием и ростом ВВП по странам

Из рис. 3 видно, что наиболее активными и успешными в интеллектуальном плане являются Великобритания, США, Бельгия, Франция, Германия, Нидерланды. Россия приближена к Италии, Японии и Австралии, что характеризует особенности действующей в стране системы менеджмента.

Возникает вопрос о качестве образования, которое предоставляется на суверенной территории, степени исполнения стандартов международного уровня, а также реальной стоимости ВВП внутри страны, сопоставимой со стоимостью ВВП в ведущих странах мира. Эти показатели определяют уровень отклонения стоимости интеллектуального капитала, определенной в соответствии с внутренними нормами, действующими на суверенной территории, и реальной стоимостью интеллектуального капитала, рассчитанной в соответствии с нормами, действующими в рассматриваемых нами странах.

По результатам предварительного исследования мы можем сделать следующие выводы.

Россия действительно занимает уникальное положение в мире по развитию интеллектуального капитала. Причина — относительно высокий уровень образования населения и относительно низкий уровень практической реализации технологий. Россия в 2015 году имеет статус страны с преимущественно несвободной экономикой. Обособленное вовлечение России в мировое экономическое пространство, а именно по отношению к ведущим в интеллектуальном отношении странам мира, определяет ей место замыкающего в системе ведущих мировых лидеров. Этот вывод напрямую характеризует уровень стандартизации в России (через качество и уровень предлагаемых суверенной территорией товаров, удовлетворяющих потребности общества). При этом реализация стандарта качества для суверенной территории определяет способность территории быть конкурентоспособной, а также качественной для жизни.

Наша задача в дальнейшем — определить реальную стоимость часа работы специалистов с высшим образованием на территории России; выявить факторы, которые влияют на увеличение стоимости; определить уровень стандартизации интеллектуальной стоимости, а также возможную долю ВВП, которую страна должна направлять на возобновление интеллектуальной стоимости с целью обеспечения территориальной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Информационно-аналитический портал «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: http://gtmarket.ru/news/2014/07/24/6843 (дата обращения: 01.06.2015).

2. Лукичева Л. И. Менеджмент интеллектуального капитала: теория и практика: учебник для магистров / Л. И. Лукичева, Ю. А. Еленева, Е. В. Егорычева. М.: Омега-Л, 2014. 323 с.

3. Стюарт Т. А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций. М.: Поколение, 2007. 368 с.

4. Просвирина И. И. Интеллектуальный капитал: новый взгляд на нематериальные активы // Финансовый менеджмент. 2004. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://www.finman.ru/articles/2004/4/2309.html (дата обращения 01.03.2015).

5. Кабанов В. Н., Михайлова Е. В. Экономика труда в докторских диссертациях 2007—2010 годов (Обзор авторефератов диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (08. Экономика труда)) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 3 (13). С. 10—18.

6. Сметанина Т. В. Теоретические аспекты реализации объективных законов теории организации в менеджменте. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2015. 292 с.

7. Тихомирова Е. В. Человеческие ресурсы, основные понятия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 1 (11). С. 72—76.

8. Мосейко Е. Е. Институционализация капитала здоровья как системы отношений по поводу его воспроизводства // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3 (20). С. 44—48.

9. Бондаренко М. П. Человеческий капитал как составной элемент человеческих ресурсов и его роль в современном воспро-

изводственном процессе // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 1 (11). С. 76—88.

10. Dawn Holland, Iana Liadze, Cinzia Rienzo, David Wilkinson. The relationship between graduates and economic growth across countries // National Institute of Economic and Social Research, Bis Research Paper № 10, august 2013. 72 p.

REFERENCES

1. Information-analytical portal «Center for humanitarian technologies» [Electronic resource]. URL: http://gtmarket.ru/news/2014/07/24/6843 (date of viewing: 01.06.2015).

2. Lukicheva L. I. Management of intellectual capital: theory and practice: textbook for masters / L. I. Lukicheva, Yu. A. Eleneva, E. V. Egorycheva. M.: Publishing House Omega-L, 2014. 323 p.

3. Stewart T. A. Intellectual capital. The new wealth of organizations. M.: Generation, 2007. 368 p.

4. Prosvirina I. I. Intellectual capital: a new look at intangible assets // Financial management. 2004. № 4 [Electronic resource]. URL: http://www.finman.ru/articles/2004/4/2309.html (date of viewing: 01.03.2015).

5. Kabanov V. N., Mikhailova E. V. Labor Economics in doctoral dissertations from 2007 to 2010 (Review of abstracts of dissertations for a scientific degree of the doctor of economic sciences, specialty 08.00.05 — Economics and national economy management (08. Labor Economics)) // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2010. № 3 (13). P. 10—18.

6. Smetanina T. V. Theoretical aspects of implementation of the objective laws of the theory of organization in management. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Technology and Design SPGUTD, 2015. 292 p.

7. Tikhomirova E. V. Human resources, basic concepts // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2010. № 1 (11). P. 72—76.

8. Moseico E. E. Institutionalization of health capital as a system of relations regarding its reproduction // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 3 (20). P. 44—48.

9. Bondarenko M. P. Human capital as an integral element of human resources and its role in modern reproduction process // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2010. № 1 (11). P. 76—88.

10. Dawn Holland, Iana Liadze, Cinzia Rienzo, David Wilkinson. The relationship between graduates and economic growth across countries // National Institute of Economic and Social Research, Bis Research Paper № 10, August 2013. 72 p.

УДК 330.101
ББК 65.050.17

Solod Tatiana Valerievna,
candidate of economics, assistant professor
of the department of social technologies
of Rostov State Transport University,
Rostov-on-Don,
e-mail: tatiana.solod2011@yandex.ru

Солод Татьяна Валерьевна,
канд. экон. наук, доцент кафедры социальных
технологий Ростовского государственного
университета путей сообщения,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: tatiana.solod2011@yandex.ru

ВЕКТОР ВОССТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

VECTOR OF RECOVERY OF THE COUNTRY ECONOMIC SECURITY SYSTEM

В статье рассматривается современный этап развития мировой экономики, на котором Россия оказалась в сложной ситуации, характеризующейся установлением санкций, что приводит к падению основных экономических показателей, падению курса рубля, высокой инфляции, сокращению экспорта. Проводится анализ основных экономических показателей, характеризующих темпы развития страны, на основе которого определено, что их отклонение от нормативных требований требует пересмотра стратегий развития и поведения страны на мировых рынках, переориентации производственных процессов и поиска новых экономических партнеров и рынков сбыта, чтобы поддержать уровень экономической безопасности. В рамках статьи сделан вывод о необходимости применения инновационно-модернизационного типа развития национальной экономики, поскольку именно он может стать основой формирования качественно нового типа экономической системы.

Ключевые слова: санкции, экономическая безопасность, импортозамещение, внутренний рынок, экономическое пространство, стратегия, частное предпринимательство, инновационно-модернизационное развитие, рынки сбыта, стратегия развития.

The present stage of development of the world economy is examined in the article, at which Russia turned out to be in difficult situation that is characterized by establishing of sanctions leading to falling of the main economic indicators, falling of ruble exchange rate, high inflation, and export reduction. Analysis of the main economic indicators characterizing the rates of the country development is done, on which basis it is defined that their deviation from the regulatory requirements demands revision of the development strategies the country at the world markets, reorientation of production processes and search for new economic partners, and sales markets to support the level of economic security. The conclusion is made about the need of application of innovative and modernization type of development of the national economy as it can become the basis of formation of the qualitatively new type of economic system.

Keywords: sanctions, economic security, import substitution, internal market, economic space, strategy, private business, innovative and modernization development, sales markets, development strategy.

Усиление санкций со стороны США и стран Европейского союза против России, представляющих собой комплекс политических и экономических составляющих, нацеленных на снижение деловой активности в стране и ограничение ее международных взаимодействий, предопределяет необходимость усиления роли внутреннего рынка в обеспечении перманентного экономического роста страны и формировании точек роста для обеспечения стабильно устойчивого уровня экономической безопасности. Однако перед предложением мер по стабилизации и развитию внутреннего рынка страны необходимо проанализировать текущее состояние российской экономики.

На данный момент времени экономика страны находится в ситуации не только снижения темпов роста, что признается на уровне федеральной власти, но и уменьшения ВВП в денежных и абсолютных показателях (табл. 1). Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о снижении темпов роста ВВП страны, при этом стоит отметить, что тенденция спада наблюдается с 2013 года, а внешнее воздействие лишь усугубило ситуацию.

Таблица 1

Динамика ВВП России [1]

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014 (9 мес.)
Объем ВВП (млрд долл.)	46308,5	55967,2	62218,4	66755,3	52392,6
Отношение ВВП к показателю прошлого года (%)	104,5	104,3	103,4	101,3	100,7

В ситуации, которая сейчас наблюдается на внутреннем рынке страны, действия властей не должны приводить к сокращению объемов инвестиций в экономику, поскольку при их снижении не стоит рассчитывать на улучшение экономической ситуации, на научно-технический прогресс и технологическое обновление промышленного производства, на рост производительности труда, на реализацию программы импортозамещения, а при отсутствии всех этих тенденций не стоит рассчитывать на положительную динамику индекса выпуска продукции и услуг, который сейчас значительно уступает показателям 2010—2011 годов (табл. 2).

Таблица 2

Индекс выпуска продукции и услуг по базовым видам экономической деятельности [1]

Период	2010	2011	2012	2013	2014
I квартал	106,40	105,60	105,00	100,60	100,30
II квартал	107,60	104,00	103,20	100,20	100,40
III квартал	102,90	106,70	102,40	101,00	100,70
IV квартал	106,40	105,60	101,70	101,80	н/д

Свидетельством погружения экономики страны в кризис служит показатель экспорта товаров [2] (табл. 3). Если в 2013 году общая сумма выручки от российского экспорта составила 527,3 млрд долл., ожидаемая в текущем году — 511,2 млрд долл., то уже в 2015 году это показатель упадет до 494,2 млрд долл., но, на наш взгляд, цифра будет еще меньше, поскольку данный прогноз сделан с учетом цены за 1 баррель нефти 100 долл.

Таблица 3

Динамика экспорта за 2010—2015 годы (млрд долл.)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015 (прогноз)
Объем выручки	400,6	515,4	527,4	527,3	511,2	494,2

Таким образом, исходя из анализа показателей, можно говорить о естественном затухании темпов социально-экономического развития страны, которое усугубилось введением санкций. Замедление темпов роста экономики приводит к проблемам с формированием и исполнением консолидированного бюджета страны (табл. 4).

Таблица 4

Дефицит (-), профицит (+) консолидированного бюджета в 2009—2014 годах [2]

	2009	2010	2011	2012	2013	2013 (январь — август)	2014 (январь — август)
Консолидированный бюджет	-2652	-1912	407	-318	-990	521,2	1255,3
В том числе:							
Федеральный бюджет	-2322	-1812	442	-40	-348	440,2	972,3
Бюджеты субъектов Федерации	-329	-100	-35	-279	-642	81,0	283,0
В% собственных доходов бюджетов субъектов Федерации	-7,8	-2,0	-0,6	-4,4	-9,7	1,2	4,0

Данные показывают, что в большинстве регионов страны наблюдается бюджетный кризис. Согласно статистике [Там же], в 2013 году 77 субъектов РФ имели отрицательный баланс, а в 34 размер дефицита превысил предельный норматив. Стабильные показатели и даже профицит бюджета показывают Москва, Санкт-Петербург, Сахалинская, Тюменская, Московская области.

Современная экономическая ситуация в мире стремительно меняется, и не только по причине глобализационных тенденций, но и по причине перераспределения сил в мировом масштабе, хотя вторую причину с уверенностью можно назвать следствием первой. Перемены в геополитическом масштабе являются закономерностью при усиливающихся процессах расширения мировой экономики, ускоренных темпах научно-технического прогресса, появлении новых держав, расширении процессов демократизации и распространении радикальной исламистской идеологии. В рамках разрешения сложившейся кризисной ситуации возможно применение трех вариантов стратегий. Первая стратегия сводится к минимальному участию государства в экономике и свободному функционированию рынка без каких-либо ограничений. Она предполагает самостоятельное протекание процессов модернизации, и в целом на основе данной стратегии наша страна развивается последние 20 лет. Вторая стратегия ориентирована на существенное усиление роли государства в экономике, но с учетом рыночного самодействия в допустимых пределах. Третья стратегия предполагает отрицание значения рынка и отдает всю прерогативу полномочий государству. На наш взгляд, на современном этапе необходимо использовать вторую либо третью стратегию, поскольку первая может сформировать свободную рыночную экономику, но как придаток мирового рынка, без модернизации и создания ситуации, когда большинство населения живет за чертой бедности.

Для реализации второй стратегии необходимо устранить две основные проблемы модернизации. Это обнищание населения страны и экономическая неэффективность российского капитализма. Необходимо отметить, что в случае следования

данной стратегии рынок сам по себе модернизацию проводить не может, поскольку все-таки это прерогатива государства. Возможно применение опыта стран второго и третьего эшелона экономического развития, которые проводили модернизацию на основе государственного регулирования экономики и государственно-частного партнерства, но без опущения роли частного предпринимательства [3].

Совершенно очевидно, что сложившаяся ситуация только подтвердила необходимость радикального изменения подходов к системе обеспечения экономической безопасности страны, поскольку в периоды кризисов экономика становится особенно беззащитной перед угрозами экономической безопасности, нарушается ее нормальное функционирование. На данный момент времени нам представляются своевременными и логичными следующие мероприятия в рамках развития системы экономической безопасности страны: диверсификация рынков сбыта, развитие внутреннего рынка, проведение политики импортозамещения.

В рамках первого направления, а именно диверсификации рынков сбыта, необходимо учитывать энергетическую стратегию и проводимую модернизацию в стране, поскольку на данный момент времени экспорт энергоносителей остается основным источником финансовых поступлений и основной статьей экспорта, но в долговременной перспективе эта тенденция может измениться, и страна будет получать прибыль за счет товаров и услуг, произведенных в других секторах экономики, поскольку есть вероятность, что на основе имеющихся человеческих и природных ресурсов России удастся успешно завершить процесс модернизации и развить многие сектора экономики. Поэтому уже сейчас есть смысл задуматься о рынках сбыта на долгосрочную перспективу.

На наш взгляд, основной ориентир в выборе новых рынков сбыта для нашей страны — это государства Азиатско-Тихоокеанского региона и Южной Америки (Китай, Южная Корея, Индия, Вьетнам, Таиланд, Малайзия, Бразилия, Аргентина и т. д.), и не только потому, что европейские рынки нам недоступны, а потому, что, на наш взгляд, эти страны в ближайшей перспективе вполне могут стать локомотивами развития мировой экономики из-за высоких темпов развития и постоянного роста потребления в них.

Россия, которая не принадлежит ни к странам Юга, ни к странам Запада, в силу своей ресурсной специализации сможет балансировать на равных как со старыми странами-лидерами, так и с новыми. Развитие глобальной экономики неразрывно связано с ростом потребления энергоресурсов, в том числе нефти и газа, поэтому страны, обладающие запасами этих ресурсов, могут влиять на развитие ситуации. Поскольку в данный момент времени на Ближнем Востоке идет передел сфер влияния и возможны перебои с поставками нефти, Россия должна воспользоваться выпавшим шансом и получить свою выгоду для обеспечения экономической безопасности, ведь растущая потребность в энергоресурсах будет определять внешнеэкономическую политику стран — лидеров мировой экономики. Если правительство страны правильно реализует имеющийся потенциал, Россия сможет занять далеко не последнее место на экономической арене, но пока мы не справимся с «голландской болезнью», о каких-либо перспективах, кроме «сырьевого придатка», можно и не думать. Сдерживающим фактором для России является и тот факт, что рубль играет незначительную роль в глобальной финансовой системе, кроме расчетов при торговле с Белоруссией и некоторыми приграничными странами.

Модернизация российской экономики возможна только за счет развития института частного предпринимательства. Мировой опыт становления развитых стран свидетельствует, что без самодеятельного и свободного производителя и высокого уровня предпринимательской активности в стране экономическое благополучие, а следовательно, и экономическая безопасность, невозможно. Именно предпринимательство становится основой привнесения большей части идей, которые способствуют прогрессу и благополучию экономических систем. Развитие сферы предпринимательской деятельности в стране может послужить основой мощного стимула к высокопроизводительному труду и более качественному удовлетворению потребностей общества. Однако это будет иметь эффект только в случае укрепления конкурентной политики в стране и создания условий для честной конкуренции на неконкурентных в настоящий момент времени рынках. Это возможно только за счет развития института финансирования малых и средних национальных предприятий, которые на данный момент находятся не в лучшем состоянии, хотя этот сегмент экономики во многих странах рассматривается как основа стабильного функционирования народно-хозяйственных систем [4].

В рамках направления развития внутреннего рынка в сложившейся ситуации Правительство РФ должно уделять внимание мерам, направленным на повышение конкурентоспособности реального сектора экономики. Однозначно, в данной ситуации для обеспечения экономической безопасности страны необходимо использовать одно из основных конкурентных преимуществ — емкий внутренний рынок потребления. Должны быть созданы условия, когда реальный сектор экономики сможет заполнить внутренний рынок качественными отечественными товарами. Возможно применение такого рычага, как выдача длительных инвестиционных ресурсов под минимальный процент или в виде дотаций и субсидий. Необходимо обеспечить доступность кредитов и создать конкурентоспособные условия государственного финансирования бизнеса, но пока процентные ставки по кредитам превышают рентабельность проектов. Как сопутствующие меры должны применяться рычаги, направленные на создание современной инфраструктуры и высококвалифицированного персонала, ориентированного на работу в реальном секторе экономики.

Немаловажным является повышение статуса национальных монетарных властей и их роли в функционировании внутреннего рынка. Это является необходимым, поскольку вводимые ограничения большей частью касаются свободы доступа к иностранным финансовым рынкам — и в кредитной сфере и на рынке ценных бумаг. Сейчас необходимо обратить внимание на формирование внутренних источников денежных ресурсов, направленных на переориентацию российских производителей с внешних рынков заимствования на внутренний, например, путем обеспечения приоритетности внутренних источников монетизации. Другой подход развития внутреннего рынка заимствований и кредитования — это политика последовательного замещения иностранных заимствований крупных национальных банков и корпораций внутренними источниками финансирования, которые обладают большими объемами внешних задолженностей, за счет расширения спектра механизмов и инструментов финансирования со стороны ЦБ (табл. 5). Целесообразна диверсификация рынков и источников привлекаемых валютных ресурсов за счет участия в финансовых системах японской иены и китайского юаня. Однако, как показывает практика, сейчас проводится политика ужесточения внутренних подходов регулятора, хотя он должен был создавать максимально комфортные условия для ведения бизнеса.

Таблица 5

Динамика внешнего долга российских банков и корпораций (млрд долл.) [4]

	2007	2011	2014 (6 мес.)
Банки	164	163	207
Корпоративный сектор	261	338	444
Сумма	425	501	651

Правительству РФ стоит обратить внимание на вопрос отхода от применения доллара в качестве средства международного платежа и снижения зависимости российского бюджета от цены на нефть, а следовательно, от колебаний валютных курсов. Первые шаги в этом направлении уже были сделаны. Так, Банк России и Народный банк Китая подписали соглашение о свопе национальных валют длительностью три года. Валютный своп — это инструмент, дающий возможность доступа к иностранной валюте другого государства без покупки ее на валютном рынке. Несмотря на то что пока сумма соглашения минимальна (24,5 млрд долл.), это даст возможность укрепления экономических отношений между странами, поскольку обеспечивает определенные гарантии в сфере финансирования торговли и прямых инвестиций [Там же]. Укрепление стабильности национальной валюты должно привести к стимулированию экспорта и развитию внешней торговли.

Импортозамещение должно касаться всех отраслей, а в первую очередь тех, которые больше всего пострадали от введения санкций. При этом переориентация на внутреннее производство не должна означать снижения контроля качества выпускаемой продукции. Производители обязаны стремиться к производству товаров такого же качества, как и иностранные. Пока же российская экономика сильно зависит от поставок импортного оборудования и продукции. По результатам исследований, во многих стратегических отраслях промышленности доля потребления импорта оценивается на уровне более 80%. Такая зависимость — прямая угроза экономической и национальной безопасности страны и конкурентоспособности российской экономики на мировом рынке. Рост импортозамещения может создать возможности для ускоренного роста многих отраслей экономики. Наиболее перспективными с точки зрения импортозамещения являются станкостроение, тяжелое машиностроение, легкая промышленность, сельское хозяйство, электронная промышленность, фармацевтическая, медицинская промышленность, машиностроение для пищевой промышленности.

На наш взгляд, процедура импортозамещения должна сопровождаться комплексом мер, направленных на ее поддержание. В частности, в качестве меры содействия импортозамещению можно рассмотреть необходимость снижения ввозных пошлин на отдельные виды сырья, необходимого для развития вышеперечисленных отраслей. Есть необходимость возобновления субсидирования кредитов по инвестиционным проектам, которое выступит гарантом возобновления некоторых проектов и пролонгации сроков действия других. Государство должно следить за равномерным распределением финансовой помощи между крупным и малым бизнесом и избежать концентрации денежных средств у монополистов, поскольку, если не удастся, это приведет к потере многоукладности наших отраслей.

Российская экономика сейчас находится в экстремальной ситуации, которая грозит возникновением долгосрочных тенденций спада, поэтому целесообразно использовать народно-хозяйственное планирование, это должно стать наилучшей формой государственного регулирования экономики. Полное отсутствие института народно-хозяйственного планирования приводит к структурным перекосам и возникновению дисбаланса во взаимодействии элементов экономики. Кроме того, использование плановых методов может поставить страну на путь инновационного развития.

Сложившаяся кризисная ситуация в экономике России привела к созданию ситуации, когда в народно-хозяйственной системе страны и ее регионов происходит очередная трансформация экономического пространства. Как выход из фаз депрессии и регресса видится использование инновационно-модернизационного типа развития, который должен стать основой формирования качественно нового типа экономических систем. В рамках данного аспекта развитие должно начинаться с создания и развития региональных инновационных систем, имеющих узкую специализацию, чтобы не конкурировать друг с другом. Инновационная составляющая должна основываться на ресурсах, имеющихся на территории данного региона в большем количестве, чем у других, то есть опираться на естественное конкурентные преимущества региона. Далее региональные инновационные системы могут стать основой формирования инновационной народно-хозяйственной системы страны [5].

В рамках стимулирования экспортноориентированного роста необходимо больше внимания уделять динамике валютных курсов, которые следует не только удерживать от завышения, но даже занижать. Данная мера может выступить в качестве экспортной экстерналии, то есть искусственного создания дополнительных стимулов для экспорта нересурсной продукции и доведения его до социально оптимального уровня. Речь ведется именно о продукции, не имеющей отношения к ресурсам, чтобы снизить степень зависимости страны от производства и продажи ресурсов, и минимизации угроз «голландской болезни». В данном конкретном аспекте можно вернуться к традиционной практике протекционизма — защите национальных производителей, который может выступить в роли одного из кейнсианских инструментов стимулирования спроса на национальную продукцию.

Ситуация нестабильности в рамках российской экономики пошатнула приоритеты дальнейшего экономического развития и заставила задуматься о смене приоритетов в развитии на среднесрочную и долгосрочную перспективы. Кроме того, нестабильность, созданная искусственно странами Европы и США, сопровождается процессами экономической дезинтеграции, социальной дифференциации общества, что приводит к росту напряженности между центром и регионами и еще больше усложняет сложившуюся ситуацию и представляет угрозу социально-экономическому укладу РФ. Сейчас в экономической системе страны отмечается некая стабилизация, но она может носить краткосрочный характер. Не представляется возможным, что санкции против России будут сняты в ближайшей перспективе. В данной ситуации правительству остается заняться поиском новых экономических партнеров, развивать новые рынки сбыта и имеющиеся в российской экономике точки роста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Новоселова Л. Китай: есть ли жизнь после санкций? // Российский экономический журнал. 2014. № 5. С. 43—49.
2. Ильин В. Бюджетный кризис регионов как отражение неэффективности отжившей модели экономики // Российский эконо-

мический журнал. 2014. № 8. С. 12—21.

3. Войеков М. Экономическая система и экономическая политика модернизации // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 12. С. 78—83.

4. Солод Т. В. Пути обеспечения промышленной безопасности: мировой, национальный и региональный аспекты // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 128—132.

5. Шаталова О. И., Тельнова Н. Н., Шеховцова С. Р. Условия функционирования и факторы устойчивого сбалансированного развития регионов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 115—118.

REFERENCES

1. Novoselova L. China: whether there is life after sanctions? // Russian economic journal. 2014. № 5. P. 43—49.

2. Ilyin V. The budgetary crisis of the regions as reflection of inefficiency of the obsolete economic model // Russian economic journal. 2014. № 8. P. 12—21.

3. Voyekov M. Economic system and economic policy of modernization // Issues of the theory and practice of management. 2014. № 12. P. 78—83.

4. Solod T. V. Ways of ensuring industrial safety: world, national and regional aspects // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 128—132.

5. Shatalova O. I., Telnova N. N., Shekhovtsova S. R. Operating conditions and factors of the sustainable balanced development of the regions // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 115—118.

УДК 004.056
ББК 32.973-018.2

Smetanina Tatiana Vladimirovna,
candidate of economic sciences, associate professor
of the department of management of Saint-Petersburg
State University of Technology and Design,
Saint-Petersburg,
e-mail: smetdipdok@mail.ru

Сметанина Татьяна Владимировна,
канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента
Санкт-Петербургского государственного университета
технологии и дизайна,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: smetdipdok@mail.ru

Yakovleva Elena Sergeevna,
candidate of technical sciences, senior researcher
at the department of graphic design
of Baltic University of Foreign Languages
and Intercultural Communication,
Saint-Petersburg,
e-mail: 2305lena@mail.ru

Яковлева Елена Сергеевна,
канд. техн. наук, ст. науч. сотрудник кафедры
графического дизайна
Балтийского института иностранных языков
и межкультурного сотрудничества,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: 2305lena@mail.ru

РАЗРАБОТКА АЛГОРИТМА РЕАЛИЗАЦИИ ЗАПРОСА ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИИ

DEVELOPMENT OF AN ALGORITHM FOR IMPLEMENTATION OF REQUEST FOR DATA PROTECTION

В статье рассматривается проблема реализации авторских прав посредством реализации запроса на защиту информации. Анализируется структура предмета исследования, предлагается алгоритм реализации запроса на защиту информации. Далее рассматривается содержание каждого этапа алгоритма. Особое внимание уделяется экономической и технической составляющей предмета исследования. Делаются выводы о возможных вариантах реализации запроса на защиту информации. Проблема защиты информации рассматривается на непосредственном и внутреннем уровне организации. Определяется значение глобального менеджмента в решении данного вопроса. Глобальный менеджмент выделен как перспектива данного исследования.

The issue of copyright implementation through the request for information protection is examined in the article. The structure of the subject of the study is analyzed; the algorithm for implementation of the request for information protection is proposed. The content of each stage of the algorithm is further examined. Special attention is given to economic and technical component of the subject of the study. Conclusions about possible options for the request for protection of information implementation are made. The problem of information security is examined at the direct and internal level of the organization. The value of global management for resolution of the issue is determined. Global management is highlighted as the perspective of this study.

Ключевые слова: информация, знаковые системы, сложность, актуальность, полнота, запрос, электронные книги, себестоимость, калькуляция, вероятность.

Keywords: information, sign systems, complexity, relevance, completeness, request, e-books, cost price, calculation, probability.

Уровень развития информационных технологий, а также повышение нематериальной стоимости информации — это то, что характеризует современные деловые отношения между субъектами в обществе. Информация переходит в ранг высокодефицитного ресурса. Борьба за этот ресурс определят уровень безопасности взаимодействующих в обществе систем.

Информация часто представляется в цифровой форме, и имеются эффективные инструменты для обработки цифровых сигналов и изображений [1]. Собственники информации получают непосредственное увеличение стоимости их деловой репутации и соответственно наиболее свободный уровень принятия решений. Несанкционированное обладание информацией приводит к несправедливому перераспределению стоимости данного актива и увеличению зависимости собственников информации от мнения третьих лиц.

В настоящей статье авторы уделили внимание проработке метода защиты информации. Это один из важных элементов теории защиты информационных потоков на всех уровнях менеджмента.

Технической стороной данного метода являются процедуры установления специальных меток. При реализации алгоритма запроса на защиту информации используются цифровые водяные знаки (ЦВЗ), определяемые в [2] как специальные метки, незаметно внедряемые в изображение или другой сигнал с целью тем или иным образом контролировать его использование.

Данная методика рассматривается стеганографией. Современная стеганография, которая занимается встраиванием цифровых данных одного объекта в цифровые данные другого, имеет широкое применение для защиты медиаинформации. Значительные результаты в исследовании методов встраивания цифровых данных представлены в работах В.Г. Грибунина, И.Н. Окова, И.В. Туринцева, А.В. Аграновского, А.В. Балакина, Г.Ф. Кохановича, А.Ю. Пузыренко, в работах зарубежных авторов, а именно I.J. Cox, M.L. Miller, J.F. Bloom, J. Fridrich, T. Kaler, P. Wayner.

Процедуры встраивания ЦВЗ имеют ряд приложений, включающих защиту цифровой информации, судебные доказательства при помощи меток и ЦВЗ, задачи перевода цветного изображения в полутоновое и др. Большинство из этих приложений сейчас интенсивно разрабатываются в силу того, что информация часто представлена в цифровой форме и имеются эффективные инструменты для обработки цифровых сигналов и изображений. На самом деле цифровые изображения — это наиболее распространенный тип медиа, для которых в настоящее время доступны стеганографические приложения.

При разработке данного метода авторы статьи в большей степени ориентировались на полиграфическую отрасль, так как сами являются потенциальными и реальными заказчиками защиты информации. Для авторов собственная информация представляет собой интеллектуальную собственность.

Для полиграфической отрасли проблема защиты информации является весьма острой и актуальной. При несанкционированном использовании информации, обладающей материальной ценностью, страдает каждый субъект цепочки управления. Цепочка имеет следующую структуру: автор (индивид) — издательство (бумажные книги/электронные книги) (организация) — типография (организация) — магазин (организация) — государство (суверенная территория).

В статье предложен инструмент или метод, которым могут пользоваться заинтересованные в защите информации физические и юридические лица. В основе данного метода лежат системный и междисциплинарный подходы. Превентивная защита оказывается надежнее и дешевле убытков, которые несут все участники издательского процесса. Все изложенное выше подтверждает актуальность темы исследования, проведенного авторами данной статьи.

В реализации запроса на защиту информации важное значение имеет состав системы.

Управляющим элементом системы является государство, суверенная территория, на которой происходит реализация данного запроса. Управляемым элементом будет индивид как носитель информации в виде знаковых систем. Правила, по которым осуществляется управление данным процессом, представляют собой комплекс законов по защите информации, в том числе авторских прав.

Входные ресурсы системы — идеи, замыслы, секретные формулы. Выходные ресурсы системы — защищенная информация, имеющая четкую идентификацию и принадлежность (см. рис. 1).

Воздействие информационного потока от управляющего элемента на управляемый элемент осуществляется посредством нормативного регулирования, установленного законодательной, исполнительной и судебной системой суверенной территории. Обратное воздействие управляемого элемента на управляющий элемент происходит посредством запроса на защиту информации. Это явление является предметом нашего исследования.

Проблематика этого явления состоит в том, что защита знаковых систем, информации имеет глобальное значение. Напрямую связано с глобальным информационным менеджментом. Формирование запроса на защиту информации должно учитывать разноплановые системы, принадлежащие разным управляющим элементам (государствам, суверенным территориям).

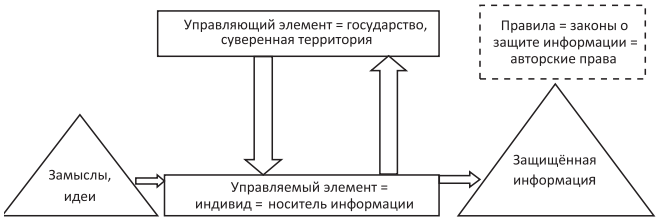


Рис. 1. Элементы объекта, определяющие предмет исследования

В зависимости от государства приоритет в классификации информации может быть разным. Чем более самостоятельно организована система, тем вероятность несанкционированных воздействий на информацию ниже. Это касается знаковых систем, которые размещаются в печатных изданиях. Однако действие глобального информационного менеджмента имеет условные государственные границы. Поэтому комплекс мер по защите должен быть общим, международным. Только так можно добиться эффективного действия данного алгоритма. Данный алгоритм можно представить как инструмент по защите авторского права.

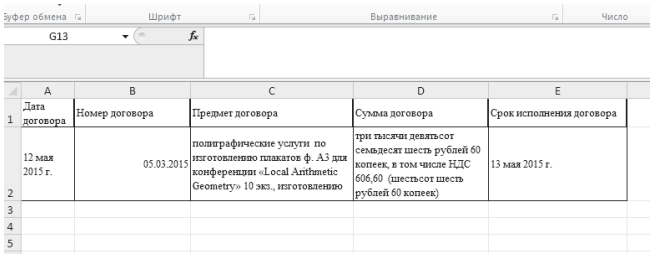
Алгоритм реализации запроса на защиту информации представлен на рис. 2.

Рис. 2. Алгоритм реализации запроса на защиту информации

Рассмотрим каждый этап алгоритма в отдельности.

Этап 1. Запрос на защиту информации. Оформление договора. Использование на этом этапе функции поля слияния текстового редактора

Текстовые заполнители, такие как адрес или приветствие, называются полями слияния. Поля в приложении Word соответствуют выделенным заголовкам столбцов в файле данных. Представляют собой вариант создания базы данных для оперативного формирования юридических документов по формированию запроса на защиту информации. Решается две задачи: формирование базы данных заявителей с выделением предметов договора, повышается эффективность подготовительных мероприятий по оформлению документооборота (за счет сокращения временных рамок) (рис. 3).



	A	B	C	D	E
1	Дата договора	Номер договора	Предмет договора	Сумма договора	Срок исполнения договора
2	12 мая 2015 г.	05.03.2015	полиграфические услуги по изготовлению плакатов ф. А3 для конференции «Local Arithmetic Geometry» 10 экз., изготовлению	три тысячи девятьсот семьдесят шесть рублей 60 копеек, в том числе НДС 606,60 (шестьсот шесть рублей 60 копеек)	13 мая 2015 г.
3					
4					
5					

Рис. 3. Файл с данными для основного документа

1. Столбцы файла данных представляют собой категории данных. Поля, добавляемые к основному документу, являются текстовыми заполнителями для этих категорий.

2. Строки файла данных представляют собой записи данных. При выполнении слияния приложение Word создает копию основного документа для каждой записи.

При помещении поля в основной документ подразумевается, что в месте его расположения должна появиться определенная категория данных, например дата договора, номер договора, предмет договора, срок исполнения договора (рис. 4).

ДОГОВОР № { MERGEFIELD Номер_договора }

г. Санкт-Петербург { MERGEFIELD Дата_договора }

Учреждение Российской академии наук Санкт-Петербургское отделение математического института имени В.А. Стеклова РАН (в дальнейшем - «Заказчик») в лице директора Санкт-Петербургского отделения математического института имени В.А. Стеклова С.В. Кислякова, действующего на основании Устава, с одной стороны, и ООО «Издательство ВВМ» (в дальнейшем - «Исполнитель») в лице генерального директора Мещерина В.В., действующего на основании Устава, с другой стороны, заключили настоящий договор о нижеследующем:

1. ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА

1.1. Исполнитель обязуется выполнить по заданию Заказчика работу, указанную в п. 1.2. настоящего договора, и сдать её результат Заказчику, а Заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его.

1.2. Исполнитель обязуется выполнить { MERGEFIELD Предмет_договора }

1.3. Сроки выполнения работ - до { MERGEFIELD Срок исполнения договора } Ис-

Рис. 4. Форматный документ

ПРИМЕЧАНИЕ. При вставке поля слияния в основной документ имя поля всегда заключается в фигурные скобки ({}). В составных документах эти скобки служат не для выделения. Они лишь позволяют отличать поля в основном документе от нормального текста.

При слиянии данные первой строки файла данных замещают поля в основном документе, тем самым образуя первый составной документ. Данные второй строки файла данных замещают поля, образуя второй составной документ, и т. д. [3] (рис. 5).

ДОГОВОР № 5-03

г. Санкт-Петербург 12 мая 2015 г.

Учреждение Российской ак[illegible]ии наук Санкт-Петербургское отделение математического института имени В [illegible]Стеклов[illegible] РАН (в дальнейшем - «Заказчик») в лице директора Санкт-Петербургского о[illegible]ления мате[illegible]атического института имени В[illegible]ова С.В. Кислякова, действующего н[illegible]основании Уст[illegible]ва, с одно[illegible] [illegible] и ООО [illegible]здате[illegible]ство ВВМ» (в дальнейшем - «Испол[illegible]тель») в лице ген.[illegible] [illegible]о директора Мещерина В.В., действующего на основании Уста[illegible], с другой стороны, заключили настоящий договор о нижеследующем:

1. ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА

1.1. Исполнитель обязуется выполнить по заданию Заказчика работу, указанную в п. 1.2. настоящего договора, и сдать её результат Заказчику, а Заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его.

1.2. Исполнитель обязуется выполнить полиграфические услуги по изготовлению плакатов ф. А3 для конференции «Local Arithmetic Geometry» 10 экз., изготовлению плакатов ф. А2 для конференции «Local Arithmetic Geometry». 4 экз. , изготовлению блокнотов ф. А5, для конференции «Local Arithmetic Geometry» 40 экз.

1.3. Сроки выполнения работ - до 13 мая 2015 г. Ис

Рис. 5. Окончательный вариант документа

Этап 2. Расчет себестоимости работ

Калькуляция себестоимости:

— затраты по времени (человеко-часы), стоимость 1 часа работы определяется как средняя рыночная стоимость 1 часа работы специалиста определенного уровня — 300 руб./ч, налоги с оплаты труда в соответствии с действующим налоговым законодательством;

— программное обеспечение (его использование в течение времени работы):

1. Лицензионная операционная система Microsoft Windows 8.1 — 7776 руб.

2. Пакет Office Standard 2013 — 16420,16 руб. Коммерческая лицензия.

3. Программа Matlab и ее компоненты: Image Processing Toolbox, Signal Processing Toolbox. Индивидуальная лицензия — 2650 долл. + компоненты.

4. PDF Creator. Бесплатный конвертер PDF-файлов.

5. PDF Architect. Программа для просмотра PDF-файлов. Требуется дополнительный компонент — модуль Secure and Sign, цена 19.50 €.

Возможны академические лицензии, их стоимость существенно ниже, но они не предназначены для получения коммерческой прибыли. Включение стоимости программного обеспечения осуществляется посредством механизма амортизации (амортизационные отчисления);

— техническое оснащение (его использование в течение времени работы, амортизационные отчисления): современный персональный компьютер, принтер. Включение стоимости технического оснащения осуществляется также посредством механизма амортизации с расчетом стоимости данного оборудования на конкретное время работы над запросом;

— расходные материалы к техническому оснащению: бумага, картриджи и т. п.;

— интернет (его использование в течение времени работы): требуется выделенный доступ в сеть Интернет для взаимодействия с заказчиками, размещения материалов в библиотеке РИНЦ и других научных базах;

— расчет накладных расходов (заработная плата администратора, налоги с нее, расходные материалы, правовое обеспечение (регистрация фирмы, налоги фирмы с работ, выполненных специалистом (НДС, налог на прибыль, УСН (в зависимости от системы налогообложения) и т. п.) (см. табл. 1).

Таблица 1

Калькуляция себестоимости запроса на защиту информации

№ п/п	Статьи затрат	Значение
1	Материальные затраты	Material cost
2	Заработная плата (Salary)	Payment by the 1 hour * Number of hours
3	Отчисления во внебюджетные фонды (налоги с фонда оплаты труда, имеющие суверенную принадлежность)	Taxes from (Payment by the 1 hour * Number of hours)
4	ОХР и ОПР = накладные расходы	Amortization of computer equipment, software, organization costs 40% about ∑ (Payment by the 1 hour * Number of hours)
5	Полная себестоимость	∑ Material cost: Payment by the 1 hour * Number of hours; Taxes from (Payment by the 1 hour * Number of hours); Amortization of computer equipment, software, organization costs 40% about ∑ (ayment by the 1 hour * Number of hours).

Этап 3. Анализ значимости, сложности и актуальности информации

Информацию можно классифицировать по сложности, актуальности, полноте. Вероятность несанкционированного скачивания информации в целом влияет на рентабельность ее продаж, а также на стоимость услуг по защите информации.

Вероятность несанкционированного скачивания информации возможно определить с помощью дерева решений.

Рассматриваемая совокупность = Число информационных источников (электронные книги).

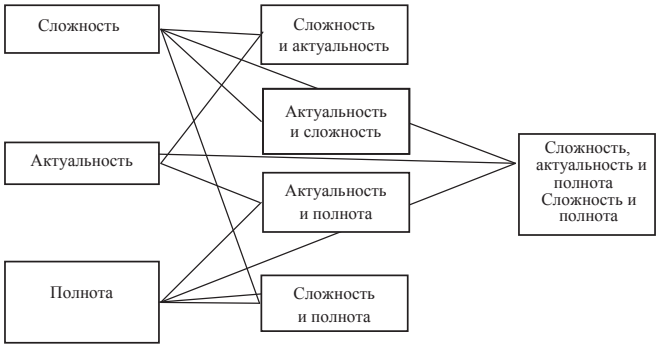


Рис. 6. Дерево решений для определения вероятности целей

Вероятность P (A) — актуальная информация. Принимаем = 100%.
Вероятность P (B) — сложная информация. Принимаем = 100%.
Вероятность P (C) — полная информация. Принимаем = 100%.
Вероятность P (AuB) — актуальная и сложная информация. Рассчитываем = 50%.
Вероятность P (AuC) — актуальная и полная информация. Рассчитываем = 50%.
Вероятность P (CuB) — полная и сложная информация. Рассчитываем = 50%.
Вероятность P (AuBuC) — актуальная, полная и сложная информация. Рассчитываем = 33,3%.

Этап 4. Расчет кумулятивного коэффициента

Расчет коэффициента, увеличивающего себестоимость работ по защите информации (будем принимать его за норматив рентабельности при определении цены реализации услуги), представляет собой сумму вероятности достижения цели.

$$\sum Pi\ (Nj), \qquad (1)$$

где:

N — комбинация вероятности наступления события;

j — число вероятностных комбинаций;

P — вероятность несанкционированного скачивания в зависимости от классификации знаковой системы;

i — количество классификационных признаков знаковой системы.

Этап 5. Расчет рентабельности договора

Рентабельность договора = себестоимость договора* (кумулятивный коэффициент — 1) [%]= ∑ Material cost: Payment by the 1 hour * Number of hours; Taxes from (Payment by the 1 hour * Number of hours); Amortization of computer equipment, software, organization costs 40% about ∑ (Payment by the 1 hour * Number of hours) * (100% – $\sum_{i}^{n}{}_{=1} Pi(Nj) * 100\%$) [%].

Этап 6. Оформление договора

Защита авторских прав обеспечивается предусмотренными законодательством способами, любые лица, использующие объекты авторского права, вправе осуществлять такое использование только с согласия автора или правообладателя. Подтверждением согласия автора на использование результатов его интеллектуальной деятельности может являться лицензионный договор, заключаемый между правообладателем и лицом, использующим произведение. Лицензионный договор заключается в письменной форме. Несоблюдение письменной формы влечет недействительность лицензионного договора [4].

Гражданский кодекс РФ в ст. 1235 устанавливает обязательные условия лицензионного договора, в договоре должны быть указаны:

1. Территория, на которой допускается использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Если территория, на которой допускается использование такого результата или такого средства, в договоре не указана, лицензиат вправе осуществлять их использование на всей территории Российской Федерации.

2. Срок, на который заключается лицензионный договор, не может превышать срок действия исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации. В случае когда в лицензионном договоре срок его действия не определен, договор считается заключенным на пять лет. В случае прекращения исключительного права лицензионный договор прекращается.

3. По лицензионному договору лицензиат обязуется уплатить лицензиару обусловленное договором вознаграждение, если договором не предусмотрено иное. При отсутствии в возмездном лицензионном договоре условия о размере вознаграждения или порядке его определения договор считается незаключенным.

4. Предмет договора путем указания на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, право использования которых предоставляется по договору, с указанием в соответствующих случаях номера документа, удостоверяющего исключительное право на такой результат или на такое средство (патент, свидетельство).

5. Способы использования результата интеллектуальной деятельности.

Рис. 7. Порядок заключения лицензионного договора

Этап 7. Подготовка бухгалтерских документов

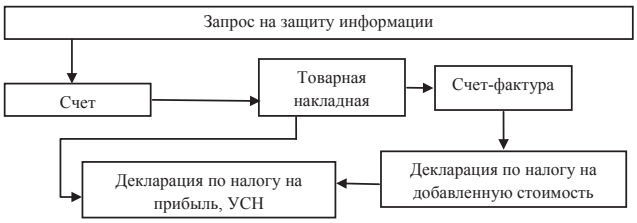


Рис. 8. Документооборот бухгалтерских документов [3]

Внимание! Оплата данного счета означает согласие с условиями поставки товара. Уведомление об оплате обязательно, в противном случае не гарантируется наличие товара на складе. Товар отпускается по факту прихода денег на р/с Поставщика, самовывозом, при наличии доверенности и паспорта.

ОАО "БАНК САНКТ-ПЕТЕРБУРГ" Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ Банк получателя		БИК	044030790
		Сч. №	30101810900000000790
ИНН 7838488212	КПП 783801001	Сч. №	40702810990220000097
ООО "Издательство ВВМ" Получатель			

Счет на оплату № 9 от 13 мая 2015 г.

Поставщик: **ООО "Издательство ВВМ", ИНН 7838488212, КПП 783801001, 190000, дом № 6, корпус литер А, кв.оф.пом.10-н, тел.: 89013066254**

Покупатель: **Государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования детей ¶Дом детского творчества ¶Петродворцового района Санкт-Петербурга ¶, ИНН 7819020789, КПП 781901001, 198510, СПб, г.Петергоф,¶Санкт-Петербургский проспект, дом 4а, Литер Б.¶, тел.: 450-61-30**

№	Товары (работы, услуги)	Кол-во	Ед.	Цена	Сумма
1	Изготовление сборника¶¶Формирование семейных ценностей у школьников в образовательном процессе ¶	50	шт	294,00	14 700,00
2	Изготовление сборника¶¶«Поклонимся великим тем годам…»¶Справочное пособие по памятным объектам¶Петергофа и Стрельны ¶	150	шт	300,00	45 300,00

Итого: 60 000,00
В том числе НДС: 9 152,54
Всего к оплате: 60 000,00

Всего наименований 2, на сумму 60 000,00 руб.
Шестьдесят тысяч рублей 00 копеек

Руководитель _____ Мещерин Е.В. **Бухгалтер** _____ Мещерин Е.В.

Унифицированная форма № ТОРГ-12
Утверждена постановлением Госкомстата России от 25.12.98 № 132

ООО "Издательство ВВМ", ИНН 7838488212, 190000, дом № 6, корпус литер А, кв.оф.пом.10-н, тел.: 89013066254, р/с 40702810990220000097, в банке ОАО "БАНК САНКТ-ПЕТЕРБУРГ", БИК 044030790, к/с 30101810900000000790

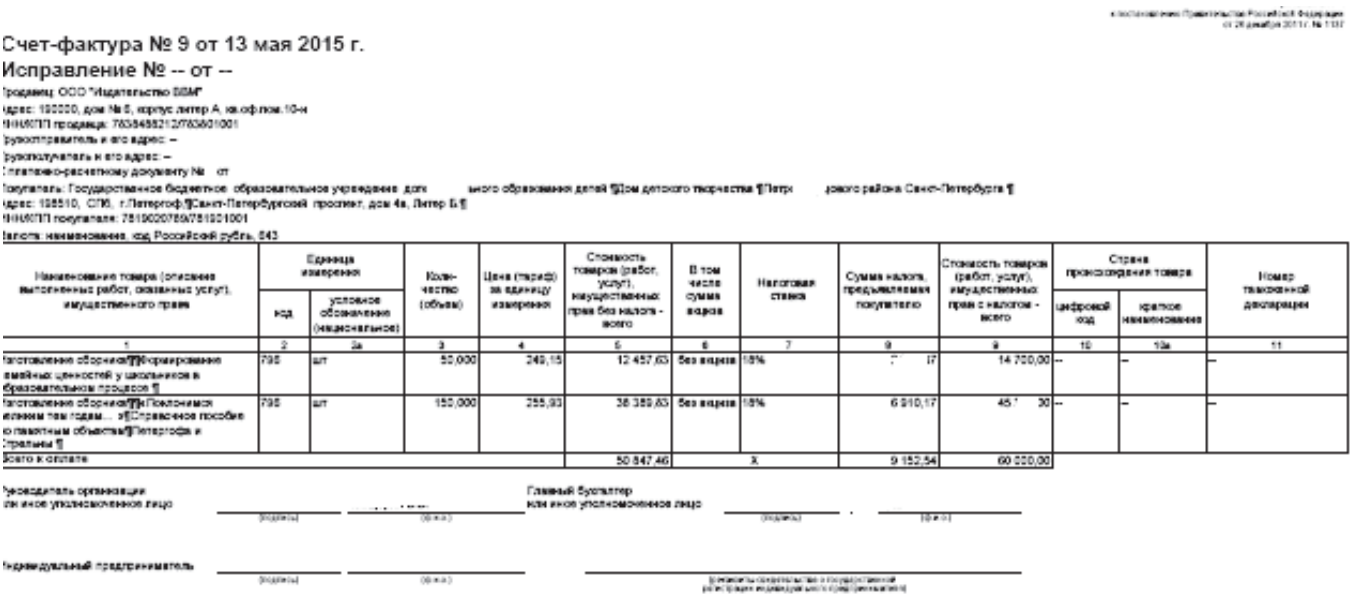
	Коды
Форма по ОКУД	0330212
по ОКПО	65211777
Вид деятельности по ОКДП	
Грузополучатель: Государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования детей ¶Дом детского творчества ¶Петродворцового района Санкт-Петербурга ¶, ИНН 7819020789, 198510, СПб, г.Петергоф,¶Санкт-Петербургский проспект, дом 4а, Литер Б.¶, тел.: 450-61-30, р/с 40601810200003000000, в банке Северо-Западное ГУ Банка России , БИК 044030001 — по ОКПО	
Поставщик: ООО "Издательство ВВМ", ИНН 7838488212, 190000, дом № 6, корпус литер А, кв.оф.пом.10-н, тел.: 89013066254, р/с 40702810990220000097, в банке ОАО "БАНК САНКТ-ПЕТЕРБУРГ", БИК 044030790, к/с 30101810900000000790 — по ОКПО	65211777
Плательщик: Государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования детей ¶Дом детского творчества ¶Петродворцового района Санкт-Петербурга ¶, ИНН 7819020789, 198510, СПб, г.Петергоф,¶Санкт-Петербургский проспект, дом 4а, Литер Б.¶, тел.: 450-61-30, р/с 40601810200003000000, в банке Северо-Западное ГУ Банка России , БИК 044030001 — по ОКПО	
Основание: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРАКТ — номер	
дата	
Транспортная накладная — номер	
дата	
Вид операции	

ТОВАРНАЯ НАКЛАДНАЯ

Номер документа	Дата составления
9	13.05.2015

Отпускные ?

Номер по порядку	Товар: наименование, характеристика, сорт, артикул товара	Товар: код	Единица измерения: наименование	Единица измерения: код по ОКЕИ	Вид упаковки	Количество: в одном месте	Количество: мест, штук	Масса брутто	Количество (масса нетто)	Цена, руб. коп.	Сумма без учета НДС, руб. коп.	НДС: ставка, %	НДС: сумма, руб. коп.	Сумма с учетом НДС, руб. коп.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	Изготовление сборника¶¶Формирование семейных ценностей у школьников в образовательном процессе ¶	00000000245	шт	796					50,000	249,15	12 457,63	18%	2 242,37	14 700,00
							Итого		50,000	X	12 457,63	X	2 242,37	14 700,00



Счет-фактура № 9 от 13 мая 2015 г.

Исправление № -- от --

Наименование товара (описание выполненных работ, оказанных услуг), имущественного права	Единица измерения: код	Единица измерения: условное обозначение (национальное)	Количество (объем)	Цена (тариф) за единицу измерения	Стоимость товаров (работ, услуг), имущественных прав без налога - всего	В том числе сумма акциза	Налоговая ставка	Сумма налога, предъявляемая покупателю	Стоимость товаров (работ, услуг), имущественных прав с налогом - всего	Страна происхождения товара: цифровой код	Страна происхождения товара: краткое наименование	Номер таможенной декларации
1	2	2а	3	4	5	6	7	9	9	10	10а	11
[illegible]	796	шт	50,000	249,15	12 457,63	Без акциза	18%	[illegible]	14 700,00	–	–	–
[illegible]	796	шт	150,000	255,93	38 389,83	Без акциза	18%	6 910,17	45 [illegible]	–	–	–
Всего к оплате					50 847,46	X		9 152,54	60 000,00			

Руководитель организации или иное уполномоченное лицо _____ (подпись) _____ (Ф.И.О.)

Главный бухгалтер или иное уполномоченное лицо _____ (подпись) _____ (Ф.И.О.)

Индивидуальный предприниматель _____ (подпись) _____ (Ф.И.О.) _____ (реквизиты свидетельства о государственной регистрации индивидуального предпринимателя)

Рис. 9. Образец базовых бухгалтерских документов

Этап 8. Составление пакета юридических документов [5]

Лицензионный договор в письменной форме. Приложение к лицензионному договору с указанием предмета договора. Определение размера и порядка выплаты авторского вознаграждения. Акт выполненных работ по результатам деятельности.

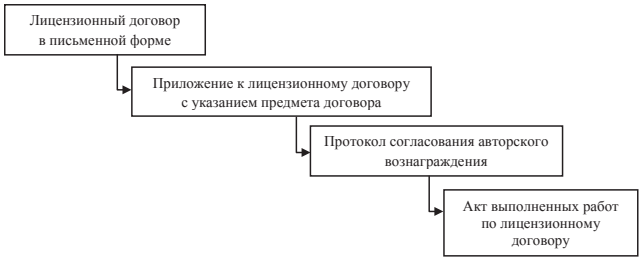


Рис. 10. Пакет юридических документов для реализации проекта

Этап 9. Выполнение запроса по защите информации

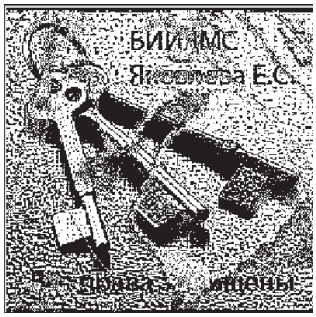
На данном этапе осуществляется требование по реализации повышенной эффективности в системе защиты информации (табл. 2). В качестве технического инструментария алгоритма запроса на защиту информации применяется разработанная стеганографическая система (в том числе Е.С. Яковлевой) с использованием плоскостей Грея цифрового полутонового изображения [6], которые построены с помощью кодов Грея. Для получения цифрового бинаризированного изображения, применяемого в качестве ЦВЗ, применяется авторский Д-алгоритм бинаризации, впервые описанный в 2009 году. В процессе исследований, проведенных в 2014 году, было найдено, что предлагаемая стеганографическая система обеспечивает требуемую устойчивость к JPEG-сжатию и секретность, а Д-алгоритм обеспечивает вывод с высоким визуальным качеством и может быть рекомендован в виде коммерческого алгоритма бинаризации [7].

Таблица 2

Сравнение свойств цифровой копии (PDF-файла) до и после реализации алгоритма запроса на защиту информации. Выбор требуемых параметров защиты. Расчет примерной стоимости с учетом действия налогового законодательства

№	Свойства копии	До реализации запроса на защиту информации	После реализации запроса на защиту информации	Установить параметры защиты (проставьте галочки)
1	Видимый водяной знак полоса на первой странице (надпись под углом 45°)	Нет	Есть	☐

Продолжение табл. 2

№	Свойства копии	До реализации запроса на защиту информации	После реализации запроса на защиту информации	Установить параметры защиты (проставьте галочки)
2	Условно видимый водяной знак (авторская методика, внедряется в любое изображение в градациях серого) а) водяной знак (Ф. И. О. автора, организация); б) встроенный знак; в) извлеченный знак 	Нет	Есть	☑
3	Защита от любой правки: копирования текста, изображений, редактирования в Adobe Acrobat Pro	Нет	Да	☑
4	Защита от нажатия PrtScreen	Нет	Нет (невозможно реализовать)	
5	Пароль для открытия PDF-файла (не рекомендуется)	Нет	Да	☑
6	Изменение документа под паролем	Нет	Да	☑
7	Копирование текста без искажения	Да	Нет	☑
8	Сохранение изображения без искажения	Да	Нет	☑
9	Печать документа (рекомендуется разрешить)	Да	Нет	☑
10	Комментирование (рекомендуется разрешить)	Да	Нет	☑
11	Замена/удаление страниц	Да	Нет	☑
12	Значимость информации	*Вероятность P (A) — актуальная информация. Принимаем = 100%. Вероятность P (B) — сложная информация. Принимаем = 100%. Вероятность P (C) — полная информация. Принимаем = 100%.*	*Вероятность P (AиB) — актуальная и сложная информация. Рассчитываем = 50%. Вероятность P (AиC) — актуальная и полная информация. Рассчитываем = 50%. Вероятность P (CиB) — полная и сложная информация. Рассчитываем = 50%.*	*Вероятность P (AиBиC) — актуальная, полная и сложная информация. Рассчитываем = 33,3%.*

Окончание табл. 2

№	Свойства копии	До реализации запроса на защиту информации	После реализации запроса на защиту информации	Установить параметры защиты (проставьте галочки)
12	Стоимость реализации запроса по защите информации	∑ Material cost: Payment by the 1 hour * Number of hours; Taxes from (Payment by the 1 hour * Number of hours); Amortization of computer equipment, software, organization costs 40% about ∑ (Payment by the 1 hour * Number of hours) * (100 – $\sum Pi(Nj)$)/100		
		2000 руб.	3000 руб.	от 3334 руб.
13	Общее число человеко-часов, необходимых для реализации запроса на защиту информации	0,2	1	2
14	Плановая себестоимость без налогов, руб.	166,72	833,59	от 1667,18
15	Рентабельность услуги при учете плановой себестоимости	1099,62%	259,89%	от 99,98%
16	Плановая стоимость реализации запроса на защиту информации при общей системе налогообложения (20% налог на прибыль при действующем законодательстве)	(2000—166,72) руб. × 20%/100%) + 2000 = 2366,65 руб.	(3000—833,59) руб. × 20%/100%) + 3000 = 3433,28 руб.	От (3334— 833,59 х 2) руб. × 20%/100%) + 3334 = =3667,36 руб.
17	Плановая стоимость реализации запроса по защите информации при общей системе налогообложения (20% налог на прибыль при действующем законодательстве) с учетом НДС 18% (10% — детская литература)	2000 х 18%/100%+ + 2366,65 = =2726,65 руб.	3000 х 18%/100%+ + 3433,28 = =3973,28 руб.	3334 х 18%/100%+ + 3667,36 = =4267,48 руб.
18	Плановая стоимость реализации запроса по защите информации при упрощенной системе налогообложения (УСН) (доходы) 10%	2200 руб.	3300 руб.	от 3667 руб.

Стоимость защиты:

— цена любой комбинации из пунктов 1, 3, 5—11— 2000 руб. без учета действия налоговой системы, от 2200 руб. — с учетом действия налоговой системы;

— цена введения цифрового водяного знака с заданной информацией, тем самым обеспечивающей уникальность PDF-файла,— от 3000 руб. без учета действия налоговой системы, от 3300 руб. — с учетом действия налоговой системы.

Порядок внедрения знака в файл.

1. Выбор изображения в качестве цифрового водяного знака. Фиксация в договоре.

2. Уникальный текст, введенный в ЦВЗ (по желанию). Фиксация в договоре.

3. Изображение в градациях серого, в которое будет внедрен ЦВЗ (схема, фото, копия с экрана и т. д.). Фиксация в договоре.

4. Процедура введения ЦВЗ в заданное изображение.

5. PDF-конвертирование.

6. Атака на PDF-файл. Извлечение ЦВЗ из PDF-файла. Анализ потерь. Доказательство принадлежности ЦВЗ автору.

Проект по реализации алгоритма запроса на защиту информации актуален и эффективен. Эффективность можно условно просчитать для всех участников отношений. При этом потери мы рассчитываем для индивида в качестве выплаты авторского вознаграждения, для организации — в качестве прибыли и потери стоимости деловой репутации, для суверенного государства — в качестве потери ВВП в системе национальных счетов. В результате потерь или приобретений растет деловая репутация индивида, организации, суверенного государства [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16].

Таблица 3

Сравнительный расчет потерь или прибылей по деловой репутации индивида, организации, суверенной государства

Показатели	Индивид	Организация	Суверенное государство
Роялти = авторское вознаграждение	% от стоимости договора	—	—
Прибыль	—	Рентабельность от реализации знаковой системы	—
Валовой внутренний продукт	—	—	Добавочная стоимость организаций-резидентов, занимающихся знаковыми системами, информацией

Реализация проекта зависит от глобальной организации защиты информационных потоков, знаковых систем. Является элементом государственной политики в области защиты авторских прав и инновационной составляющей развития экономики в целом [17; 18]. Необходимо создание международных центров контроля за исполнением международного законодательства с расположением этих центров в зонах контроля за действием торрент-трекеров и сайтов, незаконно размещающих информацию, принадлежащую сторонним правообладателям. Для реализации этого проекта необходимо:

1. Создать систему международного права по защите знаковых систем.

2. Выбрать места расположения центров контроля, действующих в едином правовом поле.

3. Обеспечить их техническое взаимодействие.

Статья посвящена разработке метода защиты информации на базовом уровне (в непосредственной среде индивида, организации, суверенной территории). Анализ состояния и проработка предложений реализации защиты информации на глобальном уровне во внешней и макросреде (глобальный менеджмент) — это следующий этап исследования авторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Элементы обработки цифровых изображений / В. Н. Горбачев, В. Н. Дроздов, Е. М. Кайнарова, Е. С. Яковлева. СПб.: ВВМ, 2014. 75 с.

2. Грибунин В. Г., Оков И. Н., Туринцев И. В. Цифровая стеганография. М.: Солон-Пресс, 2002. 272 с.

3. Справка и поддержка Office [Электронный ресурс]. URL: support.office.com (дата обращения: 01.05.2015).

4. Гражданский Кодекс РФ: ФЗ № 51-ФЗ от 30 ноября 1994 года.

5. 1С:Предприятие 8.2 (8.2.19.106).

6. Встраивание данных в плоскости Грея цифрового полутонового изображения / В. Н. Горбачев, Л. А. Денисов, Е. М. Кайнарова, Е. С. Яковлева // Труды 24-й международной конференции по компьютерной графике и зрению, ГрафиКон'2014 / Академия архитектуры и искусств. Ростов-н/Д, 2014. С. 135—138.

7. Кучеров И. Е., Кайнарова Е. М., Яковлева Е. С. Встраивание бинаризированного изображения в плоскости Грея полутонового контейнера с секретным ключом // Фундаментальные исследования РАЕ. 2014. № 12. Ч. 7. С. 1400—1410 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10005643 (дата обращения: 05.2015).

8. Сметанина Т. В. Экономико-математическое обоснование методов интеграции международных стандартов менеджмента в экономику предприятий России. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2014. 129 с.

9. Сметанина, Т. В. Концептуальное обоснование эффективности интеграции международных стандартов менеджмента в экономику предприятий суверенной территории // Вестник Омского университета. Сер. Экономика. 2014. № 2. С. 79—87.

10. Сметанина Т. В. Способ обоснования теорией синергетики результата изменения организационной структуры экономической системы // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. № 3. Т. 6. Экономика. С. 71—78.

11. Сметанина Т. В. Влияние миграционной политики государства на интеграцию международных стандартов менеджмента в деятельность экономических субъектов суверенной территории // Мат. Междунар. конф. в г. Ереване (Армения) «Трудовая миграция и политика, направленная на развитие постсоветских стран» (2 октября 2013 года, Ереван, Армения), аудиозаписи выступления [Электронный ресурс]. URL: www.youtube.com/user/EmployersRUEA (дата обращения: 01.05.2015).

12. Сметанина Т. В., Гончарова А. Б. Методология адаптации международных стандартов менеджмента в экономику предприятий России в условиях интеграции в европейское пространство // Мат. Междунар. конф. в г. Ереване (Армения) «Трудовая миграция и политика, направленная на развитие постсоветских стран» (2 октября 2013 года, Ереван, Армения), аудиозаписи выступления [Электронный ресурс]. URL: www.youtube.com/user/EmployersRUEA (дата обращения: 01.05.2015).

13. Smetanina T. V. Standardiyation of the management system of the educational institutions of Russia // Materials of the IVInternational research and practice conference. Vol. 1. Munich, 2013. P. 250—252.

14. Сметанина Т. В. Роль векторной оценки в теории проникновения международных стандартов менеджмента // Сб. ст. по материалам XXIV Междунар. заоч. науч.-практ. конф. «Научная дискуссия: Вопросы экономики и управления». № 3 (24). М., 2014. С. 95—99.

15. Сметанина Т. В. Теория «открытых систем» Л. фон Берталанфи и ее роль в объяснении развития экономических систем // Междунар. науч.-практ. конф. «Современные концепции научных исследований» (Москва, 25 июля 2014 года). М., 2014. С. 64—66.

16. Сметанина Т. В. Процесс распространения международной стандартизации менеджмента от активных к менее активным системам // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 47—52.

17. Кузулгуртова А. Ш. Механизм государственной финансовой политики: взаимосвязи и структура основных элементов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 3 (13). С. 41—43.

18. Ардашкина Н. С. Инновационная составляющая конкурентного потенциала промышленного предприятия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 35—37.

REFERENCES

1. Elements of processing of digital images / V. N. Gorbachev, V. N. Drozdov, E. M. Kainarova, E. S. Yakovleva. St. Petersburg: VVM, 2014. 75 p.

2. Gribunin V. G., Okov I. N., Turintsev I. V. Digital steganography. M.: Solon-Press, 2002. 272 p.

3. Help and support for Office [Electronic resource]. URL: support.office.com (date of viewing: 05.2015).

4. The Civil Code of the Russian Federation: Federal Law № 51-FZ dated November 30, 1994.

5. 1C: Enterprise 8.2 (8.2.19.106). 6. Data embedding into the Gray planes of the digital halftone image / V. N. Gorbachev, E. M. Kainarova, L. A. Denisov, E. S. Yakovleva // Materials of the 24th International Conference on Computer Graphics and Vision. Graphicon' 2014. Rostov-on-Don, 2014. P. 135—138.

7. Kucherov I. E., Kainarova E. M., Yakovleva E. S. Embedding of the half-toned image into the Gray planes of the grayscale with a secret key // Fundamental researches of the Russian Academy of Natural Science. 2014. № 12. Part 7. P. 1400-1410 [Electronic resourse]. URL: http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10005643§ (date of viewing: 05.2015).

8. Smetanina T. V. Economic-mathematical substantiation of the methods of integration of the international standards of management in the economy enterprises in Russia. St. Petersburg: SPSUTD, 2014. 129 p.

9. Smetanina T. V. Conceptual justification of effectiveness of integration of the international standards of management in the economy of enterprises of the sovereign territory // Bulletin of Omsk University. Series Economics. 2014. № 2. P. 79—87.

10. Smetanina T. V. Method of justifying the result of changes in the economic system organizational structure using synergy theory: // Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin. 2014. № 3. Vol. 6. Economics. P. 71—78.

11. Smetanina T. V. Effect of the state migration policy on integration of the international standards of management into the activities of economic entities of the sovereign territory // Materials of the international conference in Yerevan (Armenia) Labor migration and policy aimed at the development of the post-Soviet countries (October 2, 2013, Yerevan, Armenia), records of speeches [Electronic resource]. URL: www.youtube.com/user/EmployersRUEA (date of viewing: 05.2015).

12. Smetanina T. V., Goncharova A. B. Methodology of adaptation of the international standards of management into the economy of enterprises in Russia in terms of integration into the European space // Materials of the international conference in Yerevan (Armenia) Labor migration and policies aimed at the development of the post-Soviet countries (October 2, 2013, Yerevan, Armenia), records of speeches [Electronic resource]. URL: www.youtube.com/user/EmployersRUEA (date of viewing: 05.2015).

13. Smetanina T. V. Standardization of the management system of the educational institutions of Russia // Materials of the IV International research and practice conference. Vol. 1. Munich, 2013. P. 250—252.

14. Smetanina T. V. The role of vector evaluation in the theory of penetration of the international standards of management // Collection of articles based on the materials of the XXIV International correspondence scientific conference. Scientific discussion: Issues of Economics and Management. № 3 (24). M., 2014. P. 95—99.

15. Smetanina T. V. The theory of open systems by L. fon Bertalanffy and its role in explaining development of economic systems // International scientific-practical conference Modern concepts of scientific research. M., 2014. P. 64—66.

16. Smetanina T. V. Process of spreading of the international standardization of management from active to less active systems // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 4 (29). P. 47—52.

17. Kuzulgurtova A. S. State financial policies: interconnections and structure of the main elements // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2010. № 3 (13). P. 41—43.

18. Ardashkina N. S. Innovative component of competitive capacity of industrial enterprises // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 35—37.

УДК 338.2
ББК 65.050.11

Hodzhaeva Dilrabo Abdusamadovna,
candidate of economic sciences,
associate professor,
head of the department of economics of enterprises
and entrepreneurship
of Tajik State University of Law, Business and Politics,
Republic of Tajikistan, Khudjand,
e-mail: dilrabo.hodjaeva@mail.ru

Ходжаева Дилрабо Абдусамадовна,
канд. экон. наук, доцент,
зав. кафедрой экономики предприятий
и предпринимательства
Таджикского государственного университета
права, бизнеса и политики,
Республика Таджикистан, г. Худжанд,
e-mail: dilrabo.hodjaeva@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОДУКЦИИ НА ЗАРУБЕЖНЫХ РЫНКАХ

ECONOMIC EFFICIENCY OF PRODUCTION COMPETITIVENESS AT THE FOREIGN MARKETS

В статье обоснована актуальность изучения проблем конкурентоспособности отдельных отраслей экономики. Изучены проблемы развития национальной экономики и повышения уровня жизни населения, связанные с эффективной реализацией экономических интересов Таджикистана на внешних рынках, проанализирована динамика внешнеторгового оборота республики, а также динамика экспорта хлопкового волокна. Выявлена степень зависимости экономической эффективности продажи хлопковой продукции на зарубежных рынках от устоявшейся мировой среднереализационной цены. Отражены параметры и основные экономические показатели деятельности хлопкоочистительных предприятий Согдийской области в динамике за 2010—2013 годы. Показаны основные пути повышения конкурентоспособности хлопковой продукции, реализуемой на зарубежных рынках.

Urgency of studying the issue of competitiveness of the individual economic branches is justified in the article. The issues of development of the national economy and increasing the population life quality are examined, which are connected with effective implementation of the economic interests of Tajikistan at the foreign markets; dynamics of the foreign economic turnover of the republic, as well as the dynamics of the cotton fiber export are analyzed. The degree of dependence of economic effectiveness of the cotton products sales at the foreign markets on the set global average sales price is revealed. Parameters and main economic indicators of the cotton processing companies of Sogd region are presented in dynamic for 2010—2013. Main ways for increasing competitiveness of the cotton production sold at the foreign markets are provided.

Ключевые слова: конкурентоспособность, экономическая эффективность, национальная экономика, сельское хозяйство, конкурентоспособность хлопка-волокна, производство, внешнеторговый оборот, экспорт, основные показатели, реализация, зарубежный рынок.

Keywords: competitiveness, economic efficiency, national economy, agriculture, competitiveness of cotton-fiber, production, foreign trade turnover, export, main indicators, implementation, foreign market.

Реализация национальных интересов на внешних рынках

на основе развития внешнеэкономических связей является мощным ускорителем экономического и научно-технического прогресса, поскольку овладение новейшими достижениями НТП в значительной мере связано с разносторонним участием в международном разделении труда, научном и техническом обмене, мировой торговле и других формах сотрудничества.

Устойчивое развитие национальной экономики и повышение уровня жизни народа связаны с эффективной реализацией экономических интересов Республики Таджикистан на внешних рынках.

В современных условиях рыночной экономики основной целью любой страны является сохранение или расширение занимаемых позиций на внешних рынках или их сегментах, стабильное получение прибыли или ее рост. Данной цели можно достигнуть путем обеспечения высокой конкурентоспособности.

Усиление конкуренции на внешних рынках вызвано усилением глобализации мировой экономики, увеличением темпов и масштабов изменений в технологической среде производства. На сегодняшний день продукция, производимая агропромышленным комплексом республики, не в полной мере может конкурировать на мировом рынке с зарубежными аналогами, что приводит к снижению конкурентоспособности экономики страны в целом. Преобладание сырьевого сектора в структуре таджикской промышленности определяет актуальность увеличения конкурентоспособности национальной экономики [1, с. 109].

Несомненно, основу обеспечения социально-экономического прогресса республики образует «устойчивая национальная экономика» с устойчиво развитым агропромышленным комплексом, с экспортно ориентированным производством, способная решить вопросы производства конкурентоспособной продукции и обеспечения полезной экономической занятости населения.

В условиях постоянно меняющейся внешней среды все это означает высокую практическую значимость изучения проблем конкурентоспособности отдельных отраслей в рамках решения более общей задачи — повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Поэтому правительством страны с первых лет объявления независимости большое значение придается развитию внешнеэкономической деятельности, установлению и расширению торговых связей с зарубежными странами.

В настоящее время Республика Таджикистан имеет торгово-экономические отношения с 88 странами мира, в том числе с 10 странами СНГ и 78 странами дальнего зарубежья [2, с. 41]. В 2013 году внешнеторговый оборот страны составил 5312,5 млн долларов, в том числе экспорт — 1 млрд 161,8 млн долларов, а импорт — 4 млрд 150,7 млн долларов. Объем торгового оборота за период 2007—2013 годов возрос неравномерными темпами. Так, значение этого показателя в 2009 году по сравнению с 2007 и 2008 годами снизилось соответственно на 8,5 и 23,5%. Начиная с 2010 года объем торгового оборота имеет тенденцию к росту. Например, в 2013 году объем торгового оборота республики по сравнению с 2007 годом увеличился на 32,3%, а с 2009 годом — на 48,4%. За этот период объем экспорта сократился на 20,9%, а импорт увеличился на 63,0%. Однако в результате некоторого сокращения таких экспортных товаров, как хлопковое волокно, алюминий, хлопчатобумажная пряжа, хлопчатобумажные ткани, лук репчатый, виноград и другие сельскохозяйственные продукты, в последующие годы экспорт значительно снизился и составил 1161,8 млн долларов США.

Анализ динамики внешнеторгового оборота Республики Таджикистан со странами ШОС за последние три года свидетельствует о резком росте импорта: с 1894,5 млн долларов в 2011 году до 2314,6 млн долларов в 2013 году, а по сравнению с 2007 годом он вырос на 36,6% [3, с. 127].

Необходимо отметить, что основной поток импорта в Таджикистан приходится на Россию как на основного стратегического партнера: в 2011 году он составил 963,9 млн долларов, а в 2013 году — 911,5 млн долларов, или уменьшился на 5,4%. В 2011 году импорт продукции из Казахстана составил 423,5 млн долларов, а в 2013 году он вырос на 48,0%. В 2013 году импорт из КНР составил 595,7 млн долларов, или на 48,5% больше, чем в 2011 году [Там же. С. 127—128].

Следует отметить, что, с одной стороны, общая сумма импорта между странами ШОС с каждым годом увеличивается, а с другой — это свидетельствует о недостаточном уровне производства в Таджикистане.

Данная ситуация наблюдается и в Согдийской области. В 2011 году из-за рубежа в рассматриваемую область импортировалось 49,8 тыс. тонн хлопкового масла и 20,2 тыс. тонн жмыха, а в 2013 году соответственно 17,4 тыс. тонн масла хлопкового и 11,7 тыс. тонн хлопкового жмыха, что в 2,0 и 1,7 раза меньше [4, с. 232—246]. Следовательно, в 2011 году приобретено масла хлопкового на 52,5 млн долларов и хлопкового жмыха на 6,2 млн долларов, а в 2013 году соответственно на приобретение этих продуктов было затрачено 22,5 и 4,3 млн долларов США.

Динамика экспорта в Таджикистане сильно варьирует. Так, в 2013 году общая сумма импорта по сравнению с 2007 годом увеличилась на 36,6%, но при сравнении с показателями благоприятного года (2009) она оказалась на уровне 35,1%.

Большая доля экспорта в 2013 году приходится на Россию — 120,1 млн долларов США, что на 23,4% больше показателя 2007 года. Сумма экспорта Таджикистана в КНР в 2013 году составила 86,3 млн долларов, или в 10,4 раза больше, чем в 2007 году. Наибольший экспорт в КНР был достигнут в 2010 году — на сумму 447 млн долларов. Доля экспорта в Казахстан составила 86,2 млн долларов, что в 3,6 раза больше, чем в 2007 году, но на 15,2% меньше показателя 2012 года [3, с. 127—128].

В Таджикистан завозились сельскохозяйственная продукция (пшеница, масло, мясо и др.), сельскохозяйственная техника, оборудование, минеральные удобрения, автомобили, локомотивы и другая техническая продукция. В структуре экспорта товаров Республики Таджикистан определенное место занимает продукция сельского хозяйства, прежде всего хлопок-волокно, и товары народного потребления и др.

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что за анализируемый год внешнеторговый оборот отдельных видов сельскохозяйственной продукции, например хлопковой продукции, по республике существенно сократился. Так, в 2013 году экспортировано хлопкового волокна на сумму 189,3 млн долларов США, а в 2011 году соответственно на сумму 224,0 млн долларов США, или в 1,2 раза меньше. Доля суммы экспортированного хлопка-волокна в общей сумме экспорта республики в 2013 году составила 16,3% [Там же].

Проведение обоснованной внешнеэкономической политики в активно развивающихся странах сравнивают с «локомотивом», который «тащит» ускоренными темпами экономику страны. Однако в Таджикистане этого не происходит, так как внешнеэкономические отношения, особенно в его аграрном секторе, складываются стихийно. Такое положение создалось прежде всего из-за отсутствия цельной концепции. Это связа-

но с тем, что до получения политического и экономического суверенитета внешнеэкономические отношения Таджикистана ограничивались отношениями с развивающимися странами, а в настоящее время республика имеет совершенно иную географию международной торговли. Следовательно, внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан находится на начальном этапе развития, многие современные формы международных экономических отношений еще не представлены в полной мере во внешнеэкономической политике страны. Поэтому мы можем констатировать, что здесь нужны новые, теоретически выверенные, долговременные ориентиры в развитии отраслей экономики, и в особенности аграрной сферы. Последнее обусловлено в первую очередь складывающейся зависимостью потребностей населения страны в продовольствии от внешнеэкономических факторов и, как следствие, угрозой ее продовольственной безопасности. Объективная необходимость в более глубокой научной проработке внешнеэкономических связей в целом, в том числе в области продовольствия, связана и с тем, что Республика Таджикистан активно стремится интегрироваться в мировую экономику.

В условиях глобализации и кардинальных изменений в международной экономической политике проблемы, связанные с аграрной отраслью, еще более обостряются. Характерные признаки происходящих изменений — это интеграция в мировое пищевое хозяйство, либерализация внутренних продовольственных рынков, производство стандартизированной и унифицированной продукции, а также складывающееся в мире повышение экономической значимости от продуктов питания. С глобализацией мировой экономики возросла угроза продовольственной безопасности страны, обострился вопрос о поддержке государством аграрного сектора [5, с. 57].

Следует подчеркнуть, что экономическая ситуация в Таджикистане такова, что требует проведения более обоснованной внешнеторговой политики именно в области аграрного производства и продовольственного обеспечения. Необходимость в последнем обусловлена и тем, что с приобретением республикой независимости возникла потребность в продовольственном самообеспечении. Характерная черта этого процесса заключается в том, что страна зависит от поставок продуктов питания, а аграрное производство — от поставок материальных ресурсов, техники, размещенных за пределами нашей страны.

Важно отметить, что импорт продовольствия оказывает неоднозначное влияние на отечественный рынок. С одной стороны, он расширяет выбор для потребителей, создает конкуренцию местным производителям и ограничивает их возможности для повышения цен. С другой стороны, продовольственный импорт вытесняет с рынка отечественную продукцию, выступает проводником мировых тенденций удорожания продуктов питания [Там же. С. 58]. В итоге наблюдаются очень низкие темпы роста в отраслях аграрного производства, а отдельные отрасли (табачное производство, каракулеводство, племенное хозяйство) оказались на грани исчезновения.

Это привело к снижению общего уровня питания населения и расширению зависимости республики от импорта продуктов питания [6, с. 105].

Необходимо отметить, что реализация национальных интересов на внешних рынках, развитие внешнеэкономических связей агропромышленного комплекса в значительной мере связаны с возможностями использования его экспортного потенциала. Таджикистан имеет существенный потенциал как по структуре, так и по объему экспорта аграрной продукции.

Ассортимент экспортного потенциала аграрного сектора Таджикистана включает более 50 наименований, что свидетельствует о возможностях развития внешнеэкономических отношений. В 2013 году объем экспорта хлопка-волокна составил 189,3 тыс. долларов США; овощей и фруктов — 46,7 млн долларов США [3, с. 128]; масла — 4 тыс. долларов; плодов сушеных — 24539 тыс. долларов; фруктовых и овощных соков — 205 тыс. долларов. В 2013 году по сравнению с 2008 годом общий объем экспорта основных видов продукции сельского хозяйства и товаров народного потребления из Республики Таджикистан увеличился на 49,3 % [7, с. 88—100].

В последние годы внешнеэкономический торговый платежный баланс по ряду видов сельскохозяйственной продукции стал улучшаться. Однако его объемы представляются недостаточно значительными. Это явилось следствием ограниченности темпов производства и, соответственно, экономического роста экспорта, а также низких реализационных цен, которые связаны с низким качеством производимых и предлагаемых на зарубежный рынок товаров. Поэтому в ближайшей перспективе рассчитывать на существенный рост объема валютной выручки не приходится. Кроме того, выраженная специализация Таджикистана в экспорте и импорте готовой продукции в рамках сложившегося разделения труда и деформированного состояния отечественного агропромышленного комплекса не может служить двигателем продовольственной независимости. Поэтому проблема обеспечения сельскохозяйственных предприятий материально-техническими ресурсами, необходимыми для восстановления производства в аграрном секторе, является крайне актуальной. Разрыв существовавших внешнеэкономических связей вызвал рост цен на материальные ресурсы и усилил неплатежеспособность отечественного аграрного товаропроизводителя. Это связано и с тем, что отечественная промышленность не готова к производству минеральных удобрений, ГСМ, технологического оборудования, машин и тракторов, а также запасных частей к ним, особенно приспособленных для эксплуатации в хозяйствах горных регионов республики.

Существующее положение тракторных и автопарковых хозяйств ограничивает возможности для расширения территории посевных площадей, особенно в горных и предгорных зонах, освоения горных земель для развития садоводства и виноградарства, трансформации естественных пастбищ в культурные, развития кормового производства и на этой основе — обеспечения роста продукции растениеводства и животноводства. Кроме того, дефицит оборотных фондов резко увеличивает издержки производства, в отдельных случаях делает сельскохозяйственную продукцию не только неконкурентоспособной, но и убыточной.

Следует отметить, что одной из сложнейших проблем в аграрном секторе республики является диспаритет цен. Цены на горюче-смазочные материалы, сельхозтехнику, минеральные удобрения, электроэнергию никак не связаны с ценами на сельскохозяйственную продукцию. Речь здесь идет не только о деятельности естественных монополий, но и о фирмах, имеющих возможность устанавливать и поддерживать высокие цены на продукцию, необходимую сельхозпроизводителям [5, с. 59].

Высокие реализационные цены на сельскохозяйственную технику и оборудование, а также на оборотные средства (ГСМ, минеральные удобрения, ядохимикаты для защиты сельскохозяйственных культур) снижают заинтересованность в увеличении производства сельхозпродукции и получении прибыли. Соответственно уменьшается и объем экспорта сельскохозяйственной продукции (табл. 1).

Таблица 1

Динамика внешнеторгового оборота хлопковой продукции Согдийской области, тонн [4, с. 211—225]

Виды продукции	Годы						2013 год в% к 2010 году	
	2010		2012		2013			
	объем (тонн)	стоимость (млн долларов США)	объем (тонн)	стоимость (млн долларов США)	объем (тонн)	стоимость (млн долларов США)	по объему	по стоимости
Хлопок-волокно	28131	60943	39048	58740	33366	52518	118,6	86,2
Линт	261	143,6	210	119,7	254	152,4	97,3	106,1
Пух	45	18,9	35	13,3	40	16,0	88,9	84,6
Улюк	60	35,8	50	24,0	55	30,2	91,7	83,4

Приведенные цифровые материалы говорят о тенденции роста объема внешнеторгового оборота хлопкового волокна. Так, например, в 2013 году хлопкоочистительные предприятия Согдийской области продали за пределы республики 33366 тонн хлопка-волокна, что на 18,6% больше, чем показатели 2010 года. Фактическая реализация хлопкового волокна по внешнеторговому обороту на 35,3 тонны больше его производства в данный период [4]. Некоторое увеличение объема реализации волокна в 2013 году объясняется тем, что в фактический объем производства включены остатки нереализованной продукции производства предыдущего года.

За исследуемый период размер стоимости реализованного волокна имеет тенденцию к снижению. Так, в 2013 году общая сумма реализованной продукции составила 52,5 млн долларов США, что на 8,4 млн долларов, или на 13,8%, меньше показателей 2010 года.

Существенное снижение денежной выручки от внешнеторгового оборота является результатом резкого снижения среднереализационной цены единицы продукции. Например, в 2013 году среднереализационная цена одной тонны реализованного хлопкового волокна составила 1574 доллара США, тогда как в 2010 году каждая тонна волокна продавалась по 2166,4 доллара, или на 37,6% выше, чем показатели 2010 года.

Считаем необходимым отметить, что фактический объем реализации других значимых продуктов переработки хлопка-сырца к концу анализируемого периода несколько сокращается. Так, в 2013 году в рамках внешнеторгового оборота объем реализации линта составил 97,3%; пуха — 88,9% и улюка 91,7% уровня 2010 года. Уменьшение фактического объема других значимых продуктов переработки хлопка-сырца объясняется повышением выхода волокна на 5235 тонн.

Кроме того, неконкурентоспособность отечественной хлопковой продукции обусловлена не только более высокими затратами на практически все виды сырьевых ресурсов в расчете на единицу соответствующей продукции из-за несовершенства технологий и применяемой техники, но и уровнем руководства и управления и связанными с этим формами и методами организации производства и труда.

Рыночная экономика предъявила новые требования к руководителям сельскохозяйственных предприятий и организаций фермерских (дехканских) хозяйств. В новых условиях смогли успешно функционировать и развиваться только те хозяйства, во главе которых стояли руководители «предпринимательского типа», способные управлять производством в условиях рыночных отношений, готовые реализовать нововведения, обеспечивающие эффективное использование производственных ресурсов.

Известно, что внешнеэкономические связи оказывают большое влияние на эффективное функционирование агропромышленного комплекса путем:

— развития внешней торговли;

— создания свободных экономических зон;

— увеличения приграничной торговли;

— создания совместных предприятий и т. д.

В настоящее время внешняя торговля нашей республики, в том числе ее аграрного сектора, является импортно-экспортной, где импорт превышает экспорт. Для обеспечения продовольственной безопасности страны необходимы существенные изменения во внешней торговле. Расширение и ускорение развития внешнеэкономических связей агропромышленного комплекса требует организации действенной рекламно-информационной системы.

Необходимо с учетом потенциальных возможностей зон разработать конкретную программу, предусматривающую развитие экономических связей с сопредельными суверенными государствами, исключающими атмосферу определенного недоверия. Оно должно обеспечить предприятиям зоны возможность занять определенную долю внешнего рынка и получить высокую экономическую эффективность от внешнеэкономической деятельности.

Для успешного функционирования в условиях жесткой конкуренции отечественные предприятия должны преимущественно предпринимать чрезвычайные меры по организации маркетинговых исследований, перестройке системы управления и оздоровлению финансов [8, с. 99].

Анализ данных нижеприведенной табл. 2 свидетельствует о некотором росте как объема производства, так и реализации хлопкового волокна.

Таблица 2

Экономическая эффективность хлопкоочистительных заводов по переработке хлопкового волокна Согдийской области за 2010—2013 годы

Показатели	Годы			2013 год в% к 2010 году
	2010	2012	2013	
Объем производства, т	29054	38052	33013	113,6
Объем реализации, т	28968	39048	33366	115,2
Затраты труда на 1 т хлопка-волокна, чел./ч	77,8	72,6	74,5	95,8
Производство хлопка-волокна на одного среднегодового работника, ц	69,9	83,4	79,6	113,9
Себестоимость услуги на переработку 1 т хлопка-волокна, долл. США	250,1	243,7	239,5	95,0
Среднереализационная цена 1 т хлопка-волокна	1027,6	989,6	911,5	88,7
Сумма выручка, всего; тыс. долл.	5971,2	7531,7	6018,3	100,8
Прибыль, всего; тыс. долл.	49,9	78,4	59,8	119,8
Уровень рентабельности хлопка-волокна, %	18,3	15,0	12,2	66,7

Источник: составлено автором на основе материалов хлопкоочистительных заводов Согдийской области.

Так, например, в 2013 году объем производства хлопка-волокна превышал уровень 2010 года на 13,6%, а реализации продукции — на 15,2%.

Использование хлопкоочистительными предприятиями рассматриваемой области более современной технологии очистки хлопка-сырца позволило им несколько повысить уровень производительности труда.

Так, в 2013 году хлопкоочистительные предприятия области затратили на получение 1 т волокна 74,5 чел./ч, или на 4,2% меньше показателей 2010 года. На этих перерабатывающих предприятиях в 2013 году производилось в расчете на одного среднегодового работника 79,6 ц волокна, что на 9,7 ц, или на 13,9%, больше, чем в 2010 году.

Рост производительности труда по отчистке хлопка-сырца позволил несколько уменьшить издержки на услуги по переработке 1 т хлопка-волокна, и затраты составили 239,5 долл. США, что на 4,2% меньше показателей 2010 года.

За анализируемый период выручка от реализации хлопка-волокна, полученная хлопкоочистительными предприятиями области, почти стабильна. При этом в 2013 году получена прибыль на сумму 59,8 тыс. долл., или на 19,8% больше, чем в 2010 году.

Исследованием установлено, что значительное снижение среднереализационной цены единицы реализуемого хлопка-волокна привело к падению уровня рентабельности. Так, в 2013 году уровень рентабельности производства хлопка-волокна на хлопкоочистительных предприятиях рассматриваемой области снизился на 33,3% по сравнению с показателем 2010 года.

Таким образом, рассмотренные особенности внешней торговли агропромышленного комплекса республики позволяют предложить ряд мер, осуществление которых обеспечит дальнейшее повышение экономической эффективности, ее конкурентоспособности для поставки на внешний рынок конкурентоспособных готовых изделий в широком ассортименте. Более оправданным представляется осуществление «внешнеэкономического прорыва» путем ускоренного и интенсивного наращивания экспорта сравнительно ограниченной группы высококачественных конкурентоспособных товаров, для производства которых имеются достаточные благоприятные сырьевые, технические, технологические и кадровые условия. К ним можно отнести хлопковое волокно, изделия из хлопкового сырья; специализацию производства продукции, ориентированной на определенные районы мирового рынка; необходима определенная экспортная ориентация и специализация предприятий, которые могут выпускать конкурентоспособную продукцию для поставки на мировой рынок. Им должны быть установлены определенные льготы и приоритеты в обеспечении материально-техническими ресурсами, новейшими технологиями; импортировать для агропромышленного комплекса комплекты машин и механизмов для перспективных индустриальных технологий, биотехнологий, селекционно-семеноводческих центров; гибридных и высокоурожайных семян; осуществить переориентацию экспорта с сельскохозяйственного сырья на продукты глубокой его переработки [2, с. 44]; резкое ограничение или запрет импорта продуктов и товаров, для производства и полного обеспечения населения которыми имеются внутренние возможности и благоприятные природно-климатические условия; для грамотного ведения внешнеэкономической деятельности укрупнять хозяйственные субъекты, осуществляющие внешнюю торговлю; при острой нехватке валютных ресурсов необходимо использовать формы безвалютной встречной торговли. Внешнеэкономические связи агропромышленного комплекса можно было бы развивать и по линии создания свободных экономических зон, которые обеспечивают внедрение прогрессивных технологий, насыщение внутреннего рынка различными товарами, расширение экспорта и поступление валютных средств.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что конкурентоспособность хлопковой продукции необходимо рассматривать с точки зрения как внутреннего, так и внешнего рынка. На современном этапе более актуальной является проблема конкурентоспособности хлопкового волокна на внешнем рынке, а семян, масла, жмыха, шелухи — на внутреннем рынке. Кроме того, следует учитывать более отдаленную перспективу в реализации хлопковой продукции, поскольку восстановление производства окажется более капиталоемким, чем его поддержание или перепрофилирование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Копылов А. В., Пономарева Е. К. Теоретические основы конкурентоспособности предприятия: обзор определений // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 3 (13). С. 109—115.

2. Шарифов З. Р. Формирование и развитие рыночных механизмов хозяйствования в АПК Таджикистана: автореф. дис. … д-ра экон. наук. Душанбе, 2009. 49 с.

3. Таджикистан в цифрах — 2014: стат. сб. / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2014. 165 с.

4. Статистический ежегодник Согдийской области — 2014 / Главное управление Агентства по статистике при Президенте РТ в Согдийской области. Худжанд, 2014. 315 с.

5. Тимофеева Г. В., Петерс И. А. Особенности сельскохозяйственного производства и их влияние на развитие контрактных отношений // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 1 (14). С. 56—61.

6. Мухамедова Т. О. Основы формирования конкурентной среды на рынке рыбных товаров // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 2 (12). С. 100—108.

7. Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан — 2014 / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2014. 543 с.

8. Копылов А. М. Реструктуризация как основа повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности промышленных предприятий // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 2 (12). С. 95—99.

REFERENCES

1. Kopilov A. V., Ponomareva E. K. Theoretical basis of the enterprise competitiveness: review of definitions // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2010. №. 3 (13). P. 109—115.

2. Sharifov Z. R. Formation and development of the market mechanisms of managing agrarian and industrial complex of Tajikistan: abstract of dissertation of the Doctor of Economics. Dushanbe, 2009. 49 p.

3. Tajikistan in figures — 2014: Statistical collection / Agency on statistics under the President of the Republic of Tajikistan. Dushanbe, 2014. 165 p.

4. Statistical annual book of Sogd region — 2014 / general Directorate of Agency on statistics at the President of the RT in Sogd region. Khudjand, 2014. 315 p.

5. Timofeeva G. V., Peters I. A. Special features of agricultural production and their influence on contractual relations // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 1 (14). P. 56—61.

6. Mukhamedova T. O. Fundamentals of establishing competitive environment at the market of fishery goods // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2010. № 2 (12). P. 100—108

7. Foreign economic activity of the Republic of Tajikistan — 2014 / Agency on statistics at the President of the Republic of Tajikistan. Dushanbe, 2014. 543 p.

8. Kopilov A. M. Re-structuring as a basis of increasing investment appeal and competitiveness of industrial enterprises // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2010. № 2 (12). P. 95—99.

УДК 658.114:332.1
ББК 65.290.31:65.04

Chistyakova Olga Vladimirovna,
candidate of economics, associate professor,
associate professor of the department
of economics of enterprises
and entrepreneurship of Baikal State
University of Economics and Law,
Irkutsk,
e-mail: chistyakovaov@mail.ru

Чистякова Ольга Владимировна,
канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры
экономики предприятий
и предпринимательской деятельности
Байкальского государственного университета
экономики и права,
г. Иркутск,
e-mail: chistyakovaov@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

TRENDS OF DEVELOPMENT OF THE INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP IN THE BAIKAL REGION

В статье рассматриваются особенности выделения Байкальского региона среди субъектов Российской Федерации. Проведен анализ, выявлены проблемы и тенденции инновационного развития региона. Исследованы факторы, влияющие на инновационную активность региона: количество выданных патентов, среднегодовая стоимость основных средств для НИР, объем выполненных научно-технических работ научными организациями, затраты на НИР, объем отгруженных инновационных товаров, работ, услуг; затраты на технологические инновации. Проведен регрессионно-корреляционный анализ, построена модель и выявлены инновационные факторы, влияющие на ВРП региона, такие как объем выполненных научно-технических работ научными организациями и затраты на технологические инновации. На основании полученного уравнения регрессии сделан краткосрочный прогноз увеличения ВРП Байкальского региона за счет развития инновационной деятельности.

The article discusses the features of distinguishing of the Baikal region among the entities of the Russian Federation. The problems and trends of the innovative development of the Baikal region are analyzed. The factors affecting the innovation activity of the region were investigated, such as the number of patents granted, the average annual value of fixed assets for research and development, the volume of scientific and technical activities performed by the research agencies, the cost of research and development, the amount of innovation products, works and services delivered; expenditure on technological innovation. To assess the impact of innovation factors on the gross regional product of the Baikal region, we conducted a regression-correlation analysis. The model and the most important innovation factors affecting gross regional product of Baikal region, such as the volume of scientific and technical activities performed by research organizations and the cost of technological innovation are identified. The short-term forecast of the Baikal region gross regional product increase through the development of innovative activities was made.

Ключевые слова: Байкальский регион, предпринимательство, малый и средний бизнес, инновационное предпринимательство, инновационная инфраструктура, внутренний региональный продукт, регрессионно-корреляционный анализ, инновационное развитие, инновационный процесс, малый инновационный бизнес.

Keywords: Baikal region, entrepreneurship, small and medium businesses, innovative entrepreneurship, innovation infrastructure, internal regional product, regression-correlation analysis, innovative development, innovative process, small innovation business.

Инновационный путь развития, выбранный Россией, предполагает поиск новых подходов к реализации инновационного потенциала. Как отмечает Н.С. Адашкина [1, с. 37], в современных условиях хозяйствования именно инновационный потенциал является определяющей составляющей конкурентного потенциала. По мнению Е.С. Васильева и Н.Н. Харьковой [2, с. 142], сущность инновационной парадигмы проявляется в роли инноваций как необходимой основы для любого успеш-

ного предпринимательского опыта. «Инновационный процесс базируется на инновационной деятельности людей <…> по созданию инновационного продукта, его внедрению и распространению», считают С.Е. Жура и И.Г. Смирнова [3, с. 157].

В современных условиях актуальна проблема активизации инновационного предпринимательства в России в целом и особенно в ее восточных сырьевых регионах. В этой связи представляет интерес изучение современных тенденций, проведение анализа и выявление перспектив развития инновационного предпринимательства в Байкальском регионе.

Байкальский регион является одним из регионов ресурсного типа, который нацелен на увеличение доли инновационных производств. Байкальский регион охватывает территорию водосборного бассейна Байкала и включает в себя три субъекта Российской Федерации: Иркутскую область, Забайкальский край и Республику Бурятию. Понятие «Байкальский регион» появилось сравнительно недавно. До этого общепринятыми в региональной экономике были термины «Прибайкалье» (прилегающая к Байкалу часть Иркутской области) и «Забайкалье» (часть Республики Бурятии и Читинской области).

По мнению А.П. Суходолова [4], новое понятие отражает более комплексный взгляд на регион и охватывает весь водосборный бассейн озера. При этом озеро и его водосборный бассейн выступают системообразующим ядром региона.

Байкальский регион — это результат уникального сочетания природно-географических, исторических и социально-экономических факторов. В настоящее время активно обсуждается идея сохранения среды обитания при одновременном экономическом развитии.

Как отмечают В.Ю. Буров, В.С. Потаев, А.П. Суходолов [5, с. 83], в годы широкомасштабной индустриализации на территории субъектов Байкальского региона размещались преимущественно крупные предприятия так называемой союзной специализации, ориентированные на производство и поставки продукции (в основном сырья и полуфабрикатов) за пределы Сибири и даже страны. Развитию малых производств, работающих на региональный потребительский рынок, почти не уделялось внимания. Основной упор был сделан на возведение на данной территории энергопромышленных и горнодобывающих гигантов. Доля малых и средних предприятий в общем объеме промышленной продукции была крайне незначительной.

В современных условиях малый бизнес является важной частью экономики Байкальского региона. За годы экономических преобразований созданы предприятия, ориентированные на производственный сектор и сферу услуг, предприниматели приобрели опыт, повысился их профессиональный уровень.

Инновационная система Байкальского региона должна обеспечить объединение усилий органов государственной и муниципальной власти, организаций научно-технической сферы и предпринимательского сектора экономики в интересах ускоренного использования достижений науки и технологий в целях повышения инновационной активности хозяйствующих субъектов, повышения их конкурентоспособности и в конечном счете роста благосостояния и качества жизни населения.

Формирование инновационной системы в Байкальском регионе требует решения следующих основных задач:

— совершенствования механизмов взаимодействия между участниками инновационного процесса, включая организацию взаимодействия научных организаций и вузов с промышленными предприятиями, в целях внедрения новых технологий в производство, повышения квалификации производственного персонала;

— проведения действенной экономической политики в отношении участников инновационного процесса, стимулирования внебюджетного финансирования, создания институционально-правовых условий для развития венчурного инвестирования в наукоемкие проекты;

— создания и развития объектов инфраструктуры инновационной системы (центры трансфера технологий, технопарки и т.п.), сети организаций по оказанию консалтинговых услуг в области инновационной деятельности, содействия росту количества субъектов инновационной деятельности, электронных бирж интеллектуальной собственности и научно-технических услуг.

На основании статистических данных, представленных в статистическом сборнике «Научная и инновационная деятельность регионов Сибирского федерального округа» [6], нами проведен анализ развития инновационного предпринимательства в Байкальском регионе.

На рис. 1 представлена динамика развития организаций, выполняющих научные исследования в Байкальском регионе, из которого видно, что количество организаций имеет тенденцию к незначительному росту. Так, с 2005 по 2012 год их количество возросло с 62 до 70, или на 25,8%. При этом большая доля научно-исследовательских организаций расположена в Иркутской области — 62,8%, в Республике Бурятия — 19,2%, в Забайкальском крае — 18%.

По числу занятых исследованиями и разработками в Байкальском регионе (рис. 2) наблюдается тенденция к снижению с 7343 чел. в 2005 году до 6200 чел. в 2012-м, или на 15,6%. При этом наибольшее число занятых научными исследованиями и разработками наблюдается также в Иркутской области — около 79,5%, в Республике Бурятия — 14,9%, в Забайкальском крае — 5,6%.

Среднегодовая стоимость основных средств для научных исследований и разработок в Байкальском регионе (рис. 3) возросла с 6789 млн руб. в 2005 году до 10706,8 в 2012-м, или на 57,7%. При этом основные средства также преобладают в Иркутской области — около 82,5%, в Республике Бурятия — 16,4%, в Забайкальском крае — 1,1%.

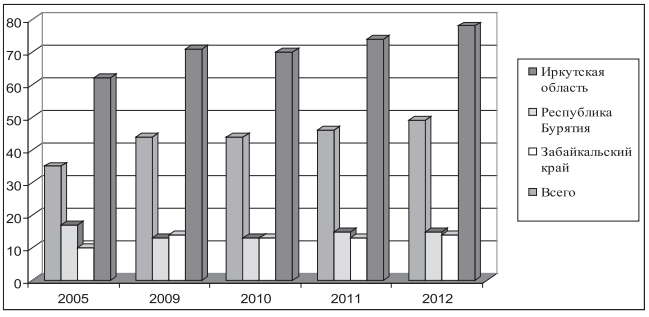


Рис. 1. Организации, выполняющие исследования в Байкальском регионе

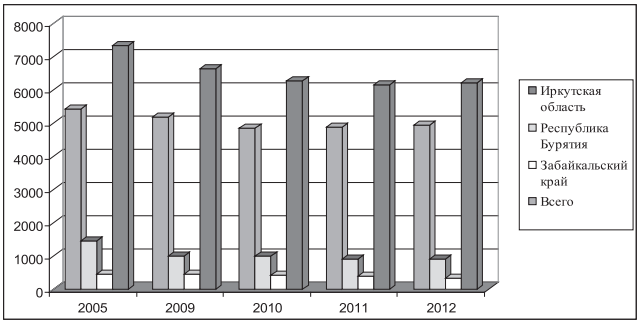


Рис. 2. Численность занятых исследованиями и разработками в Байкальском регионе, чел.

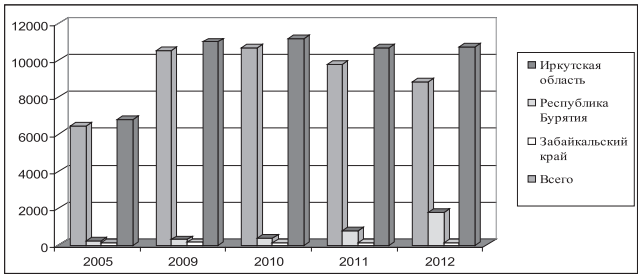


Рис. 3. Среднегодовая стоимость основных средств для исследований и разработок в Байкальском регионе, млн руб.

Объем выполненных научно-технических работ научными организациями в Байкальском регионе (рис. 4) вырос с 2006,4 млн руб. в 2005 году до 10496,7 млн руб. в 2012-м, или на 423,2%. Наибольшая доля работ приходится на Иркутскую область — около 80,2%, на Республику Бурятия — 17,2%, на Забайкальский край — 2,6%.

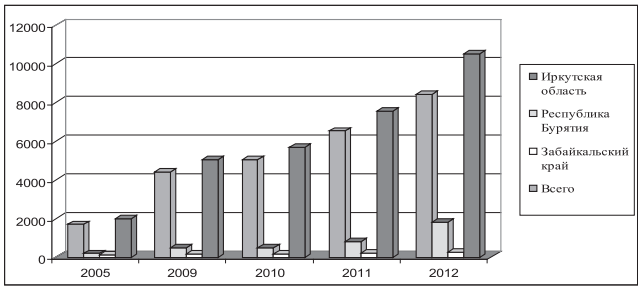


Рис. 4. Объем выполненных научно-технических работ научными организациями в Байкальском регионе, млн руб.

Затраты на научные исследования и разработки в Байкальском регионе (рис. 5) выросли с 1697,7 млн руб. в 2005 году до 6293,4 млн руб. в 2012-м, или на 270,7%. Большая часть затрат приходится на Иркутскую область — около 84,3%, на Республику Бурятия — 11,6%, на Забайкальский край — 4,1%.

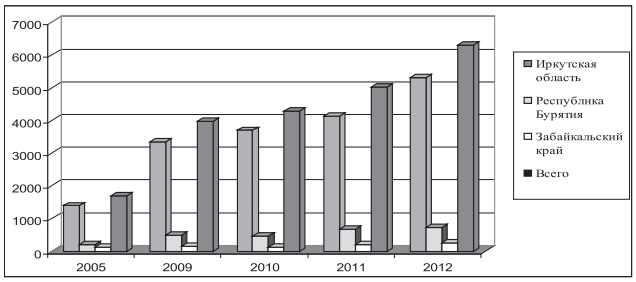


Рис. 5. Затраты на научные исследования и разработки в Байкальском регионе, млн руб.

Затраты на технологические инновации в Байкальском регионе (рис. 6) выросли с 3576 млн руб. в 2005 году до 8965,4 млн руб. в 2012-м, или на 150,7%. Наибольшие затраты в размере 10885,2 млн руб. наблюдались в 2010 году. При этом наибольшая часть затрат также приходится на Иркутскую область — около 83,1%, на Республику Бурятия — 12,8%, на Забайкальский край — 4,1%.

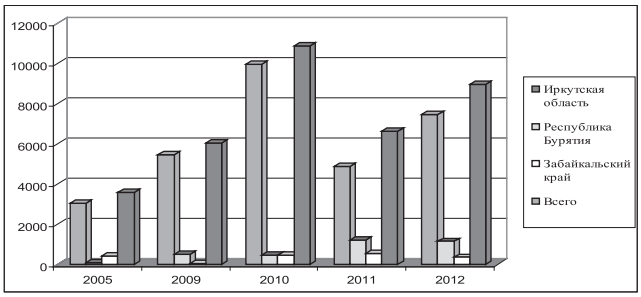


Рис. 6. Затраты на технологические инновации в Байкальском регионе, млн руб.

Результатом вложения затрат на технологические инновации стало увеличение числа созданных производственных технологий в Байкальском регионе (рис. 7) с 15 в 2005 году до 56 в 2012-м, или на 273,3%. Наибольшее число технологий создано в Иркутской области — около 94,6%, в Республике Бурятия — 3,5%, в Забайкальском крае — 1,9%.

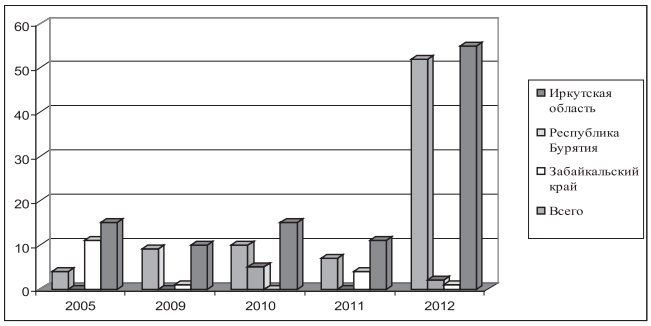


Рис. 7. Число созданных передовых производственных технологий в Байкальском регионе

Объем отгруженных инновационных товаров, работ, услуг в Байкальском регионе (рис. 8) также имеет тенденцию к росту с 2751,3 млн руб. в 2009 году до 25336,7 млн руб. в 2012-м, или на 393,5%. Наибольший удельный вес составляют товары, работы и услуги, произведенные в Иркутской области, — 57,4%, в Республике Бурятия — 33%, в Забайкальском крае — 9,6%.

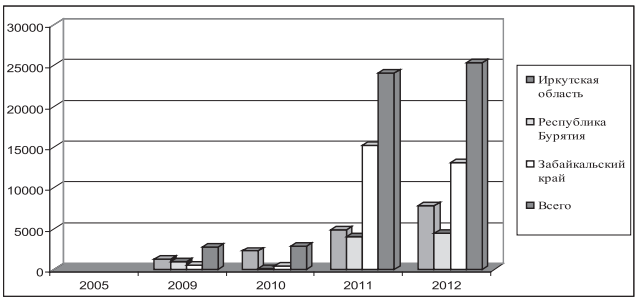


Рис. 8. Объем отгруженных инновационных товаров, работ, услуг в Байкальском регионе, млн руб.

И наконец, важным результатом развития инноваций является число патентов, полученных инноваторами Байкальского региона (рис. 9), которое увеличилось с 285 в 2005 году до 345 в 2012-м, или на 21,1%. По данному показателю также лидирует Иркутская область, доля которой составляет 78%, доля Республики Бурятия — 11,6%, доля Забайкальского края — 10,4%.

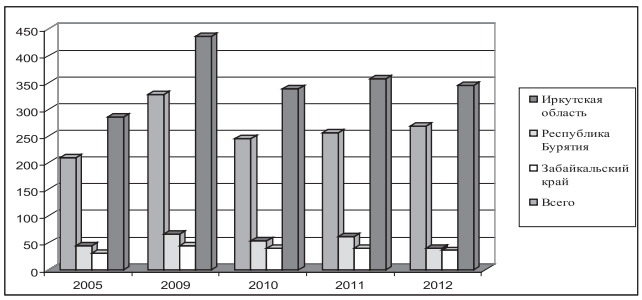


Рис. 9. Получено патентов в Байкальском регионе

Таким образом, можно сделать вывод, что инновационный бизнес развивается в Байкальском регионе недостаточно активно и неравномерно. Проведенный анализ свидетельствует, что инновационные процессы более развиты в Иркутской области. Инновационные проекты разрабатываются на базе Иркутского государственного технического университета (НИ ИрГТУ). Генерируют идеи и пытаются развивать инновационные бизнесы на базе других вузов Иркутска. Кроме того, в Иркутске расположены Иркутский научный центр СО РАН, Институт химии им. Фаворского, Институт геохимии им. Виноградова, Институт систем динамики управления, Институт солнечной земной физики и др. Данные организации не только обладают мощнейшим инновационным потенциалом, но и довольно далеко продвинулись в вопросах создания и развития инновационных бизнесов.

Для оценки влияния инновационных факторов на внутренний региональный продукт Байкальского региона нами был проведен регрессионно-корреляционный анализ. Первоначально проводился регрессионный анализ с помощью однофакторных моделей, позволяющих выявить влияние на внутренний региональный продукт Байкальского региона следующих факторов: количества выданных патентов; среднегодовой стоимости основных средств для НИР; объема выполненных научно-технических работ научными организациями; затрат на НИР; объема отгруженных инновационных товаров, работ, услуг; затрат на технологические инновации, а также взаимосвязи между факторами. Наблюдалась коллинеарность многих факторов (парные коэффициенты корреляции $\geq 0{,}8$).

Далее с помощью программного комплекса РЕМ, разработанного С. И. Носковым [7], в который встроена процедура проведения конкурса моделей, была получена многофакторная модель:

$$y = 751718 + 22{,}4\,x_1 + 11{,}3\,x_2$$

где:

y — ВРП Байкальского региона, млн руб.;

x_1 — объем выполненных научно-технических работ научными организациями, млн руб.;

x_2 — затраты на технологические инновации, млн руб.

Модель достаточно точно описывает изменения исследуемого показателя (ВРП Байкальского региона). Средняя ошибка аппроксимации E = 3,5%. Критерий Дарбина — Уотсона DW = 1,96.

Полученное уравнение регрессии показывает, что при увеличении объема выполненных научно-технических работ научными организациями на 1 млн руб. ВРП Байкальского региона возрастет на 22,4 млн руб.; с ростом затрат на технологические инновации на 1 млн руб. рост ВРП Байкальского региона составляет 11,3 млн руб.

На основании полученного уравнения регрессии нами сделан краткосрочный прогноз увеличения ВРП Байкальского региона за счет развития инновационной деятельности. Рассчитаем оптимистический, реалистичный и пессимистический варианты прогнозов. В оптимистическом варианте заложим в прогноз, сложившийся за последние годы, 20%-ный рост объемов выполненных научно-технических работ научными организациями и 20%-ное увеличение затрат на технологические инновации. В результате получим, что ВРП Байкальского региона возрастет к 2017 году на 455785 млн руб., или на 43% (рис. 10).

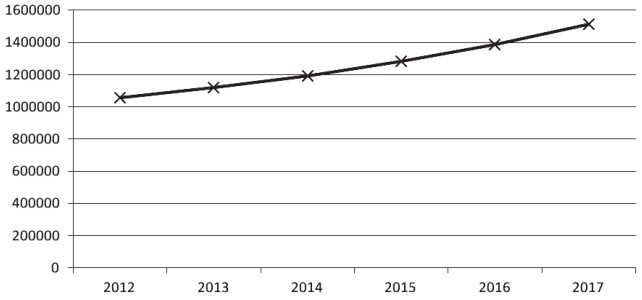


Рис. 10. ВРП Байкальского региона, млн руб. (оптимистичный прогноз)

В реалистичном варианте заложим в прогноз 15%-ный рост объемов выполненных научно-технических работ научными организациями и 15%-ное увеличение затрат на технологические инновации. В результате получим, что ВРП Байкальского региона возрастет к 2017 году на 309719 млн руб., или на 29,3% (рис. 11).

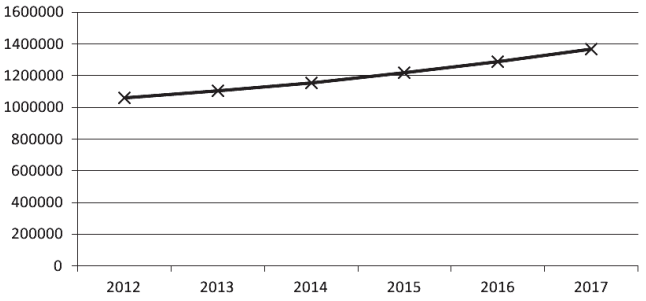


Рис. 11. ВРП Байкальского региона, млн руб. (реалистичный прогноз)

В пессимистическом варианте заложим в прогноз 10%-ный рост объемов выполненных научно-технических работ научными организациями и 10%-ное увеличение затрат на технологические инновации. В результате получим, что ВРП Байкальского региона возрастет к 2017 году на 186963 млн руб., или на 17,6% (рис. 12).

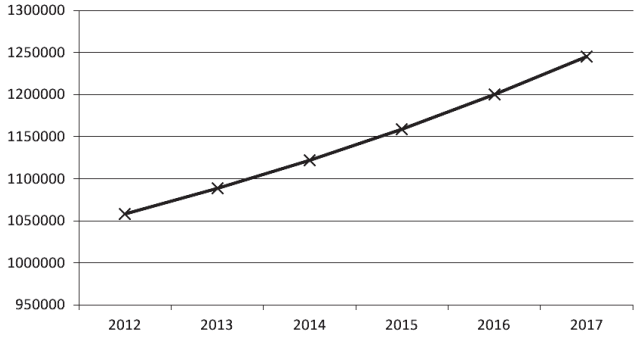


Рис. 12. ВРП Байкальского региона, млн руб. (пессимистичный прогноз)

Многопрофильность экономики Байкальского региона дает возможность развития инновационных технологий во многих отраслях. На данный момент в Иркутской области создано около 40 инновационных компаний, доля выпускаемой продукции которых от общего объема составляет 1,5%. Высокотехнологичная продукция в Иркутской области представлена машиностроением, НИОКР, химическим производством, услугами связи и вычислительной технологией. Основное место занимает машиностроение, которому отводится 57,6%, услуги связи занимают более 52%, химия — 39% и НИОКР — 6,2%.

Инновационная активность в Республике Бурятия и особенно Забайкальском крае значительно ниже, чем в Иркутской области, что доказывает необходимость усиления данной сферы деятельности.

Однако нужно отметить, что Иркутской области, как и другим субъектам Байкальского региона, трудно дается переход от научных разработок к реальным технологическим решениям. В этой связи нами предлагается развивать инновационную инфраструктуру в Байкальском регионе.

Выводы

Анализ развития инновационного предпринимательства в Байкальском регионе показал, что инновационный бизнес развивается в Байкальском регионе недостаточно активно и неравномерно. Инновационные процессы более развиты в Иркутской области. Инновационная активность в Республике Бурятия, и особенно Забайкальском крае, значительно ниже, что доказывает необходимость усиления данной сферы деятельности.

С помощью программного комплекса РЕМ выявлены важнейшие инновационные факторы, влияющие на ВРП Байкальского региона, такие как объем выполненных научно-технических работ научными организациями и затраты на технологические инновации.

На основании полученного уравнения регрессии сделан краткосрочный прогноз увеличения ВРП Байкальского региона за счет развития инновационной деятельности. Получили, что ВРП Байкальского региона к 2017 году возрастет при оптимистическом прогнозе, предполагающем 20%-ный рост объемов выполненных научно-технических работ научными организациями и 20%-ное увеличение затрат на технологические инновации, на 43%, при реалистическом прогнозе (15%-ный рост указанных показателей) — на 29,3%, при пессимистическом прогнозе (10%-ный рост указанных показателей) — на 17,6%.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адашкина Н. С. Инновационная составляющая конкурентного потенциала промышленного предприятия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (29). С. 35—37.

2. Васильев Е. С., Харькова Н. Н. Инновационная парадигма: современная философия или основа предпринимательства? // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 138—142.

3. Жура С. Е., Смирнова И. Г. Анализ механизма управления инновационными процессами в малом бизнесе региона // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 155—158.

4. Буров В. Ю., Потаев В. С., Суходолов А. П. Малое предпринимательство в России и Байкальском регионе. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. 280 с.

5. Научная и инновационная деятельность регионов Сибирского федерального округа: стат. сб. Томск: Томскстат, 2013. 140 с.

6. Носков С. И. Технология моделирования объектов с нестабильным функционированием и неопределенностью в данных. Иркутск: Облинформпечать, 1996. 320 с.

7. Суходолов А. П. Байкальский регион как модельная территория устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: http://www.abiturient.isea.ru/files/s1/121%20suhodolov.pdf (дата обращения: 14.04.2015).

REFERENCES

1. Adashkina N. S. Innovation component of the competitive potential of industrial enterprise // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (29). P. 35—37.

2. Vasiliev E. S., Kharkova N. N. Innovative paradigm: modern philosophy, or basis of entrepreneurship? // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 1 (26). P. 138—142.

3. Zura S. E., Smirnova I. G. Analysis of the mechanism of management of the innovative processes in small businesses of the region // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 1 (26). P. 155—158.

4. Burov V. Yu., Potaev V. S., Sukhodolov A. P. Small business in Russia and the Baikal region. Irkutsk: BSUEL, 2011. 280 p.

5. Research and innovation activities of the Siberian Federal District: Stat. Sat. Tomsk: Tomskstat, 2013. 140 p.

6. Noskov S. I. Technology of modeling the objects with unstable operation and the uncertainty in the data. Irkutsk: Oblinformpechat, 1996. 320 p.

7. Sukhodolov A. P. Baikal region as a reference area of sustainable development [Electronic resource]. URL: http://www.abiturient.isea.ru/files/s1/121%20suhodolov.pdf (date of viewing: 14.04.2015).

УДК 330.322:620.9
ББК 65.263:65.305.14

Chernov Sergey Sergeevich,
candidate of economics, associate professor,
head of the department of industrial management
and economics of power engineering
of Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk,
e-mail: chernov@corp.nstu.ru

Filchenkova Margarita Vyacheslavovna,
undergraduate of the department of industrial
management and economics
of power engineering
of Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk,
e-mail: AmadeusYear2014@mail.ru

Чернов Сергей Сергеевич,
канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой
производственного менеджмента и экономики
энергетики Новосибирского государственного
технического университета,
г. Новосибирск,
e-mail: chernov@corp.nstu.ru

Фильченкова Маргарита Вячеславовна,
магистрант кафедры производственного
менеджмента и экономики энергетики
Новосибирского государственного
технического университета,
г. Новосибирск,
e-mail: AmadeusYear2014@mail.ru

СПЕЦИФИКА ЦЕЛЕВЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭНЕРГЕТИКЕ

SPECIFICS OF THE TARGET INVESTMENTS IN POWER ENGINEERING

В статье в рамках проводимого исследования рассматривается специфика энергетической отрасли и ее влияние на инвестиционные проекты, а также на выбор источников финансирования данных проектов. В ходе исследования выделено несколько групп источников инвестиций, исследованы специфические источники финансирования (инфраструктурные облигационные займы, RAB-регулирование, договоры на предоставление мощности), подробно рассмотрена смешанная схема финансирования в форме государственно-частного партнерства, выделены ее особенности, достоинства и недостатки. На основе проведенного анализа выделены основные источники инвестиций в энергетике, а также основные механизмы осуществления инвестирования в сфере энергетики.

Peculiarities of the power engineering industry and its impact on investment projects, as well as selection of the sources of financing of such projects are examined in the article within the frame of the ongoing research. The study identified several groups of the sources of investments; specific sources of financing are examined (infrastructure bonded loans, RAB-regulation, contracts for the power provision); combined scheme of financing in the form of public-private partnership is discussed in details; its peculiarities, advantages and disadvantages are underlined. Based on the performed analysis, the main sources of investment in power engineering are identified, as well as the major mechanisms of investing into the power engineering.

Ключевые слова: энергетика, инвестиции, инвестиционный проект, источники финансирования, лизинг, RAB-регулирование, договор на предоставление мощности (ДПМ), государственно-частное партнерство (ГЧП), тарифообразование, капиталоемкость, инфраструктурные проекты.

Keywords: power engineering, investments, investment project, financing sources, leasing, RAB-regulation, power delivery contracts (PDC), public-private partnership (PPP), tariff, capital-intensive, infrastructure projects.

Современное состояние электроэнергетического комплекса России требует реализации масштабных инвестиционных проектов. В связи с этим вопрос финансирования занимает центральное место в инвестиционной деятельности энергопредприятий. Как отмечает О. В. Куликова: «От выбора источников финансирования зависит не только жизнеспособность инвестиционного проекта, но и эффективность использования авансированного капитала, финансовая устойчивость и финансовая состоятельность предприятия» [1].

Выбор источников финансирования определяется спецификой инвестиционных проектов, поэтому целесообразно сначала рассмотреть особенности отрасли, оказывающие непосредственное влияние на реализуемые проекты:

1. Инфраструктурный характер отрасли. Во-первых, социальная значимость электроэнергетики не позволяет ей ориентироваться исключительно на получение прибыли. Государственное регулирование предельных значений тарифов со стороны государства не позволяет ускорить возврат инвестиций за счет максимизации тарифов, что снижает инвестиционную привлекательность отрасли. При этом государство, владея значительными активами в энергетике (ФГУП Концерн «Росэнергоатом», ОАО «СО ЕЭС», контрольные пакеты акций ОАО «РусГидро» и ОАО «Россети»), оказывает влияние на отрасль также с позиции крупного игрока, обладающего значительной рыночной властью. Кроме того, некоторые энергетические проекты испытывают на себе социальную нагрузку, проявляющуюся в «обязательстве поставок электроэнергии в районы с низкой плотностью или же малым числом населения» [2]. Во-вторых, спрос на продукцию энергетических предприятий определяется состоянием экономической конъюнктуры. Нестабильность российской экономики вызывает колебания спроса, что усложняет возможность прогнозирования доходов по проекту и увеличивает риски потенциальных инвесторов.

2. Стратегическая значимость отрасли (обеспечение национальной безопасности государства). Проявляется в повышенных требованиях к потенциальным инвесторам, особенно иностранным. Согласно неформальному правилу «нежелательные» инвесторы отсеиваются [Там же], что делает их очень уязвимыми и затрудняет привлечение капитала в энергетику, заставляя инициаторов проектов балансировать между собственными интересами (обеспечение проекта значительной ресурсной базой со стороны иностранных партнеров) и интересами национальной безопасности (сохранение контроля в стратегически значимых отраслях экономики). Более подробно данный вопрос рассмотрен Д. Б. Гапоненко в [3].

3. Высокая капиталоемкость. Обусловлена высоким уровнем технической и организационной сложности проектов: «высокая стоимость используемого оборудования, длитель-

ность подготовительных работ, необходимость прохождения большого числа согласований и т.д.» [2]. Так, по данным «РусГидро», удельные капитальные затраты на строительство электростанций на Дальнем Востоке колеблются в диапазоне от 68,33 млн руб./МВт (2-й блок Благовещенской ТЭЦ) до 315,92 млн руб./МВт (1-я очередь Сахалинской ГРЭС-2).

4. Длительные сроки реализации/окупаемости проекта за счет включения в горизонт планирования срока полезного использования (20—40 лет) наиболее значимого энергетического оборудования (помимо периода строительства самого энергообъекта). Это усложняет процесс прогнозирования ключевых параметров проекта, требует создания резервов капитала (до 10% от требуемых инвестиций).

5. Сложность расчета ставки дисконтирования, учета в ней всех возможных рисков по проекту. Основным риском в энергетике является нестабильность нормативно-правовой базы и экономической ситуации, что затрудняет прогнозирование величины тарифов, цен на топливо и прочих затрат и снижает достоверность прогнозов денежных потоков по проекту.

6. Наличие в отрасли естественного монополиста — электросетевого комплекса, что приводит к привязке потребителя к определенному поставщику, смена которого нецелесообразна ввиду необходимости «больших капитальных вложений на строительство и последующее содержание специфических объектов» [4]. Проблемы финансирования инвестиционных программ региональных электросетевых компаний также рассмотрены в [5].

7. Диверсификация рисков между государством и частными инвесторами по принципу владения активами: государство отвечает за развитие естественно-монопольных секторов энергетики, атомной и гидрогенерации; конкурентный сектор преимущественно финансируется за счет частных инвестиций.

8. Недавний переход к рыночным отношениям в энергетике (необходимость поиска новых источников финансирования помимо бюджетных).

9. Необходимость учета при планировании перспективных программ развития как экономики России в целом, так и отдельных регионов и отраслей.

10. Возможность получения целевых инвестиций из бюджета на реализацию приоритетных проектов, а также использования ключевых показателей государственных программ (прогнозных значений энергопотребления, инфляции и т.д.) при финансовом планировании.

Стоит также отметить следующие свойства инфраструктурных проектов [6]: масштабность; высокие необратимые затраты; возникновение внешних эффектов; неконкурентность и/или неисключаемость; товары могут обладать характеристиками неосязаемых благ; свойства естественных монополий (эффект масштаба и ценовой политики).

В силу данных особенностей инвестиционные проекты в энергетике обладают достаточно низкой инвестиционной привлекательностью, что создает ряд проблем:

— растянутый во времени возврат инвестиций, нежелательный в условиях динамично меняющегося рынка;

— высокие первоначальные инвестиции;

— проблема адекватной оценки эффективности реализации инфраструктурных проектов (необходимость учета внешних эффектов, то есть влияния на развитие других отраслей экономики, значимость данного проекта для общества и государства).

Все это говорит о необходимости грамотного подбора источника (либо комплекса источников) финансирования инвестиционных проектов в энергетике, а также ведущей роли государства при их реализации.

Наиболее распространенными источниками финансирования в энергетике являются: самофинансирование, прямые инвестиции, акционирование, инвестиционный кредит.

К потенциально возможным для использования можно отнести:

1. Целевые облигационные займы. Представляют собой «выпуск предприятием корпоративных облигаций, средства от размещения которых предназначены для финансирования определенного инвестиционного проекта» [7]. К достоинствам облигационных займов можно отнести следующее:

— возможность финансирования масштабных долгосрочных проектов за счет прямого доступа к ресурсам мелких инвесторов, риск вмешательства которых во внутреннюю деятельность предприятия минимален;

— не требует залогового обеспечения, составления детального бизнес-плана, предоставления потенциальному инвестору детальной информации о финансовом состоянии заемщика и ходе реализации инвестиционного проекта;

— погашение основного долга возможно за счет средств, генерируемых самим проектом.

К недостаткам целевого облигационного займа относятся: наличие эмиссионных затрат; необходимость соответствия требованиям, предъявляемым к компании-эмитенту (например, устойчивое финансовое состояние предприятия).

Отдельно необходимо выделить инфраструктурные облигации, обладающие рядом особенностей [8]:

— привлечение в качестве основных институциональных (пенсионные фонды, страховые компании) и других консервативных инвесторов;

— долгосрочный период обращения, привязанный к срокам строительства (реконструкции) и эксплуатации/окупаемости инфраструктурного объекта (15—25 лет);

— обеспечение облигационного выпуска, в том числе государственными гарантиями, залогом имущественных прав, страхованием рисков, банковскими гарантиями и поручительствами, иными способами обеспечения;

— особые требования к компании-эмитенту.

2. Лизинг. Представляет собой комплекс имущественных отношений, оформленных договором финансовой аренды, согласно которому лизингодатель обязуется приобрести за свой счет и передать во временное пользование лизингополучателю выбранный им объект движимого или недвижимого имущества за определенную плату с сохранением за последним права на выкуп объекта сделки. Согласно исследованиям Intesco Research Group [9], сегмент энергетического оборудования составляет до 4% в структуре лизинговых сделок. Основные преимущества и недостатки лизинга описаны в [7] и [10].

3. RAB (регулируемая база инвестированного капитала) — регулирование. Представляет собой систему долгосрочного тарифообразования, обеспечивающую постепенный возврат инвестированного капитала (включая проценты на привлеченный капитал), норма доходности на который гарантирована государством. Данная система направлена на строительство и модернизацию инфраструктуры и применяется предприятиями электрических сетей с целью привлечения частных инвестиций в отрасль.

Основными достоинствами данного механизма являются [11]: привлечение масштабных и эффективных инвестиций в отрасль; стимулирование к сокращению операционных издержек (все сэкономленные средства остаются в компании); возврат инвестиций в инфраструктурных отраслях без кратного увеличения тарифа.

Однако этот механизм финансирования имеет недостатки [Там же]:

— расширенный горизонт планирования усложняет прогноз инфляции и других финансовых параметров, оказывающих влияние на величину устанавливаемого тарифа;

— инвестиционная программа не поддается оперативной

корректировке, а ее обеспечение перекладывается на потребителей;

— существует вероятность значительного роста тарифов за счет использования рыночной оценки первоначальной базы капитала, что противоречит государственной политике сдерживания тарифов;

— заниженная норма доходности на капитал (10—11%).

4. ДПМ (договор на предоставление мощности). Был предложен Минэкономразвития и РАО «ЕЭС России», чтобы обеспечить реализацию инвестиционной программы РАО до 2012 года после его расформирования. Суть механизма: инвестор вкладывает средства в строительство или модернизацию конкретного генерирующего объекта, получая при этом гарантию, что введенные мощности будут иметь приоритетное положение на конкурентных отборах мощности по отношению к другим объектам генерации, то есть новые мощности по ДПМ будут отобраны на рынке независимо от их стоимости. Реализуется ДПМ посредством агентского договора, сторонами которого являются [12]: генерирующая компания, клиринговая палата ЗАО «ЦФР», Системный оператор, Администратор торговой системы и НП «Совет рынка». Договор накладывает на генерирующую компанию обязательства по предоставлению на ОРЭМ мощности, производимой на генерирующем оборудовании, указанном в приложении к договору, и предусматривает штрафные санкции за нарушение инвестиционной программы (в размере до 25% от стоимости инвестиционной программы за каждый объект строительства или модернизации). Основными преимуществами данного механизма являются [Там же]:

— гарантия оплаты возводимых или модернизируемых по ДПМ мощностей по гарантированной цене в течение 10 лет, при этом расчетный срок окупаемости составляет 15 лет;

— отсутствие предпринимательских рисков у инвестора;

— возможность использования в качестве источника финансирования доходов от дополнительной эмиссии акций генерирующих компаний;

— возможность при определенных условиях корректировать исполнение обязательств по ДПМ.

Однако, как отмечает министр энергетики РФ А.В. Новак, данная схема финансирования обладает рядом существенных недостатков [13]:

— отсутствие предпринимательских рисков и стимулов к снижению затрат ведет к борьбе за неэффективность;

— рост тарифов для потребителей, оплачивающих мощности по ДПМ.

В качестве наиболее перспективной схемы финансирования выступает государственно-частное партнерство, представляющее собой «привлечение на контрактной основе органами власти частного сектора для более эффективного и качественного исполнения задач, относящихся к публичному сектору экономики, на условиях компенсации затрат, разделения рисков, обязательств, компетенций» [14]. Из данного определения вытекают основные принципы ГЧП:

— юридическое закрепление договоренностей между государством и частным сектором;

— балансировка интересов государства (исполнение социальных обязанностей) и частного бизнеса (получение прибыли). При этом публичные интересы все-таки должны превалировать над частными, что предполагает инициирование таких проектов со стороны государства;

— партнерские отношения бизнеса и государства, предполагающие совместное финансирование проекта и управление им; справедливое распределение рисков, прав и обязанностей сторон, закрепленное законодательно.

Формами реализации ГЧП-проектов выступают [15]: концессионные соглашения, государственные контракты, аренда госимущества, лизинг, государственно-частные предприятия, приватизация, совместные инфраструктурные фонды прямых инвестиций.

В качестве ГЧП-институтов выделяют:

— Инвестиционный фонд РФ. Осуществляет финансирование проектов создания и (или) развития общественной инфраструктуры, в том числе энергетической, а также проектов на основе концессионных соглашений;

— Внешэкономбанк. Основными формами участия банка в реализации инвестиционных проектов являются следующие: кредиты, гарантии и поручительства, участие в уставных капиталах хозяйственных обществ, лизинговые операции, страхование экспортных кредитов, финансовая и гарантийная поддержка экспорта. Кроме того, в 2008 году в структуре Внешэкономбанка был создан Центр ГЧП, занимающийся консультированием органов государственного и муниципального управления по вопросам организации проектов ГЧП, разработкой нормативно-правовой базы в этой сфере;

— ОАО «Российская венчурная компания» (ОАО «РВК»). Осуществляет государственное стимулирование венчурных инвестиций, оказывает финансовую поддержку высокотехнологичным секторам, а также помогает им выйти на международные рынки, способствует приобретению зарубежного опыта, знаний и современных технологий. В число приоритетных направлений инвестирования входят энергетика и энергосбережение;

— федеральные целевые программы (ФЦП). Являются одним из инструментов бюджетного финансирования приоритетных задач государственной политики с возможностью привлечения внебюджетных источников. Более подробно рассмотрены в [16].

Данный механизм взаимодействия частного и государственного секторов обладает рядом существенных преимуществ [15; 17]:

— возможность реализации масштабных инфраструктурных проектов в сокращенные сроки за счет расширения ресурсной базы;

— мультипликативный эффект, возникающий при реализации проектов ГЧП: развитие инфраструктуры создает благоприятные условия для социально-экономического развития как субъектов РФ, так и всей страны в целом, что в итоге выражается в росте внутреннего валового (регионального) продукта и занятости населения, повышении доступности и качества услуг населению;

— непрерывность реализации инвестиционных проектов за счет привлечения частного сектора;

— распределение рисков между партнерами: правовые и политические риски принимаются публичной стороной, а операционные — частной;

— придание коммерческой ценности государственным активам за счет расширения сферы использования достижений, полученных при развитии оборонного комплекса (передовых технических и информационно-технологических разработок).

Однако преимущества ГЧП в значительной мере компенсируются многочисленными недостатками данной схемы финансирования [Там же]:

— неразвитость правового поля в сфере ГЧП в РФ (отсутствие закона о ГЧП, дающего определения основным понятиям и закрепляющего его основные принципы);

— конфликт интересов государства и частного сектора;

— большая стоимость по сравнению с простыми государственными закупками (затраты на организацию и проведение инвестиционных конкурсов и согласование контрактов ГЧП);

— отсутствие гибкости, обусловленное длительными сроками контрактов;

— низкий уровень квалификации и компетенции государственных чиновников, старающихся максимально расширить свои полномочия, при этом сократив до минимума уровень своей ответственности, отсутствие навыков проектного подхода, неготовность к партнерским отношениям с частным сектором;

— высокий уровень коррупции при проведении инвестиционных конкурсов.

Таким образом, существует множество источников и форм финансирования инвестиционных проектов, в том числе специфических механизмов, характерных только для энергетики. Это связано с особенностями самой отрасли, которые необходимо учитывать при разработке инвестиционных проектов и выборе схем их финансирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Куликова О. В. Финансовое обеспечение инвестиционного процесса предприятий электроэнергетики // Российское предпринимательство. 2008. № 6. С. 48—51.

2. Сорокин А. Н. Специфика предприятий энергетической отрасли как объекта инвестиций // Российское предпринимательство. 2011. № 11. Вып. 1 (195). С. 102—107 [Электронный ресурс]. URL: http://old.creativeconomy.ru/articles/14177/ (дата обращения: 10.07.2015).

3. Гапоненко Д. Б. Государственно-правовая политика российского правительства в отношении иностранных инвестиций и антимонопольное законодательство // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 285—288.

4. Кузнецов Н. В. Финансовое обеспечение электроэнергетических предприятий России в условиях реализации программ развития отрасли // Фундаментальные исследования. 2014. № 8. С. 1431—1438.

5. Чернов С. С. Анализ источников финансирования программ и проектов энергосбережения: российский и зарубежный опыт // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 154—158.

6. Гулакова О. И. Теоретико-методологические основы измерения общественного эффекта инфраструктурных проектов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Социально-экономические науки. 2013. № 4. С. 146—157.

7. Игонина Л. Л. Инвестиции: учеб. пособие / под. ред. д-ра экон. наук, проф. В. А. Слепова. М.: Экономистъ, 2003. 478 с.

8. Блохина И. И. Институт инфраструктурных облигаций: цели введения и механизм реализации // Корпоративный юрист. 2009. № 5. С. 32—34.

9. Диамантис Д. Г. Современное состояние финансовой аренды (лизинга) в России, США и странах Западной Европы // Политика, государство и право. 2014. № 7 [Электронный ресурс]. URL: http://politika.snauka.ru/2014/07/1790 (дата обращения: 10.07.2015).

10. Будаева М. С. Проблемы и пути решения инвестиционной политики посредством лизинговой формы финансирования учеными Иркутской области // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 210—214.

11. Козьминых О. Э. RAB-регулирование как инструмент привлечения инвестиций в электроэнергетику // Университетские исследования. 2011. № 5. С. 6—13.

12. Долгосрочный рынок мощности // Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://minenergo.gov.ru/activity/powerindustry/powerdirection/long-term/index.php?sphrase_id=154609 (дата обращения: 10.07.2015).

13. Рогожкин И. Гибридный двигатель для генерации // Нефть России: информационно-аналитический портал. М., 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.oilru.com/media/read/284 (дата обращения: 10.07.2015).

14. Кабашкин В. А. Государственно-частное партнерство как экономическая концепция / ВШГА, МГУ им. Ломоносова. М., 2009. 29 с.

15. Управление инфраструктурными проектами: учеб. пособие для высшего профессионального образования / С. А. Измалкова, Т. А Головина, И. Л. Фаустова, И. А. Тронина, С. С. Елецкая. Орел: ФГБОУ ВПО «Госуниверситет УНПК», 2012. 171 с.

16. Золотов С. Ю. Целевые программы как инструмент экономической политики регионов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 92—97.

17. Сазонов В. Е. Преимущества, недостатки и риски государственно-частного партнерства // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 3. С. 99—108.

REFERENCES

1. Kulikova O. V. Financial provision of investment process of the power industry facilities // Russian entrepreneurship. 2008. № 6. P. 48—51.

2. Sorokin A. N. Specifics of the power engineering facilities as an object of investments // Russian entrepreneurship. 2011. № 11. Vol. 1 (195). P. 102—107 [Electronic resource]. URL: http://old.creativeconomy.ru/articles/14177/ (date of viewing: 10.07.2015).

3. Gaponenko D. B. The state legal policy of the Russian government concerning foreign investments and the antitrust legislation // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 1 (22). P. 285—288.

4. Kuznetsov N. V. Financial provision of the electrical power facilities of Russia in the conditions of implementation of the industry development programs // Basic researches. 2014. № 8. P. 1431—1438.

5. Chernov S. S. Analysis of sources of financing of the programs and projects of energy saving: Russian and foreign experience // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 154—158.

6. Gulakova O. I. Theoretical and methodological fundamental of measurement of public effect of infrastructure projects // Bulletin of Novosibirsk State university. Series: Social and economic sciences. 2013. № 4. P. 146—157.

7. Igonina L. L. Investments: textbook / L. L. Igonina; under the editorship of the doctor of economic sciences, professor V. A. Slepov. M.: Economist, 2003. 478 p.

8. Blochina I. I. Institute of infrastructure bonds: purposes of introduction and mechanism of implementation // Corporate lawyer. 2009. № 5. P. 32—34.

9. Diamantis D. G. Current state of financial lease (leasing) in Russia, the USA and the countries of the Western Europe // Policy, state and law. 2014. № 7 [Electronic resource]. URL: http://politika.snauka.ru/2014/07/1790 (date of viewing: 10.07.2015).

10. Budayeva M. S. Problems and solutions of investment policy by means of a leasing form of financing by the scientists of the Irkutsk region // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 4 (29). P. 210—214.

11. Kozminykh O. E. RAB regulation as the instrument of investment attraction in power industry // University researches. 2011. № 5. P. 6—13.

12. Long-term market of capacity // Official site of the Ministry of Energy of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: http://minenergo.gov.ru/activity/powerindustry/powerdirection/long-term/index.php? sphrase_id=154609 (date of viewing: 10.07.2015).

13. Rogozhkin I. The hybrid engine for generation // Oil of Russia: information and analytical portal. M., 2013 [Electronic resource]. URL: http://www.oilru.com/media/read/284 (date of viewing: 10.07.2015).

14. Kabashkin V. A. Public-private partnership as economic concept / VShGA of Moscow State University named after M. V. Lomonosov. M., 2009. 29 p.

15. Management of infrastructure projects: textbook for higher vocational education / S. A. Izmalkova, T. A. Golovin, I. L. Faustov, I. A. Tronin, S. S. Eletskaya. Orel: FSBEI of HVE State University UNPK, 2012. 171 p.

16. Zolotov S. Yu. Target programs as a tool of economic policy of the regions // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 4 (29). P. 92—97.

17. Sazonov V. E. Benefits, shortcomings and risks of public-private partnership // Bulletin of the Russian University of Friendship of the People. 2012. № 3. P. 99—108.

УДК 330.322:621.182
ББК 65.263:31.38

Chernov Sergey Sergeevich,
candidate of economics, associate professor,
head of the department of industrial management
and economics of power engineering
of Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk,
e-mail: chernov@corp.nstu.ru

Чернов Сергей Сергеевич,
канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой
производственного менеджмента и экономики
энергетики Новосибирского государственного
технического университета,
г. Новосибирск,
e-mail: chernov@corp.nstu.ru

Filchenkova Margarita Vyacheslavovna,
undergraduate of the department of industrial management
and economics of power engineering
of Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk,
e-mail: AmadeusYear2014@mail.ru

Фильченкова Маргарита Вячеславовна,
магистрант кафедры производственного менеджмента
и экономики энергетики Новосибирского
государственного технического университета,
г. Новосибирск,
e-mail: AmadeusYear2014@mail.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА РЕКОНСТРУКЦИИ КОТЕЛЬНОЙ В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

ASSESSMENT OF EFFICIENCY OF THE BOILER HOUSE RECONSTRUCTION PROJECT IMPLEMENTATION WITHIN PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP

В статье рассмотрен проект реконструкции котельной в г. Новосибирске. Отмечено, что зачастую энергопроекты характеризуются низкой инвестиционной привлекательностью вследствие особенностей отрасли, что требует поиска вариантов поддержки реализации подобных проектов. Одним из наиболее перспективных направлений является государственно-частное партнерство в форме концессионных соглашений. Приведена нормативно-правовая база концессионных соглашений, раскрыты основные признаки концессии, выполнены расчеты интегральных показателей проекта реконструкции котельной для каждой из сторон концессионного соглашения, показана перспективность этой формы взаимодействия бизнеса и государства.

The project of reconstruction of a boiler house in Novosibirsk is examined. It is noted that the power projects are often characterized by low investment appeal due to the features of industry, which demands search for the options of support of implementation of such projects. One of the most perspective directions is public-private partnership in the form of concession agreements. The regulatory and legal basis of concession agreements is given; the main signs of concession are revealed; calculations of integrated indicators of the boiler house reconstruction project for each of the parties of concession agreement are fulfilled; prospects of this form of the state and business interaction are shown.

Ключевые слова: энергетика, инвестиции, инвестиционный проект, государственно-частное партнерство, концессионное соглашение, эффективность, реконструкция, бизнес, доходность, концедент.

Keywords: power engineering, investments, investment project, public-private partnership, concession agreement, efficiency, reconstruction, business, profitability, grantor.

Современное состояние российской энергетики характеризуется наличием множества проблем, наиболее острой из которых является опережающий по темпам процесс старения основных фондов (как физического, так и морального) по сравнению с темпом их обновления. При этом наблюдается дефицит инвестиций, необходимых для проведения масштабной модернизации отрасли. Низкая коммерческая привлекательность энергетических инвестиционных проектов, обусловленная спецификой отрасли, длительными сроками окупаемости инвестиций, требуют поиска альтернативных вариантов финансирования проектов [1; 2; 3; 4].

Одним из наиболее перспективных направлений решения

указанной задачи является государственно-частное партнерство в сфере реализации энергопроектов.

Государственно-частное партнерство является особой формой долгосрочного взаимодействия государства и бизнеса с целью реализации социально значимых инвестиционных проектов, направленных на развитие транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры. Данная форма сотрудничества отвечает интересам обеих сторон, а именно [5; 6; 7; 8]:

— интересы государства: повышение эффективности бюджетных расходов; привлечение частных инвестиций; решение инфраструктурных и экологических проблем, снижение уровня социальной напряженности, рационализация структуры экономики в регионах и на федеральном уровне;

— интересы бизнеса: предоставление со стороны государства гарантий на монополию использования выделенного ресурса только частным партнером и на возврат вложенных средств и, как следствие, благоприятные условия хозяйствования и рост доходов бизнеса;

— распределение прав, обязанностей и рисков между партнерами.

Одной из наиболее распространенных форм ГЧП являются концессионные соглашения, представляющие собой «договор о передаче в эксплуатацию на определенный срок принадлежащих государству или муниципалитетам природных богатств, предприятий и других хозяйственных объектов» [9], что обусловлено следующими причинами [6]:

1. Определенность правового режима. В то время как ФЗ «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации» существует только в форме проекта, нормативно-правовая база концессионных соглашений представлена действующим законодательством:

— ФЗ № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005, регулирующий следующие аспекты концессионных отношений: подготовка, заключение, исполнение и прекращение концессионных соглашений, проведение конкурсных процедур, порядок передачи в концессию различных видов имущества. Помимо этого закон устанавливает перечень возможных субъектов и объектов концессионных соглашений, права и обязанности сторон. Закон также закрепляет договорную модель, согласно которой «концессионер осуществляет строительство и (или) реконструкцию объекта соглашения, находящегося в собственности концедента или подлежащего передаче в собственность концеденту после строительства (реконструкции) с последующей эксплуатацией данного объекта концессионером на праве владения и пользования»;

— Налоговый кодекс РФ, определяющий порядок исчисления и уплаты налогов при концессионных соглашениях;

— постановления Правительства РФ о типовых концессионных соглашениях в отношении отдельных объектов инфраструктуры, в том числе Постановление Правительства РФ от 5 декабря 2006 года № 748 «Об утверждении типового концессионного соглашения в отношении систем коммунальной инфраструктуры и иных объектов коммунального хозяйства, в том числе объектов водо-, тепло-, газо- и энергоснабжения, водоотведения, очистки сточных вод, переработки и утилизации (захоронения) бытовых отходов, объектов, предназначенных для освещения территорий городских и сельских поселений, объектов, предназначенных для благоустройства территорий, а также объектов социально-бытового назначения»;

— Гражданский кодекс РФ, устанавливающий как единые для всех контрактных форм ГЧП положения об обязательствах, так и положения, применимые к смешанным договорам, к числу которых относятся и концессионные соглашения.

2. Наличие опыта реализации инвестиционных проектов на основе концессионных соглашений как на федеральном, так и на региональном уровне. По состоянию на 2014 год, из 79 реализованных (или еще реализуемых) концессионных проектов 17 приходятся на объекты энергетической инфраструктуры, в том числе 14 проектов в сегменте тепловой энергетики.

3. Возможность применения различных инструментов финансирования: прямое бюджетное финансирование, создание совместных предприятий, выпуск концессионных облигаций и т. д.

Рассмотрим особенности концессионных соглашений. ФЗ «О концессионных соглашениях» устанавливает следующие стороны концессионных соглашений (рис. 1).

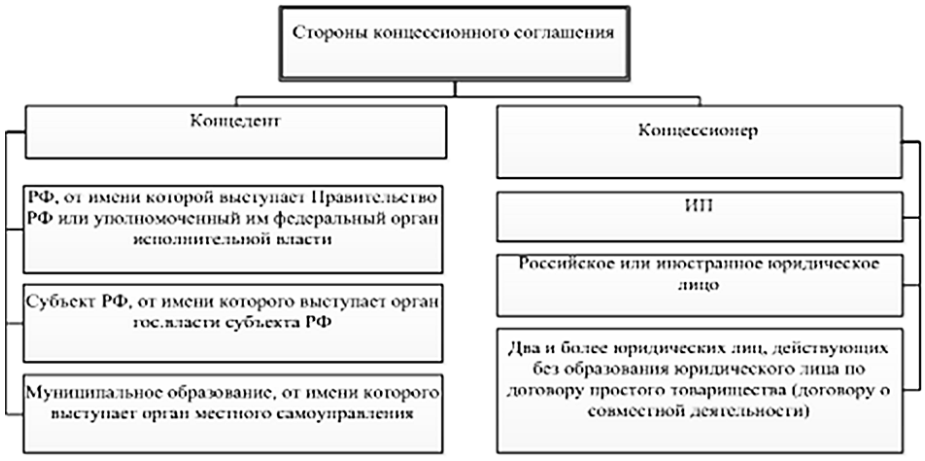


Рис. 1. Стороны концессионного соглашения

Как видно из рис. 1, в качестве концедента выступает публичная сторона, а в качестве концессионера — частный партнер. Если говорить об объектах концессионных соглашений, то ими являются объекты различных инфраструктур, в число которых входят объекты по производству, передаче и распределению тепловой энергии, а также объекты коммунального хозяйства (в том числе системы теплоснабжения).

Законом также предусматривается следующее:

— возможность принятия на себя концедентом части капитальных или эксплуатационных расходов и предоставление концессионеру бюджетных гарантий;

— уплата концессионером концеденту концессионной платы. При этом устанавливается только форма выплат: твердые периодические выплаты; единовременный платеж; доля продукции или доходов, полученных в результате деятельности концессионера; передача в собственность концедента доли имущества, находящегося в собственности концессионера; сочетание нескольких вышеперечисленных форм;

— статья 32 (пункт 5) устанавливает следующее требование к конкурсным предложениям: ставка дисконтирования, применяемая при расчете проекта, должна быть равна норме доходности инвестированного капитала, устанавливаемой федеральным органом исполнительной власти в области государственного регулирования тарифов в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации в сфере теплоснабжения, в сфере водоснабжения и водоотведения.

С учетом всего вышеизложенного можно выделить основные признаки концессии (рис. 2).

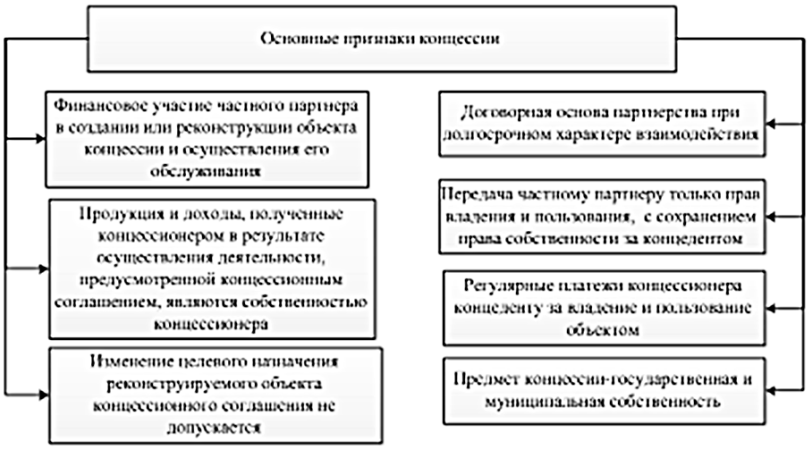


Рис. 2. Основные признаки концессий

Несмотря на признаки, характерные для большинства концессионных соглашений (представленные на рис. 2), законодательство оставляет значительное поле для маневров в установлении сроков концессионных соглашений, методике расчета концессионных платежей и порядке их уплаты, участии концедента в финансировании проекта, внесении прочих условий, не противоречащих законодательству РФ.

В качестве объекта рассмотрим проект реконструкции одной из котельных Новосибирска.

Котельная была введена в эксплуатацию в 1969 году с целью обеспечения тепловой энергией (отопление и горячее водоснабжение) объектов Калининского района г. Новосибирска. Основные характеристики объекта:

— топливо — мазут марки М100;

— теплоноситель — вода 70—95 °С;

— система ГВС — открытая;

— тепловая мощность котельной — 74,2 Гкал/ч;

— существующая тепловая нагрузка — 27,4 Гкал/ч (население — около 14 тыс. чел.; объекты социального назначения);

— наличие системы химводоочистки.

Проект рассчитан на 14 лет. Окружение проекта рассмотрено на основании данных сценарных условий развития энергетики [7], стратегии развития г. Новосибирска. В результате оценки коммерческой эффективности проекта получены следующие результаты:

— чистый дисконтированный доход (NPV) — 9651 тыс. руб.;

— простой срок окупаемости (PP) — 8,58 года;

— срок окупаемости дисконтированных затрат (DPP) — 13,86 года;

— индекс доходности инвестиций (PI) — 1,09;

— внутренняя норма доходности (IRR) — 15,1% (при ставке дисконтирования 13,9%).

Проведенные расчеты показывают, что при заданных условиях проект может быть реализован. Чистый дисконтированный доход проекта положителен на рассматриваемом интервале времени, простой срок окупаемости составляет порядка 8—9 лет. Дисконтированные методы экономических оценок позволяют получить более точные оценки — дисконтированный срок окупаемости приближается к 14 годам, что практически сопоставимо с горизонтом проекта. При этом внутренняя норма доходности составляет 15,1%, а запас прочности соответственно равен 1,2%. Повысить эффективность данного проекта возможно за счет применения механизма государственно-частного партнерства, то есть с частичным бюджетным финансированием. В качестве механизма ЧГП предлагается использование концессионных соглашений в силу проработанности нормативно-правовой базы последних.

Определим основные положения концессионного соглашения:

— в качестве концедента выступает Новосибирская область, то есть субъект РФ; концессионера — потенциальный частный инвестор;

— концедент принимает на себя 50% расходов, связанных с реконструкцией объекта (то есть 50% капитальных вложений), так как: котельная находится в аварийном состоянии, являясь при этом единственным источником теплоснабжения поселка; сроки проведения реконструкции сильно сжаты, что связано с необходимостью подготовки объекта к отопительному сезону 2014/2015 года. Фактически проект является вынужденным, поэтому областная администрация заинтересована в том, чтобы привлечь частных инвесторов для его реализации, сократив расходы регионального бюджета. При этом частичное бюджетное финансирование выступает своеобразной гарантией для частных партнеров;

Таблица 1

Инвестиционные кредиты и их основные параметры

Банк	Максимальная сумма кредита, млн	Ставка	Максимальный срок погашения, лет	Дополнительная информация
ВТБ-24 (Инвестиционный кредит)	15	11,1	7	возможность отсрочки погашения основного долга до 6 мес.
Банк «Левобережный»	индивид.	10,9	7	—
Сбербанк (кредит «бизнес-проект»)	200	10	10	обязательное страхование залогового имущества
Татсоцбанк («Инвестиции и модернизация»)	70	12	5	—

Окончание табл. 1

Банк	Максимальная сумма кредита, млн	Ставка	Максимальный срок погашения, лет	Дополнительная информация
МТС-Банк («Инвестиционный»)	80	12,5	5	—
Промсвязьбанк	120	10,5	7	—
Газпромбанк	индивид.	от 8,95	7	сумма кредита определяется исходя из уровня риска по проекту, возможно 100%-ное финансирование проекта

— концессионные платежи выплачиваются концессионером ежегодно, начиная с 2015 года, в твердо установленной сумме.

Для расчета эффективности проекта в целом, а также эффективности его реализации для каждого из участников необходимо сначала определить его основные параметры.

1. Стоимость и размер кредитных ресурсов. В связи с частичным бюджетным финансированием требуемый объем привлекаемых средств снижается со 129200 млн руб. до 64600 млн руб., что позволяет рассматривать банковские предложения, недоступные ранее (что обусловлено ограничениями по максимальной сумме и срокам кредитования). Обзор инвестиционных кредитов различных банков приведен в табл. 1.

На основании представленной информации выбираем следующие условия кредитования:

— ставка по кредиту — 10,85% годовых (средняя ставка по представленным кредитам);

— срок кредитования — 7 лет;

— график погашения — равными платежами, начиная с 2017 года (при этом проценты по кредиту начинают выплачиваться с 2015 года).

На основе принятых условий проведем расчет ежегодных платежей по кредиту. Результаты расчетов представлены в табл. 2.

Таблица 2

График платежей по кредиту

Год	Оплата основного долга, тыс. руб.	Проценты по кредиту, тыс. руб.	Тело кредита, тыс. руб.
2014	—	—	64600,0
2015	—	7009,1	64600,0
2016	—	7009,1	64600,0
2017	9228,6	7009,1	64600,0
2018	9228,6	6007,8	55371,4
2019	9228,6	5006,5	46142,9
2020	9228,6	4005,2	36914,3
2021	9228,6	3003,9	27685,7
2022	9228,6	2002,6	18457,1
2023	9228,6	1001,3	9228,6

2. Ставка дисконтирования. Согласно приказу ФСТ России от 16.12.2013 № 1618-э норма доходности инвестированного капитала в сфере теплоснабжения установлена на уровне 10,96%, следовательно, ставка дисконтирования также принята на уровне 10,96%.

При этом сценарные условия и тарифы приняты в соответствии с базовым вариантом.

3. Размер концессионных платежей. За основу расчета величины концессионных платежей принята методика, предложенная В.А. Будником [10]. Согласно данной методике величина концессионных платежей устанавливается в результате нахождения точки равновесия, то есть такой точки, в которой значения NPV проекта, рассчитанного для концессионера, и чистая текущая стоимость доходов бюджета в виде концессионных платежей равны. Графически это можно представить следующим образом (рис. 3).

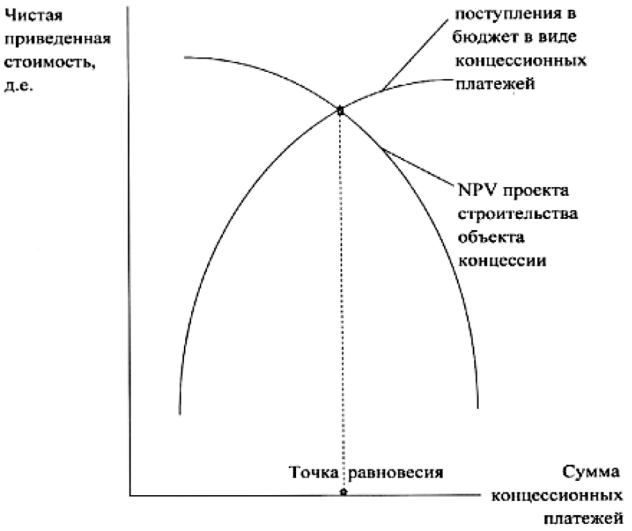


Рис. 3. Подход к обоснованию величины концессионных платежей при концессии на строительство

Как видно из рис. 3, данный метод предполагает получение одинакового дохода как частным, так и публичным партнером. Адаптируем данный метод под наш проект следующим образом. В качестве доходов бюджета примем не только концессионные платежи, но и 18/20 налога на прибыль (именно такая часть поступает в региональный бюджет), так как данные параметры являются взаимозависимыми и должны рассматриваться в совокупности: согласно налоговому законодательству концессионные платежи учитываются в качестве прочих расходов, связанных с производством и реализацией продукции, и, соответственно, уменьшают налоговую базу по налогу на прибыль.

В качестве базы для определения размера концессионных платежей примем долю в 1% от первоначальной стоимости объекта, равной капитальным вложениям, и будем постепенно ее увеличивать до определения точки равновесия. Это является допустимым, так как в конечном итоге искомым параметром является сумма ежегодной концессионной платы в абсолютном, а не в относительном выражении.

Построим графики зависимости NPV для концессионера и чистой дисконтированной стоимости доходов бюджета от суммы концессионных платежей и определим точку равновесия (рис. 4).

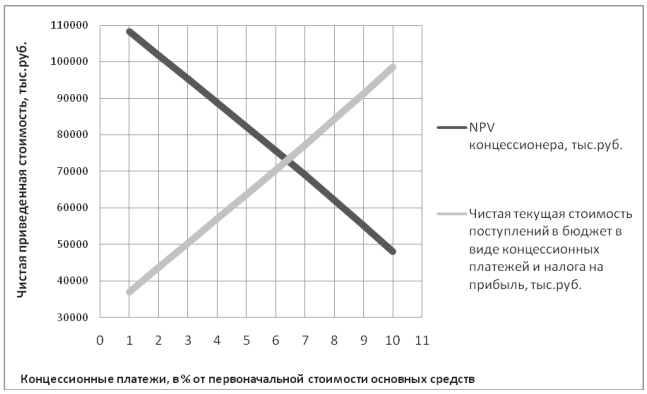


Рис. 4. Точка равновесия

Из графика видно, что размер концессионных платежей в точке равновесия составляет примерно 6,4% от первоначальной стоимости объекта, или 8268,8 тыс. руб. в год. Результаты расчетов также представлены в табл. 3.

Согласно приведенным расчетам, рекомендуемая величина концессионных платежей составляет 8284,3 тыс. руб. в год. При этом NPV концессионера составляет 73075,8 тыс. руб., а чистая текущая стоимость поступлений в бюджет в виде концессионных платежей и налога на прибыль — 73079,7 тыс. руб.

Таблица 3

Расчет величины концессионных платежей в точке равновесия

Концессионные платежи, в % от балансовой стоимости	Концессионные платежи, тыс. руб. в год	NPV концессионера, тыс. руб.	Чистая текущая стоимость поступлений в бюджет в виде концессионных платежей и налога на прибыль, тыс. руб.
1	1292	108348,1	36925,62
2	2584	101830,7	43605,97
3	3876	95313,26	50286,32
4	5168	88795,85	56966,67
5	6460	82278,43	63647,02
6	7752	75761,01	70327,38
6,412	8284,3	73075,8	73079,7
7	9044	69042,96	77188,31
8	10336	62126,52	84227,77
9	11628	55063,86	91398,84
10	12920	47976,97	98591,73

Определив все параметры проекта, можно рассчитать его эффективность в целом, а также для каждого из участников концессионного соглашения.

При построении Cashflow для публичной стороны в качестве расходов были учтены единовременные капитальные вложения в реконструкцию объекта в размере 64600 тыс. руб. Доходы регионального бюджета представлены концессионными платежами и налоговыми поступлениями: 18/20 налога на прибыль и налог на имущество, являющийся региональным налогом.

Согласно приведенным расчетам, получаем следующие показатели эффективности (табл. 4).

Таблица 4

Показатели эффективности для участников концессии

Показатель	Ед. измер.	Проект в целом	Для концессионера	Для концедента
NPV (бюджетная эффективность)	тыс. руб.	14856,66	73075,84	17646,88
IRR	%	12,62	24,04	15,64
PI		1,13	2,26	1,30
PP	лет	9,28	6,83	7,36
DPP	лет	13,59	8,53	10,88

Таким образом, проект является экономически эффективным для каждого из участников, а в результате его реализации каждая из сторон достигает поставленных целей: концессионер выгодно размещает инвестиции и получает доход; концедент реализует вынужденный инвестиционный проект, также получив при этом значительную выгоду. В результате взаимодействия государства и бизнеса проект становится не только более эффективным, но и более устойчивым к изменению факторов внешней и внутренней среды за счет распределения рисков между участниками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чернов С. С. Оценка влияния источников финансирования на интегральные показатели проектов энергосбережения // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3. С. 178—182.

2.Чернов С. С. Анализ источников финансирования программ и проектов энергосбережения: российский и зарубежный опыт // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 154—158.

3. Чернов С. С., Евсеенко П. Н. Совершенствование системы реализации энергосберегающих мероприятий в сфере ЖКХ // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3 (20). С. 59—69.

4. Sergei Chernov, Jose Alberto Pacheco Soto, Eugene Kulack Assessment of the Impact of Sources of Funding on Project Successes Criteria of Energy Saving // Applied Mechanics and Materials. Vol. 792 (2015). P. 403—409. (Trans Tech Publications, Switzerland).

5. Кабашкин В. А. Государственно-частное партнерство как экономическая концепция / ВШГА, МГУ им. Ломоносова. М., 2009.

6. Практика применения концессионных соглашений для развития региональной инфраструктуры в Российской Федерации / под ред. П. Л. Селезнева. М.: Центр развития государственно-частного партнерства, 2014.

7. Пьянкова К. В., Косвинцев Н. Н. Государственно-частное партнерство: преимущества и недостатки для государства и бизнеса // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Экономика. 2010. № 4. С. 12—19.

8. Сазонов В. Е. Преимущества, недостатки и риски государственно-частного партнерства // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 3. С. 99—108.

9. Государственно-частное партнерство в России. М.: Центр развития государственно-частного партнерства, 2013.

10. Будник В. А. Обоснование величины концессионных платежей по договорам концессии на строительство // Проблемы современной экономики. 2013. № 4. С. 334—337.

11. Сценарные условия развития электроэнергетики на период до 2030 года // Министерство энергетики Российской Федерации, Агентство по прогнозированию балансов в электроэнергетике, 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ranipool.ru/images/data/gallery/1_8337__usloviya_elektroenergetiki_na_period_do_2030_goda.pdf. (дата обращения: 10.07.2015).

REFERENCES

1. Chernov S. S. Assessing the impact of sources of financing for energy efficiency projects integral indicators // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 3. P. 178—182.

2. Chernov S. S. Analysis of the sources of financing of programs and projects of energy saving: Russian and foreign experience // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 154—158.

3. Chernov S. S., Evseenko P. N. Improvement of implementation of the energy saving measures in housing and utilities // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 3 (20). P. 59—69.

4. Chernov S. S., Jose Alberto Pacheco Soto, Eugene Kulack. Assessment of the Impact of Sources of Funding on Project Successes Criteria of Energy Saving // Applied Mechanics and Materials. Vol. 792 (2015). P. 403—409 (Trans Tech Publications, Switzerland).

5. Kabashkin V. A. Public-private partnership as an economic concept / SSPA, Moscow State University named after M. V. Lomonosov. M., 2009.

6. The practice of concession agreements for regional infrastructure development in the Russian Federation / edited by P. L. Seleznev. M.: Center for development of public-private partnership, 2014.

7. Pyankova K. V., Kosvintsev N. N. Public-private partnership: advantages and disadvantages for the state and business // Bulletin of Perm University. Series: Economics. 2010. № 4. P. 12—19.

8. Sazonov V. E. Advantages, disadvantages and risks of public-private partnership // Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. 2012. № 3. P. 99—108.

9. Public-private partnership in Russia. M.: Center for Public-Private Partnership, 2013.

10. Budnik V. A. Justification of the quantities of concession payments under concession agreements for construction // Problems of modern economy. 2013. № 4. P. 334—337.

11. Scenarios for power development for the period till 2030 // Ministry of Energy of the Russian Federation, the Agency for Energy Forecasting, 2011 [Electronic resourcce]. URL: http://www.ranipool.ru/images/data/gallery/1_8337__usloviya_elektroenergetiki_na_period_do_2030_goda.pdf. (date of viewing: 07.10.2015).

УДК 339.9
ББК 65.5

Shamray Lydia Viktorovna,
candidate of economic sciences, associate professor,
head of the department of economics and management
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: shamraylv@yandex.ru

Ledeneva Marina Viktorovna,
doctor of economic sciences, associate professor,
professor of the department of economic theory
and management of Volzhsky Institute of Humanities
(affiliate of Volgograd State University),
Volzhsky,
e-mail: mledenjova@yandex.ru

Шамрай Лидия Викторовна,
канд. экон. наук, доцент,
зав. кафедрой экономики и управления
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: shamraylv@yandex.ru

Леденева Марина Викторовна,
д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры
экономической теории и управления
Волжского гуманитарного института (филиала)
Волгоградского государственного университета,
г. Волжский,
e-mail: mledenjova@yandex.ru

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В МИРОВОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ

GLOBAL ADDED VALUE CHAINS IN THE GLOBAL REPRODUCTION PROCESS

В статье рассматривается современная сетевая форма организации производства в виде глобальных цепочек добавленной стоимости. Проанализированы основные тенденции размещения производства и распределения добавленной стоимости между развитыми и развивающимися странами, выявлены положительные и отрицательные последствия встраивания развивающихся стран в международные производственные сети транснациональных корпораций (ТНК). Проанализированы изменения в статистике международной торговли, характеризующие торговые потоки с позиции добавленной стоимости, дан сравнительный анализ роли стран в мировой торговле согласно традиционному подходу и подходу с позиции добавленной стоимости. Сделан вывод о необходимости развития собственных ТНК как предпосылки эффективной интеграции национальной экономики в глобальный воспроизводственный процесс.

The article examines the modern network form of production arrangement in the form of global added value chains. The authors analyze the main trends of the production location and value added distribution between developed and developing countries, reveal positive and negative consequences of developing countries' integration in the international production networks of transnational corporations (TNCs). They also analyze changes in the international trade statistics that characterize trade flows from the position of value added; compare the role of the countries in the global trade according to the traditional approach, as well as to the new approach from the position of value added. The authors concluded the necessity of development of the own TNCs for the countries as a prerequisite of effective integration of national economies into the global reproductive process.

Ключевые слова: добавленная стоимость, производственные сети, воспроизводство, распределение, размещение производства, стадии производства, фрагментация продукции, аутсорсинг, глобальные производственные цепочки,

ТНК, международная торговля, статистика международной торговли.

Keywords: added value, production networks, reproduction, distribution, production placement, production stages, fragmentation of production, outsourcing, global production chains, transnational corporations, international trade, international trade statistics.

Современное производство товаров и услуг все больше организовано в сложные сетевые организационные формы, связывающие в единый производственный процесс множество участников по всему миру, неравнозначных по своей экономической мощи и влиянию. Согласно данным ЮНКТАД, 80% добавленной стоимости в мире создаются внутри производственных и торговых цепочек, контролируемых корпорациями [1], которые дробят процесс создания товара на стадии и фрагментируют их пространственное размещение. Все это ставит перед правительствами стран мира задачу эффективной интеграции национальных экономик в глобальный воспроизводственный процесс, активизирует конкурентную борьбу за локализацию на своей территории наилучших, связанных с созданием наибольшего объема добавленной стоимости мест в цепочке.

Цель исследования заключается в анализе теоретических, методологических и практических аспектов функционирования глобальных цепочек добавленной стоимости и обосновании путей эффективного встраивания национальной экономики в глобальный воспроизводственный процесс.

Поставленная цель предопределила необходимость решения ряда задач:

— раскрыть сущность и принципы построения цепочек добавленной стоимости;

— проанализировать современные тенденции размещения производства и распределения добавленной стоимости между развитыми и развивающимися странами;

— выявить последствия встраивания развивающихся стран в международные производственные сети ТНК;

— проанализировать изменения в статистике международной торговли, характеризующие торговые потоки с позиции добавленной стоимости.

Понятие «продуктовая цепочка» впервые появилось в 1977 году в статье Т. Хопкинса и И. Валлерстайна «Закономерности развития современной мир-системы». Под продуктовой цепочкой авторы понимали связанную совокупность процессов, формирующих добавленную стоимость товара на всех этапах его производства [2, p. 128]. Концепция глобальных цепочек добавленной стоимости была введена в научный оборот в начале 2000-х годов.

Цепочки добавленной стоимости (производственные, продуктовые цепочки) включают в себя следующие стадии: проектирование, производство, маркетинг, сбыт и послепродажное обслуживание потребителя. Эти стадии могут существовать как в рамках одной компании, так и разделенными между многими фирмами. Производственные цепочки могут связывать несколько стран, целый регион или создавать глобальную сеть. В глобальных цепочках каждая страна не формирует полную стоимость товара, а лишь участвует в формировании добавленной стоимости на отдельной стадии его разработки, производства и сбыта.

Принцип работы цепочек добавленной стоимости изображен на рис. 1. Каждое звено в ценовой цепочке представляет собой предприятие, которое добавляет свою цену к конечному продукту или услуге.

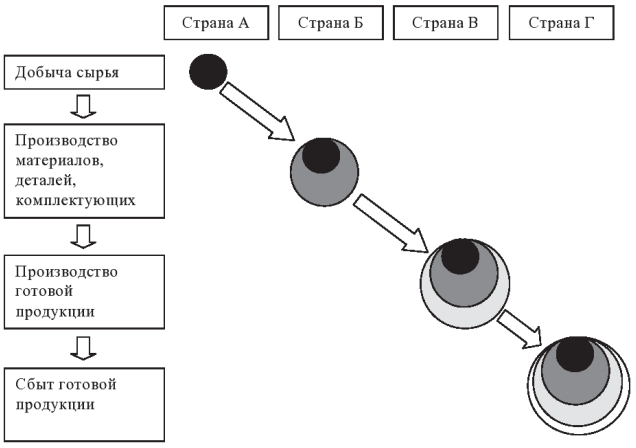


Рис. 1. Принцип работы цепочек добавленной стоимости

Различают два типа участия страны в глобальной системе цепочек добавленной стоимости: 1) участие компонентами, то есть использование импортных компонентов для производства экспорта, и 2) участие продукцией, то есть экспорт национальных компонентов для дальнейшего использования в производстве в других странах.

Классическим примером новой функциональной интеграции мировой экономики через глобальные производственные сети является производство компьютеров. Обширная модуляризация и стандартизация деталей компьютера предопределила фрагментацию данного производства и размещение его стадий там, где это наиболее экономически выгодно. Типичная конфигурация местоположения звеньев производственной цепи в компьютерной отрасли выглядит следующим образом: полупроводниковые чипы производятся в Мексике, Шотландии или Малайзии; жесткие диски — в Сингапуре, Таиланде или на Филиппинах; мониторы — в Японии, материнские платы — в Китае. Сборка деталей осуществляется в Мексике или Венгрии.

П. Гуревич, Р. Бон и Д. Мак-Кендрик детально проанализировали организацию процесса производства жестких дисков. Глобальная производственная цепочка охватывает три континента, и пространственно концентрируется преимущественно в США, Японии и странах Юго-Восточной Азии. Жесткие диски производятся главным образом американскими компаниями, наибольшая доля заработной платы приходится на американских работников, при том что в структуре занятых преобладает рабочая сила из Юго-Восточной Азии (табл. 1).

Таблица 1

Региональное распределение мест базирования предприятий, числа занятых и заработной платы в производстве жестких дисков

	США	Япония	Страны ЮВА	Прочие страны Азии	Европа	Прочие государства
Место базирования предприятия	88,4	9,4	0	2,2	0	0
Доля числа занятых, %	19,3	8,3	44,0	17,1	4,7	6,5
Доля заработной платы, %	39,5	29,7	12,9	3,3	8,5	6,1

Источник: составлено по [3, p. 308].

В глобальных цепочках добавленной стоимости доминируют транснациональные корпорации (ТНК), которые создают международные производственные комплексы, используя глобальные производительные силы. О впечатляющих масштабах деятельности современных ТНК говорят такие факты, что на них приходится около 30% мирового промышленного производства, 2/3 мирового товарооборота, 95% операций на международном рынке патентов и лицензий. Распределяя свои производственные, сервисные, управленческие, маркетинговые и иные мощности между принимающими странами, ТНК существенно влияют на их экономические результаты, занятость и потенциал дальнейшего развития.

С 1970-х годов эпицентр массового промышленного производства все более смещается из развитых стран в развивающиеся. Доля развивающихся стран в мировой добавленной стоимости промышленной продукции за 1980—2000 годы возросла с 14 до 24% главным образом за счет стран ЮВА [4, с. 132]. Предпосылками этого процесса явились усложнение техники и сокращение требований к рабочим, а также повышение трансграничной мобильности факторов производства. Возникает парадоксальная ситуация: перенести производство из одной страны в другую подчас проще, чем транспортировать выпускаемую им продукцию к рынкам сбыта. Таким образом, процесс постиндустриализации обусловил важные сдвиги в международном разделении труда, оказавшие влияние на глобальный воспроизводственный процесс.

Перенос промышленных производств в развивающиеся страны приводит к деконцентрации промышленности на глобальном уровне. ТНК обладают свободой в выборе точек размещения производства, центров НИОКР и органов управления на глобальном уровне. При этом производство концентрируется в небольшом числе точек с наиболее выгодными условиями: удачным транспортно-географическим положением, близостью к источникам дешевого сырья и энергии, рынкам сбыта продукции, источникам квалифицированной рабочей силы. Менее выгодно расположенные предприятия не выдерживают усиливающейся глобальной конкуренции, что нередко влечет за собой их закрытие. Старые промышленные районы начинают испытывать все более жесткую конкуренцию со стороны развивающихся стран.

Отрасли обрабатывающей промышленности являются мобильными в долгосрочной перспективе. Это касается в первую очередь трудоемких отраслей, создающих низкую добавленную стоимость на одного работающего, не требующих высококвалифицированной рабочей силы. К таким отраслям относят прежде всего текстильную промышленность. Становясь менее прибыльной, данная отрасль перемещается из одной страны в другую, с меньшей стоимостью рабочей силы (рис. 2).

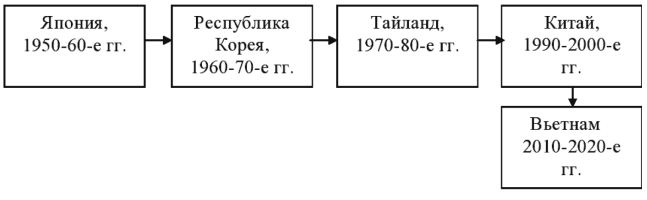


Рис. 2. Географическое перемещение текстильной промышленности

Транснациональный процесс отражает распределение экономической власти в мире в пользу развитых стран, поэтому без органичного участия в транснационализации мировой экономики невозможно полноценно включиться в процесс формирования системы глобального общественного воспроизводства [5, с. 216]. Доминирование производства в рамках глобальных производственных сетей ТНК порождает конкуренцию между странами за локализацию у себя наилучших, связанных с созданием наибольшего объема добавленной стоимости мест в цепочке. Конкуренция ведется путем подготовки кадров, инвестиций в инфраструктуру, введения благоприятного налогового режима и т.д., а также выдвижения требований о размещении на своей территории определенной стадии производственного процесса в качестве условия допуска ТНК на свой рынок. Так, например, Китай сумел добиться от General Motors согласия на размещение в стране корпоративного центра НИОКР и передачу новейших технологических разработок, открыто сделав это условием допуска на свой рынок. Требования по локализации инжиниринговых центров предъявлялись также таким компаниям, как Siemens, Nokia, Lucent, Nortel Hewlett Packard и др. Даже вступив в ВТО, Китай сумел избежать прямого запрета на увязывание допуска иностранных инвестиций с требованиями локализации и передачи технологий [6].

Подключаясь к международным производственным сетям ТНК, развивающиеся страны обретают дополнительные возможности промышленного роста за счет приобщения к некоторым высокотехнологичным его сегментам. Однако форма этого подключения, как и сфера специализации, определяется ТНК. Аутсорсинг, как правило, не сопровождается передачей развивающимся странам значимых технологических новшеств и поэтому, скорее, оттесняет их экономики на периферию глобального воспроизводственного процесса, нежели помогает им приблизиться к странам авангарда по технико-технологическим и экономическим критериям. При приходе ТНК на рынки развивающихся стран последние чаще всего превращаются в «место сброса устаревших технологий», поскольку «сложная технология просто не может быть внедрена в народно-хозяйственную систему с отличным типом экономического уклада» [5, с. 217]. Многие промышленные предприятия, располагающиеся в развивающихся странах, только условно можно отнести к национальной промышленности, на деле они входят в состав ТНК стран авангарда и зачастую могут быть вообще не связаны с экономикой принимающих государств. Инвестиции в природные ресурсы часто носят «анклавный» характер. Страна получает капитал, но часто не имеет других выгод — в виде новых технологий, новых рынков, развития человеческого капитала. Во многих случаях экономическая деятельность, связанная с такими инвестициями, базируется в сравнительно удаленных регионах, вдали от других центров экономической активности.

На современном этапе все большую долю в стоимости готовой продукции составляют расходы на НИОКР, а также маркетинг и сбыт, что нашло свое отражение в информационной теории стоимости и проиллюстрировано моделью smiling face (улыбающееся лицо) (рис. 3). Модель «улыбающееся лицо» была предложена в 1992 году Стеном Ши, основателем ИТ-компании Acer со штаб-квартирой на Тайване.

Рис. 3. Модель «улыбающееся лицо»

Модель «улыбающееся лицо» наглядно демонстрирует, что знания и способы их практического применения замещают труд в качестве источника добавленной стоимости. В цене продукции развитых стран до 65—70% стоимости составляет интеллектуальная рента. Однако если первоначально интеллектуальная рента связывалась с высокой долей творческого труда в производстве того или иного товара, то со временем под ней стали понимать все то, что воплощает виртуальную стоимость, касающуюся престижного имиджа товара, его статусной символики [7, с. 153].

В последние годы увеличилась стоимость интеллектуальной разработки новых моделей продуктов, которая сосредоточена в развитых странах Запада. При этом издержки на оплату труда снижаются до незначительной доли общих издержек; в силу этого «низкие затраты на оплату труда не дают больше стоимостных преимуществ, позволяющих компенсировать невысокую производительность» [8, p. 61], что ставит под сомнение эффективность стратегии «догоняющего» развития для развивающихся стран.

Стадии глобального воспроизводственного процесса, дающие наибольшую долю добавленной стоимости, сосредоточены преимущественно в развитых странах. Для государств Западной Европы, США и Японии в настоящее время характерно преимущественное развитие непроизводственных элементов промышленных комплексов, сопровождающееся сокращением собственно промышленного производства. Так, в США и странах Западной Европы наблюдается свертывание массового производства автомобилей, продукции приборостроения, включая наукоемкую электронику. Это приводит к росту структурной и квалификационной безработицы и падению спроса на малоквалифицированную рабочую силу. Полюсами роста в странах авангарда выступают уже не промышленные центры, а центры генерации идей и творчества: «силиконовые» долины, университетские города и т. п.

Таким образом, в настоящее время на смену известной типологии стран «развитые (богатые) индустриальные страны — промышленно менее развитые и более бедные развивающиеся страны» приходит новая типология «развитые (богатые) постиндустриальные страны — менее развитые индустриальные (среднего достатка) и аграрные (бедные) страны» [9, с. 3]. Сегодня правомерно говорить не только о «сырьевых», но и об «индустриальных» придатках развитых стран. Примерами последних служат, в частности, мексиканские макиладорас, китайские фабрики и заводы, которые обслуживают потребности высокоразвитых стран с наиболее емким потребительским рынком. 2007 год ознаменовал символический поворот в разделении труда между бедными и богатыми странами: импорт США промышленных товаров из развивающихся стран впервые превысил соответствующий импорт из развитых стран [10, p. 7].

Китаю и прочим НИС ЮВА (Южная Корея, Тайвань, Малайзия, Сингапур) принадлежит в настоящее время статус «мировых перерабатывающих заводов». Однако в сфере производства в Китае, который в последние десятилетия был центром низкозатратных сборочных производственных цепочек, происходят изменения. Когда стоимость производства в Китае начала расти, ТНК стали перемещать производства в другие страны региона — Вьетнам, Бангладеш, Камбоджу. Вполне возможно, что в ближайшие 15 лет ТНК передислоцируют производства — из Китая в страны Африки южнее Сахары и государства Латинской Америки.

После финансового кризиса 2008—2009 годов в мире стало наблюдаться сокращение глобальных производственных цепочек. На этот процесс повлияли возросшие трудности с финансированием и рост трансакционных издержек вследствие неопределенности поставок сырья и материалов. Ряд компаний после разрушительного цунами в Японии в 2011 году сократили свои глобальные цепочки добавленной стоимости, особенно в автомобильной и электронной промышленности.

Выстраивание мирового воспроизводственного процесса в виде глобальных цепочек добавленной стоимости нашло отображение в статистике, характеризующей мировое производство и торговлю. Поскольку экспорт стран, специализирующихся на конечных операциях, включает в себя как созданную внутри страны добавленную стоимость, так и стоимость зарубежных полуфабрикатов, потребленных при производстве экспортируемых товаров, у стран-экспортеров готовой продукции наблюдается непропорционально высокий объем экспорта. Таким образом, в стоимости экспорта готовой продукции развитых стран заметная и все увеличивающаяся доля добавленной стоимости принадлежит третьим странам, поставляющим полуфабрикаты.

На рубеже XX — XXI веков европейские страны (Бельгия, Германия, Ирландия, Испания, Нидерланды) демонстрировали положительные темпы прироста экспорта, при этом их доля в мировой добавленной стоимости промышленной продукции падала [11, с. 221]. Эта ситуация объясняется переориентацией производителей с местных полуфабрикатов, деталей и комплектующих на зарубежные (рис. 4).

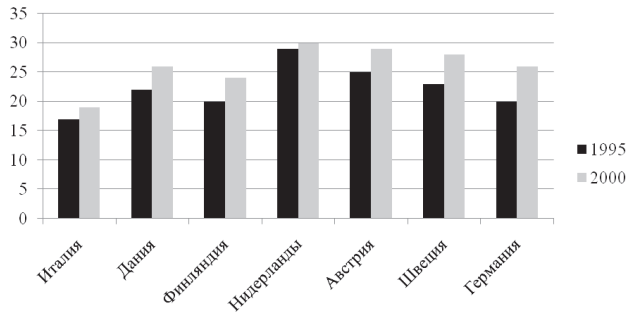


Рис. 4. Доля зарубежных полуфабрикатов в стоимости используемых полуфабрикатов стран, %
Источник: составлено авторами по [12, p. 124].

Анализируя эту ситуацию, германский экономист Ханс-Вернер Зинн вводит понятие «базарная экономика» — это экономика, специализирующаяся на упаковывании и продаже своей продукции, перемещая все большую долю производства добавленной стоимости в страны с низким уровнем оплаты труда [13, p. 89].

Ярким примером «базарной экономики» является экономика Германии. Если ранее Германия выступала в мировой экономике как один из ведущих производителей, то в настоящее время ее роль все более смещается в сторону торговли, страна становится «мировым индустриальным базаром» [Ibid. P. 93]. Производства электротехнической продукции часто полностью перемещались в Азию, в то время как автомобили, которые продолжают собираться в Германии, всецело базируются на компонентах, изготовленных в Восточной Европе. Аналогичная ситуация характерна и для других стран Западной Европы. Доля зарубежных полуфабрикатов, предназначенных для внутренней обработки, росла во всех европейских странах. Это означает, что «базарный» эффект является общеевропейским феноменом.

Феномен глобальных продуктовых цепочек потребовал пе-

ресмотра существующего подхода к статистике международной торговли. Инициатива измерения торговли по принципу добавленной стоимости была реализована в расчетах ОЭСР, ВТО и ЮНКТАД, в результате которых появилась база данных ОЭСР по странам ОЭСР, отдельным странам, не являющимся членами ОЭСР, и некоторым макрорегионам. Согласно данному подходу вместо измерения валовой стоимости торговых потоков измеряется добавленная стоимость страны в ее экспорте товаров и услуг. Этот принцип проиллюстрирован на рис. 5: совокупный экспорт стран на рис. 4 составляет 210 млн долл., в то время как добавленная стоимость — 100 млн долл. При отсутствии прямого экспорта из страны А в страну В последняя получает от нее добавленную стоимость на сумму 90 млн долл. С позиции величины добавленной стоимости крупнейшим экспортером является страна А.

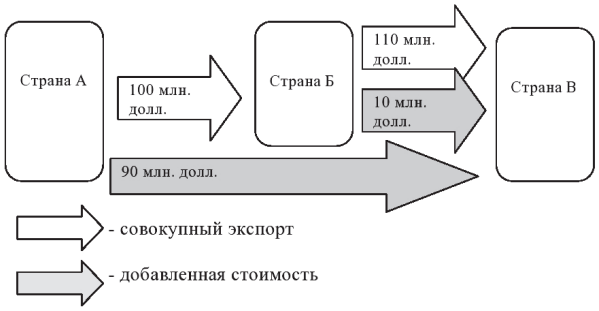


Рис. 5. Движение добавленной стоимости в процессе международной торговли [14, p. 15]

Были разработаны, в частности, следующие индикаторы:

— национальная и иностранная добавленная стоимость в экспорте страны;

— стоимость услуг в валовом экспорте (с разбивкой по внешнему/внутреннему происхождению);

— двусторонние торговые потоки, базирующиеся на потоках добавленной стоимости во внутреннем конечном спросе;

— доля промежуточного импорта в стоимости экспорта.

Разницу в подходах к оценке международных торговых потоков наглядно демонстрирует следующий пример: если использовать традиционную торговую статистику по количеству устройств i-Phone, экспортируемых из Китая в США, то американский дефицит по этой позиции составил в 2008 году 2 млрд долл. Но при использовании подхода, основанного на оценке добавленной стоимости, картина существенно меняется: доля Китая в торговом дефиците снижается практически до минимума, поскольку основная часть добавленной стоимости добавляется в странах, где производятся ключевые высокотехнологичные компоненты,— в Японии, Германии, Корее. Но формально именно Китай экспортирует товар в США, и в торговой статистике США эта операция отражается как импорт из Китая [15].

Анализ данных ОЭСР, характеризующих торговлю с позиции добавленной стоимости, показывает, что Россия как экспортер сырья направляет своим торговым партнерам существенные объемы добавленной стоимости, которые те затем реэкспортируют. Таким образом, спрос на российский экспорт возникает в немалой степени за счет мультипликативного, опосредованного эффекта. Все эти рассуждения справедливы и для других стран — экспортеров нефти, например Саудовской Аравии. В то же время доля иностранной добавленной стоимости в производстве российского экспорта сравнительно невелика. С другой стороны, Россия в значительной степени полагается на иностранные источники в удовлетворении собственного конечного спроса. Доля добавленной стоимости, созданной Россией, в конечном мировом потреблении по состоянию на 2011 год составляет 2,86% [16]. В экспорте стран ЮВА добавленная стоимость иностранного происхождения составляет около 1/3—1/2, наибольшего значения она достигает в Сингапуре [12].

С другой стороны, как справедливо отмечается в Докладе о торговле и развитии 2014 года, участие в международных производственных сетях сопряжено с риском создания неблагоприятных условий торговли, особенно для стран, задействованных в более низких звеньях производственных цепей, а также создает лишь ограниченные внутренние связи и возможности для получения технологий. Кроме того, развивающиеся страны, находящиеся на начальном этапе индустриализации, могут оказаться замкнутыми на нижних звеньях цепочки создания добавленной стоимости из-за сильной конкуренции со стороны других поставщиков для сохранения низких издержек труда и из-за того, что жесткий контроль за интеллектуальной собственностью и дорогостоящие брендинговые стратегии ведущей фирмы не позволяют им двигаться вверх по цепи создания стоимости. Даже для относительно успешных стран со средним уровнем дохода во многих из этих сетей не обеспечиваются равные конкурентные условия [17, с. 20—21]. Так, на долю Китая приходится сегодня не менее трети общего объема торговли продукцией электроники. Однако на практике лишь незначительное количество китайских фирм контролируют различные части цепи производства электронной продукции, а на долю китайских фирм приходится лишь 3% общего объема прибылей в этом секторе.

Эффективному включению национальных экономик в глобальный воспроизводственный процесс могло бы способствовать развитие национальных ТНК. В этой связи следует отметить, что ТНК из стран с формирующимися рынками начинают вступать во все более острую конкурентную борьбу с ТНК стран авангарда. Еще в 2005 году в рейтинге 500 крупнейших ТНК насчитывалось лишь 34 компании из развивающихся стран. Сейчас в рейтинг журнала Fortune входят 106 таких компаний, в основном из стран БРИК (Бразилии, России, Индии, Китая), и их число увеличивается высокими темпами: за 2005—2014 годы Китай увеличил число своих компаний с 16 до 95, Бразилия — с 3 до 7, Россия — с 3 до 8, Индия — с 5 до 8. С другой стороны, за указанный период значительно сократилось число американских и японских ТНК (соответственно со 176 до 125 и с 81 до 54 компаний), менее заметным было сокращение компаний Германии, Франции и Великобритании [18].

В современных условиях доминирования производственных сетей ТНК для защиты национальных интересов со стороны государства требуется не «протекционизм в национальных границах, а протекционизм существующих цепочек: снижение издержек, упрощение торговых процедур и обеспечение многократного беспрепятственного пересечения границы, продвижение своих систем регулирования и охраны интеллектуальной собственности в странах-партнерах» [19, с. 11].

Таким образом, в современных условиях доминирования производства в рамках глобальных производственных сетей ТНК развивающимся странам следует тщательно взвесить все издержки и выгоды при принятии решения о возможности использования стратегии индустриализации путем активного участия в международных производственных сетях. Цель правительств развивающихся стран должна состоять в увеличении доли добавленной стоимости, присваиваемой их национальными компаниями, в конечной цене товара.

Необходимо выстроить стратегию по переходу в более выгодные с экономической точки зрения звенья, концентрирующиеся на производстве продукции глубокой переработки и владении брендами. В этом аспекте чрезвычайно важную роль играют развитие отечественных ТНК и их экспансия на внешние рынки, оптимизация таможенно-тарифного и нетарифного законодательства, снижение различного вида издержек функционирования цепочек добавленной стоимости (упрощение регулирования, ограничения требований использования местных компонентов и др.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конференция ООН по торговле: в современном мире несколько десятков корпораций правят миром, и это хорошо [Электронный ресурс]. URL: http://www.finmarket.ru/economics/article/3244103 (дата обращения: 01.10.2015).

2. Hopkins T., Wallerstein I. Patterns of Development of the Modern World-System // Review. 1977. Vol. 1. № 2. P. 11—145.

3. Gourevitch P., Bohn R., McKendrick D. Globalisation of Production: Insights from the Hard Disk Drive Industry // World Development. 2000. Vol. 28. № 2. P. 301—317.

4. Доклад о развитии человека (2005). Международное сотрудничество на перепутье: Помощь, торговля и безопасность в мире неравенства: пер. с англ. М.: Весь мир, 2005. 416 с.

5. Давиденко И. В. Роль транснациональных корпораций в развитии мирового хозяйства на современном этапе // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 216—219.

6. Шемякин И. Компрадорские заметки [Электронный ресурс]. URL: http://expert.ru/expert/2007/20/kompradorskie_zametki/ (дата обращения: 01.06.2015).

7. Леденева М. В. Накопление и перераспределение национальных богатств в условиях глобализации: мировой экономический авангард и периферия. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. 412 с.

8. Drucker P. Management Challenges for the 21st Century. New York: Harper Business, 1999. 207 p.

9. Лопатников Д. Л. Постиндустриальная модель международного географического разделения труда // География и экология в школе XXI века. 2010. № 6. С. 3—9.

10. Fischer K., Reiner C., Starlitz C. Globale Güterketten. Weltweite Arbeitsteilung und ungleiche Entwicklung. Wien: Promedia, 2010. 271 p.

11. Леденева М. В. Международное разделение труда в постиндустриальную эпоху: основные тенденции // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика. Экология. 2011. № 2. С. 217—225.

12. Measuring Trade in Value Added: An OECD-WTO joint initiative/ OECD [Электронный ресурс]. URL: http://www.oecd.org/sti/ind/measuringtradeinvalue-addedanoecd-wtojointinitiative.htm (дата обращения: 01.06.2015).

13. Sinn H.-W. Die Basar-Ökonomie. Berlin: Ullstein, Econ Verlag, 2007. 250 p.

14. Interconnected economies: benefiting from global value chains: Synthesis Report / OECD, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.oecd.org/sti/ind/interconnected-economies-GVCs-synthesis.pdf. (дата обращения: 01.06.2015).

15. Дрейпер П. Взгляд на мир через цепочки добавленной стоимости [Электронный ресурс]. URL: http://ecpol.ru/2012-04-05-13-42-46/2012-04-05-13-43-05/484-vzglyad-na-mir-cherez-tsepochki-dobavlennoj-stoimosti.html (дата обращения: 01.10.2015).

16. Trade in Value Added / OECD [Официальный сайт]. URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA2015_C1# (дата обращения: 01.06.2015).

17. Доклад о торговле и развитии (2014): Обзор / Конференция Объединенных Наций по торговле и развитию. Нью-Йорк и Женева, 2014. 34 с.

18. Fortune Global 500 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://fortune.com/global500/ (дата обращения: 01.06.2015).

19. Кадочников П. А. Перспективные вопросы расширения участия России в глобальных цепочках добавленной стоимости // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 2. С. 8—13.

REFERENCES

1. The United Nations Conference on Trade: in today's world a few dozen corporations rule the world, and it is good [Electronic resource]. URL: http://www.finmarket.ru/economics/article/3244103 (date of viewing: 01.06.2015).

2. Hopkins T., Wallerstein I. Patterns of Development of the Modern World-System // Review. 1977. Vol. 1. № 2. P. 11—145.

3. Gourevitch P., Bohn R., McKendrick D. Globalization of production: Insights from the Hard Disk Drive Industry // World Development. 2000. Vol. 28. № 2. P. 301—317.

4. Human Development Report (2005). International cooperation at the crossroads: Aid, trade and security in an unequal world: translation from English. M.: Publisher «The whole world», 2005. 416 p.

5. Davidenko I. V. Role of multinational corporations in development of the world economy at the current stage // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 3. P. 216—219.

6. Shemyakin I. Comprador notes [Electronic resource]. URL: http://expert.ru/expert/2007/20/kompradorskie_zametki/ (date of viewing: 01.06.2015).

7. Ledeneva M. V. The accumulation and redistribution of national wealth in terms of globalization: the vanguard of the global economic and peripherals. Volgograd: Volgograd State University, 2012. 412 p.

8. Drucker P. Management Challenges for the 21st Century. New York: Harper Business, 1999. 207 p.

9. Lopatnikov D. L. The post-industrial model of international geographical division of labor // Geography and environment at school of the XXI century. 2010. № 6. P. 3—9.

10. Fischer K., Reiner C., Starlitz C. Globale Güterketten. Weltweite Arbeitsteilung und ungleiche Entwicklung. Wien: Promedia, 2010. 271 p.

11. Ledeneva M. V. The international division of labor in the post-industrial era: basic tendencies // Bulletin of Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology. 2011. № 2. P. 217—225.

12. Measuring Trade in Value Added: An OECD-WTO joint initiative/ OECD [Electronic resource]. URL: http://www.oecd.org/sti/ind/measuringtradeinvalue-addedanoecd-wtojointinitiative.htm (date of viewing: 01.06.2015).

13. Sinn H.-W. Die Basar-Ökonomie. Berlin: Ullstein, Econ Verlag, 2007. 250 p.

14. Interconnected economies: benefiting from global value chains: Synthesis Report / OECD, 2013 [Electronic resource]. URL: http://www.oecd.org/sti/ind/interconnected-economies-GVCs-synthesis.pdf. (date of viewing: 01.06.2015).

15. Draper P. Look at the world through the value chain [Electronic resource]. URL: http://ecpol.ru/2012-04-05-13-42-46/2012-04-05-13-43-05/484-vzglyad-na-mir-cherez-tsepochki-dobavlennoj-stoimosti.html (date of viewing: 01.06.2015).

16. Trade in Value Added / OECD [Electronic resource]. URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA2015_C1# (date of viewing: 01.06.2015).

17. Trade and Development Report (2014): Overview / United Nations Conference on Trade and Development. New York and Geneva, 2014. 34 p.

18. Fortune Global 500 2014 [Electronic resource]. URL: http://fortune.com/global500/ (date of viewing: 01.06.2015).

19. Kadochnikov P. A. Perspective issues of expanding Russia's participation in the global added value chains // Russian Foreign Economic Bulletin. 2015. № 2. P. 8—13.

УДК 336.2:330.131.7
ББК 65.261:65.012.121

Shtiller Marina Vladimirovna,
candidate of economic sciences, associate professor,
head of the department of accounting and audit
of Almaty Academy of Economics and Statistics,
Kazakhstan, Almaty,
e-mail: stilmarmax@mail.ru

Штиллер Марина Владимировна,
канд. экон. наук, доцент,
зав. кафедрой учета и аудита
Алматинской академии экономики и статистики,
Республика Казахстан, г. Алматы,
e-mail: stilmarmax@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ НАЛОГОВЫМИ РИСКАМИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

THEORETICAL ASPECTS OF MANAGEMENT OF TAX RISKS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

В статье рассматриваются современные проблемы управления налоговыми рисками компании как неотъемлемой частью в общей системе принятия управленческих решений. Обосновывается необходимость организации научных исследований, использования различных приемов снижения налоговых рисков на предприятии, разработки стратегии управления риском в виде прогнозирования рисков. Определены функции налогового риска и предложены меры по их учету с целью снижения налоговых рисков. Раскрыты основные принципы оценки налоговых рисков, связанные с концепцией приемлемого риска, определением пороговых значений риска, расчетом величины экономического ущерба показателей, необходимых для риск-менеджмента.

The modern problems on management of the company tax risks as an integral part of the general system of the management decision-making are examined in the article. The need for arrangement of scientific researches, use of various methods of the tax risks mitigation at the enterprise, and development of the strategy for risk management in the form of risks forecasting is justified. Functions of tax risk are defined and the measures for their account are proposed for the purpose of tax risks mitigation. The basic principles of tax risks assessment are identified, which are connected with the concept of acceptable risk, with the threshold values of risk, and calculation of the amount of economic damage of the indicators necessary for risk management.

Ключевые слова: налоговые риски, оценка налоговых рисков, управление рисками, идентификация рисков, предпринимательский риск, бухгалтерский риск, возникновение бухгалтерских рисков, способы снижения риска, функции налогового риска, величина налогового риска.

Keywords: tax risks, assessment of tax risks, risk management, identification of risks, risk of entrepreneur, accounting risk, emergence of accounting risks, ways of risk mitigation, functions of tax risk, size of tax risk.

В экономической литературе риск определяется как действие, деятельность, сумма денег, которую банк может потерять в результате своей деятельности, событие, ситуация, неопределенность, вероятность, опасность, угроза, возможность и др. [1]. Под налоговым риском можно рассматривать ситуацию, при которой налогоплательщик понесет финансовые или другие потери или получит финансовую выгоду, связанные с налоговыми обязательствами. Такая ситуация может как произойти, так и не произойти, поэтому в случае совершения события можно получить нулевой экономический результат, подразумевающий совпадение запланированных значений с полученными. Также результат может быть положительным, означающим, что полученные налоговые доходы превышают запланированные. Отрицательный экономический результат предполагает недополучение налоговых доходов по сравнению с плановыми.

Общая система принятия управленческих решений содержит неотъемлемую часть — управление рисками. По своей цели и задачам система управления рисками согласовывается с общей стратегией развития предприятия, и, соответственно,

способы снижения риска должны быть адекватными принципам организации и ведения бизнеса.

По нашему мнению, под управлением риском понимается его прогнозирование и использование различных приемов для его снижения. Процесс управления рисками включает несколько этапов. В первую очередь проводится идентификация рисков и их классификация, далее определяются их взаимосвязи и проводится оценка конкретного вида риска. Следующим этапом является обоснование методов управления риском, и последнее включает мониторинг результатов реализации программы и совершенствование системы управления риском.

Каждый из перечисленных этапов, несмотря на то что они выполняются как самостоятельная задача, взаимосвязаны и взаимозависимы.

Для управления рисками необходимо определить орган управления, в качестве которого может выступать сам предприниматель или финансовый менеджер. Предприниматель с целью разработки программы управления рисками может привлекать профессионалов со стороны в виде индивидуальных экспертов, сотрудников страховых и консультационных компаний. К функциям органа управления рисками относятся и определение направлений рисковых вложений, и разработка программы, организация ее выполнения, контроль и анализ результатов; определение степени и стоимости рисков, стратегии и приемов управления ими; сбор, анализ, обработка данных о рисковых ситуациях; подготовка финансовой, статистической, управленческой отчетности по рисковым вложениям капитала.

Для управления рисками необходимо обладать достаточным объемом информации. Качественное информационное обеспечение возможно лишь при наличии на предприятии организованного на высоком уровне финансового и управленческого учета. От уровня информации, предоставляемой органу управления рисками, зависит и ускорение процесса принятия решений, и рост уровня качества их исполнения; определяется первоисточник получения прибыли или убытка; и формируется система заблаговременного оповещения о факторах риска.

В современной рыночной экономике, сложившихся условиях жесточайшей конкурентной борьбы огромное значение имеет порядок налогообложения. Вследствие принятия управленческих решений возникают налоговые последствия, которые необходимо изучать и управлять налоговыми рисками, возникающими в результате таких решений. В экономической литературе предлагается множество методик по управлению различными видами риска. А.В. Копыловым, А.С. Игольниковой была предложена «эффективная методика управления рисками инвестиционной деятельности, которая позволяет снизить вероятность появления заранее запланированных потерь путем изменения параметров инновационного проекта» [2]. То, как бухгалтер относится к риску, к рисковой ситуации, оказывает немаловажное влияние на принятие налогового решения. Зачастую бухгалтерские службы, руководители предприятий, не желая рисковать, предпочитают произвести переплаты по налогам. Причиной такого отношения может быть и неглубокое знание налогового законодательства. Склонность к риску имеет особое значение в случаях принятия решений, связанных с налоговым риском, так как в результате действий бухгалтера ответственность в виде финансовых санкций несет прежде всего предприятие.

Важным моментом при принятии налоговых решений является готовность бухгалтера следовать нормам этики бухгалтерской профессии. Во многих странах эти нормы регламентируются Кодексом этики профессиональных бухгалтеров. В соответствии с ним бухгалтер принимает на себя обязательство о самодисциплине, превышающей требования, установленные законами и правилами. Принципы, приведенные в этическом кодексе, обязывают придерживаться честного поведения, порой принося в жертву личные интересы. В Республике Казахстан также действует Кодекс этики профессиональных бухгалтеров.

В экономической литературе не приводится полное определение понятия «налоговый риск». Как правило, налоговый риск рассматривается как самостоятельный вид предпринимательского риска.

Многие авторы при определении финансового риска включают в него и некоторые элементы налогового риска. Для примера такого соединения можно отметить труд авторов Д. Тихонова и Л. Липник. Они дают следующее определение: «налоговый риск — это возможность для налогоплательщика понести финансовые и иные потери, связанные с процессом уплаты и оптимизации налогов, выраженная в денежном эквиваленте» [3]. По мнению Р.Н. Федосовой, О.Г. Крюковой, более полное и точное определение налогового риска имеет следующую трактовку: «налоговый риск — это возможное отклонение фактической величины налоговых платежей от тех налоговых платежей, в расчете на которые осуществлялось принятие решений, связанных с налогообложением, и возникающее вследствие неопределенности среды деятельности предприятия» [4]. Данное отклонение выступает либо как экономия, либо как финансовые потери.

По нашему мнению, риск по определенному налогу фактически и представляет собой налоговый риск. Обязательным условием возникновения у предприятия налогового риска является возникновение у предприятия объекта налогообложения по конкретному налогу, при этом предприятие выступает в качестве налогоплательщика или налогового агента по данному налогу. Например, если предприятие не имеет на балансе собственные основные средства, то у него нет налога на имущество и, соответственно, не может возникнуть налоговый риск по данному налогу.

Налоговый риск может возникать в случаях, которые не связаны с налоговой деятельностью предприятия по определенному виду налога. Это могут быть постановка предприятия на учет в налоговом органе, предоставление сведений об открытии или закрытии счета в банке и т.д., то есть предприятие может даже не вести финансово-хозяйственной деятельности, не начать работать или на время не работать в силу определенных сложившихся экономических условий.

Современные принципы организации бухгалтерского учета предполагают свободный выбор методов финансового и налогового учета, оценок этих объектов учета и т.д., которые обязательно должны быть раскрыты в учетно-налоговой политике предприятия. Данные действия предприятия направлены на достижение более полного удовлетворения потребностей заинтересованных пользователей. При выборе методов финансового и налогового учета, составлении финансовой отчетности предприятие попадает в неопределенность. Это связано с тем, что невозможно достоверно выделить круг пользователей, которые фактически в будущем будут заинтересованы, выделить их по видам, количеству, группам и т.д. Также важно помнить, что у каждого заинтересованного пользователя имеются свои специфические информационные потребности и каждый заинтересованный пользователь может воспринимать одну и ту же отчетность с разных точек зрения. Все это, как правило, влечет к возникновению рисковой ситуации.

Сложной задачей для предприятия является возможность

одновременного удовлетворения запросов всех внешних пользователей, которые имеют разные информационные интересы. С этой целью предприятие выбирает один вариант и представляет отчетность, как правило, рассчитанную на интересы инвестора, поскольку именно он является поставщиком капитала. Считается, что данная отчетность должна удовлетворить информационные интересы всех остальных пользователей.

Предприятие при этом попадает в ситуацию неопределенности, которая в будущем чревата рисками, возникшими вследствие принятия внешними пользователями неблагоприятных решений, обусловленных недостаточной информативностью отчетности.

Для того чтобы снизить элемент неопределенности, а также уменьшить последствия рисков при принятии управленческих инвестиционных решений, в финансовую отчетность для инвестора следует включать нефинансовые показатели, позволяющие качественно прогнозировать будущее состояние компании и ее стоимость. При этом рекомендуется в отчетности раскрывать риски, связанные с данными показателями, а также давать оценку возможным последствиям их проявления.

Проблемой с высокой степенью актуальности является выявление рисков, которые связаны непосредственно с порядком организации и ведения бухгалтерского и налогового учета, а также снижение негативного влияния этих рисков на общее состояние и финансовые результаты деятельности компании.

У налогового риска наблюдается прямая зависимость между величиной риска и доходностью, а также некоторая особенность его экономической природы. Однако увеличение налогового риска не обязательно влечет за собой увеличение дохода, то есть налоговый риск напрямую не связан с прибылью.

Большинство рисков относятся либо к чистым, либо к спекулятивным. Особенностью же налогового риска является тот факт, что он объединяет и спекулятивный, и чистый риск.

Если предприятие имеет возможность произвести излишние налоговые платежи или сэкономить на платежах в бюджет по сравнению с выбранным вариантом налогообложения, то в таком случае проявляется спекулятивный налоговый риск. Такие действия могут произойти в результате изменения условий, согласно которым ранее принималось решение.

При начислении штрафов контролирующими налоговыми органами или возможностью возникновения таких санкций возникает чистый налоговый риск. Он влечет за собой либо потери в виде финансовых санкций, либо отсутствие этих потерь. Результатом возникновения чистого налогового риска может стать банкротство предприятия.

В определении налогового риска можно отметить следующие основные характеристики. Налоговый риск является локальным риском, его величина изменчива и может изменяться от допустимого до катастрофического уровня. Этот риск входит в группу чистых рисков, как правило, является временным риском и выступает в качестве постоянного лишь при условии, что вся налоговая система страны принимается за постоянную константу.

Выделяют четыре функции, которые выполняет налоговый риск: инновационная, регулятивная, защитная, аналитическая [5].

Выполняя инновационную функцию, налоговый риск направляет к поиску путей оптимального налогообложения. Это выгодно отдельному предприятию, так как в результате наблюдается экономия его оборотных средств. Также это выгодно обществу в целом, так как при равных условиях они приводят к минимальной сумме налогов, что, в свою очередь, способствует снижению цен.

Поиск новых подходов к применению налогового законодательства с целью снижения налогов представляет конструктивный вид регулятивной функции налогового риска. Регулирование же налоговых рисков путем избежания налогообложения, а в итоге создания нестабильной экономической ситуации на предприятии и, возможно, как результат, в обществе в целом, представляет деструктивный вид регулятивной функции налогового риска.

Выполняя защитную функцию, налоговый риск выступает в двух видах — в историко-генетическом и социально-правовом. Первый направлен на поиск средств и форм защиты от негативных последствий налогового риска, второй — на создание благоприятной среды для инициативных действий бухгалтера и предоставления ему права на риск.

Аналитическая функция налогового риска проявляется при разработке оптимального варианта налогообложения, при проведении анализа и управлении налоговым риском.

В силу казахстанского менталитета и выбранной государством налоговой политики налоговые риски в стране приобрели особый статус.

С инвестиционными, валютными, банковскими рисками сталкивается лишь часть хозяйствующих субъектов. С налоговыми рисками имеет дело каждое предприятие, поскольку налогообложение касается всех видов деятельности и всех хозяйствующих субъектов. Этим и объясняется особая значимость налоговых рисков для предприятий Казахстана.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что предприятия в своей финансово-хозяйственной деятельности должны учитывать налоговые риски и принимать меры по их снижению. Очень важно следить за тем, когда возникает налоговый риск, также осуществлять контроль, в течение какого периода он действует, оценивать величину риска и предпринимать меры для снижения налогового риска до минимального уровня.

Анализируя риск, необходимо оценить результат, который будет получен при реализации принятого управленческого решения. Применительно к налоговому риску это означает осуществление налогового планирования, или, другими словами, следует рассчитать возможную экономию или перерасход по налоговым обязательствам предприятия.

Для оценки риска используют традиционные методы: методы теории игр, эвристические методы, теории вероятности и т.д. [6]. Эти методы основаны на ряде допущений, например, теории портфеля, рассматривающей инвестиционные решения в условиях неопределенности [7]. При оценке налоговых рисков принимаются некоторые допущения, а именно: ни топ-менеджеры, ни бухгалтерская служба не склонны к риску и стараются понести наименьшие потери при заданном уровне риска или получить наименьший риск при заданном уровне потерь.

Важно отметить, что все налоговые потери, вызванные ошибками неумышленного характера, являются случайными. Отсюда можно предположить, что если величина налогового риска связана с дополнительными платежами, то в общем случае она является случайной.

При оценке налогового риска также используются фактические данные предприятия о выявленных в прошлые отчетные периоды налоговых нарушениях и начисленных штрафных санкциях. Определив значения имевшихся штрафных санкций, можно сделать прогноз на предстоящий период. Однако есть случаи, когда оценить величину налогового риска невозможно.

В настоящее время в экономике Казахстана роль объективных факторов при формировании налоговых рисков существенна, если не сказать велика. При этом прогнозирование вероятности изменения этих факторов (например, налогового

законодательства) очень мала, вплоть до фактической непредсказуемости. Предприятие может влиять на величину налоговых рисков только через субъективные факторы. Влиять на налоговый риск через объективные факторы предприятие не может, поскольку их действие не зависит от деятельности предприятия. Но оно может и должно принимать определенные меры для смягчения их влияния на величину налоговых рисков.

Причиной, которая обусловливает возникновение, существование, наличие налогового риска, является неопределенность. Под действием факторов финансовой и хозяйственной среды деятельности предприятия изменяется и величина риска. Поэтому выявление данных факторов необходимо для установления направлений по снижению налогового риска. Как показали научные исследования, на величину налогового риска могут оказывать влияние внешние и внутренние факторы [8].

Изменения и несовершенство налогового законодательства — один из примеров внешних факторов, влияющих на налоговые риски как в сторону снижения, так и в сторону их увеличения. Зачастую нечеткие, неопределенные формулировки некоторых положений в нормативных налоговых документах приводят к неверному, неоднозначному их толкованию. Нередко наблюдаются противоречия отдельных положений нормативных и законодательных документов или отсутствие регламентаций налогообложения некоторых хозяйственных операций. Также наблюдается частая периодичность изменения налогового законодательства в стране. Регулярно изменения в налоговом законодательстве осуществляются задним числом, что создает проблему их отслеживания и своевременного отражения в учете и, соответственно, способствует увеличению налогового риска вследствие увеличения числа возможных ошибок, допущенных бухгалтером.

Внешними факторами, влияющими на налоговые риски предприятия, выступает также неустойчивая политическая, экономическая ситуация в стране, которая не может способствовать стабильному налоговому законодательству.

Внутренние факторы достаточно субъективны и у каждого хозяйствующего субъекта выражаются по-своему. В качестве основных внутренних факторов можно выделить неверное (с точки зрения экономической теории) отношение к исполнению обязанностей по уплате налогов, к проблемам бухгалтерского и налогового законодательства в Республике Казахстан. Также зачастую на предприятии или отсутствует организация налогового управления, или его уровень недостаточно высокий. Низкий квалификационный уровень работников бухгалтерии и налоговых органов отрицательно влияет на формирование и организацию бухгалтерского и налогового учета на предприятии. Как правило, бухгалтерские службы предпочитают переплату в налогах, проявляя тем самым излишнюю осторожность и недостаточную обоснованность при принятии управленческих решений. Также следует отметить, что одним из внутренних факторов возникновения налоговых рисков являются опасения иностранных инвесторов вести бизнес в Казахстане. Причиной тому выступают отношения налогоплательщиков с налоговыми органами. Имеется множество примеров возникновения разногласий с налоговыми органами, которые разрешаются в большинстве своем в судебном порядке. Данная практика не принята в развитых странах, за рубежом, как правило, такие споры разрешаются в досудебном порядке.

Для снижения налоговых рисков при налоговом планировании необходимо как можно точнее придерживаться требований закона в его действующей интерпретации [9]. Предприятие не в состоянии самостоятельно на свое усмотрение менять налоговое законодательство, поэтому оно не имеет возможности управлять налоговыми рисками непосредственно через внешние факторы. В то же время оно способно своевременно отслеживать изменения таких факторов при осуществлении деятельности и принимать соответствующие меры по их учету, а также осуществлять мониторинг состояния расчетов с бюджетом по налогам и т. д. В качестве мер, способных повлиять на снижение налогового риска, можно рекомендовать следующие: в первую очередь это мероприятия по снижению налогового риска непосредственно на самом предприятии. К ним относятся такие, как: меры по отражению в учете налогового риска, возникающего при принятии управленческих решений; привлечение специалистов высокой квалификации, принимающих решения по налогообложению и/или ведущих налоговый учет; на регулярной основе отслеживание изменений в законодательстве в области бухгалтерского и налогового учета; при разработке учетно-налоговой политики предприятия выработка мер, направленных на снижение налогового риска; управление налоговыми обязательствами при выполнении; учет инвестиционного налогового риска; создание резерва под обеспечение возможных штрафных санкций и пени в качестве меры самострахования; постоянный мониторинг налоговых ошибок, их выявление и исправление.

Во-вторых, необходимо проводить систематическую работу с налоговыми органами. С целью снижения конфликтных ситуаций с налоговыми органами предприятия должны в спорных вопросах в письменном виде обращаться в налоговые органы за разъяснениями. Важно проводить регулярные сверки налоговых расчетов и раскрывать информацию о состоянии налоговых расчетов в финансовой отчетности.

В-третьих, должна вестись работа с контрагентами. Бухгалтерская служба должна проводить экспертизу договоров, которые предприятие заключает с партнерами.

В заключение можно сделать вывод, что под управлением налоговыми рисками понимается прогноз наступления положительного или отрицательного результата и принятие мер по снижению степени риска. В силу того, что налоговый риск связан с вероятностными показателями, которые характеризуют возможные финансовые потери или выгоды, необходимо разрабатывать меры, методики оценки и прогнозирования различных ситуаций поведения хозяйствующего субъекта в условиях таких рисков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дроботова О. О. Управление рискам проектного кредитования в коммерческом банке // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4 (17). С. 153—157.

2. Копылов А. В., Игольникова А. С. Методика управления совместными рисками инновационного проекта на основе экономико-математических методов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 2 (12). С. 131—134.

3. Тихонов Д. Н., Липник Л. Г. Налоговое планирование и минимизация налоговых рисков. СПб.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 256 с.

4. Федосова Р. Н., Крюкова О. Г. Управление рисками промышленного предприятия: опыт и рекомендации. М.: Изд-во «Экономика», 2008. 125 с.

5. Москвин В. А. Управление рисками при реализации инвестиционных проектов. М.: ТК Велби, Проспект, 2004. 312 с.
6. Шевченко И. К. Организация предпринимательской деятельности: учеб. пособие. Таганрог: Из-во ТРТУ, 2004. 92 с.
7. Качалов Р. М. Управление хозяйственным риском. М.: Наука, 2002. 192 с.
8. Авдийский В. И., Курмашов Ш. Р. Прогнозирование и анализ рисков в деятельности хозяйствующих субъектов: научные и практические основы: монография / под ред. М. А. Эскиндарова. М.: ФА, 2003. 392 с.
9. Ломейко А. В. Риски, связанные с применением налогового планирования на предприятии // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 1 (14). С. 183—188.

REFERENCES

1. Drobotova O. O. Risk management of project crediting in commercial bank // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 4 (17). P. 153—157.
2. Kopylov A. V., Igolnikova A. S. Method of the innovation project combined risks management based on the economic-mathematical methods // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2010. № 2 (12). P. 131—134.
3. Tikhonov D. N., Lipnik L. G. tax planning and minimization of tax risks. St. Petersburg: Alpine Business Books, 2004. 256 p.
4. Fedosova R. N., Kryukova O. G. Risk management at industrial facility: experience and recommendations. M.: Publishing house Economics, 2008. 125 p.
5. Moskvin V. A. Risk management in the process of implementation of investment projects. M.: TK Velbi, Prospect, 2004. 312 p.
6. Shevchenko I. K. Arrangement of entrepreneurship: Textbook. Taganrog: Publishing house of TRTU, 2004. 92 p.
7. Kachalov R. M. Management of economic risk. M.: Nauka, 2002. 192 p.
8. Avdiysky V. I., Kurmashov Sh. R. Forecast and analysis of risks of economic entities activity: monograph / under editorship of M. A. Eskindarov. M.: FA, 2003. 392 p.
9. Lomeiko A. V. Risks connected with applying tax planning at the facility // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 1 (14). P. 183—188.

УДК 332.1
ББК 65.04

Yulenkova Irina Borisovna,
candidate of economic sciences,
assistant professor of the department of finance and credit
of Mordovia State University named after N. P. Ogarev,
Saransk,
e-mail: yulenkova.irina@yandex.ru

Юленкова Ирина Борисовна,
канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и кредита
Мордовского государственного
университета им. Н. П. Огарева,
г. Саранск,
e-mail: yulenkova.irina@yandex.ru

ДОСТИЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В РЕАЛЬНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ[1]

ACHIEVING ECONOMIC GROWTH AND COMPETITIVENESS IN THE REAL SECTOR OF ECONOMICS OF MUNICIPAL DISTRICTS OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA[2]

В статье рассмотрены проблемы преобразования качества развития экономики муниципальных районов Республики Мордовия, что предполагает увеличение объема произведенной продукции и оказываемых услуг, снижение уровня бедности населения сельской местности, становление на инновационный путь развития, создание конкурентоспособной и более качественно произведенной продукции. Проанализировано качество экономического роста, определены тенденции и макроэкономические аспекты его улучшения. Для преодоления негативных последствий снижения темпов экономического роста в статье представлен комплекс мероприятий, позволяющих увеличить основные макроэкономические показатели развития сельских территорий.

The article examines the problems of transformation of the economic development quality of the municipal districts of the Republic of Mordovia, which implies increase in volume of production and services, reduction of the level poverty of rural population, innovative way of development, production of competitive products of higher quality. The quality of economic growth is analyzed; trends and macroeconomic aspects of the economic growth improvement are determined. The set of measures, which allows increasing the basic macroeconomic indicators of the rural areas development, is proposed in the article for overriding negative consequences of the economic growth rate reduction.

Ключевые слова: экономический рост, экономическая безопасность, муниципальный район, реальный сектор экономики, малое инновационное предпринимательство, малый бизнес, государственно-частное партнерство, прогнозные значения развития, инвестиционная привлекательность, инновационная инфраструктура, кластерная политика, экологический и культурно-познавательный туризм.

[1] Статья публикуется при финансовой поддержке РГНФ № 14-12-13015 «Развитие теории и методологии формирования системы консолидированного финансового обеспечения инновационного малого предпринимательства в регионе».
[2] Publication of the article is supported by RSSF № 14-12-13015 «Development of the theory and methodology of establishing the system of consolidated financial support of the innovative small businesses in the region».

Keywords: economic growth, economic security, municipal district, real sector of economy, small innovative entrepreneurship, small businesses, public-private partnership, predicted values of development, investment attraction, innovation infrastructure, cluster policy, ecological and cultural tourism.

В экономической науке при определении причин быстрого или медленного экономического роста, а также активного расширенного воспроизводства в качестве основной из них справедливо признается научно-технический прогресс. Подчеркивается, что экономическое развитие происходит благодаря его эффективности, обеспечиваемой применением новых технологий и использованием передовых достижений научно-технического прогресса.

«Для формирования новой прорывной модели национальной и региональной экономик необходимым условием является развитие научно-технического потенциала и создание инновационной инфраструктуры. Особое значение это имеет для регионов, не обладающих достаточным природно-ресурсным потенциалом и экспортно ориентированными производствами. К таким регионам относится и Республика Мордовия» [1, с. 145].

Развитие экономики муниципальных районов Республики Мордовия характеризуется крайней неравномерностью, обусловленной высокой долей валовой продукции сельского хозяйства в общем объеме производимой продукции и услуг. Погода влияет на результаты работы хозяйств и их финансовое состояние. Развитие сельского хозяйства также зависит от рынка, а в рыночных условиях стабильный уровень доходности иметь весьма трудно. На объемы валовой продукции сельского хозяйства влияет засуха, а также снижение объема отгруженных товаров собственного производства из-за закрытия промышленных предприятий муниципальных районов. К положительным тенденциям социально-экономического развития муниципальных районов Республики Мордовия можно отнести стабильный рост объемов розничной торговли.

Разнонаправленная динамика основных макропараметров экономического развития муниципальных районов республики в 2006—2013 годах сказалась на низких показателях качества их экономического роста (табл.).

Таблица

Качество экономического роста в муниципальных районах Республики Мордовия [2]

Год	Индекс роста объема продукции и услуг, % к предыдущему году	Индекс-дефлятор объема продукции и услуг, %	Индекс развития человеческого потенциала	Индекс качества экономического роста
2006	108,25	108,14	0,666	0,001
2007	105,94	112,35	0,662	-0,060
2008	109,01	114,39	0,661	-0,049
2009	108,00	109,09	0,665	-0,010
2010	95,90	109,47	0,652	-0,142
2011	126,76	105,11	0,663	0,171
2012	144,23	105,97	0,680	0,265
2013	94,27	106,28	0,671	-0,127

Спад экономического роста и прогнозные оценки перспектив экономического развития муниципальных районов региона требуют усилить те направления деятельности, которые позволяют использовать конкурентные преимущества районов для достижения их экономического роста в будущем.

Процессы модернизации предприятий, их инновационный характер требуют быстрого реагирования со стороны местных властей, совершенствования действующих местных законов экономического характера [3, с. 28].

Для активизации достижения качественного экономического роста нами рекомендуется следующее:

1. Формирование муниципальной политики в рамках обеспечения экономической безопасности районов (расчет прогнозных и пороговых значений индикаторов экономической безопасности и организация их мониторинга). Ориентировочный перечень пороговых значений экономической безопасности реального сектора — это объем продукции и услуг; объем промышленной продукции; сбор зерна; инвестиции в основной капитал; доля инновационной продукции во всей промышленной продукции; уровень использования производственных мощностей; показатели уровня производства на районообразующих предприятиях, характеризующие степень обеспечения нормальной жизни муниципальных районов; уровень износа основного капитала, в частности оборудования, угрожающего массовым выходом производственных мощностей из оборота; уровень технологического отставания производства; уровень конкурентоспособности продукции; оценка перебоев в поставках извне сырья, топлива и электроэнергии и повышения цен на них; наличие квалифицированных кадров в главных отраслях производства [4].

2. Разработка проектов государственно-частного партнерства, в рамках которых администрации муниципальных районов региона выступают не только в качестве партнера, располагающего значительными ресурсами, но и организатора, регулятора и заказчика инвестиционных взаимодействий. Развитие механизма государственно-частного партнерства в муниципальных районах республики будет возможно лишь при активном участии администраций районов и степени понимания всех преимуществ выбранного механизма. Сегодня государственно-частное партнерство воспринимается как эффективный инструмент развития стратегических отраслей экономики России, расширение контроля над которыми должно опираться на создание долгосрочных инвестиционных программ [5, с. 119].

Эффективность применения государственно-частного партнерства бесспорна для всех участников сделки. Для муниципальных районов региона внедрение государственно-частного партнерства означает развитие взаимодействия бизнеса и местной власти, мобилизацию финансовых средств для инвестирования, усиление административного воздействия на привлечение и размещение инвестиций, возможность увеличения доходной базы муниципальных бюджетов посредством налогов от реализации новых инвестиционных проектов и создания инновационных компаний. Для бизнеса участие в совместных инвестициях расширяет инвестиционные возможности за счет объединения капиталов, снижает инвестиционные риски с учетом того, что государство в этом случае дает дополнительные гарантии вложений.

«Значение и роль для общества такого мощного и динамичного сектора, как малое предпринимательство, а также проблемы, тормозящие его развитие, предопределяют необходимость формирования комплексной государственной политики по поддержке этой сферы. Одно из направлений, которое необходимо развивать, — это малое инновационное предпринимательство» [6, с. 175]. Поэтому, на наш взгляд, в сельской местности важно следующее:

3. Развитие малого инновационного предпринима-

тельства, которое, как и в других регионах, должно базироваться на:

— организации системной работы по ликвидации административных барьеров на пути предпринимательской деятельности. Одним из основных препятствий развития бизнеса являются высокие налоги, проблемы с оформлением прав на землю, постановкой на кадастровый учет, подключением к сетям генерирующих компаний, нарушение прав при проведении государственного контроля;

— стимулировании молодежного предпринимательства и активного участия молодежи в работе предпринимательского сообщества районов. Предусматривается сохранение выпускников высших и средних специальных учебных заведений в качестве приоритетной категории получателей поддержки на создание собственного бизнеса;

— стимулировании создания и развития малых форм хозяйствования в сфере обслуживания населения (включая сферу ЖКХ), расширении видов услуг и улучшении их качества. Бытовое, консультационное, техническое обслуживание населения осуществляется малым бизнесом, поэтому он имеет большое социальное и экономическое значение для муниципальных районов региона. Качество оказываемых услуг населению улучшится благодаря появлению новых конкурирующих компаний, причем при сохранении честных условий конкуренции. Особое внимание в этом направлении должно быть уделено созданию и поддержке малых обслуживающих компаний под конкретные потребности сельского населения;

— поддержке предпринимательства на селе, включая сферу производства и переработки сельскохозяйственной продукции. Необходимо обеспечивать постоянную доступность кредитных ресурсов для личных подсобных и крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) и создаваемых ими кооперативов, в том числе через поддержку кредитных кооперативов на селе. Для обеспечения сбыта продукции следует стимулировать создание заготовительных, потребительских и снабженческо-сбытовых кооперативов на селе, которые занимаются передачей сельскохозяйственной продукции в промышленную переработку, путем поддержки создания подобных кооперативов, в том числе с участием безработных граждан, и субсидирования части текущих затрат [7].

4. Реализация кластерной политики в муниципальных районах Республики Мордовия. Под кластером здесь понимается совокупность функционально и экономически взаимосвязанных предприятий на территории муниципальных районов, выстроенных в единую цепочку производства. Эти субъекты экономической деятельности будут выполнять «структурно-осевую» роль в экономике районов [8].

Приоритетом кластерной политики муниципальных районов Республики Мордовия является формирование и развитие агропромышленного кластера, кластера строительных материалов, туристско-рекреационного кластера.

С учетом благоприятных для развития сельского хозяйства природных условий и исторически сложившейся специализации муниципальных районов региона целесообразно развитие агропромышленных кластеров мясо-молочного скотоводства, зернофуражного растениеводства, овощеводства закрытого грунта и прудового рыбоводства.

Увеличение объемов в сегментах молочно-мясного скотоводства обусловливает необходимость создания в муниципальных районах Республики Мордовия полной цепочки переработки продукции этих отраслей сельского хозяйства (организация производства мясных полуфабрикатов, строительство цеха по переработке мясной продукции в сельской местности).

Для развития животноводства требуется качественное производство и использование фуражного зерна. На мероприятия по повышению и поддержанию почвенного плодородия, увеличению посевных площадей, засеваемых элитными семенами, применению системы защиты растений, развитию орошаемого земледелия в будущем планируется тратить собственные средства сельскохозяйственных предприятий, а также средства федерального и республиканского бюджетов. В результате реализации указанных мероприятий произойдет увеличение валового сбора зерновых (в первоначально оприходованном весе) и их урожайности.

В целях диверсификации агропроизводства возможна организация овощеводства закрытого грунта. Возрождение на территории муниципальных районов Республики Мордовия овощеводства (на базе индивидуально-семейных хозяйств) с последующим созданием плодоовощного консервного мини-завода может стать еще одним направлением развития сельскохозяйственного кластера сельской местности.

В целях более полного использования природно-ресурсного потенциала территории целесообразно возрождение рыбоводства на базе КФХ муниципальных районов Республики Мордовия. Предполагается развитие интегрированной аквакультуры (рыбоводно-гусиные, рыбоводно-утиные хозяйства) с последующей организацией любительского и спортивного рыболовства, строительством туристического комплекса на несколько тысяч отдыхающих.

Наиболее прибыльной станет деятельность малых и средних предприятий, специализирующихся на добыче строительных грунтов, в составе которых есть пески, песчано-гравийные материалы, супеси, суглинки и т.п. В частности, весьма перспективно производство сухих строительных смесей на основе месторождения песков.

Перспективным направлением кластера стройматериалов является активное развитие лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств на территории муниципальных районов Республики Мордовия. В настоящее время это представляет интерес для предприятий малого бизнеса (в основном они занимаются производством пиломатериалов, которые служат источником такого ценного вторичного сырья, как опилки, древесная кора, древесная масса и т.п.). Создание мини-заводов по переработке отходов древесного производства повысит экологическую безопасность лесопромышленного комплекса муниципальных районов Республики Мордовия. В то же время необходимо не забывать о воспроизводстве лесов, охране их от пожаров и вредителей, осуществлении государственного контроля и надзора.

Природные и историко-культурные ресурсы муниципальных районов Республики Мордовия являются основой для развития их туристско-рекреационного кластера. Перспективными направлениями являются экологический и культурно-познавательный туризм.

Экологический туризм направлен на создание благоприятных условий для людей, увлекающихся (в рамках российского законодательства) охотой (в том числе фотоохотой) и рыбалкой в сельской местности (строительство гостиниц, кафе, закусочных и др.), и является экономически выгодным видом туризма.

Культурно-познавательный туризм предполагает организацию различных экскурсионно-познавательных туров. Основная их цель — знакомство с местными достопримечательностями: памятниками истории, искусства, архитектуры, природными особенностями и др. Большую роль в этом плане могут играть, например, районные историко-краеведческие

музеи (таковые, например, есть в Чамзинском, Темниковском, Инсарском и других муниципальных районах республики). Отдых гостей может сопровождаться профессионально организованной активной культурно-познавательной программой. Возможна продажа гостям сувениров, которые отражают колорит той местности, в которой они были произведены и приобретены.

Создание в муниципальных районах Республики Мордовия зоны отдыха для гостей с комплексом туристских маршрутов позволит удовлетворить потребности жителей не только республики, но и других регионов страны в услугах корпоративного отдыха и внутреннего туризма. Работа санаториев, детских санаторно-оздоровительных лагерей с должной инфраструктурой будет способствовать улучшению социально-экономического развития муниципальных районов республики: снизится уровень безработицы в сельской местности, произойдет рост доходной базы муниципального бюджета, сохранится и будет эффективно использоваться уникальный природно-ресурсный потенциал районов.

В целях оптимизации управления кластерной системой должно появиться отдельное подразделение в структуре администрации муниципальных районов Республики Мордовия либо образоваться постоянно работающие межпоселенческие советы.

5. Развитие инвестиционной привлекательности и инновационной инфраструктуры муниципальных районов региона является одним из приоритетных направлений развития муниципальных районов республики, поскольку рост научно-технического потенциала районов позволяет развивать производство высокотехнологичной, ресурсосберегающей и конкурентоспособной продукции.

Администрации муниципальных районов во взаимодействии с предпринимателями, работниками промышленности и сельского хозяйства, учеными должны реализовывать комплекс мероприятий, ориентированных на создание условий для активизации внешних инвестиционных потоков и внедрения инноваций в экономику муниципальных районов.

Для регулирования правовых основ инвестиционно-инновационной деятельности предполагается: разработать регламент взаимодействия органов местного самоуправления и хозяйствующих субъектов при подготовке и реализации инвестиционных проектов на территории районов, создать коллегиальный орган — координационный научно-технический совет, способный найти применение научно-техническим разработкам и инновационным технологиям в реальном секторе экономики муниципальных районов.

Активизация инвестиционной деятельности на территории муниципальных районов будет усиливаться посредством подготовки бюджетных заявок для включения инвестиционных проектов муниципальных районов в перечень федеральных, республиканских целевых и адресных программ; консультирования субъектов инвестиционной деятельности по вопросам получения льгот и субсидий; использования временно приостановленных объектов, находящихся в муниципальной собственности, в качестве инвестиционных площадок.

Для стимулирования эффективного использования ресурсного блока инновационного потенциала районов (производственно-технологической базы, кадрового потенциала, информации и финансов) необходимо: сформировать и регулярно обновлять базу данных с внесением в нее как наиболее перспективных компаний и предприятий, обладающих высоким потенциалом развития, так и компаний, не занимающихся инновационной деятельностью, а также проанализировать сложившуюся в компаниях ситуацию, потребности, проблемы, основные причины, препятствующие развитию; сформировать банк данных о разработках, проводимых и завершенных на предприятиях, о полученных патентах, свидетельствах; выбрать наиболее эффективное направление работы районов (производства, направленные на переработку сельскохозяйственной продукции; производство строительных материалов) и основные предприятия, которым будет обеспечена постоянная поддержка со стороны научно-технического, образовательного комплекса, органов местного самоуправления по всем видам ресурсов: финансам, квалифицированным кадрам, поиску партнеров, спросу на продукцию и др. [9].

Разработанный комплекс мероприятий позволит достичь качественного экономического роста сельских территорий, конкурентоспособности их продукции, активизации инвестиционно-инновационного развития муниципальных районов Республики Мордовия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Формирование модели эндогенного качественного экономического развития: теория, методология, практика / Л. А. Кормишкина, Е. Д. Кормишкин, В. А. Горин, Н. А. Егина, Е. С. Земскова; под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Л. А. Кормишкиной. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 196 с.

2. Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2010. 444 с.; Там же. 2011. 444 с.; Там же. 2012. 472 с.; 2013. 465 с.; Там же. 2014. 463 с.

3. Кабанов В. А. Можно ли изменить экономическую ситуацию в регионе: точка зрения // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 2. С. 24—28.

4. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник / под ред. акад. РАЕН В. К. Сенчагова. 2-е изд. М.: ДЕЛО, 2005. 896 с. [Электронный ресурс]. URL: http://libbook.net/book_214_page_118 (дата обращения: 12.12.2014).

5. Каменева Е. А. Механизмы привлечения инвестиций в коммунальную сферу: государственно-частные партнерства // Регионология. 2009. № 1. С. 112—119.

6. Юленкова И. Б. Активизация государственной поддержки предпринимательства как важнейшее условие социально-экономического развития в современных условиях // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 2. С. 175—178.

7. Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: http://pandia.org/text/77/370/15076-8.php (дата обращения: 12.03.2015).

8. Самострокова Е. С. Классификация кластеров предприятий // Молодой ученый. 2012. № 1. Т. 1. С. 141—143 [Электронный ресурс]. URL: http://www.moluch.ru/archive/36/4094 (дата обращения: 12.03.2015).

9. Байрамукова А. С.-Х. Механизмы развития инновационного потенциала региона // Экономические исследования. 2011. № 5 [Электронный ресурс]. URL: http://www.erce.ru/internet-magazine/magazine/24/367 (дата обращения: 12.12.2014).

REFERENCES

1. Establishing the model of endogenous qualitative economic development: theory, methodology, practice / L. A. Kormishkina, E. D. Gorin, N. A. Egina, E. S. Zemskova; under the general editorship of the doctos of economics, professor L. A. Kormishkina. Saransk: Publishing house of Mordovian University, 2009. 196 p.

2. Mordovia: statistical annual book / Mordoviastat. Saransk, 2010. 444 p.; ibid. 2011. 444 p.; ibid. 2012. 472 p.; 2013. 465 p.; ibid. 2014. 463 p.

3. Kabanov V.A. Can the economic situation in the region be changed: point of view // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 2. P. 24—28.

4. Economic security of Russia: general course: textbook / under the editorship of the academician of the Russian Academy of Natural Sciences V. K. Senchagov. 2nd edition. M.: DELO, 2005. 896 p. [Electronic resource]. URL: http://libbook.net/book_214_page_118 (date of viewing: 12.12.2014).

5. Kameneva E. A. Mechanisms of investments attraction into the municipal services: public-private partnerships // Science of regions. 2009. № 1. P. 112—119.

6. Yulenkova I.B. Activation of the state support of entrepreneurship as the most important condition of socio-economic development in modern conditions // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 2. P. 175—178.

7. Strategy of socio-economic development of Saratov region through 2025 [Electronic resource]. URL: http://pandia.org/text/77/370/15076-8.php (date of viewing: 12.03.2015).

8. Samostrokova E. S. Classification of the facilities' clusters // Young scientist. 2012. № 1. Vol. 1. P. 141—143 [Electronic resource]. URL: http://www.moluch.ru / archive/36/4094 (date of viewing: 12.03.2015).

9. Bairamukova A./S-H. Mechanisms of the region innovative potential development // Economic researches. 2011. № 5 [Electronic resource]. URL: http://www.erce.ru/internet-magazine/magazine/24/367 (date of viewing: 12.12.2014).

УДК 338.45:665.6
ББК 65.305.143.223

Beskaravainykh Mikhail Valeryevich,
post-graduate student of the department
of the economic theory and applied economy
of Tyumen State University,
Tyumen,
e-mail: bigmedved89@yandex.ru

Бескаравайных Михаил Валерьевич,
аспирант кафедры экономической теории
и прикладной экономики
Тюменского государственного университета,
г. Тюмень,
e-mail: bigmedved89@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

TOPICAL ISSUES OF INCREASING EFFICIENCY AND PROFITABILITY OF PROCESSING BRANCH OF THE OIL INDUSTRY IN MODERN CONDITIONS

В статье рассматривается российская нефтеперерабатывающая промышленность в условиях системного кризиса. Проведен анализ динамики первичной переработки нефти на период 1991—2013 годов, изменения объемов нефтепереработки по мере ценового роста нефти. Проанализирована динамика маржи переработки нефти в России и Европе на период с 2009 по 2013 год, проанализирован российский автопарк и динамика спроса по видам топлива. Выведена корреляция между динамикой потребления видов моторного топлива и роста ВВП на период 2004—2014 годов. Проведен расчет трех сценариев развития для нефтеперерабатывающей промышленности России. Сделаны выводы относительно динамики налогового маневра российского правительства и хода модернизации отечественных НПЗ.

The article examines the Russian oil-processing industry in the conditions of system crisis. Analysis of dynamics of primary oil refining for 1991—2013 is performed, as well as changes of the volumes of oil processing as oil prices growing. Dynamics of the margin of oil refining in Russia and Europe for the period from 2009 to 2013 is analyzed; the Russian vehicle fleet and dynamics of demand by the types of fuel is analyzed. Correlation between dynamics of consumption of the types of motor fuel and GDP growth for 2004—2014 is determined. Calculation of three scenarios of development for oil-processing industry of Russia is carried out. Conclusions concerning dynamics of the tax maneuver of the Russian government and the course of modernization of domestic oil refineries are made.

Ключевые слова: экономика, народное хозяйство, нефтепереработка, нефтеперерабатывающая промышленность, корреляция, топливо, дизельное топливо, модернизация, прогноз, нефть.

Keywords: economics, national economy, oil processing, oil-processing industry, correlation, fuel, diesel fuel, modernization, forecast, oil.

Во многом современный облик отечественной нефтяной промышленности определился в 1930-е, когда в Советском Союзе проводилась колоссальная по своим масштабам индустриализация. Однако большинство крупных заводов были

построены в 50—60-х годах XX века. Особенности плановой экономической модели, действовавшей в СССР, отразились на ряде аспектов функционирования российской нефтеперерабатывающей промышленности. Колоссальные темпы падения пока не удалось нивелировать. В 1991 году Союз добывал 293,5 млн т нефти, пик кризиса пришелся на 1998 год. Расстояние удалось сократить в 2013 году, когда было добыто 259,1 млн т нефти (рис. 1).

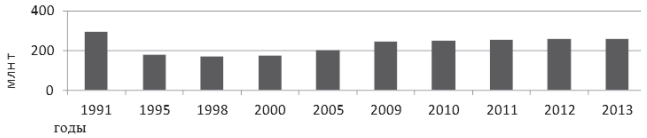


Рис. 1. Динамика первичной переработки нефти на период 1991—2013 годов

Примечательно, что за последние 10 лет рост добычи отставал от роста перерабатывающих мощностей. Тем не менее рост добычи крайне существенный. Возможно, он отставал по причине ухудшения качества ресурсной базы и ограниченных возможностей в области привлечения инвестиций в геологоразведку. Процессы были ускорены введением новой фискальной системы в октябре 2011 года, «60-66-90-100» (Постановление Правительства РФ № 719 от 26 августа 2011 года), которая предполагает использовать в формуле расчета нефтяной пошлины предельную ставку размером в 60% вместо 65% и выравнивает ставку пошлины на светлые и темные нефтепродукты на уровне 66% от нефтяной пошлины. Это свело на нет избыточную прибыльность производства мазута [1] (рис. 2).

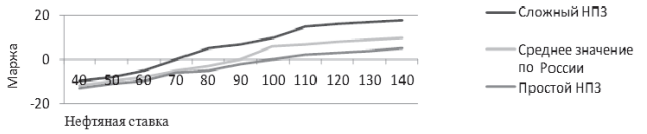


Рис. 2. Изменение маржи нефтепереработки по мере ценового роста нефти

Для сложных НПЗ точка безубыточности наступает на отметке в 70 долл./бар., для простых НПЗ точка безубыточности находится на отметке в 100 долл./бар. Среднее значение по России равняется 90 долл./бар. Невзирая на то что рост пошлины на темные нефтепродукты до 66% от нефтяной пошлины значительно понизил привлекательность экспорта мазута, приблизительно на 90 долл. за тонну в сравнении со ставкой 46,7% и на 125 долл. за тонну при ставке 39% от нефтяной пошлины, НПЗ, как и ранее, было выгоднее перерабатывать нефть по простой схеме за счет высоких доходов, которые сохранились от продажи светлых нефтепродуктов [2] (рис. 3).

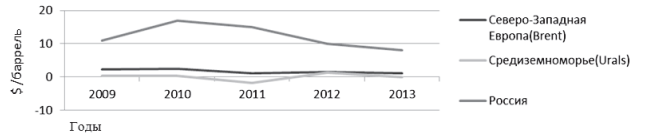


Рис. 3. Динамика маржи переработки нефти в России и Европе на период с 2009 по 2013 год

Как видно из графика (рис. 3), уровень маржи переработки нефти в России значительно выше европейского и находится в среднем на отметке 10 долл./бар. в течение пяти лет. Если сравнивать экономику российских и европейских НПЗ, которые в большинстве своем являются менее доходными, нежели средние российские НПЗ, следует учесть куда более сложную структуру европейских заводов, глубина переработки которых составляет приблизительно 85% против 72% в России [Там же]. Ценообразование на внутреннем рынке нефтепродуктов во многом схоже с теми принципами, по которым устанавливается цена на нефть внутри России, однако факторов, которые влияют на конечную стоимость бензина или дизеля, много больше.

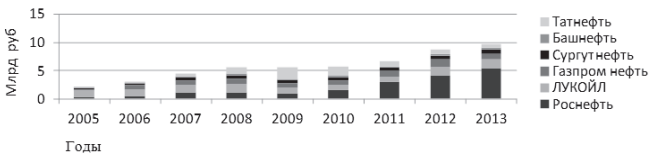


Рис. 4. Капитальные затраты ВИНК на переработку нефти на период 2005—2013 годов (млрд долл.)

За девятилетний период инвестиции крупнейших компаний России в нефтепереработку увеличились втрое. Крупнейшие инвесторы — Роснефть (5,5 млрд) и ЛУКОЙЛ (1,5 млрд). Даже несмотря на сложную экономическую ситуацию в сфере нефтепереработки, сохраняется высокая экономическая привлекательность, следовательно, можно предположить, что в текущих условиях значительное количество заявленных ВИНК инвестиционных проектов по запуску установок будет реализовано. Согласно графику (рис. 5), до 2020 года планирует ввести всего 56 установок переработки различной глубины.

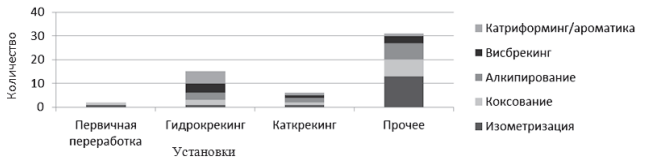


Рис. 5. План ввода установок, влияющих на глубину переработки, на период 2014—2020 годов, шт.

Учитывая данные компаний, можно сделать расчет, что структура выхода НПЗ России к 2020 году будет выглядеть следующим образом: дизельное топливо — 33%, мазут — 15%, бензин — 18%, прочие продукты — 34%, изменения в сравнении с 2014 годом составят: бензин — +4%, топливо — +6%, мазут — 9%, прочее — +1% (рис. 6).

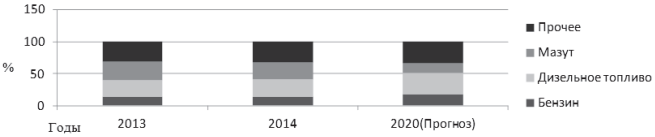


Рис. 6. Изменение структуры продукции нефтеперерабатывающих заводов в России с учетом модернизационных планов на период 2013—2020 годов

Рис. 7. Российский автопарк и динамика спроса по видам топлива на период 2008—2014 годов

При этом, как видно на рис. 7, спрос на дизельное топливо проявлял большую волатильность. Примечателен 2009 год, когда наблюдался спад грузоперевозок, падение спроса на ДТ составило 11%. Это можно объяснить высо-

кой чувствительностью секторов автомобильных перевозок и строительства к экономическим циклам на фоне невысокого процента дизельных двигателей в отечественном автопарке легковых автомобилей [3].

Анализ данных по потреблению видов моторного топлива в России в сопоставлении с темпами роста экономики за последние 10 лет показывает существенную взаимосвязь показателя валового внутреннего продукта и спроса на продукты нефтепереработки. В 2009 году спад ВВП составил 7,8%, спрос на ДТ упал на 2,3%, а рост спроса на бензин составил всего 2,5%, что на 3,5% ниже предыдущего года (рис. 8).

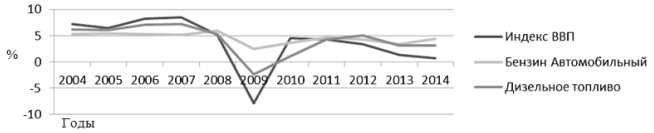


Рис. 8. Динамика потребления видов моторного топлива и роста ВВП на период 2004—2014 годов (млн т)

Беря в расчет выявленный высокий уровень зависимости потребления топлива от ВВП, следует основывать прогноз роста спроса на ДТ и бензин на прогнозе роста ВВП в 2015—2018 годах [4]. Для прогноза использовались оценки Министерства экономического развития России («базовый сценарий»), EIU, Merrill Lynch и World Bank (с учетом корректировки в декабре 2014 года). В среднем рост ВВП с 2015 по 2018 год составит 1%, спрос на ДТ будет колебаться на отметке в 1,1%, на бензин — в 1,2% (рис. 9).

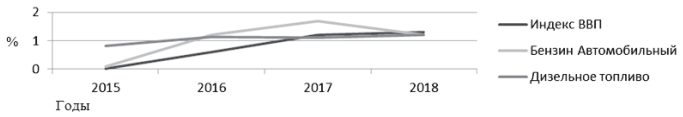


Рис. 9. Прогноз потребления видов моторного топлива и ВВП до 2018 года

Некоторое отставание темпов потребления нефтепродуктов от темпов роста ВВП выглядит логичным на фоне крайне заниженных прогнозов роста национального ВВП ведущими западными рейтинговыми агентствами, однако [5] в целом характерны обновление автопарка и рост топливной эффективности. Плюс ко всему, согласно расчетам, к 2018 году потребление бензина и дизельного топлива в России составит 42,4 млн т и 42,7 млн т в год соответственно (прирост к текущему уровню составляет 2,1 млн т и 2,4 млн т) [6].

Для более точной оценки экономических последствий проведения модернизации все российские НПЗ были разделены на три группы (табл. 1).

Таблица 1

Разделение заводов на группы

Группа	Заводы	Общий объем переработки
Группа 1	ОАО «Уфимский нефтеперерабатывающий завод», ЗАО «Рязанская нефтеперерабатывающая компания», ООО «РН-Туапсинский НПЗ» и т. д.	101 млн т
Группа 2	ОАО «Ангарская нефтехимическая компания», ОАО «Ачинский нефтеперерабатывающий завод», ОАО «ТАИФ-НК» и т. д.	113 млн т
Группа 3	ЗАО «Антипинский НПЗ», ООО «РН-Комсомольский НПЗ», ООО «ЛУКОЙЛ-Ухтанефтепереработка» и т. д.	61 млн т

Первая группа — НПЗ с глубокой переработкой и/или выгодной географической локацией; общий выпуск продукта — примерно 100 млн т в 2013 году. Вторая группа — НПЗ с глубокой переработкой и невыгодной географической локацией, глубина переработки близка к общероссийскому показателю, также НПЗ с низкой глубиной переработки и выгодной географической локацией; суммарный выпуск — приблизительно 110 млн т в 2013 году. Третья группа — НПЗ с высокой долей выхода мазута в структуре выхода (более 30%) и/или с относительно невыгодной географической локацией; суммарный выпуск — порядка 60 млн т в 2013 году. В отношении каждой группы НПЗ были рассмотрены три сценария, ключевые условия по которым представлены в табл. 2.

Таблица 2

Прогнозные сценарии для расчета маржи в 2016 году

Сценарий	Конфигурация НПЗ	Ставки экспортных пошлин			
		Нефть	ДТ	Мазут	Бензин/ нафта
Сценарий 1	Модернизованная	55%	61%	66%	90%
Сценарий 2	Модернизованная	55%	61%	100%	90%
Сценарий 3	Текущая	55%	61%	100%	90%

Первый сценарий. Согласно расчетам, переход к налоговым условиям 2016 года в виде снижения экспортной пошлины на нефть и дизельное топливо при проведении запланированной модернизации приведет к существенному росту маржи переработки. По первой группе рост составит 6,2 долл./бар., второй — 7,5 долл./бар., третьей — 1,3 долл./бар. (рис. 10).

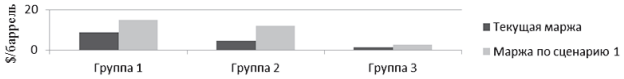


Рис. 10. Маржа переработки по группам заводов с учетом первого сценария (долл./бар.)

Рост себестоимости нефтепереработки за счет роста экспортного «нетбэка» частично компенсируется увеличением «нетбэка» по ДТ. Текущая маржа равна 8,3 долл./бар., Netback нефти — 1,5 долл./бар., Netback ДТ — 1,5 долл./бар., эффективность от модернизации повысит маржу на 6,3 долл./бар., (рис. 11).

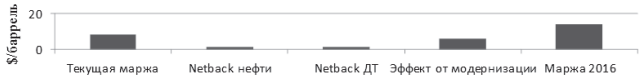


Рис. 11. Изменение маржи переработки НПЗ первой группы к 2016 году (долл./бар.)

После проведения модернизации НПЗ первой группы будут получать маржу в размере около 14 долл./бар. Аналогичный показатель для заводов второй и третьей групп составляет 10 и 3 долл./бар. соответственно.

Второй сценарий. Текущая маржа по первой группе равна 9 долл./бар., по первому сценарию — 15 долл./бар., по второму — 11 долл./бар. Для второй группы текущая маржа — 5 долл./бар., по первому сценарию — 12 долл./бар., по второму — 6 долл./бар. Для третьей группы текущая маржа — 2 долл./бар., по первому сценарию — 3 долл./бар., по второму — 4 долл./бар. (рис. 12).

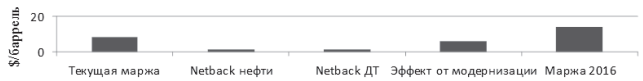


Рис. 12. Маржа переработки по группам заводов после 2016 года с учетом второго сценария

При выравнивании пошлин на мазут и сырую нефть при условии завершения модернизации прибыльность заводов первой и второй групп превышает текущую на 1—2 долл./бар., для заводов третьей убыток на баррель нефтепереработки составит приблизительно 6 долл.

Третий сценарий. Обозначенные налоговые изменения приведут к закрытию производства на предприятиях второй и третьей групп, суммарная переработка которых составила более 170 млн т в 2013 году, или 64% от суммарных объемов переработки в РФ. Лучшие на данный момент заводы первой группы, маржа переработки которых составит около 1,5 долл./бар., что сопоставимо с текущим показателем заводов в Европе.

Таблица 3

Анализ чувствительности маржи переработки НПЗ первой группы к изменениям цен на нефть и ставки экспортной пошлины

		Цены на нефть, долл./бар.						
		50	60	70	80	90	100	110
Ставки пошлины на мазут	66%	1	4	6	9	11	13	15,3
	70%	1	4	6	8	11	13	15
	80%	1	3	5	7	9	11	13
	90%	0	2	4	6	8	10	12
	100%	-1	1,6	3	5	7	9	10

НПЗ, имеющие глубину переработки на уровне 85%, сохраняют прибыльность при нефтяных котировках на отметке в 60 долл./бар. При условии повышения ставки экспортной пошлины на мазут до 100%. Снижение цен в дальнейшем приведет к убыткам, которые понесут наиболее развитые заводы России. Экономика заводов второй группы демонстрирует достаточно высокую финансовую прочность, хотя и в меньшей степени по сравнению с первой группой. Заводы смогут получать прибыль, если цена на нефть достигнет 80 долл./бар., а экспортная пошлина на мазут составит 100% от пошлины на сырую нефть. При приближении стоимости нефти к 60 долл./бар. предприятия начинают нести убытки. Выход ГП по темным нефтепродуктам по целому ряду заводов третьей группы останется высоким. Вследствие этого даже при ценах на нефть (110 долл./бар.) повышение ставки пошлины на мазут с 66 до 100% (и даже до 90%) от нефтяной опустит маржу нефтепереработки до уровня ниже нулевой отметки.

По моему мнению, важнейшей задачей является обеспечение тесной взаимосвязи целого ряда тщательно просчитанных элементов, которые должны включать как возможные изменения операционных параметров (соотношение между объемами добычи, переработки и выпуска продуктов нефтепереработки по видам), так и различные сценарии ценовых колебаний. Принципиальным является вопрос соответствия динамики подобного маневра ходу модернизации российских НПЗ. Если выбор остановится на сохранении действующей в настоящий момент фискальной концепции «60—66-90-100», то до завершения модернизационных преобразований отрасль рискует остаться неготовой к введению 100%-ной ставки экспортной пошлины на мазут. Согласно экспертным расчетам, максимально возможное увеличение ставки не может превышать 75—80% от вывозной таможенной пошлины на нефть. Выпадающие доходы бюджета подлежат компенсации за счет увеличения НДПИ (что потребует рост базовой ставки в 2015 году с 530 до 775 руб./т). Однако такие меры приведут к очередному росту налогового бремени для нефтедобытчиков, проблемы которых без постепенного введения налога на финансовый результат взамен существующей модели налогообложения будут усугубляться на фоне ухудшения геологоразведочных условий разработки месторождений. Какой путь ни избрало бы государство, принятие любых важных налоговых решений требует системного подхода к созданию рабочих групп с привлечением представителей заинтересованных федеральных органов исполнительной власти России, участников рынка, а также отраслевых экспертов и аналитиков. В противном случае подобный идеализм может нарушить достигнутое равновесие и оказать негативное воздействие как на отрасль, так и на доходы бюджета России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/main/rosstat/stat/efficiency/ (дата обращения: 01.05.2015).

2. Международный форум нефтяных промышленников [Электронный ресурс]. URL: http://burneft.ru/docs/ogsws2011 (дата обращения: 05.02.2015).

3. Киселица Е. П. Использование нейросетевых подходов в качестве инструмента реализации технологии экономического управления на предприятии // Экономика, управление и учет на предприятии. 2006. № 3/4. С. 151—153 [Электронный ресурс]. URL: http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1088 (дата обращения: 03.07.2015).

4. Бадмахалгаев Л. Ц., Павлова Н. Ц. Модернизация нефтегазового комплекса и инновационные стратегии развития нефтедобывающих компаний // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3. С. 100—102.

5. Павлова Н. Ц. Развитие нефтегазового комплекса России: проблемы и перспективы налогового и тарифного регулирования // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 2. С. 141—143.

6. Огородникова И. И. Формирование налоговой политики государства в интересах роста производственного и человеческого капитала // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 1. С. 52—55.

REFERENCES

1. Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/main/rosstat/stat/efficiency/ (date of viewing: 01.05.2015).

2. International forum of oil industrialists [Electronic resource]. URL: http://burneft.ru/docs/ogsws2011 (date of viewing: 05.02.2015).

3. Kiselitsa E. P. Use of neural network approaches as the instrument of implementation of technology of economic management at the enterprise // Economy, management and the accounting at the enterprise. 2006. № 3/4. P. 151—153 [Electronic resource]. URL: http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1088 (date of viewing: 03.07.2015).

4. Badmakhalgayev L. Ts., Pavlova N. Ts. Modernization of the oil and gas complex and innovative strategy of development of the oil-

mining companies // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 3. P. 100—102.

5. Pavlova N. Ts. Development of the oil and gas complex of Russia: problems and prospects of tax and tariff regulation // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 2. P. 141—143.

6. Ogorodnikova I. I. Formation of the state tax policy in the interests of growth of the production and human capital // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2015. № 1. P. 52—55.

УДК 338.22
ББК 65.011.151

Gavrilov Dmitriy Andreevich,
post-graduate student of the department
of economics and management in power engineering
of Peter the Great Saint-Petersburg
Polytechnic University,
Saint-Petersburg,
e-mail: science@amm.su

Гаврилов Дмитрий Андреевич,
аспирант кафедры экономики
и менеджмента в энергетике
Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: science@amm.su

ОСОБЕННОСТИ И ПРЕИМУЩЕСТВА АДАПТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМИ ПРОИЗВОДСТВАМИ

FEATURES AND BENEFITS OF ADAPTIVE CONTROL OF INNOVATIVE INDUSTRIES

В статье исследуются особенности управления инновационными производствами. На основе анализа статистических данных о реализации инновационной деятельности сформулированы приоритетные направления совершенствования системы управления инновационными производствами. С учетом современных условий реализации инновационной деятельности в национальной экономике сформулирован вывод о необходимости развития механизма адаптивности инновационных производств. В результате теоретико-методологического исследования сущности адаптивного управления определены источники адаптивности инновационных производств. В заключении систематизированы характеристики и обоснованы преимущества адаптивного управления инновационными производствами.

The article examines features of innovative industries management. Based on the analysis of statistical data of implementation of innovative activities, the work formulated the priority directions of improvement of the innovative industries management system. Taking into account the modern conditions of implementation of innovative activity of the national economy, the conclusion about the necessity of development of the mechanism of adaptability of innovative industries is made. As a result the theoretical and methodological study of the essence of adaptive management, the sources of adaptability of innovative industries are identified. In conclusion, the characteristics and the advantages of adaptive management of innovative industries are systemized and justified.

Ключевые слова: инновационное развитие, инновационная деятельность, национальная экономика, инновации, инновационные производства, инновационный потенциал, система управления, адаптивное управление, адаптивность, механизм адаптивности.

Keywords: innovative development, innovative activity, national economy, innovations, innovative industries, innovation potential, management system, adaptive management, adaptability, mechanism of adaptability.

Функционирование национальной экономики в соответствии со стратегией инновационного развития в настоящее время сталкивается с определенными сложностями, вызванными происходящими в мировой экономической системе изменениями — значительным сокращением участия страны в международных отношениях, а также вызванной оттоком иностранного капитала диспропорциональностью макроэкономических показателей. Эти сложности отражаются на всех сферах деятельности государства, но особое влияние оказывают на инновационную деятельность, интенсивность которой зависит от доступности ресурсов для хозяйствующих субъектов.

В связи с тем, что инновационная деятельность является капиталоемкой (речь идет как о физическом, так и денежном капиталах, а также интеллектуальном капитале), инновационным производствам необходима государственная поддержка, выраженная в последовательной реализации мероприятий по:

1. Формированию условий для реализации инновационной деятельности:

— повышению качества интеллектуального капитала страны;

— наличию элементов инновационной инфраструктуры.

2. Созданию экономических стимулов для реализации инновационной деятельности:

— обеспечению доступности ресурсов для инновационной деятельности;

— формированию специальных программ финансирования (бюджетные трансферты, льготное кредитование, механизмы налогообложения) инновационных предприятий.

3. Закреплению рыночного спроса на инновационную продукцию:

— формированию рыночных ниш для инновационных предприятий на основе стимулирования к внутристрановой интеграции (в том числе в форме протекционистской политики государства);

— стимулированию к внедрению инновационной продукции отечественного производства на предприятиях (через систему налоговых преференций) и др.

На основе реализации указанных направлений и форм государственной поддержки в национальной экономике могут быть сформированы устойчивые стимулы для развития инновационных производств. Однако для полного использования созданных условий хозяйствующим субъектам необходимо иметь собственные механизмы адаптации к изменяющимся рыночным реалиям, в соответствии с чем в настоящей статье поставлена задача исследовать адаптивное управление как способ обеспечения гибкого реагирования инновационных производств на макроэкономические изменения, что позволит сохранить и повысить уровень инновационной активности в условиях макроэкономической нестабильности, а также использовать вновь создаваемые государством стимулы инновационного развития.

Адаптивное управление является особым видом управления хозяйствующими субъектами, позволяющим использовать внутренние резервы эффективности для преодоления негативного воздействия внешней среды на деятельность. Вместе с тем адаптивное управление в настоящее время является частью конкурентных стратегий предприятий, и возможности его использования в инновационной деятельности изучены недостаточно. С учетом того, что инновационные производства имеют ряд существенных отличий от других хозяйствующих субъектов, адаптивное управление также будет иметь отличительные особенности. Для выявления этих особенностей и обоснования преимуществ и недостатков адаптивного управления инновационной деятельностью охарактеризуем отличительные черты инновационных производств, а затем проанализируем содержание адаптивного управления.

Судя по результатам анализа работ [1; 2; 3; 4; 5], инновационная деятельность направлена на создание и освоение новшеств продуктового или процессного характера и основана на использовании результатов научных исследований самого предприятия или других субъектов рыночных отношений. То есть авторами указывается, что целью инновационной деятельности является освоение новшества, которое создано в результате использования новых знаний. Однако на сегодняшний день следует отметить существование различных трактовок понятия «инновационная деятельность», в которых выделяются различные аспекты этого процесса:

— интеллектуальный потенциал;

— технология производства;

— потребительские предпочтения.

Именно многоаспектность позволяет внедрить инновационную деятельность в функционирование хозяйствующего субъекта, так как инновационная деятельность имеет целью совершенствование управленческой, производственной, маркетинговой политики, то есть результатами инновационной деятельности могут стать новшества в форме технологических, маркетинговых или управленческих инноваций. Таким образом, хозяйствующий субъект становится инновационным путем внедрения инновационного процесса (разработка и освоение инноваций) в основные виды деятельности. В настоящей работе такие хозяйствующие субъекты и называются инновационными производствами, получаемые экономические результаты которых прямо и косвенно зависят от условий реализации инновационной деятельности.

Одновременно с этим необходимо указать и характеристики инновационных производств, отличающие их от других хозяйствующих субъектов (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ инновационных производств и других хозяйствующих субъектов [6; 7; 8]

Признак сравнения	Хозяйствующие субъекты (неинновационные)	Инновационные производства
1. Организация деятельности	На основе использования ресурсов осуществляется простое и расширенное воспроизводство	Деятельность направлена на формирование прибавочного продукта за счет внедрения инноваций
2. Ресурсное обеспечение	В качестве ресурсов выступают основные факторы производства	Кроме основных факторов производства задействуются интеллектуальный потенциал и инновационная инфраструктура
3. Потенциал развития и экономического роста	Долгосрочное развитие основано на повышении эффективности использования ресурсов — формировании детерминантов устойчивости	Источником долгосрочного развития является инновационный потенциал, который представляет собой совокупность факторов реализации инновационной деятельности
4. Структурный состав хозяйствующего субъекта	В организационную структуру входят подразделения, осуществляющие основную деятельность	Организационная структура включает специализированные подразделения, выполняющие научную и инновационную деятельность

Согласно данным таблицы, отличия инновационных производств от других хозяйствующих субъектов связаны с инновационным процессом, успешная реализация которого возможна при изменении системы производства и организационной структуры, что оказывает значительное влияние на саму систему управления инновационными производствами. Вместе с тем, как указано в таблице, долгосрочное развитие инновационных производств зависит от использования инновационного потенциала, условия накопления и развития которого зависят от сформировавшихся тенденций инновационного развития национальной экономики.

В соответствии с данными Федеральной службы государственной статистики в табл. 2 приведены сведения о реализации инновационной деятельности в 2010—2013 годах.

Таблица 2

Динамика реализации инновационной деятельности в 2010—2013 годах [9; 10]

Показатель	Значение показателя по годам				Прирост к 2013 году, %
	2010	2011	2012	2013	
Доля инновационно активных хозяйствующих субъектов, % от всех хозяйствующих субъектов	9,5	10,4	10,3	10,1	0,6

Окончание табл. 2

Показатель	Значение показателя по годам				Прирост к 2013 году, %
	2010	2011	2012	2013	
Объем выполненных научно-инновационных работ, млрд руб. в действующих ценах	1243,7	2106,7	2872,9	3507,8	182
в т. ч. доля выполненных научно-инновационных работ промышленного сектора, % от общего объема научно-инновационных работ	12,2	24,5	18,2	14,9	2,7
Количество научно-инновационных подразделений промышленного сектора, ед.	238	280	274	266	11,8
Средний объем научно-инновационных работ, выполненных подразделениями промышленного сектора, млн руб. в действующих ценах	636,9	1845,6	1908,4	1966,9	208,8

Как представлено в табл. 2, в анализируемом периоде доля инновационно активных хозяйствующих субъектов составляла около 10% от всех обследуемых субъектов, данный показатель характеризуется незначительным ростом (0,6% в 2013 году относительно 2010 года). В то же время объем выполненных инновационно активными хозяйствующими субъектами научно-инновационных работ увеличился к 2013 году на 182%, причем наибольший прирост произошел в 2011 году (69,4%). Аналогично происходило и изменение объемов научно-инновационных работ промышленного сектора — от 151,7 млрд руб. в 2010 году (12,2% от общего объема научно-инновационных работ хозяйствующих субъектов) к 522,6 млрд руб. в 2013 году (прирост 2,7%). Наиболее благоприятными являются 2011—2012 годы, в которых доля научно-инновационных работ промышленного сектора в общем объеме таких работ всех хозяйствующих субъектов была максимальной (516,1 млрд руб. в 2011 году — 24,5%, 522,9 млрд руб. в 2012 году — 18,2%). То есть приращение доли промышленного сектора в общем объеме научно-инновационных работ хозяйствующего субъекта в 2011 году относительно 2010 года составило 12,3%. Немаловажными для инновационного развития хозяйствующих субъектов являются и показатели динамики количества научно-инновационных подразделений: так, в 2013 году прирост составил 11,8% относительно 2010 года, что связано как с увеличением доли инновационно активных субъектов промышленного сектора, так и с необходимостью обеспечения более высоких объемов научно-инновационных работ. При этом в анализируемом периоде наблюдалось не только увеличение количества научно-инновационных подразделений, но и рост их эффективности: средний объем выполненных научно-инновационных работ в расчете на одно научно-инновационное подразделение промышленного сектора составил 208,8% в 2013 году относительно 2010 года.

В целом на основании представленных в таблице данных можно сделать вывод о том, что в рассматриваемом периоде развитие инновационной деятельности происходило неравномерно, что подтверждается резким скачком всех показателей в 2011 году и дальнейшим постепенным снижением в 2012—2013 годах. Несмотря на то что по итогам четырехлетнего периода наблюдается рост показателей, необходимо проанализировать возможные причины неравномерного развития.

В табл. 3 приведены статистические данные о направлениях расходования финансовых средств по видам инновационной деятельности в 2010—2013 годах.

Таблица 3

Динамика расходования финансовых средств по видам инновационной деятельности в 2010—2013 годах [10]

Показатель	Значение показателя по годам, млрд руб. в действующих ценах				Прирост к 2013 году, %
	2010	2011	2012	2013	
1	2	3	4	5	6
Исследование и разработка	72,0	69,8	118,8	152,3	111,5
Производственное проектирование, дизайн и другие разработки	25,7	25,6	31,5	38,2	48,5
Приобретение машин и оборудования	190,5	285,9	322,2	441,6	131,7
Приобретение новых технологий и программных средств	8,9	7,3	18,8	14,5	63,4
Другие виды подготовки производства	25,4	39,9	45,4	37,1	46,1
Обучение и подготовка персонала	0,8	1,8	3,7	1,9	126,2
Маркетинговые исследования	1,9	1,4	1,1	1,1	-41,8
Прочие затраты	24,4	37,6	42,3	59,9	145,9

В табл. 3 представлена динамика затрат на различные виды инновационной деятельности, выделяемые Росгосстатом при анализе инновационного развития хозяйствующих субъектов [9; 10]. Согласно приведенным данным, в 2013 году относительно 2010 года максимальный прирост затрат наблюдался в сфере материально-технического обеспечения инновационной деятельности — приобретении машин и оборудования (251,1 млрд руб., или 131,7%), в сфере обучения и подготовки персонала (1,1 млрд руб., или 126,2%), а также в сфере исследований и разработок (80,3 млрд руб., или 111,5%). При этом в общем объеме затрат на инновационную деятельность хозяйствующих субъектов промышленного сектора (349,6 млрд руб. в 2010 году, 469,3 млрд руб. в 2011 году, 583,8 млрд руб. в 2012 году и 746,6 млрд руб. в 2013 году) наибольшая доля

направлена на приобретение машин и оборудования (54,5% в 2010 году, 60,9, 55,2, 59,1% в 2011—2013 годах соответственно), далее следуют исследования и разработки (20,6, 14,9, 20,3, 20,4% в каждый год анализируемого периода соответственно). Что касается обучения и подготовки персонала, то их доля составляет 0,6% и менее. Отрицательный рост расходов в анализируемом периоде наблюдался только в области маркетинговых исследований, однако снижение объемов затрат происходило равномерно. Рассматривая другие показатели, необходимо обратить внимание на значительное сокращение в 2013 году относительно 2012 года объемов затрат на обучение и подготовку персонала, а также подготовку производства (на 48,6 и 18,3% соответственно).

Все это свидетельствует о том, что причинами неравномерного развития инновационной деятельности являются:

— нестабильность или недостаточность финансирования;

— недостаточность квалифицированных кадров, вызвавшая сокращение числа научно-инновационных подразделений хозяйствующих субъектов.

Таким образом, инновационные производства в национальной экономике сталкиваются с проблемами неравномерного развития инновационной деятельности, обусловленными сформировавшимися в 2011—2013 годах (наибольшие колебания, по данным статистики, происходили именно в этот период) тенденциями. В связи с тем, что установленные по результатам статистического анализа тенденции в основном связаны с внешними факторами, такими как изменение объемов финансирования инновационной деятельности из внешних источников (федеральный и региональные бюджеты, внебюджетные фонды, иностранные источники) [9], происходит перераспределение ресурсов внутри хозяйствующего субъекта и сокращается финансирование отдельных видов инновационной деятельности. Представляется очевидным, что сокращение лимитов ресурсов на отдельные виды инновационной деятельности негативно отражается на развитии инновационных производств в целом. В соответствии с этим целесообразно провести исследование системы управления инновационными производствами и выделить факторы, обеспечивающие их адаптивность и равномерное развитие инновационной деятельности.

Как отмечено в работе [11], адаптивность хозяйствующих субъектов представляет собой свойство, позволяющее выработать эффективную стратегию развития на основе согласования ожиданий субъекта с его реальными рыночными возможностями. В то же время в [12; 13] указано, что адаптивное управление характерно для хозяйствующих субъектов, функционирующих в условиях недостаточности и недостоверности информации об изменениях внешней среды. Для инновационных производств это означает, что в условиях неравномерного инновационного развития национальной экономики, когда прогнозы будущего развития могут быть недостаточно точными, наибольшую эффективность будет иметь именно адаптивное управление.

Рассматривая сущность адаптивного управления, важно учитывать существование различных научно-методических подходов, согласно которым адаптивное управление можно рассматривать как процесс или метод, конкретное действие (управленческое решение) [14]. В соответствии с [15; 16] адаптивное управление — это процесс управления развитием путем принятия соответствующих управленческих решений в условиях динамичного изменения внешней среды, количественных показателей деятельности хозяйствующего субъекта. В [17] также указано, что адаптивное управление позволяет подстроить внешнее окружение под планы развития субъекта, что можно представить, например, как формирование потребительских предпочтений для повышения спроса. То есть адаптивное управление как процесс способствует кратко- и среднесрочному устойчивому развитию субъекта на основании достижения запланированных экономических результатов. Адаптивное управление как метод предполагает обеспечение соответствия показателей развития хозяйствующего субъекта стратегическому плану через корректировку направлений развития и управляющего воздействия, основной целью которого является выживание в рыночных условиях [18]. По данным [19; 20], главной целью адаптивного управления является развитие взаимодействия между внутренней и внешней средой хозяйствующего субъекта, что позволяет сохранять устойчивость при гибком реагировании на возможные изменения. Таким образом, адаптивное управление позволяет выстроить такую систему управления хозяйствующим субъектом, которая позволит преодолеть негативное влияние внешних изменений на устойчивое достижение стратегических планов.

С учетом результатов статистического исследования реализации инновационной деятельности в национальной экономике и анализа сущности адаптивного управления применительно к инновационным производствам совершенствование системы управления должно быть связано с внедрением механизма адаптивности инновационных производств как основы:

— гибкого реагирования на происходящие во внешней среде изменения, вызванные сменой государственных инновационных приоритетов, потребительских предпочтений или условий ресурсного обеспечения инновационной деятельности;

— эффективного взаимодействия с другими хозяйствующими субъектами, государственными и социальными институтами на основе сопоставления стратегических планов развития инновационных производств с тенденциями развития других субъектов;

— реорганизации и оптимизации внутренней структуры (системы управления, организационной структуры производства, системы материально-технического, информационного и финансового обеспечения) инновационного производства для достижения запланированных показателей деятельности.

Вместе с тем для реализации адаптивного управления инновационными производствами необходимо учитывать их специфические черты, которые являются источниками адаптивности (рис.).

Рис. Источники адаптивности инновационных производств

Представленные на рис. источники адаптивности инновационных производств — это факторы устойчивого инновационного развития хозяйствующих субъектов, представленные тремя группами адаптивности (организационная, ресурсная и инновационная). Каждая группа источников адаптивности включает в себя соответствующие факторы. Так, организационная адаптивность обеспечивает перестройку системы управления, организационной структуры и развитие производственной и инновационной инфраструктуры под изменения внешней среды, обеспечивая эффективное функционирование субъекта. Ресурсная адаптивность, представленная системой материально-технического и инвестиционного обеспечения, создает резервы для адаптации инновационных производств к изменениям. В то же время инновационная адаптивность является главной составляющей инновационного производства и включает в себя инновационный потенциал, а также количественные и качественные показатели и критерии инновационной стратегии. Учет перечисленных источников адаптивности при формировании системы адаптивного управления инновационными производствами позволит сформировать и развить внутренние факторы устойчивого развития субъекта на основе использования имеющихся ресурсов.

Таким образом, наиболее значимыми характеристиками адаптивного управления инновационными производствами, отражающими его преимущества перед другими методами управления инновационной деятельностью, являются:

1. Адаптивное управление инновационными производствами представляет собой процесс управления на основе формирования, развития и использования источников адаптивности — особых факторов, влияющих на инновационный потенциал хозяйствующих субъектов и позволяющих укрепить конкурентное положение во внешней среде инновационной деятельности.

2. Система адаптивного управления инновационными производствами должна предусматривать механизмы пассивной и активной адаптации хозяйствующего субъекта к происходящим изменениям внешней среды инновационной деятельности, в том числе к изменению потребительских предпочтений в области инновационной продукции и развития, переходу к следующему научно-техническому укладу, а также совершенствованию государственной инновационной политики.

3. Адаптивное управление инновационными производствами является особым методом управления, включающим способы управления факторами инновационного развития хозяйствующих субъектов и инструменты снижения рисков инновационной деятельности, возникающих в результате изменений внешней среды.

Как показали проведенные исследования, преимущества адаптивного управления инновационными производствами связаны как с возможностями повышения устойчивости хозяйствующих субъектов, так и ростом инновационной активности посредством развития инновационного потенциала, являющегося одновременно и основой реализации инновационной деятельности, и источником адаптивности. Однако малоизученным и дискуссионным остается вопрос о способах развития механизма адаптивности инновационных производств и их связи с этапами инновационного процесса хозяйствующих субъектов, что должно стать направлением дальнейших исследований. Вместе с тем рассмотренные в настоящей работе характеристики адаптивного управления как процесса и метода совершенствования управления инновационными производствами позволяют судить о перспективности данного научного направления в современных условиях инновационного развития национальной экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гаврилов Д. А., Афанасьев М. В., Курбанбаева Д. Ф. Инновационное развитие национальной экономики в контексте современной теории управления социально-экономическими системами // Экономика и предпринимательство. 2014. № 12. Ч. 4. С. 139—142.

2. Еремеев А. А. Концепция инновационного развития промышленности // Экономический журнал. 2011. № 22 [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-innovatsionnogo-razvitiya-promyshlennosti (дата обращения: 01.07.2015).

3. Шматко А. Д. Условия разработки программ инновационного развития предприятий // Мат. X междунар. науч.-практ. конф. «Современный менеджмент: проблемы и перспективы» (26—27 марта 2015 года). СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. С. 356—360.

4. Санто Б. Сила инновационного саморазвития // Инновации. 2004. № 2. С. 5—15.

5. Санто Б. Инновация и глобальный интеллектуализм // Инновации. 2006. № 9. С. 32—44.

6. Соколов К. А. Экономические механизмы и методы повышения эффективности производства наукоемкой продукции // Вестник института экономики РАН. 2009. № 1. С. 285—294.

7. Михеева Т. С. Методы планирования разработки и реализации научно-технической продукции. СПб.: Нестор, 2004. 43 с.

8. Новицкий Н. А. Инновационная экономика России. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 328 с.

9. Наука и инновации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (дата обращения: 05.07.2015).

10. Промышленность России. 2014: Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 326 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_48/Main.htm (дата обращения: 06.07.2015).

11. Дудчак В. В., Потопахин В. А. Динамические структурные изменения и необходимость адаптивного управления в системе: предприятия оборонно-промышленного комплекса — отрасли экономики России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. № 5. С. 11—21.

12. Кашпур А. А. Реализация механизма адаптивного управления в малом и среднем промышленном бизнесе // Экономические науки. 2012. № 10. С. 103—105.

13. Токаренко Г. С. Адаптивно-ситуационное управление предприятиями и корпоративными системами: монография. М.: Изд-во РАН, 2002. 240 с.

14. Бушмелева Г. В. Адаптивное управление промышленным предприятием в конкурентной среде: монография. Екатеринбург: Изд-во Института экономики УрО РАН, 2008. 215 с.

15. Никонова А. Стратегическое планирование и развитие предприятий: основы адаптивного подхода // Проблемы теории и практики управления. 2011. № 9. С. 105—119.

16. Саакян В. А. Теоретические аспекты повышения адаптационного потенциала стратегий малых предприятий в динамичных условиях // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 220—223.

17. Абрамов А. А., Агафонова В. В., Шершаков И. С. Использование системы автономного адаптивного управления на промышленном предприятии // Вестник Самарского государственного экономического университета. Экономика. 2011. № 1. С. 5—9.

18. Овчинников В. Н. Циклический рост и этноэкономика в контексте модернизации // Этноэкономика в модернизационной парадигме развития национального хозяйства: ресурсы устойчивости и резервы адаптивности. Ростов-н/Д, 2004. С. 9—14.

19. Рожков М. Н. Предпосылки развития адаптивного управления и факторы изменчивости бизнес-среды // Экономические науки. 2010. № 2. С. 256—259.

20. Андреев С. Н., Быховец С. Н. Методология построения подсистемы адаптивного управления товарным ассортиментом системы маркетинга производственного предприятия // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2006. № 6. С. 520—529.

REFERENCES

1. Gavrilov D. A., Afanasiev M. V., Kurbanbayeva D. F. Innovative development of the national economy in the context of the modern theory of socio-economic systems // Economics and entrepreneurship. 2014. № 12. Vol. 4. P. 139—142.

2. Eremeev A. A. Concept of innovative development of industry // Economic journal. 2011. № 22 [Electronic resource]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-innovatsionnogo-razvitiya-promyshlennosti (date of viewing: 01.07.2015).

3. Shmatko A. D. The conditions of development programs of innovative development of the enterprises // Materials of the X international scientific-practical conference «Modern management: problems and prospects» (March 26—27, 2015). St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State Economic University, 2015. P. 356—360.

4. Santo B. Power of innovative self-development // Innovations. 2004. № 2. P. 5—15.

5. Santo B. Innovation and global intellectualism // Innovations. 2006. № 9. P. 32—44.

6. Sokolov K. A. Economic mechanisms and methods to improve the efficiency of production of high technology products // Bulletin of the Institute of Economics, RAS. 2009. № 1. P. 285—294.

7. Mikheeva T. S. Planning methods of development and realization of scientific-technical products. St. Petersburg: Nestor, 2004. 43 p.

8. Novitsky N. A. Innovative economy of Russia. M.: Librokom, 2009. 328 p.

9. Science and innovation [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (date of viewing: 05.07.2015).

10. Industry of Russia. 2014: stat. sat. / The Rosstat. M., 2014. 326 p. [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_48/Main.htm (date of viewing: 06.07.2015).

11. Dudchak V. V., Potapkin V. A. Dynamic structural changes and the need for adaptive management in the system: enterprises of the military-industrial complex sector of the Russian economy // Economic Bulletin of the Rostov State University. 2005. № 5. P. 11—21.

12. Kashpur A. A. Implementation of a framework for adaptive management in small and medium industrial business // Economics. 2012. № 10. P. 103—105.

13. Tokarenko G. S. Adaptive and situational management of enterprises and enterprise systems: monograph. M.: Publishing house of the Russian Academy of Sciences, 2002. 240 p.

14. Bushmeleva G. V. Adaptive management of industrial enterprise in a competitive environment: monograph. Ekaterinburg: Publishing house of the Institute of economics, Ural branch of RAS, 2008. 215 p.

15. Nikonova A. Strategic planning and development of enterprises: the foundations of adaptive management // Problems of theory and management practice. 2011. № 9. P. 105—119.

16. Saakyan V. A. Theoretical aspects of enhancing adaptive capacity strategies of small enterprises in dynamic conditions // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 220—223.

17. Abramov A. A., Agafonova V. V., Sharshakov I. S. The use of autonomous systems of adaptive management at the industrial enterprise // Bulletin of Samara State University of Economics. Economics. 2011. № 1. P. 5—9.

18. Ovchinnikov V. N. Cyclical growth and ethnic economics in the context of modernization // Ethnic economics in modernization paradigm of development of the national economy: resources, sustainability and reserves of adaptability. Rostov-on-Don, 2004. P. 9—14.

19. Rozhkov M. N. Preconditions for development of adaptive control and variability factors of business environment // Economic science. 2010. № 2. P. 256—259.

20. Andreev S. N., Bykhovets S. N. Methodology of constructing of adaptive control subsystem for managing product range of the production facility marketing system // Marketing and marketing research. 2006. № 6. P. 520—529.

УДК 316.46
ББК 60.524.225

Galaktionov Sergey Evgenievich,
post-graduate student of the department
of production management
of Kaliningrad State Technical University,
Kaliningrad,
e-mail: ser.galakt@gmail.com

Dolgaya Angelina Alexeevna,
candidate of economics, associate professor
of the department
of production management
of Kaliningrad State Technical University,
Kaliningrad,
e-mail: Angelina@com-con.ru

Галактионов Сергей Евгеньевич,
аспирант кафедры управления производством
Калининградского государственного
технического университета,
г. Калининград,
e-mail: ser.galakt@gmail.com

Долгая Ангелина Алексеевна,
канд. экон. наук, доцент
кафедры управления производством
Калининградского государственного
технического университета,
г. Калининград,
e-mail: Angelina@com-con.ru

ВЛИЯНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИДЕРСТВА НА СИЛУ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

INFLUENCE OF LEADERSHIP PATTERN ON THE ORGANIZATIONAL CULTURE POWER

В статье проведен анализ и сформулированы методы и инструменты исследования взаимосвязи стиля лидерства, типа организационной культуры и ее силы. Приведен обзор зарубежных и отечественных подходов к определению и диагностированию лидерства. На основе сформулированной авторами гипотезы о влиянии стиля лидерства на силу организационной культуры проводится сопоставление характеристик лидера и силы культуры в организации, а также определяется методология оценки стиля лидера и его влияния на организационную культуру и уровня конформности как показателя силы культуры в организации. В статье приведены и адаптированы для целей исследования зарубежные инструменты оценки типов лидерства и организационной культуры.

The article presents analysis and formulates methods and instruments of research of the interconnection between leadership style, organizational culture type and its power. The article presents review of foreign and domestic approaches to definition and diagnostic of leadership. Based on the hypothesis formulated by authors regarding influence of leadership style on organizational culture power, the comparison of leader characteristics and organizational culture power is done, as well as methodology of the leader style assessment and its impact on the organizational culture and level of conformity as the indicator of cultural power in an organization is determined. The article provides contemporary overseas instruments for assessment of leadership types and organizational culture, which are adopted for the purposes of research.

Ключевые слова: лидерство, стили лидерства, ситуационное лидерство, оценка лидера, организационная культура, сила организационной культуры, конформизм, конформность, LBDQ (опросник описания поведения лидера), эффективность управления, тип организационной культуры, OCAI.

Keywords: leadership, leadership styles, situational leadership, assessment of leadership, organizational culture, power of organizational culture, conformism, conformity, LBDQ (Leadership Behavior Description Questionnaire), management efficiency, organizational culture power type, OCAI.

В настоящее время цикл смены технологической и управленческой мысли в экономике невообразимо быстр: знания устаревают, на смену только что вышедшему программному обеспечению тут же приходит новое, а только что введенное в строй оборудование требует апгрейда для того, чтобы не отставать от конкурентов. Все нововведения и инновации в организации часто идут вразрез с мировоззрением сотрудников, чье базовое образование и привычки ограничивают их желания и возможности принимать изменения. В таких случаях в управлении изменениями определяющим параметром эффективности изменения является позиция лидера и его влияние на организационную культуру и ее силу.

Основной целью представленной работы является определение связи различных характеристик лидерства и силы организационной культуры.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

1) изучение понятия «лидерство», его стилей и характеристик, сопоставление различных подходов к определению данного понятия;

2) сопоставление различных стилей лидерства с типами организационной культуры;

3) сопоставление методик оценки характеристик лидерства с методом оценки силы организационной культуры;

4) определения влияния характеристик лидерства на силу организационной культуры;

5) обобщение результатов исследования, вывод.

Материал и методы исследования — теоретический и практический аспект исследования понятия лидерства, его стилей и характеристик, а также методология исследования организационных культур, анкетирование, наблюдение.

Практическая значимость: данное исследование даст возможность определить точки влияния лидерства в организации на силу и характеристику организационной культуры,

что позволит прогнозировать и проектировать оптимальное управление изменениями в организации.

Вопрос исследования феномена лидерства волнует ученых с древних времен до наших дней, и подходы в их исследованиях постоянно меняются. Классическая методология классификации и исследования лидерства сменяется понятием ситуационного лидерства [1]. Современные ученые разделяют понятия собственников, управленцев и лидеров, не исключая возможности соответствия одного индивида как нескольким понятиям, так и ни одному. Разработкой критериев оценки лидеров и эффективности их работы занимаются социологи, психологи и экономисты, что порождает достаточно разные подходы к оценке данного понятия. В то же время все ученые говорят о необходимости учета характеристик лидера при исследовании организационной культуры, а некоторые — о том, что возникновение организации (и уж тем более ее культуры) невозможно без лидера. В последнее время появился ряд кросс-специальных исследований, которые выявляют взаимосвязи между стилем лидерства, характеристиками организационной культуры и производительностью предприятия, уровнем лояльности потребителей, характеристикой восприимчивости к изменениям и конкурентоспособностью предприятия.

В XX веке ученые также провели демаркацию между классическими и неклассическими подходами: в классическом подходе трактуется, что лидерское поведение определено психологически и лидер не склонен менять его со временем в зависимости от изменения ситуации. В подходе ситуационного лидерства — неклассическом подходе — принято считать, что эффективный лидер изменяет свое поведение в зависимости от ситуации, применяя в ряде ситуаций гибкость или жесткость.

Теория ситуационного лидерства была разработана учеными Полом Херси (Paul Hersey) и Кеном Бланшаром (Ken Blanchard). В 1960-х годах теория впервые была описана ими в книге «Management of Organizational Behavior» (1960).

Американский исследователь, предприниматель и преподаватель Ицхак Адизес вместе со своим институтом занимается вопросами лидерства и управления изменениями уже более 20 лет, но в последнее время также обратил пристальное внимание на связь лидера, организационной культуры и восприимчивости организации к изменениям, проводя масштабное исследование успешных и неудачных примеров среди крупных корпораций и сопоставляя их с целью нахождения закономерностей влияния лидеров на организационную культуру и предприятия [2].

Дмитрий Доника, доцент Волгоградского института бизнеса, в своих исследованиях о кросс-культурных подходах в изучении лидерства касается понятия эффективности лидера в организации, определяя его отношения с группой (которые регламентируются организационной культурой) как предмет исследования и оптимизации кадровой политики предприятия [3].

Авторы настоящей статьи сформулировали понятие силы организационной культуры как величину конформизма или совпадения базовых ценностей сотрудников и лидера организации [4]. Была сформулирована гипотеза о существовании определенной взаимосвязи между типом лидерства и силой организационной культуры.

Однако вопросы влияния типа лидера на тип и силу культуры организации остаются малоисследованными. Необходимость подтверждения или опровержения выдвинутой гипотезы поставила авторов перед необходимостью проведения исследования и оценки возможной связи между этими явлениями.

Понятие лидерства. Стили лидерского поведения

В определении классического понятия лидерства преуспели Майкл Мескон и его коллеги, которые в исследовании основ менеджмента привели сразу два определения лидерства:

Лидерство — это средство, с помощью которого руководитель влияет на поведение людей, заставляя их вести себя определенным образом [1].

Лидерство — это способность оказывать влияние на отдельные личности и группы, направляя их усилия на достижение целей организации [Там же].

Таким образом, по этим двум определениям можно и разделить лидерство в соответствии с классическим его пониманием на формальное (лидерство с позиции занимаемой в организации должности) и неформальное (лидерство с позиции признания организацией определенных личностных качеств.

Стили лидерства — это совокупность характерных для лидера приемов и способов решения задач управления, то есть это система постоянно применяемых методов руководства.

Стили лидерства классически делятся на три основные категории — авторитарный, демократичный и либеральный. Авторитарный стиль лидерства подразумевает жесткие способы управления, всякое пресечение чьей-либо инициативы и обсуждения принимаемых решений. Работа персонала строится в соответствии с четко определенными инструкциями. Демократичный стиль лидерства заключается в коллегиальности принятия решений, то есть учитывается мнение подчиненных. Идеи группы принимаются, но при этом руководитель сам контролирует и направляет работу. Либеральный стиль лидерства предполагает преимущественное развитие горизонтальных связей. Позиция лидера — находиться незаметно в стороне от группы. Лидер не дает указаний. Работа складывается из отдельных интересов участников группы.

В последнее время все большую популярность набирает концепция ситуационного лидерства, которая предполагает использование одного из четырех стилей управления в зависимости от конкретной ситуации и уровня способности и мотивации сотрудников на решение задач в этой ситуации [5].

Большинство современных зарубежных (азиатских и американских) исследований лидерского поведения базируется на рамочной модели конкурирующих ценностей Роберта Куинна. Данная модель предполагает достаточно большую вариативность лидерских типов поведения, укладывая их в одном из квадрантов, образованных пересечением двух осей: оси внутренней и внешней фокусировки, а также оси контроля-гибкости (рис. 1). Так как данная методология мало представлена в отечественных исследованиях, стоит привести примеры классификации поведений: для Квадранта 1 (Модель открытых систем) они Инноваторы (готовы пробовать новые подходы) и Брокеры (встречаются с людьми из-за пределов для переговоров). Те, что в Квадранте 2 (Модель рациональных целей) являются Продюсерами (ориентированные на задачи, их работа сосредоточенна) и Директорами (обеспечивают структуру, строят планы и ставят цели). Те, что в Квадранте 3 (Модель внутренних процессов), являются Координаторами (поддерживают работу) и Наблюдателями (определяют, исполняются ли регламенты и правила). Поведение в Квадранте 4 (Модель человеческих отношений) характерно для Фасилитаторов (поощряют взаимодействие, строят сплоченность) и Менторов (помогают развивать людей, быть внимательными, открытыми и справедливыми) [6].

Рис. 1. Модель лидерского поведения Куинна

Деление на гибкость и стабильность является определяющим для методологии трансформационных и транзакционных лидеров [Там же]. Трансформационные лидеры ориентированы на отношения внутри организации, поддерживают развитие горизонтальных связей и неформальные отношения. Транзакционные лидеры ориентированы на цели и результат — они смотрят на внешнюю среду, ограничивая и контролируя внутреннюю среду жесткими правилами и регламентами [7]. На рис. 1 к трансформационным лидерам можно отнести те, что относятся к Квадрантам 3 и 4, при этом ярко выраженными трансформационными лидерами являются Менторы и Фасилитаторы. К транзакционным лидерам стоит отнести Квадранты 1 и 2, при этом ярко выраженными транзакционными лидерами, сочетающими в себе ориентированность на внешние факторы и стабильность, выступают Директора и Продюсеры.

Определение взаимосвязи организационной культуры и типа лидерства

Одним из первых, но все еще действенным методом выявления типа организационной культуры является опросник, разработанный Камероном и Куинном,— инструмент оценки организационной культуры (OCAI), который разделяет типы организационной культуры на четыре вида: адхократия, иерархия, рынок и клан, каждый из которых имеет свои уникальные особенности. На основе матрицы данной типологии расположим восьмимерную модель лидерского поведения по Куинну (рис. 2).

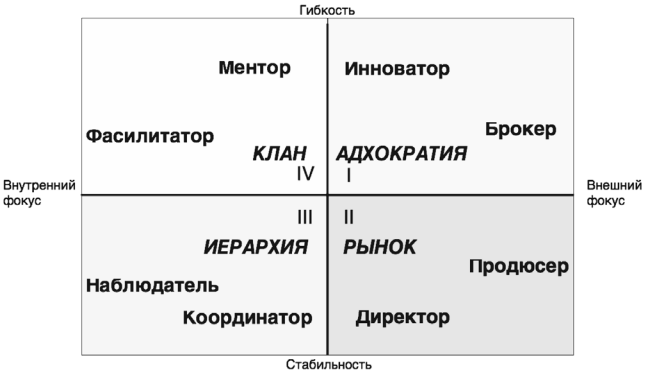


Рис. 2. Связь типов организационной культуры и стилей лидерского поведения

Таким образом, используя модель Куинна и опросник по организационной культуре OCAI, возможно определить тип лидерства в организации и соответствующий ему тип организационной культуры.

Однако использование одной типологии лидерства и одного инструмента оценки в исследовании повышает риск смазывания результатов или даже их отсутствия. Поэтому для дополнительного измерения характеристик лидерства необходимо рассмотреть возможности применения других инструментов.

В целях исследования феномена лидерства и описания лидерского поведения ученые университета Охайо (США) разработали несколько вариаций опросника для описания лидерского поведения (Leader Behavior Description Questionnaire), которые предполагают различные подходы: от самооценки лидером своего поведения до оценки поведения лидера его сотрудниками. В данной методологии поведение лидера разделяют на две основные категории: «Жесткость», когда лидер прикладывает усилия к бюрократизации отношений и управляет с помощью формальных инструментов, и «Гибкость» — когда лидер поддерживает смешение горизонтальных и вертикальных связей внутри организации, управляя с помощью неформальных механизмов.

Использование опросника университета Охайо позволит создать еще одно измерение в оценке характеристик лидера — нацеленность на структурирование и формализацию либо забота и участие.

Зависимость силы организационной культуры от стиля лидерства

Большинство исследователей вопросов корпоративной культуры, групповой динамики и организационной психологии в менеджменте считают культуру независимой переменной. В формируемом авторами исследовании мы рассматриваем ее как переменную, зависимую от типа лидерства [5].

Так как переменная «сила организационной культуры» имеет прямое отношение к культуре и является ее характеристикой, то согласно законам логики и математики зависимости организационной культуры будут оказывать свое влияние и на показатель ее силы [8].

Организационная культура зависит от характеристики лидера и характеристики организационной социализации в организации, следовательно, сила организационной культуры также зависит от этих характеристик. В данном исследовании будет рассмотрено отношение лидерства и организационной культуры.

На основе опросника OCAI выявляется тип организационной культуры (адхократия, иерархия, клан и рынок); с помощью дискретного определения стиля лидерского поведения и отнесения его в тот или иной квадрант типологии организационной культуры выявляется степень соответствия лидерского поведения определенному типу культуры. Анализ осуществляется посредством эмпирического расположения и сопоставления данных на матрице (рис. 2).

Логично предположить, что в случае соответствия сила организационной культуры будет выше, так как подходы лидера будут совпадать с ожидаемым или предпочитаемым типом культуры в организации.

Соответственно, при расхождении стиля лидерского поведения и типа организационной культуры эффективность системы управления должна снижаться и не иметь потенциала роста, так как использование нехарактерных для существующей или предпочитаемой сотрудниками организационной культуры инструментов управления будет подсознательно (или сознательно) отвергаться. Ключевым вопросом становится влияние отношения стиля лидерства и типа организационной культуры на силу организационной культуры.

Сила организационной культуры измеряется сопостав-

лением профилей оценки текущей и предпочтительной организационной культуры сотрудников организации и руководства, сделанным на основе коэффициента конкордации Кендалла для выявления наибольшей правдоподобности экспертных групп. То есть происходит сравнение профилей организационной культуры, градация по их соответствию и корректировка на согласованность экспертных мнений сотрудников и руководства [9].

Практическим результатом исследования силы организационной культуры должно оказаться обнаружение источников роста конкурентоспособности организации и эффективности взаимодействия сотрудников посредством корректировки организационной культуры. Несовпадение стиля лидера и типа организационной культуры будет являться фактором снижения влияния силы организационной культуры как проводника изменений.

Таким образом, при учете показателя силы организационной культуры стоит добавить корректировку на стиль лидерства в организации, что позволит:

1) сделать многофакторную оценку организационной культуры;

2) обоснованно внедрять или убирать различные инструменты управления;

3) давать взвешенную и обоснованную рекомендацию к формированию лидерского поведения.

Многообразие подходов к определению понятия организационной культуры и характеристике явлений, связанных с ней, обязывает исследователей учитывать ситуацию в комплексе, что особенно важно для управления изменениями. Управление изменениями на основе использования показателя силы организационной культуры предполагает аналитику способности организации принимать изменения и формирует портфель инструментов в зависимости от предрасположенности организации к тем или иным характеристикам.

В рамках данной работы было рассмотрено влияние стилей лидерского поведения на организационной культуру и ее силу, обосновано значение использования сопоставления стиля лидерского поведения и типа организационной культуры, а также сформулирована практическая значимость для данного показателя.

Следующим шагом исследователей данного направления должна стать обоснованная математическая модель измерения силы организационной культуры, сведенная вместе с методологией, анкетами, шаблонами и рисунками для использования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Вильямс, 2009. 704 с.

2. Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации. СПб.: Питер, 2011. 312 с.

3. Доника Д. Д. Кросс-культурный подход в изучении лидерства // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 2 (15). С. 238—246.

4. Долгая А. А. Организационная культура как фактор построения системы управления предприятием // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 1 (30). С. 18—21.

5. Херси П., Бланшар К. Менеджмент организационного поведения: управляя человеческим ресурсом / изд. 10-е, испр. Прентис-Холл, 2013. 360 с.

6. Таормина Р. Установление взаимосвязи между поведением лидера, организационной культурой и организационной социализацией // Лидерство и организационное развитие. 2008. № 29. С. 85—102.

7. Макаров С. Л. Управление организационной культурой крупных промышленных предприятий на этапе внедрения инноваций // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 161—165.

8. Галактионов С. Е. Методы измерения силы организационной культуры предприятия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 1 (30). С. 65—69.

9. Котляр И., Караковски Л. Падение через себя к следованию за лидером // Лидерство и организационное развитие. 2007. № 14. С. 38—49.

REFERENCES

1. Meskon M., Albert M., Hedouri F. Fundamentals of Management. M.: Williams, 2009. 704 p.

2. Adizes I. Management of Corporation life-cycle. St. Petersburg: Peter, 2011. 312 p.

3. Donika D. Cross-cultural approach to the study of leadership // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 2 (15). P. 238—246.

4. Dolgaya A. Organizational culture as a factor of company management system development // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. № 1 (30). P. 18—21.

5. Hersey P., Blanchard K. Management of organizational behavior: managing human resources / 10th edition, revised. PrentisHoll, 2013. 360 p.

6. Taormina R. Establishing links between leader behavior, organizational culture and organizational socialization // Leadership and Organizational Development. 2008. № 29. P. 85—102.

7. Makarov S. Management of organizational culture of large industrial enterprises at the stage of innovation // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 1 (22). P. 161—165.

8. Galaktionov S. Methods of the company organizational culture power estimation // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. № 1 (30). P. 65—69.

9. Kotlyar I., Karakovsky L. Fall overhead to follow the leader // Leadership and Organizational Development. 2007. № 14. P. 38—49.

УДК 338.22
ББК 65.011.151

Ivashchenko Lilia Ivanovna,
post-graduate student of the department of management and marketing of Saint-Petersburg Institute of Education in the Sphere of Humanities and Social Sciences,
Saint-Petersburg,
e-mail: 9843039@mail.ru

Иващенко Лилия Ивановна,
аспирант кафедры менеджмента и маркетинга Санкт-Петербургского института гуманитарного образования,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: 9843039@mail.ru

МИКРОЭКОНОМИЧЕСКОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

MICROECONOMIC STIMULATION OF INNOVATIONS

В статье рассматривается проблема стимулирования инновационной деятельности в рамках предприятия, анализируются внутренние факторы инновационного развития предприятия, управление которыми возможно путем стимулирования, и возможность создания внутреннего механизма стимулирования инноваций, проведена классификация форм и методов стимулирования инноваций на предприятии. Выявлен двойственный характер инновационной активности предприятий, сформулированы принципы ее стимулирования на микроэкономическом уровне, обоснована возможность применения стимулирования для решения широкого спектра тактических и стратегических задач управления инновационной деятельностью предприятия. Сделан вывод о необходимости сочетания материального и нематериального стимулирования инновационной деятельности на предприятии.

The problem of stimulating innovations within the enterprise is examined in the article; the internal factors of innovative development of the enterprise are analyzed, which can be managed by incentives, as well as the possibility of creating an internal mechanism for innovations stimulation; classification of the forms and methods of stimulating innovation at the enterprise is fulfilled. The dual nature of innovation activity of enterprises is revealed; the principles of its incentives at the microeconomic level are formulated; the possibility of using incentives for resolution of a wide range of tactical and strategic objectives of management of the enterprise innovation activity is justified. The conclusion is made about the need for a combination of tangible and intangible stimulation of innovation activity at the enterprise.

Ключевые слова: инновации, инновационный процесс, инновационная деятельность предприятия, стимулирование инновационной деятельности, микроэкономическое стимулирование, стимулирующие факторы инноваций, дестимулирующие факторы инноваций, формы стимулирования, методы стимулирования, материальное стимулирование, нематериальное стимулирование.

Keywords: innovations, innovation process, enterprise innovation activity, encouraging innovations, microeconomic incentives, factors stimulating innovations, innovations disincentives, forms of incentives, methods of incentives, financial incentives, non-financial incentives.

Активизация инновационной деятельности представляет собой важнейшую задачу, решение которой должно обеспечить усиление конкурентной позиции российской экономики в мировой экономической системе. На решение этой задачи нацелена совокупность мер государственного воздействия на инновационный процесс в целом, регулирующих скорость его протекания, отраслевые и региональные приоритеты и пропорции, то есть макроэкономическое стимулирование [1].

Однако инновационный процесс реализуется и обретает конкретные формы на уровне отдельных предприятий, и для каждого хозяйствующего субъекта инновации являются потенциальным источником выгод и преимуществ [2]. Так как конкурентная позиция национальной экономики формируется как обобщение результатов отдельных хозяйствующих субъектов с учетом возможной синергии и широкого спектра взаимных и неоднозначных влияний, стимулирование инноваций на микроэкономическом уровне обладает значимостью не только с позиций отдельных хозяйствующих субъектов, но и с позиций развития национальной экономики.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении микроэкономических факторов инновационного процесса, которые могут управляться посредством стимулирования.

Выявление факторов инновационного развития, которыми предприятие имеет возможность управлять путем стимулирования, проводилось на основании анализа научных трудов отечественных и зарубежных авторов, содержащих как результаты теоретического характера, так и данные полевых исследований. Использованы методы классификации, логического вывода, сравнительного анализа и научного обобщения.

В современной экономической литературе инновации часто рассматриваются как универсальный инструмент конкурентной борьбы в среднесрочном и долгосрочном периоде. Опыт успешных инноваторов не противоречит такой точке зрения. Однако имеются результаты исследований, показывающие, что взаимосвязь инновационной активности и конкуренции имеет более сложный характер и может быть охарактеризована как двухфазная. В работе Ф. Агиона, Н. Блума и др. теоретически обосновано и показано на данных по предприятиям Великобритании за длительный временной период, что инновационная активность предприятий имеет тенденцию к увеличению по мере нарастания конкуренции в отрасли до определенного уровня, после достижения которого стремление к инновациям идет на убыль [3]. Иначе говоря, определенная уверенность в сохранении рыночной позиции позволяет предприятиям предпринимать рисковые действия, каковыми и являются инновации. Ужесточение конкурентной борьбы не позволяет предприятиям осуществлять инвестиции с повышенным риском, а также не способствует формированию инвестиционных ресурсов для осуществления инноваций.

Несмотря на отсутствие угроз рыночному положению,

монополизм также не создает предприятию стимулов к инновациям, так как инновации требуют затрат при отсутствии гарантий коммерческого успеха, а монополист, как правило, располагает более «надежными» возможностями увеличения как доходов, так и прибыли.

Выводы упомянутого выше исследования также порождают серьезные сомнения относительно справедливости тезиса о том, что естественной средой функционирования и развития инновационных процессов является малое предпринимательство, как утверждают, например, Т.В. Колосова и И.Н. Парадеева [4]. Невозможно отрицать, что ряд современных научно-технологических проектов был изначально реализован в сфере малого бизнеса, но компании, реализовавшие такие проекты, не являлись субъектами конкурентной борьбы в соответствующей сфере, а имели возможность быстрого роста в условиях патентной защиты их базовых конкурентных преимуществ.

Соглашаясь с мнением, что умеренная степень конкуренции является наиболее благоприятной для инновационной деятельности, авторы полагают, что развитие инновационных процессов невозможно без совершенствования механизмов стимулирования инновационной деятельности [5].

Так как «в зависимости от изменения основных характеристик состояния предприятия по мере его развития и уровня планирования меняются параметры содержания конкурентоспособности предприятия» [6], стимулирование инновационной деятельности необходимо рассматривать с учетом динамического аспекта.

Развитие инновационных процессов на российских предприятиях во многом связано с гетерогенностью экономического пространства и различием адаптивных способностей региональных экономик к инновационным трансформациям [5]. Воздействие макроэкономических стимулов побуждает предприятия к инновациям, и в каждом конкретном случае необходимо проведение работ по созданию механизмов инновационной деятельности, что предполагает временную дестабилизацию сложившихся производственно-сбытовых и управленческих процессов. Следует отметить, что, предпринимая действия по организации инновационной деятельности, предприятия, как правило, не имеют возможности достоверно прогнозировать их коммерческую эффективность. Высокий уровень неопределенности имеет место как в отношении затрат на инновационную деятельность, так и в отношении его коммерческих результатов.

Дополнительно к макроэкономическим стимулам факторы, побуждающие предприятия к ведению инновационной деятельности, могут создаваться на региональном уровне. Однако объективно сложившаяся региональная экономическая ситуация способна оказывать дестимулирующее воздействие, снижая эффективность макроэкономических стимулов [7].

Таким образом, можно выделить два уровня внешнего воздействия на инновационную деятельность предприятий: макроэкономический, то есть общегосударственный, и региональный.

С учетом изложенного выше механизмы инновационной активности и ее стимулирования на микроэкономическом уровне должны строиться с соблюдением следующих принципов:

1. Эффективное использование внешних стимулирующих факторов, развитие, создание и эффективное использование внутренних стимулирующих факторов.

К внешним факторам стимулирования инноваций относятся законодательные меры государственной поддержки инноваций, в том числе установление льгот, прямые дотации и субсидии и т.п. К внутренним факторам, стимулирующим инновационную деятельность предприятий, можно отнести:

— гибкость организационной структуры, инновационно ориентированный стиль руководства, децентрализация, активный информационный обмен с преобладанием горизонтальных потоков информации, автономия, формирование целевых рабочих групп;

— наличие стратегического видения и понимания перспектив технико-технологического развития у руководства предприятия и членов трудового коллектива, наличие креативно мыслящих сотрудников в ключевых подразделениях предприятия;

— наличие финансовых и материальных резервов и технические средства, прогрессивные технологии производства, сбыта и управления, кадровый потенциал. Наличие ресурсов стимулирует предприятие к созданию средне- и долгосрочных конкурентных преимуществ за счет улучшения качества производимой продукции, обновления ассортимента, повышения производительности труда, эффективности использования основных и оборотных средств, повышения квалификации персонала;

— предоставление участникам инновационного процесса возможностей самореализации, нематериальное поощрение участников инновационного процесса, позитивный психологический климат в трудовом коллективе и т.д.

2. Учет потенциального негативного воздействия дестимулирующих внешних факторов, преодоление и элиминация внутренних дестимулирующих факторов.

К дестимулирующим внешним факторам в данном случае также можно отнести законодательные ограничения, относящиеся к налогообложению, амортизационной политике, патентно-лицензионной деятельности и т.д., а в качестве внутренних дестимулирующих факторов следует указать следующие:

— излишняя централизация, преобладание вертикальных потоков информации, авторитарный стиль управления, ориентация на сложившиеся рынки;

— отсутствие стратегического видения и понимания направлений технико-технологического развития в сфере деятельности предприятия, доминирование текущих проблем, отсутствие креативно мыслящих сотрудников;

— дефицит источников финансирования инновационных проектов и материального стимулирования инновационной деятельности, низкий уровень материальной и научно-технической базы, отсутствие резервов;

— оппортунизм и неготовность к изменениям.

В работе Д.С. Иванова, М.Г. Кузыка и Ю.В. Симачева к фундаментальным факторам, определяющим степень инновационной активности российских предприятий, отнесены масштаб бизнеса, финансовое положение и отраслевая принадлежность предприятия, уровень конкуренции на товарных рынках, на которых предприятие приобретает сырье и реализует свою продукцию, а также возраст предприятия, структура собственности и наличие экспорта в дальнее зарубежье. За основу анализа были взяты результаты проведенного в 2011 году анкетирования руководителей свыше 600 российских промышленных предприятий, различающихся по перечисленным выше признакам [8].

По данным анкетирования, 48% руководителей инновационных предприятий, представляющих широкий спектр отраслей, заявили об отсутствии серьезных внутренних пре-

пятствий для инноваций, а 20% — об отсутствии как внешних, так и внутренних препятствий. Основные внутренние препятствия инновационной деятельности и доли от общего числа опрошенных, отметивших их наличие, показаны в табл. 1. По нашему мнению, большинство (кроме выделенных цветом в табл. 1) указанных препятствий может быть полностью или частично преодолено за счет стимулирования производственного и управленческого персонала.

Таблица 1

Внутренние препятствия инновационной деятельности

Препятствие инновациям	Доля опрошенных, отметивших существенность препятствия, %
Нехватка квалифицированных рабочих и специалистов	23
Нехватка управленческих кадров, способных реализовать инновационные проекты	14
Незаинтересованность крупных акционеров	11
Недостаточная мотивация менеджмента и работников к инициативам в области инноваций	8
Излишняя бюрократизация бизнес-процессов, связанных с инновационной деятельностью	8
Отсутствие культуры инноваций внутри предприятия	8
Слабость системы управления, несовершенство рассмотрения инновационных проектов, оценки хода и результатов их реализации	6
Разногласия внутри руководства компании относительно приоритетов инновационного развития	4

Источник: составлено автором по данным [8].

Формы и методы микроэкономического стимулирования инновационной деятельности могут быть классифицированы на основе широкого набора классификационных признаков. Классификационные признаки, использованные в работах российских исследователей, приведены в табл. 2. По нашему мнению, формы и методы стимулирования инновационной активности могут различаться также на основе классификационных признаков, которые используются для классификации инноваций и стадий их развития.

Таблица 2

Формы и методы микроэкономического стимулирования инноваций

Критерии классификации	Методы стимулирования
Объект воздействия	предприятие в целом стратегическая зона хозяйствования подразделение группа рабочих мест
Характер воздействия	административные нормативные финансово-экономические технологические моральные
Способ воздействия	прямые косвенные
Продолжительность воздействия	краткосрочные среднесрочные долгосрочные
Методы воздействия	административные экономические социальные психологические
Формы экономических отношений	нетрудовые имущественные имущественно-трудовые трудовые неимущественные
Объект мотивации	наемные работники собственники отдельные коллективы и предприятие в целом
Карьерная ориентации стимулируемого персонала	по вертикали по горизонтали смешанная
Форма вознаграждения	материально-денежное материально-неденежное нематериальное
Факторы влияния на деятельность предприятия	внешние внутренние
Стимулирующий мотив	интерес к повышению благосостояния интерес к занятию/упрочению определенного положения интересы к реализации способностей, склонностей, предпочтений интересы к развитию качеств, соответствующих убеждениям имидж и моральные ценности
Направленность (критерий) результатов деятельности персонала	инновационная деятельность качество работы соблюдение сроков и объемов работ повышение производительности труда снижение издержек повышение рентабельности

Окончание табл. 2

Источник: составлено с использованием [5; 9].

Организационной формой механизма инновационной активности может стать специализированное подразделение, объединяющее функции маркетинга, патентно-лицензионной работы, инвестиционного обеспечения, ме-

неджмента качества, управления нематериальными активами и интеллектуальной собственностью [10].

С учетом важной роли, которую играют в инновационной деятельности инициатива управленческого и производственного персонала предприятия и их креативность, центральное место в системе микроэкономического стимулирования инноваций должно уделяться стимулированию сотрудников, включая сотрудников специализированного подразделения, отвечающего за инновационную деятельность. Результаты инновационной деятельности во многом зависят и от правильного выбора методов и форм стимулирования. В экономической литературе предлагаются содержательные и процессные теории мотивации, на основе которых руководство предприятия может выстроить систему стимулирования, наилучшим образом отвечающую поставленным целям и условиям деятельности предприятия [11].

Независимо от целевой направленности методы стимулирования персонала принято разделять на материальные и нематериальные. При материальном стимулировании стимулами являются размер заработной платы, премии, социальный пакет, участие в распределении прибыли, предоставление права на приобретение доли в бизнесе и другие меры, общей чертой которых является возможность непосредственной денежной оценки. Заметим, что некоторые исследователи придерживаются мнения, что «материальное стимулирование не заставляет работника задумываться над будущим своего предприятия» [12]. Меры нематериального стимулирования включают моральное поощрение, а также методы организационного и социально-психологического характера.

В Западной Европе заработная плата составляет в доходе работников успешных предприятий не более 70%. Попытки стимулирования работников, сделавших значительный вклад в экономические результаты предприятия, привели к появлению и широкому распространению новых форм стимулирования, в частности расширения участия сотрудников в распределении прибыли. Специфической формой участия в прибылях организации является бонусная форма стимулирования, то есть выплата доходов персоналу в зависимости от величины прибыли предшествующего периода. Бонусы могут использоваться как для индивидуального, так и для коллективного поощрения, однако, как считает Т.В. Шагалова, являясь элементом оперативного управления предприятием, создающим у работников заинтересованность в повышении эффективности труда в краткосрочном периоде, они недостаточно стимулируют долгосрочную перспективу инновационного развития [9].

По мнению А.В. Воронцовой и А.Г. Городнова, один из эффективных вариантов стимулирования инновационной активности сотрудников российских предприятий — это участие работников, занятых инновационной деятельностью, в прибыли [10]. Указанные авторы отмечают предпочтительность коллективного характера данной меры по сравнению с ее применением для индивидуального стимулирования. На стадии коммерциализации инноваций, когда предприятие получает прибыль от продаж инновационной продукции, сотрудники, активно участвующие в инновационном процессе, могут получить материальное вознаграждение в виде части прибыли, которая была получена в результате реализации инновационного проекта. Однако поощрение сотрудников, работающих над инновациями, еще не вышедшими на стадию коммерциализации, требует иных подходов. Эффективным стимулом, особенно на ранних этапах разработки инноваций, по нашему мнению, может стать обучение и повышение квалификации персонала, занятого в инновационном процессе, а также помощь сотрудникам в проработке и оформлении выдвигаемых ими инновационных идей.

В условиях, когда нормой становится «принципиально новый подход к человеку — как к фактору прогресса современного производства» [12], стимулирование инновационной активности персонала должно быть ориентировано на стратегическую перспективу и способствовать поддержанию непрерывного потока инновационных идей. При этом участие в инновационной деятельности, по нашему мнению, может рассматриваться как одно из проявлений эффективности труда.

В этой связи особое значение приобретает открытость и прозрачность для сотрудников предприятия его текущей и перспективной деятельности, включая инновационную. Управление предприятием должно быть направлено на формирование атмосферы восприятия нового не как угрозы, а как благоприятной возможности. Персонал предприятия должен осознавать, что инновации являются средством сохранения и укрепления предприятия и гарантией занятости и благополучия работников [13]. Для формирования культуры новаторства на предприятии должно быть предусмотрено стимулирование общения сотрудников и их командной работы, направленной на инновации, приобретения сотрудниками новых компетенций путем получения образования, самообразования, обмена опытом.

В результате проведенного исследования был выявлен двойственный характер инновационной деятельности с точки зрения ее стимулирующей роли на микроэкономическом уровне. Двойственность проявляется в том, что, с одной стороны, стремление к улучшению рыночной позиции может являться стимулом к инновациям для предприятия в целом, однако, с другой стороны, занимаемая предприятием рыночная позиция может либо не обеспечивать достаточного объема ресурсов, либо не создавать стимула для ведения инновационной деятельности.

На базе сопоставления результатов исследования макроэкономического стимулирования инноваций, проведенного ранее с участием автора, и выявленной двойственности инноваций на микроуровне были сформулированы принципы стимулирования инновационной активности на микроэкономическом уровне. Принцип эффективного совместного использования макро- и микроэкономических факторов предполагает повышение инновационной активности с возникновением положительной синергии, а принцип совместного учета потенциального негативного воздействия дестимулирующих внешних и преодоления и элиминации внутренних дестимулирующих факторов ориентирован на поддержание инновационной активности.

Как показал проведенный анализ, формы и методы микроэкономического стимулирования инноваций многообразны и классифицируются по широкому ряду признаков, что позволяет разрабатывать меры стимулирующего воздействия, ориентированные на решение конкретных задач с учетом специфических особенностей деятельности предприятия.

Несмотря на то что современными российскими авторами, чьи работы были проанализированы в ходе исследования, упоминаются нематериальные формы стимулирования и признаются мотивы повышения инновационной активности, не связанные с непосредственным повышени-

ем благосостояния участников, в настоящее время основные усилия направлены преимущественно на разработку и обоснование использования материальных стимулов к участию в инновационной деятельности. Вместе с тем ряд авторов отмечает ограниченную полезность материального стимулирования на стратегическом горизонте. По нашему мнению, односторонность спектра стимулов с преобладанием материальных может привести к увеличению потока псевдоинноваций и фальсификации инноваций. Следовательно, в стратегической перспективе предприятие должно стремиться использовать широкий спектр форм и методов стимулирования инноваций.

Следует также отметить, что, поскольку стимулирование инновационной деятельности на микроэкономическом уровне сопряжено с затратами, необходим научно обоснованный методологический инструментарий для выявления релевантных источников их финансирования и оценки эффективности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гузикова Л. А., Иващенко Л. И. Макроэкономическое стимулирование инноваций в России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 1—3. С. 284—291.

2. Гузикова Л. А., Иващенко Л. И. Источники преимуществ инновационного развития производственных предприятий // Финансовые решения XXI века: теория и практика: сб. науч. тр. 16-й Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2015. С. 202—208.

3. Конкуренция и инновации: зависимость в форме перевернутой буквы U* / Ф. Агион, Н. Блум, Р. Бланделл, Р. Гриффит, П. Хауитт // Экономическая школа. Конкуренция и конкурентная политика. Т. 6. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2008. С. 33—65.

4. Колосова Т. В., Парадеева И. Н. Стимулирование инновационной деятельности малых предприятий как основного ресурса инновационного развития России // Креативная экономика. 2013. № 1 (73). С. 43—50.

5. Кузина Л. А. Совершенствование стимулирования инновационной деятельности промышленных предприятий — 2012 // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал [Электронный ресурс]. URL: http://www.uecs.ru/uecs45-452012/item/1530-2012-09-12-07-22-07 (дата обращения: 18.06.2015).

6. Шамрай Л. В. Модель конкурентоспособности предприятия в долгосрочном периоде // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 2 (31). С. 165—170.

7. Цыганкова В. Н. Формирование промышленной политики региона на основе инновационной активности // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 3 (24). С. 59—61.

8. Иванов Д. С., Кузык М. Г., Симачев Ю. В. Стимулирование инновационной деятельности российских производственных компаний: возможности и ограничения // Форсайт. 2012. Т. 6. № 2. С. 18—42.

9. Шагалова Т. В. Развитие форм и методов стимулирования персонала к инновационной деятельности на предприятиях Нижегородской области: автореф. дис. … канд. экон. наук. Нижний Новгород, 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/razvitie-form-i-metodov-stimulirovaniya-personala-k-innovatsionnoi-deyatelnosti-na-predpriya (дата обращения: 15.06.2015).

10. Воронцова А. В., Городнов А. Г. Стимулирование инновационной деятельности — основа выживания и устойчивого развития предприятия ОПК в современных условиях // Проблемы устойчивого развития предприятий в современных условиях: сб. ст. Нижний Новгород, 2005. С. 5—12.

11. Мескон М. Х., Альберт М., Седоури Ф. Основы менеджмента. М.: Вильямс, 2009. 672 с.

12. Папков С. В., Сидунова Г. И. Система стимулирования и мотивации персонала в предпринимательской деятельности // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2009. № 1 (8). С. 113—121.

13. Грибов В., Грузинов В. Инновационная деятельность предприятия. 2008 // Центр креативных технологий [Электронный ресурс]. URL: http://www.inventech.ru/lib/predpr/predpr0053/ (дата обращения: 16.06.2015).

REFERENCES

1. Guzikova L. A., Ivashchenko L. I. Macroeconomic stimulation of innovations in Russia // News of Tula state university. Economic and legal sciences. 2014. № 1—3. P. 284—291.

2. Guzikova L. A., Ivashchenko L. I. Sources of advantages of innovation development of production facilities // Financial solutions of XXI century: theory and practice: collection of scientific works of 16th International scientific-practical conference. St. Petersburg, 2015. P. 202—208.

3. Competition and innovations: dependence in the form of turned around letter U* / F. Agion, N, Bloom, R. Blandell, R. Griffith, P. Hawitt // Economic school. Competition and competitive policy. V. 6. M.: Publishing house of GU VShE, 2008. P. 33—65.

4. Kolosova T. V., Paradeeva I. N. Stimulation of innovation activity of small businesses as the basic resource of innovation development of Russia // Creative economics. 2013. № 1 (73). P. 43—50.

5. Kuzina L. A. Improvement of stimulation of innovation activity of industrial companies — 2012 // Management of economic systems. Electronic scientific journal [Electronic resource]. URL: http://www.uecs.ru/uecs45-452012/item/1530-2012-09-12-07-22-07 (date of viewing: 18.06.2015).

6. Shamray L. V. Model of company competitiveness in the long-term period // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. № 2 (31). P. 165—170.

7. Tsygankova V. N. Establishing industrial policy of the region based on innovation activity // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 3 (24). P. 59—61.

8. Ivanov D. S., Kuzyk M. G., Simachev Yu. V. Stimulation of innovation activity of Russian production companies: opportunities and restraints // Foresight. 2012. V. 6. № 2. P. 18—42.

9. Shagalova T. V. development of the forms and methods of personnel stimulation to innovation activity at the companies of Nizhny Novgorod region: abstract of dissertation of the candidate of economics. Nizhny Novgorod, 2011 [Electronic resource]. URL: http://www.dissercat.com/content/razvitie-form-i-metodov-stimulirovaniya-personala-k-innovatsionnoi-deyatelnosti-na-predpriya (date of viewing: 15.06.2015).

10. Vorontsova A. V., Gorodnov A. G. Stimulation of innovation activity is the basis of survival and stable development of enterprises in modern conditions // Issues of stable development of enterprises in modern conditions: collection of articles. Nizhny Novgorod, 2005. P. 5—12.

11. Meskon M. H., Albert M., Sedoury F / Fundamentals of management. M.: Williams, 2009. 672 p.

12. Papkov S. V., Sidunova G. I. System of stimulation and incentives of personnel involved in entrepreneurship // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2009. № 1 (8). P. 113—121.

13. Gribov V., Gruzinov V. Innovation activity of a company. 2008 // Center of creative technologies [Electronic resource]. URL: http://www.inventech.ru/lib/predpr/predpr0053/ (date of viewing: 16.06.2015).

УДК 331.101.3
ББК 65.291.6-21

Kiselyova Ekaterina Andreevna,
post-graduate student of the department
of labor economics and personnel management
of Baikal National University of Economics and Law,
Irkutsk,
e-mail: kiselyova_ea@mail.ru

Киселева Екатерина Андреевна,
аспирант кафедры экономики труда и управления
персоналом Байкальский государственный университет
экономики и права,
г. Иркутск,
e-mail: kiselyova_ea@mail.ru

КОМПЕНСАЦИОННЫЙ ПАКЕТ: ТЕХНОЛОГИЯ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ[1]

BENEFITS: TECHNOLOGY AND MECHANISMS OF FORMATION IN THE ORGANIZATION[2]

В статье рассматривается проблема формирования компенсационного пакета в организации. Обоснована необходимость учета факторов окружающей среды при формировании компенсационного пакета. Даны определения терминов «компенсационный пакет» и «социальный пакет». Разработана технология формирования компенсационного пакета в организации, состоящая из пяти последовательных этапов. Выявлена взаимосвязь механизма формирования компенсационного пакета и подхода к его формированию. Выделены факторы внешней и внутренней среды организации, оказывающие влияние на размер и структуру компенсационного пакета. Представлены рекомендации для выбора механизма формирования компенсационного пакета в зависимости от факторов внутренней среды организации.

Ключевые слова: компенсационный пакет, социальный пакет, мотивация персонала, стимулирование персонала, социальная ответственность бизнеса, технология формирования, этапы формирования, механизм формирования, внешняя среда организации, факторы внешней среды, внутренняя среда организации, факторы внутренней среды.

The article examines the problem of the benefits formation in an organization. The necessity of taking into account the environmental factors in the benefits formation is substantiated. Definitions of the terms of benefits and guaranteed benefits are given. Technology of benefits formation in an organization is developed consisting of five stages. Correlation between the mechanism of formation of benefits and the approach to its formation is revealed. External environment and internal environment factors of an organization affecting the size and structure of benefits are pointed out. Recommendations for selection of the mechanism of benefits formation depending on factors of the internal environment factors are represented.

Keywords: benefits, guaranteed benefits, personnel motivation, personnel incentives, business social responsibility, technology of formation, stages of formation, mechanism of formation, external environment of an organization, external environment factors, internal environment of an organization, internal environment factors.

В современных условиях хозяйствования эффективность деятельности организации во многом зависит от трудового

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке государственного задания № 2014/52 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части проекта № 1841 «Активизация ресурсного потенциала Прибайкальского региона как фактора его устойчивого социально-экономического развития».

[2] The work performed with financial support of the state task № 2014/52 for fulfillment of the state activities in the area of scientific research within the frame of the basic part of project № 1841 Activation of resource potential of the Baikal region as a factor of its stable social-economic development.

потенциала организации. В связи с этим для привлечения и удержания в организации высококвалифицированного персонала, а также мотивации персонала на достижение целей организации весьма актуальной становится проблема формирования компенсационного пакета как способа материального стимулирования. В настоящее время в научной, учебно-методической и периодической литературе отсутствует однозначный подход к соотношению понятий «компенсационный пакет» и «социальный пакет». В данной статье компенсационный пакет рассматривается как совокупность социальных льгот и выплат, предоставляемых работодателем на основе добровольно взятых на себя обязательств по отношению к работникам сверх тех гарантий и компенсаций, которые установлены законодательно. Предоставление работникам компенсационного пакета является проявлением корпоративной социальной ответственности бизнеса [1, с. 81; 2, с. 129; 3, с. 40]. Работодатели, предоставляя работникам компенсационный пакет, не только повышают имидж компании на рынке, но и стимулируют работников к повышению производительности труда [4, с. 168—169].

Под социальным пакетом понимается совокупность льгот и выплат, которые гарантированы законодательно и которые работодатель обязан предоставить своим работникам.

Удовлетворенность персонала предоставляемым компенсационным пакетом зависит от знания организацией потребностей работников в отдельных компонентах компенсационного пакета, от степени и глубины проработки структуры и механизма формирования компенсационного пакета. Недостаточное внимание организации к ожиданиям работников может привести к увеличению числа неудовлетворенных работников, снижению уровня лояльности персонала и, как следствие, появлению угроз кадровой безопасности со стороны работников, повышению уровня текучести.

В настоящее время отсутствует единая технология формирования компенсационного пакета, в то время как в практической деятельности компаний интерес к данным формам стимулирования неуклонно растет. Это обстоятельство делает разработку методики формирования компенсационного пакета актуальным вопросом как в теоретическом, так и в практическом плане.

Процесс формирования компенсационного пакета зависит от множества внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на организацию. Для того чтобы компенсационный пакет был органично встроен в систему мотивации и стимулирования персонала, необходимо учитывать факторы окружающей среды организации, которые оказывают влияние на ее деятельность.

На основе анализа трудов разных авторов, посвященных вопросам формирования компенсационного пакета, можно выделить три механизма: механизм формирования компенсационного пакета по принципу равнозначности (уравнительности) персонала, механизм формирования компенсационного пакета по принципу ранжирования персонала, механизм формирования компенсационного пакета по принципу предоставления гибких льгот.

Каждый из вышеназванных механизмов формирования компенсационного пакета образует определенный подход к его формированию. Взаимосвязь механизма формирования компенсационного пакета и подхода к его формированию, а также вида компенсационного пакета по классификационному признаку «степень индивидуализации (широта охвата)» представлена в табл. 1.

Таблица 1

Взаимосвязь механизма формирования компенсационного пакета и подхода к его формированию

Вид компенсационного пакета	Характеристика вида компенсационного пакета	Подход к формированию компенсационного пакета	Механизм формирования компенсационного пакета
Стандартный (стандартизированный) компенсационный пакет	компенсационный пакет, одинаковый для всех сотрудников	уравнительный подход	механизм формирования компенсационного пакета по принципу равнозначности (уравнительности) персонала
Структурированный компенсационный пакет	компенсационный пакет, одинаковый для сотрудников одной категории	структурированный подход	механизм формирования компенсационного пакета по принципу ранжирования персонала
Индивидуальный (индивидуализированный) компенсационный пакет	компенсационный пакет предоставляется с учетом потребностей каждого сотрудника	индивидуализированный подход	механизм формирования компенсационного пакета по принципу предоставления гибких льгот

Каждый подход к формированию компенсационного пакета имеет свои достоинства и недостатки как для работодателя, так и для работников.

В настоящее время увеличивается интерес руководителей к использованию программ предоставления гибких льгот (формирование компенсационного пакета по принципу «кафетерий», «буфет», «комплексный обед») [5, с. 311—312], представляющих индивидуализированный подход к формированию компенсационного пакета. Это обусловлено тем, что данные программы, как правило, взаимосвязаны с системами оценки персонала и направлены на повышение мотивации сотрудников к достижению целей организации и увеличению эффективности работы персонала.

Полагаем, что процесс формирования нового и совершенствования уже действующего в организации компенсационного пакета должен включать в себя следующие последовательные этапы:

1) предварительный этап;
2) этап проектирования;
3) этап апробации;
4) этап анализа и регулирования;
5) этап легализации (внедрения).

Последовательная процедура формирования компенсационного пакета представлен на рис. 1.

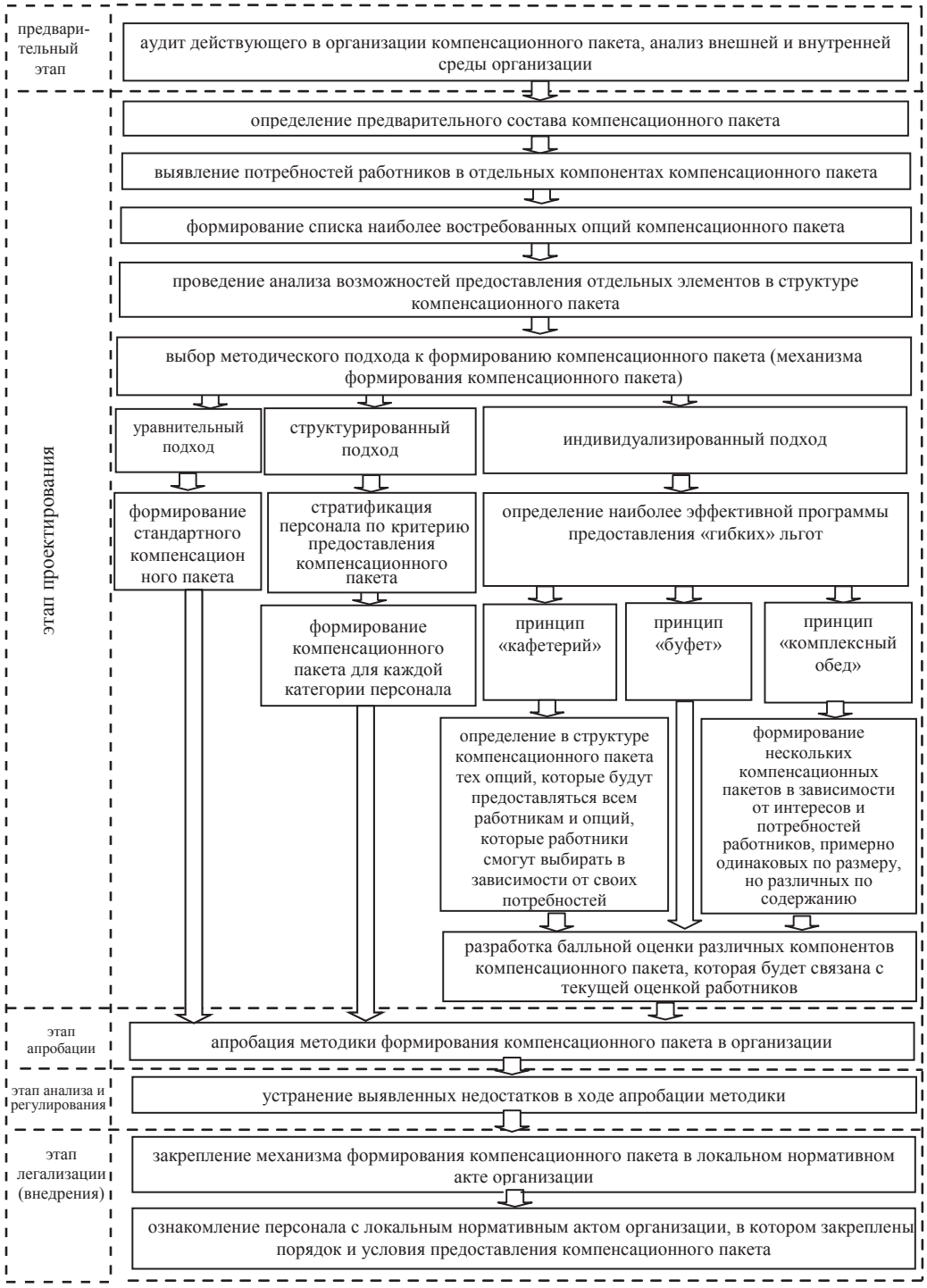


Рис. 1. Процесс формирования и совершенствования компенсационного пакета

На предварительном этапе разработки компенсационного пакета проводится аудит действующего в организации компенсационного пакета, анализ внутренней и внешней среды организации.

На этапе проектирования на основании результатов исследования окружающей среды и состояния деятельности организации, проведенных на предварительном этапе формирования компенсационного пакета, определяется предварительный состав компенсационного пакета, компоненты которого компания может предоставить своим работникам. Далее на основании информации, полученной в ходе опросов работников, проводимых такими методами, как анкетирование или интервью, выявляются потребности работников в отдельных компонентах компенсационного пакета.

Важным и ответственным моментом в процессе разработки компенсационного пакета выступает выбор механизма его формирования. При выборе механизма формирования компенсационного пакета по принципу равнозначности (уравнительности) персонала руководство организации, пользуясь полученной на предыдущих этапах информацией, отбирает наиболее востребованные компоненты компенсационного пакета. В основе остальных механизмов формирования компенсационных пакетов (механизм формирования компенсационного пакета по принципу ранжирования персонала, механизм формирования компенсационного пакета по принципу предоставления гибких льгот), в рамках кото-

рых работникам предоставляются структурированный компенсационный пакет, одинаковый для определенной категории работников, и компенсационного пакета, формируемого по принципу гибких льгот, лежит последовательность формирования стандартного компенсационного пакета, одинакового для всех работников. Разница состоит в том, что при выборе механизма формирования компенсационного пакета по принципу ранжирования персонала производится стратификация персонала по критерию предоставления компенсационного пакета (то есть выделяются категории персонала, в рамках которых компенсационный пакет будет одинаковым: например, в зависимости от занимаемой должности, степени профессионализма работников, узконаправленности специалистов, возраста и т. д.).

Выбор механизма формирования компенсационного пакета определяется факторами внешней и внутренней среды организации, функциями компенсационного пакета. Каждый из вышеназванных механизмов формирования компенсационного пакета в организации может быть признан эффективным при обязательном соблюдении определенных условий [6, с. 82].

Факторы внешней и внутренней среды организации оказывают влияние на размер и структуру компенсационного пакета (см. рис. 2). Однако следует отметить, что состояние того или иного фактора оказывает влияние не только на размер и структуру компенсационного пакета, но и на выбор механизма формирования компенсационного пакета. При этом можно сделать вывод, что факторы внешней среды оказывают влияние на возможность организации предоставлять работникам компенсационный пакет. В то же время факторы внутренней среды оказывают влияние не только на возможность организации предоставлять компенсационный пакет работникам, но и на сам процесс формирования компенсационного пакета.

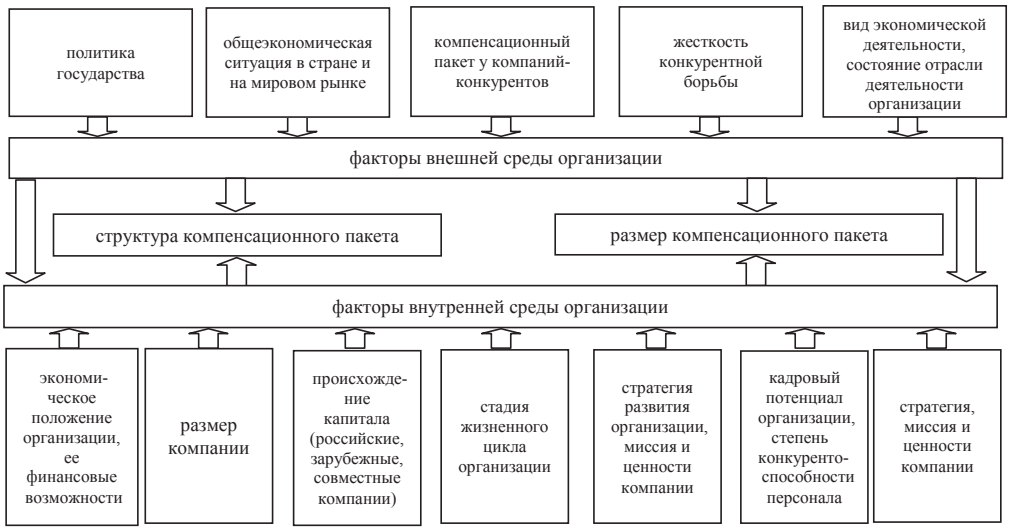


Рис. 2. Влияние факторов внешней и внутренней среды организации на размер и структуру компенсационного пакета

Рекомендации к выбору наиболее целесообразного механизма формирования компенсационного пакета представлены в табл. 2. Используя данные рекомендации, организации могут выбрать наиболее целесообразный механизм в зависимости от сложившейся ситуации, состояния факторов внутренней среды организации.

Таблица 2

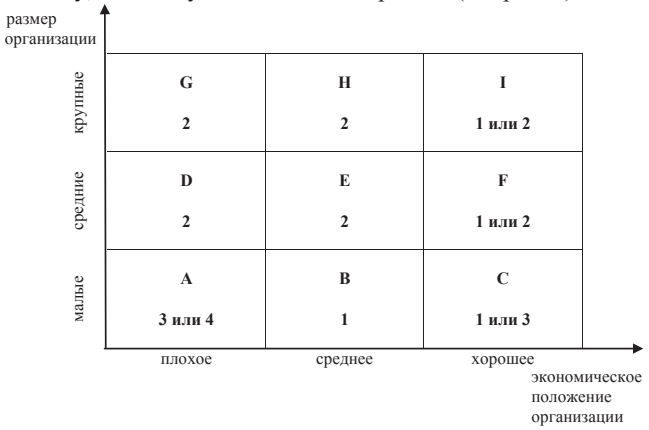
Выбор механизма формирования компенсационного пакета в зависимости от факторов внутренней среды организации

Наименование фактора и его характеристика	Наименование механизма		
	механизм формирования компенсационного пакета по принципу равнозначности (уравнительности) персонала	механизм формирования компенсационного пакета по принципу ранжирования персонала	механизм формирования компенсационного пакета по принципу предоставления гибких льгот
1	2	3	4
1. Экономическое положение организации			
1.1. хорошее	+		+
1.2. среднее		+	
1.3. плохое			+
2. Размер организации			
2.1. крупные		+	
2.2. средние		+	+
2.3. мелкие	+		+
3. Происхождение капитала			
3.1. национальные организации	+	+	+
3.2. иностранные организации			+
3.3. совместные (смешанные) организации	+	+	+
4. Стадия жизненного цикла организации			
4.1. стадия старта	+		+

Окончание табл. 2

4.2. стадия роста		+	
4.3. стадия зрелости		+	+
4.4. стадия спада	+		
5. Кадровый потенциал организации			
5.1. работники, составляющие кадровое ядро		+	+
5.2. работники, составляющие кадровую периферию		+	+
6. Особенности потребностей персонала	+	+	+
7. Тип мотивации			
7.1. внутренняя мотивация			+
7.2. инструментальная экономическая мотивация		+	+
7.3. инструментальная статусная мотивация		+	
7.4. инструментальная социальная мотивация	+	+	+
7.5. вынужденная мотивация	+		+
8. Стратегия развития организации			
8.1. стратегия предпринимательства			+
8.2. стратегия динамического роста		+	+
8.3. стратегия прибыли		+	+
8.4. стратегия ликвидации			
8.5. стратегия изменения курса			+

Основываясь на данных социологического исследования, проведенного кафедрой экономики труда и управления персоналом ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права» при участии автора в 2013 году, выделим в качестве основополагающих факторов, оказывающих влияние на возможность предоставления компенсационного пакета в организации, два фактора (параметра) — размер организации и ее экономическое положение. Выбор механизма формирования компенсационного пакета представим в виде матрицы, представляющей собой таблицу, состоящую из девяти квадрантов (см. рис. 3).



1 — механизм формирования компенсационного пакета по принципу равнозначности (уравнительности) персонала.

2 — механизм формирования компенсационного пакета по принципу ранжирования персонала.

3 — механизм формирования компенсационного пакета по принципу предоставления гибких льгот.

4 — компенсационный пакет не предоставляется вообще, предоставляется только социальный пакет либо затраты на предоставление компенсационного пакета минимальны.

Рис. 3. Матрица выбора механизма формирования компенсационного пакета в организации

Наименее благоприятная ситуация характерна для квадрантов матрицы «A», «D» и «G», так как успешно функционировать и развиваться в таких условиях организации не могут, в связи с этим руководством организации должны предприниматься попытки выхода организаций из сложившейся ситуации, улучшения их экономического положения. Наиболее благоприятная ситуация характерна для квадрантов «C», «F» и «I». Экономическое положение организаций в данном случае рассматривается как благоприятное. Наиболее предпочтительные механизмы формирования компенсационного пакета в зависимости от экономического положения и размера организации обозначены символами 1, 2, 3 и 4. Расшифровка символов представлена на рис. 3.

Следующим этапом формирования компенсационного пакета в организации выступает этап апробации методики предоставления компенсационного пакета. На данном этапе определяется аудитория (группа работников, одно или несколько структурных подразделений, филиал или организация в целом), на которой будет апробироваться разработанная методика формирования компенсационного пакета. Затем происходит непосредственно апробация методики.

В рамках этапа анализа и регулирования происходит, во-первых, выявление недостатков сформированной системы социальных льгот и выплат, которые могут заключаться в недостаточном изучении окружающей среды организации (внешней и внутренней), неверном выборе механизма формирования компенсационного пакета, отсутствии учета задач и функций предоставления компенсационного пакета; во-вторых, устранение выявленных в результате апробации недостатков путем корректировки ранее разработанной методики формирования компенсационного пакета.

Заключительным этапом формирования нового и совершенствования уже действующего в организации компенсационного пакета выступает этап легализации (внедрения) методики формирования компенсационного пакета. В рамках данного этапа механизм и порядок формирования компенса-

ционного пакета закрепляется в локальных нормативных актах организации, с которыми работодатель обязан ознакомить работников согласно требованиям Трудового кодекса РФ.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: для того чтобы сформировать эффективный компенсационный пакет, необходимо определить по каждому из вышеперечисленных признаков, к какому типу относится организация и какой механизм формирования компенсационного пакета является наиболее предпочтительным в той или иной ситуации. В конечном итоге среди существующих механизмов формирования компенсационного пакета выбирается тот, который наиболее часто повторяется, или используется сочетание различных механизмов в отношении разных категорий персонала.

Практическая значимость исследования состоит в разработке единой технологии формирования компенсационного пакета в организации, основанной на выделении пяти этапов процесса формирования компенсационного пакета, учитывающей факторы внешней и внутренней среды организации, ее индивидуальные особенности. Предложенные рекомендации по выбору наиболее рационального и эффективного механизма формирования компенсационного пакета и разработанная технология построения компенсационного пакета в организации позволят существенно упростить процедуру формирования компенсационного пакета, снизить трудоемкость данного процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демушина О. Н., Коваленко Н. В. Корпоративная социальная ответственность в России: особенности российской модели // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 80—83.

2. Киварина М. В. Особенности становления российской модели социальной ответственности бизнеса // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4 (17). С. 126—130.

3. Озерникова Т. Г. Внутрикорпоративная социальная ответственность: трансформация в условиях кризиса // Управленец. 2009. № 3—4. С. 40—43.

4. Лобызенкова В. А. Социальная ответственность компании в системе корпоративного менеджмента // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 168—172.

5. Магура М. И., Курбатова М. Б. Секреты мотивации или мотивация без секретов. М.: Управление персоналом, 2007. 653 с.

6. Киселева Е. А. Методологические основы формирования компенсационного пакета в организации // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 1 (93). С. 80—83.

REFERENCES

1. Demushina O. N., Kovalenko N. V. Corporate social responsibility in Russia: peculiarities of the Russian model // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 4 (29). P. 80—83.

2. Kivarina M. V. Peculiarities of development of the Russian model of business social responsibility // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 4 (17). P. 126—130.

3. Ozernikova T. G. Corporate social responsibility: transformation in crisis conditions // Upravlenec. 2009. № 3-4. P. 40—43.

4. Lobyzenkova V. A. Social responsibility of the company in the system of corporate management // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 168—172.

5. Magura M. I., Kurbatova M. B. Secrets of motivation or motivation without secrets. M.: Personnel management, 2007. 653 p.

6. Kiselyova E. A. Methodological foundations of the compensation package formation in the organization // Bulletin of Irkutsk State Economic Academy. 2014. № 1 (93). P. 80—83.

УДК 331.108.2:35.08
ББК 65.291.6-18:66.033.141.3

Manyakin Artem Alexeevich,
postgraduate student of the department
of state and municipal management
of Volgograd State University,
Volgograd,
e-mail: amanyakin8888@gmail.com

Манякин Артем Алексеевич,
аспирант кафедры государственного
и муниципального управления
Волгоградского государственного университета,
г. Волгоград,
e-mail: amanyakin8888@gmail.com

ОПТИМИЗАЦИЯ ШТАТНОЙ ЧИСЛЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

OPTIMIZATION OF REGULAR NUMBER OF PUBLIC AND MUNICIPAL EMPLOYEES IN VOLGOGRAD REGION: ISSUES AND SOLUTIONS

В статье рассматривается проблема оптимизации штатной численности государственных и муниципальных служащих, проводится анализ нормативно-правовых актов, связанных с кадровой политикой в органах государственной власти и местного самоуправления Российской Федерации с 2010 года по настоящее время. Приводятся статистические данные, демонстрирующие неисполнение указов Президента Российской Федерации, делается вывод о непоследовательной реализации предписаний иных нормативно-правовых актов, направленных на оптимизацию штатной численности

служащих, выявляется ряд причин, способствующих этому. Формулируется система критериев оптимизации штатной численности государственных и муниципальных служащих, а также предлагаются меры по обеспечению применения их на практике.

The problem of optimization of the regular number of public and municipal employees is examined in the article; analysis of the regulatory-legal enactments related to the personnel policy in the public and local self-government authorities of the Russian Federation since 2010 to the present is fulfilled. Statistical data demonstrating the non-fulfillment of the decrees of the RF President is presented; conclusion regarding inconsistent impleme ntation of directions of some regulatory-legal enactments aimed at optimizing of the regular number of employees is made; number of reasons contributing to this is determined. The system of criteria for optimization of the regular number of public and municipal employees is developed, as well as the measures ensuring their practical implementation are proposed.

Ключевые слова: управление персоналом, кадровый менеджмент, кадровая политика, кадровый состав, кадровое обеспечение, оптимизация численности кадров, государственная и муниципальная служба, государственное и муниципальное управление, система критериев, методика.

Keywords: human resource management, personnel management, personnel policy, personnel staffing, optimization of staffing, public and municipal service, public and municipal management, system of criteria, methods.

В связи с мировым экономическим кризисом 2008 года «регионы Южного федерального округа имеют множество острых и сложных проблем, экономических и социальных» [1, с. 60], которые катализировались на фоне экономического спада 2014—2015 годов, вызванного общемировыми причинами: падением цен на нефть, завершением пятого технологического уклада; внешнеполитическими — экономическими санкциями стран Запада в отношении России, а также внутриполитическими. Федеральными, региональными и местными политиками с 2010 года по настоящее время справедливо поднимался вопрос об оптимизации количества государственных и муниципальных служащих в целях повышения уровня эффективности управления и, как следствие, обеспечения экономического роста.

В 2011 году был подписан Указ Президента Российской Федерации, предусматривающий поэтапное сокращение в период с 2011 по 2013 год предельной численности федеральных государственных гражданских служащих не менее чем на 20%. При этом размер указанного сокращения должен был составить: а) не менее 5% — до 31 марта 2011 года; б) не менее 10% — до 31 марта 2012 года; в) не менее 20% — до 31 марта 2013 года [2].

22 апреля 2014 года Председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев, выступая с отчетом о работе Правительства Российской Федерации за 2013 год, предложил «подумать над сокращением аппарата чиновников еще дополнительно на 10% как в регионах, так и на федеральном уровне» [3], подчеркнув, что его предыдущее поручение о сокращении аппарата на 20% «было реализовано где-то лучше, где-то хуже» [Там же].

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, штатная численность работников государственных органов и органов местного самоуправления по Волгоградской области составила: в 2010 году — 27730 человек; в 2011 году — 27100 человек; в 2012 году — 25822 человека; в 2013 году — 25562 человека [4]. Если за отчетный период взять 2010 год, то в процентном выражении сокращение численности кадров произошло на 8,4%.

По заявлению некоторых экспертов, сокращение касается, как правило, не конкретных государственных и муниципальных служащих, а свободных вакантных ставок [5], таким образом, достигается не реальное уменьшение численности служащих, а статистическое. Чтобы противодействовать подобным мерам со стороны кадровых служб различных уровней, необходимо иначе подходить к оценке статистики количества государственных и муниципальных служащих, а также регламентировать порядок увольнения.

Еще одной мерой, способствующей квазисокращению штатной численности государственных и муниципальных служащих, является изменение организационной структуры того или иного органа или подразделения.

В частности, была изменена организационная структура администрации Волгоградской области. Согласно Закону Волгоградской области «О системе органов исполнительной власти Волгоградской области» [6] в системе органов исполнительной власти Волгоградской области находились 17 министерств, 13 комитетов, 3 инспекции, Аппарат Губернатора и Правительства Волгоградской области, а также Представительство Волгоградской области в городе Москве. В последней редакции данного закона [7] все министерства были упразднены и преобразованы в комитеты, таким образом, в нынешнюю структуру входят 28 комитетов, 3 инспекции, Аппарат Губернатора и Правительства Волгоградской области, Представительство Волгоградской области в городе Москве.

Безусловно, за счет преобразования министерств в комитеты удалось добиться сокращения бюджетного финансирования должностей государственной и муниципальной службы в Правительстве Волгоградской области, что является положительным моментом реформы. Однако данная мера не поспособствовала более эффективному государственному и муниципальному управлению. Поскольку заработные платы снизились, численность кадрового состава и объем их полномочий остались на прежнем уровне, то мотивация к труду по законам менеджмента должна уменьшиться, а вместе с ней и эффективность труда.

4 февраля 2015 года была изменена и структура Администрации города Волгограда [8], где департаменты [9] были преобразованы в комитеты.

Городская дума Волгограда дала свое согласие на 15%-ное сокращение штата мэрии путем изменения организационной структуры администрации города [10].

В связи с вышеизложенным видно, что государственные органы и органы местного самоуправления неспособны самостоятельно оптимизировать штатную численность своих служащих и тем самым повысить эффективность деятельности структурных подразделений, а также фактически не подчиняются решениям, принятым вышестоящими органами и должностными лицами, в том числе Председателем Правительства РФ и Президентом РФ.

Анализ нормативно-правовых актов, направленных на сокращение штатной численности государственных и муниципальных служащих, показал, что их положения недостаточно четко прописывают процедуру, порядок и методику, в соответствии с которыми следует действовать.

По нашему мнению, следует разработать систему критери-

ев, которые позволят кадровым службам государственных органов и органов местного самоуправления одновременно четко и гибко определять численность работников.

Общее количество государственных и муниципальных служащих в регионе следует поставить в зависимость от количества жителей, проживающих в нем, а также административно-территориальной организации субъекта РФ.

Количество ставок различных должностей государственной и муниципальной службы (высшие, главные, ведущие, старшие и младшие) следует определять исходя из следующих критериев:

а) внутренние:

— объем финансирования заработных плат;

— профессионализм служащих;

— объем должностных обязанностей;

б) внешние:

— состояние рынка труда;

— состояние экономического и социального развития региона.

В соответствии со статистикой ФСГС в Волгоградской области по состоянию на 2013 год на 10 тысяч человек населения приходится 99,5 единицы государственных и муниципальных служащих, в то время как в Москве данный показатель составляет 57,1 единицы, а в Санкт-Петербурге — 74,4. Думается, что численность служащих на 10 тысяч человек в Волгоградской области не должна превышать 85, это будет отвечать оптимальному уровню сокращения штата органов государственной власти и местного самоуправления, а также требованиям Председателя Правительства Российской Федерации.

Согласно статистике [11], заработные платы государственных и муниципальных служащих неуклонно растут, однако если сравнивать заработные платы российских служащих и служащих стран Западной Европы, то становится ясно, что мы отстаем по этому показателю. Сокращение количества государственных и муниципальных служащих позволило бы поднять уровень заработных плат оставшихся работников.

В Волгограде намечается положительная тенденция: в ходе мероприятий по оптимизации кадрового состава в мэрии планируется сократить 153 муниципальных служащих, что позволит сэкономить в текущем году около 136 миллионов рублей. Значительные изменения претерпит и структура аппарата Волгоградской городской Думы. 15%-ное сокращение численности сотрудников высвободит 5,3 миллиона рублей. Порядка 6 миллионов рублей предполагается сэкономить за счет сокращения на 17% численности Контрольно-счетной палаты Волгограда [9].

За счет сокращения числа государственных и муниципальных служащих можно повысить уровень профессионализма кадров как путем более жесткого отбора, так и путем дополнительного финансирования программ повышения квалификации и переподготовки служащих.

По-прежнему существует проблема объема должностных обязанностей государственных и муниципальных служащих различного уровня. Во-первых, данная проблема состоит в разграничении полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления. В науке с учетом зарубежного опыта обосновываются модели разграничения полномочий между уровнями управления [12]. Во-вторых, многие обязанности различных должностных лиц дублируются уже внутри отдельных уровней управления (государственного и муниципального), тем самым способствуя возникновению конфликта интересов на службе и снижению эффективности труда. В связи с этим необходимо провести пересмотр должностных инструкций, полномочий отдельно государственных и отдельно муниципальных служащих, например, таким образом, как это предлагают В.В. Рудой и М.А. Овакимян [13].

Состояние рынка труда государственных и муниципальных служащих оставляет желать лучшего. В ходе опроса, проведенного автором среди 102 студентов 1—4-го курсов направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» в двух ведущих университетах города Волгограда — ВФ РАНХиГС при Президенте РФ и Волгоградском государственном университете — лишь 60% были готовы поступить на работу на должности государственной и муниципальной службы или встать в резерв. Следует отметить, что п. 1 ст. 17 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» и Закон Волгоградской области «О некоторых вопросах муниципальной службы в Волгоградской области» не предусматривают обязательного конкурса на замещение должностей муниципальной службы (включая высшие, главные и ведущие), в «городе Волгограде <…> не утверждена процедура проведения в органах местного самоуправления конкурсов на замещение должностей муниципальной службы» [14, с. 245]. Это свидетельствует о наличии пробела, способствующего снижению конкуренции между претендентами на вакантные должности муниципальной службы, и, как следствие, сказывается на уровне профессионализма местных служащих.

В связи с этим администрации Волгоградской области и города Волгограда следовало бы создать целевые места для наиболее талантливых абитуриентов для обучения в университетах по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление», финансировать дополнительные стипендии и т.д., а также внести изменения в законодательство о муниципальной службе, где предусмотреть конкурсный отбор служащих на вакантные места хотя бы для высших, главных и ведущих должностей.

Необходимое количество государственных и муниципальных служащих в регионе также зависит от экономического и социального развития региона, однако Волгоградская область имеет серьезные проблемы по основным показателям стратегического развития [15].

Поскольку объем проблем велик, слишком резкое сокращение штатной численности государственных и муниципальных служащих может привести к ухудшению ситуации. Поэтому сокращение следует проводить поэтапно.

Таким образом, мы предлагаем закрепить указанные выше критерии и предложения в новом Указе Президента «Об оптимизации численности государственных (гражданских) и муниципальных служащих органов государственной власти и местного самоуправления».

В соответствии с этим указом Правительству Российской Федерации и правительствам регионов следует разработать программы и методики сокращения штатной численности государственных и муниципальных служащих, а также ежеквартально отчитываться перед Администрацией Президента Российской Федерации о ходе их реализации.

На сегодняшний день подобные методики расчета штатной численности служащих есть у Росархива и Росздрава, которые регулируются Приказом Росархива «Об утверждении методики расчета штатной численности государственных архивов на основе нормативов по труду» [16] и «Рекомендациями по определению штатной численности работников бюджетных организаций на основе нормативов по труду» (утв. Росздравом) [17] соответственно. Существуют методические рекомендации по разработке систем нормирования труда в государственных (муниципальных) учреждениях [18], которые

могли бы послужить основой для создания типовой методики расчета штатной численности государственных и муниципальных служащих наподобие того, как это сделано Росархивом и Росздравом.

Данные меры, на наш взгляд, внесут ясность в работу кадровых служб администраций регионов и муниципальных образований, а также позволят последовательно отслеживать и корректировать их деятельность, что в итоге должно привести к решению основной управленческой задачи — балансу между эффективностью работы и количеством выполняющих ее служащих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Матохина К.Ю. Механизмы и инструменты преодоления посткризисных явлений в экономике региона (на примере Южного федерального округа) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 2. С. 60—66.

2. Об оптимизации численности федеральных государственных гражданских служащих и работников федеральных государственных органов: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2010 № 1657 // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2011/01/02/optimizacia-site-dok.html (дата обращения: 10.03.2015).

3. Отчет Правительства Российской Федерации о результатах работы в 2013 году // Официальный сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/news/11875/(дата обращения: 10.03.2015).

4. Государство, общественные организации // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/# (дата обращения: 10.03.2015).

5. Башкатова А. Казна не пострадает от сокращений // Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/economics/2010—09—01/4_kazna.html (дата обращения: 10.03.2015).

6. О системе органов исполнительной власти в Волгоградской области: Закон Волгоградской области от 15.03.2012 № 22-ОД (в ред. 09.04.2014 № 55-ОД) // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/20177101/(дата обращения: 10.03.2015).

7. О системе органов исполнительной власти в Волгоградской области: Закон Волгоградской области от 15.03.2012 № 22-ОД (в ред. от 23.10.2014 № 132-ОД) // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/20177101/(дата обращения: 10.03.2015).

8. О структуре администрации Волгограда: Решение Волгоградской городской Думы от 04.02.2015 № 25/743 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc; base=RLAW180; n=112638 (дата обращения: 10.03.2015).

9. Тимошенко С. Гордума дала согласие на 15-процентное сокращение штата мэрии Волгограда // V1.ru [Электронный ресурс]. URL: http://v1.ru/text/newsline/890270.html?utm_source=vk&utm_medium=og&utm_campaign=smm (дата обращения: 10.03.2015).

10. Ильина Е. Расходы на содержание органов местного самоуправления Волгограда существенно сокращаются // Официальный сайт Волгоградской городской Думы [Электронный ресурс]. URL: http://www.volgsovet.ru/PressOffice/PressRelease.aspx?id=13987 (дата обращения: 10.03.2015).

11. О численности и оплате труда государственных гражданских и муниципальных служащих на региональном уровне в январе — сентябре 2014 года // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/253.htm (дата обращения: 10.03.2015).

12. Морозова Н.И. Модель разграничения полномочий между уровнями управления: межстрановый анализ // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 4 (38). С. 109—114.

13. Рудой В.В., Овакимян М.А. Штатная численность государственных гражданских служащих: рекомендации по ее нормированию // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГ. 2014. С. 26—31.

14. Курганов Н.А. О некоторых проблемах правового регулирования поступления на муниципальную службу (по материалам Южного федерального округа) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4. С. 244—247.

15. Кабанов В. Н. Потенциал стратегического развития Волгограда // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 54—61.

16. Об утверждении «Методики расчета штатной численности государственных архивов на основе нормативов по труду»: Приказ Росархива от 14.01.2004 № 1 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=97612 (дата обращения: 10.03.2015).

17. Рекомендации по определению штатной численности работников бюджетных организаций на основе нормативов по труду (утв. Росздравом) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=99804 (дата обращения: 10.03.2015).

18. Об утверждении методических рекомендаций по разработке систем нормирования труда в государственных (муниципальных) учреждениях: Приказ Минтруда России от 30.09.2013 № 504 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=155090 (дата обращения: 10.03.2015).

REFERENCES

1. Matokhina K. Yu. Mechanisms and tools to overcome the post-crisis phenomena in the economy of the region (on the example of the Southern Federal District) // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 2. P. 60—66.

2. On the optimal number of federal civil servants and federal government bodies: Presidential Decree dated 31.12.2010 № 1657 // The Russian newspaper [Electronic resource]. URL: http://www.rg.ru/2011/01/02/optimizacia-site-dok.html (date of viewing: 10.03.2015).

3. Report of the Government of the Russian Federation on the results of 2013 // Official site of the Government of the Russian Federation

[Electronic resource]. URL: http://government.ru/news/11875/ (date of viewing: 10.03.2015).

4. The State, public organizations // The official website of the Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/# (date of viewing: 10.03.2015).

5. Bashkatova A. Treasury will not suffer from the cuts // Nezavisimaya Gazeta (Independent newspaper) [Electronic resource]. URL: http://www.ng.ru/economics/2010-09-01/4_kazna.html (date of viewing: 10.03.2015).

6. On the system of executive power in Volgograd Region: The law of Volgograd Region dated 15.03.2012 № 22-OD (revision as of 09.04.2014 № 55-OD) // ATP Garant [Electronic resource]. URL: http://base.garant.ru/20177101/ (date of viewing: 10.03.2015).

7. On the system of executive power in Volgograd Region: The law of Volgograd Region dated 15.03.2012 № 22-OD (revision as of 23.10.2014 № 132-OD) // ATP Garant [Electronic resource]. URL: http://base.garant.ru/20177101/ (date of viewing: 10.03.2015).

8. On the structure of the administration of Volgograd: decision of the Volgograd City Duma dated 04.02.2015 № 25/743 // SPS ConsultantPlus [Electronic resource]. URL: http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW180;n=112638 (date of viewing: 10.03.2015).

9. Tymoshenko S. The City Duma agreed to a 15 percent reduction in staff of the Volgograd City Hall // V1.ru [Electronic resource]. URL: http://v1.ru/text/newsline/890270.html?utm_source=vk&utm_medium=og&utm_campaign=smm (date of viewing: 03.10.2015).

10. Ilyin E. Expenses for local governments are significantly reduced in Volgograd // Official site of the Volgograd City Duma [Electronic resource]. URL: http://www.volgsovet.ru/PressOffice/PressRelease.aspx?id=13987 (date of viewing: 10.03.2015).

11. The number and wages of the public civil and municipal officials at the regional level in January - September 2014 // The official website of the Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/253.htm (date of viewing: 10.03.2015).

12. Morozova N. I. Model of powers division between the levels of government: inter-country analysis // Regional issues of economic transformation. 2013. № 4 (38). P. 109—114.

13. Rudoi V. V., Ovakimyan M. A. Staffing level of the public civil servants: recommendations for standardization // State and municipal management. Scientific notes of SKAG. 2014. P. 26—31.

14. Kurganov N. A. On some issues of legal regulation of entering municipal service (based on the Southern Federal District) // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 4. P. 244—247.

15. Kabanov V. N. Potential strategic development of Volgograd // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 54—61.

16. On approval of «The method of calculating the regular number of the state archives based on the labor standards»: Order of Rosarkhiv dated 14.01.2004 № 1 // SPS ConsultantPlus [Electronic resource]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=97612 (date of viewing: 10.03.2015).

17. Recommendations for definition of the regular number of employees of budget organizations based on the labor standards (approved by Roszdrav) // SPS Consultant Plus [Electronic resource]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=99804 (date of viewing: 10.03.2015).

18. On approval of methodical recommendations for development of the systems of labor rating in public (municipal) institutions: Order of the Russian Ministry of Labor dated 30.09.2013 № 504 // SPS ConsultantPlus [Electronic resource]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=155090 (date of viewing: 10.03.2015).

УДК 332.1
ББК 65.04

Nesterenko Sergey Alexandrovich,
post-graduate student of the department
of economics and management
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Pyatigorsk,
e-mail: mypickup@rambler.ru

Нестеренко Сергей Александрович,
аспирант кафедры экономики и управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Пятигорск,
e-mail: mypickup@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

FEATURES OF ESTABLISHING STEADY DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY OF RUSSIA IN THE CONDITIONS OF REGIONAL DIFFERENTIATION

В статье рассмотрены теоретические аспекты устойчивого регионального развития, выделены его основные характеристики. Определены ключевые факторы образования межрегиональных различий по основным социально-экономическим показателям, а также степень их влияния на устойчивость развития. Рассмотрена роль отраслей промышленности в обеспечении устойчивого развития регионов, охарактеризована степень влияния отраслей на общую структуру народного хозяйства России, конкретизированы основные проблемы промышленности. Выявлены особенности формирования устойчивого развития, вследствие чего актуализирована необходимость совершенствования государственного управления социально-экономическими процессами с учетом важности ее региональной составляющей.

Theoretical aspects of steady regional development are

examined in the article; its basic features are distinguished. The key factors of formation of the interregional differences are determined by the main socio-economic indices, as well as the degree of their influence on stability of development. The role of industries in providing of steady development of the regions is studied; the degree of influence of industries on the general structure of the national economy of Russia is characterized; the basic problems of industry are specified. The features of forming steady development are educed, which resulted in updating the necessity of improvement of the state control over socio-economic processes with regard to the importance of its regional component.

Ключевые слова: устойчивое развитие, народное хозяйство, отрасли промышленности, регион, дифференциация, диверсификация, социально-экономический потенциал, экология, природные ресурсы, инновации, инвестиции.

Keywords: steady development, national economy, branches of industries, region, differentiation, diversification, socio-economic potential, ecology, natural resources, innovations, investments.

Обеспечение устойчивого развития народного хозяйства является одной из важнейших проблем современного социально-экономического управления. Путь к устойчивому развитию обеспечивается эффективностью государственного управления, которое нуждается в такой трансформации экономики, при которой производство и потребление благ не будут сопровождаться ростом деструктивных явлений, эскалацией дефицита невоспроизводимых природных ресурсов, а также сможет обеспечивать социальные гарантии населению.

Термин «устойчивое развитие» свое широкое распространение в научных кругах приобрел после публикации доклада «Наше общее будущее», подготовленного в 1987 году Международной комиссией по окружающей среде и развитию, созданной под эгидой ООН [1]. Одной из приоритетных задач в попытке охарактеризовать устойчивое развитие является выбор его иерархического уровня. Так, в научной литературе широко распространено утверждение, что только в целом вся мировая экономика может развиваться устойчиво, «реализовать устойчивое развитие в полном объеме можно только на глобальном уровне, поскольку биосфера Земли едина и нарушение требований устойчивого развития в каком-то одном месте вполне способно вызвать глобальные последствия» [2, с. 136].

Очевидно, процессы глобализации в мировой экономике, совместная координация действий стран-участниц по принятию решений в обеспечении устойчивого развития имеют рациональную составляющую и способны привести к позитивному результату, между тем на базе глобальных показателей должны формироваться национальные приоритеты в области экономического развития, а также локальные — на региональном уровне. Необходимо также отметить, что от степени устойчивости развития региона зависит устойчивость национальной экономики в целом.

Некоторые ученые-экономисты в своих исследованиях предполагают, что содержание понятия «устойчивое развитие региона» тесно связано с понятием «потенциал региона». Так, например, С.Р. Брошкова отмечает, что устойчивое развитие региона «является процессом изменений, в котором эксплуатация ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технологического развития в гармонии повышают ценность текущего и будущего потенциала региона и геополитических пространств» [3].

Однако понятие «потенциал региона» не имеет однозначного определения, и вопрос о его определении остается открытым. Под потенциалом чаще всего понимают возможности исследуемой системы, которые при определенных условиях могут трансформироваться в действия. В связи с этим следует отметить, что, не имея цели, потенциал не имеет значения, так как он, потенциал, всегда необходим для достижения некоторых результатов. Такие ученые, как К.О. Виноградова и О.А. Ломовцева, под потенциалом региона понимают «возможности его развития при использовании всего комплекса территориальных ресурсов, особенностей существующей и перспективной структуры его хозяйства, географического положения в интересах повышения качества жизни населения региона» [4].

Для того чтобы охарактеризовать устойчивое развитие региона, недостаточно опираться лишь на его потенциал. Некоторые экономисты отождествляют понятие «устойчивое развитие региона» с категорией «эффективность регионального развития», что представляется методологически не вполне корректным. В исследованиях А.В. Дорохова устойчивое развитие региона предстает как «обеспечение превышения темпов роста региональной экономики над темпами роста затрат факторов, необходимых для ее функционирования и развития» [5, с. 22]. Между тем эффективное развитие экономики и социальной сферы региона вполне может быть недостаточно устойчивым, и наоборот.

Рассмотрев существующие подходы к определению понятия «устойчивое развитие региона», можно сделать вывод, что это такое устойчивое развитие, при котором региональная социально-экономическая система способна эффективно отвечать на влияние внутренней и внешней среды, а также обеспечивать достаточный уровень регионального производства без причинения ущерба окружающей среде.

Особенностью национальной экономики Российской Федерации является ее региональная дифференциация по основным социально-экономическим показателям, что оказывает непосредственное влияние на устойчивость ее развития. Субъекты России отличаются по экономико-географическому положению, структуре системы хозяйствования, природно-ресурсному потенциалу, уровню регионального экономического развития, демографическим и другим параметрам. Рассматривая основные показатели социально-экономического развития регионов России, можно выделить субъекты, где валовой региональный продукт (далее — ВРП) на душу населения не превышает 90 тыс. рублей (Чеченская Республика — 78,9 тыс. рублей; Республика Ингушетия — 84,5 тыс. рублей), и такие, где ВРП на душу населения установился свыше миллиона рублей: Тюменская область — 1325,3 тыс. рублей; Ямало-Ненецкий автономный округ — 2211,6 тыс. рублей; Сахалинская область — 1297,9 тыс. рублей; Ненецкий автономный округ — 3841,0 тыс. рублей [6].

Относительно численности населения регионы России тоже резко различаются: от 43,0 тыс. человек в Ненецком автономном округе до 7133,6 тыс. человек в Московской области. Немаловажным параметром, который отражает различия в региональном развитии, является показатель денежных доходов населения, который влияет и на устойчивость развития как субъекта, так и всего государства в целом. Наименьшие доходы населения, согласно государственной статистике, наблюдаются в Республике Калмыкия — 11311 рублей, в то время как самые высокие отмечаются в Чукотском автономном округе — 52695 рублей, разница в 4,7 раза более чем ощутима.

Большая устойчивость одних регионов в сравнении с другими непосредственно влияет на общую устойчивость разви-

тия народного хозяйства России. В свою очередь, причин образования различий регионального развития достаточно много, однако можно выделить основные факторы, оказывающие влияние на настоящий процесс:

— территориальный фактор;
— природно-ресурсная база;
— демографический потенциал;
— отраслевая структура системы хозяйствования.

Территориальный аспект на протяжении развития социально-экономических отношений в России всегда играл немаловажную роль, так как, с одной стороны, колоссальная площадь страны («площадь территории страны составляет 17098,2 тыс. км^2, — первое место в мире» [7]) является положительным фактором, представляя возможности для размещения производств, а также зачастую предполагает наличие богатого ресурсного потенциала, с другой — несет негативные последствия, выражающиеся в недостаточной заселенности территорий, затруднениях взаимодействия между субъектами государства, а также неизбежной отдаленности многих регионов от административного центра, что усложняет систему управления. В свою очередь, неравномерное распределение ресурсов по территории России создает естественные точки роста для одних регионов, с богатым ресурсным потенциалом, и лишает другие в случае его отсутствия. Проблема территориальных условий в экономике России обострилась с переходом к рыночным отношениям, когда новые условия хозяйствования стали причиной увеличения количества проблемных регионов, а именно среди регионов, удаленных от экономически развитых центров, как следствие — истощение инфраструктуры, в первую очередь транспортной сети.

Относительно природно-ресурсной базы можно отметить, что историческое развитие России складывалось таким образом, что во многом благосостояние того или иного региона определялось наличием на его территории природных ресурсов. Данная тенденция сохраняется и сегодня. «Россия занимает первое место в мире по разведанным запасам природного газа, железной руды, алмазов и других полезных ископаемых. По запасам таких полезных ископаемых, как нефть, газ, уголь, медь, никель, редкоземельные металлы, золото, платиноиды, алмазы, горно-химическое сырье, страна находится в группе мировых лидеров» [Там же]. Так, А.Х. Авезов в своих исследованиях отмечал, что «в регионах, ослабленных нехваткой ресурсов, сокращается совокупный спрос, система существенно сжимается, а ее устойчивость резко падает» [8, с. 23]. Однако наличие сырьевой базы хоть и оказывает положительное влияние на региональное развитие, этого недостаточно для эффективного устойчивого развития. Приобретают все большую актуальность вопросы диверсификации производства, уход от монофункциональности регионов, опирающихся лишь на добычу и экспорт природных ресурсов. Безусловно, на первых этапах развития экономики наличие богатого ресурсного потенциала является гарантом успешного экономического роста региона, однако следующим этапом должны предприниматься меры по расширению структуры экономики. Череда мировых кризисов, неустойчивость международных рынков сырья, турбулентность уровня цен, а также резкие изменения на валютных рынках подвергают опасности регионы, опирающиеся лишь на свою сырьевую базу.

Немаловажную роль в образовании различий регионального развития играет отраслевая структура экономики регионов, которая не является однородной по всей территории государства. Представляя собой совокупность отраслей хозяйственного комплекса, отраслевая структура экономики региона имеет определенные пропорции и взаимосвязи, где можно выделить производственную сферу и непроизводственную. Основу как национальной, так и региональной экономики представляет производственная сфера, между тем в условиях формирования устойчивого развития необходимо помнить, что непроизводственная сфера имеет не меньшее значение. Принимая во внимание то, что производственная сфера включает в себя отрасли, создающие материальные блага для потребителей, такие как промышленность, сельское хозяйство, строительство, а также транспорт, связь, торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение и т.д., где занято около 68% населения государства, непроизводственная сфера создает комфортные условия для населения, обеспечивающие социальную составляющую устойчивого развития. К основным элементам непроизводственной сферы можно отнести жилищно-коммунальное и бытовое обслуживание населения, транспорт, здравоохранение, образование, физическую культуру, науку и научное обслуживание, кредитование, финансирование и страхование и т.д.

Упомянув о социальной составляющей устойчивого развития, необходимо акцентировать внимание на демографическом факторе, влияющем на формирование региональных различий, а также являющемся неотъемлемой составляющей устойчивого развития. Неоднородность расселения по территории России обусловлена уникальным экономико-географическим устройством страны, а также характером ее экономического и политического устройства. Многие регионы России отличаются своей отдаленностью, а основная часть территорий находится в восточных районах, при том что подавляющая часть населения сосредоточилась в ее центрально-европейской части, около 78%. Система расселения России, которая сложилась в результате индустриализации, в настоящее время не способна обеспечивать воспроизводство населения в большинстве регионов страны. Как следствие, актуализируются процессы, выражающиеся в низких темпах хозяйствования, доминировании сырьевых отраслей, увеличении межрегиональных различий и угрозах устойчивого развития. Региональные демографические процессы представляют собой исключительную важность, так как сама суть функционирования национальной экономики заключается в удовлетворении потребностей населения, в связи с этим недостаточное развитие социально-экономической сферы регионов, нарушение баланса расселения отрицательно сказываются на всей системе народного хозяйства страны.

Промышленность, являясь неотъемлемой и важной частью производственной сферы, оказывает существенное влияние на устойчивое развитие национальной экономики. Промышленность в целом — это одна из ведущих отраслей экономики государства. Вклад промышленности в функционирование регионального хозяйствования представляется весьма существенным, так как продукция данной отрасли имеет высокую цену и пользуется спросом на рынке (что немаловажно, рынок сбыта может быть как внутренний — страны, так и внешний — мировой). Промышленность способствует развитию многих направлений социально-экономической жизни регионов и их устойчивому развитию.

При рассмотрении объемов выпуска производственных предприятий промышленности, что имеет прямое влияние на все показатели экономики, актуальной тенденцией является некоторое снижение показателей промышленного производства (табл. 1).

Таблица 1

Динамика изменения индекса промышленного производства по видам экономической деятельности

Отчетный год	Индекс промышленного производства (в % к предыдущему году)	По виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» (в % к предыдущему году)	По виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» (в % к предыдущему году)	По виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» (в % к предыдущему году)
2011	105,0	101,8	100,2	113,5
2012	103,4	101,0	101,3	109,9
2013	100,4	101,1	97,5	110,3
2014	101,7	101,4	99,9	102,1

Данные официальной государственной статистики, приведенные в табл. 1, демонстрируют ситуацию в области промышленного производства в четырехлетнем периоде. Наблюдается снижение индекса промышленного производства с 2011 по 2014 год на 3,3%.

Учитывая снижение индекса промышленного производства, который является одним из главных индикаторов состояния народного хозяйства, а также индексов по основным видам экономической деятельности, указанных выше, можно говорить о снижении показателей состояния как национальной экономики, так и экономики регионов.

В некоторой степени снижение основных экономических показателей вызвано внутренними и внешними причинами, одной из которых является интенсивный износ основных фондов организаций промышленности. Степень износа основных фондов в 2013 году достигла 53,2% по направлению экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и 43,5% — «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» (табл. 2). Наибольший рост износа оборудования за трехлетний период экономики произошел в отраслях, направленных на добычу полезных ископаемых.

Таблица 2

Динамика степени износа основных фондов по видам экономической деятельности (на конец года, в %)

	2011	2012	2013
Добыча полезных ископаемых	48,4	49,6	52,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	41,9	39,2	39,2
Обрабатывающие производства	42,5	43,4	43,5

Удельный вес полностью изношенных основных фондов в организациях промышленности в 2013 году составил [6]:

— добыча полезных ископаемых — 22,3%;

— производство и распределение электроэнергии, газа и воды — 12,2%;

— обрабатывающие производства (производство кокса и нефтепродуктов) — 12,2%.

Важно, что коэффициент обновления основных фондов значительно отстает от степени их износа. Рассматривая тот же период (с 2011 по 2013 год), мы видим, что при некотором увеличении коэффициента их обновления, в том числе по направлению «Добыча полезных ископаемых», степень износа продолжает увеличиваться. По направлению «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» с 2011 по 2013 год отмечается небольшое снижение степени износа основных фондов — на 2,7%, однако с 2012 по 2013 год данный показатель оставался неизменным (табл. 3). Причиной снижения степени износа основных фондов по данному направлению мог послужить рост коэффициента их обновления, однако в 2013 году коэффициент вырос.

Таблица 3

Изменение коэффициента обновления основных фондов организаций промышленности (на конец года, в %)

Вид экономической деятельности	2011	2012	2013
Добыча полезных ископаемых	6,0	6,8	6,4
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6,4	6,5	6,9
Обрабатывающие производства	5,4	5,9	5,7

Говоря об особенностях устойчивого развития регионов, необходимо уделять повышенное внимание экологическим угрозам, среди которых можно выделить высокую степень загрязнения окружающей среды от деятельности организаций, входящих в отрасли промышленности. На их долю приходится значительный объем неблагоприятных для окружающей среды выбросов в атмосферу, а также вредных веществ, сбрасываемых в воду. Предприятиями промышленности непрерывно осуществляется выброс в атмосферу загрязняющих веществ. В 2013 году, согласно официальным данным Росстата, было выброшено 9445,2 тыс. тонн наиболее распространенных загрязняющих веществ, в том числе производство и распределение электроэнергии, газа и воды — 3868,7 тыс. тонн; производство кокса и нефтепродуктов — 736,5; добыча топливно-энергетических полезных ископаемых — 4840,1. Необходимость экономического развития, которое, в свою очередь, социально ориентировано, способствует нагрузке на окружающую среду. «Так, решение экономических проблем, связанных с повышением макроэкономических показателей, неизбежно влечет за собой усугубление экологических проблем, хотя и одновременно направлено на решение социального блока проблем» [9, с. 116].

Различия в региональном развитии выводят из состояния равновесия всю национальную экономику, между тем академик РАН Н.Н. Моисеев отмечает, «термин «устойчивое развитие» следует трактовать как разработку и реализацию стратегии общества к состоянию равновесия. Будущее человечеству может быть гарантировано только в условиях более или менее стабильного кругооборота веществ (стабильных биохимических циклов)» [10]. В этой связи сокращение дифференциации в развитии регионов по основным социально-экономическим показателям становится одной из ключевых задач государственного управления. Так, стабильность как одна из черт устойчивости хоть и не является бесспорной, но предполагает возможность эволюционного типа развития, при этом не следует забывать об интенсивных сдвигах.

Одним из важных моментов формирования устойчивости развития является уровень научно-технического прогресса, обеспечивающий эффективность народного хозяйства. Однако научно-технический прогресс невозможен без серьезных капитальных вложений в научно-исследовательские разработки и инвестиции. Сложившаяся конъюнктура мировых рынков склоняется к области добычи, переработки и транспортиров-

ки ресурсов, диктует условия инновационности и научного подхода к производству. Так, например, на сегодняшний день в структуре топливно-энергетического комплекса России насчитывается чуть более 51 тысячи организаций, из них всего 260 промышленных организаций, занимающихся научно-исследовательской работой. Данное обстоятельство также является сдерживающим фактором на пути к устойчивому развитию. Между тем у промышленных организаций как потребителей инновационных технологий должен быть широкий выбор на рынке высоких технологий. В связи с этим К.П. Гринюк в своих работах отмечает: «инициатива во взаимодействии науки и производства исходит не только из сферы производства, но и из сферы науки. Это происходит из-за того, что накопленное обществом количество научных знаний стало переходить в новое качество» [11, с. 242].

Таким образом, с помощью совершенствования отраслей промышленности России, которые нуждаются в переоснащении и обновлении, можно решить многие проблемы, в том числе вопросы диверсификации народного хозяйства, снижения высокой доли экспортной составляющей в формировании доходов государства, внедрения инновационных технологий производства. Диверсифицированная производственная сфера и развитая непроизводственная как система отраслевой структуры экономики региона способны минимизировать внутренние и внешние угрозы и привести к снижению межрегиональных различий, а следовательно, к выравниванию показателей национальной экономики в целом.

Существующие причины образования межрегиональных различий весьма разнообразны, и степень их влияния на региональную экономику (а значит, и на устойчивость развития народного хозяйства страны) различна, однако некоторые из них, такие как территориальный фактор, объем природно-ресурсного потенциала, являются данностью, и изменить их не представляется возможным. В свою очередь, воздействовать на отраслевую структуру экономики региона, модернизировать ее, диверсифицировать вполне реально. Совершенствование народного хозяйства российского государства, переход на путь устойчивого развития, а также направленность на социальные и экологические принципы является весьма актуальной теоретической и практической проблемой. Годы реформ продемонстрировали выявившиеся в рыночных условиях проблемы во всех отраслях народного хозяйства, связанные с высокими темпами износа основных фондов, недостаточностью инвестиционных вложений, инновационной составляющей, а также экологическими угрозами, которые не удается решить достаточно быстро, не прибегая к механизмам государственного регулирования. Кроме того, следует отметить важность изменений структуры промышленности отечественной экономики с учетом не только конъюнктуры мирового рынка, но и национальных экономических интересов, способствующих выходу России на передовой технологический уровень, нацеленный на сохранение энергетического потенциала и экологизацию производства. В этом случае удастся в полной мере использовать преимущества нашей страны в особых условиях формирования устойчивого развития народного хозяйства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. «Наше общее будущее»: Доклад Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию (ВКОСР) / пер. с англ.; под ред. С. А. Евтеева и Р. А. Перелета. М.: Прогресс, 1989. 242 с.

2. Угольницкий Г. А. Иерархическое управление устойчивым развитием // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 133—140.

3. Брошкова С. Р. Формирование и развитие понятийно-терминологической системы «регион» в контексте экономико-экологического устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecologylife.ru/odesski-region/formirovanie-i-razvitie-ponyatiyno-terminologicheskoy-sistemyi.html (дата обращения: 15.02.2015).

4. Виноградова К. О., Ломовцева О. А. Сущность и структура потенциала развития региона // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://www.science-education.ru/109-9620 (дата обращения: 27.02.2015).

5. Дорохов А. В. К вопросу о сущности эффективной региональной политики // Вопросы теории и практики управления. 2010. № 7. С. 22—30.

6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 04.06.2015).

7. Официальный сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии [Электронный ресурс]. URL: https://rosreestr.ru/site/ (дата обращения: 29.05.2015).

8. Авезов А. Х. Методологические аспекты устойчивости региональной экономики // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 23—26.

9. Тельнова Н. Н., Шаталова О. И., Шеховцова С. Р. Условия функционирования и факторы устойчивого сбалансированного развития регионов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 115—118.

10. Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? М.: Ульяновский Дом печати, 1999. 288 с.

11. Гринюк К. П. Особенности организации инновационной деятельности в промышленности на современном этапе научно-технического развития // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 241—244.

REFERENCES

1. «Our common future»: Report of the World Commission on Environment and Development (WCED) / translated from English, edited by S. A. Evteev and R. A. Perelet. M.: Progress, 1989. 242 p.

2. Ugolnitsky G. A. Hierarchical management of steady development. Public sciences and modern age. 2002. № 3. P. 133—140.

3. Broshkova S. R. Establishment and development of the conceptual terminological system «region» in the context of economic-ecological steady development [Electronic resource]. URL: http://www.ecologylife.ru/odesski-region/formirovanie-i-razvitie-ponyatiyno-terminologicheskoy-sistemyi.html (date of viewing: 15.02.2015).

4. Vinogradov K. O., Lomovtseva O. A. Essence and structure of potential of regional development // Modern issues of science and education. 2013. № 3 [Electronic resource]. URL: http://www.science-education.ru/109-9620 (date of viewing: 27.02.2015).

5. Dorokhov A. V. To the issue of the essence of effective regional politics // Issues of theory and practice of management. 2010. № 7. P. 22—30.

6. Official web-site of Federal service of state statistics [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/ (date of viewing: 04.06.2015).

7. Official web-site of the Federal service of state registration, cadastre and cartography [Electronic resource]. URL: https://rosreestr.ru/site/ (date of viewing: 29.05.2015).

8. Avezov A. H. Methodological aspects of sustainability of the regional economy // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 23—26.

9. Telnova N. N., Shatalova O. I., Shekhovtsova S. R. Conditions of functioning and factors of sustainable balanced development of regions // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 115—118.

10. Moiseev N. N. To be or not to be... mankind? M.: Ulyanovsk printing House, 1999. 288 p.

11. Grinyuk K. P. Peculiarities of arrangement of innovative activity in the industry at the present stage of scientific and technological development // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 241—244.

УДК 338.48
ББК.65.433

Tyutyusheva Anna Gennadievna,
post-graduate student of the department
of state and municipal management
of Volgograd State University,
treasurer of category 1 of the Federal treasury
of the Volgograd region,
Volgograd,
e-mail: shewnina.an@yandex.ru

Тютюшева Анна Геннадьевна,
соискатель кафедры государственного
и муниципального управления
Волгоградского государственного университета,
казначей в Управлении Федерального казначейства
по Волгоградской области,
г. Волгоград,
e-mail: shewnina.an@yandex.ru

ОЦЕНКА РЕАЛИЗАЦИИ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА В ПРОГРАММЕ «РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕГО И ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (2011—2018)»

EVALUATION OF IMPLEMENTATION OF THE CLUSTER APPROACH IN THE PROGRAM «DEVELOPMENT OF DOMESTIC AND INBOUND TOURISM IN THE RUSSIAN FEDERATION (2011—2018)»

В статье рассматривается программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)» как один из основных документов в сфере развития туризма. Проводится оценка реализации поставленных задач, заложенных в программе (2011—2018), по формированию туристических кластеров на территории Российской Федерации. Рассматривается туристический потенциал федеральных округов и регионов Российской Федерации. В статье характеризуются созданные и находящиеся в процессе формирования туристические кластеры на территории РФ, анализируется динамика туристического потока в субъектах РФ. Исследование реализации программы по развитию туризма дает представление, какими темпами развивается туризм в РФ и как эффективно реализуются поставленные задачи в правовых актах, направленных на совершенствование туристической отрасли на территории РФ.

The article examines the program «Development of domestic and inbound tourism in the Russian Federation (2011—2018)» as one of the main documents in the field of tourism development. Assessment of implementation of the objectives set in the program (2011—2018) for formation of tourism clusters at the territory of the Russian Federation is done. Tourism potential of the Federal districts and regions of the Russian Federation is examined. The article reviews tourism clusters already established and being developed at the territory of the Russian Federation, analyzes dynamics of the tourist flow in the RF. The study of implementation of the program for development of tourism gives an idea how fast the tourism is developed in Russia, and how effectively tasks set by legal enactments and aimed at improving of the tourism industry in Russia are implemented.

Ключевые слова: туризм, развитие туризма, внутренний туризм, выездной туризм, программа развития туризма, туристические направления, туристический поток, туристический кластер, туристический потенциал, туризм в федеральных округах.

Keywords: tourism, development of tourism, domestic tourism, outbound tourism, program of tourism development, tourist destinations, tourist flow, tourist cluster, tourism potential, tourism in the Federal districts.

Туризм в Российской Федерации многие годы не имел особого развития. Однако он играет важную роль в решении социальных проблем, обеспечивая создание дополнительных рабочих мест, рост занятости и повышение благосостояния населения страны. В последние годы в Российской Федерации разрабатываются программы по развитию туризма на различных уровнях. Для развития любого направления, сферы государства необходимы нормативно-правовая база и эффективная программа развития с правильными целями и задачами. Так, Правительством РФ было разработано и утверждено Постановление от 02.08.2011 № 644 «О Федеральной программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)». Кроме постановления разработаны и другие нормативно-правовые акты, но программа по развитию туризма на сегодняшний день является основным документом, подтверждающим развитие туризма на территории РФ на государственном уровне. Следует помнить, что реализация

любого проекта проходит в несколько этапов, завершением каждого организованного процесса с поставленными задачами является оценка эффективности созданного мероприятия.

В данном случае программа по развитию туризма реализуется с 2011 года, и для достижения поставленных целей в настоящее время актуальным является контроль выполнения этапов и оценка эффективности от создания туристических кластеров в той или иной степени.

Цель данной работы состоит в оценке реализации Федеральной программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)».

Задачи исследования следующие:

1) рассмотреть программу «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)»;

2) проанализировать этапы реализации программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)»;

3) оценить эффективность от реализации программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)» за конкретный период;

4) проанализировать полученные результаты.

Развитие сферы туризма, активизация внутренних и внешних туристических потоков — в ряду приоритетов развития российских регионов в ближайшей перспективе. Глобализация мировой экономики, обострение конкурентной борьбы требуют от отечественных предприятий сферы туризма инновационной активности по продвижению нового туристического продукта [1].

В настоящее время кроме актуальной программы по развитию туризма (2011—2018) существует базовый нормативный документ, регулирующий туристскую деятельность на территории РФ,— Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», а также Распоряжение Правительства РФ от 31.05.2014 № 941-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года». Рассматривается Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года, проводится анализ выполнения поставленных задач Постановления от 02.08.2011 № 644 «О Федеральной программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)». В Распоряжении № 941-р дается оценка существующему состоянию сферы туризма в РФ, перечисляются реализованные и реализуемые мероприятия для развития туризма, создания туристических кластеров.

Правительством РФ было разработано и утверждено Постановление от 02.08.2011 № 644 «О Федеральной программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)». Российская Федерация обладает огромной туристско-рекреационной базой. Исходя из имеющихся ресурсов, страна может развивать почти все направления туризма: пляжный, культурно-развлекательный, деловой, активный, оздоровительный, экологический, водный, сельский и т. д. [2].

Рассматривая субъекты РФ относительно популярности туристических направлений, можно определить, что пляжный вид туризма популярен в Южном федеральном округе (Черноморское, Азовское побережье). Северо-Западный федеральный округ характеризуется культурно-познавательным туристическим направлением. Лидерами по деловому туризму являются Центральный и Северо-Западный федеральные округа. Оздоровительный туризм поддерживается в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах.

В Постановлении от 02.08.2011 № 644 «О Федеральной программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)» был рассмотрен потенциал развития туристических направлений по федеральным округам РФ. Данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Перспективные виды туризма в федеральных округах РФ в 2015 году

	Вид туризма												
Федеральный округ	Культурно-познавательный	Этнографический	Деловой	Экологический	Религиозный	Сельскохозяйственный	Рекреационный	Событийный	Активный	Оздоровительный	Пляжный	Археологический/спелеологический	Водный
Центральный	■	■			■								
Северо-Западный	■		■					■	■				
Южный										■	■		
Северо-Кавказский													
Привольжский	■												
Уральский													
Сибирский	■			■			■			■			
Дальневосточный	■								■	■			■

Источник: создано автором на основании Постановления от 02.08.2011 № 644 «О Федеральной программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)».

Где:

■ — относительно развитые виды туризма в федеральных округах РФ

■ — перспективные виды туризма для развития в федеральных округах РФ

Анализируя данные табл. 1, видим, что в большинстве федеральных округов России наибольшей популярностью пользуется культурно-познавательный вид туризма, а также активный и оздоровительный, перспективы в развитии имеют водный, сельскохозяйственный, экологический виды туризма.

Анализируя федеральные округа по развитости направлений туризма и потенциал их развития, можно сказать, что наиболее развиты Центральный и Северо-Западный федеральные округа. В таких регионах, как Северо-Кавказский, Южный, Приволжский, Уральский федеральные округа, уровень развития туризма низкий.

Программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)» позволяет реализовать весь неиспользованный потенциал туристических направлений в РФ. Суть механизма государственного финансирования и осуществления государственных инвестиций для обеспечения развития внутреннего и въездного туризма в РФ заключается в применении кластерного подхода. Целью программы является повышение конкурентоспособности российского туристского рынка, удовлетворяющего потребности российских и иностранных граждан в качественных туристских услугах. Достижение цели программы обеспечивается решением следующих задач:

1. Развитие туристско-рекреационного комплекса Российской Федерации.

2. Повышение качества туристических услуг.

3. Продвижение туристского продукта Российской Федерации на мировом и внутреннем туристских рынках.

Вся программа разбита на этапы, которые должны реализовываться в определенные временные рамки.

Первый этап (2011—2014) — реализация пилотных проектов по созданию туристских и автотуристских кластеров, создание первоочередных туристических объектов, поддержка перспективных проектов создания региональных туристских кластеров, анализ туристического потенциала регионов страны.

Второй этап (2015—2018) — тиражирование апробированных и отлаженных решений и механизмов, масштабное развитие курортных и туристских объектов.

В программе уделяется особое внимание туристским кластерам, которые будут способствовать развитию приоритетных туристических направлений. Анализ имеющихся субъектов РФ — неотъемлемая часть. Так, например, регионы северо-западной части России (Санкт-Петербург, Ленинградская, Псковская, Новгородская и Архангельская области, Республика Карелия) формируют Серебряное кольцо России. Данный федеральный округ характеризуется историко-культурным наследием, богатством природных ресурсов, наличием старейшего курорта в России — Марциальные Воды. Потенциал развития регионов заключается в применении методов, которые будут способствовать улучшению содержания многих историко-культурных объектов, развивать транспортную, обеспечивающую инфраструктуру.

В Центральном федеральном округе регионы (Москва, Московская, Владимирская, Ивановская, Костромская, Тверская и Ярославская области) образуют Золото кольцо России, в котором развиты следующие виды туризма: культурно-познавательный туризм, этнографический, религиозный. Потенциал регионов заключается в развитии маркетинга и в более эффективном продвижении продукта на туристическом рынке, в развитии новых туристических маршрутов и туристской инфраструктуры.

Некоторые устоявшиеся туристические маршруты в РФ представлены понятием «кольцо» — это ряд туристических маршрутов по древнейшим русским городам центральной части страны. В них сохранились старейшие памятники архитектуры, культуры и быта Руси [3].

На данный момент в РФ существуют Золотое кольцо, Серебряное кольцо, разрабатывается «Зеленое кольцо» (Карелия, плато Путорана, Камчатка, Сахалин, Байкал и Алтай). Туристические кольца являются определенным каркасом кластера, но туристический кластер может образоваться и внутри кольца [4].

Регионы Южного федерального округа (Ростовская область и Краснодарский край) и Северо-Кавказского (Ставропольский край, Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика, Республика Адыгея и Республика Ингушетия) должны быть объединены в туристическое направление «Юг России». Туристско-рекреационные ресурсы, флора, фауна регионов дают прекрасную возможность в перспективе пляжному, оздоровительному, горнолыжному туризму. Потенциал регионов заключается в повышении качества туристического продукта, развитии инфраструктуры, создании новых туристических направлений, а также в кластеризации туристско-рекреационного пространства [5].

Регионы, входящие в Приволжский федеральный округ, и регионы Южного федерального округа (Волгоградская и Астраханская области) в перспективе сформируют туристическое направление «Большая Волга». Историко-культурные и национальные особенности крупнейших городов, расположенных на реках Волге и Каме, в совокупности с рекреационными ресурсами дают возможность развивать культурно-познавательное направление, в перспективе — активный, водный, этнографический, оздоровительный, экологический, деловой, пляжный туризм. Потенциал данных регионов заключается в первую очередь в модернизации инфраструктуры [6].

В Сибирском федеральном округе наиболее перспективные направления туризма имеют место быть на территории Алтайского края и Алтайской Республики. Регионы России обладают уникальными природно-географическими, климатическими, бальнеологическими, культурно-историческими ресурсами. Главным туристическим ресурсом является озеро Байкал, уникальный природный объект, включенный в список ЮНЕСКО. Разнообразие флоры, наличие природных парков, заповедников, археологических памятников закладывает свои конкурентные преимущества кластера среди других потенциально возможных. Потенциал данного направления заключается в развитии туристской и транспортной инфраструктуры, регулировании ценовой политики, повышении качества сервиса, повышении квалификации кадров.

Дальний Восток представлен следующими регионами, интересными для туризма: Приморье, Камчатка, Амурская область. Дальневосточный федеральный округ имеет уникальный муссонный климат, но потенциал развития заключается в развитии туристической и транспортной инфраструктуры.

В результате реализации программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)» были отобраны наиболее перспективные регионы, проявляющие интерес в подготовке инвестиционных проектов: республики Алтай, Карелия, Саха (Якутия), Татарстан, Тыва, Чувашская Республика, Краснодарский и Ставропольский края, а также Амурская, Астраханская, Владимирская, Вологодская, Иркутская, Калининградская, Калужская, Костромская, Новгородская, Самарская, Сахалинская, Свердловская и Тюменская области, Ярославская, Ивановская, Рязанская, Ростовская

и Псковская области, а также Алтайский край. Данные кластеры представлены на рис. 1.

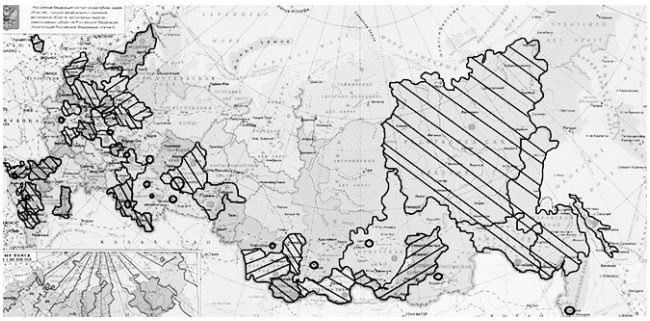


Рис. 1. Туристические кластеры на территории РФ на 2014 год

Где:

— наиболее потенциальные регионы РФ для развития туризма, выделенные в программе развития туризма (2011—2018)

— кластеры, заложенные в программе по развитию туризма (2011—2018) на территории РФ

— кластеры, реализующиеся на территории РФ по программе развития туризма (2011—2018)

Таким образом, видно, что большинство потенциальных туристических регионов, отмеченных в программе по развитию туризма (2011—2018), территориально находятся в заложенных программой туристических направлениях по развитию туризма «Большая Волга», «Юг России» и т. д. или прилегают к ним. Есть и отдельные субъекты, представляющих интерес для развития туризма: Тюменская область, Свердловская область, Республика Тыва, Сахалинская область, Калининград.

Каждый из выбранных субъектов Российской Федерации расположен на уникальной по своим туристским качествам и свойствам территории, имеет значительный накопленный и перспективный туристский потенциал, большие возможности и перспективы дальнейшего развития и роста.

Создание запланированных на первом этапе туристских кластеров характеризуется комплексным подходом, в рамках которого планируется строительство коллективных средств размещения и организации досуга, отвечающих мировым стандартам, на базе современной обеспечивающей инфраструктуры.

Результаты выполнения поставленных задач Программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)» на конец 2014 года представлены в табл. 2.

Таблица 2

Созданные туристические кластеры по программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)» на конец 2014 года

Субъект РФ	Кластер	Результат
Ярославская область	Туристско-рекреационный кластер «Ярославское взморье»	Создано 10 тыс. дополнительных рабочих мест; увеличен туристский поток на 180 тыс. туристов в год
Ивановская область	Туристско-рекреационный кластер «Плес»	Кластер создан, создано более 1,4 тыс. дополнительных рабочих мест; увеличен туристский поток на 330 тыс. туристов в год
Рязанская область	Туристско-рекреационный кластер «Рязанский»	Кластер создан, создано более 1,2 тыс. дополнительных рабочих мест; увеличен туристский поток в регион на 115,7 тыс. туристов в год
Ростовская область	Создание автотуристского кластера «Всплеск»	Создание кластера прекращено в 2012 году
Псковская область	Туристско-рекреационный кластер «Псковский»	Кластер создан, создано более 1,9 тыс. дополнительных рабочих мест; увеличен туристский поток на 80 тыс. туристов в год
Алтайский край	Рекреационный кластер «Белокуриха»	Кластер создан, создано более 3,5 тыс. дополнительных рабочих мест; увеличен туристский поток на 120 тыс. туристов в год
	Туристско-рекреационный кластер «Барнаул — горнозаводской город»	Кластер создан, создано более 2,2 тыс. дополнительных рабочих мест; увеличен туристский поток на 170 тыс. туристов в год
	Автотуристский кластер «Золотые ворота»	Кластер создан, создано более 500 дополнительных рабочих мест; увеличен туристский поток на 31,1 тыс. туристов в год
	Всесезонный горнолыжный спортивно-оздоровительный комплекс «Манжерок»	Кластер создан, создано 2,5 тыс. дополнительных рабочих мест; увеличен туристский поток региона на 150 тыс. туристов в год
Краснодарский край	Туристско-рекреационный кластер «Абрау — Утриш»	Кластер создан, создано 2,8 тыс. рабочих мест; увеличен туристский поток на 900 тыс. туристов в год
Ставропольский край	Туристско-рекреационный кластер «Эко-курорт Кавминводы»	Кластер создан, создано более 1,1 тыс. дополнительных рабочих мест; увеличен туристский поток на 82,5 тыс. туристов в год
Республика Тыва	Этнокультурный туристский комплекс «Алдын-Булак», туристский центр «Силбир»	Созданы оба кластера, создано более 280 дополнительных рабочих мест, увеличен туристский поток на 24,6 тыс. туристов в год
Вологодская область	Туристско-рекреационный кластер «Насон-город»	Кластер создан, создано более 2 тыс. дополнительных рабочих мест; увеличен туристский поток на 454,2 тыс. туристов в год
	Туристско-рекреационный кластер «Центр активного отдыха и туризма «Y. E. S»	Кластер создан; туристский поток увеличен на 500 тыс. туристов в год, создано более 107 дополнительных рабочих мест

Окончание табл. 2

Субъект РФ	Кластер	Результат
Костромская область	Туристско-рекреационный кластер «Кладезь земли Костромской»	Кластер создан; создано 846 дополнительных рабочих мест; увеличен туристский поток на 356 тыс. туристов в год
Республика Саха (Якутия)	Туристско-рекреационный кластер «Северная мозаика»	Кластер создан; создано более 120 дополнительных рабочих мест; увеличен туристский поток на 196 тыс. туристов в год
Калужская область	Туристско-рекреационный кластер «Никола-Ленивец»	Кластер создан, создан комплекс обеспечивающей инфраструктуры, в том числе сети электроснабжения и связи, газопровод, водопровод, канализация, очистные сооружения, проведено водоотведение
Чувашская Республика	Туристско-рекреационный кластер «Этническая Чувашия»	Кластер создан; создано более 1,6 тыс. дополнительных рабочих мест, увеличен туристский поток на 250 тыс. туристов в год
Свердловская область	Автотуристский кластер «Самоцветное кольцо Урала»	Кластер создан; создано более 1,1 тыс. дополнительных рабочих мест, туристский поток увеличен на 587,8 тыс. туристов в год
Амурская область	Туристско-рекреационный кластер «Амур»	Кластер создан; туристский поток увеличен на 180 тыс. туристов в год, создано более 450 дополнительных рабочих мест
Калининградская область	Туристско-рекреационный кластер «Раушен»	Кластер создан, туристский поток увеличен на 138,9 тыс. туристов в год, создано более 956 дополнительных рабочих мест

Источник: сост. автором на основании Постановления от 02.08.2011 № 644 «О Федеральной программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)».

Таким образом, из 28 выделенных регионов, имеющих высокий потенциал для развития туризма, на конец 2014 года кластеры созданы в 18 субъектах. Кластеры не реализованы в Сахалинской, Иркутской, Тюменской и Самарской областях, Республике Татарстан, Новгородской и Владимирской областях, Республике Карелии, Астраханской области.

Следует учитывать, что завершением любого организованного процесса с поставленными задачами является оценка эффективности созданного мероприятия. В данном случае программа по развитию туризма реализуется с 2011 года, и для оценки эффективности в части реализованного проекта возможно рассмотреть динамику туристического потока. Основным показателем экономической эффективности туристической отрасли является туристический поток. Туристический поток — это постоянное прибытие туристов в страну (регион) [7]. Динамика туристического потока в регионах, включенных в программу по развитию туризма (2011—2018), представлена в табл. 3.

Таблица 3

Динамика туристического потока в регионах, включенных в программу по развитию туризма (2011—2018)

Субъекты РФ	Туристический поток в субъект РФ, тыс. чел. (по годам)				
	2009	2010	2011	2012	2013
Ивановская область	350	1150	1250	1290	1330
Ярославская область	1400	1500	1800	2250	3000
Ростовская область	804,1	817,8	910,6	1019,3	1044,1
Псковская область	239,5	304	280	324,5	319,5
Алтайский край	1000	1100	1300	1500	1600
Краснодарский край	1193	1053	1100	1110	1160
Ставропольский край	839	873	960	930	1100
Республика Тыва	29,9	34,1	38,1	48,2	54,5
Вологодская область	1360	1460	1800	1940	2100
Костромская область	1000	1199	1300	—	1350
Республика Саха (Якутия)	137,7	132,3	140,6	148,3	152
Калужская область	636	713	874	1200	1500
Свердловская область	742,9	891,5	920	1300	1600
Амурская область	92,8	94,5	77,5	127	132,6
Калининградская область	364,7	420	450	500	565

Источник: сост. автором на основании статистических данных [2].

На рис. 2 представлена та же динамика туристического потока в регионах, включенных в программу по развитию туризма (2011—2018). Анализируя динамику туристического потока в субъектах РФ, включенных в программу «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)», основой которой является создание туристических кластеров, видим, что с 2011 года наблюдается тенденция увеличения туристического потока. При этом следует отметить, что в табл. 1 представлены не все субъекты РФ (Рязанская область, Чувашская Республика), включенные в программу. Связано это с отсутствием полных данных за исследуемый период. Однако собранные данные по Рязанской области говорят о том, что туристический поток с 2005 по 2013 год увеличился в 2,2 раза со 111 до 246 тыс. чел., а вот в Чувашской области туристический поток с 2009 по 2013 год увеличился в 1,9 раза со 127 до 250 тыс. чел.

Рис. 2. Динамика туристического потока в регионах, включенных в программу по развитию туризма (2011—2018)

Источник: создано автором на основании статистических данных [2].

В последнее время туристическая отрасль в РФ активно развивается, об этом говорят принятые нормативно-правовые акты в сфере туризма, закладывающие развитие и реализацию потенциала туристических направлений. В каждом постановлении, стратегии развития, программе ставятся задачи, реализация которых в дальнейшем отслеживается. Так, например, в настоящее время активно ведется выстраивание туристических кластеров, которые были определены в Постановлении от 02.08.2011 № 644 «О Федеральной программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)», многие из которых уже реализованы. Исследование реализации программы по развитию туризма дает представление, какими темпами развивается туризм в РФ и как эффективно реализуются поставленные задачи в правовых актах, направленных на совершенствование туристической отрасли на территории РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Матина Е. С., Курченков В. В., Фетисова О. В. Основные приоритеты формирования стратегии развития регионального туристского комплекса // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 2 (31). С. 37—41.

2. О Федеральной программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011—2018)»: Постановление от 02.08.2011 № 644 // Закон прост [Электронный ресурс]. URL: http://www.zakonprost.ru (дата обращения: 28.01.2015).

3. Золотое кольцо России // Туризм без границ [Электронный ресурс]. URL: http://turizmbezgranic.ru/zolotoe-kolco-rossii/ (дата обращения: 03.02.2015).

4. Зеленое кольцо России // Исторические города России [Электронный ресурс]. URL: http://barmani.ru/post221275890 (дата обращения: 13.03.2015).

5. Курченков В. В., Митрофанова И. В. Уровень и качество жизни на юге России: тенденции и перспективы // Финансы и кредит. 2006. № 27. С. 57—65.

6. Матина Е. С. Туристско-рекреационный комплекс региона: характеристика состояния, преимущества и проблем развития // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 196—200.

7. Рубцова Н. В. Апробация методики оценки социально-экономической эффективности туристской деятельности региона (на примере регионов Прибайкалья) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 1 (30). С. 110—116.

REFERENCES

1. Matina E. S., Kurchenkov V. V., Fetisova O. V. Key priorities for establishing strategy of the regional tourist complex development // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. № 2 (31). P. 37—41.

2. On the Federal program «Development of domestic tourism in the Russian Federation (2011—2018)»: Decree dated 02.08.2011 № 644 // The law is simple [Electronic resource]. URL: http://www.zakonprost.ru (date of viewing: 28.01.2015).

3. Gold Ring of Russia // Tourism without Borders [Electronic resource]. URL: http://turizmbezgranic.ru/zolotoe-kolco-rossii/ (date of viewing: 03.02.2015).

4. Green Ring of Russia // Historical Russian cities [Electronic resource]. URL: http://barmani.ru/post221275890 (date of viewing: 13.03.2015).

5. Kurchenkov V. V., Mitrofanova I. V. Level and quality of life in the south of Russia: trends and prospects // Finances and Credit. 2006. № 27. P. 57—65.

6. Matina E. S. Regional tourism and recreational complex: status, advantages and problems of development // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 4 (29). P. 196—200.

7. Rubtsova N. V. Practical application of the method of evaluation of social and economic efficiency of tourism activities of the region (on the example of the Baikal region) // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. № 1 (30). P. 110—116.

УДК [338.1:620.9]:332.1
ББК 65.305.14:65.04

Fakhrislamova Elena Ivanovna,
senior teacher of the department of accounting,
analysis and audit of Kemerovo Institute (branch)
of the Russian economic university
named after G. V. Plekhanov,
Kemerovo,
e-mail: elena.fah@yandex.ru

Фахрисламова Елена Ивановна,
ст. преподаватель кафедры бухгалтерского учета,
анализа и аудита Кемеровского института (филиала)
Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова,
г. Кемерово,
e-mail: elena.fah@yandex.ru

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПРОИЗВОДИМОЙ И ПОТРЕБЛЯЕМОЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ НА ОСНОВЕ ЭНЕРГОБАЛАНСА РОССИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

ANALYSIS OF DYNAMICS OF PRODUCED AND CONSUMED ELECTRIC POWER BASED ON THE ENERGY BALANCE OF RUSSIA (REGIONAL ASPECT)

В статье рассматриваются отдельные вопросы энергобаланса России с учетом регионального аспекта (Кемеровской области). Основной акцент в статье сделан на потребление и производство электроэнергии на основе данных энергобаланса России. На базе произведенного анализа показателей электробаланса за период с 2005 по 2013 год формируются выводы об объемах потребления и производства в разрезе РФ, СФО и Кемеровской области; формируются выводы, характеризующие нестабильность производимой и потребляемой электроэнергии в целом по РФ и СФО. При этом в сравнительной характеристике потребляемой и производимой электроэнергии в Кемеровской области выявлено основное несоответствие: количества производимой в регионе электроэнергии существенно не хватает для покрытия необходимого и потребляемого объема.

The article discusses some aspects of the Russian energy balance taking into account the regional aspect (Kemerovo region). The main ascent in the article is made on consumption and production of electric power based of the energy balance of Russia. Based on the analysis of the energy balance indicators for the period from 2005 to 2013, conclusions about the volume of consumption and production in the context of the Russian Federation, the SFD and the Kemerovo region are made; conclusions characterizing by instability of produced and consumed electric power in the whole of Russia and the SFD are developed. The main discrepancy is identified in comparative characteristic of consumed and produced electric power of Kemerovo region: the volume of electric power produced in the region is significantly insufficient for meeting the required and consumed volume.

Ключевые слова: электроэнергетика, энергопотребление, производство, потребление, энергобаланс, Кемеровская область, отрасль экономики, энергомощности, энергоресурсы, региональная экономика.

Keywords: electric power engineering, power consumption, production, consumption, energy balance, Kemerovo region, sector of economics, energy potential, energy resources, regional economy.

Современное состояние развития отдельных отраслей экономики ставит перед исследователями новые актуальные цели и задачи. Не составляет исключения и отрасль энергетики. Экономика страны является одной из самых энергоемких в мире, по различным источникам она превышает энергоемкости других стран в 1,5—3,5 раза, что обусловливает необходимость снижения энергозатрат промышленных предприятий [1, с. 60]. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, объем потребляемой электроэнергии в 2013 году в отрасли добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды составил 564987,2 млн кВт-ч, что на 1,58% меньше показателя 2012 года (573969,2 млн кВт-ч); сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство — 15286,5 млн кВт-ч, что на 0,05% меньше показателя 2012 года (15278,2 млн кВт-ч); строительство — 12293,6 млн кВт-ч, что на 0,46% меньше показателя предыдущего года (12237,1 млн кВт-ч); оптовая и розничная торговля потребляет в 2013 году электроэнергии (30065,5 млн кВт-ч) на 5,5% больше показателя 2012 года (28498,0 млн кВт-ч); отрасль транспорта и связи за аналогичный период потребляет электроэнергии на 0,76% меньше (2013 год — 90378,4 млн кВт-ч) по отношению к 2012 году (91067,6 млн кВт-ч); другие виды экономической деятельности потребляли в 2013 году на 0,84% (98650,1 млн кВт-ч) больше показателя 2012 года (98475,3 млн кВт-ч).

Итак, можно с уверенностью сказать, что современное состояние энергетики характеризуется не только снижением объемов потребляемой электроэнергии в таких отраслях, как добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, строительство, транспорт, но и увеличением объемов потребления по отраслям оптовой и розничной торговли и другим видам экономической деятельности.

Все это определяет необходимость исследования вопроса энергопотребления и энергоэффективности в различных отраслях экономики и сферах деятельности человека.

Целью данного исследования является проведение сравнительной характеристики объемов потребляемой и производимой электроэнергии на основе энергобаланса в контексте регионального аспекта.

Стоит отметить, что электроэнергетика фактически является отраслью опережающего развития, потому что любой потребитель при заключении договора на его энергоснабжение предполагает, что у энергосистемы достаточно мощности и энергии для обеспечения нового потребителя. Другими словами, у энергетической отрасли всегда должно быть достаточно мощностей для обеспечения возможности подключения новых потребителей. Практически все современные технологии используют электроэнергию. Основными потребителями энергетической отрасли являются промышленные предприятия. Крупные промышленные предприятия обеспечивают наиболее равномерную загрузку энергосистемы по своим графикам нагрузки за счет значительного потребления энергии и мощности [2, с. 120].

На сегодняшний день состояние электроэнергетического комплекса РФ как единой энергетической системы включает в себя (по состоянию на конец 2012 года) 69 региональных энергосистем, которые, в свою очередь, образуют 7 объединенных энергетически систем: Сибири, Ура-

ла, Востока, Средней Волги, Юга, Центра и Северо-Запада.

Говоря о единой энергетической системе России (ЕЭС России), стоит сказать, что в нее, по данным Министерства энергетики РФ, на конец 2012 года входило около 700 электростанций мощностью свыше 5 МВт.

Установленная мощность электростанций ЕЭС России, по данным Минэнерго РФ на 31.12.2012,— 223,1 ГВт, в том числе ГЭС — 45,5 ГВт, АЭС — 25 ГВт, ТЭС — 152,6 ГВт. При этом доля оборудования электростанций РФ старше 30 лет по ТЭС составляет 74%, по ГЭС — 77,7%, по АЭС — 34,5%. Ситуация в сетях еще серьезнее. С другой стороны, Минэнерго Российской Федерации прогнозируется прирост нагрузки к 2017 году относительно 2010-го по ЕЭС России на 32,2 млн кВт (21,6%), а прогноз выбытия энергетического оборудования к 2020 году — 12—15% [3, с. 150].

На основе данных Минэнерго РФ, ежегодно все станции ЕЭС России производят около 1 трлн кВт-ч электроэнергии. Согласно данным электробаланса за период с 2005 по 2013 год, в целом по России рост произведенной электроэнергии составил 11,12% (табл. 1.)

Таблица 1

Произведено электроэнергии (млн кВт-час) [4]

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	953083,4	995793,9	1015333,0	1040379,0	991979,5	1038030	1054809,9	1069292,4	1059092,2
Сибирский федеральный округ	199922,8	206394,6	206099,4	213855,0	203858,4	211246,8	208070,2	212690,0	209336,0
Кемеровская область	25832,8	25656,2	26296,8	61380,6	24222,1	26659,5	24745,2	25168,9	20092,3

На основании данных, приводимых в табл. 1, следует, что рост производимой электроэнергии демонстрирует и Сибирский федеральный округ (далее СФО), в рамках которого за период с 2005 по 2013 год динамика роста составила 4,7%.

Сужая географию до муниципального уровня и анализируя показатель производимой электроэнергии в рамках Кемеровской области, следует отметить, что в данном ключе динамика имеет отрицательную тенденцию, то есть производимая электроэнергия в Кемеровской области за период с 2005 по 2013 год сократилась на 28,5%.

В целом же, рассматривая динамику производимой электроэнергии, важно заметить, что за период с 2005 по 2013 год динамика имеет нестабильную характеристику.

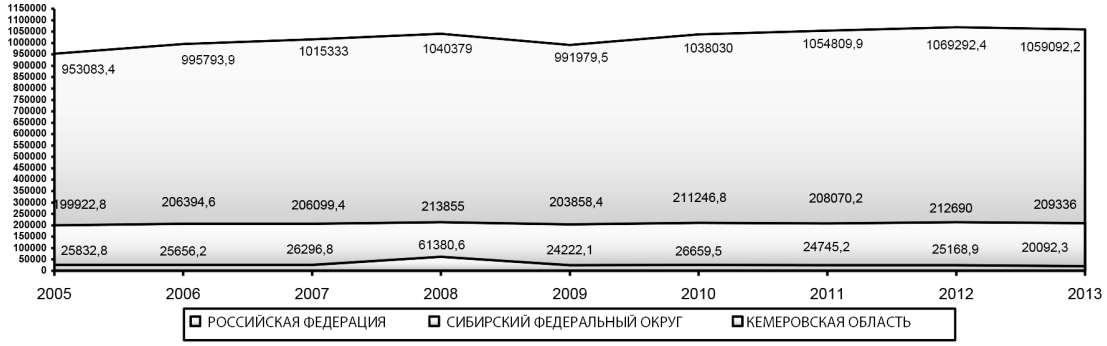


Рис. 1. Динамика произведенной электроэнергии в разрезе РФ, СФО и Кемеровской области (млн кВт-час)

Рассматривая рис. 1, следует отметить, что динамика произведенной электроэнергии за период с 2005 по 2013 год, в региональном контексте имеет пиковый рост в 2008 году по сравнению с 2005 годом (в 2,37 раза). Однако к 2013 году показатель производимой электроэнергии сокращается на 28,57% по отношению к 2005 году.

Наряду с анализом производимой электроэнергии на основе электробаланса стоит рассмотреть и потребление электроэнергии. Показатели потребления электроэнергии рассматриваются в период с 2005 по 2013 год.

Таблица 2

Потреблено электроэнергии (млн кВт-час) [4]

	2005	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
Российская Федерация	940702,7	979982,6	979982,6	1022746,0	977122,4	1020633	1041122,1	1063319,5	1054822,6
Сибирский федеральный округ	202967,0	206971,7	211990,1	221495,0	210776,2	218316,5	220822,9	229409,2	222418,4
Кемеровская область	33509,4	35489,9	36114,9	55054,5	33020,5	33972,0	33982,8	38055,4	36099,5

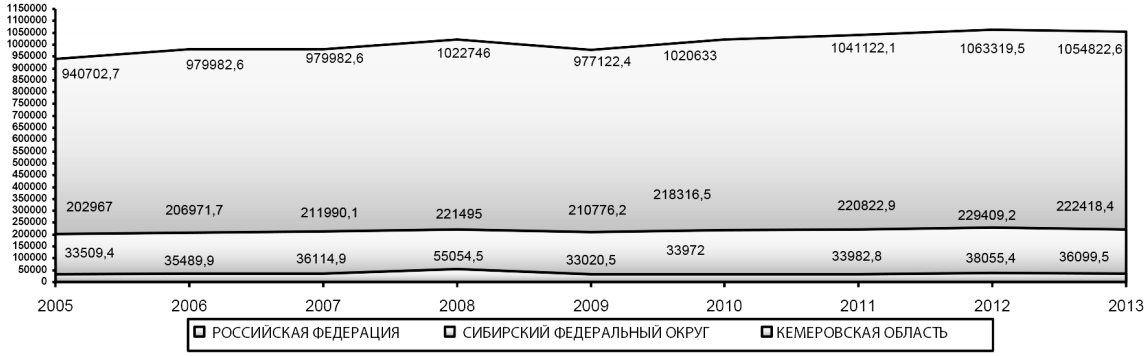


Рис. 2. Динамика потребляемой электроэнергии в разрезе РФ, СФО и Кемеровской области (млн кВт-час)

Данные табл. 2 и рис. 2, характеризуют возрастающие показатели потребления электроэнергии в целом по РФ на 12,13%, по СФО — на 9,58% и по Кемеровской области — на 7,72%.

В целом же за период с 2005 по 2013 год динамика потребления имеет различную характеристику — от роста до снижения и дальнейшего роста к предыдущему периоду — как в целом по России, так и в СФО и Кемеровской области.

Таблица 3

Соотношение потребляемой и производимой электроэнергии в Кемеровской области (млн кВт-час)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Производимая электроэнергия	25832,8	25656,2	26296,8	61380,6	24222,1	26659,5	24745,2	25168,9	20092,3
Потребляемая электроэнергия	33509,4	35489,9	36114,9	55054,5	33020,5	33972,0	33982,8	38055,4	36099,5

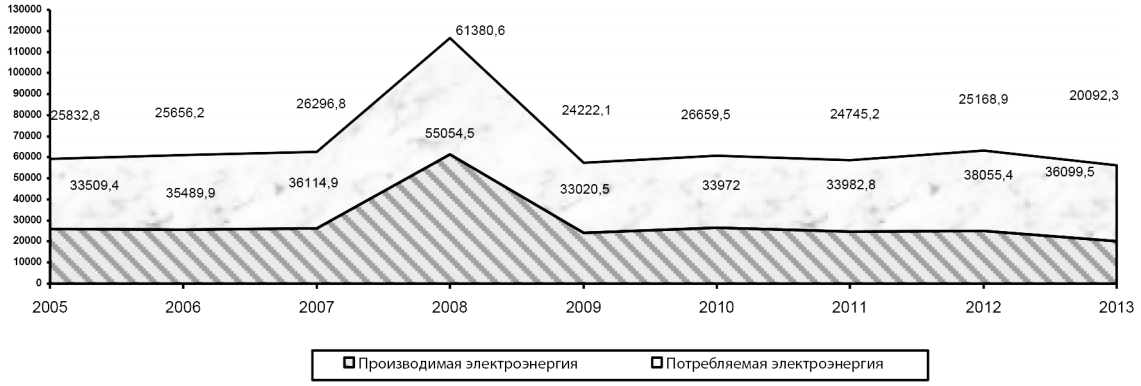


Рис. 3. Соотношение потребляемой и производимой электроэнергии в Кемеровской области в контексте 2005—2013 годов (млн кВт-час)

Говоря о соотношении потребляемой и производимой электроэнергии в Кемеровской области, стоит отметить, что по состоянию на конец 2013 года объем потребляемой электроэнергии на 55,6% больше объема производимой в Кемеровской области энергии. Таким образом, мы можем говорить об имеющемся дефиците электроэнергии в регионе.

В этой связи становится актуальным показатель объема получаемой электроэнергии из-за пределов Российской Федерации.

Таблица 4

Объем электроэнергии, полученной из-за пределов Российской Федерации, в Кемеровской области (млн кВт-ч) [4]

	2005	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
Получено из-за пределов Российской Федерации	10527,6	19253,4	20211,3	1523,4	15423,1	13025,0	14050,5	18409,0	18985,1

Рис. 4. Динамика объема электроэнергии, полученной из-за пределов Российской Федерации, в Кемеровской области (млн кВт-час)

Из данных табл. 4 и рис. 3 следует, что динамика объема электроэнергии, получаемой из-за пределов РФ, не имеет стабильного характера, однако если провести сравнение 2005-го с 2013-м, то в данном контексте наблюдается рост объема на 80,33%, при этом только за 2013 год по отношению к 2012-му рост составил 3,12%. Самый минимальный показатель объема электроэнергии, получаемой из-за пределов РФ, зафиксирован в 2008 году.

Подводя итог, стоит отметить, что на сегодняшний день нет единой тенденции, направленной на снижение потребления электроэнергии в отраслях экономики как России в целом, так и СФО и Кемеровской области в частности, что, в свою очередь, требует выработки мер, нацеленных на уравновешивание потребления электроэнергии и снижение ее потребления за счет внедрения современных инновационных технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чернов С. С. Совершенствование системы реализации энергосберегающих мероприятий в сфере ЖКХ // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3 (20). С. 59—69.

2. Сидоровнина И. А. Энергосистема Сибири: особенности и перспективы развития // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 2 (31). С. 119—124.

3. Чернов С. С., Бельчикова Е. С. Состояние энергосбережения и повышения энергетической эффективности в России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 149—153.

4. Технологическое развитие отраслей экономики / Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/# (дата обращения: 02.06.2015).

REFERENCES

1. Chernov S. S. Improvement of implementation of the energy saving measures in housing and utilities // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 3 (20). P. 59—69.

2. Sidorovnina I. A. The power system of Siberia: Features and Prospects of Development // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. № 2 (31). P. 119—124.

3. Chernov S. S., Belchikova E. S. Status of energy saving and energy efficiency in Russia // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 149—153.

4. Technological development of industries / Federal State Statistics Service of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/# (date of viewing: 02.06.2015).

УДК 334.761:332.1
ББК 65.290.332:65.04

Fomin Nikita Yurievich,
post-graduate student of the department of logistics and management of Kazan National Research Technological University,
Kazan;
assistant professor of the department of economics and management of Nizhnekamsk Institute of Chemical Technology,
Nizhnekamsk,
e-mail: Ya.Juventino@yandex.ru

Фомин Никита Юрьевич,
аспирант кафедры логистики и управления Казанского национального исследовательского технологического университета,
г. Казань;
ст. преподаватель кафедры экономики и управления Нижнекамского химико-технологического института,
г. Нижнекамск,
e-mail: Ya.Juventino@yandex.ru

ОБОСНОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ

SUPPORTING RATIONALE OF REGIONAL CLUSTERING EFFECTIVENESS

В статье исследуется кластерное развитие региональных экономических систем. Рассмотрено положительное влияние эффекта от формирования территориальных кластерных образований на социально-экономическое развитие российских регионов. Проведено исследование теоретической сущности экономической категории «кластер». В качестве примера положительного влияния кластерной стратегии предложен и обоснован с точки зрения экономической эффективности проект формирования и развития регионального кластера Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан. Обоснована целесообразность проекта и его экономическая эффективность. Предложен методологический подход к оценке экономического потенциала градообразующих промышленных предприятий и методологический подход к прогнозированию синергетического эффекта кластеризации.

The paper examines cluster-type development of regional economic systems. Positive influence of territorial cluster-type formations on the social and economic growth of a number of regions in the Russian Federation has been evaluated. The paper includes findings of an investigation into theoretical nature of cluster as an economic category. The project of formation and development of the regional cluster of Nizhnekamsk Municipal District of the Republic of Tatarstan has been proposed as an example of positive influence of the clustering strategy and validated from economic effectiveness point of view. For the purpose of the project feasibility validation, a methodological approach has been specifically designed for evaluation of economic potential of the city-forming enterprises. At the same time, the project in question was rationalized from economic effectiveness perspective. For this line of the investigation, a special methodological approach has

been developed so as to allow predicting a level of synergetic effect of the clustering.

Ключевые слова: кластер, кластеризация, конкурентоспособность, интеграция, регион, эффективность, целесообразность, экономический потенциал, синергетический эффект, инновации.

Keywords: cluster, clustering, competitiveness, integration, region, effectiveness, feasibility, economic potential, synergetic effect, innovations.

В современных условиях конкурентоспособность государства является производной конкурентоспособности входящих в его состав территорий. Это обусловлено тем, что ресурсы, факторы производства, человеческий и социальный капитал, необходимая инфраструктура локализованы на региональном уровне, где функционируют конкретные экономические субъекты. Сегодня глобальная конкуренция между странами сводится к конкуренции между отдельными регионами. На региональную экономику возлагается роль движущей силы национального развития. Сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости формирования эффективных стратегических программ регионального развития. Наиболее прогрессивным и инновационным подходом к развитию региона в современных экономических условиях является кластерный подход. Эффективность кластерной стратегии подтверждается широкомасштабным положительным опытом кластеризации экономик многих развитых стран мира.

В этой связи аналитическое обоснование целесообразности формирования кластеров на базе предприятий российских регионов, разработка обоснованных предложений и прогнозирование эффективности деятельности данных интегрированных формирований представляют собой важные задачи современной экономики и актуальную тему для исследования.

Следует отметить, что тема кластерного подхода к развитию территорий довольно широко освещалась в публикациях авторов научного журнала «Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса» [1; 2; 3].

Понятие кластера в западной литературе введено в экономическую теорию профессором Гарвардской школы бизнеса Майклом Портером, автором теории конкурентных преимуществ, которым в 1990 году был опубликован 855-страничный труд «Конкурентное преимущество стран» (Competitive Advantage of Nations) [4], посвященный промышленной структуре развитых стран и развитию ведущих мировых отраслей. Портер предпринял исследование наиболее успешных компаний в глобальном масштабе и обнаружил, что с определенной регулярностью фирмы из одной или нескольких стран достигают гораздо больших результатов, чем их конкуренты. Это послужило началом теории промышленных кластеров.

Анализ понятийного аппарата [5; 6; 7; 8] исследуемой экономической категории позволил сформулировать наиболее общее определение: кластер представляет собой группу географически локализованных взаимосвязанных компаний, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских институтов, вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом.

В целях обоснования эффективности кластерных образований мы смоделировали региональный кластер Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан, который предлагается сформировать на базе крупнейших нефтехимических и нефтеперерабатывающих предприятий данной территории, таких как ОАО «ТАИФ-НК», ОАО «Нижнекамскнефтехим», ОАО «Нижнекамскшина» и ОАО «ТАНЕКО».

Вышеперечисленные предприятия успешно взаимодействовали начиная с конца XX века и продолжают сотрудничать по сегодняшний день, что обусловлено в первую очередь единством производственно-технологической цепочки. Однако в связи с интеграционными процессами нефтехимического комплекса Республики Татарстан, в частности вхождением ОАО «Нижнекамскнефтехим» в группу компаний «ТАИФ» и присоединением ОАО «Нижнекамскшина» к ОАО «Татнефть», взаимодействие исследуемых предприятий именно на нижнекамском рынке ослабло в силу появления новых клиентов, альтернативных источников сырья и материалов. В то же время ожесточилась конкуренция ОАО «ТАИФ» и ОАО «Татнефть» на нижнекамском топливном рынке (рынке бензинов). Официальное формирование кластера Нижнекамского муниципального района будет способствовать усилению прежних вертикальных интеграционных связей в рамках производственно-технологической цепочки, а также построению горизонтальной интеграции с целью диверсификации производства.

В процессе использования кластерного подхода в качестве ключевого механизма стратегического развития территорий возникают вопросы о целесообразности формирования конкретных кластерных единиц. В этой связи мы разработали собственный методологический подход к обоснованию целесообразности формирования кластера [9]. Данный подход основан на том, что перспективы развития предприятия можно охарактеризовать посредством такого интегрального показателя, как экономический потенциал. Перспективы развития интегрируемых предприятий, в свою очередь, позволяют оценить потенциальные возможности развития кластера в целом и, следовательно, обосновать целесообразность его формирования. Предлагается оценка экономического потенциала на базе экспресс-оценки его производственной, финансовой и рыночной составляющих, которая проводится на основании ряда показателей. Результатом оценки является присвоение экономическому потенциалу предприятия одного из трех возможных рейтингов (А – высокий уровень, В – средний, С – низкий).

Процесс формирования кластерного образования не может быть запущен без предварительного обоснования с точки зрения экономической эффективности. В этой связи мы разработали методику прогнозирования синергетического эффекта кластеризации. В рамках данной методики предлагается оценить выгоду от синергетического эффекта на основе показателей операционной, финансовой и инвестиционной синергии.

В качестве показателя эффекта операционной синергии (Со) выступает прогнозное увеличение чистого денежный потока (ДП). Это обусловлено тем, что создание кластера позволяет получить экономию на операционных издержках. В таком случае эффект операционной синергии определяется как прирост чистого денежного потока и находится по формуле (1):

$$C_O = \sum_{i=1}^{n} ДП_i \times K_C - \sum_{i=1}^{n} ДП_i \quad , \qquad (1)$$

где:

ДПi — чистый денежный поток на инвестированный капитал *i*-того интегрируемого предприятия;

Кс — коэффициент синергии.

Финансовая синергия (Сф) просчитывается на основе пла-

нируемого прироста выручки кластера, обусловленного повышением финансового потенциала предприятий, по формуле (2):

$$C_{Ф} = \sum_{i=1}^{n} B_i \times K_C - \sum_{i=1}^{n} B_i \ , \qquad (2)$$

где:

Bi — выручка от реализации продукции (работ, услуг) *i*-того интегрируемого предприятия;

Кс — коэффициент синергии.

Показателем эффекта инвестиционной синергии (Си) целесообразно считать прирост стоимости собственного капитала предприятий интегрированного формирования, который обусловлен максимизацией отдачи вложенного капитала путем использования совокупных факторов и концентрации производства и привлечением дополнительных инвестиций. Данный эффект рассчитывается по формуле (3):

$$C_{И} = \sum_{i=1}^{n} CK_i \times K_C - \sum_{i=1}^{n} CK_i \ , \qquad (3)$$

где:

СКi — величина собственного капитала *i*-того интегрируемого предприятия;

Кс — коэффициент синергии.

Для расчета показателей операционной, финансовой и инвестиционной синергии необходимо определить коэффициент синергии (Кс), который должен отразить темпы роста экономического эффекта интегрируемых предприятий, обусловленные объединением и взаимодействием в рамках кластера. Величину данного коэффициента предлагается найти по формуле (4) на основе интегрального показателя экономического потенциала, методика расчета которого была описана выше:

$$K_C = \prod_{i=1}^{n} (K_{ЭП})_i , \qquad (4)$$

где (Кэп) — коэффициент экономического потенциала *i*-того интегрируемого предприятия.

Данный коэффициент может принимать следующие значения:

— для высокого уровня экономического потенциала [ЭП (А)] Кэп = 1,5;

— для среднего уровня экономического потенциала [ЭП (В)] Кэп = 1,1;

— для низкого уровня экономического потенциала [ЭП (С)] Кэп = 0,5.

Общая величина синергетического эффекта (Сэ) создания и функционирования кластера определяется в общем виде как сумма размеров операционной (Со), инвестиционной (Си) и финансовой (Сф) синергии и рассчитывается по формуле (5):

$$Сэ = Со + Сф + Си. \qquad (5)$$

Представленные методологические подходы были апробированы в процессе обоснования целесообразности формирования и развития регионального кластера Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан.

Для экспериментальной апробации разработанных методологических подходов была проведена оценка экономического потенциала на примере градообразующих предприятий Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан.

Таблица 1

Показатели производственного потенциала предприятий Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан (2010—2014)

Показатели / Предприятия	Изменение фондоотдачи за анализируемый период	Изменение материалоотдачи за анализируемый период	Изменение выработки за анализируемый период
ОАО «ТАИФ-НК»	1,09 (В)	0,99 (В)	1,29 (А)
ОАО «НКНХ»	0,9 (В)	0,98 (В)	1,28 (А)
ОАО «НШ»	1,56 (А)	0,9 (В)	3,83 (А)
ОАО «ТАНЕКО»	0,04 (С)	1,3 (А)	5,47 (А)

Таблица 2

Показатели финансового потенциала предприятий Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан (2010—2014)

Показатели / Предприятия	Коэффициент финансовой независимости*	Коэффициент общей ликвидности*	Рентабельность всех активов*,%
ОАО «ТАИФ-НК»	0,55 (А)	1,24 (В)	21,49 (А)
ОАО «НКНХ»	0,7 (А)	1,33 (В)	15,065 (А)
ОАО «НШ»	0,085 (С)	0,51 (С)	-0,91 (С)
ОАО «ТАНЕКО»	0,0065 (С)	0,074 (С)	0,16 (С)

*Среднее значение показателя за анализируемый период.

Таблица 3

Показатели рыночного потенциала предприятий Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан (2010—2014), баллы

Показатели / Предприятия	Положение на рынке	Конкурентоспособность продукции	Рыночная активность
ОАО «ТАИФ-НК»	7	9	8
ОАО «НКНХ»	8	8	7
ОАО «НШ»	5	3	2
ОАО «ТАНЕКО»	6	8	8

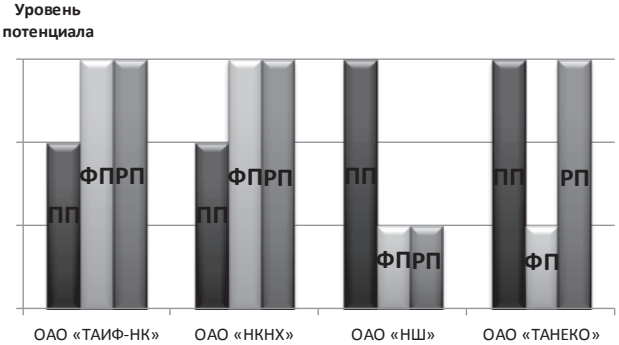


Рис. 1. Уровни составляющих экономического потенциала исследуемых предприятий (2010—2014)

Ниже представлен цифровой анализ представленных в табл. 1—3 и на рис. 1 результатов оценки экономического потенциала анализируемых предприятий за период 2010—2014 годов.

ОАО «ТАИФ-НК»

Определим уровень производственного потенциала предприятия.

Произведем расчет величины фондоотдачи предприятия:

Фо (2010) = 93532201/13 580 063 = 6,89;

Фо (2014) = 127171704/16906332 = 7,52.

Рассчитаем изменение фондоотдачи за рассматриваемый период:

ΔФо = 7,52/6,89 = 1,09, величина данного показателя соответствует среднему уровню (В) производственного потенциала.

Далее следует рассчитать величину материалоотдачи предприятия:

Мо (2010) = 93532201/45289203 = 2,07;

Мо (2014) = 127171704/62428756 = 2,04.

Изменение материалоотдачи за анализируемый период:

ΔМо = 2,04/2,07 = 0,99, что характеризует уровень ПП В.

Рассчитаем выработку на одного работающего:

ВР (2010) = 93532201/2796 = 33452 тыс. руб./чел.;

ВР (2014) = 127171704/2947 = 43152 тыс. руб./чел.

Изменение выработки на одного работающего:

ΔВР = 43152/33452 = 1,29, полученная величина соответствует уровню ПП А.

Таким образом, изменение выработки на одного работающего соответствует уровню ПП А, изменение фондоотдачи и материалоотдачи соответствует уровню ПП В, на основании чего можно сделать вывод, что ОАО «ТАИФ-НК» характеризуется средним уровнем (В) производственного потенциала в рассматриваемом периоде.

Далее определим уровень финансового потенциала ОАО «ТАИФ-НК».

Рассчитаем коэффициент финансовой независимости:

Кф.н. (2010) = 19954107/37265871 = 0,54;

Кф.н. (2014) = 38449042/68721996 = 0,56.

Далее следует определить среднюю величину коэффициента финансовой независимости за анализируемый период:

Кф.н. ср. = (0,54 + 0,56)/2 = 0,55, данная величина соответствует высокому уровню (А) финансового потенциала.

Коэффициент общей ликвидности:

Ко.л. (2010) =

=(4302264+35539+5268559+6116242)/15913391 = 0,99;

Ко.л. (2013) =

=(13189667+6689700+14684576+10480181)/30472480 = 1,48.

Среднее значение Ко.л. за анализируемый период:

Ко.л. ср. = (0,99 + 1,48)/2 = 1,24 (уровень ФП В).

Рассчитаем уровень рентабельности совокупных активов:

Рва (2010) = 9400408/37265871 х 100% = 25,23%;

Рва (2013) = 12200947/68721996 х 100% = 17,75%.

Средняя величина Рва за период:

Рва ср. = (25,23% + 17,75%)/2 = 21,49% (уровень ФП А).

Таким образом, величины коэффициента финансовой независимости и рентабельности всех активов предприятия соответствуют уровню ФП А, а значение коэффициента общей ликвидности — уровню ФП В. Таким образом, финансовый потенциал ОАО «ТАИФ-НК» в целом имеет высокий уровень (А).

Следующим этапом является оценка рыночного потенциала предприятия, которая осуществляется при помощи экспертного метода. В качестве базы для экспертных оценок выступают аналитические показатели известных рейтинговых агентств в области бизнеса, таких как «Эксперт РА», национальное рейтинговое агентство «Рус-Рейтинг», «Рейтинговое агентство АК&М» [10; 11; 12].

Показателям рыночного потенциала ОАО «ТАИФ-НК» за период деятельности 2010—2014 годов были присвоены следующие баллы:

— положение предприятия на товарном рынке — 7 баллов;

— конкурентоспособность продукции — 9 баллов;

— рыночная активность — 8 баллов.

Сумма баллов составляет 24 балла, что характеризует высокий уровень (А) рыночного потенциала предприятия.

ОАО «НКНХ»

Аналогичным образом произведем экспресс-оценку составляющих экономического потенциала ОАО «НКНХ» за 2010—2014 годы.

Производственный блок:

— фондоотдача:

Фо (2010) = 94407096/31572876 = 2,99;

Фо (2013) = 119826726/44359401 = 2,7;

ΔФо = 2,7/2,99 = 0,9 (уровень ПП В);

— материалоотдача:

Мо (2010) = 94407096/45462565 = 2,08;

Мо (2013) = 119826726/58889745 = 2,04;

ΔМо = 2,04/2,08 = 0,98 (уровень ПП В);

— выработка на одного работающего:

ВР (2010) = 94407096/17086 = 5525 тыс. руб./чел.;

ВР (2013) = 119826726/17681 = 7478 тыс. руб./чел.;

ΔВР = 7478/5798 = 1,28 (уровень ПП А).

Таким образом, производственный потенциал предприятия за рассматриваемый период соответствует среднему уровню (В).

Финансовый блок:

— коэффициент финансовой независимости:

Кф.н. (2010) = 35920783/57985905 = 0,62;

Кф.н. (2013) = 60398860/77965339 = 0,78;

Кф.н. ср. = (0,62 + 0,78)/2 = 0,7 (уровень ФП А);

— коэффициент общей ликвидности:

Ко.л. (2010) =

=(2675654+634976+6570886+6560154)/13964683 = 1,18;

Ко.л. (2013) = (2878229 + 10085122 + 12972650)/17505942 =

=1,48 (уровень ФП В);

Ко.л. ср. = (1,18 + 1,48)/2 = 1,33 (уровень ФП В);

— рентабельность совокупных активов:

Рва (2010) = 9361447/57985905 х 100% = 17,64%;

Рва (2013) = 8569351/77965339 х 100% = 12,49%;

Рва ср. = (17,64% + 12,49%)/2 = 15,065% (уровень ФП А).

Таким образом, ОАО «НКНХ» за анализируемый период характеризуется высоким уровнем (А) финансового потенциала.

Рыночный блок:

— положение предприятия на товарном рынке — 9 баллов;

— конкурентоспособность продукции — 8 баллов;

— рыночная активность — 6 баллов.

Сумма баллов составляет 23 балла, что характеризует высокий уровень (А) рыночного потенциала в анализируемом периоде.

ОАО «Нижнекамскшина»

Далее проведем экспресс-оценку элементов экономического потенциала ОАО «Нижнекамскшина» за 2010—2014 годы.

Производственный блок:

— фондоотдача:

Фо (2010) = 7792322/2808358 = 2,78;

Фо (2013) = 16256266/3749168 = 4,34;

ΔФо = 4,34/2,78 = 1,56 (уровень ПП А);

— материалоотдача:

Мо (2010) = 7792322/3873051 = 2,01;

Мо (2013) = 16256266/8996237 = 1,81;

ΔМо = 1,81/2,01 = 0,9 (уровень ПП В);

— выработка на одного работающего:

ВР (2010) = 7792322/7722 = 1009 тыс. руб./чел.;

ВР (2013) = 16256266/4209 = 3862 тыс. руб./чел.;

ΔВР = 3862/1009 = 3,83 (уровень ПП А).

Таким образом, производственный потенциал предприятия соответствует высокому уровню (А).

Финансовый блок:

— коэффициент финансовой независимости:

Кф.н. (2010) = 545327/4569261 = 0,12;

Кф.н. (2013) = 323519/6611251 = 0,05;

Кф.н. ср. = (0,12 + 0,05)/2 = 0,085 (уровень ФП С);

— коэффициент общей ликвидности:

Ко.л. (2010) = (15698 + 0 + 843550 + 663408)/3070588 = 0,5;

Ко. л. (2013) =

=(2017 + 11000 + 1781415 + 1157414)/5691541 = 0,52;

Ко.л. ср. = (0,5 + 0,52)/2 = 0,51 (уровень ФП С);

— рентабельность совокупных активов:

Рва (2010) = (-152199)/4569261 х 100% = –3,33%;

Рва (2013) = 100137/6611251 х 100% = 1,51% (уровень ФП С);

Рва ср. = (-3,33% + 1,51%)/2 = –0,91%.

Таким образом, ОАО «Нижнекамскшина» за весь рассматриваемый период характеризуется низким уровнем (С) финансового потенциала.

Рыночный блок:

— положение предприятия на товарном рынке — 5 баллов;

— конкурентоспособность продукции — 3 балла;

— рыночная активность — 2 балла.

Сумма баллов составляет 10 баллов, что соответствует низкому уровню (С) рыночного потенциала.

ОАО «ТАНЕКО»

Далее оценим экономический потенциал ОАО «ТАНЕКО» за период 2010—2014 годов.

Производственный блок:

— фондоотдача:

Фо (2010) = 2472005/737355 = 3,35;

Фо (2013) = 20708085/150282245 = 0,14;

ΔФо = 0,14/3,35 = 0,04 (уровень ПП С);

— материалоотдача:

Мо (2010) = 2472005/1563748 = 1,58;

Мо (2013) = 20708085/10116889 = 2,05;

ΔМо = 2,05/1,58 = 1,3 (уровень ПП А);

— выработка на одного работающего:

ВР (2010) = 2472005/1528 = 1617 тыс. руб./чел.;

ВР (2013) = 20708085/2340 = 8850 тыс. руб./чел.;

ΔВР = 8850/1617 = 5,47 (уровень ПП А).

Таким образом, производственному потенциалу ОАО «ТАНЕКО» следует присвоить высокий уровень (А).

Финансовый блок:

— коэффициент финансовой независимости:

Кф.н. (2010) = 373712/144923375 = 0,003;

Кф.н. (2013) = 1607528/163053025 = 0,01;

Кф.н. ср. = (0,003 + 0,01)/2 = 0,0065 (уровень ФП С);

— коэффициент общей ликвидности:

Ко.л. (2010) =

=(2290290 + 0 + 7089492 + 4630529)/143126221 = 0,098;

Ко.л. (2013) =

=(41563 + 0 + 4982656 + 1914794)/154471059 = 0,05;

Ко.л. ср. = (0,098 + 0,05)/2 = 0,074;

— рентабельность совокупных активов:

Рва (2010) = (-367393)/144923375 х 100% = –0,25%;

Рва (2013) = 927668/163053025 х 100% = 0,57%;

Рва ср. = (-0,25% + 0,57%)/2 =0,16% (уровень ФП С).

Таким образом, предприятие характеризуется низким уровнем (С) финансового потенциала.

Рыночный блок:

— положение предприятия на товарном рынке — 6 баллов;

— конкурентоспособность продукции — 8 баллов;

— рыночная активность — 8 баллов.

Сумма составляет 22 балла, что характеризует высокий уровень (А) рыночного потенциала.

Далее следует подвести итоги рейтинговой оценки производственной, финансовой и рыночной составляющих экономического потенциала градообразующих предприятий Нижнекамского муниципального района за 2010—2014 годы.

ОАО «ТАИФ-НК» характеризуется:

— средним уровнем (В) производственного потенциала;

— высоким уровнем (А) финансового потенциала;

— высоким уровнем (А) рыночного потенциала.

ОАО «Нижнекамскнефтехим» характеризуется:

— средним уровнем (В) производственного потенциала;

— высоким уровнем (А) финансового потенциала;

— высоким уровнем (А) рыночного потенциала.

ОАО «Нижнекамскшина» характеризуется:

— высоким уровнем (А) производственного потенциала;

— низким уровнем (С) финансового потенциала;

— низким уровнем (С) рыночного потенциала.

ОАО «ТАНЕКО» характеризуется:

— высоким уровнем (А) производственного потенциала;

— низким уровнем (С) финансового потенциала;

— высоким уровнем (А) рыночного потенциала.

Представленные выше результаты оценки позволили сделать следующие выводы: ОАО «ТАИФ-НК» и ОАО «Нижнекамскнефтехим» характеризуются высоким уровнем (А) экономического потенциала. Они способны стать движущей силой, ядром экономического развития кластера. ОАО «ТАНЕКО», в свою очередь, характеризуется средним уровнем (В) экономического потенциала и представляет для кластера особое значение в силу того, что данное предприятие представляет собой проект крупномасштабного строительства и введения в эксплуатацию нефтеперерабатывающих заводов, реализация которого окажет в долгосрочной перспективе существенное влияние на развитие регионального кластера. Что касается ОАО «Нижнекамскшина», то данное предприятие отличается низким уровнем (С) экономического потенциала. Однако оно характеризуется высоким уровнем производственного потенциала и способно производить большие объемы востребованной шинной продукции, что делает предприятие привлекательным для кластера. Оптимизировать показатели финансово-хозяйственной деятельности ОАО «Нижнекамскшина» способна единая маркетинговая политика и система сбыта кластера, а также возникающие в рамках интеграции эффекты масштаба, опыта и охвата.

Таким образом, проведенное практическое исследование позволило выявить ряд благоприятных условий и сделать вывод, что формирование регионального кластера Нижнекамского муниципального района является обоснованным и целесообразным предложением, так как данная интегрированная структура имеет все предпосылки интенсивного экономического развития.

Потенциальная структура регионального кластера представлена на рис. 2.

Рис. 2. Потенциальная структура регионального нефтехимического кластера Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан

Располагая методологическим подходом, мы также спрогнозировали синергетический эффект от формирования регионального кластера Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан, его величина составила 302243817000 руб. Данного результата ОАО «ТАИФ-НК», ОАО «Нижнекамскнефтехим», ОАО «Нижнекамскшина» и ОАО «ТАНЕКО» могут достигнуть посредством образования регионального нефтехимического кластера в среднесрочном периоде (4—5 лет) деятельности интегрированного формирования. Данная сумма денежных средств найдет отражение в увеличении чистой прибыли, выручки и стоимости собственного капитала исследуемых предприятий. Следует отметить, что синергетический эффект приведет к увеличению налогооблагаемой прибыли, что, в свою очередь, повлечет за собой рост налоговых отчислений в региональный бюджет Республики Татарстан. Предположительно, совокупный налог на прибыль исследуемых предприятий за 4 года деятельности в рамках кластера вырастет на 3814882380 руб.

Помимо представленного синергетического эффекта кластеризация влечет за собой возникновение ряда прочих позитивных эффектов и открывает возможности для реализации ряда перспективных направлений развития интегрируемых предприятий и региональной экономики. Рассмотрим вышеперечисленные явления на примере их воздействия на развитие потенциального кластера Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан.

Следует отметить, что кластерные межфирменные взаимодействия требуют организации преимущественно по горизонтали. Это позволяет использовать гибкую специализацию, облегчает заключение контрактов и способствует ускорению распространения инноваций. Данная структура будет способствовать развитию на территории Нижнекамского муниципального района вокруг формирующегося кластера малого бизнеса, что, несомненно, станет способствовать росту налоговых отчислений в бюджет, созданию ряда социально значимых малых предприятий и появлению новых рабочих мест.

В то же время одним из приоритетных направлений деятельности кластеров является инновационная деятельность. В рамках данного направления целесообразно создать на базе кластера рассматриваемых предприятий промышленный технопарк. Эффективно работающий технопарк может стать важным элементом инновационной инфраструктуры регионального кластера и, как следствие, двигателем инновационного развития Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан.

Региональный кластер при взаимодействии с муниципалитетом и местными образовательными учреждениями, основываясь на опыте ведущих зарубежных кластеров, может разработать, предложить и профинансировать целевую программу по подготовке кадров для своих предприятий. Реализация данного мероприятия приведет к формированию системы гарантированного трудоустройства молодых специалистов и приобретения ими дополнительных прикладных знаний и практических навыков, а также повлечет за собой повышение качества обучения и развитие образовательных учреждений. Данное направление будет способствовать повышению уровня образования Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан, что свидетельствует о социальной значимости предложенного проекта.

Таким образом, проведенное комплексное исследование выявило, что предложенный проект формирования и развития регионального кластера Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан является экономически обоснованным и представляет собой эффективное стратегическое направление социально-экономического развития данной территории. Это доказывает, что в условиях современной экономической конъюнктуры кластерный подход является перспективным направлением повышения эффективности финансово-хозяйственной деятельности и совершенствования организации производства отечественных предприятий, фактором повышения конкурентоспособности субъектов Российской Федерации, а также способен стать движущей силой экономического развития страны в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Денисова И. Н. Особенности международной конкуренции и кластеризации экономики в условиях глобализации // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2009. № 10. С. 18—32.

2. Машенцева Г. И., Демидов В. А. Создание текстильного кластера в Волгоградской области // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2008. № 5. С. 143—146.

3. Придачук М. П., Кравченко Е. Н. Эффекты кластеризации российской экономики // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2009. № 9. С. 110—113.

4. Porter M. E. The Competitive Advantage of Nations. New York: Free Press, 2010. 855 p.

5. Куценко Е. С. Кластеры в экономике: основы кластерной политики государства // Обозреватель — Observer. 2010. № 3. С. 99—110.

6. Портер М. Конкуренция: пер. с англ. М.: Вильямс, 2006. 608 с.

7. Третьяк В. П. Кластеры предприятий. М.: Август Борг, 2006. 132 с.

8. Ketels C. Cluster Initiatives in Developing and Transition Economies / C. Ketels, G. Lindqvist, Ö. Sölvell, Center for Strategy and Competitiveness. Stockholm, 2012. 38 p.

9. Dyrdonova A. N., Fomin N. Yu. Supporting Rationale of Regional Clusterization Effectiveness: Methodological Approach //

International Journal of Econometrics and Financial Management. 2014. № 2 (4). P. 148—152.

10. Официальный сайт Национального рейтингового агентства «Рус-Рейтинг» [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusrating.ru/ (дата обращения: 01.04.2015).

11. Официальный сайт рейтингового агентства «Эксперт РА» [Электронный ресурс]. URL: http://raexpert.ru/ (дата обращения: 01.04.2015).

12. Официальный сайт Рейтингового агентства АК&М [Электронный ресурс]. URL: http://www.akmrating.ru/ (дата обращения: 01.04.2015).

REFERENCES

1. Denisova I. N. Peculiarities of international competition and clustering of economics in the conditions of globalization // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2009. № 10. P. 18—32.

2. Mashentseva G. I., Demidov V. A. Establishing of textile cluster in Volgograd region // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2008. № 5. P. 143—146.

3. Pridachuk M. P., Kravchenko E. N. Effects of clustering of the Russian economics // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2009. № 9. P. 110—113.

4. Porter M. E. The Competitive Advantage of Nations. New York: Free Press, 2010. 855 p.

5. Kutsenko Ye. S. Clusters in the economics: framework of the cluster state policy // Observer. 2010. № 3. P. 99—10.

6. Porter M. Competition. M.: Williams, 2006. 608 p.

7. Tretyak V. P. Clusters of the companies. M.: Augustus Borg, 2006. 132 p.

8. Ketels C. Cluster Initiatives in Developing and Transition Economies / C. Ketels, G. Lindqvist, Ö. Sölvell, Center for Strategy and Competitiveness. Stockholm, 2012. 38 p.

9. Dyrdonova A. N., Fomin N. Yu. Supporting Rationale of Regional Clusterization Effectiveness: Methodological Approach // International Journal of Econometrics and Financial Management. 2014. № 2 (4). P. 148—152.

10. Official website of the International group of rating agencies «RAEX» [Electronic resource]. URL: http://raexpert.ru/ (date of viewing: 01.04.2015).

11. Official website of RusRating rating agency [Electronic resource]. URL: http://www.rusrating.ru/ (date of viewing: 01.04.2015).

12. Official website of AK&M rating agency [Electronic resource]. URL: http://www.akmrating.ru/ (date of viewing: 01.04.2015).

УДК 331.5.024.5
ББК 65.240.5

Chumakova Ekaterina Alexandrovna,
post-graduate student, lecturer of the department
of economics and management
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: chumakova.ea@mail.ru

Чумакова Екатерина Александровна,
аспирант, преподаватель кафедры
экономики и управления
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: chumakova.ea@mail.ru

ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА

FACTORS AND CONDITIONS AFFECTING FORMATION OF THE POPULATION EMPLOYMENT IN THE LABOR MARKET

В статье приведен перечень факторов и условий, влияющих на формирование занятости населения на рынке труда, проанализирована динамика демографической ситуации, проведен анализ дифференциации доходов населения, выявлены структурные половозрастные диспропорции структуры населения, исследовано качественное (структурное) несоответствие параметров спроса на труд и его предложения в региональном, отраслевом, профессиональном, возрастном и других разрезах, продемонстрирован устойчивый разрыв между общей и регистрируемой безработицей, проведен анализ инвестиционной активности в основные средства по видам экономической деятельности, выявлены мероприятия по снятию напряженности на рынке труда, предложены рекомендации по управлению занятостью на рынке труда.

The article provides the list of factors and conditions affecting formation of population employment at the labor market, analyzes dynamics of demographic situation; analyzes differentiation of population revenues, reveals structural gender and age disproportion of population structure, examines qualitative (structural) inconsistency of the parameters of demand for labor and its offer in regional, industrial, professional, age and other aspects; demonstrates stable difference between total and registered unemployment; analyzes investments in fixed assets by types of economic activity; identifies measures for releasing tension at the labor market; proposes recommendations for employment management at the labor market.

Ключевые слова: занятость, безработица, рынок труда, структура рынка труда, виды экономической деятельности, реальный сектор экономики, сфера услуг, показатель структуры занятости, проблемы рынка труда, демография, возрастные интервалы.

Keywords: employment, unemployment, labor market, structure

of the labor market, types economic activities, real economy, service sector, rate of employment structure, labor market issues, demographics, age intervals.

Рынок труда как экономическая категория, отражающая динамику в сфере занятости, появился в нашей стране с ее переходом к рыночной экономике. В плановой экономике такое понятие отсутствовало и определялось как управление трудовыми ресурсами, занятость населения отождествлялась с тотальной и поголовной. И только с переходом к рыночной экономике появилась новая экономическая категория, постоянная спутница категории «занятость населения» — безработица. В условиях трансформации экономических отношений основной целью регулирования рынка труда стало содействие эффективному распределению и перераспределению рабочей силы по территориям, отраслям и профессиям, оказание помощи населению, прежде всего из числа неконкурентоспособных, в трудоустройстве, социальной поддержке и адаптации к рыночным условиям [1, с. 469].

Вопросы занятости населения привлекали внимание многих российских и зарубежных исследователей, проблемы занятости трансформируются и соответствуют духу экономического развития своего времени. В современных условиях к числу наиболее актуальных проблем сферы занятости и рынка труда относятся следующие:

— ухудшение демографической ситуации. Так, по данным Росстата, за последние 23 года (1990—2013) произошло сокращение численности населения России на 3,1%, или на 4,6 млн человек [2, с. 31]. Необходимо отметить, что в малых городах и муниципальных районах эта тенденция имеет наиболее острый характер. Рассмотрим эту динамику на примере Волгоградской области. Так, за последние 5 лет (2009—2014) в Киквидзенском муниципальном районе Волгоградской области и Руднянском муниципальном районе произошло сокращение численности населения на 4,3% (771 человек) и на 4,2% (733 человека) соответственно [3]. Аналогичная ситуация характерна для всех муниципальных районов Волгоградской области, за исключением муниципальных районов, расположенных вблизи областного центра и за исключением Котельниковского муниципального района в связи с реализацией инвестиционного проекта по осваиванию Гремячинского месторождения калийных солей (табл. 1);

Таблица 1

Динамика численности населения в муниципальных районах Волгоградской области за 2009—2014 годы

№ п/п	Наименование муниципального района	2009 (человек)	2014 (человек)	Изменение, %
1	Алексеевский	16342	16935	104
2	Быковский	28288	26440	93
3	Городищенский	61157	60240	99
4	Даниловский	16974	15705	93
5	Дубовский	29136	30040	103
6	Еланский	33886	31635	93
7	Жирновский	44140	41306	94
8	Иловлинский	35302	33104	94

Окончание табл. 1

9	Калачевский	61635	56105	91
10	Камышинский	41209	41264	100
11	Киквидзенский	17768	16997	96
12	Клетский	18814	17838	95
13	Котельниковский	34699	37053	107
14	Котовский	36422	32547	89
15	Ленинский	32435	32547	100
16	Нехаевский	15366	14516	94
17	Николаевский	31728	30797	97
18	Новоаннинский	37249	35263	95
19	Новониколаевский	22979	21429	93
20	Октябрьский	21794	20990	96
21	Ольховский	17707	17661	100
22	Палласовский	44973	41831	93
23	Кумылженский	21680	20668	95
24	Руднянский	17383	16650	96
25	Светлоярский	37030	37552	101
26	Серафимовичский	25795	24480	95
27	Среднеахтубинский	57550	59115	103
28	Старополтавский	21078	19308	92
29	Суровикинский	37753	35781	95
30	Урюпинский	28811	27791	96
31	Фроловский	17715	14403	81
32	Чернышковский	17715	16438	93

— высокая дифференциация доходов, относительно невысокий средний уровень заработной платы работников. Особенно остро встает этот вопрос при оценке уровня оплаты труда на отраслевом и региональном уровнях. Так, по итогам 2013 года среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по виду экономической деятельности «Финансовая деятельность» превышает аналогичный показатель по видам экономической деятельности «Образование» и «Здравоохранение» в 2,7 и 2,6 раза соответственно (табл. 2) [4, с. 137], а среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в Волгоградской области на 29% меньше аналогичного показателя в среднем по РФ, 21046 и 29792 рубля соответственно (табл. 3) [Там же. С. 187];

Таблица 2

Отклонение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций по видам экономической деятельности от среднероссийской за 2013 год

Наименование показателя	Отклонение, %
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	53
Рыболовство, рыбоводство	109
Добыча полезных ископаемых	182
Обрабатывающие производства	91
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	108
Строительство	93

Окончание табл. 2

Наименование показателя	Отклонение, %
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	78
Гостиницы и рестораны	61
Транспорт и связь	116
Финансовая деятельность	213
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	114
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	136
Образование	79
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	82
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	83

Таблица 3

Отклонение начисленной заработной платы по субъектам Российской Федерации от средней по Российской Федерации

Наименование субъекта РФ	Отклонение, %
1	2
в Белгородской области	75
в Брянской области	64
во Владимирской области	70
в Воронежской области	73
в Ивановской области	64
в Калужской области	86
в Костромской области	64
в Курской области	71
в Липецкой области	72
в Московской области	120
в Орловской области	65
в Рязанской области	73
в Смоленской области	69
в Тамбовской области	64
в Тверской области	75
в Тульской области	77
в Ярославской области	77
в г. Москве	186
в Республике Карелия	92
в Республике Коми	127
в Ненецком АО	207
в Архангельской области	101
в Вологодской области	84
в Калининградской области	84
в Ленинградской области	99
в Мурманской области	135

Продолжение табл. 3

Наименование субъекта РФ	Отклонение, %
в Новгородской области	79
в Псковской области	66
в г. Санкт-Петербурге	124
в Республике Адыгея	65
в Республике Калмыкия	59
в Краснодарском крае	81
в Астраханской области	76
в Волгоградской области	71
в Ростовской области	73
в Республике Дагестан	57
в Республике Ингушетия	68
в Кабардино-Балкарской Республике	63
в Карачаево-Черкесской Республике	60
в Республике Северная Осетия — Алания	63
в Чеченской Республике	70
в Ставропольском крае	69
в Республике Башкортостан	75
в Республике Марий Эл	62
в Республике Мордовия	61
в Республике Татарстан	87
в Удмуртской Республике	71
в Чувашской Республике	65
в Пермском крае	83
в Кировской области	65
в Нижегородской области	79
в Оренбургской области	72
в Пензенской области	69
в Самарской области	79
в Саратовской области	69
в Ульяновской области	64
в Курганской области	65
в Свердловской области	93
в Тюменской области	171
в Ханты-Мансийском АО	183
в Ямало-Ненецком АО	232
в Тюменской области	106
в Челябинской области	86
в Республике Алтай	70
в Республике Бурятия	87
в Республике Тыва	84
в Республике Хакасия	88
в Алтайском крае	60
в Забайкальском крае	92
в Красноярском крае	106
в Иркутской области	98

Окончание табл.3

Наименование субъекта РФ	Отклонение, %
в Кемеровской области	85
в Новосибирской области	86
в Омской области	83
в Томской области	100
в Республике Саха (Якутия)	156
в Камчатском крае	163
в Приморском крае	101
в Хабаровском крае	115
в Амурской области	103
в Магаданской области	192
в Сахалинской области	164
в Еврейской автономной области	92
в Чукотском АО	229

— структурные диспропорции вследствие складывающейся половозрастной структуры населения. Анализ данных, представленных в табл. 4, показал, что в 2013 году по сравнению с 2000 годом сократилось количество занятых в экономике в возрасте до 20 лет и от 20 до 24 лет. Соответственно, это привело к увеличению среднего возраста занятых в экономике с 39,2 в 2000 году до 40,3 года в 2013 году [2, с. 109]. Необходимо отметить, что наряду со снижением деловой активности населения в возрасте до 25 лет снижается и доля родившихся по возрасту матери в этом же возрастном интервале. Если в 2000 году на долю матерей в возрасте до 25 лет приходилось свыше половины новорожденных (52,8%), то в 2013 году это значение сократилось до одной трети (31,63%) [4];

Таблица 4

Распределение численности занятых в экономике по возрастным группам

Годы	(в % к итогу)									
	до 20 лет	20—24 года	25—29 лет	30—34 года	35—39 лет	40—44 года	45—49 лет	50—54 года	55—59 лет	60—72 года
2000	2,6	9,6	12,1	11,6	15,0	15,8	14,1	9,8	4,4	5,0
2013	0,7	8,5	14,2	13,2	12,7	11,6	12,3	13,3	8,8	4,7

Источник: составлено на основе [4].

— качественное (структурное) несоответствие параметров спроса на труд и его предложения [5, с. 25]. Наибольшее число специалистов выпускается по специальностям сферы обслуживания и информационной безопасности при одновременном ежегодном сокращении выпускников — специалистов в сфере сельского хозяйства, в сфере технологии продовольственных продуктов и потребительских товаров [6];

— устойчивый разрыв между общей и регистрируемой безработицей. Уровень безработицы (безработные к численности экономически активного населения соответствующей возрастной группы) в трудоспособном возрасте по итогам 2013 года по РФ в целом составил 5,7%, при этом по показателю уровня зарегистрированной безработицы с 2005 по 2013 год наблюдается тенденция к снижению — с 2,5 до 1,2%. Однако необходимо иметь в виду, что уровень зарегистрированной безработицы определяется отношением численности безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости, к численности экономически активного населения, рассчитанным в процентах [2, с. 128]. При этом согласно распределению численности безработных по способам поиска работы на рынке труда России в 2013 году [Там же. С. 125] в государственные службы занятости обращается только 30% населения, остальные предпочитают обращаться к друзьям, родственникам и знакомым или напрямую к работодателю. Если же посмотреть на эту проблему на уровне муниципальных районов Волгоградской области, то можно увидеть совершенно иную картину. Так, проводя оценку численности занятого населения и населения территории в трудоспособном возрасте, видим, что только треть населения имеет рабочие места, при этом все тот же уровень зарегистрированной безработицы в муниципальных районах Волгоградской области колеблется от 1,2 до 2,5% [3];

— инвестиционная активность, прежде всего в отрасли реального сектора экономики. Прирост инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности с 2005 по 2013 год свидетельствует о превалирующей доле инвестиций в основной капитал отраслей сферы услуг. К примеру, по итогам 2013 года инвестиции в основной капитал в обрабатывающие производства и строительство в 1,8 раза меньше, чем инвестиции в основной капитал розничной торговли [2, с. 572].

Комплекс предложений и рекомендаций по управлению занятостью на рынке труда ряда авторов представлен в табл. 5.

Таблица 5

Предложения и рекомендации по управлению занятостью на рынке труда

Автор	Наименование мероприятия
1	2
Н. В. Попова [7, с. 149]	«активное использование в сфере производства инноваций, позволявших сократить использование малоквалифицированного труда и снизить потребность в кадрах в целом; обеспечение сбалансированных темпов роста производительности труда и заработной платы»;
Г. А. Шаринова [8, с. 160]	— «повышение качества подготовки и переподготовки кадров, а также создание многопрофильного профессионального обучения; — принятие мер по финансовому оздоровлению сельскохозяйственных товаропроизводителей; — формирование на межрегиональной основе кластеров в сельском хозяйстве»;
Н. В. Коваленко, Г. Б. Щеглова [9, с. 94]	«объединение усилий региональной власти, бизнеса, работодателей, общественных организаций»;
Л. В. Сложеникина [10, с. 128]	«разработка, реализация обдуманной скоординированной политики, направленной на активизирование занятости и повышение эластичности рынка труда в обществе в целом»;
О. В. Пропп [11, с. 106]	«устранение существующих проблем позволит повысить эффективность взаимодействия работодателей, образовательных учреждений и специалистов и максимально учесть интересы каждой стороны»;
Е. В. Беликова, А. Н. Сырбу [12, с. 94]	— «разработка механизмов мотивации и стимулирования труда в системе зарплаты с целью снижения себестоимости продукции и повышения производительности труда; — формирование общероссийского баланса трудовых ресурсов на основе стратегического планирования развития экономики».

Представленными авторами много внимания уделяется проблематике исследования занятости и рынка труда, проводится детальная динамика и анализ существующих факторов, влияющих на формирование занятости населения. Однако в сфере внимания, к сожалению, превалирует узкий круг проблем занятости и безработицы, набор мероприятий и предложений носит в большей степени формальный характер, отсутствуют конкретные инструменты и рычаги по снятию напряженности на рынке труда.

Автором наряду с выявлением факторов, влияющих на формирование занятости населения на рынке труда, предлагается новый подход, который заключается в исследовании занятости населения по укрупненным видам экономической деятельности (реальный сектор экономики и сфера услуг) [13, с. 56], а также предлагается показатель структуры занятости населения на рынке труда, который определяется как отношение числа занятых в сфере услуг к числу занятых в сфере производства товаров.

Преимущество данного показателя заключается в том, что он позволяет оценить мультипликативный эффект создания (сохранения) рабочих мест в сфере услуг в зависимости от создания (сохранения) рабочих мест в реальном секторе экономики [14, с. 207]. Анализ показателя структуры занятости в динамике для отдельной территории позволяет вырабатывать управленческие решения, направленные на создание, сохранение, реконструкцию и модернизацию рабочих мест именно в реальном секторе экономики.

Кроме того, зная стоимость создания одного рабочего места и значение показателя структуры занятости населения, можно определять объем инвестиций, необходимых для создания, сохранения, реконструкции и модернизации рабочих мест в реальном секторе экономики. Вычисление стоимости одного рабочего места по видам экономической деятельности (CFRi) определяется согласно формуле (1):

$$C_{FRi}=C_{OFi}/N_{Ri} \quad (1)$$

где:

C_{OFi} — стоимость основных фондов по видам экономической деятельности;

N_{Ri} — среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности.

В силу наличия мультипликативного эффекта занятости по видам экономической деятельности можно определить и объем инвестиций для создания и сохранения рабочих мест в сфере услуг.

Подход к рассмотрению структуры рабочих мест позволяет акцентировать внимание органов власти на ключевых направлениях, обеспечивающих рост экономики, а именно на концентрации усилий по созданию рабочих мест в реальном секторе экономики на рынке труда и увеличении производительности труда реального сектора экономики, которое приводит к увеличению занятых в сфере услуг. Таким образом, анализ занятости через призму отраслей народного хозяйства позволяет охватить занятых на всем рынке труда, а не на отдельных его сегментах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шитяков Р. А. Особенности сельского рынка труда муниципальных образований (на материалах Вологодской области) // Молодой ученый. 2014. № 21. С. 469—474.

2. Российский статистический ежегодник. 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2014. 693 с.

3. Показатели муниципальных образований // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst18&r=18620000 (дата обращения: 25.05.2014).

4. Демографический ежегодник России. 2014: стат. сб. Табл. 4.1. / Росстат. М., 2014. 543 с.

5. Иванов С. А. Приоритеты формирования социального пространства инновационной экономики региона. СПб.: Скифия-принт, 2013. 191 с.

6. Труд и занятость в России. 2014. Табл. 7.3, 7.5, 7.8: стат. сб. / Росстат. М., 2013. 661 с.

7. Попова В. Н. Принципы формирования системы управления занятостью населения на региональном уровне // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 2 (12). С. 148—152.

8. Шаринова Г. А. Состояние рынка труда в современных условиях на примере Республики Калмыкия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 158—160.

9. Коваленко Н. В., Щеглова Г. Б. Рынок труда и безработица в условиях кризиса: региональный аспект // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 1 (14). С. 90—95.

10. Сложеникина Л. В. Напряженность на рынке труда как фактор возникновения нестабильности в общественной системе // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 1 (14). С. 122—129.

11. Пропп О. В. Основные проблемы развития рынка труда специалистов Омской области // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 103—106.

12. Беликова Е. В., Сырбу А. Н. Состояние современного рынка трудовых ресурсов России: проблемы и тенденции // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 91—94.

13. Кабанов В. Н. Потенциал стратегического развития Волгограда // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 54—61.

14. Чумакова Е. А. Классификация рабочих мест на рынке труда по видам экономической деятельности (на примере Волгоградской области) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 204—209.

REFERENCES

1. Shityakov R. A. Features of the rural labor market of municipal entities (on materials of the Vologda region) // Young scientist. 2014. № 21. P. 469—474.

2. Russian Statistical Yearbook. 2014: Statistical collection / Rosstat. M., 2014. 693 p.

3. Indicators of municipal entities // Official website of the Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: http://www.gks.

ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst18&r=18620000 (date of viewing: 25.05.2014).

4. Demographic Yearbook of Russia. 2014. Statistical collection: Table 4.1. / Rosstat. M., 2014. 543 p.

5. Ivanov S. A. Priorities of formation of the social space of the innovation economy of the region. St. Petersburg: SKIF-print, 2013. 191 p.

6. Labor and Employment in Russia. 2014. Tables 7.3, 7.5, 7.8: Statistical collection / Rosstat. M., 2013. 661 p.

7. Popova V. N. Principles of formation of the population employment management system at the regional level // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Institute of Business. 2010. № 2 (12). P. 148—152.

8. Sharinova G. A. The labor market in modern conditions on the example of the Republic of Kalmykia // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 4 (29). P. 158—160.

9. Kovalenko N. V., Shcheglova G. B. The labor market and unemployment in times of crisis: regional aspect // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 1 (14). P. 90—95.

10. Slozhenikina L. V. Tension at the labor market as a factor of instability in the public system // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 1 (14). P. 122—129.

11. Propp O. V. The main problems of the labor market experts of Omsk region // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 103—106.

12. Belikova E. V., Sirbu A. N. The state of modern labor markets of Russia: problems and trends // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 91—94.

13. Kabanov V. N. Potential of strategic development of Volgograd // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 54—61.

14. Chumakova E. A. Classification of workplaces at the labor market by the types of economic activity (on the example of Volgograd Region) // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 4 (29). P. 204—209.

УДК 336.5
ББК 65.261.5

Akulich Evgeniya Ivanovna,
postgraduate student of the department of state and municipal finance of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: eugenia-akulitch@ya.ru

Акулич Евгения Ивановна,
аспирант кафедры «Государственные и муниципальные финансы» Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва,
e-mail: eugenia-akulitch@ya.ru

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РАСХОДОВ БЮДЖЕТА НА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ

THE MAIN PRINCIPLES OF BUDGET EXPENSES ON PUBLIC PROCUREMENT

В статье рассмотрены особенности расходов бюджета на оплату государственных контрактов как формы расходов бюджета в условиях современного государственного хозяйствования. На основе анализа цели исполнения государственных контрактов определена роль финансового обеспечения реализации государственных контрактов в системе государственных финансов. Предложены базовые принципы финансового обеспечения государственных закупок, интегрированных в бюджетный процесс. Дана оценка соответствия российской практики расходов бюджета на оплату государственных контрактов их основным теоретическим принципам. Выявлены недостатки бюджетной системы, не позволяющие подтвердить реализацию ряда принципов финансирования государственных закупок.

The article describes the features of the budget expenses for public contracts payment as a form of budget expenditures in the conditions of the modern market economy. Based on the analysis of the goal of the government contracts` implementation, the role of financial support of the public contracts implementation in the state financial system was defined. Basic principles of financing of the state procurement integrated into the budget process were proposed. Assessment of compliance of the Russian practice of budget expenses for the state contracts payment with their main theoretical principles was given. Disadvantages of the budget system were detected, which prevent confirmation of implementation of the number of principles of the state procurement financing.

Ключевые слова: бюджет, бюджетный процесс, расходы бюджета, финансирование государственных контрактов, финансирование государственных закупок, принципы финансового обеспечения, роль расходов бюджета, характер финансовых операций, государственные финансы, государственные нужды.

Keywords: budget, budget cycle, budget expenses, public contracts financing, public procurement financing, principles of financing, budget expenses` role, character of financial operations, public finance, public needs.

Проводимые в настоящее время реформы бюджетной сферы, нацеленные на повышение эффективности расходов бюджета на оплату государственных контрактов, повлекли создание контрактной системы в сфере государственных закупок и интеграцию последних в бюджетный процесс. Формирование контрактной системы государственных закупок по аналогии с опытом Соединенных Штатов Америки началось в 2014 году, однако ощутимой экономии бюджетных средств достичь не удалось до сих пор, в связи с чем особую значимость приобретают вопросы, связанные с финансовой сущностью государственных закупок.

Целью настоящего исследования является детерминация основных принципов расходов бюджета на оплату государственных контрактов как синтеза бюджетных принципов государственных расходов и управленческих принципов государ-

ственных закупок. Для достижения вышеуказанной цели поставлен ряд задач: определить главную роль финансового обеспечения реализации государственных контрактов, выявить особенности расходов бюджетов на государственные закупки.

Будучи финансовой категорией, расходы бюджета на оплату государственных контрактов основываются на «распределительном характере финансовых операций» [1, с. 12]. Распределительная роль государственных закупок возникает на одной из четырех фаз общественного воспроизводства — стадии распределения. Причем отношения по поводу распределения общественных благ в процессе осуществления государственных закупок выступают как связующее звено между остальными фазами общественного воспроизводства: производством, обменом и потреблением [2].

Особенности финансового обеспечения реализации государственных контрактов находят свое отражение в сущности государственных финансов и бюджетных расходов. Несмотря на гражданско-правовой компонент государственных контрактов, их финансовое обеспечение, исходя из своего субъектного состава, носит императивный характер. Причина этого кроется в том, что «сфера размещения государственных закупок требует серьезного императивного вмешательства государства и публично-правового регулирования» [3]. Государственный контракт оплачивается из средств бюджетов различных уровней (федеральный и региональный). Таким образом, осуществление государственных закупок носит государственно-властный характер. Административно-правовое регулирование составляет основное отличие и процедур заключения, и финансового обеспечения реализации государственных контрактов от иных гражданско-правовых договоров [4]. Еще одним однозначным доказательством императивности рассматриваемых отношений представляется автору предложенная им регулятивная функция института расходов на государственные закупки, являющаяся «государственным инструментом экономического регулирования и направленная на решение важнейших социально-экономических задач» [5, с. 4].

Финансовое обеспечение реализации государственных контрактов должно быть ориентировано на свод основных теоретических принципов.

Принцип открытости распределения финансовых ресурсов на финансирование государственных закупок должен использоваться не только в сфере расходов бюджета на оплату государственных контрактов, но и повсеместно во всех сферах государственных финансов и государственных закупок. Открытость в рассматриваемой сфере синонимична с гласностью и прозрачностью расходования бюджетных средств [6].

Значительным шагом на пути к созданию механизма исполнения принципа единства законодательной и нормативной базы стало общественное обсуждение и раскрытие федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов [7]. Однако проекты нормативных правовых актов в части расходов бюджетов на оплату государственных контрактов федеральными органами исполнительной власти могут быть приняты без предварительного обсуждения на заседаниях общественных советов при этих федеральных органах исполнительной власти. В то время как под действие данного механизма и вовсе не подпадают проекты федеральных законов по вопросам федерального бюджета, бюджетов государственных внебюджетных фондов и их исполнения, а также проекты нормативных правовых актов, предусматривающих предоставление из федерального бюджета межбюджетных трансфертов [8]. По мнению автора, проекты нормативной правовой базы, касающейся финансового обеспечения федеральными органами исполнительной власти реализации государственных контрактов, должны быть включены в перечень обязательных для общественного обсуждения и раскрытия.

Практическое применение данного принципа подразумевает:

— опубликование в средствах массовой информации утвержденных бюджетов и отчетов об их исполнении, планов-графиков государственных закупок, а также доступность иных сведений о расходах бюджетов по решению законодательных органов государственной власти;

— открытость для общества и средств массовой информации расходной части проектов бюджетов, внесенных в законодательные органы государственной власти, процедур рассмотрения и принятия решений по проектам бюджетов, в том числе по вопросам, вызывающим разногласия либо внутри законодательного органа государственной власти, либо между законодательным органом государственной власти и исполнительным органом государственной власти;

— обеспечение свободного доступа к информации, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на едином портале бюджетной системы Российской Федерации www.budget.gov.ru; на официальном сайте Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет для размещения информации о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг www.zakupki.gov.ru; в перспективе — в единой информационной системе в сфере закупок и в интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет»;

— единообразие бюджетной классификации Российской Федерации, обеспечение сопоставимости показателей бюджета не только отчетного финансового года, а более длительного периода, что позволит анализировать закупочные процессы долгосрочного характера.

Предполагается, что в закупочной деятельности практическая реализация данного принципа должна позволить:

— «поддерживать конкуренцию» [9], в том числе путем сформирования конкурентной среды для участников государственных закупок;

— определить участника государственной закупки, соответствующего требованиям государственного заказчика и способного наиболее эффективно исполнить условия государственного контракта в пределах доведенных до бюджетополучателя лимитов бюджетных обязательств;

— оплатить из средств бюджета государственный контракт исполнителю, финансовая поддержка которого позволит удержать на гребне научно-промышленный комплекс нуждающейся отрасли или страны в целом.

Изучаемый принцип закреплен российским законодательством [10], гласящим, что в рамках контрактной системы обеспечен безвозмездный и беспрепятственный доступ к сведениям о государственной закупочной деятельности, и что немаловажно, такие сведения должны быть надежными. По мнению российского законодателя, публичность сведений обеспечивается, в частности, путем их размещения в средствах массовой информации.

Доступ широкой общественности к информации о расходах бюджета на оплату государственных контрактов имеет смысл исключительно при условии достоверности и полноты сведений о ходе исполнения бюджетов в части расходов на оплату государственных контрактов, опубликования в средствах массовой информации не разрозненной информации о различных стадиях государственных закупок, а целостной картины по осуществлению каждой

отдельной закупки с момента ее планирования до обеспечения государственных нужд.

Важным шагом законодателя в реализации указанного принципа является создание и ввод в эксплуатацию единой информационной системы и интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет». Современные реалии показывают, что такие системы еще не разработаны, а точные сроки их создания и интеграции с другими информационными базами не установлены. Возникает логичный вопрос о необходимости интеграции единой информационной системы с информационной системой «Электронный бюджет». Без такой интеграции не представляется возможным отследить всю цепочку закупки, начиная от возникновения государственной нужды, планирования расходов на оплату государственных контрактов и заканчивая их оплатой, означающей обеспечение государственной нужды как достижение итоговой цели.

Перспективы использования единой информационной системы и «Электронного бюджета» также наводят на опасение, что участники государственных закупок не смогут получить конкретную и полную информацию о финансовом обеспечении реализации государственных контрактов в части направлений расходования экономии бюджетных средств. Такая информация может быть получена Счетной палатой Российской Федерации при проведении выездных проверок государственных заказчиков.

Принцип эффективности и экономичности финансирования государственных закупок должен закладываться подобно фундаменту при строительстве в Российской Федерации качественно новой контрактной системы [Там же].

В системе российского законодательства содержатся однообразные правовые нормы по данному вопросу. Бюджетный кодекс Российской Федерации провозглашает принцип эффективности использования бюджетных средств [6]. Производным от принципа эффективности использования бюджетных средств является принцип ответственности за эффективность использования бюджетных средств и за результативность обеспечения государственных нужд, содержащийся в положениях Федерального закона № 44-ФЗ [11].

Эффективность должна основываться на экономичности и рациональности использования бюджетных средств и означать, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках предоставленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности).

Эффективность и результативность как экономические категории не могут оцениваться абстрактно, они должны выражаться в виде показателей, которые возможно четко определить и просчитать. В то же время действующее законодательство не предусматривает только формальные критерии эффективности и результативности [12, с. 60]. По мнению автора, несмотря на размытое установление ответственности за результативность обеспечения государственных нужд, выявление нарушений и правомерное привлечение к ответственности не представляется возможным по ряду причин:

— планирование государственных закупок не обязывает получателя бюджетных средств устанавливать конкретные государственные нужды, подлежащие обеспечению путем оплаты конкретного государственного контракта;

— экспертиза исполнения государственных контрактов в большинстве случаев осуществляется внутренними силами — работниками государственного заказчика, а значит, не несет ощутимой практической пользы.

Государственные заказчики как получатели бюджетных средств при планировании, осуществлении закупок, приемке поставленных товаров, выполненных работ и оказанных услуг, оплате государственных контрактов должны исходить из необходимости достижения заданных результатов обеспечения государственных нужд.

Сфера расходов бюджета на государственные закупки представляется автору наиболее коррупциогенной во всем многообразии деятельности государственных служащих, что создает объективные предпосылки для существования принципа жесткого контроля при числе финансирования государственных контрактов [13, с. 21].

Государственные заказчики и участники государственных закупок, а также их должностные лица должны нести ответственность, в том числе персональную, за несоблюдение требований, установленных законодательством Российской Федерации в сфере расходов бюджета на государственные закупки.

Необходимость в использовании данного принципа в правоприменительной практике возникает в случае нарушения распорядителем бюджетных средств какого-либо из рассмотренных принципов финансового обеспечения реализации государственных контрактов.

Систематизация информации о нарушениях, выявленных Службой финансово-бюджетного надзора и Счетной палатой Российской Федерации, позволяет сформировать примерный перечень наиболее распространенных нарушений в области финансового обеспечения реализации государственных контрактов:

— приобретение товаров, работ и услуг сверх потребностей, включающее в себя избыточное приобретение товаров, работ и услуг, а также приобретение предметов роскоши;

— заключение государственных контрактов без проведения или с существенным нарушением строго регламентированных мероприятий по заключению государственных контрактов;

— оплата работ и услуг, не предусмотренных условиями подписанных сторонами государственных контрактов;

— необоснованное заключение и оплата государственных контрактов, исполнение которых фактически осуществлялось лицом, не являющимся стороной государственного контракта;

— несоблюдение исполнителем государственного контракта условий обеспечения исполнения государственных контрактов;

— оплата государственных контрактов с нарушением сроков и порядка оплаты, с нарушением сроков поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг;

— завышение стоимости оплачиваемых товаров, работ и услуг и, как следствие, осуществление государственной закупки по ценам, превышающим рыночные (необоснованное применение расценок и коэффициентов, увеличивающих стоимость работ);

— приемка и полная оплата работ, выполненных не в полном объеме;

— упущенная выгода заказчика в результате неприменения штрафных санкций к исполнителю за нарушение обязательств по государственному контракту;

— неосвоение бюджетных средств при наличии необходимости в обеспечении государственных нужд (может возникать в том числе ввиду пробела в законодательстве);

— повторная оплата одних и тех же работ;

— закупленные товары, научные исследования не используются в последующие годы.

Указанные нарушения являются формой трансформации бюджетных ассигнований на оплату государственных контрактов в частные выгоды получателей бюджетных средств и их должностных лиц.

Любое нарушение бюджетного законодательства и законодательства в сфере государственных закупок должно быть сопряжено с конкретной ответственностью за противоправное действие или бездействие. Важно отметить, что нести такую ответственность в указанных случаях должен весь субъектный состав сферы бюджетных расходов на государственные закупки: государственный заказчик — бюджетополучатель, участник закупки, исполнитель государственного контракта, электронная площадка и банк-гарант.

Нарушения в сфере расходования бюджетных средств совершаются в главной степени государственными заказчиками как участниками бюджетного процесса, к должностным лицам которых в настоящий момент предусмотрены следующие виды ответственности:

1) дисциплинарная ответственность;

2) административная ответственность;

3) гражданская ответственность;

4) уголовная ответственность.

Ответственность за бюджетные нарушения, а именно за нецелевое использование бюджетных средств, несет и сам государственный заказчик, будучи главным распорядителем бюджетных средств, распорядителем бюджетных средств и получателем бюджетных средств. Ответственность в данном случае применяется в форме меры бюджетного принуждения — «передачи уполномоченному по соответствующему бюджету части полномочий главного распорядителя, распорядителя и получателя бюджетных средств» [6].

Отдельные меры бюджетного принуждения предусмотрены в случае нецелевого использования главным распорядителем бюджетных средств, распорядителем бюджетных средств и получателем бюджетных средств межбюджетных кредитов и межбюджетных трансфертов, полученных из другого бюджета для выполнения конкретных задач [14]. При такой ситуации осуществляется приостановление предоставления межбюджетных трансфертов, их урезание или взыскание денежных средств, полученных из другого бюджета, и процентов за использование бюджетных средств.

Самого пристального внимания заслуживают обоснованные предложения российских ученых о введении понятия «бюджетная ответственность» [15], применение которой возможно к должностному лицу государственного заказчика или исполнителя государственного контракта за непродуктивное использование бюджетных средств на оплату государственных контрактов.

В условиях интеграции Российской Федерации в мировое хозяйство важной составляющей финансирования государственных закупок должно стать стимулирование инноваций. Заказчики при планировании и осуществлении закупок должны исходить из приоритета обеспечения государственных нужд путем закупок инновационной и высокотехнологичной продукции. Финансовое обеспечение реализации государственных контрактов должно служить инструментом финансовой поддержки инновационного бизнеса [12].

В законодательстве о контрактной системе заложен принцип стимулирования инноваций, но законодатель не определяет конкретные способы исполнения этого принципа, что сводит принцип стимулирования инноваций к формальному существованию инновационных тенденций финансового обеспечения государственных контрактов в нормативных правовых актах и отчетности распорядителей бюджетных средств, а не к созданию нового инновационного продукта и применению инновационных методов государственного управления. В сложившихся условиях Россия не готова принять инновационный вызов внешнего мира до тех пор, пока инновационная система не получит должного понимания, а критерии инновационности не приобретут конкретное формализованное определение в законодательстве Российской Федерации.

Базисом рассматриваемых отношений является обеспечение государственных нужд как единственная и неоспоримая конечная цель всех расходов бюджета без исключения, достижение которой возможно путем реализации рассматриваемых в настоящей статье принципов.

Бюджетное законодательство выдает следствие данной цели за ее трактование, определяя рассматриваемый принцип как доведение бюджетных ассигнований и лимитов бюджетных обязательств до конкретных получателей бюджетных средств (государственных заказчиков) с указанием одной из задач их использования [6]:

— реализация мероприятий в рамках государственных программ Российской Федерации (например, реализация федеральных целевых программ) или государственных программ субъектов Российской Федерации;

— выполнение законодательно закрепленных внутригосударственных функций аппарата управления федерального и регионального уровня;

— выполнение международных функций (например, реализация межгосударственных целевых программ) и исполнение международных обязанностей Российской Федерации.

Получатели бюджетных средств как государственные заказчики должны исходить из того, что оплата государственного контракта должна неминуемо привести к обеспечению государственных нужд, однако в настоящий момент сложилась несколько иная картина. Ярким примером тому служит оплата государственных контрактов на выполнение научно-исследовательских работ.

На практике часто оплачиваются исполненные государственные контракты на выполнение научно-исследовательских работ, которые позволяют решить одну из вышеупомянутых государственных задач. В то время как бюджетные ассигнования в последующих финансовых периодах на дальнейшее развитие и применение в государственной деятельности полученных научных исследований и разработок не запланированы. Такое недофинансирование приводит к тому, что государственно значимые фундаментальные или прикладные научные работы остаются лишь формальным результатом исполнения государственного контракта, не внедряются в деятельность государственных органов, не используются для модернизации действующих методов работы государства и, таким образом, не позволяют обеспечить государственные нужды.

Вместе с тем ведущие научные организации страны признают, что для широкомасштабной модернизации российской экономики необходим такой мощный инициирующий импульс, как наука, играющая особую роль в инновационном динамичном росте развития страны. Для получения экономического результата нужно не только повышать бюджетные ассигнования на научно-исследовательские работы, но и «обеспечивать оптимальное распределение выделяемых ресурсов между всеми звеньями цепочки «наука — производство» [16, с. 58].

Если использовать современное российское законодательство как критерий оценки целевой ориентированности при оплате государственных контрактов, то формально достижение цели возможно при оплате исполненного контракта уполномоченным заказчиком для реализации

одной из вышеуказанных целей государства [17, с. 181].

По мнению автора, соблюдение целевой ориентированности при финансовом обеспечении реализации государственных контрактов возможно только в том случае, когда оплачиваются контракты, исполнение которых привело к полному и своевременному обеспечению первоочередных государственных нужд. Важнейшим ориентиром для государства должны служить формулирование и реализация общегосударственных установок, призванных обеспечить решение стоящих перед государством проблем, а не решить весьма узкий диапазон задач государственных заказчиков — получателей бюджетных средств.

Система государственных закупок, на всем своем протяжении сопровождаемая мониторингом, аудитом и контролем, должна опираться на единые принципы, предусмотренные нормативными правовыми актами Российской Федерации и позволяющие обеспечивать заданные государственные нужды.

Анализ соответствия принципов финансового обеспечения исполнения государственных контрактов принципам, закрепленным в действующем законодательстве, и их реализации на практике позволяет говорить о несовершенстве современных законодательно закрепленных принципов.

К основным противоречиям действующего законодательства Российской Федерации теоретическим положениям принципов финансового обеспечения исполнения государственных контрактов можно отнести ряд научно-практических проблем:

1. Реализация рассмотренных теоретических принципов не опосредована достаточной проработкой их практического внедрения в законодательство и правоприменение в сфере государственных закупок.

2. Нормы законодательных актов, содержащие рассматриваемые принципы, носят формальный характер.

3. Система нормативно-правового регулирования расходов на государственные закупки является нецелесообразно громоздкой.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о важности дальнейшей проработки нормативных правовых актов Российской Федерации, касающихся расходов бюджета на государственные закупки, а также об острой необходимости внедрения практических механизмов реализации предложенных автором принципов с непрерывной ориентацией на государственные нужды как цель государственных закупок в условиях проводимой бюджетной реформы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Грязнова А. Г., Маркина Е. В. Финансы: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2012. 496 с.

2. Гомелль В. Б. Страхование: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Московская финансово-промышленная академия, 2011 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Филиппова С. Закон о контрактной системе: заключить договор или исполнить обязательство? // Конкуренция и право. 2013. № 4 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Винницкий А. В. Участие публичных образований в имущественных отношениях: проблемы сбалансированности административно-правового и гражданско-правового регулирования // Административное и муниципальное право. 2010. № 11 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Андреева Л. В. Закупки товаров и энергосервисных работ для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2011. 302 с.

6. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Российская газета. 12.08.1998. № 153—154.

7. О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения: Постановление Правительства Российской Федерации от 25.08.2012 № 851 // Российская газета. 31.08.2012. № 200.

8. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 // Собрание законодательства РФ. 10.09.2012. № 37. Ст. 4997.

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 21.01.2009. № 7.

10. Гребенникова В. А., Немченко Л. И. Векторы развития и финансовые инструменты контрактной системы размещения заказов для государственных и муниципальных нужд // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 1 (30). С. 174—179.

11. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Российская газета. 12.04.2013. № 80.

12. Андрианова С. В. Принцип ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд // Госзакупки.ру. 2014. № 2. С. 60—62.

13. Арыкбаев Р. К., Гаджиева В. Т. Формирование и развитие контрактной системы размещения государственного заказа в Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 3 (13). С. 20—27.

14. Конюхова Т. В. Об ответственности за нарушение бюджетного законодательства // Журнал российского права. 2010. № 4 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

15. Карахотин С. Н. Оптимизация государственных инвестиций — новые решения и подходы // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2003. № 1—2 (14—15) [Электронный ресурс]. URL: http://dpr.ru/journal/journal_11_6.htm (дата обращения: 07.04.2015).

16. Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике / под ред. акад. А. Д. Некипелова, В. В. Ивантера, С. Ю. Глазьева. М.: Российская академия наук, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=8723ae9d-383c-4404-b602-e17eab2c5b88 (дата обращения: 07.04.2015).

17. Гаджиева В. Т. Государственные заказы как инструмент государственного финансового регулирования экономики // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 1 (14). С. 176—183.

REFERENCES

1. Grjaznova A. G., Markina E. V. Finance: textbook. M.: Finance and statistics, 2012. 496 p.
2. Gomell' V. B. Insurance: textbook. M.: Moscow finance-industrial academy, 2011 [Electronic resource]. SPS ConsultantPlus.
3. Filippova S. The law on the contractual system: whether make a contract or fulfill obligation? // Competition and law. 2013. № 4 [Electronic resource]. SPS ConsultantPlus.
4. Vinnickij A. V. Participation of public entities in property relations: problems of balance of the administrative-legal and civil-legal regulation // Administrative and municipal law. 2010. № 11 [Electronic resource]. SPS ConsultantPlus.
5. Andreeva L. V. Purchasing of goods and energy service works for the federal state needs: legal regulation / 2 edition, revised and amended. M.: Wolters Cloover, 2011. 302 p.
6. Budget Code of the Russian Federation dated 31.07.1998 № 145-FZ // Russian paper. 12.08.1998. № 153—154.
7. On the procedure of disclosure by the federal executive authorities of the information regarding development of the drafts of regulatory legal enactments and the results of their public discussion: Government regulation of Russian Federation dated 25.08.2012 № 851 // Russian newspaper. 31.08.2012. № 200.
8. On approval of the Rules of preparation of the regulatory legal enactments of the Federal authorities of Executive power and their state registration: The RF Government decree dated 13.08.1997 № 1009 // Collection of the RF legislation. 10.09.2012. № 37. Art. 4997.
9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) // Russian paper. 21.01.2009. № 7.
10. Grebennikova V. A., Nemchenko L. I. The vectors of development and financial tools of the public procurement contract system // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2015. № 1 (30). P. 174—179.
11. On the contract system in the area of procurement goods, fulfillment of works and rendering services for the state and municipal demands: Federal Law № 44-FZ dated April 5, 2013.
12. Andrianova S. V. The principle of accountability for effectiveness of the state and municipal needs // Publicprocurement.ru. 2014. № 2. P. 60—62.
13. Arykbaev R. K., Gadzhieva V. T. Formation and development of the contract system of public procurement in the Russian Federation // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2010. № 3 (13). P. 20—27.
14. Konyuhova T. V. On responsibility for violation of budget legislation // Journal of Russian legislation. 2010. № 4 [Electronic resource]. SPS ConsultantPlus.
15. Karahotin C. N. Optimization of public investment — new solutions and approaches // Real estate and investments. Legal regulation. 2003. № 1—2 (14—15) [Electronic resource]. URL: http://dpr.ru/journal/journal_11_6.htm (date of viewing: 07.04.2015).
16. Russia on the way to a modern, dynamic and efficient economics / ed. by academicians A. D. Nekipelov, V. V. Ivanter, S. Yu. Glaz'ev. M.: Russian Academy of Sciences, 2013 [Electronic resource]. URL: http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=8723ae9d-383c-4404-b602-e17eab2c5b88 (date of viewing: 07.04.2015).
17. Gadzhieva V. T. Public procurement as an instrument of state financial regulation of economics // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2011. № 1 (14). P. 176—183.

УДК 658.114:338.43
ББК 65.290.31:65.32

Balynin Igor Victorovich,
postgraduate student of the department of state and municipal finance of Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow,
e-mail: igorbalynin@mail.ru

Балынин Игорь Викторович,
аспирант кафедры «Государственные и муниципальные финансы» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва,
e-mail: igorbalynin@mail.ru

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

TO THE ISSUE OF DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS IN AGRICULTURE IN THE RUSSIAN FEDERATION

В статье представлены результаты исследования в области развития малого предпринимательства в сфере сельского хозяйства. Детально проанализированы показатели животноводства и растениеводства в Российской Федерации за период 2008—2013 годов, финансовое обеспечение реализуемой государственной программы. Дана оценка развитию малого предпринимательства в Российской Федерации в 2011—2013 годах как в целом, так и в сфере сельского хозяйства на основе расчета шести ключевых показателей. Более того, особое внимание уделено роли кредитования в развитии малого бизнеса в Российской Федерации (в том числе в сфере сельского хозяйства). Представлены показатели, характеризующие развитие сельского хозяйства в Крымском федеральном округе за 2014 год.

The article presents the results of research of small agricultural business development. Detailed analysis of indicators of livestock and crop production in the Russian Federation for the period 2008—2013, financial security of the state program being implemented are provided. Evaluation of development of small business in the Russian Federation in 2011—2013, as a whole, as well as in agriculture is done based on calculation of six key indicators. Moreover, special attention is paid to the role of credit in development of small business in the Russian Federation (including in agriculture). Indicators characterizing development of agriculture in the Crimean Federal District for 2014 are presented.

Ключевые слова: сельское хозяйство, малое предпринимательство, предпринимательство, малый бизнес, агробизнес, кредитование, кредитование малого бизнеса, импортозамещение, Крым, Севастополь.

Keywords: agriculture, small business, entrepreneurship, small business, agribusiness, crediting, small business loans, import substitution, Crimea, Sevastopol.

В условиях проводимого импортозамещения важнейшее направление экономической политики Российской Федерации — развитие сельского хозяйства. В этом контексте следует отметить, что в настоящее время реализуется государственная программа «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы» [1]. Так, планируется выделить свыше 1,53 трлн руб. за счет средств федерального бюджета. Объемы финансового обеспечения реализации этой государственной программы по годам реализации представлены в табл. 1.

Таблица 1

Финансовое обеспечение реализации государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы»

Годы	Объемы финансового обеспечения	
	в млрд руб.	в % к общей сумме расходов на реализацию государственной программы за весь период
2013	197,67	12,96
2014	170,15	11,15
2015	165,67	10,86
2016	164,68	10,79
2017	194,73	12,76
2018	203,52	13,34
2019	211,25	13,85
2020	217,92	14,28

Источник: составлено и рассчитано автором на основании государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы» [1].

Следует отметить, что в рамках этой государственной программы выделен ряд подпрограмм: «Развитие подотрасли растениеводства, переработки и реализации продукции растениеводства», «Развитие подотрасли животноводства, переработки и реализации продукции животноводства», «Развитие мясного скотоводства» и др.

Так, на реализацию первой подпрограммы (связанной с развитием растениеводства) из федерального бюджета планируется выделить 460,46 млрд руб. (из них в 2013 году — 67,47 млрд руб.; в 2014 году — 39,29 млрд руб.; в 2015 году — 42,54 млрд руб.; в 2016 году — 42,85 млрд руб.; в 2017 году — 58,21 млрд руб.; в 2018 году — 65,32 млрд руб.; в 2019 году — 70,71 млрд руб.; в 2020 году — 74,08 млрд руб.). Ожидается, что объем бюджетных ассигнований за счет средств консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации составит 187,37 млрд руб. [Там же].

В последние годы проведено достаточно много исследований, посвященных развитию малого бизнеса и сельского хозяйства в Российской Федерации. Так, А.В. Горлов изучил процессы, происходящие в российском малом производственном бизнесе [2], а Т.В. Солод рассмотрела малое предпринимательство в контексте экономической безопасности региона [3]. В свою очередь, Н.С. Сергиенко отмечает, что «кадровое обеспечение сельского хозяйства является важнейшим компонентом аграрной политики» [4]. В то же время О.Н. Суслякова детально проанализировала становление и особенности развития малого предпринимательства на региональном уровне (на примере Республики Коми) [5].

Главные задачи государственного регулирования в аграрной сфере в своей статье обозначили С.Е. Шиянов и Н.В. Снегирева. Так, «главным приоритетом, по их мнению, должны стать мероприятия по ее выводу из кризисного состояния, возобновлению роста производства сельскохозяйственного сырья и социальному обновлению сельской местности» [6].

Прежде всего проанализируем развитие животноводства и растениеводства в Российской Федерации за период 2008—2013 годов, опираясь на данные Федеральной службы государственной статистики [7].

Так, за указанный выше период численность крупного рогатого скота уменьшилась на 7,01%, что в абсолютном исчислении составляет 1,47 млн голов (в том числе количество коров уменьшилась на 5,09%, что в абсолютном исчислении составляет 464,60 млн голов). Уменьшение затронуло и поголовье коз, численность которых снизилась на 3,57%, что в абсолютном исчислении составляет 77,29 тыс. голов. В то же время увеличилось:

1) поголовье свиней — на 18,06%, что в абсолютном исчислении составляет 2,92 млн голов;

2) овец — на 13,49%, что в абсолютном исчислении составляет 2,64 млн голов;

3) лошадей — на 1,60%, что в абсолютном исчислении составляет 21,67 тыс. голов;

4) птицы — на 22,25%, что в абсолютном исчислении составляет 90,03 млн голов;

5) северных оленей — на 7,98%, что в абсолютном исчислении составляет 121,43 тыс. голов;

6) кроликов — на 44,37%, что в абсолютном исчислении составляет 928,10 тыс. голов;

7) семей пчел — на 12,30%, что в абсолютном исчислении составляет 365,90 тыс. голов.

Анализ показателей продуктивности скота и птицы показал, что в 2008—2013 годах надой молока на одну корову уменьшился на 8,29%, что в абсолютном исчислении составляет 298 кг, а средний настриг шерсти с одной овцы — на 11,11%, что в абсолютном исчислении составляет 0,3 кг.

Анализ объемов производства основных продуктов животноводства показал:

1) увеличение скота и птицы на убой (в убойной весе) на 36,31%, что в абсолютном исчислении составляет 2,28 млн т за счет увеличения свиней на 37,91% (что в абсолютном исчислении составляет 774,10 тыс. т), овец и коз — на 9,07% (что в абсолютном исчислении составляет 15,80 тыс. т), птицы — на 72,82% (что в абсолютном исчислении составляет 1,61 млн т) и уменьшения крупного рогатого скота на 7,66% (что в абсолютном исчислении составляет 135,40 тыс. т);

2) уменьшение объемов молока на 5,67% (что в абсолютном исчислении составляет 1,83 млн т);

3) увеличение яиц на 8,48% (что в абсолютном исчислении составляет 3,23 млрд шт.);

4) увеличение шерсти на 2,17% (что в абсолютном исчислении составляет 1,16 тыс. т);

5) увеличение объемов меда на 19,16% (что в абсолютном исчислении составляет 11,01 тыс. т).

Изучение товарности сельскохозяйственного производства

выявило ее увеличение за 2008—2013 годы по скоту и птице в живом весе на 9,5% (в том числе по крупному рогатому скоту — на 1,2%, по свиньям — на 16,5%, по овцам и козам — на 11,1%, по птице — на 5,9%). При этом товарность молока увеличилась на 2,6%, шерсти — на 4,5%. В то же время снижение товарности зафиксировано по яйцам (незначительное, на 0,1%) и по меду (на 4,2%).

Проведенный анализ посевных площадей на основе данных Федеральной службы государственной статистики [7] выявил их увеличение в 2013 году на 1,47%, что в абсолютном исчислении составляет 1,13 млн га (по сравнению с 2008 годом), за счет увеличения площадей технических культур на 38,18% (что в абсолютном исчислении составляет 3,33 млн га), картофеля — на 1,58% (что в абсолютном исчислении составляет 33 тыс. га), бахчевых продовольственных культур — на 1,75% (что в абсолютном исчислении составляет 3 тыс. га), овощей открытого грунта — на 4,71% (что в абсолютном исчислении составляет 30 тыс. га) и уменьшения площадей зерновых и зернобобовых культур на 1,96% (что в абсолютном исчислении составляет 916 тыс. га).

Анализ валовых сборов сельскохозяйственных культур на основе данных Федеральной службы государственной статистики [Там же] обнаружил значительное (на 14,60%) уменьшение объемов по зерновым и зернобобовым культурам (что в абсолютном исчислении составляет 15,79 млн т), а также увеличение объема по картофелю — на 4,69% (что в абсолютном исчислении составляет 1,35 млн т), овощам открытого грунта — на 8,57% (что в абсолютном исчислении составляет 1,07 млн т), овощам открытого и защищенного грунта — на 13,34% (что в абсолютном исчислении составляет 1,73 млн т), бахчевым продовольственным культурам — на 2,71% (что в абсолютном исчислении составляет 38 тыс. т).

Проведенное исследование валового сбора технических культур выявило значительное увеличение объемов сахарной свеклы (на 35,61%, что в абсолютном исчислении составляет 10,33 млн т), масличных культур (на 57,73%, что в абсолютном исчислении составляет 5,18 млн т), а также серьезное снижение семян (на 13,55%, что в абсолютном исчислении составляет 1 тыс. т) и волокна (на 25,61%, что в абсолютном исчислении составляет 13 тыс. т) льна-долгунца.

Для анализа изменения показателя товарности сельскохозяйственного производства используем официальные данные Федеральной службы государственной статистики за 2008—2013 годы [Там же].

Так, выявлено ее увеличение по зерновым культурам на 11,8% (товарность составила 64,2%), по сахарной свекле — на 3% (составила 87,9%), по семенам подсолнечника — на 15,4% (составила 72,2%), а также снижение по картофелю на 1,6% (составила 25,6%). При этом максимальные значения уровня товарности в указанном выше периоде для зерновых культур выявлены в 2010 году (81,1%), сахарной свеклы — в 2009 году (91,7%), семян подсолнечника — в 2010 году (86,9%), картофеля — в 2008 году (27,2%), овощей — в 2012 году (37,4%). В свою очередь, минимальные значения уровня товарности за период 2008—2013 годов зафиксированы по картофелю и сахарной свекле в 2011 году (21,6 и 71,8% соответственно), по зерновым культурам и семенам подсолнечника — в 2008 году (52,4 и 56,8% соответственно), по овощам — в 2009 году (33,2%).

Для оценки развития малого предпринимательства в Российской Федерации в 2011—2013 годах использованы шесть показателей: количество малых предприятий (в ед.); средняя численность работников (тыс. чел.); оборот (млрд руб.); оборот (в% к ВВП); инвестиции в основной капитал (млрд руб.); инвестиции в основной капитал (в% к ВВП). Результаты сведены в табл. 2.

Таблица 2

Малое предпринимательство в Российской Федерации в 2011—2013 годах

№ п/п	Показатели	2011	2012	2013	Отклонение (+;-)
1	2	3	4	5	6
1	Количество малых предприятий, в ед.	242677	243069	235579	-7098
2	Средняя численность работников, тыс. чел.	7126,02	6984,33	6831,97	-294,05
3	Оборот, млрд руб.	15584,82	15116,3	16692,89	+1108,07
4	Оборот, в% к ВВП	27,85	24,32	23,38	-4,47
5	Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	281,96	364,48	427,7	+145,74
6	Инвестиции в основной капитал, в% к ВВП	0,50	0,59	0,60	+0,10

Источник: составлено и рассчитано автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики [7] за 2011—2013 годы.

По табл. 2 следует сделать вывод, что в исследуемом периоде количество малых предприятий сократилось на 7098 ед. При этом средняя численность работников уменьшилась на 294,05 тыс. чел. Важно отметить, что в 2012 году при увеличении количества малых предприятий на 392 ед. средняя численность работников сократилась более чем на 140 тыс. чел.

Анализ показателей, характеризующих оборот малых предприятий Российской Федерации, показал, что в исследуемом периоде он увеличился на 1,11 трлн руб. и в 2013 году составил практически 16,7 трлн руб. В то же время, по итогам проведенных расчетов (на основании данных Федеральной службы государственной статистики [Там же]), доля оборота малых предприятий в валовом внутреннем продукте сократилась на 4,47% (с 27,85 до 23,38%).

Наконец, анализ объема инвестиций в основной капитал выявил их увеличение в 2013 году на 51,69%, что в абсолютном исчислении составляет 145,74 млрд руб. (по сравнению с 2011 годом).

Для оценки состояния малого предпринимательства в сфере сельского хозяйства необходимо осуществить аналогичный расчет показателей, результаты которого представлены в табл. 3. Так, в исследуемом периоде количество малых предприятий в сфере сельского хозяйства уменьшилось на 59 ед., а численность работников сократилась на 44,72 тыс. чел. Следует отметить, что в 2012 году при увеличении малых предприятий на 1 тыс. ед. выявлено сокращение средней численности работников на 13,92 тыс. чел. При этом оборот малых предприятий в сфере сельского хозяйства ежегодно увеличивался: на 16,87% в 2012 году, что в абсолютном исчислении составляет 39,27 млрд руб. (по сравнению с 2011 годом), и на 6,37% в 2013 году, что в абсолютном исчислении составляет 17,32 млрд руб. (по сравнению с 2012 годом). Важно, что в исследуемом периоде произошло увеличение доли оборота малых предприятий в сфере сельского хозяйства в отношении к валовому внутреннему продукту, хотя и незначительно (на 0,02%).

Наконец, по итогам проведенного анализа выявлено увеличение объема инвестиций в основной капитал в 2012 году

на 40,97%, что в абсолютном исчислении составляет 19,62 млрд руб. (по сравнению с 2011 годом), и снижение в 2013 году на 14,28%, что в абсолютном исчислении составляет 9,64 млрд руб. (по сравнению с 2012 годом).

Таблица 3

Малое предпринимательство в сфере сельского хозяйства в 2011—2013 годах

№ п/п	Показатели	2011	2012	2013	Отклонение (+;-)
1	2	3	4	5	6
1	Количество малых предприятий, в ед.	10856	11856	10915	+59
2	Средняя численность работников, тыс. чел.	437,08	423,16	392,36	-44,72
3	Оборот, млрд руб.	232,81	272,08	289,4	+56,59
4	Оборот, в% к ВВП	0,42	0,44	0,44	+0,02
5	Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	47,89	67,51	57,87	+9,98
6	Инвестиции в основной капитал, в% к ВВП	0,09	0,11	0,09	0

Источник: составлено и рассчитано автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики за 2011—2013 годы [7].

Для развития малого и среднего предпринимательства важное значение имеет доступность кредитования. В связи с этим проанализируем объем предоставленных кредитов субъектам малого и среднего бизнеса в разрезе федеральных округов (табл. 4).

В табл. 4 и 5 используются следующие условные обозначения: ФО — федеральные округа (ЦФО — Центральный; СЗФО — Северо-Западный; ЮФО — Южный; СКФО — Северо-Кавказский; УФО — Уральский; СибФО — Сибирский; ПФО — Приволжский федеральный округ; ДФО — Дальневосточный; КФО — Крымский).

Таблица 4

Объем предоставленных кредитов субъектам малого и среднего бизнеса, в млрд руб.

№ п/п	ФО	2010	2011	2012	2013	2014	Темп роста, в%
1	2	3	4	5	6	7	8
1	ЦФО	1726,41	2339,22	2798,83	3217,79	3027,16	175,34 (186,39)
2	СЗФО	480,31	635,62	783,09	885,37	836,40	174,14 (184,33)
3	ЮФО	369,67	477,04	528,33	582,69	521,86	141,17 (157,62)
4	СКФО	105,04	143,24	123,31	141,24	122,48	116,60 (134,46)
5	ПФО	747,65	950,27	1056,53	1241,06	1146,07	153,29 (166,00)
6	УФО	312,86	441,71	534,97	608,12	566,83	181,18 (194,37)

Окончание табл. 4

7	СибФО	510,86	626,54	681,91	788,36	707,96	138,58 (154,32)
8	ДФО	197,49	240,72	259,90	296,90	263,63	133,49 (150,33)
9	КФО	x	x	x	x	2,45	x
10	Всего	4450,29	5854,36	6766,86	7761,53	7194,84	161,67 (174,41)

Источник: составлено и рассчитано автором на основании данных ЦБ РФ [8] по состоянию на 1 января года, следующего за указанным.

Примечание. В колонке 8 в скобках приведены результаты сравнения данных колонок 6 и 3.

Анализ данных, представленных в табл. 4, показал, что в исследуемом периоде объем предоставленных кредитов субъектам малого и среднего бизнеса увеличился на 61,67%, что в абсолютном выражении составляет 2,74 трлн руб. При этом при сравнении данных 2013 и 2010 годов выявлено еще большее увеличение (на 74,41%, что в абсолютном исчислении составляет 3,31 трлн руб.).

Наибольший рост объемов кредитования обнаружен в Уральском федеральном округе, где он составил 181,18%, а минимальный — в Дальневосточном (133,49%). Однако следует отметить, что в 2014 году во всех федеральных округах произошло сокращение объемов кредитования субъектов малого и среднего бизнеса.

В табл. 5 представлены результаты расчета доли рублевых кредитов, предоставленных субъектам малого и среднего бизнеса, в общем объеме предоставленных рублевых кредитов юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям. Так, в целом по Российской Федерации она сократилась на 3,13%. Важно отметить, что ее увеличения не обнаружено даже в 2011—2013 годах (по сравнению с 2010-м), несмотря на улучшение экономической ситуации и предпринимаемые попытки по развитию малого и среднего предпринимательства. При проведении исследования в разрезе федеральных округов выявлено ее сокращение во всех федеральных округах (за исключением Уральского, где обнаружено увеличение на 4,69%). Так, наибольшее уменьшение произошло в Дальневосточном (на 5,37%), Сибирском (на 3,87%) и Южном (на 3,29%) федеральных округах.

Таблица 5

Доля рублевых кредитов, предоставленных субъектам малого и среднего бизнеса, в общем объеме предоставленных рублевых кредитов юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, в%

№ п/п	ФО	2010	2011	2012	2013	2014	Отклонение (+;-)
1	2	3	4	5	6	7	8
1	ЦФО	18,72	16,55	18,33	18,73	15,76	-2,96 (+0,01)
2	СЗФО	27,50	26,34	26,08	26,60	25,56	-1,94 (-0,89)
3	ЮФО	31,36	33,96	34,08	30,70	28,06	-3,29 (-0,65)
4	СКФО	49,58	57,00	51,50	49,30	46,77	-2,82 (-0,28)
5	ПФО	29,72	30,35	33,20	32,05	29,53	-0,19 (2,33)

Окончание табл. 5

№ п/п	ФО	2010	2011	2012	2013	2014	Отклонение (+;-)
6	УФО	25,25	27,10	31,23	30,35	29,94	4,69 (5,10)
7	СибФО	37,19	33,67	36,12	36,96	33,32	-3,87 (-0,23)
8	ДФО	41,14	39,37	37,77	33,62	35,77	-5,37 (-7,53)
9	КФО	х	х	х	х	25,64	х
10	Всего	24,77	23,02	24,58	24,58	21,64	-3,13 (-0,19)

Источник: составлено и рассчитано автором на основании данных ЦБ РФ [8] по состоянию на 1 января года, следующего за указанным.

Примечание. В колонке 8 в скобках приведены результаты сравнения данных колонок 6 и 3.

В целях определения приоритетных направлений развития сельского хозяйства в Крымском федеральном округе осуществим детальный анализ статистических показателей по регионам за 2014 год. Так, согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым [9], индекс объемов сельскохозяйственного производства в 2014 году (по сравнению с аналогичным периодом 2013 годом) составил 100,7%. При этом по крестьянским фермерским хозяйствам его значение составляет 133,9%, а по хозяйствам населения — 101,5%.

Кроме того, по состоянию на 1 января 2015 года в Республике Крым 157,9 тыс. голов крупного рогатого скота (в том числе 66,9 тыс. коров), 160,4 тыс. голов свиней, 260,5 тыс. голов овец и коз, 9,90 млн голов птицы. В 2014 году в Республике Крым было произведено 171,9 тыс. т мяса (в живом весе), 286,7 тыс. т молока, 550,5 млн шт. яиц. Важно отметить, что объем произведенных яиц (по сравнению с 2013 годом) увеличился на 8,6%. Более того, по состоянию на 1 октября 2014 года в Республике Крым собрано 11139,8 ц зерновых и зернобобовых культур (что на 76,4% больше, чем за аналогичный период 2013 года), 2886,4 тыс. ц картофеля, 1667 тыс. ц овощей открытого грунта.

В то же время в городе федерального значения Севастополе, согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по городу Севастополю [10], за период с 1 февраля по 1 декабря 2014 года поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 7,87%, овец и коз — на 9,32%, птицы — на 6,85%. Кроме того, по состоянию на 1 ноября было собрано 11548 ц зерновых и зернобобовых культур, 36673 ц картофеля, 20855 ц овощей открытого грунта. При этом объем собранного картофеля по сравнению с 2013 годом увеличился на 0,5%, а объем овощей открытого грунта — на 2,2%. Вместе с тем за январь — ноябрь в городе Севастополе было произведено 1,84 тыс. т мяса в живом весе, 4,55 тыс. т молока, 12,05 млн шт. яиц.

Таким образом, на основании проведенного исследования необходимо сделать следующие выводы:

1. Развитие сельского хозяйства остается приоритетным вопросом проводимой экономической политики, особенно в условиях поставленной задачи по импортозамещению.

2. В рамках реализации государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы» планируется выделить свыше 1,53 трлн руб. за счет средств федерального бюджета на развитие данной отрасли.

3. В 2011—2013 годах количество малых предприятий в сфере сельского хозяйства уменьшилось на 59 ед., их оборот увеличился на 56,59 млрд руб. (в процентном отношении к валовому внутреннему продукту на 0,02%), численность работников сократилась на 44,72 тыс. чел., инвестиции в основной капитал увеличились на 9,98 млрд руб. (в процентном отношении к ВВП изменений не произошло).

4. Анализ объемов производства основных продуктов животноводства показал увеличение скота и птицы на убой (в убойном весе) на 36,31%, яиц — на 8,48%, шерсти — на 2,17%, меда — на 19,16%, а также уменьшение объемов молока на 5,67%.

5. Анализ валовых сборов сельскохозяйственных культур обнаружил значительное (на 14,60%) уменьшение объемов по зерновым и зернобобовым культурам, а также увеличение объема по картофелю — на 4,69%, овощам открытого грунта — на 8,57%, овощам открытого и защищенного грунта — на 13,34%, бахчевым продовольственным культурам — на 2,71%.

6. В исследуемом периоде доля рублевых кредитов, предоставленных субъектам малого и среднего бизнеса, в общем объеме предоставленных рублевых кредитов юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям сократилась на 3,13%.

7. Для решения имеющихся проблем необходимо развитие механизмов морального и материального стимулирования лиц, занятых в сельском хозяйстве, а также повышение привлекательности и качества образования в высших учебных заведениях по сельскому хозяйству.

8. В целях социально-экономического развития Крымского федерального округа и повышения конкурентоспособности аграрного сектора Российской Федерации необходима реализация комплекса мероприятий, направленных на развитие сельского хозяйства в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе.

9. Для повышения узнаваемости и востребованности продукции, произведенной в Крымском федеральном округе, необходимо создание бренда «Сделано в Крыму».

10. В условиях ограниченности кадров необходимо внедрять достижения научно-технического прогресса (например, активно создавать во всех российских регионах роботизированные фермы).

Наконец, в процессе исследования выявлено отсутствие необходимых статистических сведений ЦБ РФ [8] об объемах кредитования малого, а также среднего бизнеса. Банком России данные представлены в совокупности, что не позволяет дать полную оценку о состоянии малого предпринимательства в Российской Федерации. Кроме того, данные о кредитовании юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по виду экономической деятельности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» представлены в целом (даже без выделения совокупных данных по малому и среднему предпринимательству).

В целях формирования стратегии развития сельского хозяйства в Республике Крым и городе Севастополе считаем возможным использование методологии форсайт-исследования. В.Ф. Стукач и И.А. Волкова, ранее применявшие эту методологию, основываясь на материалах Омской области, отмечают, что «на проектной стадии форсайт делает процесс инновационного развития сельскохозяйственного производства более предсказуемым, снижает риски его применения» [11, с. 90].

Таким образом, для развития малого предпринимательства в сфере сельского хозяйства необходима реализация комплекса мероприятий, что также будет способствовать повышению качества жизни и улучшению благосостояния граждан РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы: Государственная программа.

2. Горлов А. В. Малый производственный бизнес России: анализ основных закономерностей и факторов роста // Аудит и финансовый анализ. 2014. № 2. С. 93—109.

3. Солод Т. В. Малое предпринимательство в системе экономической безопасности региона (Ростовская область) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1. С. 181—184.

4. Сергиенко Н. С. Финансовое обеспечение кадровой политики в АПК Калужской области // Направления повышения стратегической конкурентоспособности аграрного сектора экономики: мат. Междунар. науч. практ. конф.; М-во обр. и науки РФ; ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина»; [отв. ред. А. А. Бурмистрова]. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. С. 196—201.

5. Суслякова О. Н. Управление развитием малого бизнеса // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2006. № 1. С. 89—107.

6. Шиянов С. Е., Снегирева Н. В. Воспроизводственно-эволюционная направленность экономико-институциональных основ предпринимательства в сельском хозяйстве // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 187—191.

7. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/ (дата обращения: 02.04.2015).

8. Центральный Банк Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/ (дата обращения: 02.04.2015).

9. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым [Электронный ресурс]. URL: http://gosstat.crimea.ru/ (дата обращения: 11.04.2015).

10. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по г. Севастополю [Электронный ресурс]. URL: http://www.sevstat.sevinfo.com.ua/ (дата обращения: 02.02.2015).

11. Стукач В. Ф., Волкова И. А. Методология форсайт-исследования в формировании стратегии развития сельского хозяйства региона // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 89—97.

REFERENCES

1. Development of agriculture and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food for 2013—2020: State Program.

2. Gorlov A. V. Small manufacturing business in Russia: analysis of the main patterns and growth factors // Audit and financial analysis. 2014. № 2. P. 93—109.

3. Solod T. V. Small businesses in the economic security of the region (Rostov region) // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 1. P. 181—184.

4. Sergienko N. S. Financial security of the personnel policy in the agricultural sector of the Kaluga region // Directions for increasing strategic competitiveness of the agricultural sector: materials of the International scientific and practical conference; the RF Ministry of education and science; FSBEI of HVE Tambov state university named after G. R. Derzhavin; [editor-in-chief A. A. Burmistrova]. Tambov: Publishing house TROO Business-Science-Society, 2014. P. 196—201.

5. Suslyakova O. N. Managing the development of small businesses // Corporate Governance and innovative development of the North: Bulletin of the Research Center of corporate management and venture investment of Syktyvkar State University. 2006. № 1. P. 89—107.

6. Shiyanov S. E., Snegiryov N. V. Reproduction-evolutionary direction of the economic and institutional fundamentals of entrepreneurship in agriculture // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 187—191.

7. Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/ (date of viewing: 02.04.2015).

8. The Central Bank of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: http://www.cbr.ru/ (date of viewing: 02.04.2015).

9. The territorial authority of the Federal State Statistics Service of the Republic of Crimea [Electronic resource]. URL: http://gosstat.crimea.ru/ (date of viewing: 11.04.2015).

10. The territorial authority of the Federal State Statistics Service of Sevastopol [Electronic resource]. URL: http://www.sevstat.sevinfo.com.ua/ (date of viewing: 02.02.2015).

11. Stukach V. F., Volkova I. A. Foresight research methodology in the formation of agricultural development strategy in the region // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 1 (22). P. 89—97.

УДК 368.914
ББК 65.272.21

Manzarova Erzhena Dmitrievna,
post-graduate student of the department
of taxes and customs business
of Baikal National University of Economics and Law,
Irkutsk,
e-mail: ermanz@mail.ru

Манзарова Эржена Дмитриевна,
аспирант кафедры налогов и таможенного дела
Байкальского государственного университета
экономики и права,
г. Иркутск,
e-mail: ermanz@mail.ru

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЛАТЫ ТРУДА В РОССИИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ

ISSUES OF REGULATION OF LABOR PAYMENT IN RUSSIA FOR THE PURPOSES OF ESTABLISHING EFFECTIVE SYSTEM OF PENSION INSURANCE

В статье рассмотрены вопросы регулирования оплаты труда в России, причины существующего низкого уровня заработной платы, обоснованы взаимообусловленность и влияние факторов в сфере доходов и заработной платы на развитие современного института пенсионного страхования. Исследованы понятие и содержание заработной платы, ее соотнесение с другими стоимостными категориями. Рассмотрены влияние и роль заработной платы на формирование пенсионных отношений, а также на процесс аккумулирования страховых взносов. Подведены итоги по вопросам регулирования оплаты труда: как с позиции повышения качества труда и его производительности, пересмотра механизмов ее регулирования (переоценки прожиточного минимума), так и с позиции социальной ориентации реализуемой экономической политики государства для целей эффективного формирования пенсионных ресурсов.

The article examines the regulation of labor payments in Russia, the reasons of the current low level of wages, as well as interdependence and influence of factors of income and wages on development of a modern institution of pension insurance are justified. The concept and content of salary, its correlation with other cost categories are examined. Impact and role of salary on the formation of pension relations are examined, as well as on the process of insurance charges accumulation. Results of the issues of labor payment regulation are presented: both in terms of labor quality and productivity increasing, revision of the mechanisms of its regulation (re-evaluation of the cost of living) and in terms of social orientation of implemented economic policy of the state for the purposes of effective formation of pension resources.

Ключевые слова: заработная плата, пенсионное страхование, прожиточный минимум, страховые взносы, пенсия, доходы населения, минимальная оплата труда, пенсионное обеспечение, производительность труда, социальные нужды.

Keywords: salary, pension insurance, cost of living, insurance charges, pension, population incomes, minimum wage, pension provision, labor productivity, social needs.

Крайне высокая дифференциация в доходах разных групп населения нашей страны служит неоспоримым свидетельством низкой практики организации системы оплаты труда. Высокая социальная поляризация фактически ставит под вопрос эффективность и дееспособность существующего механизма формирования доходов, получаемых работниками в процессе трудовой деятельности, а также в формате распределения государственных дотаций, субсидий и других социальных выплат.

Принципиально новые, отличные от социалистического способа хозяйствования условия рынка заставили общество по-новому взглянуть на содержание понятия стоимости рабочей силы. В новых рыночных отношениях, складывающихся между работодателем и работником, стоимость рабочей силы представляется издержками производства, тогда как еще в советский период сущность и содержание такой стоимости определяли совокупность затрат, требуемых для поддержания жизнедеятельности гражданина, его способности к труду и обеспечения членов его семьи средствами к существованию. Следует отметить, что даже сегодня, несмотря на накопленный теоретический опыт в области исследования систем оплаты труда, дискуссионными остаются вопросы о тождественности понятий стоимости рабочей силы, ее цены, заработной платы, оплаты труда и вознаграждения за труд. Современные исследователи рассматривают заработную плату как цену рабочей силы. Несколько иначе к вопросу о цене рабочей силы и ее стоимости подходит Л. Ревуцкий [1]. Так, цена рабочей силы выражает сумму денежных средств, фактически затрачиваемых работодателем для привлечения работника к труду и его дальнейшей эксплуатации. Дополнительные затраты, необходимые для удержания и обслуживания рабочей силы, включаются работодателем в цену рабочей силы, определяя тем самым цену индивидуального человеческого труда. Напротив, стоимость же рабочей силы является величиной расчетной, что служит принципиальным отличием ее от цены. По вопросам стоимости и цены рабочей силы выражает свою позицию В. Ракоти [2]. По его мнению, каждый из участников трудового договора (работодатель и работник) по-своему понимает стоимость рабочей силы. На основе стоимости рабочей силы определяется цена рабочей силы. Более того, сущность стоимости рабочей силы для участников трудового договора проявляется в двух разных ипостасях: с одной стороны, для наемного работника стоимость рабочей силы выражает сумму денежных средств, необходимых для воспроизводства и расширения его способности к труду, с другой — для работодателя «превращенную форму ресурса в виде потребительских качеств арендованной рабочей силы».

Отметим, что нормы действующего российского трудового законодательства не делают принципиальных разграничений между понятиями «заработная плата», «оплата труда» и «вознаграждение за труд» [3]. Сложность определения стоимости рабочей силы, обусловленная субъективностью данной категории, вынуждает финансистов и ценовиков рассчитывать фонд оплаты труда, исходя из уже имеющихся тарифных ставок, должностных окладов, премий, надбавок, доплат и вознаграж-

дений. Повсеместно применимые на сегодня нормативы определения фонда оплаты труда, находятся в тесной взаимоувязке со стоимостью продукции, ценой потребительских товаров и услуг, складывающимися на рынке. По этой причине органы государственной власти осуществляют периодическую индексацию заработной платы работников бюджетной сферы на основе мониторинга цен на товары и услуги.

Наблюдаемая дифференциация доходов общества обусловлена в первую очередь проводимой экономической политикой государства. Как свидетельствует анализ, наименьший разрыв в денежных доходах населения России наблюдался в 1991 году, максимальное же неравенство — в 2010-м [4]. Проблема неравенства денежных доходов населения непосредственно сказывается на формировании финансовых ресурсов институтов пенсионного страхования, основой аккумуляции денежных средств которых является фонд оплаты труда. Таким образом, наблюдается асимметричность действия принципов пенсионной системы по отношению к группам населения с разными уровнями доходов. Пенсии для низкодоходных групп населения формируются в рамках солидарной системы пенсионного страхования. Для групп населения с денежными доходами, превышающими средний уровень, участвующих в обязательной системе пенсионного страхования, имеются дополнительные возможности формирования пенсионных прав посредством привлечения негосударственных институтов пенсионного страхования (в части добровольного страхования). Как отмечает Д. Ермаков [5], «среднедоходные социальные группы оказываются в промежуточном положении — их социальные притязания выше, чем размер пенсий, формируемых в солидарной системе, но потенциал для формирования самостоятельных накоплений за пределами пенсионной системы недостаточен».

На сегодняшний день содержание заработной платы сводится к трем составляющим, различным по своей сути, целям и основаниям начисления: вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы; компенсационные выплаты; стимулирующие выплаты. Так, основной составляющей заработной платы является оклад (тарифная ставка), который является ее базовой и неизменной частью и устанавливается работодателем исходя из определенных Трудовым кодексом РФ критериев, а именно: квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой им работы, и закрепляется в штатном расписании работодателя. Конвенция № 95 Международной организации труда относительно защиты заработной платы определила заработную плату как всякое вознаграждение или заработок, могущие быть исчисленными в деньгах и установленные соглашением или национальным законодательством, которые предприниматель должен уплатить в силу письменного или устного договора о найме услуг трудящемуся за труд, который либо выполнен, либо должен быть выполнен, или за услуги, которые либо оказаны, либо должны быть оказаны [6].

Институт пенсионного страхования, являющийся доминирующим в системе социального страхования, охватывает до 80—85% численности наемных работников и до 40—50% самозанятого населения [7]. Для целей получения достойной пенсии в будущем одним из главных факторов формирования выступает страхуемая часть заработной платы, выплачиваемая в пользу застрахованных лиц. Как отмечает В. Роик [8], величина пенсии и финансовая сбалансированность бюджета пенсионной системы зависят прежде всего от размеров заработной платы, являющейся базой для начисления страховых взносов, продолжительности периода их внесения и периода выплат пенсий, соотношения пенсионеров и работающих. Так, проблема низких пенсионных выплат в рамках системы пенсионного страхования должна рассматриваться в первую очередь с позиции регулирования оплаты труда. Одним из инструментов регулирования оплаты труда является установление ее минимального размера. Минимальный размер оплаты труда (МРОТ) также применяется для определения размеров пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам и для иных целей обязательного социального страхования (табл. 1).

Таблица 1

Размеры минимальной оплаты труда в Российской Федерации за период с 2013 по 2015 год

Показатель	2013	2014	2015
Сумма МРОТ, руб./мес.	5205[1)]	5554[2)]	5965[3)]
Темпы роста, %	112,9[4)]	106,7	107,4

[1)] Ст. 1 Федерального закона от 03.12.2012 № 232-ФЗ.

[2)] Ст. 1 Федерального закона от 02.12.2013 № 336-ФЗ.

[3)] Ст. 1 Федерального закона от 01.12.2014 № 408-ФЗ.

[4)] В сравнении с размером минимальной оплаты труда в сумме 4611 руб. в мес., установленным в соответствии с ФЗ от 1 июня 2011 года № 106-ФЗ «О внесении измерений в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда».

Обоснованием устанавливаемого на федеральном уровне минимального размера оплаты труда служит прожиточный минимум (ПМ), применяемый также при оценке качества жизни населения России при разработке и реализации социальной политики государства [9]. Прожиточный минимум представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, а также включает в себя обязательные платежи и сборы. Величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по России и в ее субъектах определяется ежеквартально на основании потребительской корзины, данных об уровне потребительских цен на продукты питания и индексах потребительских цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги, а также на основании расходов по обязательным платежам и сборам. В табл. 2 представлена величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения.

Таблица 2

Величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации

Период, за который исчислена величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации	Величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации (в руб.)			
	на душу населения	для трудоспособного населения	для пенсионеров	для детей
2014 год				
за IV квартал 2014 года	8234	8885	6785	7899
за III квартал 2014 года	8086	8731	6656	7738
за II квартал 2014 года	8192	8834	6717	7920
за I квартал 2014 года	7688	8283	6308	7452

Окончание табл. 2

2013 год				
за IV квартал 2013 года	7326	7896	6023	7021
за III квартал 2013 года	7429	8014	6097	7105
за II квартал 2013 года	7372	7941	6043	7104
за I квартал 2013 года	7095	7633	5828	6859
2012 год				
за IV квартал 2012 года	6705	7263	5281	6432
за III квартал 2012 года	6643	7191	5229	6387
за II квартал 2012 года	6385	6913	5020	6146
за I квартал 2012 года	6307	6827	4963	6070

Для определения размера федеральной социальной доплаты [10] к пенсии определяется величина прожиточного минимума пенсионера в целом по Российской Федерации ежегодно и устанавливается федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий финансовый год и на плановый период. О несостоятельности критерия ПМ для оценки положения пенсионеров высказывается Л. Ржаницына [11], которая считает, что официальная ориентация властей на ПМ в процессе оптимизации пенсионной системы представляется неконструктивной. Дело в том, что потребительская корзина нетрудоспособного не отражает его минимальных потребностей: в ней занижены расходы на самые востребованные лекарства, предметы первой необходимости, транспорт, телефон. Таким образом, по ее мнению, ПМ должен быть увеличен на 15%. Увеличение ПМ пенсионера и доведение его тем самым до объема расходов, действительно покрывающих нужды пенсионеров, повлекло бы за собой, по оценкам специалистов, рост числа бедных пенсионеров, пенсии которых не достигают уровня прожиточного минимума, до 3 млн человек.

Таблица 3

Величина прожиточного минимума пенсионера в целом по Российской Федерации для определения размера федеральной социальной доплаты к пенсии, предусмотренной Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»

Период, за который исчислена величина прожиточного минимума пенсионера	2012	2013	2014	Темпы роста 2012-го к 2011-му, %	Темпы роста 2013-го к 2012-му, %	Темпы роста 2014-го к 2013-му, %	Темпы роста 2014-го к 2012-му, %
Величина прожиточного минимума пенсионера в целом по Российской Федерации (руб.)	5564	6131	6354	112,7	110,2	103,6	114,2

Как свидетельствуют данные табл. 3, величина прожиточного минимума пенсионера в целом по России, определяемая в целях установления федеральной социальной доплаты к пенсии, за рассматриваемый период увеличивалась и по сравнению с базисным 2012 годом темпы роста в 2014 году составили 114,2%. Численность пенсионеров, получающих социальные доплаты к пенсии, на 1 января 2014 года составила 5,4 млн человек: ежегодно данный показатель имеет тенденцию роста, что свидетельствует о наличии перманентного разрыва между величиной прожиточного минимума пенсионера и величиной назначенной пенсии. Низкий уровень пенсионных выплат, корректируемый с помощью привлечения такого инструмента, как социальные доплаты (более 5 млн пенсионеров — получателей социальных доплат), фактически обнажает слабые стороны и недееспособность действующей пенсионной системы России в целом (табл. 4).

Таблица 4

Численность пенсионеров, получающих социальные доплаты к пенсии в целях доведения уровня материального обеспечения пенсионера до величины прожиточного минимума пенсионера[1)] в Российской Федерации, по состоянию на 1 января (чел.)

Показатели	2012	2013	2014	Темпы роста 2013-го к 2012-му, %	Темпы роста 2014-го к 2013-му, %	Темпы роста 2014-го к 2012-му, %
Всего пенсионеров, в том числе получающих:	**5321242**	**5412873**	**5395093**	**101,7**	**101,4**	**101,4**
федеральную социальную доплату	2894052	2950913	2880942	102,0	97,6	99,5
региональную социальную доплату	2427190	2461960	2514151	101,4	102,1	103,6

[1)] По данным Пенсионного фонда Российской Федерации.

Как свидетельствуют данные табл. 4, численность пенсионеров, получающих социальные доплаты к пенсии, имеет динамику к увеличению, тем самым демонстрируя системные недостатки института пенсионного страхования. Низкая материальная обеспеченность пенсионеров, получающих пенсии ниже прожиточного минимума пенсионера, служит индикатором к принятию неотложных мер в системе пенсионного страхования как в части решения ее демографической составляющей, так и в части регулирования доходов населения. Как отмечает В. Роик [12], «в России наблюдается кризис политики доходов населения, прежде всего заработной платы и регулирования политики занятости». Сегодня средний размер пенсии составляет около 170% прожиточного минимума пенсионера и равняется 33% от средней заработной платы. Согласимся с В.Н. Бобковым [13], что современная методика расчета коэффициента замещения, построенная на соотнесении среднегодового размера трудовой пенсии со среднемесячной начисленной заработной платой в экономике, не учитывает ряд существенных факторов, в частности высокую дифференциацию населения по уровню заработной платы. Так, Е. М. Ширяева [14] предлагает в качестве одного из способов «виртуального» увеличения коэффициента замещения расчет на основе не средней заработной платы в экономике, а заработной платы, на которую начислялись страховые взносы. К примеру, при расчете коэффициента замещения в 2015 году будет учитываться заработок, не превышающий верхнюю границу облагаемого дохода, — 711 тыс. руб.

Таблица 5

Средняя заработная плата по 10%-ным группам работников организаций, руб. [15]

10%-ная группа работников	2009	2011	2013
Всего	**18287**	**22334**	**29453**
1-я (с наименьшей заработной платой)	4136	4662	6183
2-я	5993	7097	9715
3-я	7869	9504	12893
4-я	9873	11969	16075
5-я	12028	14630	19456
6-я	14490	17635	23344
7-я	17513	21314	28262
8-я	21663	26471	35090
9-я	28673	34977	45934
10-я (с наибольшей заработной платой)	60631	75081	97576

Согласно данным табл. 5, при среднегодовом размере пенсии 9917,5 руб. в 2013 году коэффициент замещения для средней заработной платы составил 33,7%, для 10%-ной группы с наименьшим уровнем заработной платы коэффициент замещения равнялся 160,4%, тогда как для высокодоходной группы данный коэффициент достиг лишь уровня в 10,2%. Следует признать тот факт, что при назначении пенсии для разных ее бенефициаров не учитывается дифференциация в заработной плате различных доходных групп населения, а коэффициент замещения, социально приемлемый для удовлетворения нужд пенсионеров при выходе их на пенсию на уровне 40%, исключает универсальность своего применения.

Таблица 6

Основные показатели пенсионного обеспечения в Российской Федерации на период с 2012 по 2014 год

Показатели	2012	2013	2014
Средний размер назначенных пенсий, в среднем за год, руб.	9040,5	9917,5	10889
Величина прожиточного минимума пенсионера[1)], руб.	5123	5998	6617
в процентах к предыдущему году	101,8	107,7[1)]	110,3
Соотношение среднего размера назначенных пенсий, процентов:			
с величиной прожиточного минимума пенсионера	176,5	165,4	164,6
со средним размером начисленной заработной платы	33,9	33,3	33,1

Источник: официальные данные Пенсионного фонда РФ.

[1)] Оценка на основе данных, установленных Правительством Российской Федерации за I — IV кварталы соответствующего года в соответствии с Федеральным законом от 24 октября 1997 года № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации».

Так, данные табл. 6 свидетельствуют о том, что средний размер назначенных пенсий за период с 2012 по 2014 год возрастал в среднем на 9 п.п., незначительно опережая рост величины прожиточного минимума пенсионера. Как отмечается в Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации [16], разработанной Министерством труда и социальной защиты, пенсия в значительной мере утратила функцию страхования потери заработка в связи с достижением пенсионного возраста. Среди задач, сформулированных в Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации, обособленной строкой прослеживается задача обеспечения коэффициента замещения трудовой пенсией по старости утраченного заработка до 40% при нормативном страховом стаже и средней заработной плате. Как видно из табл. 6, соотношение среднего размера назначенных пенсий со средним размером начисленной заработной платы значительно недобирает до намеченного уровня показателя замещения.

Таблица 7

Удельный вес расходов на оплату труда в ВВП[1)], % [15]

Показатели	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Удельный вес оплаты труда наемных работников (включая скрытые оплату труда и смешанные доходы[2)]) в ВВП	43,8	44,5	46,7	47,4	52,6	49,6	49,5	50,4
в том числе официальной	32,0	31,7	33,3	34,8	37,7	35,3	35,4	36,0

[1)] Оплата труда наемных работников в валовом внутреннем продукте состоит из двух компонентов — заработной платы и отчислений работодателей в фонды социального страхования.

[2)] Скрытые оплата труда наемных работников и смешанные доходы определяются условно балансовым путем. Они представляют собой разницу между суммарными расходами на все нужды домохозяйств, включая прирост их финансовых активов, и формально зарегистрированными доходами.

Как свидетельствуют данные табл. 7, доля расходов на заработную плату, с которой производится уплата страховых взносов, в валовом внутреннем продукте варьируется в пределах 30—36%. Размер страховых взносов, предназначенных для пенсионного страхования, на уровне 20% от фонда оплаты труда свидетельствует о том, что доля пенсионных ресурсов на обязательное пенсионное страхование в ВВП равна лишь 7,2%. Следует отметить, что объем финансовых ресурсов, затрачиваемых в странах Евросоюза на пенсионное страхование, варьируется в рамках 12—14% от ВВП, а в таких странах, как ФРГ, Франция и Италия, доля в ВВП достигает 16—18% [12]. Отсюда целесообразно встает вопрос о легальном оформлении и учете заработной платы в конвертах для целей аккумуляции страховых взносов (как с позиции повышения реального уровня заработной платы, так и с позиции регламентированного учета получаемых доходов).

Одним из условий эффективного функционирования системы пенсионного страхования в России является установление достойного уровня оплаты труда наемных работников, которые в формате пенсионного страхования, выступая, с одной стороны, в качестве субъектов пенсионных правоотношений, в пользу которых производится уплата страховых взносов, формируют тем самым пенсионные ресурсы. С другой — являются конечными бенефициарами, получателями пенсионных выплат, пенсионные обязательства перед которыми должны выполнять соответствующие госструктуры. Крайне высокая дифференциация доходов населения и нестабильность рынка труда вкупе с демографическими вызовами (быстрое старение населения, ухудшение его здоровья, высокая смертность, дисбаланс в соотношении трудоспособного населения и пенсионеров) вызывают необходимость пересмотра действующего механизма пенсионного страхования. Существующий уровень заработной платы, разнящийся от крайне высоких до крайне низких доходных групп населения, а вместе с тем и существующие условия занятости должны быть непосредственно учтены в построении эффективной системы пенсионного обеспечения. Низкий уровень заработной платы большей части

наемных работников исключает, как правило, их участие в системе добровольного пенсионного страхования в силу недостаточного уровня получаемых доходов и отсутствия каких-либо сбережений. Большинство западных пенсионных систем организовано в соответствии с солидарно-накопительными принципами: обязательное и добровольное страхование обеспечивает высокий материальный достаток (размер пенсии составляет 60—80% от заработной платы) 70—80% пенсионеров [17]. Низкий уровень заработной платы как один из главных сдерживающих факторов развития отечественной пенсионной системы является системным вызовом всей экономике в целом. Следовательно, его решение (повышение уровня заработной платы) требует принятия и реализации мер государственными структурами на макроэкономическом уровне, таких как повышение производительности и качества труда, модернизация производства, создание высокотехнологичных рабочих мест, улучшение качества жизни населения, качественная экономическая политика и пр.

Как правило, низкий уровень заработной платы принято связывать с низким уровнем производительности труда. Производительность труда работника — количество работы (продукции, оборота, услуг), производимых в единицу времени, которое может измеряться как в физических (мера длины, объема, веса), так и в денежных (руб.) единицах [18, с. 96]. Как отмечает Н. Родионова [4], «истинную причину низкой заработной платы в России раскрывают взаимосвязи часовых показателей производительности труда, заработной платы и ВВП на 1 долл. заработной платы». Так, Россия по показателю валового внутреннего продукта уступает мировому лидеру по объемам ВВП — США — в 4,8 раза. Как видно из табл. 8, США опережают в разы индустриально развитые страны по объемам ВВП и занимают первое место по соответствующему индикатору произведенной продукции.

Таблица 8

Объемы ВВП по странам в 2012 году, млрд долл. [19]

Страна	Объем ВВП, млрд долл.
США	16244600
Германия	3377541
Италия	2017023
Япония	4490501
Мексика	2015681
Корея	1540151
Франция	2371906
Великобритания	2368261
Россия	3373163
ОЭСР	46052707

Согласно данным табл. 8, лидирующие позиции по объемам ВВП в 2012 году занимают также Япония, Германия и Россия. Однако следует отметить, что показатель часовой производительности труда в России меньше идентичного показателя США лишь в 2,7 раза (табл. 9).

Таблица 9

Часовая производительность труда по ВВП в 2012 году, долл./час [19]

Показатель	США	ОЭСР	Россия
Часовая производительность труда по ВВП, долл./час	64,1	46,7	24,0

Однако российский среднестатистический работник на 1 долл. заработной платы производит конечной продукции больше в 1,8 раза, чем американский. Отсюда следовало бы предположить, что заработная плата российского работника должна быть ниже только в 2,6 раза, а не в 4,8, как обстоит на практике (табл. 10).

Таблица 10

Показатели часовой производительности труда, средней заработной платы и объемов ВВП в США и России в 2012 году, долл. [20]

Показатели	Россия	США
Часовая производительность труда по ВВП, долл./чел.	24,0	64,1
Часовая заработная плата, долл./чел.	5,1	24,34[1)]
ВВП на 1 долл. заработной платы	4,7	2,6
Степень эксплуатации труда (в среднем по отраслям)	1,2	0,9

[1)] Table B-3. Average hourly and weekly earnings of all employees on private nonfarm payrolls by industry sector, seasonally adjusted.

Причина столь нелогичного отставания российского уровня заработной платы от американского кроется в политике распределения доходов, которая реализуется в Штатах и в основе которой заложен принцип неравенства распределения доходов по отраслям экономики. Данный принцип подразумевает разную степень эксплуатации труда. Так, степень эксплуатации труда представляет собой отношение суммы прибыли и налогов к величине заработной платы. В табл. 11 мы можем наблюдать разную степень эксплуатации труда в США по отраслям: от отрицательного до положительного ее значения.

Таблица 11

Степень эксплуатации труда в США, 1998—2012 годы [21]

Отрасль экономики	Степень эксплуатации труда
Лесное хозяйство, рыболовство и сельское хозяйство	0,87
Нефтедобывающая и газовая промышленность, горная промышленность	3,61
Строительство	-1,03
Металлургия	0,82
Машиностроение (моторные транспортные средства, запасные части к ним, другие транспортные средства), смешанное производство	2,34
Компьютерные (информационные) технологии и компьютерный дизайн	9,53
Оптовая торговля	0,26
Розничная торговля	-0,14
Железнодорожные перевозки	0,48
Воздушный транспорт	-0,22
Водный транспорт	2,54
Телекоммуникации	2,81
Деятельность финансовых институтов	0,29
Образовательные услуги	-0,43
Амбулаторная помощь	0,32
Стационарная медицинская помощь	-0,23
Социальная защита	-0,08
Услуги общественного питания, ресторанный бизнес	0,3
Федеральное правительство	0,12
Местное самоуправление	0,08

Как свидетельствуют данные табл. 11, степень эксплуатации труда по отраслям экономики в США варьируется в зависимости от уровня рентабельности соответствующей отрасли, а также в зависимости от применяемой к ней фискальной политики. Однако следует отметить, что крайне низкая эксплуатация труда по упомянутым сферам экономики не исключает достаточно приемлемый уровень часовой оплаты труда, близкий к среднему по всем отраслям (табл. 12).

Таблица 12

Часовая оплата труда по отраслям экономики в США, долл. [20]

Отрасль	Средняя часовая заработная плата, долл.		
	Январь-2015 (факт)	Февраль-2015 (прогноз)	Март-2015 (прогноз)
Производство товаров и услуг	25,90	25,91	26,05
Горная промышленность и лесоразработки	30,71	30,88	31,03
Строительство	27,01	26,94	27.23
Торговля, транспорт и коммунальные услуги	21,62	21,66	21,65
Оптовая торговля	28,31	28,34	28,35
Розничная торговля	17,32	17,32	17,28
Информационные технологии	34,44	34,52	34,64
Финансовая деятельность	31,16	31,24	31,31
Образовательные услуги и здравоохранение	25,01	25,05	25,08
Прочие услуги	22,24	22,27	22,28

Уровень часовой оплаты труда в сфере образовательных услуг и здравоохранения в США незначительно уступает часовой оплате труда в сфере информационных услуг, которая характеризуется высокой степенью эксплуатации труда (9,53), а также горной промышленности (3,61). Подобная ситуация складывается в связи с реализуемой в Штатах экономической политикой: применение к отдельным отраслям экономики разной степени эксплуатации труда вкупе с разной степенью фискальной нагрузки по этим отраслям. В России показатель степени эксплуатации труда по отраслям приблизительно одинаков, хотя и выше американского в его среднем значении [4]. Несмотря на низкую рентабельность отраслей здравоохранения и образования, в США уровень оплаты труда может конкурировать с отраслями, характеризующимися высокой рентабельностью и высокой степенью эксплуатации труда. Таким образом, социально ориентированная экономическая политика, сопровождающаяся вливанием финансовых ресурсов в такие низкорентабельные, казалось бы, отрасли, как образование и здравоохранение, с применением фискальных механизмов позволяет мировому лидеру по объемам производства ВВП достигать экономических эффектов с имеющимися ограниченными природными ресурсами и развитой социальной инфраструктурой. (По оценкам специалистов, в структуре национального богатства США природные ресурсы занимают лишь 4,5%, а на человеческий капитал приходится 76,5%.)

Низкая эффективность функционирования отечественной экономики, по мнению ряда ученых, обусловлена проблемой увязки требований экономического развития и социальных нужд. Принципы справедливости, заложенные в основу отечественной экономической политики, не отвечают современным реалиям (о чем свидетельствуют высокая дифференциация доходов населения и низкий уровень пенсионного обеспечения) и требуют пересмотра с учетом «разворота хозяйственного механизма к каждому человеку и первоочередному решению социальных проблем» [Там же]. В этой связи целесообразно рассматривать вопрос последующего развития социально ориентированной экономической модели существующих общественных отношений. Как отмечает Е. Г. Олейникова, «социально ориентированная экономическая модель предполагает наличие у государства регулирующих экономических функций» [22, с. 68], а также «свободу предпринимательства, развитую систему социального партнерства в трудовой сфере, высокий уровень социальной ответственности бизнеса» [Там же. С. 69]. Согласимся также с Е. Ю. Богатенковой: «достижение максимально высокого качества жизни населения является целью социально ориентированной рыночной экономики и выступает основой устойчивого социально-экономического развития» [23, с. 114].

Таким образом, проблему низкой заработной платы необходимо рассматривать не только с позиции повышения производительности и качества труда, но и с позиции принятия правящими кругами политических решений в пользу удовлетворения социальных нужд общества. Так, к примеру, воплощением модели «государства всеобщего благосостояния» представляет социальная политика Швеции, характерной особенностью которой является отношение к социальной политике как политике для всех, а также ее понимание как цели экономической деятельности государства; прогрессивная налоговая система; доминирование идеи равенства и солидарности в осуществлении социальной политики; упреждающий характер проводимой социальной политики; высокий уровень качества и общедоступность социальных услуг и приоритетность роли государства в финансировании социальных расходов за счет общих налоговых доходов бюджета [18]. Система социального страхования в Швеции носит универсальный характер, то есть «в орбите социального страхования оказывается каждый житель страны независимо от рода занятий, а во многих случаях и от того, получает или не получает этот человек заработную плату» [24]. Что касается рынка труда, то в Швеции разработка и осуществление различных программ на рынке труда в числе главных направлений государственного регулирования (так, для стимулирования занятости и спроса на рабочую силу их более десяти).

Программы включают в себя мероприятия по поощрению спроса на труд в периоды его спада, дают возможность безработным приобрести производственный стаж, облегчая тем самым процесс трудоустройства на рынке труда, предусматривают переквалификацию кадров и профессиональную подготовку лицам, нуждающимся в профессиональном обучении. Заметим, по мнению авторов Доклада о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 год, проблемы занятости и скрытой безработицы не являлись объектом государственного регулирования. Как отмечает В. Роик [25], «в сфере занятости политика поддержания старых неэффективных рабочих мест явно превалировала над политикой создания новых эффективных рабочих мест, следствием чего выступает низкий уровень заработной платы и производительности труда, по которой Россия в разы отстает от стран — экономических лидеров».

Таким образом, низкий уровень заработной платы является на сегодняшний день одним из приоритетных вопросов, требующих безотлагательного решения как для целей повышения качества жизни населения в целом, так и для развития институтов социального страхования, в частности пенсионного. Для этого требуется в первую очередь экономическое обоснование размеров минимальной оплаты труда, в основе которого заложен прожиточный минимум, не отвечающий реальным потребностям ни одной социально-демографической группы населения: трудоспособных граждан, детей и пенсионеров.

Вопрос крайне высокой дифференциации заработной платы также требует принятия кардинальных мер по его решению, поскольку подрывает целесообразность применения смешанного механизма пенсионного страхования в России (солидарно-распределительного и накопительного), исключая возможность участия низкодоходных групп населения и неспособность удовлетворить притязания граждан со среднедушевыми уровнями доходов.

К сожалению, отечественная пенсионная система не создает стимулов к легализации рабочих мест. Теневой сектор экономики поглощает тем самым значительный объем финансовых ресурсов, который потенциально способен формировать солидарную часть пенсионных средств. Частичная уплата страховых взносов, а также уплата страховых взносов самозанятым населением, организующим самостоятельно свою деятельность, требуют принятия решений со стороны властных структур по вопросам стимулирования легализации доходов, а также сбалансированности имеющихся тарифов страховых взносов.

Перспективы развития отечественной системы пенсионного страхования в России тесно связаны с кластером демографических проблем, который задает препятствия для расширенного воспроизводства населения и который, в свою очередь, обусловлен низким качеством жизни большей части нашего населения. Условием расширенного воспроизводства населения является высокий уровень материального обеспечения отдельно взятого гражданина, а также рост благосостояния страны в целом. Материального и духовного благополучия общества можно достичь только в том случае, если оно обладает соответствующими ресурсами к самообеспечению, то есть достаточным уровнем доходов, позволяющим не только удовлетворять текущие потребности индивида и потребности членов его семьи, а также иметь возможность формировать сбережения. В этой связи в качестве главного источника доходов в сложившихся реалиях должна выступать заработная плата, обладающая реальной покупательной способностью и позволяющая формировать ресурсы пенсионного страхования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ревуцкий Л. Цена и стоимость труда // Человек и труд. 2011. № 8. С. 13—17.

2. Ракоти В. Наемный труд — стоимость, цена, прибавочная стоимость // Человек и труд. 2013. № 4. С. 35—43.

3. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 31.12.2001. № 256.

4. Родионова Н. Взаимосвязи между экономической политикой и макроэкономическими переменными: на примере качества жизни // Человек и труд. № 5—6. С. 34—41.

5. Ермаков Д. Мониторинг состояния российской пенсионной системы // Человек и труд. 2013. № 4. С. 27—33.

6. Относительно защиты заработной платы: Конвенция № 95 МОТ от 01.07.1949. Ст. 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 5.

7. Роик В. Экономика и финансы отечественного пенсионного страхования: требуется государственное регулирование доходов населения // Человек и труд. 2012. № 7. С. 11—14.

8. Роик В. Экономика и финансы отечественного пенсионного страхования: требуется государственное регулирование доходов населения // Человек и труд. 2012. № 8. С. 11—14.

9. О прожиточном минимуме в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ. Ст. 2 // Российская газета. 29.10.1997. № 210.

10. О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ // Российская газета. 23.07.1999. № 142.

11. Ржаницына Л. Как сегодня живут пенсионеры // Человек и труд. 2011. № 12. С. 10—14.

12. Роик В. Д. Концептуальные походы совершенствования пенсионной системы и социальной поддержки пожилого населения России в условиях долгосрочной тенденции старения населения: доклад. М.: НИИ труда и социального страхования, 2009. 36 с.

13. Бобков В. Н. Высокие социальные стандарты заработной платы — основа достойных трудовых пенсий // Уровень жизни населения регионов России. 2010. № 6. С. 3—14.

14. Ширяева Е. М. Об уровне пенсионного обеспечения в России // Эко. 2011. № 3. С. 78—81.

15. Труд и занятость в России. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013. 661 с.

16. Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/projects/44 (дата обращения: 04.05.2015).

17. Смирнов С. Н., Сидорина Т. Ю. Социальная политика: учеб. пособие. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. 432 с.

18. Шевякова К. З. Заработная плата и производительность труда // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 3 (24). С. 96—99.

19. Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [Электронный ресурс]. URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=LEVEL (дата обращения: 04.05.2015).

20. Департамент труда США. Статистическое Бюро по труду [Электронный ресурс]. URL: http://www.bls.gov/news.release/empsit.t19.htm (дата обращения: 04.05.2015).

21. Rosrnthal Steven, Russell Matthew. Integrated Industry-Level Production Account for the United States. Sources of the Ongoing U. S. Recovery. August. 2014. P. 3.

22. Олейникова Е. Г. Идеи социально ориентированной экономики и социального государства в программах политических партий современной России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 68—70.

23. Богатенкова Е. Ю. Социальная ответственность бизнеса в контексте задач повышения качества жизни населения // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4 (17). С. 113—116.

24. Васильев А. А. Шведская социальная модель: управление и развитие // Проблемы теории и практики управления. 2000. № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/1_3_00.htm (дата обращения: 06.04.2015).

25. Роик В. Эволюция трудовых и социально-страховых отношений // Человек и труд. 2013. № 2. С. 12—19.

REFERENCES

1. Revutsky L. Price and Cost of Labor // Man and Labor. 2011. № 8. P. 13—17.
2. Rakotee B. Wage Labor — Cost Price, the Surplus Value // Man and Labor. 2013. № 4. P. 35—43.
3. Labour Code of the Russian Federation of 30.12.2001 № 197-FZ // Russian Newspaper. 31.12.2001. № 256.
4. Rodionova N. The Relationship between Economic Policy and Macroeconomic Variables: on the Example of the Quality of Life // Man and Labor. № 5—6. P. 34—41.
5. Ermakov D. Monitoring of the Russian Pension System // Man and Labor. 2013. № 4. P. 27—33.
6. On the Protection of Wages: ILO Convention № 95 dated 01.07.1949. Art. 1 // Bulletin of the Supreme Court. 1995. № 5.
7. Roik V. Economy of Domestic Pension Insurance: State Regulation Requires Personal Incomes // Man and Labor. 2012. № 7. P. 11—14.
8. Roik V. Economy of Domestic Pension Insurance: State Regulation Requires Personal Incomes // Man and Labor. 2012. № 8. P. 11—14.
9. On the Subsistence Minimum in the Russian Federation: Federal Law of 24.10.1997 № 134-FZ. Art. 2 // Russian Newspaper. 29.10.1997. № 210.
10. State Social Assistance: Federal Law of 17.07.1999 № 178-FZ // Russian Newspaper. 23.07.1999. № 142.
11. Rzhanitsina L. As Pensioners Live Today // Man and Labor. 2011. № 12. P. 10—14.
12. Roik V. D. Conceptual Campaigns to Improve the Pension System and Social Support for the Elderly in Russia under Long-term Trend of Population Aging: report. M.: Institute of Labor and Social Security, 2009. 36 p.
13. Bobkov V. N. High Social Standards of Wages — of Decent Pensions // The Standard of Living of the Population of Regions of Russia. 2010. № 6. P. 3—14.
14. Shiryaeva E. M. The Level of Pensions in Russia // Eco. 2011. № 3. P. 78—81.
15. Labor and Employment in Russia. 2013: Statistical collection / Rosstat. M., 2013. 661 p.
16. The Long-term Development Strategy of the Pension System of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/projects/44 (date of viewing: 04.05.2015).
17. Smirnov S. N., Sidorina T. Yu. Social Policy: the Manual. M.: Publishing House HSE, 2004. 432 p.
18. Shevyakova K. Z. Wages and Productivity // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 3 (24). P. 96—99.
19. The official website of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) [Electronic resource]. URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=LEVEL (date of viewing: 04.05.2015).
20. US Department of Labor. Statistical Bureau of Labor [Electronic resource]. URL: http://www.bls.gov/news.release/empsit.t19.htm (date of viewing: 04.05.2015).
21. Rosrnthal Steven, Russell Matthew. Integrated Industry-Level Production Account for the United States. Sources of the Ongoing U.S. Recovery. August. 2014. P. 3.
22. Oleinikova E. G. The Ideas of a Socially Oriented Economy and the Welfare State in Programs of Political Parties of Modern Russia // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 68—70.
23. Bogatenkova E. Yu. Corporate Social Responsibility in the Context of the Tasks to Improve the Quality of Life // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 4 (17). P. 113—116.
24. Vasiliev A. A. Swedish Social Model: Management and Development // Problems of the Theory and Practice of Management. 2000. № 3 [Electronic resource]. URL: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/1_3_00.htm (date of viewing: 06.04.2015).
25. Roik V. Evolution of Labor and Social Insurance Relations // Man and Labor. 2013. № 2. P. 12—19.

УДК 336.5
ББК 65.261.5

Materikin Maxim Alexandrovich,
postgraduate student of the department
of economics and finance of Volgograd branch
of the Russian Presidential Academy of the National
Economy and Public Administration,
Volgograd,
e-mail: materikinmaxim@mail.ru

Материкин Максим Александрович,
аспирант кафедры экономики и финансов
Волгоградского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ,
г. Волгоград,
e-mail: materikinmaxim@mail.ru

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАСХОДОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

METHOD OF EVALUATION OF EFFICIENCY OF EXPENSES OF PUBLIC INSTITUTIONS

В статье дается сравнение трактовок понятия «эффективность» различными авторами, анализируется его взаимосвязь с понятием «рациональность». Проведены систематизация и группировка показателей оценки эффективности расходов государственных учреждений. Предлагается методика оценки эффективности бюджетных расходов, основанная на расчете отклонения показателей фактического значения от планового по таким направлениям, как качество управле-

ния бюджетными расходами, непосредственные и конечные результаты финансовой деятельности государственных учреждений. Представленный в работе анализ оценки эффективности расходов государственных учреждений предназначен для выявления неэффективного расходования бюджетных средств с целью дальнейшего устранения недостатков в планировании и распределении государственных расходов.

The article gives comparison of interpretations of the concept of efficiency by different authors, as well as analyzes its interaction with the notion of rationality. One of the key objectives of the research is systematization and grouping of the indicators to measure effectiveness of expenditures of the state institutions. The method of estimation of efficiency of budget expenditures based on calculation of deviations of actual values from the targeted ones in such areas as: quality of management of budget expenditures, direct and final results of financial activities of state institutions. Presented evaluation of the cost effectiveness of public institutions is intended for identification of inefficient spending of the budget funds for the purpose of further elimination of shortcomings in the planning and distribution of the public expenses.

Ключевые слова: эффективность, государственные расходы, эффективность расходования, бюджетные расходы, экономия, неэффективные расходы, оценка эффективности, показатели оценки, фактическое значение, плановое значение.

Keywords: efficiency, public expenses, efficiency of expenditure, budget expenditures, saving, inefficient spending, performance evaluation, evaluation indicators, actual value, planned value.

Эффективность расходования бюджетных средств на оказание услуг обществу является одной из приоритетных задач современной политики бюджетного планирования и реформирования на всех уровнях системы общественных финансов. Бюджетные средства должны быть израсходованы с таким эффектом, чтобы приносить определенный положительный результат. При этом полученные эффекты должны быть подтверждены определенными цифровыми показателями бюджетного финансирования. В связи с этим разработка методики оценки эффективности государственных расходов весьма актуальна.

Цель данной работы — разработка методики оценки эффективности расходов государственных учреждений. Для достижения поставленной цели в статье решены следующие задачи:

— рассмотрено понятие «эффективность»;

— проведено сравнение понятий «эффективность» и «рациональность»;

— систематизированы и сгруппированы показатели оценки эффективности.

Научная новизна исследования заключается в модернизации теоретических и методических аспектов планирования и контроля расходов государственных учреждений, направленных на решение практических задач по повышению их эффективности.

Рассмотрим понятие «эффективность» в различных трактовках. В философском понимании эффективность представляет собой «обобщенное выражение проблемы рациональных способов достижения цели» [1, с. 48]. В словаре иностранных слов дана следующая трактовка: «эффективный (лат. effectivus) — дающий определенный эффект, действенный» [2, с. 595]. В толковом словаре русского языка слово «эффективный» означает «дающий эффект, действенный способ» [3, с. 902]. А в экономике понятие «эффективность» выражается соотношением результата от какого-либо мероприятия и затрат на его осуществление. Из этого следует, что эффективность можно определять количественно и качественно. Качественная оценка эффективности бюджетных расходов — достижение определенных качественных показателей, заложенных в бюджетном планировании, а количественная характеристика эффективности — это «степень достижения количественного результата и последующего сравнения данного результата с совокупностью результатов аналогичных действий» [4, с. 218]. В сфере же общественных финансов понятие «эффективность» имеет свою специфику. Она заключается в том, какой социальный эффект был достигнут для общества и какие затраты были понесены при предоставлении бюджетных услуг.

В Бюджетном кодексе РФ разъяснения понятия «эффективность» отсутствуют, но в то же время в ст. 34 закреплен принцип эффективности использования бюджетных средств, который означает достижение каких-либо установленных результатов с использованием наименьшего объема средств или достижение самого лучшего результата с использованием определенного количества бюджетных средств.

Можно сделать вывод о том, что путем повышения эффективности расходования бюджетных средств улучшается качество услуг, оказываемых населению.

Во многих нормативных правовых актах встречаются понятия «нецелевое», «рациональное» и «экономное» использование государственных бюджетных средств.

Понятие нецелевого использования бюджетных средств представлено в ст. 306.4 Бюджетного кодекса РФ, которое означает направление бюджетных средств и оплату денежных обязательств в целях, не соответствующих целям, определенным законом о бюджете.

Рациональное использование бюджетных средств — это выбор наилучшего из нескольких предложенных вариантов выполнения поставленной задачи или решения какой-либо проблемы. Если средства потрачены на реализацию наилучшего варианта, то они использованы рационально.

Проведенный автором анализ показал, что бывают варианты, когда показатели рациональности и эффективности использования бюджетных средств не совпадают:

1) рациональный, но неэффективный (выбрано оптимальное решение проблемы, но с использованием большего объема средств);

2) нерациональный, но эффективный (выбрано не самое лучшее решение проблемы, но с соблюдением принципа эффективности использования бюджетных средств);

3) нерациональный и неэффективный (выбрано не самое лучшее решение проблемы, при этом не был соблюден принцип эффективности использования бюджетных средств).

Можно отметить немаловажный фактор, влияющий на эффективность государственных расходов,— это мониторинг цен товаров, работ, услуг, приобретаемых для обеспечения государственных нужд [5].

Рассматривая понятия «эффективное» и «экономное» использование бюджетных средств, одни авторы полагают, что «эффективность использования бюджетных средств — это достижение заданных результатов с использованием наименьшего объема этих средств, а экономность использования бюджетных средств — это достижение наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств» [6]. Другие авторы считают, что «эффективность использования бюджетных средств подразумевает достижение наивысшего

результата при выполнении какого-либо действия, мероприятия, на финансирование которого предусмотрено расходование бюджетных средств. С точки зрения государственных закупок эффективность расходов подразумевает рациональное управление финансовыми ресурсами, предназначенными для осуществления таких закупок [7]. Данная задача осуществляется Федеральным законом от 5 апреля 2013 года «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» № 44-ФЗ, в котором уделяется особое внимание процессу контроля при заключении контрактов с целью повышения эффективности расходов [8].

Еще одной точкой зрения ряда российских авторов является следующее: «эффективность — это результативность деятельности какой-либо материальной системы» [9]. По мнению В.В. Ковалева, «эффективность — это соотношение между полученным результатом и некоторой характеристикой фактора (ресурса), использованного для достижения данного результата» [10]. Это соотношение можно измерять либо в физическом (натуральном), либо в стоимостном выражении.

Анализ эффективности расходования бюджетных средств производится для выявления проблем в финансово-хозяйственной деятельности государственных учреждений с целью принятия своевременных мер по повышению результативности и социально-экономической эффективности расходов того или иного государственного учреждения, а также для прекращения финансирования неэффективных расходов.

Разработанная в статье методика оценки эффективности расходов государственных учреждений может быть использована контролирующими органами власти, созданными для мониторинга эффективности и результативности бюджетных расходов.

Предлагаемая методика определяет общий алгоритм действия, выполнение которого является необходимым условием при проведении оценки эффективности расходования бюджетных средств.

Использование данной методики позволит своевременно выявлять и анализировать ошибки и проблемы в планировании и расходовании бюджетных средств, а также предотвращать неэффективное расходование средств, выделяемых государственным учреждениям.

Перейдем к рассмотрению методики оценки эффективности расходования бюджетных средств. Все показатели оценки эффективности сгруппируем следующим образом:

— критерий 1: показатель качества управления бюджетными расходами;

— критерий 2: показатель непосредственных результатов деятельности учреждения;

— критерий 3: показатель конечных результатов деятельности учреждения.

Перейдем к рассмотрению каждого из критериев.

Критерий 1: показатели качества управления бюджетными расходами.

Показатели качества управления бюджетными расходами характеризуют обеспечение административной, финансовой и управленческой деятельности, а также своевременность использования методов управления общественными финансами органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, ответственного за разработку и реализацию государственной политики в сфере деятельности учреждения.

Основные показатели качества управления бюджетными расходами представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели качества управления бюджетными расходами

№	Показатели оценки	Информационная база
1.1	Доля бюджетных расходов органа исполнительной власти (органа местного самоуправления) в расходах бюджета субъекта Российской Федерации (муниципального образования), %	Федеральный закон от 01.12.2014 № 384-ФЗ «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов»
1.2	Расходы консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации на сферу деятельности учреждения в расчете на одного жителя, руб./чел.	Расчет
1.3	Расходы консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации на территориальную программу сферы деятельности учреждения, тыс. руб.	Расчет
1.4	Доля бюджетных расходов органа исполнительной власти (органа местного самоуправления), осуществляемых в рамках реализации ведомственных и межведомственных целевых программ, в общих бюджетных расходах органа исполнительной власти (органа местной администрации), %	Федеральный закон от 01.12.2014 № 384-ФЗ «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов»
1.5	Доля бюджетных расходов органа исполнительной власти (органа местного самоуправления), осуществляемых по результатам конкурентных способов на размещение государственных (муниципальных) закупок, в общих бюджетных расходах органа исполнительной власти (органа местного самоуправления), %	Ведомственная отчетность
1.6	Соотношение кассового исполнения бюджетных расходов от плановых бюджетных расходов органа исполнительной власти (органа местного самоуправления) по итогам года, %	Бюджетная отчетность
1.7	Объем неиспользованных лимитов бюджетных обязательств органа исполнительной власти (органа местного самоуправления) по итогам года, %	Бюджетная отчетность
1.8	Динамика изменения кредиторской задолженности органа исполнительной власти (органа местного самоуправления), % по сравнению с предыдущим годом	Бюджетная отчетность
1.9	Доля бюджетных расходов органа исполнительной власти (органа местного самоуправления), представленных в реестре расходных обязательств, в общих бюджетных расходах органа исполнительной власти, %	Плановый реестр расходных обязательств
1.10	Полнота охвата бюджетных ассигнований органа исполнительной власти (органа местного самоуправления) показателями результатов в обоснованиях бюджетных ассигнований на очередной финансовый год и плановый период, %	Обоснования бюджетных ассигнований ГРБС на очередной финансовый год и плановый период

Окончание табл. 1

№	Показатели оценки	Информационная база
1.11	Сумма изменений в бюджетной росписи по расходам органа исполнительной власти (органа местного самоуправления), связанных с качеством бюджетных проектировок, тыс. руб.	Бюджетная отчетность
1.12	Объем нецелевых бюджетных расходов органа исполнительной власти (органа местной администрации), выявленных органами государственного (муниципального) финансового контроля, тыс. руб.	Отчеты о проведении ревизий и проверок
1.13	Наличие нормативного акта органа исполнительной власти (муниципального правового акта), регулирующего порядок и процедуры подготовки бюджетных проектировок	Региональная (муниципальная) нормативная база в части бюджетного планирования
1.14	Наличие реестра расходных обязательств, составленного в соответствии с установленными требованиями	Нормативные акты Минфина России и региональная (муниципальная) нормативная база в части составления реестра расходных обязательств
1.15	Наличие нормативного акта органа исполнительной власти (муниципального правового акта), регулирующего порядок и процедуры внутреннего контроля бюджетных расходов	Региональная (муниципальная) нормативная база в части проведения финансового (бюджетного) контроля
1.16	Наличие сведений о мерах по повышению эффективности расходования бюджетных средств в годовой бюджетной отчетности органа исполнительной власти (органа местного самоуправления)	Нормативные акты Минфина России по составлению годовой бюджетной отчетности
1.17	Расходы консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации в расчете на одного человека, пользующегося услугами данного учреждения, тыс. руб.	Статистическая отчетность
1.18	Обеспечение соотношения фонда материального обеспечения к фонду заработной платы — 30/70%.	Ведомственная отчетность
1.19	Увеличение доли средств от оказания платных услуг в финансировании данного учреждения,%	Бюджетная отчетность

Перейдем к рассмотрению критерия 2: показатели непосредственных результатов деятельности учреждения.

Показатели непосредственных результатов деятельности учреждения представляют объем и качество государственных услуг, оказанных органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, ответственным за разработку и реализацию государственной политики в сфере деятельности анализируемого учреждения. Все эти показатели находятся в компетенции и под контролем данного органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

Показатели непосредственных результатов деятельности учреждения приведены в табл. 2, которая состоит из показателей, взятых исходя из федеральной и региональной практики формирования, чтобы избежать принципиально новых показателей, для расчета которых потребуются дополнительные трудовые и финансовые затраты органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

Таблица 2

Показатели непосредственных результатов деятельности учреждения

№	Показатели оценки	Информационная база
2.1	Рост процента охвата населения различными программами сферы деятельности учреждения,%	Ведомственная отчетность
2.2	Количество утвержденных стандартов услуг в сфере деятельности учреждения, ед.	Ведомственная отчетность
2.3	Увеличение доли сотрудников, проходящих обучение в системе повышения квалификации по программам внедрения инновационных методов в сфере деятельности учреждения,%	Ведомственная отчетность
2.4	Повышение уровня оказываемой услуги в соответствии с государственными стандартами по ключевым областям (по результатам мониторинга качества оказываемой услуги),%	Ведомственная отчетность
2.5	Доля традиционных программ, скорректированных с учетом региональных особенностей оказываемой бюджетной услуги,%	Ведомственная отчетность
2.6	Доля учреждений, требующих проведения капитального ремонта, в общем количестве учреждений данной сферы деятельности,%	Ведомственная отчетность
2.7	Доля учреждений, имеющих материально-техническую базу для успешной реализации инновационных программ, позволяющих повысить качество оказываемой услуги,%	Ведомственная отчетность
2.8	Количество учреждений, оснащенных специализированными кабинетами, которые используются в данной сфере деятельности, ед.	Ведомственная отчетность

Рассмотрим критерий 3: показатели конечных результатов деятельности учреждения.

Данные показатели характеризуют производимый эффект для населения от государственных услуг, оказанием которых занимается государственное учреждение. Эти показатели контролируются несколькими органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации, но ведущую роль в их выполнении занимает тот орган, который несет ответственность за разработку и реализацию государственной политики в сфере деятельности учреждения.

Показатели конечных результатов деятельности учреждения представлены в табл. 3.

Таблица 3

Показатели конечных результатов деятельности учреждения

№	Показатели оценки	Информационная база
3.1	Удовлетворенность населения качеством оказанной услуги (процент от числа опрошенных)	Опрос
3.2	Доля государственных учреждений, переведенных на нормативное подушевое финансирование,%	Ведомственная отчетность

Окончание табл. 3

№	Показатели оценки	Информационная база
3.3	Доля государственных учреждений, переведенных на новую (отраслевую) систему оплаты труда, ориентированную на результат, %	Ведомственная отчетность
3.4	Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников государственных учреждений к среднемесячной заработной плате работников, занятых в сфере экономики региона	Статистическая отчетность
3.5	Охват той или иной услугой, оказываемой населению, проживающему в сельских и отдаленных территориях региона, %	Ведомственная отчетность

Анализ эффективности расходов государственных учреждений проводится путем сопоставления достигнутых значений критериев (показателей качества управления бюджетными расходами, показателей непосредственных и конечных результатов деятельности учреждения) с их целевыми значениями.

Целевые значения показателей оценки деятельности учреждения могут быть определены органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, ответственным за разработку и реализацию политики в сфере деятельности учреждения.

Целевые значения могут различаться в зависимости от уровня социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. В связи с этим для развитых регионов в качестве целевых значений можно использовать лучшие значения аналогичных показателей среди всех субъектов Российской Федерации. Что же касается остальных регионов, то это лучшие значения аналогичных показателей среди субъектов Российской Федерации, входящих в данный федеральный округ. При отсутствии регулярной практики региональных сравнений в качестве целевых значений можно принять плановые значения.

Расчет отклонений фактических значений всех показателей от целевых или плановых значений производится по формуле:

$$0 = \frac{П_{план} - П_{факт}}{П_{план}} + 100\%,$$

где:

0 — отклонение фактического значения показателя от планового (целевого) значения, %;

$П_{план}$ — плановое (целевое) значение показателя, в соответствующих единицах измерения;

$П_{факт}$ — фактическое значение показателя, в соответствующих единицах измерения.

В табл. 4 представлена градация отклонения фактического значения показателя от планового (целевого), соответствующего определенному количеству баллов, по которым можно будет судить об эффективности бюджетных расходов.

Перевыполнение планового показателя более чем на 30% свидетельствует о воздействии внешних факторов на эффективность расходования бюджетных средств, а также о ненадежности методов бюджетного планирования.

Невыполнение же планового показателя более чем на 50% свидетельствует о воздействии внешних факторов на эффективность расходования бюджетных средств, а также о низком качестве финансового менеджмента, что подлежит специальной проверке для выявления и устранения конкретных проблем.

Таблица 4

Шкала балльной оценки количественных показателей эффективности бюджетных расходов

Отклонение фактического значения показателя от планового значения, в %	Количество баллов
Плюс 25—30%	100
Плюс 20—24%	90
Плюс 15—19%	80
Плюс 10—14%	70
Плюс 5—9%	60
Плюс 0—4%	50
0 — минус 9%	40
Минус 10—19%	30
Минус 20—29%	20
Минус 30—39%	10
Минус 40—49%	0
Минус 50—100%	-10

Таким образом, используя данную методику, можно получить общее заключение о состоянии эффективности расходования бюджетных средств в данном органе исполнительной власти субъекта Российской Федерации (органе местного самоуправления), конкретном государственном учреждении, исходя из расчета отклонения в большую сторону фактического значения показателя от планового значения:

— отсутствуют признаки эффективности (0%);

— низкая эффективность (до 24%);

— удовлетворительная эффективность (от 25 до 49%);

— средняя эффективность (от 50 до 74%);

— высокая эффективность (свыше 75%).

Следует учитывать, что особенности проведения оценок эффективности расходования бюджетных средств по различным направлениям деятельности организаций, связанные в том числе с отраслевыми особенностями оцениваемой организации, видом ее деятельности, конкретной бюджетной услугой, должны определяться в каждом конкретном случае проведения оценки эффективности.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что для развития экономики России необходимо своевременно производить оценку эффективности государственных расходов путем сравнения различных показателей деятельности учреждений с плановыми (целевыми) показателями. В случае выявления существенного отклонения фактических значений показателей оценки эффективности расходов государственных учреждений от плановых (целевых) следует провести проверку финансово-хозяйственной деятельности учреждения для выявления и устранения причины возникновения данного отклонения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации / О. В. Бобкова, М. С. Борисов, А. М. Гатин и др. 2008. 672 с. // СПС «Гарант».
2. Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М., 1988. 608 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. 908 с.
4. Воронин Ю. М. Государственный финансовый контроль: вопросы теории и практики. М.: Финансовый контроль, 2005. 432 с.
5. Арыкбаев Р. К. Организация системы ценового мониторинга для повышения эффективности финансирования государственных закупок // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 3 (13). С. 28—35.
6. Борисов А. Н. Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации. М., 2008. 776 с.
7. Арыкбаев Р. К. Организационные основы управления финансовыми потоками системы государственных заказов и закупок // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 2 (12). С. 161—167.
8. Гребенникова В. А., Немченко Л. И. Векторы развития и финансовые инструменты контрактной системы размещения заказов для государственных и муниципальных нужд // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 1 (30). С. 174—179.
9. Общеэкономические основы рыночного хозяйствования / под ред. Д. Е. Сорокина. М.: Путь России, 2002. 591 с.
10. Ковалев В. В., Ковалев Вит. В. Финансовая отчетность. Анализ финансовой отчетности. М.: Проспект, 2004. 432 с.

REFERENCES

1. Comment to the Budget Code of the Russian Federation / O. V. Bobkov, M. S. Borisov, A. M. Gatin, et al. 2008. 672 p. // System «Garant».
2. Dictionary of foreign words / 15th edition, revised. M., 1988. 608 p.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. M., 1995. 908 p.
4. Voronin Yu. M. State financial control: theory and practice. M.: Financial control, 2005. 432 p.
5. Arykbaev R. K. Arrangement of the price monitoring system for increasing efficiency of financing of state purchases // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2010. № 3 (13). P. 28—35.
6. Borisov A. N. Comments to the Budget Code of the Russian Federation. M., 2008.
7. Arykbaev R. K. Institutional framework for management of financial flows of the system of state orders and purchases // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2010. № 2 (12). P. 161—167.
8. Grebennikov V. A., Nemchenko L. I. The vectors of development and financial tools of the public procurement contract system // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2015. № 1 (30). P. 174—179.
9. General economic framework for a market economy / ed. by D. E. Sorokin. M.: The Way of Russia, 2002.
10. Kovalev V. V., Kovalev V. V. Financial statements. Analysis of financial statements. M.: Prospekt, 2004.

УДК 314.1
ББК 60.7

Prokudina Marina Dmitrievna,
candidate of economics, assistant professor
of the department of accounting, analysis
and audit of Kemerovo Institute (branch)
of Russian Economic University
named after G. V. Plekhanov,
Kemerovo,
e-mail: prokudina63@mail.ru

Прокудина Марина Дмитриевна,
канд. экон. наук, доцент кафедры бухгалтерского учета,
анализа и аудита
Кемеровского института (филиала)
Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова,
г. Кемерово,
e-mail: prokudina63@mail.ru

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

DEMOGRAPHIC ANALYSIS OF THE KEMEROVO REGION

В статье рассматриваются вопросы демографической ситуации в России с учетом регионального аспекта (Кемеровской области) в сравнительной оценке с США (штат Аляска). Основной акцент в статье — анализ демографической ситуации в Кемеровской области и изучение факторов, влияющих на демографическую обстановку в регионе и стране в целом, на основе данных официальной статистики. На базе проведенного анализа формируются выводы о демографической ситуации в регионе. Выявлены основные различия: высокий уровень смертности и естественная убыль населения на протяжении всего изучаемого периода в Кемеровской области по сравнению с низким уровнем смертности и стабильно высоким естественным приростом в штате Аляска. Делается вывод о необходимости принятия комплекса мер по оздоровлению региона.

The article examines demographic situation in Russia focusing of the regional aspect of the Kemerovo region in the comparison with the state of Alaska of the United States. The main focus of this article is on the analysis of the demographic situation in Kemerovo region and the study of factors influencing the demographic situation in the region, as well as in the country based on official

statistics. Based on the fulfilled analysis, the conclusions about the current situation in the region were made. The main differences are the high death rate and natural decline of population throughout the period of study in the Kemerovo region in comparison with the low death rate and steadily high natural increase in the state of Alaska. The set of major measures have to be taken to improve the situation in the region.

Ключевые слова: Кемеровская область, анализ, статистика, показатели, факторы, тенденция, демографическая ситуация, население, естественный прирост, миграционный прирост, рождаемость, смертность.

Keywords: Kemerovo region, analysis, statistics, indicators, factors, trend, demographic situation, population, natural growth, migration growth, fertility, mortality.

Кемеровская область по численности населения занимает 2-е место среди 12 регионов Сибирского федерального округа (СФО) и 16-е место среди 83 субъектов Российской Федерации. Удельный вес в численности населения СФО — 14,2%, России — 1,9% [1]. Девяностые годы XX века и начало XIX века — годы устойчивого сокращения численности населения как в Кемеровской области, так и по России в целом. Численность населения Кемеровской области в 2014 году по сравнению с 2000 годом снизилась на 8,5%, что составило 252,1 тыс. чел. (табл.), в целом по России за этот же промежуток времени численность населения снизилась на 1,8% [2]. Такая тенденция вынуждает обратить особое внимание на изучение факторов, влияющих на демографическую обстановку в регионе.

В Кемеровской области уделяется большое внимание демографической политике. Разработаны мероприятия по реализации в 2011—2015 годах концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 года [3]. Принята комплексная региональная программа по улучшению демографической ситуации, основная цель которой состоит в стабилизации численности населения и увеличении продолжительности жизни населения. Однако, несмотря на принимаемые меры, демографическая обстановка в регионе остается напряженной.

Рассмотрим динамику демографических показателей за период времени с 2000 по 2014 год по Кемеровской области в сравнительной оценке с демографическими показателями штата Аляска (США) за этот же промежуток времени. Штат Аляска был выбран неслучайно, хотя его территория в 18 раз превышает территорию Кемеровской области, где плотность населения на начало 2015 года составляет 0,44 чел./км² по сравнению с 28,47 чел./км² в Кемеровской области. Аляска — это самый отдаленный штат от основной территории США, по климатическим условиям он очень похож на климат в Западной Сибири.

Для сравнительной оценки демографической ситуации разных территорий воспользуемся относительными демографическими показателями, применяемыми в международной статистике ООН [4].

В табл. приведены основные демографические показатели по Кемеровской области и штату Аляска. Как видно из табл., численность населения Кемеровской области ежегодно устойчиво снижается. За промежуток времени 2000—2014 годов в среднем каждый год численность населения Кемеровской области снижалась на 0,7%. В то время как на Аляске численность населения за данный промежуток времени выросла в 1,17 раза, или на 17%. Можно выделить следующие факторы, оказывающие влияние на изменение численности населения:

— изменение численности населения за счет естественной и миграционной прибыли (убыли);

— уровень жизни населения;

— уровень системы здравоохранения;

— экологическая обстановка на данной территории;

— психологическая обстановка на данной территории, на фоне этого учащение (замедление) случаев обострения различных заболеваний.

Так как население изменяется в результате рождений и смертей и вследствие прибытия извне и выбытия за пределы территории, в составе общего прироста населения выделяют две составляющие — естественный прирост и миграционный прирост. Рассмотрим подробнее эти составляющие, для того чтобы понять причины изменения общего прироста населения на данных территориях.

Таблица

Демографические показатели за период 2000—2014 годов (на 1000 населения)

Показатели	2000	2004	2006	2010	2014
Кемеровская область (Россия):					
численность населения, тыс. чел.	2981,6	2872,1	2838,5	2820,6	2729,5
коэффициент рождаемости, ‰	9,8	10,7	11,3	13,1	13,3
коэффициент смертности, ‰	16,5	17,9	17,3	16,1	15,5
коэффициент естественного прироста (убыли), ‰	-7,6	-7,2	-6,0	-3,0	-2,2
коэффициент миграционного прироста (убыли), ‰	0,1	0,001	2,1	0,19	-2,16
Штат Аляска (США):					
коэффициент рождаемости, ‰	15,87	15,66	16,30	16,06	15,23
коэффициент смертности, ‰	4,66	4,62	4,97	5,25	5,42
коэффициент естественного прироста (убыли), ‰	11,21	11,04	11,33	10,81	9,81
коэффициент миграционного прироста (убыли), ‰	-1	4,46	-0,08	1,81	-3,86

Как видно из табл., снижение численности жителей в Кемеровской области обусловлено ежегодной естественной убылью населения (умирает больше, чем рождается) и с 2011 года — миграционной убылью населения. В 2000 году коэффициент естественной убыли в регионе составил 7,7‰. За анализируемый период отчетливо прослеживается положительная тенденция: так, коэффициент естественной убыли снизился почти в 3,5 раза и в 2014 году на каждую 1000 населения естественная убыль составила 2,2 человека. В целом по России в 2014 году коэффициент естественного прироста 0,2‰ (на каждую 1000 населения) [2]. При анализе коэффициент естественного прироста в штате Аляска видно стабильное высокое положительное значение данного показателя: так, в 2014 году он составил 9,81‰, в целом по США — 5,27‰ [5].

Анализируя составляющие естественного прироста, можно говорить о положительной тенденции с рождаемостью в Keме-

ровской области, прежде всего в результате реализации мероприятий по поддержке молодых семей. В 2014 году по сравнению с 2000 годом общий коэффициент рождаемости увеличился на 35,7%. Виден ежегодный рост рассматриваемого показателя. Исключение составил 2014 год, когда численность родившихся на 1000 человек населения незначительно снизилась по сравнению с 2012 годом и составила 13,3 рождения, что полностью соответствует коэффициенту рождаемости по России и незначительно уступает показателю в США — 13,42‰ (штат Аляска — 15,23‰) [5; 6].

По Кемеровской области суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной репродуктивного возраста) для 2013 года составил 1,79 против 2,14 необходимого для простого замещения поколений (для России — 1,75; для США — 1,86; для Аляски — 2,35) [1; 2; 5; 6]. Это означает, что мы находимся в режиме суженного воспроизводства населения, то есть каждое новое поколение оказывается по численности меньше предыдущего.

Смертность населения наряду с рождаемостью является важнейшей характеристикой состояния здоровья и уровня жизни населения региона. Самая болевая проблема современного демографического развития области — высокий уровень смертности населения. Кемеровская область имеет самый высокий показатель коэффициента смертности по Сибирскому федеральному округу. В 2014 году коэффициент смертности равен 15,5‰. Данный показатель в 2014 году по сравнению с 2000 годом снизился на 6,1% и все же остается на высоком уровне по шкале коэффициентов смертности. В целом по России в 2014 году ситуация менее критична, по оценке уровня смертности она находится на среднем уровне — 13,1‰ [2].

Однако если сравнивать показатели уровня смертности России и США, то очевиден глубокий кризис экономической ситуации и его последствия в нашей стране. Так, в целом по США коэффициент смертности в 2014 году составил 8,15‰ [5], в штате Аляска — 5,42‰ (табл.). Таким образом, в 2014 году уровень смертности в целом по России на 60,7% выше, чем в США. Если сравнивать регионы, то уровень смертности в Кемеровской области в 2,86 раза превышает данный показатель штата Аляска.

Рис. Динамика естественного движения населения (на 1000 человек населения)

Самые распространенные в мире объяснения высокого уровня смертности и заболеваемости такие: падение уровня жизни населения и рост бедности; деградация системы здравоохранения; недостаточное или неправильное питание вследствие высоких цен; загрязнение окружающей среды. Одно из возможных объяснений высокого уровня смертности в России — массовые стрессы в результате неустойчивой макроэкономической ситуации в стране, неуверенность в завтрашнем дне.

Продолжительность жизни населения Кемеровской области меньше, чем в целом по России, на 3—4 года. В 2013 году средняя продолжительность жизни в России составила 70,93 года [2]. В Кемеровской области — 66,76 года: для мужчин — 60,54 года; для женщин — 73,16 года [1]. В США — 79, 56 года: для мужчин — 77,11 года; для женщин — 81,94 года [5]. Как видим, продолжительность жизни россиян в среднем на 10 лет ниже, чем у американцев.

Смертность трудоспособного населения в Кемеровской области стабильно выше, чем в России. Особенно тревожная ситуация среди мужчин. Так, за 2013 год среди всех умерших мужчин на долю трудоспособного населения приходится 45,3%. Мужчины составляют 78% от числа всех умерших в трудоспособном возрасте [1].

В 2014 году в Кемеровской области основными причинами смертности населения являются: болезни системы кровообращения — 42,2%; новообразования — 15%, несчастные случаи — 12,8%, болезни органов дыхания — 4,6%, болезни органов пищеварения — 5% от общей численности умерших за год.

Изучение структуры смертности дает более полное представление о состоянии здоровья населения в регионе, помогает наметить первоочередные меры, осуществление которых приведет к снижению числа смертей и увеличению продолжительности жизни.

В Кемеровской области наблюдается существенный прогресс в сокращении смертности новорожденных. Начиная с 2000 года стабильно снижается показатель младенческой смертности. В 2014 году этот показатель достиг уровня 7,2 (число умерших детей до 1 года на 1000 детей, родившихся живыми). В целом по России — 10,8; в США — 6,17; штат Аляска — 5,5 [2; 7].

Традиционно мальчиков рождается больше, чем девочек, и это превосходство сохраняется до 18 лет. В дальнейшем за счет более высокого уровня смертности мужчин в трудоспособном возрасте они начинают утрачивать численное превосходство, и наступает возраст, начиная с которого следует устойчивое превышение численности женского населения, которое с возрастом увеличивается [8]. На 1 января 2014 года превышение численности женщин над мужчинами начинается с 29-летнего возраста. На 1000 мужчин приходится 1180 женщин [1].

Средний возраст населения в регионе 38,9 года (в штате Аляска — 34,3 года) [1; 7]. На начало 2014 года численность населения в трудоспособном возрасте от общей численности составляла 58,1%, моложе трудоспособного возраста — 18,5%, старше трудоспособного возраста — 23,4% [1]. Превышение численности пенсионеров над численностью детей и подростков до 16 лет прослеживается в области с 2001 года и характеризуется процессом демографического старения населения. Такое неблагоприятное соотношение сложилось из-за сохраняющегося высокого уровня преждевременной смертности мужчин. Согласно международным критериям население считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и более во всем населении превышает 7%. В Кемеровской области на начало 2014 года в таком возрасте находятся 12,3% жителей (каждый восьмой). Показатель демографической нагрузки увеличился в 2014 году по сравнению с 2013-м с 691 до 720 человек на 1000 лиц трудоспособного возраста (в том числе нагрузка детьми — 318, людьми пенсионного возраста — 402) в результате увеличения численности населения старше и моложе трудоспособного возраста [Там же].

Экологические показатели Кемеровской области оставля-

ют желать лучшего — каждый день в атмосферу выбрасывается около 3,73 тыс. тонн загрязняющих веществ и сливается больше 1,58 млн м^3 загрязненных сточных вод (2014), что не лучшим образом сказывается на здоровье людей [Там же].

За последние десятилетия значение миграции в формировании численности населения и его размещения по территории области резко возросло. Однако величина естественной убыли столь значительна, что миграционный прирост ежегодно ее не компенсировал, а начиная с 2011 года наблюдаем миграционную убыль населения. Так, в 2011 году миграционная убыль составила 2804 человека, а в 2014-м уже 5314 человек [Там же]. При этом уезжает в основном молодежь, то есть трудоспособное население, что тоже ведет к ухудшению демографической ситуации в регионе [9].

Подводя итог, можно сказать, что наблюдается устойчивый процесс естественной убыли населения, который длится уже второе десятилетие: высокий уровень коэффициента смертности и недостаточный уровень коэффициента рождаемости. С 2011 года началась и миграционная убыль населения. Таким образом, главные составные части социально-демографического процесса — естественный прирост и миграционный прирост в регионе со знаком минус.

Для преодоления негативных тенденций развития демографических процессов в регионе разумным решением со стороны государства и руководства Кемеровской области становится не активное стимулирование рождаемости как таковой, а создание для людей благоприятных условий для жизни в регионе.

С учетом основных проблем можно выделить следующие направления:

— доступное и качественное медицинское обслуживание населения;

— профилактическая работа с населением в виде диспансеризации, цель которой — выявление болезней на ранних стадиях, снижение уровня заболеваемости и смертности;

— ввод в действие новых и усовершенствование действующих очистных сооружений с целью улучшения экологической обстановки в регионе;

— улучшение жилищных условий и доступность нового жилья;

— создание новых рабочих мест для формирования миграционной привлекательности региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Официальная статистика. Население / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области [Электронный ресурс]. URL: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/ru/statistics/ (дата обращения: 20.06.2015).

2. Официальная статистика. Население. Демография / Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 21.06.2015).

3. Улучшение демографической ситуации в Кемеровской области в 2015 году: Постановление об утверждении региональной программы / Коллегия администрации Кемеровской области [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?base=RLAW284;n=66073;req=doc (дата обращения: 22.06.2015).

4. Захарова С. В., Киселева О. В., Погодина Е. А. Демографическая политика и специфика демографического развития в Ульяновской области // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 119—123 [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.volbi.ru/upload/numbers/328/article-328-919.pdf (дата обращения: 24.06.2015).

5. Население США [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Demographics_of_the_United_States (дата обращения: 21.06.2015).

6. Население Аляски (обзор 2013 года) / Департамент развития кадрового и трудового потенциала Аляски [Электронный ресурс]. URL: http://labor.alaska.gov/research/pop/estimates/pub/popover.pdf (дата обращения: 21.06.2015).

7. Аляска. Ожидаемая продолжительность жизни (жить дольше, жить лучше) [Электронный ресурс]. URL: http://www.worldlifeexpectancy.com/usa/alaska-hypertension-renal (дата обращения: 23.06.2015).

8. Гимбатов Ш. М. Особенности социально-демографической ситуации на Северном Кавказе // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 224—226 [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.volbi.ru/upload/numbers/425/article-425-752.pdf (дата обращения: 30.06.2015).

9. Коваленко Н. В., Лобызенкова В. А. Миграция рабочей силы и ее влияние на рынок труда // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 2 (31). С. 94—99 [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.volbi.ru/webarchive/231/yekonomicheskie-nauki/migracija-rabochei-sily-i-ee-vlijanie-na.html (дата обращения: 30.06.2015).

REFERENCES

1. Official statistics. Population / Territorial body of the Federal State Statistics Service of the Kemerovo region [Electronic resource]. URL: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect /rosstat_ts/kemerovostat/ru/statistics/ (date of viewing: 20.06.2015).

2. Official statistics. Population. Demographics / Federal Service of State Statistics of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/ connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (date of viewing: 21.06.2015).

3. Improving demographic situation in the Kemerovo region in 2015: Decree on approval of the regional program / College of the Kemerovo regional administration [Electronic resource]. URL: http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?base=RLAW284;n=66073;req=doc (date of viewing: 22.06.2015).

4. Zakharova S. V., Kiseleva O. V., Pogodina E. A. Demographic policy and specifics of the demographic development in Ulyanovsk region // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 119—123 [Electronic resource]. URL: http://vestnik.volbi.ru/upload/numbers/328/article-328-919.pdf (date of viewing: 24.06.2015).

5. Population of the United States [Electronic resource]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Demographics_of_the_United_States (date of viewing: 21.06.2015).

6. Alaska population overview (overview of 2013) / Alaska department of labor and workforce development [Electronic resource]. URL: http://labor.alaska.gov/research/pop/estimates/pub/popover.pdf (date of viewing: 21.06.2015).

7. Alaska Life Expectancy (live longer live better) [Electronic resource]. URL: http://www.worldlifeexpectancy.com/usa/alaska-hypertension-renal (date of viewing: 23.06.2015).

8. Gimbatov Sh. M. Features of the socio-demographic situation in the North Caucasus // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 224—226 [Electronic resource]. URL: http://vestnik.volbi.ru/upload/numbers/425/article-425-752.pdf (date of viewing: 06.30.2015).

9. Kovalenko N. V., Lobyzenkova V. A. Labor forces migration and its impact on the labor market // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2015. № 2 (31). P. 94—99 [Electronic resource]. URL: http://vestnik.volbi.ru/webarchive/231/yekonomicheskie-nauki/migracija-rabochei-sily-i-ee-vlijanie-na.html (date of viewing: 06.30.2015).

УДК 338.534+338.22
ББК 65.291.33+65.011.151

Guzikova Ludmila Alexandrovna,
doctor of economics, associate professor, professor
of the finance and money circulation department
of Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University,
Saint-Petersburg,
e-mail: guzikova@mail.ru

Kolesnikov Alexander Mikhailovich,
doctor of economics, professor,
professor of the department of economics and finance
of Saint-Petersburg State University
of Aerospace Instrumentation,
Saint-Petersburg,
e-mail: 9843039@mail.ru

Ivashchenko Lilia Ivanovna,
post-graduate student of the department of management
and marketing
of Saint-Petersburg Institute of Education
in the Sphere of Humanities and Social Sciences,
Saint-Petersburg,
e-mail: 9843039@mail.ru

Гузикова Людмила Александровна,
д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры
финансов и денежного обращения
Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: guzikova@mail.ru

Колесников Александр Михайлович,
д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры
экономики и финансов
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: 9843039@mail.ru

Иващенко Лилия Ивановна,
аспирант кафедры менеджмента и маркетинга
Санкт-Петербургского института
гуманитарного образования,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: 9843039@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ЦЕНОЙ ИННОВАЦИОННОГО ПРОДУКТА НА ОСНОВЕ МОДЕЛИ ДИФФУЗИИ ИННОВАЦИЙ

INNOVATIVE PRODUCT'S PRICE CONTROL BASED ON A MODEL OF INNOVATION DIFFUSION

В статье рассматривается проблема оценки предприятием-инноватором восприимчивости рынка к инновационному продукту. Анализируется значимость ценообразования как фактора распространения инноваций. Определены возможности учета влияния стратегии и тактики ценообразования на результаты инновационной деятельности предприятия, имеющиеся в известных моделях диффузии инноваций. Предложена модификация обобщенной модели Басса, представленная в виде системы дифференциальных уравнений, описывающих поведение участников рынка, и позволяющая исследовать процесс распространения инновации как реакцию на изменение цены и других характеристик. Сделан вывод о возможности использования предложенной модели при разработке стратегии ценообразования инновационного продукта.

The problem of evaluation of the market susceptibility to innovative product by an enterprise-innovator is the subject under consideration. The value of pricing as a factor of innovations diffusion is analyzed. The possibilities accounting the impact of pricing strategy and tactics on the enterprise's innovation performance results are determined that are provided by certain models of innovation diffusion. Modification of generalized Bass model is proposed that is presented in the form of differential equations system describing the market participants' behavior and allowing studying the process of innovations diffusion as response to changing of price and other parameters. The conclusion was made about the possibility of using the proposed model for development of the innovative product pricing strategy.

Ключевые слова: инновационно ориентированное предприятие, инновационный продукт, диффузия инноваций, факторы распространения инноваций, скорость распространения инноваций, восприятие инноваций, рынок инноваций, модель диффузии инноваций, ценообразование инноваций, модель Басса.

Keywords: innovation-oriented enterprise, innovation product, diffusion of innovations, factors of innovations diffusion,

speed of innovations diffusion, perception of innovations, market of innovations, innovation diffusion model, pricing of innovation, the Bass model.

Инновационная парадигма в настоящее время представляет собой объективно сложившееся явление современной экономики. Ее основная сущность «проявляется в роли инноваций как необходимой основы любого предпринимательского опыта» [1]. Для большинства современных предприятий стало нормой стремление быть провайдером и генератором инноваций. При этом для многих из них активное управление инновационным процессом сосредоточивается и ограничивается рамками самого предприятия и сферой защиты прав и заканчивается выводом нового продукта на рынок, а управлению инновациями, уже выведенными на рынок, уделяется существенно меньше внимания. Характерно, что в аналитических построениях, относящихся к управлению инновационной деятельностью, потребитель как субъект, определяющий в конечном счете достижение цели инновационного процесса, как правило, не принимается во внимание. В качестве примера можно привести модель управления инновационной деятельностью, разработанную М.А. Тимошенко [2].

Однако успех инновации, реализующийся в ее коммерциализации и получении предприятием-инноватором дополнительной прибыли, находится в сильной зависимости от восприятия инновации рынком, а точнее, от сочетания факторов, определяющих восприимчивость рынка к инновациям и поддерживающих интерес к ним. По нашему мнению, правильная оценка восприимчивости рынка к инновационным товарам является одной из наиболее значимых задач в деятельности инновационно ориентированного предприятия, а инструменты управления процессом распространения инновационного продукта на рынке должны быть для такого предприятия предметом тщательного изучения. Как отмечается в работе И.С. Корабельникова, конъюнктура рынка, на котором действует предприятие, является лимитирующим фактором, определяющим актуальность инноваций [3].

Несмотря на то что цена инновационной продукции в значительной мере определяет возможности предприятия-новатора по формированию прибыли, а также получению и закреплению рыночного преимущества, возможности ценообразования инноваций как стратегического инструмента управления финансовым результатом и стоимостью предприятия предприятиями-инноваторами недооцениваются.

Процесс ценообразования инновационной продукции можно представить следующим образом. В краткосрочном периоде ценообразование представляет собой установление цены сделок и непосредственно влияет на коммерческий успех предприятия. На среднесрочном горизонте основное влияние на цену оказывает рынок. И наконец, в долгосрочном периоде решающим фактором становится состояние отрасли, промышленности. Перечисленные этапы взаимосвязаны и в совокупности определяют динамику цен. Взаимосвязь между ними важна для формирования долгосрочной ценовой стратегии предприятия-инноватора.

Авторами настоящей работы был проведен анализ моделей распространения инноваций на рынке с точки зрения их пригодности для формирования ценовой стратегии предприятия-инноватора. В качестве параметров, определяющих пригодность модели для целей формирования ценовой стратегии, рассматривались число и состав учитываемых факторов рынка, включая существование на рынке групп потребителей с различным отношением к инновационному продукту, учет фактора времени, возможность выполнения прогнозных расчетов как априорно, то есть до вывода товара на рынок, так и на основе данных, получаемых в процессе функционирования рынка. Принималась во внимание и сложность соответствующего математического аппарата.

Цель анализа заключалась в выявлении модели, позволяющей прогнозировать результат продаж инновационной продукции предприятия-инноватора при различных вариантах стратегии и тактики ценообразования.

Процесс распространения инноваций принято называть диффузией. Термин «диффузия инноваций» был впервые предложен Э. Роджерсом в одноименной книге. Диффузия инноваций — это процесс распространения новшеств в обществе, закономерности распространения новых продуктов, технологий, идей среди потенциальных потребителей (пользователей) с момента их появления [4].

В качестве инновационного товара может рассматриваться не только продукт, являющийся продуктовой инновацией, но и новая технология, являющаяся объектом продажи.

В последнем случае приобретение готовой технологии и ее последующее внедрение может рассматриваться как инновация локального масштаба, то есть новшество с точки зрения конкретного предприятия, его новый инструмент в конкурентной борьбе. В практическом плане речь может идти, например, о зарубежных технологиях достаточно современного уровня, но уже не относящихся к передовым, которые импортируются в страну, где аналоги отсутствуют, или о технологиях и технологических усовершенствованиях, распространение которых принимает массовый характер после истечения срока патентной защиты.

В некоторых случаях распространение технологий и/или технологических усовершенствований может быть сопряжено не с их покупкой/продажей, а с самостоятельным воспроизведением технологии и/или технологического усовершенствования, приводящим к созданию близкого варианта [5]. Необходимо отметить, что самостоятельные попытки воспроизведения технологий могут приводить к результатам, которые являются предметом патентования и представляют собой самостоятельные инновационные разработки.

С точки зрения предприятия правильная оценка процесса распространения инноваций способна обеспечить быстрый рост продаж и захват рынков. Неправильная оценка может привести к существенному увеличению расходов и снижению прибыли, что особенно важно для инновационных предприятий малого и среднего бизнеса.

Оценка процессов распространения инноваций важна также с точки зрения промышленной политики государства и связана с мерами по стимулированию инноваций [6]. Принятие на себя государством части затрат позволяет предприятию-новатору участвовать в решении государственно важных задач и устанавливать более низкую цену инновационного продукта, обеспечивая более быстрое его распространение, или получать дополнительную прибыль, позволяющую производить дальнейшее наращивание инновационного потенциала.

Л.К. Гуриева отмечает, что положения современной теории диффузии инноваций справедливы только в условиях развитой рыночной экономики. Наличие институционально оформленной рыночной среды представляет собой обязательное условие функционирования механизма диффузии инноваций и естественного протекания процесса возникновения и распространения экономически эффективных инноваций [7].

Э. Роджерс предложил разделять всех потенциальных участников рынка на пять групп в соответствии с их восприятием инноваций. Количественное соотношение между группами относительно постоянно для потребительских рынков

и может значительно отличаться для рынков товаров производственного назначения и технологий [8]:

— суперноваторы *(Innovators)* — потребители, первыми признающие и приобретающие новый продукт. На потребительском рынке эта группа составляет примерно 2,5% от общей численности;

— ранние последователи *(Early Adopters)* — принимающие и приобретающие новый продукт относительно быстро после его появления на рынке, но несколько позже, чем суперноваторы. К этой группе на рынке относится примерно 13,5% участников;

— раннее большинство *(Early Majority)* — первая часть массового рынка, приобретающего товар, включающая примерно 34% рынка;

— позднее большинство *(Late Majority)* — вторая часть массового рынка, по численности приблизительно равная первой;

— суперконсерваторы *(Laggards)* — потребители, покупающие товар последними, которые составляют на рынке до 16% [4].

Существенным недостатком модели Э. Роджерса является игнорирование фактора времени, что не позволяет анализировать развитие диффузии инноваций. Этот недостаток был устранен в модели, предложенной Ф.М. Бассом [9]. Базовым в модели диффузии инноваций Басса является предположение о существовании рынка, на котором появляется принципиально новый продукт, не имеющий аналогов и, соответственно, конкуренции со стороны других продуктов. Данный продукт создает новый спрос, то есть формируется потенциал рынка. Подобное предположение в некоторой мере может быть справедливо для так называемых прорывных инноваций.

Процесс распространения продукта представлен на рис.

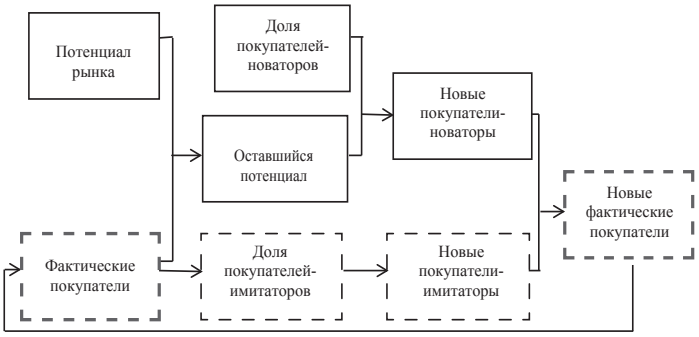


Рис. Упрощенная схема диффузии новшества

Математическая модель диффузии инноваций Басса имеет вид:

$$f(t) = p*(M - F(t)) + q*\frac{F(t)}{M}*(M - F(t) = \left(p + q*\frac{F(t0)}{M}\right)*(M - F(t)) \quad (*)$$

где:

f (t) — количество принявших новшество в момент времени *t*;

M — потенциал рынка;

F (t) — суммарное число принявших новшество;

p — коэффициент инновации;

q — коэффициент имитации.

M, p и *q* являются параметрами модели.

Первое слагаемое в формуле отражает инновационный, а второе — имитационный эффект.

Из формулы (*) можно вывести выражения для важных показателей рынка, приведенные в табл.

Таблица

Характеристики процесса диффузии инноваций

Показатель	Формула
Суммарные продажи	$F(t) = M*\left(\frac{1-e^{-(p+q)*t}}{1-\frac{q}{p}*e^{-(p+q)*t}}\right)$
Продажи в момент *t*	$f(t) = M*\left(\frac{p*(p+q)^2*e^{-(p+q)*t}}{(p+q*e^{-(p+q)*t})^2}\right)$
Время наступления пика продаж	$T^* = \frac{1}{p+q}*\ln\left(\frac{q}{p}\right)$
Пик продаж	$f(t) = \frac{M}{4q}*(p+q)^2$
Суммарные продажи к наступлению пика продаж	$F(t) = M*\left(0{,}5 - \frac{p}{2q}\right)$

Приняв потенциал рынка за единицу, можно преобразовать формулу (*) к виду:

$$\frac{f(t)}{1-F(t)} = p + q*F(t)$$

В соответствии с моделью Басса процесс распространения инноваций описывается логистической кривой, симметричной относительно точки *T**, в которой достигается пик продаж.

Эмпирические проверки описанной выше трехпараметрической модели Басса, по данным социологических опросов, показали наличие значительных отклонений прогнозных данных от фактических [10]. Кроме того, в этой модели, как и в модели Э. Роджерса, не учитывается возможность изменения цены. Необходимость совершенствования модели с целью учета неоднородности среды распространения инноваций и существенных факторов, влияющих на процесс диффузии и могущих служить инструментами управления этим процессом и его результатами, привела к созданию обобщенной модели, породившей впоследствии ряд модификаций.

Обобщенная модель Басса представляется в виде:

$$\frac{f(t)}{1-F(t)} = v(A,t)*(p + q*F(t))$$

где *v (A, t)* — функция цены и других переменных, влияющих на скорость распространения инновации, представленных как элементы вектора *A (A= (u, a1, a2,.., an))* и времени [11].

К факторам, определяющим скорость распространения инновации, относятся:

— относительные преимущества инновации *(relative advantage)* по сравнению с аналогичными продуктами;

— совместимость *(compatibility)* с существующими представлениями и используемыми продуктами;

— сложность *(complexity)* понимания и освоения;

— простота апробации *(trialability)* в тестовом режиме;

— коммуникативность *(communicability)*, то есть возможность получения информации о продукте.

Р. Грант в качестве факторов диффузии инноваций указывает также:

— институциональное давление, когда инновация обретает статус социальной нормы, выполнение которой позволяет потребителю адаптироваться в определенной экономической или социальной среде;

— конкурентное давление, то есть опасение снижения конкурентоспособности в случае непринятия инновации [12].

Все перечисленные выше факторы обусловлены объективными и воспринимаемыми свойствами инновационного продукта, действиями предприятия-новатора, направленными на совершенствование продукта и на его информационное сопровождение, а также реакциями внешней среды.

Диффузная модель Басса отражает принцип усиливающей обратной связи: число потребителей инновации увеличивает количество новых потребителей за счет эффекта коммуникации [13].

Л. Л. Делициным [14] была предложена модель распространения инноваций в неоднородной социально-экономической системе с учетом цен и демографических процессов, построенная на основе обобщенной модели Басса. В модели автор выделил три группы потенциальных потребителей инновации, каждый из которых включает представителей нескольких поколений, и предусмотрел учет демографических процессов путем учета рождаемости и смертности в каждом поколении. По нашему мнению, для анализа распространения инноваций выделение поколений не является принципиально существенным моментом, а для учета изменчивости численности выделенных групп достаточно показателей обновления и выбытия, сходных по содержанию с аналогичными показателями, используемыми в анализе многих экономических процессов. В дальнейшем, не умаляя общности, будем предполагать, что процессы изменения численности в равной мере затрагивают все выделенные группы участников рынка, то есть инновация сама по себе не является фактором изменения потенциала и/или мощности выделенных групп.

Показатель совокупной численности участников рынка описывается уравнением, то есть потенциал рынка удовлетворяет условиям баланса:

$$M(t) = X(t) + Y(t) + Z(t),$$

где:

$X(t)$ — численность существующих пользователей инновационного продукта;

$Y(t)$ — численность потенциальных пользователей;

$Z(t)$ — численность недоступного подмножества, то есть тех участников рынка, которые не используют и не предполагают использовать инновационный продукт.

Система дифференциальных уравнений, описывающих поведение выделенных групп участников рынка во времени, имеет вид:

$$\begin{cases} \dfrac{dX}{dt} = r(t) * Y - s(t) * X \\ \dfrac{dY}{dt} = -r(t) * Y - s(t) * Y + f(u(t), t) \\ \dfrac{dZ}{dt} = -s(t) * Z - f(u(t), t) \end{cases} \qquad (**)$$

и должна удовлетворять нелокальным краевым условиям:

$$X(0) = 0$$
$$Y(0) = 0$$
$$Z(0) = l(0) * M(0)$$

где: $l(t)$ — функция, описывающая динамику прироста потенциала рынка во времени, то есть появление новых потребителей;

$s(t)$ — функция, описывающая динамику сокращения потенциала рынка, то есть выбытие потребителей;

$r(t)$ — функция риска, отражающая вероятность того, что потенциальный потребитель инновации станет ее фактическим потребителем, то есть перейдет из группы $Y(t)$ в $X(t)$;

$f(u(t), t)$ — численность переходов из «недоступного» подмножества в подмножество потенциальных пользователей в единицу времени;

$u(t)$ — функция изменения цены во времени, которая может рассматриваться в системе как управляющее воздействие.

Дадим теперь интерпретацию уравнений системы (**). Изменение мощности группы фактических потребителей формируется как результат прироста за счет перехода из группы участников из потенциальных потребителей и естественного выбытия. Изменение мощности группы потенциальных потребителей определяется как результат перехода части участников в группу фактических потребителей, естественного выбытия и прироста за счет повышения привлекательности инновации, обусловленного ценой и иными маркетинговыми факторами. Изменение в группе участников, не использующих и не предполагающих использовать инновационный продукт, обусловлено естественным выбытием и выбытием, которое вызвано ростом привлекательности продукта.

Краевые условия отражают предположение, что до момента появления инновационного продукта на рынке все его участники принадлежат к третьей группе, динамика численности которой определяется естественным процессом роста, а численность первых двух групп нулевая.

Функция риска, использованная в модели, определяется экономическими и социально-психологическими факторами, включая фактор конкурентной среды, при этом вид функции должен учитывать обратную зависимость от потенциала рынка. Например, она может быть представлена в виде:

$$r(t) = \rho + \frac{\lambda}{K(t)},$$

где параметры ρ и λ могут быть вычислены.

Описанный выше вариант обобщенной модели Басса, сформированный путем обоснованного упрощения и конкретизации параметров, используемых в модификации, предложенной Л. Л. Делициным, может применяться для управления продажами инновационного продукта на основе моделирования реакции рынка при различных вариантах ценовой стратегии предприятия-инноватора, динамических характеристик рынка и реакций конкурентов. Это позволит предприятию-инноватору более точно прогнозировать реакцию рынка на выбранную стратегию ценообразования инновационного продукта и планировать получение дохода и прибыли от его реализации с учетом потенциала рынка.

Результаты моделирования могут использоваться государственными органами для планирования экономического развития и объемов стимулирования инновационной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильев Е. С., Харькова Н. Н. Инновационная парадигма: современная философия или основа предпринимательства? // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 138—142

2. Тимошенко М. А. Модернизационно-инновационные процессы // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 1 (18). С. 133—136.

3. Корабельников И. С. Инновация как стратегия развития агробизнеса: эволюция и современное представление // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 2 (15). С. 87—92.

4. Rogers E. M. Diffusion of Innovations. Free Press. 5th Edition. 2003. 576 p.

5. Методы и инструменты управления инновационным развитием промышленных предприятий / И. Туккель, С. Голубев, А. Сурина, Н. Цветкова. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. 208 с.

6. Гузикова Л. А. Актуальные вопросы промышленной политики России // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2013. Т. 2. № 185. С. 28—32.

7. Гуриева Л. К. Теория диффузии нововведений // Инновации. 2005. № 4 (81). С. 22—26.

8. Философова Т. Г., Быков В. А. Конкуренция и конкурентоспособность. М.: Юнити, 2012. 295 с.

9. Bass F. M. A New Product Growth Model for Consumer Durables. Management Science. 1969. Vol. 15. P. 215—227.

10. Евдокимов С. А. Перспективы развития региональных экономических моделей оценки диффузии инновационных товаров-комплементов // Регион в период модернизации: социальные институты. II Междунар. науч.-практ. конф. Нижний Новгород, 2013. С. 109—117.

11. Bass F. M. The Evolution of General Theory of the Diffusion of Technological Innovations. Polykarp Kusch Series. The University of Texas at Dallas, 1994. P. 1—22.

12. Грант Р. Современный стратегический анализ. СПб.: Питер, 2008. 560 с.

13. Михалева Е. П., Чинилина К. А. Модель диффузии потребительских инноваций на основе построения кумулятивной кривой // Креативная экономика. 2013. № 11 (83). С. 46—53 [Электронный ресурс]. URL: http://www.creativeconomy.ru/articles/30149/ (дата обращения: 20.06.2015).

14. Делицын Л. Л. Моделирование распространения нововведения в неоднородной социально-экономической системе с учетом цен и демографических процессов // Труды VIII Междунар. конф. «Идентификация систем и задачи управления» SICPRO ’09. М., 2009. С. 321—331.

REFERENCES

1. Vasiliev E. S., Kharkova N. N. An innovative paradigm: the basis of modern philosophy, or business? // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 1 (26). P. 138—142.

2. Timoshenko M. A. Modernization and innovation processes // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 1 (18). P. 133—136.

3. Korabel’nikov I. S. Innovation as a strategy for development of agribusiness: Evolution and contemporary presentation // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 2 (15). P. 87—92.

4. Rogers E. M. Diffusion of Innovations. Free Press. 5th Edition. 2003. 576 p.

5. Methods and tools of innovative development of industrial enterprises / I. Tukkel, S. Golubev, A. Surin, N. Tsvetkova. St. Petersburg: BHV-Petersburg, 2013. 208 p.

6. Guzikova L. A. Topical issues of industrial policy of Russia // Scientific and technical sheets of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences. 2013. B. 2. № 185. P. 28—32.

7. Guriev L. K. The theory of diffusion of innovations // Innovations. 2005. № 4 (81). P. 22—26.

8. Filosofova T. G., Bykov V. A. Competition and competitiveness. M., Unity, 2012. 295 p.

9. Bass F. M. A New Product Growth Model for Consumer Durables. Management Science. 1969. Vol. 15. P. 215—227.

10. Evdokimov S. A. Prospects for development of the regional economic models for assessment of the diffusion of innovative product-complements // Region during modernization: social institutions. II International Scientific and Practical Conference. Nizhny Novgorod, 2013. P. 109—117.

11. Bass F. M. The Evolution of General Theory of the Diffusion of Technological Innovations. Polykarp Kusch Series. The University of Texas at Dallas, 1994. P. 1—22.

12. Grant R. Modern strategic analysis. St. Petersburg: Peter, 2008. 560 p.

13. Mikhalev E. P., Chinilin K. A. Consumer innovation diffusion model based on the construction of the cumulative curve // Creative Economy. 2013. № 11 (83). P. 46—53 [Electronic resource]. URL: http://www.creativeconomy.ru/articles/30149/ (date of viewing: 20.06.2015).

14. Delitsyn L. L. Simulation of innovation in a heterogeneous socio-economic system based on prices and demographic processes // Materials of the VIII International Conference «System Identification and Control Problems» SICPRO ‘09. M., 2009. P. 32—331.

УДК 331.1:004.9
ББК 65.291.6:32.973

Zhilina Elena Viktorovna,
candidate of economics, associate professor
of the department of information technologies
and information protection
of Rostov State University of Economics (RINH),
Rostov-on-Don,
e-mail: black-2@mail.ru

Streltsova Margaret Dmitrievna,
the 3rd year student,
business informatics
of the department of computer technologies
and information safety
of Rostov State University of Economics (RINH),
Rostov-on-Don,
e-mail: strela-r94@mail.ru

Жилина Елена Викторовна,
канд. экон. наук, доцент кафедры
информационных технологий и защиты информации
Ростовского государственного экономического
университета (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: black-2@mail.ru

Стрельцова Маргарита Дмитриевна,
студент 3-го курса направления обучения
бизнес-информатика факультета компьютерных
технологий и информационной безопасности
Ростовского государственного экономического
университета (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: strela-r94@mail.ru

СИСТЕМНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАТРАТ НА ВЕДЕНИЕ УЧЕТА ПЕРСОНАЛА

SYSTEMATIC STUDY OF EXPENSES FOR PERSONNEL ACCOUNTABILITY

В статье исследованы сущность и содержание функционально-стоимостного анализа (ФСА). Проведено практическое моделирование учета персонала в «1С:Предприятие 8.2» в нотации IDEF0 с использованием Case-средства All Fusion Process Modeler 7 (BPWin) на основе типовой конфигурации рассматриваемой платформы, что позволяет четко документировать бизнес-процессы, отображая действия, необходимые для реализации и контроля ресурсов, входных параметров, а также визуализировать результаты (данные, потоки, документы, сообщения). Результаты проведенного функционально-стоимостного анализа управления персоналом в «1С:Предприятие», представленные в MS Excel, позволяют количественно оценить статьи затрат во временных и стоимостных характеристиках. ABC-анализ статей затрат позволяет оптимизировать ресурсы путем концентрации работы над наиболее важными бизнес-процессами или экономией ресурсов менее приоритетных бизнес-процессов.

The article examines the essence and content of the value engineering analysis (VE). Practical modeling of personnel accountability was made by means of «1C:Enterprise 8.2» in notation IDEF0 using Case studies All Fusion process Modeler 7 (BPWin) based on typical configuration of the platform under consideration, which allows clearly documenting business processes reflecting actions required for implementation and control of resources, input parameters, as well as visualizing results (data, flows, documents, messages). Results of performed value engineering analysis of the human resources management in «1C:Enterprise» presented in MS Excel allows making qualitative assessment of expenses in time and cost parameters. ABC analysis of the cost items allows optimizing resources by means of concentration of activities at the most important business processes or resources saving of the least priority business processes.

Ключевые слова: программный продукт, «1С:Предприятие», учет персонала, бизнес-процессы, моделирование, BPWin, нотация IDEF0, дерево функций, временные и стоимостные затраты, функционально-стоимостной анализ, ABC-анализ.

Keywords: software, 1C:Enterprise, personnel accountability, business processes, modeling, BPWin, notation IDEF0, function tree, time and cost, value engineering analysis, ABC-analysis.

При переходе российской экономики на рыночные условия хозяйствования всегда возникает необходимость использования методов экономического анализа с целью формирования качественных управленческих решений на предприятии. Одним из направлений экономического анализа, который способствует повышению результативности деятельности организаций, является функционально-стоимостной анализ (ФСА). ФСА относится к наиболее эффективным видам аналитической работы и располагает большими потенциальными возможностями в решении основных задач повышения качества и конкурентоспособности продукции, а также значительного снижения издержек производства. При всем многообразии подходов, научной и практической основательности применявшихся механизмов ФСА развитие данного метода не избежало ошибок и некоторых недостатков. Применимость методики ФСА нуждается в ее адаптации к современным условиям деятельности российских организаций.

Исходя из анализа литературных источников [1], можно сделать вывод, что ФСА обычно используют для бухгалтерского учета организаций, но при этом совершенно отсутствуют методики ФСА бизнес-процессов «1С:Предприятие» как программного продукта.

Исходя из актуальности и проблемы ФСА, можно выделить следующие задачи исследования: провести практическое моделирование бизнес-процессов учета персонала в «1С:Предприятие» в нотации IDEF0; провести ФСА затрат на ведение учета персонала в «1С:Предприятие»; анализировать результаты проведенного ФСА методом ABC.

Исследуемая предметная область статьи — отдел кадров производственного предприятия ОАО «Химволокно» (г. Каменск-Шахтинский, Ростовская область).

Предмет исследования — бизнес-процессы отдела кадров, реализуемые в «1С:Предприятие 8.2», модуль «Зарплата и кадры».

Основой управления как отдельным бизнес-процес-

сом (БП), так и группой БП являются показатели эффективности [2].

Под бизнес-процессом понимаем совокупность взаимосвязанных мероприятий или задач, направленных на создание определенного продукта или услуги для потребителей [3].

Как правило, выделяют [4] три группы показателей: показатели, измеряемые в стоимостном выражении (например, затраты на процесс); показатели времени (например, время выполнения подпроцесса); качественные показатели (например, доля дефектов). Показатели процесса, представленные в стоимостном выражении, позволяют оценить ресурсы, которые требуются для выполнения БП, в том числе сырье и материалы, труд наемного персонала, энергоносители и т. д. В данном случае применяется анализ затрат по видам деятельности, позволяющий рассчитать затраты на выполнение каждого процесса.

Функционально-стоимостный анализ (ФСА) — это механизм вычисления стоимости, позволяющий оценивать и анализировать затраты на осуществление различных видов деловой активности [5].

Для проведения ФСА необходимо разработать модель предметной области. Как только достигнута полнота модели, аналитик может приступить к стоимостному анализу модели. Каждой функции в модели присваивается прямая стоимость ее выполнения плюс стоимость накладных расходов. В итоге получается количественная оценка функций, выраженная в их стоимости.

Моделирование БП учета персонала в «1С:Предприятие» (модель «AS-IS») проведено в программном комплексе AllFusion Process Modeler 7 (BPWin).

Следует уточнить, что БП отдела кадров не ограничиваются работой только в «1 С: Предприятие», но в данном исследовании они не учтены. За основу взяты БП программной платформы «1С:Предприятие 8.2», модуль «Зарплата и кадры». На рис. 1 приведен фрагмент анализируемой информационной системы.

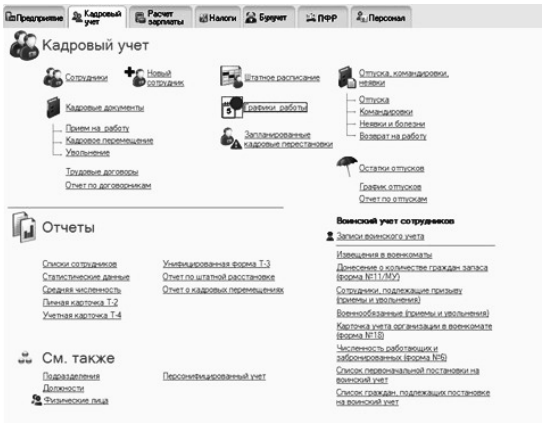


Рис. 1. Фрагмент «1С:Предприятие 8.2»

Фирма «1С» выпускает программные решения, предназначенные для автоматизации типовых задач учета и управления предприятий любых форм собственности. В каждом программном продукте сочетается использование стандартных решений (общих для всех) и возможность учета специфичных задач конкретной отрасли или рода деятельности предприятия. В типовые решения включаются те функции, которые реально нужны существенной части предприятий. Это позволяет обеспечить соответствие типовых решений отечественной специфике как в части методологии учета, так и в части управления деятельностью предприятия и в то же время сделать эти решения достаточно компактными и простыми в использовании, обеспечить их эффективную поддержку и развитие.

Анализ БП всегда строится на выделении главной функции предмета исследования. В нашем случае это «Управление персоналом в «1С:Предприятие» (прототип — региональное производственное предприятие Ростовской области по выпуску химической продукции). Главная диаграмма в нотации IDEF0 представлена на рис. 2.

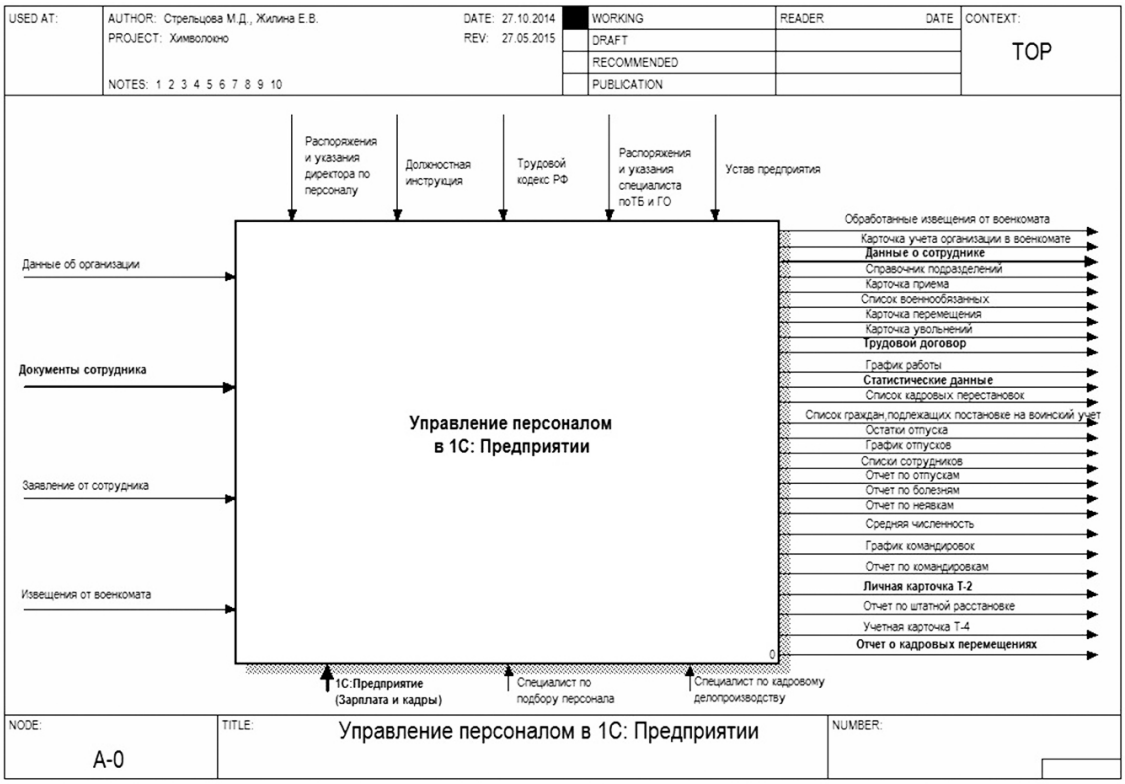


Рис. 2. Главная диаграмма «Управление персоналом в «1С:Предприятие»

В управление отдела кадров анализируемого предприятия входят: распоряжения и указания директора по персоналу, специалиста по ТБ (технике безопасности) и ГО (гражданской обороне), а также документы: должностная инструкция, Трудовой кодекс РФ и устав предприятия. Для того чтобы были выполнены и соблюдены все действия управления, необходимы механизмы: специалист по подбору персонала, специалист по кадровому делопроизводству и «1С:Предприятие» (зарплата и кадры).

Входные данные представляют сведения об организации, документы сотрудников, заявление от сотрудников, извещение от военкомата, которые должны быть использованы/преобразованы БП управления кадров для получения результатной информации (на выходе): данные о сотруднике, трудовой договор, статистические данные, личную карточку Т-2, отчет о кадровых перемещениях и др.

После декомпозиции диаграммы верхнего уровня можно увидеть полный состав БП анализируемой системы (рис. 3), в том числе: работа со сведениями об организации, ведение справочника сотрудников, заполнение штатного расписания, работа с отпусками/командировками/неявками, записи воинского учета, работа с учетами.

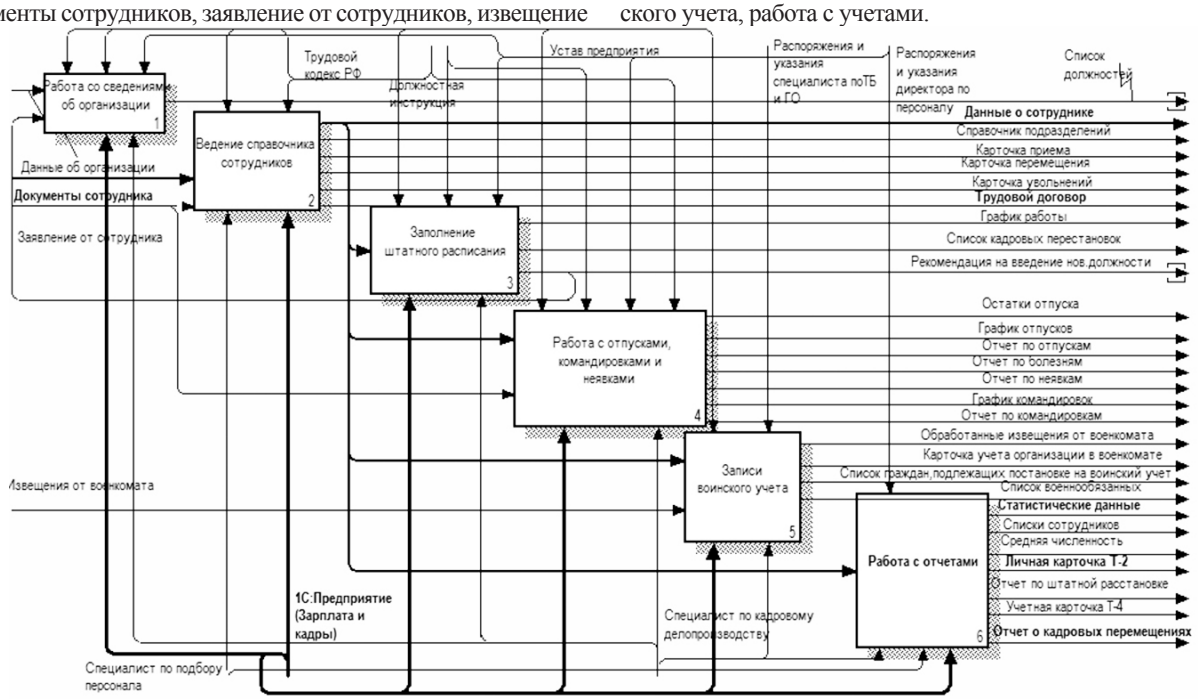


Рис. 3. Диаграмма декомпозиции верхнего уровня анализируемой системы

В дальнейшем нами была проделана полная декомпозиция БП «Управление персоналом в «1С:Предприятие» в нотации IDEF0.

На рис. 4 приведен БП «Работа со сведениями об организации», включающий БП получения данных об организации, добавление ответственных лиц и заполнение справочника должностей.

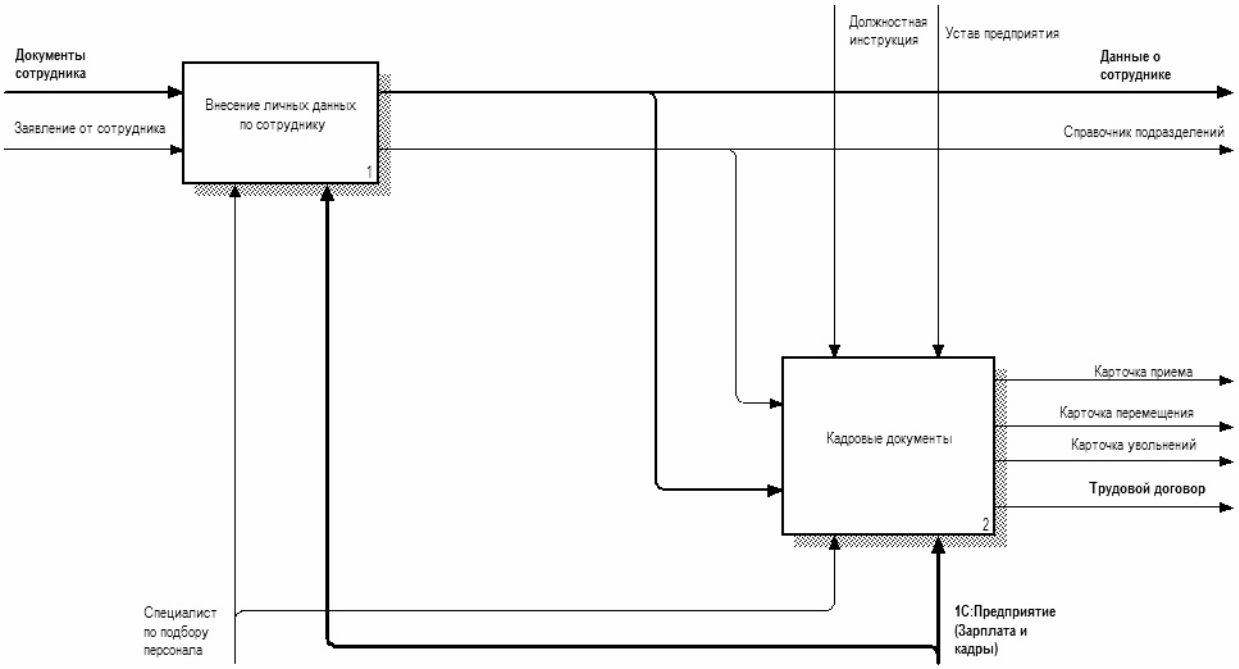


Рис. 4. Диаграмма «Работа со сведениями об организации» в нотации IDEF0

Из диаграммы «Ведение справочника сотрудников» (рис. 5) видно, что БП сводятся к внесению личных данных по сотруднику и кадровым документам.

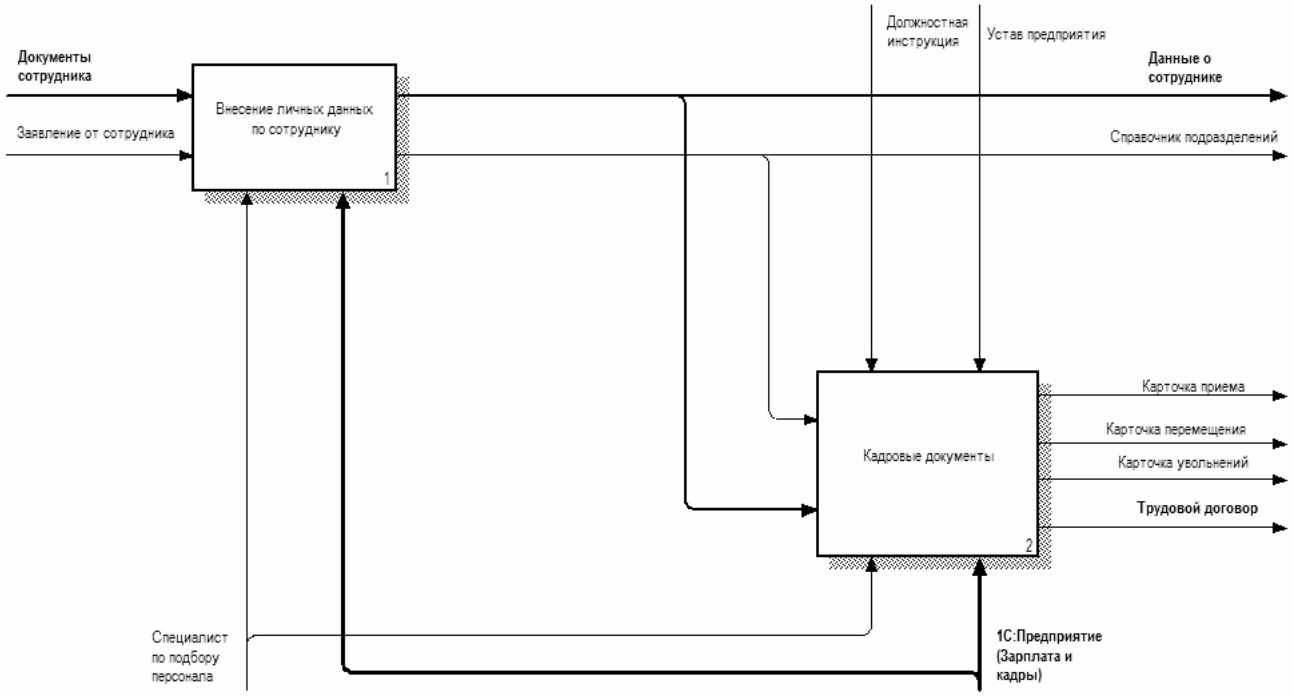


Рис. 5. Диаграмма «Ведение справочника сотрудников» в нотации IDEF0

БП «Внесение личных данных по сотруднику» включает: добавление основных данных; работу со справочником Подразделения/выбор подразделения. БП «Кадровые документы» состоит из следующих функций: оформление приема; оформление перемещения; оформление увольнения; составление трудового договора.

На рис. 6 приведен БП «Заполнение штатного расписания», включающий БП «Составление графика работы и планирование кадровых перестановок».

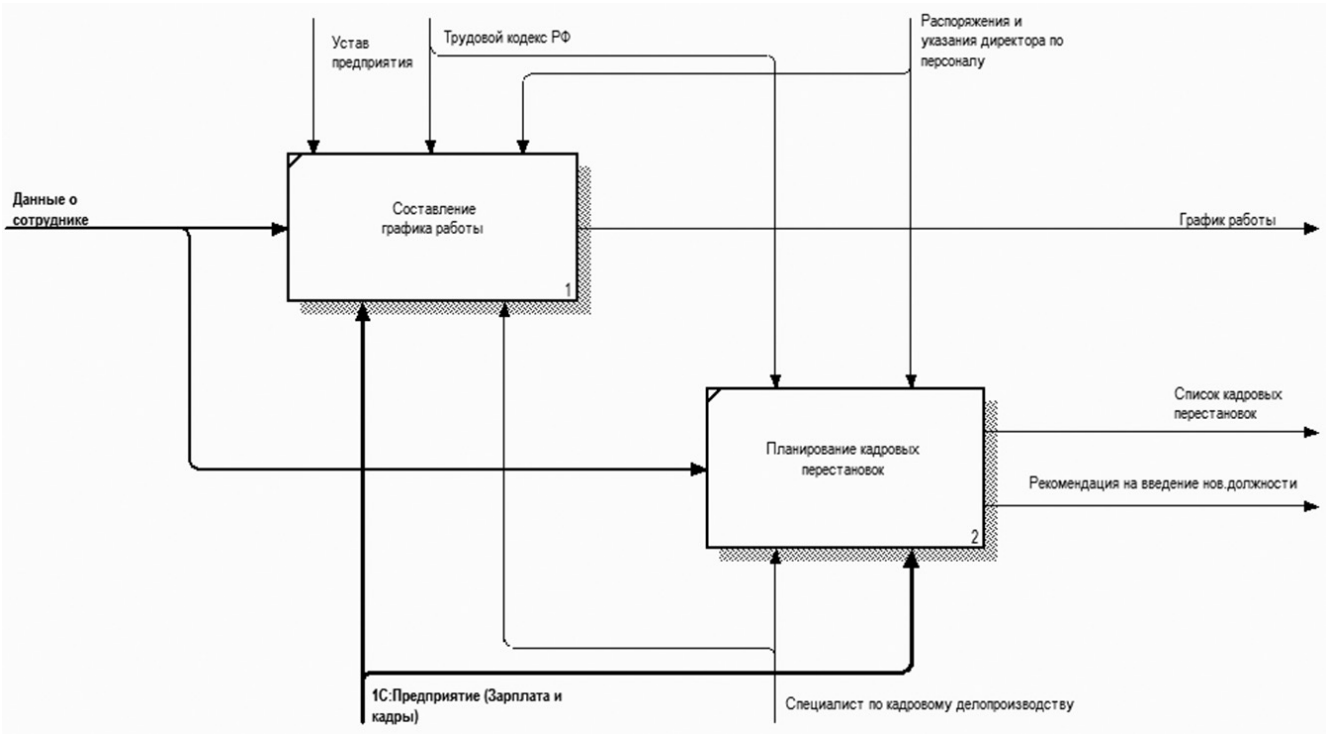


Рис. 6. Диаграмма «Заполнение штатного расписания» в нотации IDEF0

БП «Работа с отпусками, командировками и неявками» включает работу с отпусками, болезнями и командировками (рис. 7).

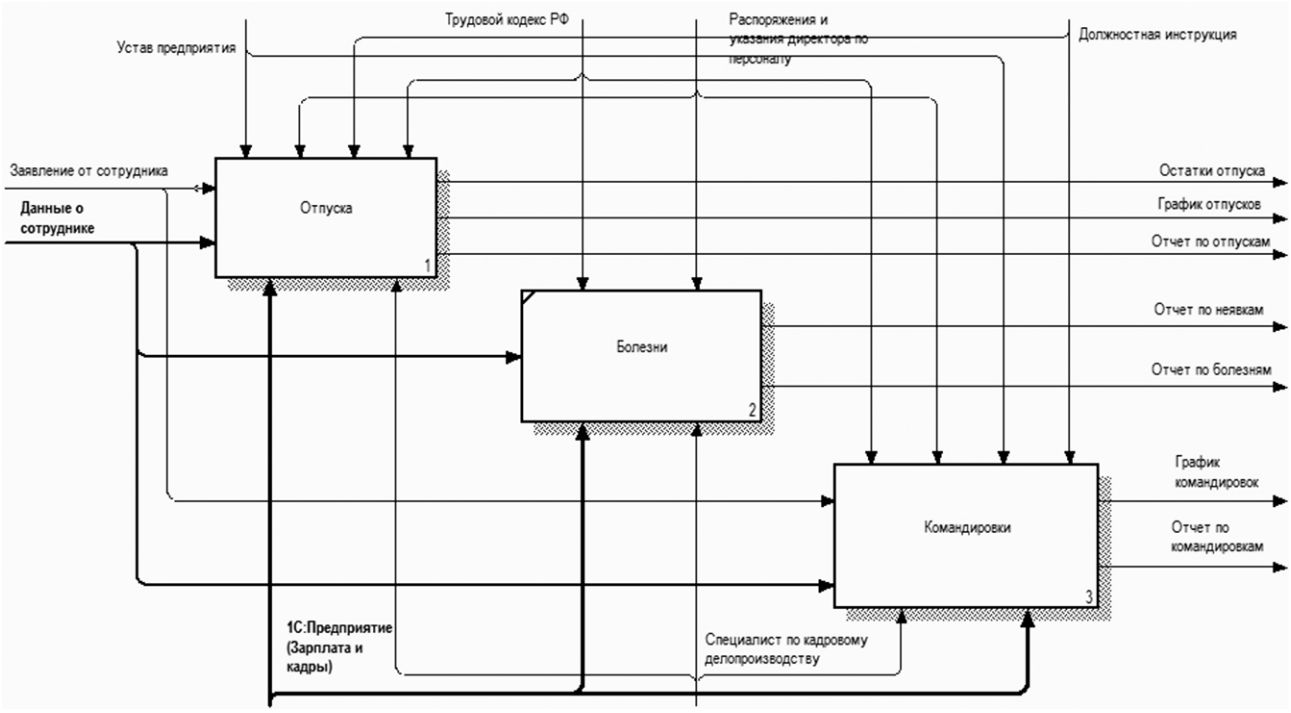


Рис. 7. Диаграмма «Работа с отпусками, командировками и неявками», нотация IDEF0

Декомпозиция БП «Записи воинского учета» приведена на рис. 8 и содержит следующие БП: работа с извещениями военкомата, составление карточки учета организации, ведение учета военнообязанных (прием, увольнение), создание списка граждан, подлежащих постановке на воинский учет.

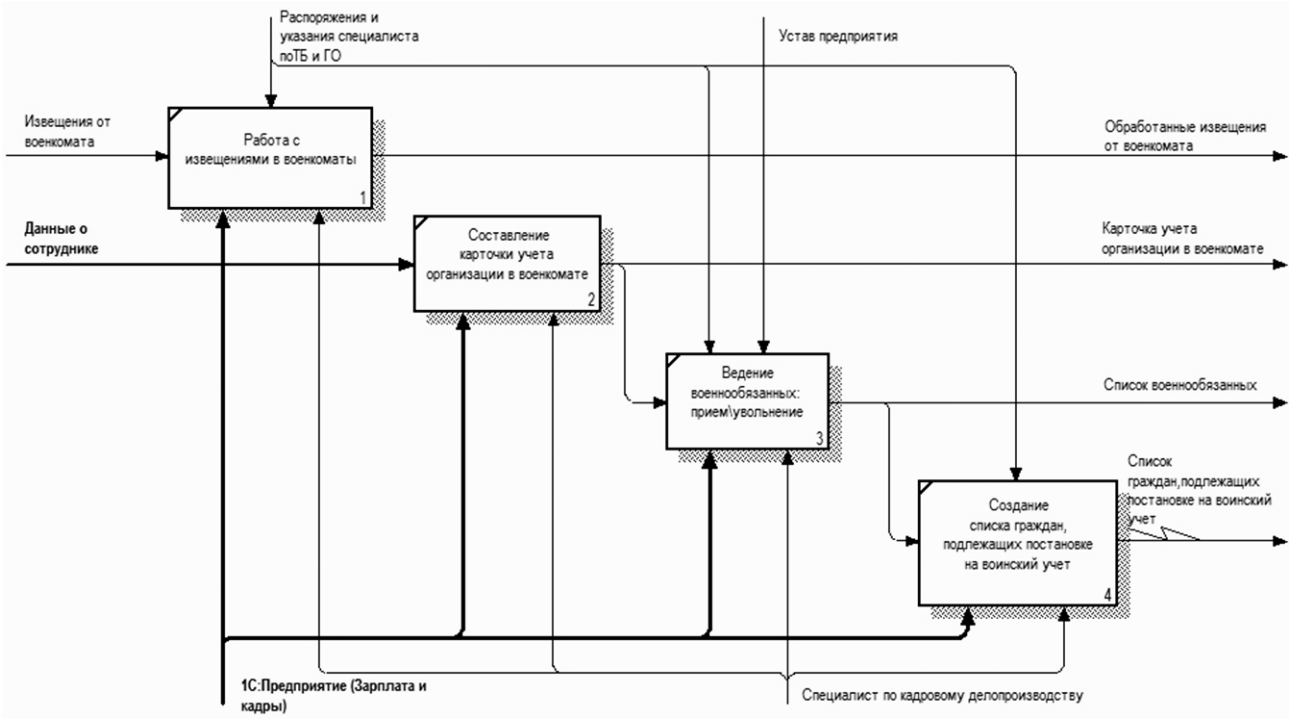


Рис. 8. Диаграмма «Записи воинского учета», нотация IDEF0

Из диаграммы «Работа с отчетами» (рис. 9) видно, что основными отчетами отдела кадров являются: список сотрудников, статистические данные, средняя численность, личные карточки Т-2 и Т-4, отчет по штатной расстановке, отчет о кадровых перемещениях.

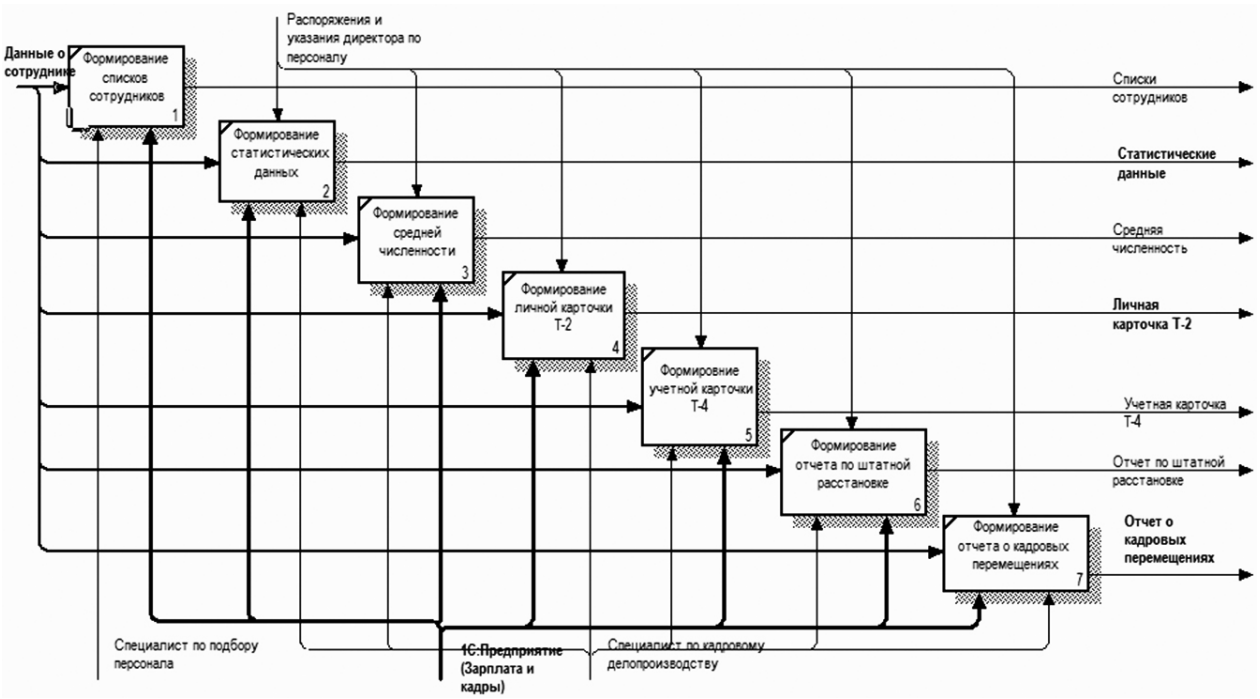


Рис. 9. Диаграмма «Работа с отчетами»

Наглядно можно увидеть все декомпозируемые БП «Управление персоналом в «1С:Предприятие» на диаграмме дерева функций (Node Tree). На рис. 10 показана иерархическая зависимость дерева функций, которая показывает, что главный БП управления персоналом в «1С:Предприятие» имеет шесть дочерних функций.

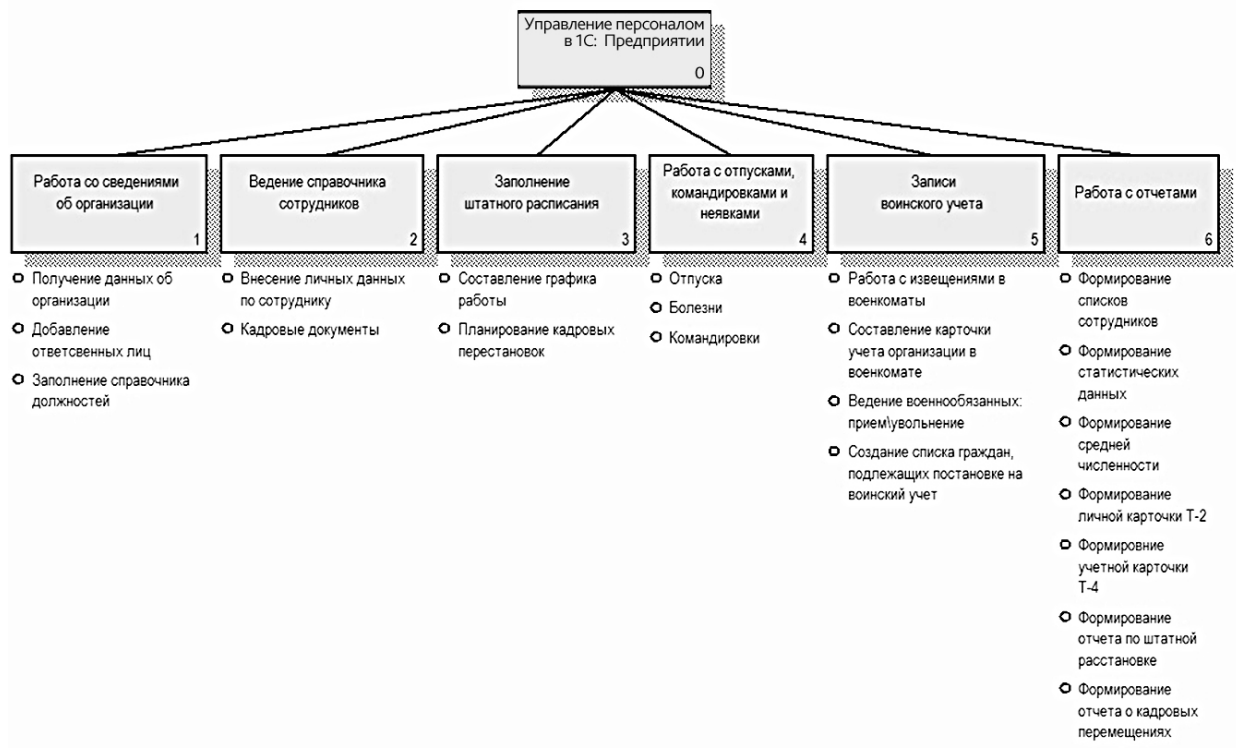


Рис. 10. Диаграмма дерева функций (Node Tree)

Для того чтобы посчитать общие затраты, необходимо знать точно, какими услугами и товарами пользуется отдел кадров на предприятии, что наглядно показано на рис. 11 в словаре затрат.

Name	Definition
Амортизация и автоматизация	Затраты на амортизацию оборудования (ПК), покупку лицензии на 1С:Предприятие и администрирование ПО
Прочие расходы	Затраты на электрическую энергию
Рабочая сила	Затраты на оплату труда рабочих ОК
Расходные материалы	Затраты бумагу, катриджи и др.
Управление	Затраты на управление (контроль, проверка, анализ) деятельности ОК

Рис. 11. Словарь затрат

Следующим этапом ФСА является соотнесение затрат согласно заданному словарю с БП. Затраты вносятся последовательно, начиная с нижних уровней разработанной модели учета персонала в «1С:Предприятие». Важно отметить, что если проводить ФСА на примере других предприятий, то разработанную модель изменять не нужно, можно будет добавить специфичные статьи затрат для бюджетных или муниципальных предприятий или расширить предложенный нами словарь затрат.

На рис. 12 приведены затраты в стоимостном выражении (в руб.) на ведение каждого БП управления персонала в «1С:Предприятие».

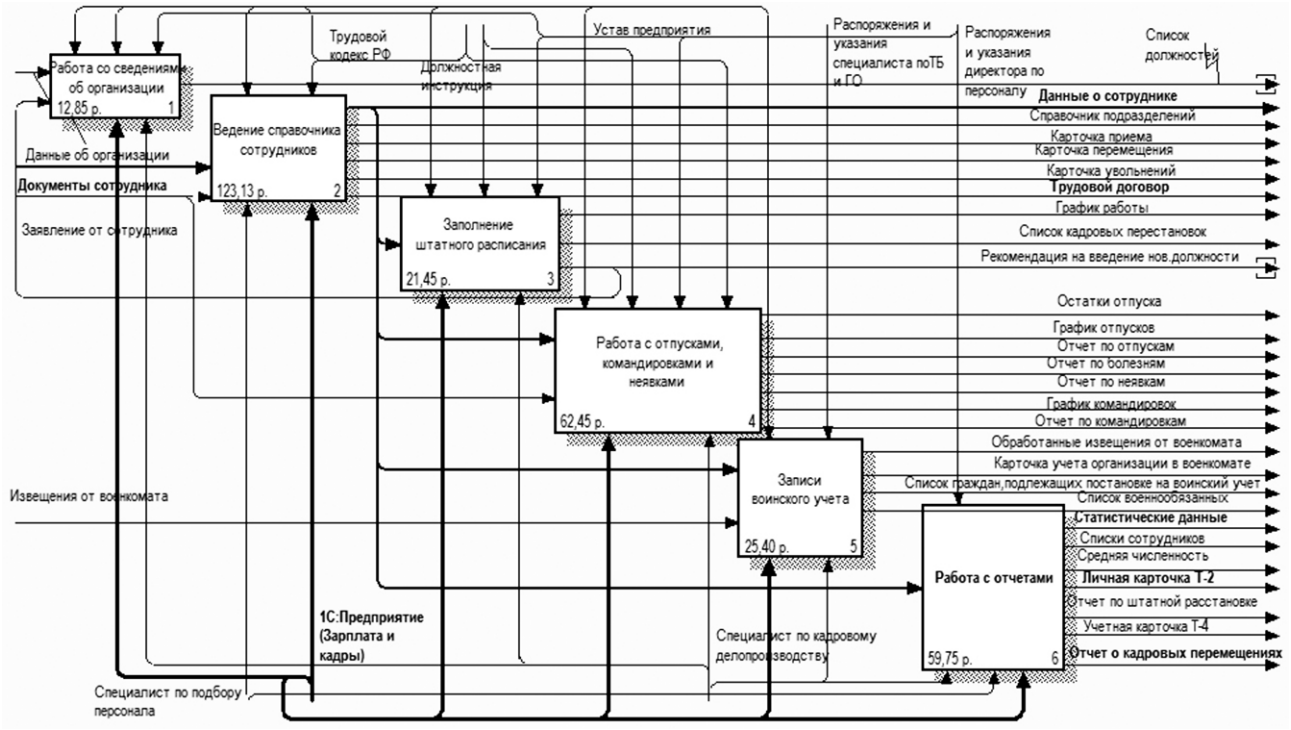


Рис. 12. Декомпозиция в Cost (затраты)

Декомпозиция главного БП учета персонала в «1С:Предприятие» в Duration позволяет наглядно увидеть на рис. 13, сколько времени (в мин.) необходимо потратить на заполнение/ведение каждого БП.

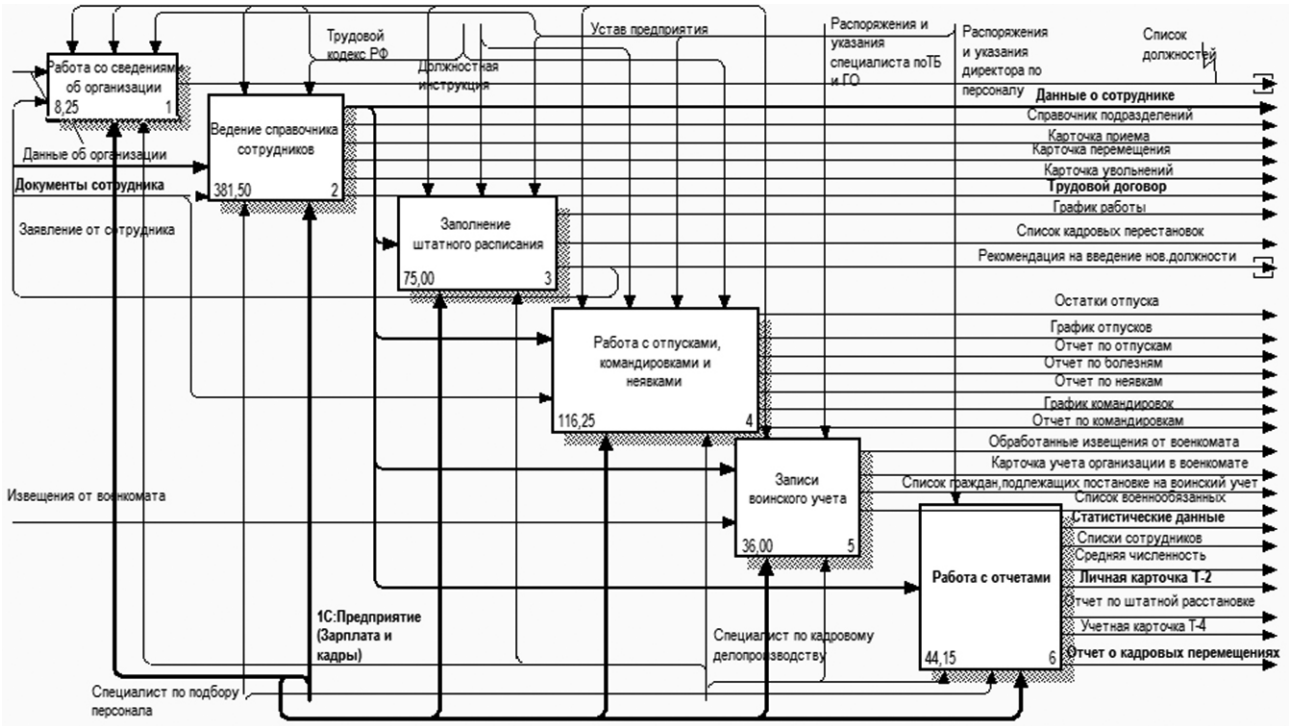


Рис. 13. Декомпозиция в Duration (время)

На рис. 14 показан итоговый ФСА, проведенный в AllFusion Process Modeler 7 (BPWin), с помощью которого можно выделить ключевые затраты: больше затрат в рублях уходит на расходные материалы, а меньше за-

трат уходит на амортизацию и автоматизацию и на прочие расходы (электроэнергия), также можно увидеть, сколько времени уходит на выполнение ключевых затрат как на все БП, так и на каждый процесс по отдельности.

В результате было получено распределение месячных трудовых и стоимостных затрат, связанных с выполнением основных БП, статистика которых приведена на рис. 14. Здесь можно увидеть построенные Sparkline-графики[1], преимуществом которых является возможность просматривать большое количество данных одновременно и быстро сравнивать их друг с другом без необходимости просматривать каждое изображение отдельно. Точками на Sparkline-графиках отмечены минимальные стоимостные затраты, исходя из результатов видно, что меньше всего затрат приходится на амортизацию и автоматизацию и прочие расходы.

Cost Center	Управление персоналом в 1С: Предприятии на примере ОАО "Химволокно" (г.Каменск-Ш.)	Работа со сведениями об организации	Ведение справочника сотрудников	Заполнение штатного расписания	Работа с отпусками, командировками и неявками	Записи воинского учета	Работа с отчетами
Амортизация и автоматизация (рубль)	27,5	1,75	9,5	1,5	5	2,75	7
Прочие расходы (рубль)	27,5	1,75	9,5	1,5	5	2,75	7
Рабочая сила (рубль)	92,65	3,5	39,25	9	20,3	6,6	14
Расходные материалы (рубль)	102,1	4,25	40,15	5,55	18,35	9,9	23,9
Управление (рубль)	55,28	1,6	24,73	3,9	13,8	3,4	7,85
Спарклайны затрат							
Итого (рубль)	305,03	12,85	123,13	21,45	62,45	25,4	59,75
Duration (минуты):	661,15	8,25	381,5	75	116,25	36	44,15

Рис. 14. Распределение трудозатрат (за месяц), связанных с выполнением БП

По итоговым данным строк рис. 14 Duration (время, мин.), и Итого (руб.) построена Excel-диаграмма, приведенная на рис. 15. Наглядно видно, что затраты на БП по ведению справочника сотрудника максимальные, это связано с наибольшими временными характеристиками.

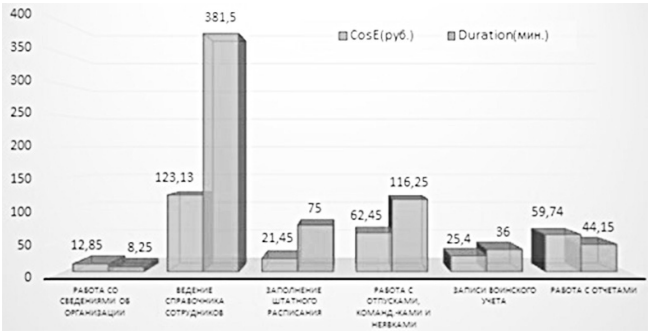
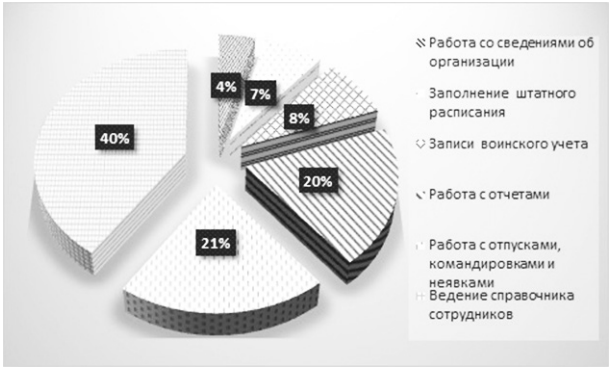
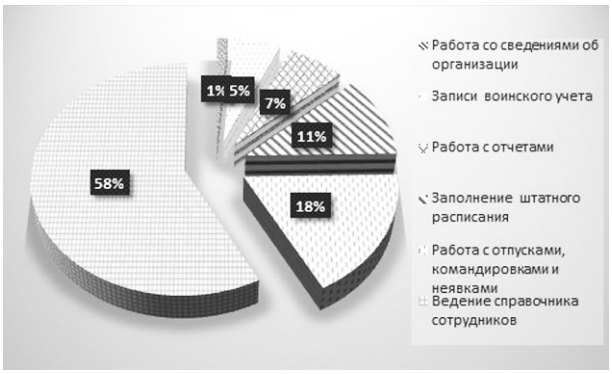


Рис. 15. Распределение трудозатрат (за месяц), связанных с выполнением БП

Аналогичный вывод можно сделать и после анализа круговых диаграмм, приведенных на рис. 16 (а, б): 58% от общего времени и 40% от общих стоимостных затрат идет на выполнение работ по ведению справочника сотрудников, а меньше всего затрат на работу со сведениями об организации (1% — в мин. и 4% — в руб. соответственно).



а) распределение стоимостных затрат;



б) распределение временных затрат

Рис. 16. Круговые диаграммы распределения затрат

Возможно, если проводить аналогичный ФСА для отдела кадров малых предприятий, результат будет отличаться. Это связано с количеством сотрудников на предприятии и текучестью кадров. В нашем исследовании прототипом являлось производственное предприятие, имеющее более 1000 сотрудников, где текучесть отсутствовала.

Механизм вычисления расходов на основе выполняемых действий (Activity-Based Costing, ABC) — это технология, применяемая для оценки затрат и используемых ресурсов, позволяющая распознать и выделить наиболее дорогостоящие БП для дальнейшего анализа [6].

Затраты обычно анализируются по двум параметрам — стоимость и время, потраченные на выполнение каких-либо операций. Все затраты или отдельные виды затрат организации можно разделить на группы по степени важности (табл.).

Таблица

Группы затрат ABC-анализа

Группа	Характеристика
Группа A	Очень важные затраты, без которых нельзя обойтись; если в качестве параметра в анализе использовалась стоимость затрат, то в данную группу входят наиболее дешевые
Группа B	Затраты средней степени важности
Группа C	Наименее важные затраты, это претенденты на исключение или замену их на новые, более эффективные

[1] Sparkline-графики и гистограммы — это небольшие диаграммы, которые содержат много сведений в небольшом пространстве и часто бывают встроены в текст.

Первым этапом проведения АВС-анализа является определение целей. Если целью выступает сокращение времени, то в качестве основных параметров выбирается количество потраченных минут на выполнение операций. Если целью является выявление и сокращение стоимости затрат, то в качестве основных параметров выбирается стоимость каждой операции. Данные АВС-анализа помогают оптимизировать затраты на выполнение определенных операций в организации.

АВС-анализ затрат на управление персоналом в «1С:Предприятие» позволил разделить все затраты по трем группам: А — наименее затратные, 5%; В — промежуточные, 15%; С — наиболее затратные (дорогие), 80%.

Для проведения АВС-анализа все показатели были отсортированы по возрастанию. АВС-анализ проводился отдельно по показателям: стоимостным (рис. 17 а) и временным (рис. 17 б). Равномерного распределения затрат по группам не произошло, в критическую группу «С» попали по три БП предприятия-прототипа в каждой группе показателей. Работа с отпусками, командировками и неявками и ведение справочника сотрудников оказались в группе рисков в каждом АВС-анализе.

	Амортизация и автоматизация (рубль)	Прочие расходы (рубль)	Рабочая сила (рубль)	Расходные материалы (рубль)	Управление (рубль)	Итого (рубль)	Итог	Категория
Работа со сведениями об организации	1,75	1,75	3,5	4,25	1,6	12,85	4,21%	A
Заполнение штатного расписания	1,5	1,5	9	5,55	3,9	21,45	11,24%	B
Записи воинского учета	2,75	2,75	6,6	9,9	3,4	25,4	19,57%	B
Работа с отчетами	7	7	14	23,9	7,85	59,75	39,16%	C
Работа с отпусками, командировками и неявками	5	5	20,3	18,35	13,8	62,45	59,63%	C
Ведение справочника сотрудников	9,5	9,5	39,25	40,15	24,73	123,13	100,00%	C

а) параметр стоимость (руб.)

	Duration (минуты):	Итог	Категория
Работа со сведениями об организации	8,25	1,25%	A
Записи воинского учета	36	6,69%	B
Работа с отчетами	44,15	13,37%	B
Заполнение штатного расписания	75	24,71%	C
Работа с отпусками, командировками и неявками	116,25	42,30%	C
Ведение справочника сотрудников	381,5	100,00%	C

б) параметр время (мин.)

Рис. 17. АВС-анализ

Чтобы привести в более компактный вид результаты АВС-анализа, были построены сводные таблицы по показателям: стоимостным (рис. 18 а) и временным (рис. 18 б).

Названия строк	Сумма по полю Итого (рубль)
A	**12,85**
Работа со сведениями об организации	12,85
B	**46,85**
Записи воинского учета	25,4
Заполнение штатного расписания	21,45
C	**245,33**
Ведение справочника сотрудников	123,13
Работа с отпусками, командировками и неявками	62,45
Работа с отчетами	59,75
Общий итог	**305,03**

а)

Названия строк	Сумма по полю Duration (минуты):
A	**8,25**
Работа со сведениями об организации	8,25
B	**80,15**
Записи воинского учета	36
Работа с отчетами	44,15
C	**572,75**
Ведение справочника сотрудников	381,5
Заполнение штатного расписания	75
Работа с отпусками, командировками и неявками	116,25
Общий итог	**661,15**

б)

Рис. 18. Результаты АВС-анализа в сводных таблицах

Можно сделать вывод, что совокупность взаимосвязанных мероприятий и задач БП «Работа со сведениями об организации» находится в оптимальном состоянии и оптимизации не требует. БП «Записи воинского учета» требует незначительной корректировки, возможно, за счет уменьшения затрат таких БП, как составление карточек учета и работа со списками граждан. Модернизация БП «Заполнение штатного расписания» должна быть проведена на основе уменьшения временных затрат планирования кадровых перестановок. Требуется перераспределить стоимостные затраты БП «Работа с отчетами», сократив, возможно, прочие статьи расходов и расходы на рабочую силу и управление. БП «Работа с отпусками, командировками и неявками» можно оптимизировать за счет уменьшения временных и стоимостных показателей функции «Составление графика командировок». Предлагается составлять годовой график, затратив больше единовременных трудозатрат, но получив выгоду по работе с графиком ежемесячно, и использовать данные за прошлогодний отчетный период. Аналогичные рекомендации на составление графиков отпусков.

Несмотря на то что БП «Ведение справочника сотрудников» попал в зону риска, кардинальных изменений предложить сложно, так как на предприятии-прототипе большой штат сотрудников и составлять кадровые документы приходится достаточно часто. Можно предложить директору по персоналу провести фотографирование (самофотографирование) рабочего дня специалистов отдела кадров и в дальнейшем оптимизировать временные затраты на реализацию БП «Ведение справочника сотрудников».

Распределенные по группам затраты можно в дальнейшем отдельно изучать, проводя регрессионный, факторный, финансово-экономический и другие виды анализа.

Заключение

1. Разработанная в BPWin модель БП управления персоналом содержит информационные процессы отдела кадров ОАО «Химволокно» (г. Каменск-Шахтинский, Ростовская область), функционирующих в «1С:Предприятие 8.2» и использующих типовую конфигурацию рассматриваемой платформы, что позволяет четко документировать БП, отображая действия, необходимые для реализации и контроля, требуемые ресурсы и входную информацию, а также позволяющие визуализировать получаемые результаты (данные, потоки, отчеты, документы, сообщения), служит основой для дальнейшего проведения ФСА затрат на предприятии.

2. Диаграммы модели управления персоналом могут применяться пользователями платформы «1С:Предприятие 8.2» (нотация IDEF0), работающими с модулем «Зарплата и кадры», для логического восприятия всех БП и их взаимодействия между собой, что позволит уменьшить затраты на освоение данного программного продукта.

3. Проведенный ФСА управления персоналом в «1С:Предприятие» в ОАО «Химволокно» позволяет количественно оценить статьи затрат и выделить среди них максимальные/минимальные. Визуализация результатов в виде Excel-диаграмм позволяет наглядно отобразить все статьи затрат (во временных и стоимостных характеристиках) на управление персоналом в «1С:Предприятие».

4. ABC-анализ затрат на управление персоналом в «1С:Предприятие» позволил разделить все затраты по трем группам: А — наименее затратные, 5%; В — промежуточные, 15%; С — наиболее затратные (дорогие), 80%. Распределенные по группам затраты можно в дальнейшем отдельно изучать, проводя регрессионный, факторный, финансово-экономический и другие виды анализа. Использование ABC-анализа позволяет оптимизировать временные и трудовые ресурсы. Это достигается путем концентрации работы над наиболее важными БП или, наоборот, экономией ресурсов на менее приоритетных БП.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шеравнер В. М. Развитие методики функционально-стоимостного анализа коммерческих организаций: дис. … канд. экон. наук. Ростов-н/Д, 2006. 176 с.

2. Кулагина И. В., Семикин Д. В. Вопросы моделирования бизнес-процессов в соответствии со стандартами ИСО серии 9000 // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 1 (30). С. 219—223.

3. Жилина Е. В. Модели, методы и инструментальные средства оценки потребительского качества тестовых систем в образовании: автореф. .... канд. экон. наук. Ростов-н/Д, 2012. 26 с.

4. Филиппов М. В. Оценка стоимости информационного проекта // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 2 (15). С. 225—226.

5. Шабалина Е. В. Применение функционально-объектного моделирования в стратегическом управлении развитием систем интегрированного регионального взаимодействия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 1 (30). С. 143—147.

6. Моделирование экономической информационной системы учета услуг / Е. Г. Веретенникова, Н. Г. Савельева, Е. В. Жилина // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2014. № 2 (46). С. 177—184.

REFERENCES

1. Sheravner V. M. Development of the method of VEA of commercial companies: dissertation of the candidate of economics. Rostov-on-Don, 2006. 176 p.

2. Kulagina I. V., Semikin D. V. Issues of modeling of business processes in accordance with the standards of ISO 9000 // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. № 1 (30). P. 219—223.

3. Zhilina E. V. Models, methods and tools of assessment of the consumer quality of test systems in education: abstract of dissertation of the candidate of economics. Rostov-on-Don, 2012. 26 p.

4. Filippov M. V. Information project value assessment // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 2 (15). P. 225—226.

5. Shabalina E. V. Application of functional and object modeling in strategic management of systems development of integrated regional interaction // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. № 1 (30). P. 143—147.

6. Simulation of economic information system for services accounting / E. G. Veretennikova, N. G. Savelyeva, E. V. Zhilina // Bulletin of Rostov State University of Economics (RINH). 2014. № 2 (46). P. 177—184.

УДК 331.556
ББК 65.248.7

Kozlova Elena Valerievna,
candidate of economics, assistant professor
of the department of social technology
of Rostov State Transport University,
Rostov-on-Don,
e-mail: st5567@yandex.ru

Козлова Елена Валерьевна,
канд. экон. наук, доцент кафедры «Социальные технологии» Ростовского государственного университета путей сообщения,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: st5567@yandex.ru

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, ТРУДОВАЯ ИММИГРАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВ ЕС)

MIGRATION POLICIES, LABOR IMMIGRATION AND ECONOMIC GROWTH: CORRELATION ANALYSIS (BASED ON EU COUNTRIES)

В статье определяются показатели адекватности национальной миграционной политики стран ЕС как требованиям глобализирующегося мирового хозяйства, так и местным социально-экономическим приоритетам; обосновывается взаимосвязь динамики адекватности национальной миграционной политики и экономического значения трудовой иммиграции в странах ЕС; проводится анализ корреляции адекватности миграционной политики и экономического роста стран ЕС;

классифицируются государства ЕС в зависимости от адекватности национальной миграционной политики и экономического значения трудовой миграции в их хозяйственном прогрессе, обозначаются основные стратегии и угрозы перспективного развития национальных экономических систем этих стран в динамике глобализационных и миграционных процессов.

The article defines indicators of the EU countries' national migration policies adequacy to both the requirements of the globalized world economy and local socio-economic priorities; interaction of dynamics of adequacy of the national migration policies and labor migration economic value in the EU is justified; analysis of correlation of migration policy adequacy to the economic growth in the EU countries is fulfilled; EU countries are classified according to the adequacy of their national migration policies and the economic importance of labor migration in their economic progress; the main strategies and threats of perspective development of the national economic systems in such countries in the dynamics of globalization and migration processes are specified.

Ключевые слова: миграционная политика, международная трудовая миграция, национальная миграционная стратегия, унификация миграционных правил, Европейский союз, рынок труда, иммиграционные процессы, миграционный режим, экономическая польза, экономический рост.

Keywords: migration policy, international labor migration, national migration strategy, unification of migration rules, European Union, labor market, immigration processes, migration order, economic benefit, economic growth.

Диспропорциональность национальных рынков труда внутри Европейского союза [1], их социальная и хозяйственная мультиукладность, асинхронность и разновекторность динамики их развития на фоне вызовов мировой экономики, с которыми сталкивается современная Европа, актуализируют исследования проблем взаимозависимости и взаимоопределенности адекватности миграционной политики в странах Старого Света экономическим значением трудовой иммиграции, а также динамикой экономического роста анализируемых стран.

Центральным вопросом любой миграционной политики является максимизация экономической пользы, хозяйственной отдачи от иностранной трудовой миграции при одновременном сокращении возможного ущерба как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. С учетом динамики и трендов трудовой миграции анализ миграционной политики стран Европейского союза позволяет выделить следующие направления модернизации системы государственного регулирования иммиграционных процессов: стимулирование притока в ЕС интеллектуальных и высококвалифицированных трудовых мигрантов [2], поощрение бизнес- и инвестиционной трудовой миграции, развитие сезонной трудовой миграции, рационализация системы воссоединения семей трудовых мигрантов, а также ограничения на предоставление убежища и противодействия незаконной трудовой иммиграции.

Цель исследования — на основе корреляции показателей адекватности национальной миграционной политики, динамики экономического значения трудовой иммиграции и экономического роста современных государств ЕС определить возможные направления и сценарии модернизации национального и международного регулирования миграционных процессов в регионе.

Оценка адекватности национальных миграционных режимов современных государств ЕС (в формате ЕС-28 + Турция) проводилась на основе тестирования миграционного режима каждого государства по ряду принципиальных вопросов (табл. 1).

При этом за соответствие (несоответствие) национального миграционного режима тому или иному требованию присуждалось определенное количество баллов, общая сумма которых в результате и определит уровень адекватности миграционного режима конкретного государства Европы.

Для проведения тестовых оценок была использована статистическая и описательная информация экспертных групп Европейского союза, а также национальных органов регулирования трудовой миграции стран ЕС-28 (+ Турция) [3; 4; 5; 6]. Результаты исследования представлены в табл. 2.

Таблица 1

Тестовые позиции оценки миграционных режимов стран ЕС

Тестовая позиция	Количество баллов за соответствие тестовой позиции	
	ДА	НЕТ
В миграционном режиме государства существует более одного типа вида на жительство и более одного типа разрешения на работу?	3	0
Только наличие вида на жительство дает иностранцу право доступа на национальный рынок труда?	0	2
Доступ иностранного работника на рынок труда возможен только при наличии ВНЖ и разрешения на работу?	5	0
В стране официально существуют визы на сезонную работу?	5	0
В национальном миграционном режиме существует понятие и процедура получения грин-карты?	6	0
Вид на жительство дает иностранцу право покупки недвижимости?	5	0
Только владение разрешением на работу дает право на воссоединение семей (без дополнительных требований по заработной плате мигранта)?	6	0
Для реализации процедуры воссоединения семей существуют требования по минимальной заработной плате трудового мигранта?	0	5
Разрешение на работу связано с конкретным работодателем, а не с видом деятельности?	0	5
Разрешение на работу может быть выдано более чем на один год?	3	0
Разрешение на работу можно продлить (без необходимости получения нового документа)?	4	0
В миграционных правилах существует требование к минимальной заработной плате для получения разрешения на работу?	0	5
Основанием для получения разрешения на работу является квалификация соискателя, а не сфера приложения его труда?	0	5

Окончание табл. 1

Студенты имеют право на дальнейшее трудоустройство и смену студенческой визы на разрешение на работу?	3	0
Студенты могут работать по схеме частичного трудоустройства (совмещая с обучением)?	5	0
В миграционной политике страны официально существует квота на иностранных трудовых мигрантов?	0	2
Жители других стран ЕС, работающие в анализируемой стране, обязаны пройти регистрацию и получить разрешение на работу?	0	3
В миграционной политике страны официально существует квота на иностранных трудовых мигрантов, не жителей стран ЕС, временно находящихся на территории других стран — членов ЕС?	0	2
В миграционной политике страны официально существует квота на иностранных мигрантов, прибывающих по программам воссоединения семей?	0	5
В миграционной политике страны официально существуют квоты на квалифицированных трудовых мигрантов?	0	5
В миграционной политике страны официально провозглашен приоритет стран происхождения трудовых мигрантов, с которыми подписаны двусторонние договоры о сотрудничестве?	0	5
Государство имеет договоры о миграционном сотрудничестве с государствами — не членами ЕС?	5	0
В стране официально существует проблема дискриминации иностранных работников?	0	10
Факт владения коммерческим предприятием (самотрудоустройство) является основанием для получения разрешения на работу?	5	0

Таблица 2

Адекватность национальной миграционной политики стран ЕС

№	Страны	Показатель адекватности национальной миграционной политики стран ЕС
1	Германия	92
2	Франция	80
3	Польша	67
4	Чехия	66
5	Ирландия	66
6	Великобритания	62
7	Латвия	59
8	Португалия	58
9	Финляндия	56
10	Люксембург	56
11	Нидерланды	56
12	Болгария	55
13	Дания	52
14	Норвегия	52
15	Италия	47
16	Турция	51
17	Мальта	49
18	Греция	46
19	Словения	46
20	Испания	46
21	Словакия	43
22	Австрия	41
23	Эстония	40
24	Литва	37
25	Венгрия	33
26	Хорватия	32
27	Кипр	32
28	Бельгия	29
29	Румыния	28
	В среднем по ЕС-28 (+Турция)	**51**

На следующем этапе исследования можно провести сравнение показателей экономического значения трудовой иммиграции с выявленными критериями адекватности миграционной политики. В табл. 3 представлены показатели экономического значения трудовой миграции и динамики ежегодного роста ВВП (как одного и важнейших критериев хозяйственного прогресса государства) в период с 2002 по 2013 год.

Таблица 3

Показатели экономического значения трудовой миграции (А) и динамики ежегодного роста ВВП (Б) в странах ЕС (+Турция) в период с 2002 по 2013 год

	Страна	2002		2004		2006		2008		2010		2013	
		А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
1	Дания	40	3,53	20	0,47	30	2,3	75	3,39	45	-0,78	65	1,39
2	Австрия	45	3,67	30	1,69	45	2,59	80	3,67	30	1,44	40	1,77
3	Ирландия	35	10,65	15	5,42	35	4,2	65	5,51	50	-2,1	55	-1
4	Италия	65	0,45	40	1,73	10	2,2	35	-1,15	10	1,72	45	-2,36
5	Финляндия	25	5,32	25	1,83	10	4,12	30	4,41	20	0,29	90	3,36
6	Кипр	40	2,09	10	4,22	10	4,13	35	3,63	35	1,3	65	-2,4
7	Греция	35	4,48	10	3,44	0	4,37	40	5,51	35	-0,25	75	-4,95
8	Хорватия	30	3,75	10	4,88	20	4,13	0	4,94	65	2,08	60	-2,27
9	Испания	35	5,05	10	2,71	30	3,26	10	4,08	55	0,89	45	-0,21
10	Германия	60	3,06	55	0,01	10	1,16	35	3,7	10	1,08	10	4,01
11	Нидерланды	60	3,94	0	0,08	25	2,24	15	3,39	20	1,8	55	1,53
12	Норвегия	0	3,25	10	1,5	25	3,96	65	2,3	25	0,07	45	0,48
13	Чехия	30	4,19	30	2,15	20	4,74	40	7,02	20	3,1	65	2,47
14	Люксембург	10	8,44	15	4,09	15	4,37	50	4,94	20	-0,73	55	3,1
15	Португалия	35	3,92	15	2,5	0	2,2	35	1,45	10	0,1	45	1,67

Окончание табл. 3

16	Мальта	5	2,81	45	-0,5	0	2,22	10	4,36	0	2,71	65	1
17	Франция	40	1,3	0	2,23	0	2,21	35	0,1	15	1,72	30	0,01
18	Словения	25	3,83	0	4,4	20	5,85	20	3,59	10	1,38	45	-2,5
19	Венгрия	25	4,51	0	4,8	10	3,9	25	0,89	5	1,26	35	-1,7
20	Эстония	30	9,7	10	6,56	0	6,34	35	10,1	10	-4,15	10	2,56
21	Румыния	10	5,03	10	9,12	20	8,72	5	7,86	30	-0,94	20	0,35
22	Болгария	0	4,7	15	6,7	20	6,5	10	6,2	25	0,4	20	0,6
23	Словакия	10	4,58	0	5,06	30	8,35	20	5,75	5	4,18	20	1,8
24	Бельгия	10	1,36	0	3,27	0	2,67	0	0,99	0	2,34	75	-0,14
25	Великобритания	0	4,36	10	2,3	0	3,17	35	2,76	10	-0,76	10	1,66
26	Турция	5	6,77	10	6,16	0	9,36	10	6,89	0	0,66	20	9,16
27	Латвия	0	6,47	20	8,68	0	12,23	0	-4,24	10	-0,34	0	5
28	Литва	20	6,86	0	7,35	10	7,84	0	2,93	0	1,33	0	3,7
29	Польша	10	4,26	0	1,44	0	5,34	0	6,23	0	5,13	10	3,88

Используя функции корреляции, можно определить, насколько рост (падение) экономической роли трудовой иммиграции в странах ЕС был обоснован ростом (падением) национального ВВП (табл. 4).

Таблица 4

Корреляция динамики экономического роста и экономического значения трудовой иммиграции в странах ЕС

№	Положительная корреляция показателей	
	Страны	Показатель корреляции динамики экономического роста и экономического значения иммиграции в странах ЕС
1	Австрия	0,784026
2	Литва	0,77129
3	Эстония	0,570459
4	Турция	0,458614
5	Словакия	0,40552
6	Дания	0,324341
7	Нидерланды	0,258408
8	Португалия	0,233983
9	Латвия	0,135021
10	Финляндия	0,060657
№	Отрицательная корреляция показателей	
	Страны	Показатель корреляции динамики экономического роста и экономического значения иммиграции в странах ЕС
11	Германия	-0,07637
12	Чехия	-0,13414
13	Великобритания	-0,13552
14	Польша	-0,1455
15	Люксембург	-0,17691
16	Норвегия	-0,22081
17	Франция	-0,29272
18	Ирландия	-0,39402
19	Болгария	-0,48583
20	Италия	-0,49804
21	Испания	-0,58006
22	Венгрия	-0,60733
23	Словения	-0,652
24	Мальта	-0,71216
25	Румыния	-0,71328
26	Греция	-0,72605
27	Бельгия	-0,77152
28	Хорватия	-0,8159
29	Кипр	-0,91219

Как видно из табл. 4, ситуация в сфере миграционной политики и миграционной динамики в странах ЕС неоднородна. В 10 государствах (1-я группа) наблюдается позитивная корреляция — рост экономического значения трудовой иммиграции был предопределен (в большей или меньшей степени) экономическим ростом. В большинстве же стран ЕС наблюдается отрицательная корреляция — экономическое значение трудовой иммиграции возрастало в годы низкого экономического роста либо даже падения валового продукта страны. У 12 стран Европейского союза зависимость между динамикой их экономического роста и экономического значения трудовой иммиграции в них (не важно, обратная или прямая) прослеживается более явно.

Можно провести сравнительный анализ показателей определенности динамики экономического значения трудовой иммиграции экономическим ростом стран Европы [7] и величиной адекватности их национальной экономической политики (табл. 5).

Таблица 5

Показатели корреляции динамики экономического роста и экономического значения иммиграции в странах ЕС (А) и адекватности миграционной политики стран ЕС (Б) в 2013 году

№	Положительная корреляция показателей		
	Страны	А	Б
1	Австрия	0,784026	41
2	Литва	0,77129	37
3	Эстония	0,570459	40
4	Турция	0,458614	51
5	Словакия	0,40552	43
6	Дания	0,324341	52
7	Нидерланды	0,258408	56
8	Португалия	0,233983	58
9	Латвия	0,135021	59
10	Финляндия	0,060657	56
	Отрицательная корреляция показателей		
№	Страны	А	Б
11	Германия	-0,07637	92
12	Чехия	-0,13414	66
13	Великобритания	-0,13552	62
14	Польша	-0,1455	67
15	Люксембург	-0,17691	56
16	Норвегия	-0,22081	52
17	Франция	-0,29272	80
18	Ирландия	-0,39402	66
19	Болгария	-0,48583	55
20	Италия	-0,49804	51
21	Испания	-0,58006	46
22	Венгрия	-0,60733	33
23	Словения	-0,652	46
24	Мальта	-0,71216	49
25	Румыния	-0,71328	28
26	Греция	-0,72605	46

Окончание табл. 5

№	Положительная корреляция показателей		
	Страны	А	Б
27	Бельгия	-0,77152	29
28	Хорватия	-0,8159	32
29	Кипр	-0,91219	32

Очевидна определенная закономерность, характеризующая поведение показателей экономического значения трудовой иммиграции в государствах ЕС в зависимости от тенденций и достижений национальной миграционной политики в них.

Таким образом, с большой долей вероятности (0,79) можно предположить, что:

— с ростом адекватности национальной миграционной политики в странах ЕС обоснованность роста экономического значения трудовой иммиграции динамикой ВВП будет сокращаться;

— сокращение адекватности национальной миграционной политики в странах ЕС ведет к росту обоснованности динамики экономического значения трудовой иммиграции изменением ВВП.

Выделенная закономерность (обоснованная статистически) позволяет:

— практически доказать экономическую эффективность адекватной миграционной политики стран Европы. Эффективная национальная миграционная политика ослабляет зависимость экономического значения трудовой иммиграции от макроэкономических показателей страны, соответственно представляет собой действенный и результативный инструмент как миграционного регулирования в частности, так и системы государственного управления экономикой в общем;

— адекватная миграционная политика, сокращая, с одной стороны, обоснованность экономического значения трудовой иммиграции динамикой макроэкономических показателей, с другой стороны, делает его более предсказуемым и регулируемым.

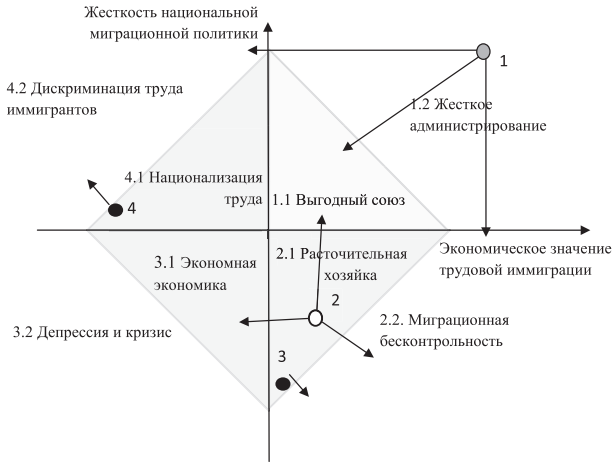


Рис. 1. Сценарии реализации национальной миграционной политики в странах ЕС

Исходя из различных вариантов сочетания степени адекватности национальной миграционной политики и экономического значения трудовой иммиграции в анализируемых странах ЕС, можно продемонстрировать возможные сценарии реализации национальной миграционной политики в условиях разнонаправленного развития макроэкономических показателей государств.

Как видно из рис. 1, можно выделить две группы возможных сценариев — мягкие (1.1, 2.1, 3.1, 4.1) и радикальные (1.2, 2.2, 3.2, 4.2). Очевидно, что первые характеризуются относительно невысоким проявлением (или отсутствием) как адекватной миграционной политики, так и экономической ролью трудовой иммиграции. Так, первый квадрант — сценарий «Взаимовыгодный союз» — реализуется при соответствии степени адекватности национальной миграционной политики естественному значению трудовой иммиграции в экономической системе страны (адекватно динамике ее экономических показателей).

С ростом экономического значения трудовой иммиграции (при сохранении предыдущего уровня жесткости национальной миграционной политики) возможен переход страны к сценарию квадранта 2 — «Расточительная хозяйка», в результате реализации которого благополучные последствия экономического роста государства будут, по сути, распределяться между иностранными работниками, а хозяйственный эффект экономического прогресса — распыляться в том числе между странами — донорами трудовых мигрантов.

Сокращение экономического значения трудовой иммиграции (как естественная реакция рынка на расточительность и неэффективность) актуализирует третий сценарий развития — «Экономная экономика», в ходе реализации которого национальная экономическая система должна адаптироваться к новой структуре производства и задействования производительных сил как национального, так и иностранного происхождения.

Наконец, ужесточение национальной миграционной политики (как естественное следствие реструктуризации национального рынка труда в деле его адаптации к новым закономерностям хозяйственной динамики) будет способствовать развитию нового сценария — «Национализация рынка труда», в результате реализации которого станет расти жесткость государственного регулирования процессов трудовой миграции при сохранении невысокого уровня экономического значения трудовой иммиграции в стране.

При рассмотрении союза государств (каковым является ЕС) становится очевидным, что унификация миграционных правил не будет панацеей в деле модернизации региональной миграционной политики, не выровняет позиции столь отличающихся друг от друга государств и не устранит региональные проблемы, связанные с эффективностью регулирования миграционных процессов.

На рис. 2 отмечено положение в системе координат возможных четырех сценариев развития миграционной динамики всех 28 государств ЕС (+Турция). Для составления графика были использованы данные оценки степени адекватности миграционной политики стран Европы и экономической роли трудовой миграции в странах ЕС (+Турция).

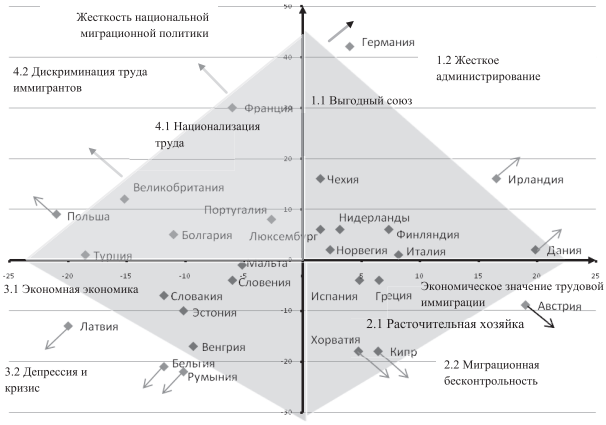


Рис. 2. Сценарии реализации национальной миграционной политики в странах ЕС

Выводы

Итак, из рис. 2 видно, что никакой гомогенности и взаимоидентичности среди стран — членов ЕС совершенно нет: государства одновременно находятся во всех восьми возможных сценариях — и радикальных, и относительно мягких.

Очевидно, что унификация миграционной политики, например Норвегии и Болгарии, не поставит эти государства не только в одну позицию на данной системе координат, но и даже в зону реализации идентичного миграционного сценария! В то же время унификация экономического значения трудовой иммиграции даже в рамках ЕС-28 также не представляется возможной ввиду сохранения существенных различий в уровне, структуре национальных народно-хозяйственных систем, производительности труда и прочих макроэкономических критериев. Можно лишь сделать вывод о том, что страны — члены ЕС должны в максимальной степени соотносить направления, инструменты и динамику модернизации собственной национальной системы миграционного регулирования с динамикой (в том числе прогнозной, плановой) экономического значения трудовой иммиграции (эмиграции) в своих хозяйственных системах с одной-единственной целью — недопущения перехода страны в зону реализации радикальных сценариев развития трудовой миграции.

Как следует из рис. 2, Франция, Великобритания и Польша рискуют оказаться в радикальном сценарии дискриминации труда иностранных мигрантов, Германия, Ирландия и Дания — практически в сфере реализации сценария тотального администрирования, Австрия и Кипр близки к миграционной бесконтрольности, а Бельгия, Латвия и Румыния перешли в депрессивную и кризисную фазу, характеризующуюся низким качеством и адекватностью национальной миграционной политики.

Относительно равновесные позиции сохраняют страны Южной и Северной Европы, а также некоторые новички Европейского союза (Мальта, Словения, Словакия, Эстония).

Проведенное исследование миграционной динамики и особенностей формирования и реализации миграционной политики в странах Европейского союза продемонстрировало не только гетерогенность последнего (что актуализирует проблемы внутрирегиональной трудовой миграции и одновременно повышает научно-практическую значимость изучения вопросов формирования и развития наднациональной инфраструктуры миграционного регулирования в ЕС как уникального экономико-социального проекта), но и сложность взаимоувязки политических и экономических инструментов регулирования миграционной динамики, переориентации в системе координат и приоритетов (национальная или региональная самодостаточность, экономическая безопасность или культурная идентичность).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кабанов В. Н. Экономика труда в докторских диссертациях 2007—2010 годов (Обзор авторефератов диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук по специальности 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (08 Экономика труда)) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 2 (12). С. 10—18.

2. Комаров О. К., Плохова В. Н. Информационно-аналитическая инфраструктура рынка труда как инструмент воздействия на миграционные потоки региона // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3 (20). С. 178—182.

3. Global economy urbanization and urban economies globalization: forms, factors, results. In collective monograph: Urbanization and Migration as Factors Affecting Global Economic Development / ed. by Ushakov D. S. / Chich-Jen Shieh, D. S. Ushakov, IGL press, USA, 2014. 330 p.

4. Labour shortages and migration policy. Migration Policy Institute Economist Intelligence Unit 2009 Estimating potential labour shortage and supply in the European Economic Area. A report for Home Office Advisory Committee [Электронный ресурс]. URL: http://www-publications.iom.int/bookstore/ (дата обращения: 09.02.2015).

5. Labour shortages and migration policy. Estruch-Puertas, E. and M. Zupi 2009 Assessment of data sources and methodology development for measuring foreign labour requirements in the Russian Federation [Электронный ресурс]. URL: http://www-publications.iom.int/bookstore/ (дата обращения: 27.02.2015).

6. International Migration Outlook 2013. Employment, unemployment and participation rates by region of birth in selected OECD ... Nell'ambito dell'iniziativa è stato presentato anche il Rapporto SOPEMI Italia 2012—2013 (Sistema ... 10 INTERNATIONAL MIGRATION OUTLOOK 2013 © OECD 2013 International... [Электронный ресурс]. URL: http://www-publications.iom.int/bookstore/ (дата обращения: 03.03.2015).

7. Солод Т. В. Пути обеспечения промышленной безопасности: мировой, национальный и региональный аспекты // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 128—131.

REFERENCES

1. Kabanov V. N. Labor economics in doctor's degree thesis of 2007—2010 (survey of the dissertation abstracts on competition for scientific degree of the doctor of economics, specialty 08.00.05 Economics and management of the national economy (08 Labor economics)) // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2010. № 2 (12). P. 10—18.

2. Komarov O. K., Plokhova V. N. Information-analytical infrastructure of the labor markets as the tool of effecting migration streams of the region // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 3 (20). P. 178—182.

3. Global economy urbanization and urban economies globalization: forms, factors, results. In collective monograph: Urbanization and Migration as Factors Affecting Global Economic Development / ed. by Ushakov D. S. / Chich-Jen Shieh, D. S. Ushakov, IGL press, USA, 2014. 330 p.

4. Labor shortages and migration policy. Migration Policy Institute Economist Intelligence Unit 2009 Estimating potential labor shortage and supply in the European Economic Area. A report for Home Office Advisory Committee [Electronic resource]. URL: http://www-publications.iom.int/bookstore/ (date of viewing: 09.02.2015).

5. Labor shortages and migration policy. Estruch-Puertas, E. and M. Zupi 2009 Assessment of data sources and methodology development for measuring foreign labour requirements in the Russian Federation [Electronic resource]. URL: http://www-publications.iom.int/bookstore/ (date of viewing: 27.02.2015).

6. International Migration Outlook 2013. Employment, unemployment and participation rates by region of birth in selected OECD ... Nell'ambito dell'iniziativa è stato presentato anche il Rapporto SOPEMI Italia 2012—2013 (Sistema ... 10 INTERNATIONAL MIGRATION OUTLOOK 2013 © OECD 2013 International... [Electronic resource]. URL: http://www-publications.iom.int/bookstore/ (date of viewing: 03.03.2015).

7. Solod T. V. Ways of ensuring industrial safety: world, national and regional aspects // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 3 (28). P. 128—131.

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
12.00.00 LAW SCIENCES

УДК 347.235.1+349.412.24
ББК 67.407.11

Ryzhenkov Anatoly Yakovlevich,
doctor of law, professor,
professor of the department of civil law
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: 4077778@list.ru

Рыженков Анатолий Яковлевич,
д-р юрид. наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: 4077778@list.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ABOUT SOME ISSUES OF WITHDRAWAL OF LAND PLOTS FOR THE STATE AND MUNICIPAL NEEDS IN RUSSIA: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

В статье делается вывод о том, что признание права частной собственности «священным и неприкосновенным» сыграло свою положительную роль в истории, однако современная модель гарантий прав частных собственников не исключает принудительного изъятия такого имущества для нужд государства и общества. Рассматривая законодательство, научную доктрину и судебную практику по вопросам изъятия земельных участков, автор аргументирует вывод о том, что наряду с публичными (государственными и муниципальными) объективно существуют и частно-публичные нужды, направленные на реализацию интересов не всего общества, а лишь одной его части. В результате предоставление ряду коммерческих юридических лиц с государственным участием полномочий по участию в процедурах изъятия частных земельных участков нередко приводит к социальной напряженности, поскольку общество зачастую воспринимает случаи изъятия у граждан-собственников земельных участков как несправедливые.

The article makes conclusion that recognition of the private property right as sacred and untouchable played its positive role in the history; however, the modern model of guarantees of the private owners rights does not exclude compulsory withdrawal of such property for the state and public needs. Based on examination of legislation, scientific doctrine and the court practice on the issues of land plots withdrawal, the author reasons conclusion that together with public (state and municipal) needs the public-private needs exist aimed at implementation of the interests of the part of the society rather than the entire one. Providing authorities for participation in the private land plots withdrawal to some commercial legal entities with public participation sometimes results to social tension as the society often recognize the cases of withdrawal of land plots from the private owners as unfair.

Ключевые слова: право собственности, изъятие земельных участков, частные и публичные нужды, гарантии прав собственников, ценностный подход к праву, земельный интерес, выкуп, городские власти, жилые дома, публичные слушания, аварийные дома.

Keywords: property right, seizure of land, private and public needs, guarantees of the owners' rights, valuable approach to the right, land interest, repayment, city authorities, residential buildings, public hearings, failing houses.

Процедура изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд является неизбежной частью законодательств подавляющего большинства стран мира. Это своего рода плата за прогресс — появление железных дорог, водопровода, канализации и других средств обеспечения комфорта и благосостояния граждан обусловило и «обратную сторону медали»: за все надо платить, в том числе прекращением права собственности.

Поиск путей цивилизованного решения вопроса о балансе частных и публичных интересов ведется уже много столетий. Однако представляется, что кроме вопросов законодательной техники и правоприменения в данной проблеме есть и еще один малоисследованный аспект — аксиологический (ценностный), делающий акцент не только на технических вопросах расчета компенсаций или процедурных действий должностных лиц органов власти (при всей безусловной важности последних), но и на защите прав и законных интересов простых граждан, путях снижения давления государства на их жизнь и имущество, на поиске путей повышения гарантированности их прав на земельные участки и объекты недвижимости, разработке новых подходов к механизму расчета компенсаций за изъятое у них недвижимое имущество.

В основе таких исследований лежит категория «интерес». Одно из наиболее удачных определений интереса сформулировал Р. Иеринг, считавший, что интерес есть материальное основание права, а основным его предназначением является уравнивание интересов в обществе и нахождение баланса между ними [1]. Однако грань между частным и публичным интересом является весьма условной. Классики цивилистики еще в XIX веке отмечали, что «в действительности область приватного, частного интереса не отделяется резкой чертой от общественного, публичного; но если бы когда-нибудь такое отделение и могло состояться, оно принесло бы совсем не те плоды, какие ожидаются, а напротив, сделало бы част-

ную жизнь и приватные юридические отношения несносными и невозможными» [2]. С указанным подходом о невозможности резкого отграничения частных от публичных интересов следует согласиться, поскольку любой публичный земельный интерес есть совокупность частных интересов (интересов граждан и их объединений, проживающих в определенной местности). Между тем различные объединения граждан могут иметь разные общественные (совокупность частных) интересы и формироваться по территориальному признаку (улица, район в городе) или предметному (строительство школы, стадиона, торгового центра и др.).

При таком подходе можно провести разграничение публичного интереса, в реализации которого объективно заинтересованы все жители данной местности (например, строительство больничного комплекса, автомобильной магистрали и т. д.), и общественного интереса (интереса отдельных общественных групп), причем интересы таких групп могут противоречить друг другу, частным интересам (интересам отдельных граждан), а также государственному (муниципальному) интересу. Например, одна группа граждан может хотеть построить в городском квартале казино, другая — мечеть, а третья — торговый комплекс с парковкой. И тогда возникает вопрос о справедливости прекращения прав на землю одних лиц с целью ее передачи другим.

Типичным примером конфликта частного и публичного интересов явилась реконструкция центральной части города Краснодара, решение о которой было принято в 2006 году. Изучение этого вопроса подвигло многих российских ученых задаться вопросом: а является ли это муниципальными нуждами? Они отмечали, что «надо обладать большой фантазией, чтобы предположить, что 10 февраля 2006 года возникла потребность именно для обеспечения муниципальных нужд <…> изъять земельные участки и снести 58 тысяч одноэтажных домов, расположенных на общей площади около двух тысяч гектаров в центральной части города Краснодара». При этом выкупать земельные участки для муниципальных нужд должны были муниципальные образования, а не частные инвесторы, определенные в результате отбора для осуществления реконструкции центральной части города Краснодара [3].

Относительно вопроса об отнесении к муниципальным нуждам реконструкции центра Краснодара замечу, что в момент ее проведения ответ был однозначно отрицательным. В свете действующего законодательства (ст. 56.3 Земельного кодекса) в число публичных нужд включен снос аварийного многоквартирного дома со строительством на этом месте современных жилых зданий, однако массовый снос индивидуальных жилых домов и сейчас не предусмотрен действующим законодательством. В случае же строительства на месте ветхих и аварийных многоквартирных домов новых объектов жилой застройки имеет место типичный случай частно-публичных интересов.

Представляется, что необходимо различать частные (индивидуальные и общественных групп) и публичные интересы (государственные и муниципальные). При этом частный интерес может удовлетворяться путем установления частного сервитута, но не путем изъятия земельного участка. Публичный (государственный и муниципальный) интерес может быть реализован как посредством установления публичного сервитута, так и путем изъятия земельного участка для публичных нужд. Промежуточную позицию занимает частно-публичный интерес, носителями которого в России являются некоторые коммерческие юридические лица с государственным участием. Такие юридические лица выполняют определенную публичную функцию, и потому некоторые из них наделены правом участвовать в процедурах по изъятию за выкуп земельного участка для публичных нужд. В результате у них возникает право собственности на изъятые участки и построенные там объекты.

В связи с этим возникает вопрос о правильном понимании категории «государственные и муниципальные нужды». В ст. 49 ЗК РФ упоминается перечень случаев, когда земельные участки могут быть изъяты у частных собственников для государственных или муниципальных нужд. В их числе выполнение международных договоров РФ; строительство, реконструкция таких объектов государственного (или местного) значения (при отсутствии других возможных вариантов строительства и реконструкции этих объектов), как объекты федеральных энергетических систем и объекты энергетических систем регионального значения; объекты использования атомной энергии; объекты обороны страны и безопасности государства; объекты федерального транспорта и связи и т. д. Перечень объектов не является исчерпывающим, поскольку в данной статье упоминаются и «иные основания».

Под публичными нуждами обычно предлагается понимать потребности Российской Федерации, ее субъектов и муниципалитетов в имуществе граждан и юридических лиц, выражающие общий интерес и связанные с защитой основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, в обеспечении обороны и безопасности, удовлетворение которых невозможно иначе, как путем принудительного прекращения права частной собственности, примерный перечень которых содержится в федеральном законе, при соблюдении баланса частных и публичных интересов [4].

Представляется, что данное понимание носит слишком узкий характер, поскольку перечень государственных и муниципальных нужд намного шире, что следует из ст. 49 ЗК РФ (тем более что приведенный там перечень может быть расширен федеральными законами). Вместе с тем закрепленное в законе и подтвержденное в судебной практике понимание «исключительности» публичных нужд делает невозможным перераспределение земельных участков в целях простого увеличения сбора налогов с определенной территории.

Именно такой позиции обычно придерживаются российские суды. Так, арбитражный суд признал недействительным постановление органа местного самоуправления об изъятии земельных участков для муниципальных нужд, поскольку каких-либо документов, свидетельствующих об исключительной необходимости размещения объектов именно на спорном земельном участке, не представлено. Из материалов дела видно, что земельный участок сельскохозяйственного назначения предполагалось изъять у закрытого акционерного общества для размещения на нем объектов для развития минерально-сырьевой базы для предприятий местной промышленности и для реализации инвестиционных проектов «Завод по производству керамических изделий» и «Автоцентр грузовых автомобилей ISUZU и FIAT». Как было отмечено в судебном решении, Земельный кодекс России не предусматривает изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд в целях привлечения инвесторов для пополнения бюджета муниципального района и создания новых рабочих мест. Поэтому в данном случае у местных властей отсутствовали законные основания для изъятия земельного участка [5].

Учитывая неоднократность попыток изъятия земельных участков у одних частных лиц с последующей их передачей другим частным лицам, необходимо выяснить правомерность самой постановки подобного вопроса. Многие российские ученые полагают, что отсутствие в законодательстве четкого определения государственных или муниципальных нужд позволяет трактовать их в ущерб частным собственникам. Зачастую они могут включать не только публичные потребности, но и частно-хозяйственные интересы органов власти как обычных собственников. Поэтому необходимо установить более жесткие критерии понятия «общеполезные интересы» [6].

Другие авторы предлагают использовать термин «общественные нужды», поскольку понятие «государственные и муниципальные нужды» не всегда совпадает с действительными потребностями общества. Они считают, что строительство дорог, разработка месторождений полезных ископаемых и тому подобные мероприятия довольно часто осуществляются не государственными, а коммерческими организациями, в связи с чем вряд ли данные случаи правомерно подпадают под понятие «государственные нужды» [7].

Действительно, предлагаемый термин получил большое распространение в законодательстве многих стран мира. В Испании изъятие земельного участка возможно, только если того требуют «общественная целесообразность или социальные интересы», в Швеции — «важные общественные интересы», в Италии — «общие интересы», в Португалии — «общественные интересы», в Германии — цели «общего блага», в США — «общественно полезные цели» [8].

С данным предложением в целом следует согласиться. Применительно же к российским условиям заметим, что наряду с частными и публичными нуждами объективно существует косвенно упоминаемая в российском законодательстве (но прямо не поименованная) возможность изъятия земельных участков по инициативе ряда юридических лиц для строительства объектов, выполняющих публичные функции, которые мы предлагаем именовать «частно-публичные объекты». К их числу относятся спортивные стадионы, гостиницы, элитные жилые комплексы и т. д. Возможность изъятия земельных участков для такого строительства сегодня носит ограниченный характер.

Отсутствие понимания четкой грани между публичными и частными нуждами влечет появление достаточно распространенной позиции о полной невозможности изъятия земельных участков для публичных нужд с последующей передачей их в собственность (аренду) частным лицам, реализующим в своей деятельности отдельные публичные (общественные) задачи.

Так, в одном из судебных решений отмечалось, что изъятие участков со ссылкой на государственные и муниципальные нужды для предоставления их другим лицам под строительство ст. 49 Земельного кодекса РФ не допускается [9]. О. И. Крассов полагает, что земельный участок не может быть изъят для частных нужд, а значит, частная земельная собственность может быть изъята для использования ее только государством или муниципальными образованиями. Частная собственность может быть трансформирована только в государственную или муниципальную. Соответственно использовать ее могут только государственные или муниципальные организации [10].

Напротив, другие ученые считают, что местные органы при осуществлении резервирования для муниципальных нужд вправе предусмотреть строительство не только объекта муниципальной собственности или объекта для использования его в соответствии с функциями местного самоуправления, но и некоторых иных, строящихся для частных нужд [11]. Уго Маттеи справедливо отмечает, что на современном этапе общее благо подразумевает интересы не только всего государства, но и отдельных его органов и даже частных фирм, осуществляющих свою деятельность в интересах общества. В результате законодатель может допускать изъятие имущества у одного частного собственника с последующей его передачей не в публичную, а в частную собственность другого лица для использования в общественных интересах [12].

Я разделяю подобную позицию, учитывая, что в современном мире процесс перераспределения пространственно ограниченных земельных ресурсов является неизбежным. Поэтому задача права не «идти в хвосте» объективных процессов модернизации городской застройки, а задавать цели и стимулы развития этих процессов с гарантированием прав собственников.

Однако поддерживая возможность принудительного изъятия земельных участков у частных лиц с последующим их использованием коммерческими юридическими лицами в общественных интересах, мы полагаем обязательным соблюдение критериев баланса частных и публичных интересов, основанных на понимании права как инструмента обеспечения справедливости. В этом плане хороший критерий предлагается Европейским судом по правам человека. Так, в постановлении по делу «Гладышева против Российской Федерации» (жалоба № 7097/10) от 6 декабря 2011 года суд отмечал, что любое вмешательство в собственность должно не только быть законным и иметь законную цель, но и удовлетворять требованию пропорциональности. Суд указал, что должен быть установлен справедливый баланс между потребностями, вытекающими из общих интересов общества, и необходимостью защиты основных прав человека, и стремление к такому справедливому балансу характерно для всей Конвенции. Необходимый баланс не будет достигнут, если заинтересованное лицо несет индивидуальное и чрезмерное бремя. Поиск четких критериев «пропорционального вмешательства» в частные дела требует разработки и новых гарантий прав собственников недвижимости.

Итак, что же следует понимать под публичными (государственными и муниципальными) нуждами с учетом оценочного характера этой категории?

Публичные нужды — это предусмотренные федеральными законами потребности населения России (региона, муниципалитета), обеспечение которых невозможно без изъятия земельных участков за справедливую компенсацию у частных лиц в собственность Российской Федерации, ее субъектов и муниципалитетов с последующим их использованием для размещения объектов инфраструктуры, обороны и безопасности, энергетики, особо охраняемых природных территорий, выполнения международных договоров и т. д.

Частно-публичные нужды — это предусмотренные федеральными законами потребности ряда общественных групп в недропользовании, строительстве объектов здравоохранения, образования, спорта, жилых домов и иных подобных объектов, обеспечиваемые коммерческими юридическими лицами с государственным участием посредством принудительного изъятия земельных участков у частных лиц и при условии соблюдения гарантий их прав.

В свете последних изменений в Земельном кодексе появилось не существовавшее ранее право специально ого-

воренных в законе коммерческих организаций принимать участие в процедурах принудительного изъятия за выкуп земельных участков для государственных нужд. В ЗК РФ упоминаются три типа таких организаций: субъекты естественных монополий; юридические лица, имеющие лицензию на осуществление деятельности, для обеспечения которой ст. 49 ЗК РФ предусматривает изъятие земельных участков; недропользователи (п. 1 ст. 56.4 ЗК РФ). Их полномочия заключаются, в частности, в том, что они вправе самостоятельно обращаться в суд с иском о принудительном изъятии земельного участка и расположенных на нем объектов недвижимости, если по истечении 90 дней со дня получения правообладателем изымаемой недвижимости проекта соглашения об ее изъятии им не представлено подписанное соглашение об изъятии недвижимости. Если же решение об изъятии принято на основании ходатайства Государственной компании «Российские автомобильные дороги», то соглашение об изъятии недвижимости заключается от имени Российской Федерации указанной государственной компанией, а подписание такого соглашения со стороны федерального органа исполнительной власти не требуется. С момента прекращения права частной собственности на изымаемые участки и расположенные на них объекты недвижимого имущества на них возникает право собственности Российской Федерации, субъекта РФ, муниципалитета или организации, которая подала ходатайство об изъятии, на основании которого принято решение об изъятии такого земельного участка и расположенных на нем объектов недвижимого имущества (ст. 56.2—56.11 ЗК РФ).

Из приведенного небольшого обзора следует снижение гарантий права частной собственности на землю и появление возможности коммерческих юридических лиц (пусть даже с государственным участием) принимать активное участие в изъятии у частных собственников земельных участков с переходом их в частную собственность таких коммерческих организаций.

Представляется, что существует необходимость разработки доктринальной концепции баланса частных и публичных интересов, отвечающей критериям справедливости, целесообразности и обоснованности и содержащей необходимый механизм гарантий земельных прав граждан и их объединений:

1) вмешательство в права собственников в целях их ограничения или прекращения должно носить пропорциональный характер. Для реализации этого необходимо различать публичные и частно-публичные интересы:

— закрепить исчерпывающий перечень оснований изъятия земельных участков для публичных нужд. В него должны войти размещение объектов обороны и безопасности, инфраструктурные нужды (линейные объекты: электрические и иные сети, объекты связи, автомобильные и железные дороги, трубопроводы), космические объекты, объекты энергетики, выполнение международных договоров, создание особо охраняемых природных территорий (заповедников, национальных парков и др.). Расширение этого перечня должно допускаться только путем изменения самого закона (ст. 49 ЗК РФ);

— в свою очередь, список частно-публичных нужд не должен быть исчерпывающим, однако необходимо четко определить его примерные параметры. В него следует включить снос ветхого и аварийного жилья и строительство на их месте современных домов (по договору о развитии застроенных территорий, ст. 46.2 Градостроительного кодекса); строительство спортивных объектов; недропользование; строительство частных автомобильных дорог и больниц и т. д. Главный критерий отличия публичных и частно-публичных объектов — степень их общеполезности (в интересах всех граждан, если это дороги или электрические сети; в интересах части граждан, если это стадионы); цель использования (опосредованное получение прибыли (электросети) или отсутствие такой цели вообще (военные объекты) — для публичных нужд; непосредственно получение прибыли — для нужд частно-публичных); форма собственности, в которую переходит участок,— государственная или муниципальная (для публичных нужд); частная собственность (для частно-публичных нужд). Другими словами, критерий заключается в том, что при изъятии земельного участка для публичных нужд он передается в государственную (муниципальную) собственность и его используют юридические лица на праве постоянного (бессрочного) пользования (например, учреждения или федеральные казенные предприятия). Для использования в частно-публичных целях участок передается в собственность коммерческому юридическому лицу с государственным участием. Однако это факультативный критерий, так как в обоих случаях возможна и аренда изъятого участка.

При этом субъектом отношений в сфере изъятия земельных участков для частно-публичных нужд может быть не любое коммерческое юридическое лицо, а только юридическое лицо с государственным участием (типичным примером которого является открытое акционерное общество «Российские железные дороги», доля принадлежащих Российской Федерации акций в общем количестве акций этого общества составляет 100 процентов);

2) обязательное наличие в муниципальном образовании документов территориального планирования (генеральный план), правил землепользования и застройки и проектов планировки территорий. Кроме того, обязательным условием должно стать обязательное наличие региональных и местных нормативов градостроительного проектирования. Суть, например, местных нормативов заключается в том, что они устанавливают совокупность расчетных показателей минимально допустимого уровня обеспеченности местного населения объектами электро-, тепло-, газо- и водоснабжения, водоотведения; автомобильными дорогами местного значения; объектами физической культуры и массового спорта, образования, здравоохранения; объектами размещения твердых коммунальных отходов, а также объектами благоустройства территории. Кроме того, они содержат и расчетные показатели максимально допустимого уровня территориальной доступности таких объектов для населения муниципального образования (поселения, городского округа).

Данный документ должен не просто быть опубликован и размещен в сети Интернет, но и пройти процедуру публичных слушаний, которая на сегодняшний день не предусмотрена ст. 29.4 Градостроительного кодекса.

Появление и обсуждение с населением муниципального образования планируемых в будущем к постройке объектов муниципального значения позволит повысить информированность граждан о планах властей, снизив остроту потенциальных социальных конфликтов между властью и обществом. Результаты публичных слушаний должны носить обязательный характер;

3) при изъятии земельных участков как для публичных, так и частно-публичных нужд необходимо не только наличие всего пакета утвержденной градостроительной документации (о чем было сказано выше), но и наличие доказательств, что этот объект нельзя разместить в другом месте,

а также исключительной необходимости самого объекта такого строительства на изымаемом участке в интересах местного населения.

Подводя итоги, следует отметить, что признание права частной собственности «священным и неприкосновенным» сыграло свою положительную роль в истории, однако современная модель гарантий прав частных собственников не исключает принудительного изъятия такого имущества для нужд государства и общества. Анализируя существующее в России законодательство, научную доктрину и судебную практику по вопросам изъятия у собственников за выкуп земельных участков, следует сделать вывод о том, что наряду с публичными (государственными и муниципальными) объективно существуют и частно-публичные нужды, направленные на реализацию интересов не всего общества, а только лишь одной его определенной части (например, любителей спорта при строительстве стадиона).

Существует ряд возможных направлений преодоления существующих проблем в рассматриваемой сфере, сильно выходящих за рамки собственно права. В экономической их части следует совершенствовать формулу расчета выкупной цены, в правовой части — менять как федеральное законодательство, так и расширять права и полномочия субъектов Федерации по решению вопросов приобретения и прекращения права собственности с учетом местных условий и традиций. В философском плане следует продолжить изучение мировоззрения населения и его реакций на те или иные решения правительства, затрагивающие права собственников земельных участков.

Главный же наш вывод по этой проблеме состоит в необходимости развития ценностного подхода к правовым аспектам прекращения прав собственников при изъятии их земельных участков для публичных или частно-публичных нужд. Только тогда удастся реализовать идеал Иммануила Канта, считавшего, что «право — это самое святое, что есть у Бога на земле» [13].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991. 64 с.

2. Кавелин К. Д. Избранные произведения по гражданскому праву. М., 2003. 722 с.

3. Камышанский В. П. Реконструкция Краснодара: законность и целесообразность (проблемы соотношения): учеб. пособие. Краснодар, 2006. 125 с.

4. Алтенгова О. Л. Принудительное прекращение права собственности на недвижимое имущество: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. 197 с.

5. Постановление ФАС Поволжского округа от 15.06.2009 по делу № А 65-19967/2008 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 24.04.2015).

6. Тужилова-Орданская Е. М. Современное состояние и тенденции развития российского частного права: мат. заоч. конф. Уфа, 2008. 350 с.

7. Сыродоев Н. А. Возникновение прав на землю // Государство и право. 2004. № 10. С. 65—72.

8. Дихтяр А. И., Клейменова Е. С. Изъятие (выкуп) земельного участка для государственных и муниципальных нужд: вопросы теории и практики // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 24.04.2015).

9. Постановление ФАС Московского округа от 26 мая 2004 года № КА-А40/3912-04.

10. Крассов О. И. Право частной собственности на землю. М., 2000. 379 с.

11. Завьялов А. А. Государственное управление оборотом недвижимого имущества. Тенденции и перспективы. М., 2007. 248 с.

12. Маттеи У., Суханов Е. А. Основные положения права собственности. М., 1999. 384 с.

13. Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху: монография. 2-е изд. М., 2013. 447 с.

REFERENCES

1. Iyering R. Fight for the right. M., 1991. 64 p.

2. Kavelin K. D. Selected works on civil law. M., 2003. 722 p.

3. Kamyshansky V. P. Reconstruction of Krasnodar: legality and expediency (issues of ratio): textbook. Krasnodar, 2006. 125 p.

4. Altengova O. L. Compulsory termination of the property right to real estate: dfissertation of the candidate of law. Volgograd, 2012. 197 p.

5. Decree of the Federal Antimonopoly Service of Povolzhsky Federal District as of 15.06.2009 on the case № A 65-19967/2008 // The ConsultantPlus [Electronic resource] (date of viewing: 24.04.2015).

6. Tuzhilova-Ordanskaya E. M. Current state and tendencies of development of the Russian private law: materials of the correspondent conference. Ufa, 2008. 350 p.

7. Syrodoyev N. A. Emergence of the rights for the earth // State and law. 2004. № 10. P. 65—72.

8. Dikhtyar A. I., Kleymenova E. S. Withdrawal (repayment) of the land plot for the state and municipal needs: issues of the theory and practice // ConsultantPlus [Electronic resource] (date of viewing: 24.04.2015).

9. Decree of the Federal Antimonopoly Service of the Moscow region as of May 26, 2004 № KA-A40/3912-04.

10. Krassov O. I. Private ownership right to the earth. M., 2000. 379 p.

11. Zavyalov A. A. Public administration of the real estate turnover. Trends and prospects. M., 2007. 248 p.

12. Matei U., Sukhanov E. A. Basic provisions of the property right. M., 1999. 384 p.

13. Alekseev S. S. The most sacred that God has on the earth. Immanuel Kant and issues of right at the present period: monograph. 2nd edition. M, 2013. 447 p.

УДК 343.4
ББК 67.408

Kalyuzhniy Alexander Nikolaevich,
candidate of law, associate professor,
assistant professor of the department
of criminal proceedings
of the Academy of the Federal Protective Service,
Orel,
e-mail: kaluzniy-a-n@yandex.ru

Калюжный Александр Николаевич,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Академии Федеральной службы охраны
Российской Федерации,
г. Орел,
e-mail: kaluzniy-a-n@yandex.ru

Karpushkin Oleg Sergeyevich,
candidate of law,
associate professor of the department of criminology
of the Academy of the Federal Protective Service,
Orel,
e-mail: kaluzniy-a-n@yandex.ru

Карпушкин Олег Сергеевич,
канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики
Академии Федеральной службы охраны
Российской Федерации,
г. Орел,
e-mail: kaluzniy-a-n@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАПРАВЛЕННОЙ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ

THEORETICAL MODEL OF CONCEALMENT OF CRIMINAL ACTIVITIES RELATIVE TO THE HUMAN FREEDOM

В статье рассматривается теоретическая модель способов сокрытия преступных посягательств, направленных на свободу личности, обосновываются ее содержательные элементы, характеризуются противоправные действия виновных, направленные на уничтожение следов преступной деятельности, раскрываются наиболее типичные приемы маскировки преступлений, посягающих на свободу личности и инсценировок под легальную деятельность, проводится классификация способов сокрытия указанных преступлений, анализируются формы воспрепятствования расследованию деятельности преступников в рассматриваемой сфере, определяется значение предложенной модели сокрытия рассматриваемых деяний для практики раскрытия и расследования преступлений, делаются выводы по проблеме.

The article discusses the theoretical model of the ways of concealment of criminal attacks aimed at the human freedom; the model substantial elements are justified; illegal actions of guilty persons for eliminating traces of criminal activity are characterized; the most typical methods of masking crimes that attack the human freedom, as well as adaptation for legal activity are revealed; classification of the methods of concealment of such crimes is provided; the forms of obstruction to investigation of the criminals activity in the area under consideration is analyzed; the value of the proposed model of crime concealment is determined for crime solution and investigations; conclusions on the issue are made.

Ключевые слова: преступная деятельность, общественно опасные деяния, следы преступления, уничтожение следов преступления, способ преступления, сокрытие преступной деятельности, маскировка, инсценировка, свобода личности, посягательства на свободу личности, противодействие расследованию, теоретическая модель.

Keywords: criminal activity, socially dangerous actions, traces of the crime, destruction of the crime traces, crime method, concealing of criminal activity, masking, adaptation, individual freedom, attacks on the individual freedom, counteraction to investigation, theoretical model.

Конституция Российской Федерации провозглашает Россию демократическим государством и закрепляет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, обязанность соблюдения и защиты которой возложена на государство. Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и правосудия.

В настоящее время значительное распространение получили общественно опасные деяния, посягающие на свободу личности, анализ практики выявления и раскрытия которых показывает, что их количество не снижается [1, с. 16]. Сложность выявления и раскрытия посягательств на свободу личности обусловлена и применением преступниками все более изощренных средств и методов противодействия правоохранительным органам, в силу чего возрастает роль научных рекомендаций, составным элементом которых выступают обоснованные данные о способах сокрытия рассматриваемых преступлений.

Проведенное нами исследование посягательств на свободу личности позволило выявить теоретическую модель, характеризующую абстрактное отображение способов сокрытия преступлений, которая содержательно наполнена следующими наиболее значимыми элементами:

а) уничтожение следов преступления;

б) сокрытие факта преступления и участия в нем;

в) воспрепятствование раскрытию и расследованию преступлений [2, с. 23; 3, с. 27].

Охарактеризуем содержание каждого из них. Итак, уничтожение следов преступления представляет собой умышленную активную деятельность преступников по разрушению, прекращению существования, ликвидации отрицательных явлений, прямым или косвенным образом свидетельствующих о совершении преступления. Мы понимаем, что следы

преступления могут быть уничтожены и в пассивной форме, например, путем истечения определенного периода времени, вместе с тем нас будет интересовать именно преступная деятельность.

Планирование подготовительных мероприятий по уничтожению следов или недопущению их образования может осуществляться еще на стадии подготовки к совершению преступления. Например, использование при совершении похищения человека или незаконного лишения свободы перчаток, обуви, не позволяющей достоверно определить ее истинный размер, одежды, которую впоследствии предстоит уничтожить и т. п.

При незаконном использовании рабского труда или торговле людьми выезд трудоустраиваемого лица с целью маскировки следов преступной деятельности осуществляется за счет лиц, его трудоустраивающих без оформления договора. Кроме того, выезд потерпевшего за границу по поддельным документам затрудняет установление самого факта совершения преступления, что позволяет скрыть и уничтожить остальные следы преступной деятельности. Находящимся за рубежом потерпевшим выдаются поддельные паспорта граждан страны пребывания, а принадлежащие им паспорта отбираются, тем самым предотвращается возможность их обращения за помощью в полицию и другие правоохранительные структуры.

Совершая преступления, посягающие на свободу личности, преступники используют десятки телефонных номеров, маскируя следы своей противоправной деятельности, используют несколько ноутбуков для хранения необходимой информации и возможности ее быстрого уничтожения [4, с. 51].

Для предупреждения возможного попадания доказательственной информации в сферу расследования уничтожаются орудия и средства совершения анализируемых преступлений. Так, например, при незаконном помещении в психиатрический стационар уничтожаются медицинские документы, позволяющие определить причастность виновных к совершенному преступлению.

Анализ практики расследования преступлений, посягающих на свободу личности, свидетельствует, что в большинстве случаев преступники стремятся скрыть уже оставленные следы преступления, поэтому готовят фиктивные документы по своей деятельности, оказывают психологическое воздействие на лиц, обладающих определенной информацией и т. д.

Уничтожение следов совершенного преступления само по себе преступным не является, если оно совершается самим преступником, но содержит признаки состава преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ в случае совершения особо тяжких деяний лицом, не являющимся соучастником преступления.

Рассматриваемый нами элемент сокрытия преступлений, посягающих на свободу личности, теснейшим образом связан с последующим сокрытием факта преступления и участия в нем.

Сокрытие факта преступления и участия в нем представляет собой деятельность преступников по недопущению возможности изобличения себя как лиц, совершивших преступление. Реализуя свои преступные намерения, виновные не ставят в известность потерпевших и других лиц об истинных целях своей деятельности, используя приемы маскировки ее характера, а также изменения, сокрытия своей внешности (маски, накладные усы и бороды и т. п.).

Приемы маскировки применяются не только к внешности преступников, но и к средствам перевозки потерпевших, местам их незаконного удержания. Например, доставка потерпевших к местам их удержания осуществляется с завязыванием глаз, потерпевшие содержатся в местах, затрудняющих последующие указания на их нахождение и т. п. С целью затруднения установления виновных используются различные номера сотовых телефонов, содержание разговоров делается кратким. При осуществлении письменных переговоров с родственниками жертв условные места с нахождением писем постоянно меняются.

Совершение торговли людьми и использования рабского труда предполагает обязательное наличие материальных следов преступной деятельности (объявлений в средствах массовой информации, безналичных переводов денежных средств, использования телефонного или интернет-общения, регистрации юридических лиц и т. п.), что не позволяет их скрыть, в силу чего они инсценируются под правомерные. Инсценировки легальной деятельности осуществляются под видом работы туристических фирм, брачных агентств, модельного бизнеса, законной предпринимательской деятельности и др. [5, с. 133].

Сокрытие факта участия виновных в совершении преступлений осуществляется и путем создания фиктивных юридических лиц, зарегистрированных на бомжей, алкоголиков, покойных либо действующих без регистрации на основании подложных документов.

Преступные действия по эксплуатации потерпевших осуществляются, как правило, в банях, саунах, клубах и барах, массажных кабинетах и т. п., с целью рекламы деятельности которых даются двусмысленные объявления в средствах массовой информации. Различные приемы маскировки преступной деятельности применяются и при получении выездных виз, используются схемы фиктивных браков, усыновлений, инсценировки благотворительной, религиозной, выставочной и других видов деятельности.

Целями действий виновных по сокрытию факта преступления и своей причастности к ним является достижение таких результатов, которые повлияли бы на установление признаков состава преступления, позволили вынести решение об отказе в возбуждении уголовного дела, повлияли на установление объективных данных в материалах предварительной проверки по преступлению и т. п.

Изложенное позволяет подразделить деятельность преступников в анализируемой сфере на препятствующую обнаружению следов преступления (ложные показания, уничтожение следов преступления, использование при завладении потерпевшим газа и т. п.), а также препятствующую возникновению следов преступления (использование перчаток, изменение внешности, обманные действия и т. п.).

Проанализированные нами способы сокрытия фактов анализируемых преступлений и участия в них свидетельствуют, что они могут быть как преступными (создание фиктивных юридических лиц, подделки документов и др.), так и непреступными (реклама определенных услуг, подготовка бланков договоров, текстов сообщений и т. п.). Рассматриваемый элемент способа сокрытия преступлений в процессе его реализации допускает применение физического и психологического воздействия не только на потерпевших, но и на других лиц, так или иначе вовлеченных в эту сферу деятельности.

Сокрытие фактов совершения преступлений, посягающих на свободу личности, в качестве одного из элементов способов сокрытия преступлений в целом предусматрива-

ет использование оружия, предметов, применяемых в качестве оружия, поддельных документов, их уничтожение, применение насилия к потерпевшим и т. п., выступающих квалифицированными признаками способов совершения преступлений [6, с. 30]. В этом случае способ сокрытия преступлений выступает структурным элементом способа совершения рассматриваемых преступлений и полностью входит в него.

Последним элементом в структуре сокрытия преступлений, посягающих на свободу личности, является воспрепятствование раскрытию и расследованию преступлений. В современной научной литературе наиболее часто употребляется термин «противодействие расследованию», который является содержательно более широким и включает наряду с остальными все элементы способа сокрытия преступлений. Под воспрепятствованием раскрытию и расследованию преступлений необходимо понимать деятельность по недопущению проведения эффективного и объективного расследования и раскрытия противоправных деяний.

Воспрепятствование раскрытию и расследованию преступлений, посягающих на свободу личности, представляет собой активную деятельность преступников, осуществляемую по материалам возбужденного уголовного дела, но в ряде случаев противодействие начинается еще на этапе предварительной проверки сообщений о преступлениях. В связи с подготовкой к совершению большинства анализируемых нами преступлений виновные заранее разрабатывают легенду, заучиваемую всеми соучастниками и обеспечивающую им уклонение от уголовной ответственности.

Кроме того, расследованию данных преступлений не способствует деятельность виновных по оказанию физического и психологического воздействия на всех участников производства, коррупционность правоохранительных органов, слабая юридическая подготовка следственных и оперативных работников, отсутствие должного опыта борьбы с посягательствами на свободу личности.

В связи с организованностью совершения преступлений, направленных на свободу личности, часть преступников, еще не изобличенных и оставшихся на свободе, активно противодействуют расследованию, добиваются уничтожения доказательств, неустановления квалифицирующих признаков рассматриваемых преступлений, продления сроков расследования на неопределенный период, прекращения или приостановления расследования и т. п.

Процесс воспрепятствования раскрытию и расследованию преступлений, посягающих на свободу личности, характеризуется либо утаиванием объективной информации и ее носителей (недонесения информации, ее уничтожения, запугивания свидетелей и потерпевших, их подкупа, отказа от дачи показаний, невыполнения требований следователя и др.), либо уничтожением объективной информации и ее носителей (полная или частичная подделка документов, ложное алиби и др.).

Обобщение практики расследования преступлений, посягающих на свободу личности, показывает, что воспрепятствование расследованию состоит не только в воздействии на материальные следы преступления, но и на вербальные источники информации (свидетелей и потерпевших, обвиняемых и подозреваемых, специалистов, понятых, работников правосудия), а также иных лиц, которые не причастны к процессу осуществления расследования.

Таким образом, проведенный нами анализ посягательств на свободу личности позволил выявить теоретическую модель способов сокрытия преступлений, структурно состоящую из следующих элементов:

а) способы уничтожения следов преступления;

б) способы сокрытия факта преступления и участия в нем;

в) способы воспрепятствования раскрытию и расследованию преступлений.

Знание теоретической модели сокрытия следов преступной деятельности, направленной на свободу личности, позволяет эффективно выявлять и раскрывать указанные преступления, доказывать виновность лиц, причастных к их совершению, обеспечивать сбор доказательственной базы и реализовывать задачи правосудия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2014 года. М., 2015. 64 с.

2. Ермолович В. Ф. Способы и механизм преступления / под ред. д-ра юрид. наук, проф. И. И. Басецкого. Мн., 2000. 107 с.

3. Якубович О. Р. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение / под ред. А. С. Михлина. М.: ВНИИ МВД России, 2005. 544 с.

4. Овчинский В. С., Торбин Ю. Г. Противодействие торговле людьми в Российской Федерации: науч. докл. М.: Норма, 2009. 208 с.

5. Торговля людьми и легализация преступных доходов. Вопросы противодействия: науч.-практ. пособие / А. Андреани и др.; под ред. О. П. Левченко. М.: Юнити-Дана, 2009. 271 с.

6. Половка В. В. Первоначальный этап расследования похищения человека. Екатеринбург, 2007. 144 с.

REFERENCES

1. The state of criminality in Russia in January — December 2014. M., 2015. 64 p.

2. Ermolovich V. F. Methods and mechanism of crime / ed. by the doctor of law, professor I. I. Basetskiy. Minsk., 2000. 107 p.

3. Yakubovich O. R. The method of committing crime and its criminally-legal value / ed. by A. S. Mikhlin. M.: All-Russian Scientific and Research Institute of the RF Ministry of Interior Affairs, 2005. 544 p.

4. Ovchinsky V. S., Torbin Yu. G. Counteraction to human trafficking in the Russian Federation: scientific report. M.: Norma, 2009. 208 p.

5. Human trafficking and money laundering. Issues of counteractions: scientific-practical manual / A. Andreani et al.; ed. by O. P. Levchenko. M.: Unity Dana, 2009. 271 p.

6. Polovka V. V. The initial stage of investigation of kidnapping. Ekaterinburg, 2007. 144 p.

УДК 346.26:349.2
ББК 67.404.91:67.405.100

Babaytseva Elena Anatolyevna,
candidate of law, assistant professor of the department of the civil law of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: 0728676@mail.ru

Бабайцева Елена Анатольевна,
канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: 0728676@mail.ru

УЧАСТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В ТРУДОВОМ ОТНОШЕНИИ КАК ПРАВОВАЯ ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

PARTICIPATION OF THE INDIVIDUAL ENTREPRENEUR IN LABOR RELATION AS A LEGAL FORM OF IMPLEMENTATION OF BUSINESS ACTIVITY

В статье обосновывается положение о том, что участие индивидуального предпринимателя в трудовом отношении способствует реализации его конституционных прав и гражданской правоспособности на занятие предпринимательской деятельностью. Сущностью исследуемого участия являются урегулированные нормами права совместные действия индивидуального предпринимателя (работодателя) и работника, осуществляемые посредством их сотрудничества в форме устойчивой правовой связи, проявляющегося во взаимных трудовых правах и обязанностях и направленного на реализацию целей предпринимательства. Определяется структура субъективных прав и юридических обязанностей индивидуального предпринимателя как содержание трудового отношения и дается их характеристика.

The article reasons the statement that participation of the individual entrepreneur in labor relation promotes implementation of his constitutional rights and civil legal capacity for business activity. The essence of the participation under consideration is the joint actions of the individual entrepreneur (employer) and the worker settled by the law regulations carried out by means of their cooperation in the form of stable legal relation, which is presented by mutual labor rights and duties and aimed at implementation of the business goals. The structure of subjective rights and legal duties of the individual entrepreneur is determined as the content of labor relations; and their characteristic is given.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, предпринимательская деятельность, гражданская правоспособность, трудовое отношение, работник, работодатель, структура трудового отношения, субъективные права, юридические обязанности, трудовая функция.

Keywords: individual entrepreneur, business activity, civil legal capacity, labor relation, worker, employer, structure of labor relation, subjective rights, legal duties, labor function.

Актуальность темы публикации обоснована необходимостью решения государственной задачи по возобновлению социально-экономического развития страны на основе свободы предпринимательства [1]. Согласно ст. 34 Конституции РФ [2] каждый гражданин имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности. Под ней понимается деятельность по пользованию имуществом, продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, осуществляемая лицами, зарегистрированными в качестве субъекта предпринимательства в установленном законом порядке и ведущими эту деятельность самостоятельно, на свой риск, направляя ее на систематическое получение прибыли (ст. 2 Гражданского кодекса РФ — далее ГК РФ) [3].

Важность темы публикации обусловлена и тем, что свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, то есть составных элементов предпринимательской деятельности, является одной из основ конституционного строя России, а право на занятие предпринимательством — одним из элементов правоспособности гражданина.

Юридическим фактом начала предпринимательской деятельности для индивидуального предпринимателя является момент его государственной регистрации в этом качестве. Однако какими бы профессиональными навыками и умениями он ни обладал, стремительное развитие гражданского оборота, а также развитие науки, техники и нанотехнологий зачастую не позволяют ему совершенствовать и применять свои предпринимательские способности в соответствии с динамикой этого вида деятельности. В этом случае индивидуальный предприниматель может осуществлять свою деятельность посредством найма работников, обладающих различными профессиональными навыками в той или иной области человеческой деятельности. Таким образом, наряду со своей гражданской правоспособностью названный субъект предпринимательства может приобретать правовое положение и участника трудового отношения со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями.

Исследование правового положения индивидуального предпринимателя как участника вышеназванного правоотношения и является целью настоящей публикации. Для достижения поставленной цели необходимо дать определение понятию «трудовое правоотношение», определить его структуру и место индивидуального предпринимателя в ней, а также исследовать субъективные права и юридические обязанности индивидуального предпринимателя в совокупности, представляющие собой содержание трудового правоотношения.

В контексте цели публикации определим методологию проводимого исследования. Ее сущность заключается в последовательном толковании терминов, вынесенных в название публикации (участие, форма, осуществление, трудовое отношение), и их характеристике. Иными словами, методология исследования выглядит следующим образом: участие индивидуального предпринимателя в трудовом правоотношении как правовая форма осуществления предпринимательской деятельности — это урегулированные нормами права совместные действия индивидуального предпринимателя (работодателя) и работника, осуществляемые посредством их сотрудничества в форме устойчивой правовой связи, проявляющегося

во взаимных трудовых правах и обязанностях, направленного на цели предпринимательства, и закрепленные в форме трудового договора.

Последовательная характеристика вышеперечисленных элементов и является динамикой проводимого исследования.

Проведенный анализ трудового законодательства и учебной литературы по трудовому праву [4, с. 25—27] позволяет дать авторское определение понятию «трудовое отношение» в контексте проводимого исследования. Под ним понимается урегулированная нормами трудового права разновидность общественного отношения, представляющего собой устойчивую правовую связь между работником и работодателем (индивидуальным предпринимателем), проявляющуюся в их взаимных правах и обязанностях, согласно которым работник обязуется лично выполнять возложенную на него трудовую функцию с подчинением при этом правилам внутреннего трудового распорядка работодателя, а работодатель берет на себя обязательство предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, своевременно и в полном объеме выплатить ему заработную плату и обеспечить условия труда, предусмотренные источниками трудового права.

Структура трудового правоотношения представляет собой: 1) субъекты (работник и работодатель); 2) объект (личное исполнение работником трудовой функции); 3) содержание (субъективные права и юридические обязанности субъектов).

Рассмотрим подробнее содержательную часть этой структуры.

К субъектам относятся: работник — физическое лицо и работодатель — индивидуальный предприниматель. Как известно из теории права, любой субъект характеризуется соответствующей правоспособностью, то есть способностью своими действиями приобретать субъективные права и исполнять юридические обязанности. В рассматриваемом случае эти права и обязанности выступают содержанием трудового правоотношения. Правоспособность индивидуального предпринимателя как работодателя обусловлена одновременным действием норм двух отраслей права — гражданского и трудового. Иными словами, трудовая правоспособность работодателя основана на его гражданской правоспособности как субъекта предпринимательства. Согласно ч. 1 ст. 23 ГК РФ физическое лицо может осуществлять предпринимательскую деятельность без создания организации с момента его государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Следовательно, названный юридический факт является основанием для придания вышеуказанному субъекту трудовой правоспособности, предоставляющей индивидуальному предпринимателю право вступать в трудовые отношения с работниками в качестве работодателя.

Таким образом, трудовая правоспособность индивидуального предпринимателя — это его способность вступать в трудовые отношения с работником в качестве работодателя, приобретать и нести обусловленные этими действиями права и обязанности.

Объектом трудового правоотношения выступает личное исполнение работником возложенной на него трудовой функции. Поскольку эта функция представляет собой работу по должности (специальности) или конкретный вид работы, то работодатель вправе установить содержательную часть функции таким образом, чтобы ее реализация способствовала достижению целей предпринимательской деятельности. Однако в случае если исполнение трудовой функции связано с наличием для работника компенсаций, льгот, ограничений, то ее содержание должно соответствовать требованиям, установленным Трудовым кодексом РФ [5] (далее — ТК РФ) и другими нормативными правовыми актами РФ.

Иными словами, трудовое правоотношение возникает по поводу личного участия работника в исполнении его трудовых обязанностей, обусловленных содержанием трудовой функции, подчинением правилам трудового распорядка и направленностью на реализацию интересов работодателя.

Однако непосредственное участие индивидуального предпринимателя в трудовом правоотношении проявляется через его содержание — субъективные права и юридические обязанности. Именно мера возможного (право) и необходимого (обязанность) поведения работника и работодателя является тем элементом правоотношения, который позволяет удовлетворять трудовые потребности работника и достигать работодателю целей осуществляемой им предпринимательской деятельности.

Рассмотрим подробнее права и обязанности работодателя, поскольку, с одной стороны, именно в их реализации проявляется механизм осуществления предпринимательской деятельности посредством использования труда наемных работников. Заметим, что права и обязанности субъектов искомого правоотношения находятся в корреспондирующей зависимости друг от друга. На практике это означает, что права работника трансформируются в обязанности работодателя и, наоборот, обязанности работника преобразуются в соответствующие права работодателя.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в целях осуществления предпринимательской деятельности в качестве меры своего возможного поведения работодатель может: 1) вступать в трудовые отношения с работниками на основании трудовых договоров, а также влиять на динамику этих соглашений; 2) применять меры поощрения к работникам, привлекать их к дисциплинарной и материальной ответственности, а также предъявлять к ним требования по надлежащему исполнению своих трудовых обязанностей; 3) принимать локальные нормативные акты; 4) учреждать совет по производству; 5) реализовывать другие трудовые права в пределах своей компетенции.

Обратим внимание на содержание вышеперечисленных правомочий индивидуального предпринимателя (работодателя).

Трудовое законодательство признает трудовой договор юридическим фактом возникновения трудового правоотношения. Однако в практике трудовых отношений роль и значение трудового договора являются более широкими. Так, договор выступает не только соглашением сторон, но и самим правоотношением, институтом трудового права, индивидуально-правовым регулятором отношений между работником и работодателем, средством охраны трудовых прав граждан [4, с. 186—188].

В контексте проводимого исследования значимость трудового договора заключается в том, что индивидуальный предприниматель (работодатель) как наиболее сильная сторона договора формирует его обязательные и иные условия в целях реализации своей предпринимательской правоспособности в пределах прав, предоставленных трудовым законодательством и иными источниками трудового права. Например, он определяет трудовую функцию работника как работу по определенной должности согласно штату, работу по определенной специальности или профессии, а также как конкретный вид поручаемой работы. Следовательно, индивидуальный предприниматель может включить в штатное расписание те должности или определить работу по тем профессиям (специ-

альностям, видам работ), которые в полной мере отвечают его предпринимательским интересам. В зависимости от средств достижения этого интереса (продажа товаров, выполнение работ, оказание услуг и др.) должности (профессии, специальности) должны иметь конкретные наименования, соответствовать тарифно-квалификационным справочникам и профессиональным стандартам, а в отдельных случаях — соотноситься с требованиями задания заказчика на выполнение работ (оказание услуг). В этом случае элементы задания заказчика должны трансформироваться в структуру трудовой функции работника, что придает им характер его юридической обязанности. Например, по требованию заказчика охранных услуг охранники обязаны оказывать услуги «только в специальной форменной одежде или при помощи специальных приемов и средств» [6, с. 270—271]. Следовательно, такие обязанности должны быть предусмотрены в должностной инструкции охранника как работника охранной организации. В этом случае их надлежащее исполнение будет способствовать не только реализации трудовой функции работника, но и добросовестному осуществлению предпринимательской деятельности по оказанию охранных услуг.

Среди других обязательных условий трудового договора, влияющих на динамику предпринимательской деятельности работодателя, предусмотрены условия об оплате труда, о режиме рабочего времени и времени отдыха работника и др. Так, чем выше будет размер заработной платы работника, тем выше его заинтересованность в исполнении своей трудовой функции, что в конечном счете влияет на оборот товаров, работ, услуг, то есть статусных элементов осуществления предпринимательства. Значимость режима рабочего времени проявляется дифференцированно по отношению к работнику и работодателю. Например, для работника это тот период времени, в течение которого он исполняет свою трудовую функцию, а для работодателя это период, когда реализуется его предпринимательская правоспособность. В связи с требованиями источников трудового права и целей предпринимательства режим рабочего времени может варьироваться от нескольких часов работы (неполное рабочее время) до непрерывной работы в две, три, четыре смены (сменный режим, суммированный учет рабочего времени). В последнем случае работники исполняют свои трудовые функции в течение установленного работодателем периода времени, который за счет работы по сменам или при работе с суммированным учетом рабочего времени может быть непрерывным в течение календарных суток. Бесспорно, такой подход делает непрерывной и саму предпринимательскую деятельность, повышая при этом ее эффективность и прибыль от продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Вместе с тем индивидуальный предприниматель (работодатель) при любом режиме рабочего времени и в зависимости от характера исполнения трудовой функции работника обязан обеспечить ему соответствующие гарантии и компенсации, а также безопасные условия труда.

Важным элементом реализации правомочий работодателя является его право применять к работникам, эффективно и добросовестно исполняющим свои трудовые обязанности, соответствующие меры поощрения (например, объявлять благодарность, выплачивать премию и др.). В случае если работодатель не обладает определенными полномочиями по отношению к отдельным видам поощрений, то он может обратиться с соответствующим ходатайством к другим лицам (государственным или муниципальным органам), например, с ходатайством о награждении государственной наградой, присвоении почетного звания по профессии и др. Наряду с правом поощрять работника работодатель наделен и правом привлечения работников к дисциплинарной и (или) материальной ответственности. С одной стороны, это правомочие может быть реализовано исключительно в рамках действия источников трудового права федерального уровня — ТК РФ и законов. С другой стороны, названное право работодателя обусловлено и необходимостью защиты его прав в сфере осуществления предпринимательской деятельности в целом и имущественных прав в частности. Так, Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что работодатель в целях получения эффекта от экономической деятельности и рационального использования имущества может самостоятельно принимать необходимые кадровые решения, гарантируя при этом соблюдение трудовых прав работников [7].

Одной из особенностей участия индивидуального предпринимателя в трудовом правоотношении является его возможность влиять на правовое регулирование при помощи специальных правовых средств — локальных нормативных актов. С одной стороны, эти акты необходимым для упорядочивания отношений между работниками и работодателем. С другой стороны, работодатель имеет уникальную возможность посредством формирования соответствующих правовых норм повышать эффективность труда работников в контексте достижения целей предпринимательства. Например, в правилах внутреннего трудового распорядка он может регламентировать не только вопросы трудовой дисциплины, но и в зависимости от содержания своей предпринимательской деятельности устанавливать режим рабочего времени и времени отдыха работников таким образом, чтобы этот режим наиболее полно способствовал достижению целей предпринимательства. Подобный подход может быть использован и при принятии другого локального нормативного акта — положения об оплате труда, в котором могут быть предусмотрены стимулирующие выплаты за своевременное и добросовестное выполнение определенных производственных задач, обусловленных предпринимательской деятельностью работодателя. Важно заметить, что работодатель может принимать акты, не только содействующие непосредственному достижению целей предпринимательства, но и акты, направленные на защиту жизни и здоровья работников, охрану имущества, обеспечение соответствующего порядка при продаже товаров, выполнении работ или оказание услуг. Так, с целью упорядочивания поведения работников и иных лиц, прибывающих на территорию, подконтрольную работодателю, а также с целью санкционированного перемещения имущества работодателя, используемого в предпринимательской деятельности, могут приниматься локальные акты о пропускном и (или) внутриобъектовом режимах.

Вместе с тем принятие вышеуказанных и других локальных нормативных актов должно базироваться на определенных принципах. Например, эти акты должны приниматься в пределах компетенции работодателя и не должны противоречить и ухудшать положение работников по сравнению с другими источниками трудового права, обладающими большей юридической силой (ТК РФ, федеральные законы и др.). Кроме того, рассматриваемые акты принимаются в случаях и в порядке, предусмотренном трудовым законодательством (например, с учетом мнения представительного органа работников).

В целях наиболее эффективного осуществления своей производственной (предпринимательской) деятельности работодатель может учреждать производственный совет. Он представляет собой совещательный орган и образуется с соблюдением определенных правил, обусловленных вышеуказанной целью. Так, в совет на добровольной основе могут входить работники

индивидуального предпринимателя, которые имеют трудовые достижения. Это обусловлено необходимостью решения следующих задач: 1) внесением предложений по повышению эффективности производственной деятельности отдельных производственных процессов; 2) внедрением новых образцов техники и современных технологий; 3) повышением производительности труда и квалификации работников. Вместе с тем деятельность производственного совета не подменяет деятельность профессиональных союзов и иных представительных органов работников, компетенция которых хотя опосредованно, но влияет на осуществление работодателем предпринимательской деятельности, имеет другой предмет исследования и в настоящей публикации не рассматривается.

Реализация других трудовых прав работодателя должна происходить в пределах его компетенции, установленной ТК РФ и другими источниками трудового права. Например, индивидуальный предприниматель (работодатель) может в своих интересах давать работнику дополнительное профессиональное образование, привлекать работников к установлению условий труда и реализовывать другие правомочия, обусловленные его участием в предпринимательской деятельности. Однако эти права работодателя в большей степени находятся за пределами трудового правоотношения, поскольку входят в содержание иных, непосредственно связанных с трудовыми отношениями и в настоящей публикации не рассматриваются.

Наряду с правами участие индивидуального предпринимателя в трудовом правоотношении характеризуется и обязанностями, представляющими собой меру его необходимого поведения. Проведенный анализ позволяет классифицировать эти обязанности по следующим группам: 1) правовое регулирование труда; 2) организация исполнения работниками своей трудовой функции; 3) защита трудовых прав и свобод работников.

В первую группу входят обязанности, направленные на соблюдение норм, закрепленных источниками трудового права, и условий трудовых договоров с работниками. Для реализации этих обязанностей работодатель должен знакомить работников под подпись с соответствующими локальными нормативными актами.

Во вторую группу входят обязанности, связанные с: 1) предоставлением работникам работы, не только обусловленной предпринимательской деятельностью работодателя, но и предусмотренной трудовым договором; 2) созданием условий для исполнения работниками своих трудовых функций; 3) обеспечением работников материалами, оборудованием, инструментами и другими вещами, бытовыми нуждами, необходимыми для исполнения ими своих трудовых функций.

Обязанности третьей группы направлены на соблюдение работодателем требований охраны труда, осуществление обязательного социального страхования работников, а также на исполнение других обязанностей, предусмотренных источниками трудового права и условиями трудовых договоров.

Резюмируя сказанное в публикации, можно сделать следующие выводы.

1. Участие индивидуального предпринимателя в трудовом правоотношении в качестве работодателя позволяет ему наиболее полно реализовать свое конституционное право и гражданскую правоспособность в части осуществления предпринимательской деятельности.

2. Сущностью участия индивидуального предпринимателя в трудовом правоотношении является возможность реализации его субъективных прав и исполнения юридических обязанностей, обусловленных содержанием правоотношения и направленностью на повышение эффективности предпринимательской деятельности посредством использования наемного труда работников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Путин В. В. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации от 4 декабря 2014 года // Российская газета. 2014. № 278. 5 декабря.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

4. Трудовое право России: учебник для бакалавров / А. Я. Рыженков, В. М. Мелихов, С. А. Шаронов; под общ. ред. А. Я. Рыженкова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 568 с.

5. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собр. законодательства. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

6. Шаронов С. А. Юридическая обязанность охранной организации в контексте исполнения обязательств по договору охраны // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3. С. 269—272.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 23.12.2014 № 2873-О // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].

REFERENCES

1. Putin V. V. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation on December 4, 2014 // Russian newspaper. 2014. № 278. December 5.

2. The constitution of the Russian Federation (it is accepted by national vote 12 Dec. 1993) // Russian newspaper. 1993. № 237. December 25.

3. Civil code of the Russian Federation (part one): Federal law dated 30.11.1994 № 51-FZ // Collection of the RF legislation. 05.12.1994. № 32. Art. 3301.

4. Employment in Russia: textbook for undergraduate / A. Ya. Rizhenkov, V. M. Melikhov, S. A. Sharonov; edited by A. Ya. Ryzhenkov. 4th edition, revised and amended. M.: Publishing House Yurayt, 2014. 568 p.

5. Labor code of the Russian Federation: Federal law dated 30.12.2001 № 197-FZ // Collection of the RF legislation. 07.01.2002. № 1 (p. 1). Art. 3.

6. Sharonov S. A. Legal duty of security organization in the context of fulfillment of obligations under the contract on protection // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 3. P. 269—272.

7. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 23.12.2014 № 2873-O // SPS «ConsultantPlus» [Electronic resource].

УДК 346.26+347.1
ББК 67.404.91

Babaytseva Elena Anatolyevna,
candidate of law, assistant professor of the department of the civil law of Volgograd Business Institute, Volgograd,
e-mail: 0728676@mail.ru

Бабайцева Елена Анатольевна,
канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права Волгоградского института бизнеса, г. Волгоград,
e-mail: 0728676@mail.ru

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ: ПОНЯТИЕ, ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, СТРУКТУРА И КЛАССИФИКАЦИЯ

ENTREPRENEURSHIP LEGAL RELATIONS: CONCEPT, PREREQUISITES OF EMERGENCE, STRUCTURE AND CLASSIFICATION

В статье аргументируется положение о том, что реализация гражданами своего конституционного права на занятие предпринимательской деятельностью осуществляется в рамках устойчивой правовой конструкции — правоотношения. На основе анализа дается определение понятия «предпринимательское правоотношение» и устанавливаются материальные и юридические предпосылки его возникновения.

Определяется структура предпринимательского правоотношения, согласно которой субъектами являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации, объектом выступает предпринимательская деятельность субъектов по пользованию имуществом, продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, содержанием — субъективные права и юридические обязанности субъектов. Выявляются гражданско-правовые признаки предпринимательского правоотношения, на основе которых проводится его классификация.

The statement that the constitutional right of the citizens for entrepreneurial activity is implemented within the frame of stable legal structure, namely, legal relations, is reasoned in the article. Definition of the concept 'entrepreneurship legal relations' is given and material and legal prerequisites of its emergence are established based on the analysis.

The structure of entrepreneurship legal relations is determined, according to which the subjects are individual entrepreneurs and (or) commercial companies; the object is business activity of the subjects for using property, selling goods, fulfilling work or rendering services; and the content is the subjective rights and legal duties of the subjects. Civil indicators of entrepreneurship legal relations are identified, on which basis their classification is carried out.

Ключевые слова: предпринимательское правоотношение, предпринимательская деятельность, структура правоотношений, субъекты правоотношения, объекты правоотношения, содержание правоотношения, субъективные права, юридические обязанности, индивидуальный предприниматель, коммерческие организации, классификация правоотношения.

Keywords: entrepreneurship legal relations, business activity, structure legal relations, subjects of legal relations, objects of legal relations, content of legal relations, subjective rights, legal duties, individual entrepreneur, commercial organizations, classification of legal relations.

Актуальность темы обусловлена тем, что конституционное право граждан на занятие предпринимательской деятельностью реализуется посредством универсальной правовой конструкции — правоотношения. Ее применение позволяет достигнуть целей предпринимательства и урегулировать поведение участников этого вида человеческой деятельности.

Таким образом, целью настоящей публикации является исследование понятия «предпринимательское правоотношение». Для достижения этой цели необходимо на основе опыта накопленных знаний дать определение искомому понятию, выявить предпосылки возникновения и определить структуру правоотношения, установить гражданско-правовые признаки и провести классификацию искомого правоотношения.

С целью изучения опыта накопленных знаний обратимся к работам теоретиков права и ученых-цивилистов, объектом которых выступали правоотношения в различных их интерпретациях.

Теоретики права рассматривают правоотношения как один из видов общественных отношений, подчеркивая при этом, что правоотношения урегулированы нормами права и обусловлены правовой зависимостью между мерой возможного поведения (правом) одного субъекта и корреспондирующим необходимым поведением (обязанностью) другого [1, с. 5]. Заметим, что реализация субъективных прав и юридических обязанностей субъектов обеспечивается мерами государственного принуждения, под которыми понимаются санкции юридической ответственности.

Таким образом, основные теоретические положения о правоотношении заключаются в следующих аспектах: во-первых, правоотношение является разновидностью общественного отношения и урегулировано нормами соответствующей отрасли права; во-вторых, правоотношение возникает между правовыми субъектами и гарантируется посредством применения государственно-принудительных мер (например, мер юридической ответственности); в-третьих, правоотношение имеет свою структуру: субъекты, объект и содержание как совокупность субъективных прав и юридических обязанностей субъектов.

Однако вышеперечисленные положения носят обобщенный характер и не раскрывают в должной мере структуру и содержание предпринимательского правоотношения. В контексте поставленной цели необходимо придать содержательным элементам правоотношения те черты, которые обусловлены сущностью предпринимательской деятельности.

Для этого обратимся к нормам гражданского права, цивилистическим работам, обусловленным изучением понятия «правоотношение», поскольку именно гражданское законодательство регулирует отношения, возникающие по поводу осуществления предпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ — далее ГК РФ) [2].

Ученые-цивилисты солидарны с теоретиками права в общем подходе к категории «правоотношение», однако при этом они преобразуют обобщенное понятие «нормы права» в нормы соответствующей отрасли права. Например, гражданское правоотношение рассматривается как «разновидность общественного отношения, урегулированного нормами гражданского права», и детализируется посредством определенных

особенностей, среди которых значатся равноправие субъектов, многочисленный перечень объектов и другие аспекты [3, с. 67—69]. Е. А. Суханов отмечает, что особенности гражданского отношения проявляются в предмете правового регулирования, например, имущественные и личные неимущественные отношения [4, с. 111].

Вместе с тем понятие «гражданское правоотношение» хотя и имеет отличия от общетеоретического понятия, по своей структуре характеризуется достаточно объемным перечнем субъектов и объектов и, кроме того, не раскрывает в должной мере содержание предпринимательского отношения. Так, в качестве его субъектов могут выступать индивидуальные и коллективные лица, публичные образования [3, с. 69], а к объектам относятся вещи, имущественные права, результаты работ и услуг, нематериальные блага. Однако не все из них не могут входить в структуру предпринимательского отношения. Следовательно, необходимо конкретизировать вышеназванные элементы в контексте цели настоящей публикации. Как отмечают исследователи предпринимательских отношений, их отличия от других правоотношений заключаются в особенностях объектов, «конструкции <…> прав и обязанностей субъектов» [5, с. 20—21].

Подводя промежуточные итоги публикации, можно сделать следующие выводы: 1) все ученые (теоретики и цивилисты) имеют единое мнение в том, что правомерное осуществление отдельных видов деятельности становится возможным только посредством применения понятия «правоотношение»; 2) правоотношения обладают общими и специфическими признаками, индивидуальной структурой, которая непосредственно проявляется в системе определенных видов деятельности.

На основе правового содержания предпринимательской деятельности (ст. 2 ГК РФ), с учетом положений ГК РФ о гражданах и юридических лицах, об объектах гражданских прав, а также на основе анализа средств правового регулирования предпринимательской деятельности можно определить предпосылки возникновения предпринимательского отношения, сформулировать его определение, установить структуру, выявить гражданско-правовые признаки и провести классификацию.

Теоретики права классифицируют предпосылки возникновения правоотношений по двум основаниям — материальные и юридические [6, с. 378—380]. Полагаем, что такой подход может быть использован и при определении предпосылок предпринимательского отношения.

Проведенный анализ позволяет дифференцировать вышеперечисленные основания и выделить среди них следующие элементы. Так, материальные предпосылки представляют собой совокупность: во-первых, потребностей и интересов как отдельного человека, так и коллективов людей; во-вторых, материальных и нематериальных человеческих благ; в-третьих, участников гражданского оборота в лице субъектов предпринимательской деятельности; в-четвертых, приемов и способов (средств), позволяющих практически удовлетворять человеческие потребности.

Обратим внимание на эти элементы более подробно.

В настоящее время предпринимательские потребности индивида и групп людей обладают правовым характером, поскольку непосредственно закреплены в соответствующих правовых нормах. Многие из них представлены в Конституции России и тем самым могут быть трансформированы в принципы предпринимательской деятельности. Например, право на свободу использования своих способностей к предпринимательству, в том числе посредством использования имущества, принадлежит как отдельному человеку, так и группам людей (ст. 34, 35) [7].

Материальные (вещи и иное имущество) и нематериальные (жизнь и здоровье, честь, достоинство, деловая репутация и др.) блага людей, как и их потребности, непосредственно находят закрепление в соответствующих правовых нормах. В контексте гражданского правоотношения они представляют собой объекты гражданских прав и закреплены в ст. 128 ГК РФ. По отношению к предпринимательской деятельности эти объекты можно классифицировать как непосредственные и опосредованные объекты предпринимательской деятельности. Так, объекты — вещи и иное имущество, результаты работ, услуг и интеллектуальной собственности — являются объектами, положенными в основу возникновения предпринимательского отношения, то есть имеют непосредственное отношение к предпринимательству. Исследователи отдельных видов предпринимательской деятельности, например охранной, выделяют и специфические, применяемые только для этого вида деятельности объекты — объекты охраны [8, с. 263—265], по поводу которых возникают соответствующие предпринимательские отношения.

О наличии субъектов как признаков рассматриваемого правоотношения свидетельствуют источники правового регулирования предпринимательских отношений, в которых эти субъекты могут иметь как общие, так и специальные формулировки. Так, согласно ст. 2 ГК РФ субъекты предпринимательской деятельности имеют следующую общую формулировку: «лица, зарегистрированные в качестве субъекта предпринимательства в установленном законом порядке». В дальнейшем эти субъекты приобретают специальный (предпринимательский) правовой статус и именуются как индивидуальный предприниматель (ст. 23, 25 ГК РФ) и (или) коммерческие организации (ст. 50 ГК РФ).

Средства, при помощи которых удовлетворяются потребности человека и коллективов людей, обладают гражданско-правовым характером и представляют собой: 1) пользование имуществом; 2) куплю-продажу товаров; 3) выполнение работ; 4) оказание услуг. Предпринимательская природа этих средств обусловлена наличием определенных правовых норм, непосредственно закрепленных в ГК РФ. Например, оборот товаров, работ и услуг осуществляется на основании соответствующих договоров и наряду с общими нормами кодекса регулируется его специальными положениями — отдельными главами (гл. 37 «Подряд», гл. 39 «Возмездное оказание услуг» и др.). Кроме того, свободное передвижение товаров, работ и услуг является одной из основ не только предпринимательской деятельности, но и конституционного строя России [9, с. 65].

Юридические предпосылки предпринимательского правоотношения включают в себя: 1) нормы права; 2) понятие «правосубъектность»; 3) юридические факты возникновения правоотношения.

Наличие правовых норм как предпосылка возникновения предпринимательского отношения носит системный характер, поскольку представляет собой совокупность следующих элементов. Во-первых, отношение предпринимательства возникает на основании правовых норм и регулируется ими. Например, таковыми являются конституционные нормы (ст. 34, 35 и др.), нормы ГК РФ и других правовых актов. Во-вторых, исследуемое отношение представляет собой форму реализации права, так как трансформируется в реальное поведение субъектов предпринимательства. Так, содержание этого поведения может заключаться в действиях граждан, связанных с учреждением коммерческой организации, продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг. В-третьих, нормы права, закрепленные в соответствующих нормативных актах, придают этим актам положение средств правового регулирования предпринимательской деятельности.

Содержанием правосубъектности как предпосылки изуча-

емого отношения является обладание субъектами предпринимательства правоспособностью, которая тождественна дееспособности и в зависимости от целей деятельности может быть общей (универсальной) или специальной. В последнем случае субъект предпринимательства может заниматься предпринимательской деятельностью только на основании специального разрешения — лицензии или членства в саморегулируемой организации (ст. 49 ГК РФ).

Вместе с тем для содержания предпринимательского отношения (возникновения прав и обязанностей субъектов) недостаточно только правосубъектности. Для этого необходимо наступление определенных событий или действий — юридических фактов. Однако заметим, что предпринимательское отношение возникает не по воле событий, а только на основании юридически значимых действий как субъектов предпринимательства, так и компетентных государственных органов (например, органов лицензирования). Как показывает практика предпринимательской деятельности, наиболее распространенным юридическим фактом возникновения изучаемого правоотношения является гражданско-правовой договор как разновидность сделки.

Подводя промежуточные итоги, можно сформулировать следующее определение: предпринимательское правоотношение — это урегулированное нормами права общественное отношение, существующее в форме юридической связи между субъектами предпринимательства, возникающее по поводу осуществления ими систематической деятельности, направленной на получение прибыли посредством использования имущества, продажи товаров, выполнения работ и (или) оказания услуг, и выражающееся в наличии субъективных прав и обязанностей субъектов, исполнение которых гарантировано применением мер юридической ответственности.

В практике предпринимательской деятельности правоотношение проявляется через свою структуру, которая, по мнению ученых (теоретиков и цивилистов), определяется как: 1) субъекты; 2) объекты; 3) содержание, представляющее собой единство субъективных прав и юридических обязанностей субъектов. Таким образом, дальнейшее направление исследования будет заключаться в придании этой структуре предпринимательских свойств.

Как известно, субъектами гражданского права являются участники гражданского оборота в лице граждан, организаций и публичных образований. Однако не все из них могут выступать в качестве субъектов предпринимательского отношения, поскольку не осуществляют систематическую и самостоятельную деятельность, направленную на получение прибыли от пользования имуществом, выполнения работ или оказания услуг, то есть не занимаются предпринимательством.

Объектами предпринимательского отношения являются те объекты гражданских прав, которые могут преобразовываться в объект исследуемого отношения, то есть в те виды вещей и имущества, использование и продажа которых направлена на получение субъектом прибыли. Подобный критерий (извлечение прибыли) делает объектами предпринимательского отношения и другие объекты гражданских прав (например, результаты работ и услуг).

Содержание предпринимательского отношения представляет собой совокупность взаимных прав и обязанностей субъектов, которые, с одной стороны, носят корреспондирующий характер, с другой — представляют собой меру и вид возможного (право) и необходимого (обязанность) поведения, направленного на достижения целей предпринимательства посредством воздействия на вышеуказанные объекты.

На основании проведенного в статье анализа можно выделить следующие гражданско-правовые признаки предпринимательского правоотношения: 1) изучаемое отношение является элементом предмета правового регулирования гражданского законодательства в целом и ГК РФ в частности (ст. 2 ГК РФ); 2) субъектами отношения выступают индивидуальные предприниматели и коммерческие организации, правовая природа которых определяется ГК РФ (ст. 2, гл. 3—4 и др.) и другими актами гражданского законодательства; 3) искомое отношение возникает по поводу объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ); 4) цели предпринимательства достигаются посредством применения гражданско-правовых институтов (купля-продажа, выполнение работ, оказание услуг); 5) основным гражданско-правовым средством регулирования предпринимательского отношения выступает индивидуально-правовой регулятор — договор (договор купли-продажи, договор подряда, договор возмездного оказания услуг и др.); 6) в качестве санкций государственного принуждения применяются меры гражданско-правовой ответственности (возмещение убытков, выплата неустойки и др.); 7) в качестве основания возникновения отдельных видов предпринимательской деятельности выступает гражданско-правовое средство «саморегулирование» (ч. 3 ст. 49 ГК РФ).

Полученные в статье научные результаты позволяют классифицировать предпринимательское отношение по следующим основаниям. Во-первых, по субъектам правоотношения, которые, обладая предпринимательской природой, различны по: 1) форме: индивидуальные предприниматели и коммерческие организации; 2) своему положению в структуре правоотношения: управомоченные и обязанные лица; 3) правоспособности (общая и специальная). Во-вторых, по объектам правоотношения: 1) имущество (движимое и недвижимое); 2) оборотоспособность объектов (объекты, разрешенные в обороте, объекты, ограниченные в обороте); 3) результаты интеллектуальной деятельности. В-третьих, по средствам достижения целей предпринимательской деятельности: 1) пользование имуществом; 2) продажа товаров; 3) выполнение работ и (или) оказание услуг.

Резюмируя сказанное в публикации, можно сделать следующие выводы, в которых проявляется научный результат проведенного исследования.

1. Реализация конституционных прав граждан на занятие предпринимательской деятельностью осуществляется посредством предпринимательского правоотношения.

2. Предпринимательское правоотношение является разновидностью гражданского отношения и имеет свои особенности, которые проявляются через субъектный состав, объекты и содержание.

3. Учет участниками гражданского оборота особенностей структуры исследуемого правоотношения позволяет наиболее эффективно реализовать свою предпринимательскую правоспособность и тем самым содействовать эффективному осуществлению своих гражданских прав в области предпринимательства и способствовать решению социально-экономических задач государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вопленко Н. Н. Правовые отношения: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 102 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

3. Гражданское право России. Общая часть: учебник / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин; под общ. ред.

А. Я. Рыженкова. М.: Юрайт, 2011. 463 с.

4. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. 958 с.

5. Ершова И. В. Предпринимательское право: учебник / изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Юриспруденция, 2006. 560 с.

6. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник / 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательский дом «Дело» РАНХи ГС, 2011. 528 с.

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря.

8. Шаронов С. А. Динамика договора охраны // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3. С. 263—265.

9. Бабайцева Е. А. Предпринимательство в России: историко-правовые аспекты / отв. ред. Ю. Ю. Ветютнев. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 288 с.

REFERENCES

1. Voplenko N. N. Legal relations: manual. Volgograd: Publishing house of VolSU, 2004. 102 p.

2. Civil code of the Russian Federation (part one): Federal law of 30.11.1994 № 51-FZ // Collection of the RF legislation. 05.12.1994. № 32. Article 3301.

3. Civil law of Russia. General part: textbook / A. P. Anisimov, A. Ya. Ryzhenkov, S. A. Charkin; under general editorship by A. Ya. Ryzhenkov. M.: Publishing house of Yurayt, 2011. 463 p.

4. Russian civil law: textbook: in 2 vol. Vol. 1: General part. Right in things. Law of succession. Intellectual rights. Personal non-property rights / editor-in-chief E. A. Sukhanov. 2nd edition, stereotype. M.: Statute, 2011. 958 p.

5. Yershova I. V. Entrepreneurship law: textbook. 4th edition, revised and amended. M.: Jurisprudence, 2006. 560 p.

6. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of the state and law: textbook. 4th edition, revised and amended. M.: Publishing house «Delo» of Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, 2011. 528 p.

7. The constitution of the Russian Federation (accepted by the national vote on December 12, 1993) // Russian newspaper. 1993. № 237. December 25.

8.Sharonov S. A. Dynamics of the contract on protection // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 3. P. 263—265.

9. Babaytseva E. A. Business in Russia: historical and legal aspects / editor-in-chied Yu. Yu. Vetyutnev. Elista: NPP «Dzhangar», 2007. 288 p.

УДК 342
ББК 67.400

Verbitskaya Tatiana Vladimirovna,
post-graduate student, lecturer of the department of constitutional law
of the Ural State Law University,
Ekaterinburg,
e-mail: Aquitania-17@ya.ru

Вербицкая Татьяна Владимировна,
аспирант, преподаватель кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета,
г. Екатеринбург,
E-mail: Aquitania-17@ya.ru

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ И СТРУКТУРЕ ОБОРОНЫ ГОСУДАРСТВА В РАМКАХ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

TO THE ISSUE OF THE SYSTEM AND STRUCTURE OF THE STATE DEFENSE WITHIN THE FRAME OF THE CONSTITUTIONAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассмотрена проблема определения, выделения системы и структуры обороны, значения выделения системы и структуры обороны, что необходимо для установления места обороны в правовой системе страны; разграничиваются национальная безопасность и оборона. Приводятся отличия смежных понятий «национальная безопасность», «военная безопасность» и «оборона». Осуществляется анализ конституционного законодательства как Российской Федерации, так и зарубежных стран с целью наиболее полного и точного решения поставленных задач. Предложен вариант выделения системы и структуры обороны в рамках правовой системы государства на основе системы и структуры национальной безопасности как института конституционного права.

This work examines the problem of definition, distinguishing the system and structure of defense, the value of distinguishing the system and structure of defense, which is necessary for determination of the position of defense in the state legal system; concepts of national security and defense are differentiated. Differences of such similar notions as national security, military security and defense are presented. Analysis of the constitutional legislation of the Russian Federation, as well as of foreign countries is fulfilled for the purpose of the most complete and exact resolution of the set objectives. The option of distinguishing the system and structure of defense within the frame of state legal system based on the system and structure of national security as the institute of constitutional law is proposed.

Ключевые слова: национальная безопасность, система права, структура конституционного права, правовой ин-

ститут, оборона государства, военная безопасность, функция государства, угроза агрессии, жизненно важные интересы, национальный суверенитет.

Keywords: national security, system of law, structure of constitutional law, legal institution, defense of state, military security, function of state, threat of aggression, vital interests, national sovereignty.

Значение института обороны для государства всегда неизменно как в практическом плане (совершенствование материального и технического обеспечения вооруженных сил), так и в теоретическом аспекте, в том числе в рамках определения места и роли обороны в правовой системе государства. Данные задачи можно решить посредством формулирования определения термина «оборона», а также содержания данного правового явления. Прежде всего обратимся к определению термина «оборона».

Определение обороны дается и в рамках Российской Федерации в части 1 статьи 1 федерального закона об обороне [1], из содержания которого можно сделать следующие выводы:

— для целей правового регулирования оборона представляет собой совокупность правовых мер превентивного и текущего характера по обеспечению безопасности страны;

— объектом обороны являются государственный суверенитет, целостность и неприкосновенность территории.

Также следует заметить, что определение термина «оборона» тождественно определению термина «военная безопасность», содержащемуся в Военной доктрине РФ 2014 года [2], поэтому понятия «оборона» и «военная безопасность» тождественны между собой. Кроме того, как указывает Александр Васильевич Кудашкин, военная безопасность — это такое состояние государства, при котором вероятность развязывания боевых действий как извне, так и изнутри сводится к минимуму [3, с. 32]. Исходя из данного определения, военная безопасность входит в понятие обороны, ведь в предмет регулирования обороны входит и участие государства в поддержании коллективной безопасности, а также специальные режимы, в рамках которых принимаются меры по устранению внешних угроз (прежде всего агрессии, угрозы агрессии). Такой же вывод можно сделать исходя из анализа точки зрения В. А. Золотарева, который под военной (оборонной) безопасностью понимает поддержание оборонного потенциала на уровне, достаточном для обеспечения безопасности страны в случае возникновения кризисных ситуаций в непосредственной близости от границ государства (агрессии, угрозы агрессии), обеспечения эффективной обороны (эффективной защиты интересов), а также, при необходимости, для участия в коллективных международных акциях по сдерживанию потенциальной агрессии в отношении других государств [4, с. 67—68]. Таким образом, происходит отождествление понятий обороны и военной безопасности. Однако употреблять термин «оборонная безопасность» не представляется возможным в силу того, что предмет регулирования обороны — обеспечение состояния защищенности государства.

В статье Ю. Н. Плескачева, Г. Н. Кормановской «Проблемы продовольственной безопасности» [5, с. 21] производится выделение таких видов безопасности, как оборонная, общеэкономическая, национальная. Такой подход в полной мере соответствует статье 71 Конституции Российской Федерации.

На необходимость различения обороны и военной безопасности указывает А. В. Возженников, который под военной безопасностью понимает внешний аспект обороны, а внутренний аспект военной безопасности (сфера деятельности государства и общества по подготовке к отражению возможных военных угроз) отождествляет с обороной [3, с. 31]. Однако в обязанности государства входит предупреждение возникновения ситуации внутренней напряженности на своей территории, таким образом, целесообразнее говорить о ситуации вне опасности, то есть о национальной безопасности. Кроме того, в случае возникновения вооруженного конфликта на территории государства подлежат применению законы и обычаи войны, в том числе женевское право. Именно поэтому национальная безопасность носит в основном внутренний характер, в отличие от обороны, носящей приоритетно внешний. В силу приоритетности действия закона над подзаконным актом, а также анализа точек зрения ученых по данному вопросу в дальнейшем будет использоваться термин «оборона».

Оборона в качестве комплексного института конституционного права обладает следующими признаками:

— более детальное, чем это имеет место в других областях государственной жизни, регулирует отношения, связанные с обеспечением защиты суверенитета военнослужащими, содействия подобной защиты со стороны невластных субъектов;

— нормы данного института характеризуются повышенной категоричностью требований, предъявляемых к военнослужащим в составе вооруженных сил и иных воинских формирований как субъектов обороны;

— военнослужащие несут повышенную ответственность за неисполнение и нарушение предписаний норм данного института в силу специфики объекта регулирования;

— для института обороны характерно наличие таких источников, нормы которых специально направлены на регулирование отношений в области обеспечения защиты суверенитета военнослужащими в составе вооруженных сил, содействия подобной защите со стороны невластных субъектов, которые составляют ядро, сердцевину данного комплексного формирования.

Однако представляется, что в рамках Федерального закона «Об обороне» необходимо использовать термин «национальная оборона». Целесообразность подобной формулировки определяется следующим.

Во-первых, важно исключить коллизию терминов. Оборона представляет собой вид военных действий — отражение атаки неприятельского войска [6, с. 442]. Поэтому необходимо отграничить оборону как вид действий государства в лице компетентных органов по защите Отечества, а также государств, международных организаций в рамках мирового сообщества по поддержанию и защите международного мира и безопасности (так называемая коллективная оборона) и понимание обороны для целей военных действий. Кроме того, в рамках государств — членов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе оборона (legal) defense, defance) обозначается так же, как и оказание квалифицированной юридической помощи защитника. В силу членства России в ОБСЕ, которая создана в том числе для построения общего пространства безопасности, необходимо учитывать и концептуальные подходы иных государств — членов ОБСЕ, тем более что речь идет об одном и том же правовом явлении, несущественно различаются только его обозначения.

Далее, как и в России, с позиции государств — членов

ОБСЕ народ — источник суверенной власти, делегирующий органам власти полномочия по управлению государством (теория общественного договора), соответственно, государственная оборона производна от национальной, следовательно, целесообразно использовать термин «национальная оборона» — national в странах ОБСЕ обозначает как народный, так и национальный, иными словами, для целей защиты государства, участия государства в поддержании международных мира и безопасности нет необходимости разделять народную и национальную оборону. В дальнейшем необходимо внести изменения в Федеральный закон «Об обороне», употребляя термин «национальная оборона».

В комментарии к Конституции РФ оборона названа предметом ведения и конституционной функцией федеративного государства — Российская Федерация осуществляет нормативное регулирование отношений в рамках данного института [7, с. 604]. Следует отметить, что функция государства по нормативному правовому регулированию института безопасности предполагает создание правового режима, так как право — это форма воплощения властных предписаний государства. Именно поэтому можно сделать вывод, что речь идет о национальной безопасности в рамках конституционного права как явления, обладающего специфическим правовым режимом.

Таким образом, оборона — институт конституционного права, предмет регулирования которого — защита суверенитета государства от агрессии или угрозы агрессии посредством деятельности органов государственной власти, военнослужащих в составе вооруженных сил, при содействии граждан, их объединений (гражданской обороны), посредством финансового обеспечения (экономическая оборона). Это комплекс установленных государством правовых норм, закрепляющих компетенцию органов государственной власти по установлению принципов и форм устройства вооруженных сил и иных воинских формирований государства, регулирующих отношения в области строительства вооруженных сил и определяющих обязанности, права военнослужащих, а также невластных субъектов, содействующих обеспечению обороны.

Будучи комплексным институтом конституционного права, оборона, как и национальная безопасность [8, с. 227], обладает свойствами системы, в рамках которой можно выделить элементы [9, с. 79]. Как и в рамках конституционного права в целом, можно обнаружить общую, особенную и специальную составляющие данного института [10, с. 16].

В общей составляющей можно выделить совокупность норм, посвященных:

1. Понятию обороны, субъектов, объекта обороны.

Институт обороны направлен на защиту основополагающих интересов нации, которые могут быть классифицированы на жизненно важные интересы, стратегические интересы, интересы, основанные на использовании вооруженных сил:

— жизненно важные интересы касаются целостности территории страны, воздушных и морских путей к ней, свободного осуществления государственного суверенитета и защиты населения;

— стратегические интересы состоят прежде всего в поддержании мира на европейском континенте и в районах, которые граничат с ним (в том числе в Средиземном море), а также в обеспечении поддержки областей общественной деятельности, носящих ключевой для экономики характер; в обеспечении свободы товарооборота;

— интересы обороны вытекают из обязанностей государства на международной арене как постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, обладающего ядерным потенциалом. В указанные обязанности входит участие государства в мероприятиях по обеспечению мира и подписанию договоров, касающихся сотрудничества по вопросам обороны;

2. Принципам, в том числе взаимодействия военной и невоенной составляющей обороны.

Как и любой институт права, оборона строится на определенной совокупности принципов.

Прежде всего необходимо установить содержание понятия «принцип».

Определение принципов права в рамках теории государства и права было предложено С.С. Алексеевым: «это отраженные в праве (и, соответственно, его структурных элементах) нормативно-руководящие начала, раскрывающие его суть, основы, особенности регулирования той или иной сферы общественных отношений» [11, с. 75].

Также определение принципов содержится в науке конституционного права. Принципы — это основные, исходные начала утверждаемой модели государственности, имеющие решающее значение для определения характера взаимоотношений личности, общества, государства, направленные на обеспечение единства государства и учет специфики его составных частей, гарантирование общегосударственного стандарта прав человека на всей территории государства [7, с. 54].

Также указывается на значение норм-принципов — это нормы, конкретное содержание которых необязательно и не всегда детально отражается в нормативном правовом акте. Среди таких принципов — установление определенных ценностных ориентаций, призванных предопределить построение и функционирование механизма правового регулирования государства. Часто в новейших конституциях отражены утверждения об участии государства в поддержании международных мира и безопасности (приверженности идеалам мира), нередко встречаются и более конкретные нормы антимилитаристского характера. Такого рода нормы-принципы требуют конкретизации в дальнейшем либо в самом основном законе, либо в принятом на основе данной нормы конституции законе [12, с. 51].

Принципы обороны отражены в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [13].

Принципы обороны как института конституционного права строятся с учетом специфики регулируемых общественных отношений.

В 1959 году бывший президент Франции Шарль де Голль выступил с речью перед стажерами военного колледжа, в которой заметил: «Оборона каждого государства должна строиться с учетом национальной специфики… Если государству придется воевать, то оно действительно должно быть способным вести войну».

После Второй мировой войны оборонная политика каждого государства находится в тесной зависимости от международных организаций, в функции которых входит поддержание мира, предотвращение и устранение военных агрессий как на общемировом (Организация Объединенных Наций), так и на региональном уровне (ОБСЕ, ШОС, НАТО, Европейский союз).

Поэтому первым принципом обороны является необходимость глобального подхода с учетом национальной специфики государства.

Данный принцип выражается в двух взаимосвязанных аспектах:

— добросовестное выполнение международных обязательств государства, вытекающих из его участия в международных организациях, сотрудничество с иными государствами по вопросам обороны;

— для решения вопроса об участии в подобном межгосударственном взаимодействии государство должно учитывать имеющиеся у него ресурсы, силы, средства для реализации указанной внешней составляющей суверенитета, в том числе готовность реформировать институт обороны с учетом международных обязательств государства,— принцип сохранения автономии принятия решения и действия государства посредством признания взаимозависимого характера мира.

Для защиты интересов государства на международной арене необходимо выработать комплексную концепцию, которая включает в себя несколько компонентов, таких как:

— основная составляющая указанной концепции — военная оборона;

— гражданская оборона, в функции которой входит защита населения, поддержание общественного порядка и последовательность действий правительства;

— экономическая оборона (предназначена для обеспечения в мирное время снижения степени нестабильности экономики страны и в период кризиса — надлежащего распределения ресурсов).

Комплексный подход к вопросам обороны заключается в разработке стратегии (военной доктрины), в которой будут четко отражены цели, стоящие перед вооруженными силами, которые используются за пределами государства, так, чтобы четко было видно различие между обеспечением внутренней составляющей защиты государства (национальной безопасности) и внешней (обороны) с учетом характера угроз. Поэтому для соблюдения комплексности подхода к обеспечению обороны страны необходим постоянный мониторинг ситуации со стороны компетентных органов, который осуществляется на основании данных разведки — одного из ключевых инструментов института обороны.

Во взаимозависимом мире данный принцип действует, только если государство сохраняет способность влиять на внешнюю среду, в которой функционирует.

3. Юридическим фактам — возникновение угроз военного характера (агрессия, угроза агрессии) является фактом, наличие которого приводит в действие пресекательный механизм (который препятствует причинению ущерба в данной сфере). Например, начало военного времени (как юридического факта введения специального режима — военного положения) — это объявление состояния войны или момент начала военных действий при вооруженном конфликте с иностранным государством, конец — объявляется день и час прекращения военных действий, а в случае их продолжения после объявления — момент фактического окончания [6, с. 139].

В особенной составляющей можно выделить:

1. Субъекты обеспечения обороны:

— правовой статус органов государственной власти по решению вопросов обеспечения обороны;

— правовой статус военнослужащих;

— основы взаимодействия между органами государства, принадлежащими к различным ветвям власти. В данной сфере также используется не принцип разделения властей, но распределение компетенции. При этом проблемы в данной сфере выявляются в ходе судебной практики, прежде всего Конституционного Суда РФ. Основная роль в устранении указанных недостатков в данной сфере, в том числе тех, которые были выявлены судебными органами, принадлежит органам исполнительной власти.

Полномочия законодательных органов можно классифицировать по временному критерию:

1) текущие (консультационные полномочия по отношению к органам исполнительной власти по возникающим проблемам, парламентский контроль в данной сфере, прежде всего дача разрешения на использование вооруженных сил за пределами страны, вопросы войны и мира, утверждение военного положения — например, пункты «б» — «г» части 1 статьи 102, пункт «е» статьи 106 Конституции РФ, статьи 45 а, 115 а Основного закона ФРГ [14], статья 35 Конституции Франции [15], статья 76 Конституции Финляндии [16], государства Латинской Америки [17, с. 998]);

2) последующие (решение вопроса о прекращении военного положения, необходимости использования вооруженных сил за пределами страны; заключение мира).

2. Источники обороны.

Необходимо отметить, что в рамках международного права решаются вопросы обеспечения коллективной безопасности (согласно части 4 статьи 2, статьям 11, 26, 40, 41, 42, 47 Устава Организации Объединенных Наций [18] акты, принятые в рамках ОБСЕ и НАТО, а также договоры, принятые для предотвращения наращивания потенциала в сфере вооружений (химического, ядерного, бактериологического оружия, оружия массового уничтожения). Все иные вопросы, связанные с осуществлением внешнего суверенитета государства в рамках обеспечения обороны (в том числе касающиеся сотрудничества с иными государствами в рамках международных организаций по поддержанию мира и безопасности), решаются в рамках оборонной политики государства.

В рамках специальной части данного института можно выделить:

1) а) силы и средства — это военнослужащие в составе вооруженных сил, воинских формирований в зарубежных странах, военная техника, предназначенные для обеспечения и ведения боевых действий. Силы — это количество военнослужащих в рамках воинского формирования, вооруженных сил, средства — количество вооружения: орудий, боевой техники, самолетов, пусковых установок [6, с. 671];

б) инструменты:

— разведки;

— дипломатии;

2) специальные правовые режимы — военное, чрезвычайное положение.

В рамках структуры национальной безопасности (существование которой является свойством системы) выделяются властные (государство, органы государственной власти) и невластные общий (граждане — в конституциях государств Европы, Латинской Америки закреплено, что защита отечества является долгом каждого) и специальный (военнослужащие) субъекты, объект (жизненные интересы нации), содержание (стратегия обороны (военная доктрина).

Стратегия обороны (военная доктрина) предполагает заложение на внутригосударственном уровне основ для сотрудничества государства с международными организациями по поддержанию международного мира, предотвращению и устранению вооруженных конфликтов в силу того, что внешняя составляющая суверенитета государства как объ-

екта обороны не может быть урегулирована в рамках норм иной отраслевой принадлежности, кроме конституционного права. Следовательно, с точки зрения правового регулирования институт обороны в рамках конституционного права должен быть урегулирован полностью.

Схожая система обороны как института конституционного права отражена также в комментарии к Конституции РФ [7, с. 604]: в систему обороны входит совокупность общественных отношений, предмет регулирования которых — статус субъектов обеспечения обороны (прежде всего военнослужащих в составе Вооруженных Сил РФ, других войск — пограничных, внутренних, безопасности, железнодорожных, правительственной связи, гражданской обороны), в том числе связанных с воинской обязанностью и военной службой, мобилизацией, специальным режимом (военное положение, чрезвычайное положение), средствами обеспечения обороны (оборонное производство, вооружения, земли обороны, военный бюджет), сотрудничеством с иными государствами по вопросам обороны (участие государства в системе коллективной безопасности и совместной обороны).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 03.02.2014, с изм. от 04.06.2014) // Собрание законодательства РФ. 03.06.1996. № 23. Ст. 27.

2. О Военной доктрине Российской Федерации: Указ Президента РФ от 26.12.2014 № Пр-2976 // Российская газета. 30.12.2014. № 298.

3. Кудашкин А. В. Правовое регулирование статуса военной службы в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 480 с.

4. Золотарев В. А. Военная безопасность Отечества (историко-правовое исследование). 2-е изд. М., 1998. 567 с.

5. Плескачев Ю. Н., Кормановская Г. Н. Проблемы продовольственной безопасности // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2008. № 1. С. 21—23.

6. Военно-энциклопедический словарь / под ред. Н. В. Огаркова. М.: Военное издательство, 1983. 980 с.

7. Комментарий к Конституции РФ / под ред. В. Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 1013 с.

8. Давиденко И. В. Анализ теоретических подходов к определению понятия «Экономическая безопасность» // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 2. С. 226—230.

9. Федорова О. С., Киценко Н. А. Нормативно-правовая база экологической безопасности в России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2008. № 3. С. 79—82.

10. Плякин А. В., Орехова Е. А. Эволюционно-генетический подход к формированию системы индикаторов региональной безопасности // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 1. С. 16—20.

11. Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Проспект, 2009. 576 с.

12. Энтин Л. М. Система конституционного права зарубежных стран. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 873 с.

13. Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles (дата обращения: 04.06.2015).

14. Основной закон Федеративной республики Германия от 23 мая 1949 года [Электронный ресурс]. URL: http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/germany.htm#01.04.00.00.00.00.00.00.00 (дата обращения: 04.06.2015).

15. Конституция Франции от 4 октября 1958 года [Электронный ресурс]. URL: http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/france.htm#00.05.00.00.00.00.00.00.00 (дата обращения: 04.06.2015).

16. Конституция Финляндии 1999 года, вступила в силу 1 марта 2000 года [Электронный ресурс]. URL: http://worldconstitutions.ru/?p=1067 (дата обращения: 04.06.2015).

17. Орлова А. Г. Конституционное право стран Латинской Америки. М.: Норма: Инфра-М, 2013. 988 с.

18. Устав Организации Объединенных Наций, подписанный 26 июня 1945 года в Сан-Франциско на заключительном заседании Конференции Объединенных Наций по созданию Международной Организации и вступивший в силу 24 октября 1945 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/charter/intro.shtml (дата обращения: 04.06.2015).

REFERENCES

1. On Defense: Federal Law dated 31.05.1996 № 61-FZ (revision as of 03.02.2014, with amendments dated 04.06.2014) // Collection of the RF legislation. 03.06.1996. № 23. Art. 27

2. On the Military Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 26.12.2014 № Pr-2976 // Russian newspaper. 30.12.2014. № 298.

3. Kudashkin A. V. Legal regulation of the status of military service in the Russian Federation: The thesis for the degree of the Doctor of Law. M., 2003. 480 p.

4. Zolotarev V. A. Military security of the Fatherland (historical and legal research). 2nd ed. M., 1998. 567 p.

5. Pleskachev Yu. N., Kormanovskaya G. N. Issues of food security // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2008. № 1. P. 21—23.

6. Military Encyclopedic Dictionary / edite by N. V. Ogarkov. M.: Military Publishing, 1983. 980 p.

7. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / edited by V. D. Zorkin. 3rd ed., revised. M.: Norm: INFRA-M, 2013. 1013 p.

8. Davydenko I. V. Analysis of theoretical approaches to the definition of economic security // Business. Education. Law. Bulletin

of Volgograd Business Institute. 2012. № 2. P. 226—230.

9. Fedorova O. S., Kitsenko N. A. Legal framework of environmental safety in Russia // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2008. № 3. P. 79—82.

10. Plyakin A. V., Orekhova E. A. Evolutionary-genetic approach to the formation of the system of indicators of regional security // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 1. P. 16—20.

11. Alekseev S. S. General Theory of Law. M.: Prospekt, 2009. 576 p.

12. Entin L. M. The system of constitutional law of foreign countries. 3rd edition, revised and amended. M.: Norm: INFRA-M, 2013. 873 p.

13. The Declaration of Principles of the International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations, adopted by Resolution 2625 (XXV) of the General Assembly on October 24, 1970 [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles (date of viewing: 04.06.2015).

14. The Basic Law of the Federal Republic of Germany as of May 23, 1949 [Electronic resource]. URL: http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/germany.htm#01.04.00.00.00.00.00.00.00 (date of viewing: 04.06.2015).

15. The Constitution of France as of October 4, 1958 [Electronic resource]. URL: http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/france.htm#00.05.00.00.00.00.00.00.00 (date of viewing: 04.06.2015).

16. The Constitution of Finland in 1999, entered into force on March 1, 2000 [Electronic resource]. URL: http://worldconstitutions.ru/?p=1067 (date of viewing: 04.06.2015).

17. Orlov A. G. Constitutional law in Latin America. M.: Norm: Infra-M, 2013. 988 p.

18. The United Nations Charter, signed on June 26, 1945 in San Francisco at the closing session of the Conference of the United Nations International Organization, and came into force on October 24, 1945 [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/ru/documents/charter/intro.shtml (date of viewing: 04.06.2015).

УДК 347.191
ББК 67.404.013

Mochalov Sergei Yurevich,
post-graduate student of the department
of civil law of the Moscow State Law University
named after O. E. Kutafin (MSLA),
Moscow,
e-mail: mochalovsy@yandex.ru

Мочалов Сергей Юрьевич,
аспирант кафедры гражданского права
Московского государственного юридического
университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва,
e-mail: mochalovsy@yandex.ru

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК УЧАСТНИКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

PUBLIC LEGAL ENTITIES AS PARTICIPANTS OF ACTIVITIES OF ECONOMIC ASSOCIATIONS: HISTORICAL ASPECT

В статье анализируются вопросы правового регулирования участия публично-правовых образований в хозяйственных обществах, созданных на основе членства. Рассматривается создание и деятельность акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, в том числе с государственным участием, на разных этапах исторического развития нашего государства. Определено, что участие государства в экономической и предпринимательской деятельности является характерной чертой для всех этапов исторического развития российского государства, которое осуществляется, в том числе, путем правового регулирования форм хозяйствования, созданных на основе членства с государственным участием. Делаются выводы о распространении акционерной формы с 90-х годов, а развитие обществ с ограниченной ответственностью в России берет свое начало в период современной российской государственности.

The article analyzes the issues of legal regulation of participation of the public legal entities in the economic associations established on the basis of membership. Establishment and activities of the joint stock companies and limited liability companies, including the state-owned ones, at different stages of historical development of our country is examined in the article. It was determined that the state participation in the economic and business activities is a characteristic feature of all stages of the Russian state historical development, which is carried out by legal regulation of the forms of economic management established on the basis of membership with state participation. The article presents conclusions of distribution of the joint-stock form since 1990-s, while development of a limited liability company in Russia dates back to the period of the modern Russian state.

Ключевые слова: публично-правовые образования, юридическое лицо, субъект гражданского права, гражданские правоотношения, гражданское законодательство, государство, хозяйственное общество, товарищество, акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью.

Keywords: public legal entities, legal entity, subject of civil law, civil legal relations, civil legislation, state, economic entity, partnership company, joint stock company, limited liability company.

Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования (публично-правовые образования) являются субъектами гражданского права. Согласно нормам действующего законодательства государство участвует в гражданско-правовых отношениях на равных началах с юридическими и физическими лицами по правилам, установленным для юридических лиц,

«если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов» [1, ст. 124]. Следовательно, публично-правовые образования признаются равными участниками гражданского оборота наряду с другими субъектами права (гражданами и юридическими лицами). Конституция РФ в качестве основ конституционного строя провозглашает свободу экономической деятельности [2, ст. 8, 34], которая реализуется в том числе путем участия в управлении коммерческой организацией как формой коллективного предпринимательства [3].

По информации Росимущества [4], на конец 2014 года РФ являлась владельцем пакетов акций 2096 акционерных обществ, в том числе 709 составляли общества со 100%-ным участием государства, 66 акционерных обществ с контрольным пакетом акций, 171 — более 25%, в 201 акционерном обществе от 2 до 25% [5]. Standart&Poors выделяет, что среди 75 крупнейших публичных компаний 31 (то есть 41%) контролируется государством. Его доля прямого владения по всем компаниям составляет четверть (против 1/3 у частных инвесторов). При этом доля владения государства как контролирующего акционера в 31 компании в среднем достигает 59%, то есть и для акционерных обществ с участием государства характерна высокая концентрация собственности [6].

Особенности правового статуса публичных образований как участников гражданских правоотношений существенно влияли на решение вопроса о возможности участия таких образований в деятельности юридических лиц, в том числе хозяйственных обществ. Участие рассматриваемых субъектов в деятельности юридических лиц различалось по своему содержанию и основаниям в зависимости от различных исторических этапов, для каждого из которых была характерна соответствующая формация общества, во многом определявшая условия и порядок взаимодействия частноправовых и публично-правовых структур.

В правовой литературе дореволюционного периода вопросу участия публично-правовых образований в хозяйственных обществах не уделялось достаточного внимания. Государство осуществляло хозяйственную деятельность при помощи казенных фабрик, заводов и мануфактур [7]. Законодательные акты этого периода были немногочисленны и скупы по содержанию [8]. Они рамочно устанавливали общие черты указанной организационно-правовой формы; относили компании к разновидности договора о товариществе, фиксировали принципы ограниченной ответственности акционеров, участие большого количества лиц. При этом возможность быть акционером допускалась для представителей всех сословий, а учреждение компаний осуществлялось только с разрешения государства. Цели компании определялись как служение важным видам государственного хозяйства [9, с. 10].

Профессор В.В. Долинская справедливо отмечает, что первые шаги к созданию акционерных обществ сделаны Петром I в соответствующих указах. Первая Российская акционерная компания была учреждена в 1757 году [10, с. 27—28]. Популяризации этой формы ассоциации, по утверждению А.И. Каминки, должен был содействовать Манифест Императора Александра I от 1 января 1807 года. Данный документ устанавливал несколько форм хозяйствования, а именно: Товарищество (полное и товарищество на вере), а также Товарищество по участникам [11, с. 362—363]. На этой основе были созданы акционерные компании в России с 1807 по 1836 год.

В 1836 году император Николай I принял закон — «Положение о компаниях» на акциях. Этот документ стал основой акционерного законодательства России до 1917 года. Положение регулировало вопросы создания акционерных компаний, деятельность органов управления, а также права и обязанности акционеров. Прошения о дозволении учредить компанию представлялись в соответствующее предмету деятельности министерство с приложением проекта устава. Министерство проверяло его соответствие общим законам и правилам, правам и интересам акционеров и третьих лиц, а также оценивало важность предприятия и ожидаемую от него пользу государству. Уставы одобрялись в Комитете министров или в Государственном совете (если испрашивались изъятия из закона). Одобренные этими органами уставы утверждались императором и опубликовывались подобно другим законодательным актам [8, с. 10].

В дореволюционный период в отношении отдельных акционерных обществ государство могло получать специальные полномочия, например, надзор за его деятельностью и участие в управлении компанией [12, с. 403]. Некоторые ученые утверждают, что нераспространенность государственного участия в акционерных обществах была вызвана тем, что гражданское право не обрело принцип равенства государства и иных участников гражданско-правовых отношений [13, с. 66].

Понятие «общество с ограниченной ответственностью» не использовалось. Однако ученые констатируют, что для указания на объединение лиц использовалось понятие «товарищество» [14]. Кроме того, изучались вопросы ограниченной ответственности в рамках организационно-правовой формы «товарищество на началах ограниченной ответственности» [15, с. 107]. Идея общества с ограниченной ответственностью зародилась в немецкой правовой традиции [16, с. 41—44]. Товарищества (общества) с ограниченной ответственностью рассматривались как компромиссная форма, возникшая на стыке товариществ с полной ответственностью и акционерных обществ [17, с. 10]. А. И. Каминка отмечал, что такие товарищества, действуя на основе договора, устанавливали, кому вверяется управление делами товарищества. Причем австрийский закон предусматривал возможность установления в самом договоре, что распорядители назначаются государством [18, с. 194].

Вместе с тем вопросы участия государства в управлении деятельностью товариществ на началах ограниченной ответственности в правовой доктрине не рассматривались.

В период Первой мировой войны произошла монополизация государством некоторых отраслей хозяйственной деятельности, обеспечивающих военные кампании [19, с. 93].

Октябрьская революция в России дала толчок началу процесса национализации средств производства [20, с. 212]. После победы большевиков в октябре 1917 года акционерные общества продолжали действовать до момента национализации той или иной отрасли промышленности. Акционерные общества прекратили свое существование на территории Советской России в марте 1919 года, но действовали на территориях, занимаемых белой армией [21, с. 435].

В период НЭПа в законодательных источниках этого времени выделялось три формы хозяйственных обществ: частные общества, смешанные и государственные [22, с. 163]. Деление смешанных обществ осуществлялось по двум основаниям: по различным формам отечественных капиталов (частный, кооперативный, государственный), другое составляло отечественный и иностранный капиталы. Участниками обществ являлись государственные учреждения и предприятия, а также частные предприниматели [23].

Несмотря на то что законодательство вновь предусматривало такую хозяйственную форму, как акционерное общество, произошло значительное изменение правового регулирования этой организационно-правовой формы. Такие изменения были связаны с возрастанием роли государства, что проявлялось в усилении контроля над деятельностью акционерных компаний и появлении смешанных обществ. Таковыми являлись товарищества и акционерные общества, участниками которых были частные предприниматели и государственные учреждения и предприятия.

Появление смешанных обществ связано с принятием резолюциеи IX Съезда Советов. Правовое регулирование статуса таких обществ получило дальнейшее развитие в постановлении ВЦИК РСФСР о внешней торговле от 13 марта 1922 года, Временных правилах об акционерных обществах 1922 года, а также в практике Высшего совета народного хозяйства. Нормативное закрепление соотношения государственно-частного капитала в смешанном акционерном обществе отсутствовало. В этой связи наблюдалось появление обществ с различным соотношением капиталов, в том числе с меньшей долей государства [24, с. 9].

В целом институт акционерного общества, закрепленный в ГК РСФСР 1922 года, сохранил преемственность положений дореволюционного акционерного законодательства и доктрины, а также соответствовал передовым отечественным и зарубежным достижениям в области акционерного права [25, с. 8].

В период советской государственности конструкция общества с ограниченной ответственностью также не была воспринята законодателем. Прообраз общества с ограниченной ответственностью появился в советском праве в 1921 году в виде «товариществ (артелей) ответственного труда» [26, с. 31—32]. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года устанавливал форму товарищества с ограниченной ответственностью и акционерного общества [27].

Со временем акционерное предпринимательство вошло в различные сферы торговли, строительства и транспорта. Эти области преимущественно заполняли смешанные и государственные акционерные компании. Акционерное общество признавалось государственным, если в соответствии с его уставом все акции общества принадлежали государственным предприятиям или учреждениям [28, с. 30]. В 1928—1929 годах государственные хозяйственные общества стали активно преобразовываться в государственные организации. В конце 20-х годов началась реорганизация промышленности. Предприятия начали организовываться по принципу синдиката. Поэтому на исходе НЭПа государственные акционерные общества превращались в государственные предприятия. Советское государство допустило наличие акционерной формы только у акционерного общества «Интурист» и банка внешнеэкономической деятельности СССР. За период с начала 30-х до середины 80-х годов прошлого века в СССР было создано всего лишь одно акционерное общество — Ингосстрах СССР [29, с. 28].

Различные общества, созданные в Советском Союзе, хозяйственными не являлись. Понятие «общество» являло собой собирательное обозначение общественных организаций (Общество охотников и рыболовов, Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ) и т. п.) [30, с. 251].

В период экономических преобразований 80-х годов XX века акционерные отношения начали складываться после утверждения политики перестройки народного хозяйства. В целях упорядочения стихийной практики выпуска предприятиями и органами ценных бумаг Совет Министров СССР 15 октября 1988 года издал постановление «О выпуске предприятиями и организациями ценных бумаг» [31]. В этом документе закреплялся статус акций трудового коллектива. Одновременно разрешался выпуск «акций предприятий и организаций», которые размещались среди юридических лиц.

Практика корпоративного развития последующего времени показывает усиление роли публичных образований в корпоративных правоотношениях, что повлекло усложнение способов и форм управления государственной собственностью [32, с. 747]. В начале 90-х годов были приняты документы, предусматривающие возможность создания акционерных обществ с размещением ими ценных бумаг, а также создания обществ с ограниченной ответственностью. Появление этих документов создало предпосылки для активного развития хозяйственных обществ [33]. В этих документах было впервые использовано понятие общества с ограниченной ответственностью.

С принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года хозяйственные общества и товарищества стали рассматриваться отдельно. С введением в действие отдельных положений части первой ГК РФ эта форма хозяйствования нашла закрепление и в новом российском законодательстве.

Разделение полномочий между российскими и союзными властями повлекло возникновение «Положения об акционерных обществах», утвержденного постановлением Совета Министров РСФСР от 25 декабря 1990 года [34]. Это положение вплоть до вступления в силу части первой Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «Об акционерных обществах» являлось основным нормативным документом, устанавливающим принципы деятельности акционерных обществах в России.

Развитие законодательства о хозяйственных обществах в начале 90-х годов совпадало с развитием законодательства о приватизации имущества государства, регламентировавшего переход государственных предприятий в частную собственность [29, с. 38]. Документы начала 90-х годов содержали существенные условия ряда договоров и специальные основания действительности приватизационных сделок, а также положения о проведении публичных торгов и множество иных норм, связанных с созданием акционерных обществ, в том числе реорганизацией юридических лиц, корпоративным управлением, доверительным управлением имуществом [35].

Необходимо отметить, что Положение об акционерных обществах, утвержденное постановлением Совета Министров РСФСР от 25 декабря 1990 года № 601, в отношении акционерных обществ, образованных в результате приватизации, практически не действовало. В этот период принимались различные Указы Президента РФ, устанавливающие порядок создания хозяйственных обществ в отдельных отраслях экономики, представляющих особое значение для интересов государства [36, с. 15—21].

Следующий приватизационный Закон от 21 июля 1997 года устанавливал порядок преобразования государственных и муниципальных предприятий в открытые акционерные общества, 100% акций которых находятся в государственной или муниципальной собственности [37]. Таким образом, государство выступало единственным акционером в таких обществах, что позволяло ему самостоятельно решать вопросы управления и распределения прибыли.

В настоящее время действует Закон от 21 декабря 2001 года [38, с. 251], предусматривающий в качестве способов приватизации преобразование унитарного предприятия в ОАО и ООО. Любопытно, что преобразование унитарного предприятия в ООО стало возможно совсем недавно [39]. До этого момента преобразование унитарного предприятия было возможно только в акционерное общество.

В современный период происходит дальнейшее совершенствование законодательства о юридических лицах, в частности — о хозяйственных обществах.

Видоизменилась классификация юридических лиц, подразделяющая их на корпорации и унитарные организации по критерию права участия (членства) в обществе, а также предусматривающая разделение хозяйственных обществ на публичные и непубличные. При этом указанная классификация не имеет отношения к публично-правовым образованиям, а основывается на публичном обращении на рынке ценных бумаг акций либо ценных бумаг, конвертируемых в акции этого общества [40].

Представляется, что такое деление воспринято разработчиками закона с учетом логики, заимствованной из зарубежного опыта, поскольку под публичными обществами правовая доктрина некоторых зарубежных стран понимает общества, акции которых свободно торгуются на рынке и включены в котировальный список акций фондовой биржи [41, p. 12].

Изложенное позволяет заключить, что участие государства в экономической и предпринимательской деятельности характерно для всех этапов исторического развития российского государства. Такое участие осуществляется в том числе путем правового регулирования форм хозяйствования, созданных на основе членства с государственным участием.

Как следует из проведенного историко-правового анализа, акционерная форма получила свое распространение, начиная с периода приватизации государственного имущества 90-х годов, а развитие обществ с ограниченной ответственностью в России берет свое начало в период современной российской государственности.

Активное реформирование гражданского законодательства, происходящее в настоящее время, являет собой заключительную на данном историческом этапе ступень в определении принципов и перспектив правовой регламентации форм, порядка и последствий участия государства в деятельности хозяйственных обществ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 26.01.2009. № 4. Ст. 44.

3. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П // Собрание законодательства РФ. 01.03.2004. № 9. Ст. 830.

4. О Федеральном агентстве по управлению государственном имуществом: Постановление Правительства Российской федерации от 05.06.2008 № 432 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 23. Ст. 2721.

5. Отчет об управлении находящимися в федеральной собственности акциями открытых акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении открытыми акционерными обществами («золотой акции») по итогам 2013 года // Росимущество [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosim.ru/documents/127146 (дата обращения: 14.07.2015).

6. Ярыгин А. В. Современные тенденции совершенствования корпоративного управления в компаниях с государственным участием // Вопросы экономики и права. 2011. № 1. С. 195—197.

7. Устав о промышленности. СЗРИ. Т. XI. Ч. II. СПб., 1912. Ст. 5, 9.

8. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIX. 1806—1807. Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 24418.

9. Черножуков М. В. Развитие акционерного права в России в XIX — начале XX века (1805—1917). Историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001. 25 с.

10. Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции: монография. М.: Волтерс Клувер, 2006. 736 с.

11. Каминка А. И. Акционерные компании. Юридическое исследование. Т. 1. С.-Пб.: Типо-лит. А. Е. Ландау, 1902. 512 с.

12. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 1: Введение. Торговые деятели. М.: Статут, 2005. 480 с.

13. Пышкин И. И. Государство как акционер. Гражданское право. М.: Галактика, 2007. 284 с.

14. Башилов А. П. О торговых товариществах // Журнал Министерства юстиции. Год первый. 1894. Ноябрь. № 1. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1894. 218 с.

15. Цитович П. П. Проект положения об акционерных обществах: Май // Журнал гражданского и уголовного права: Май. С.-Пб.: Тип. А. М. Котомина, 1873, Кн. 3. 249 с.

16. Каминка А. И. Новое германское торговое уложение // Журнал Министерства юстиции. Год четвертый. 1898. № 1. Январь. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1898. 178 с.

17. Габов А. В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М.: Статут, 2010. 253 с.

18. Каминка А. И. Очерки торгового права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2007. 411 с.

19. Гойхбарг А. Г. Очерки хозяйственного права. М., 1927. 307 с.

20. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. 367 с.

21. Акционерное общество: история и теория. Диалектика свободы / В. А. Михальченко, Я. И. Функ, В. В. Хвалей; под общ. ред. Я. И. Функ; науч. ред. В. Ф. Чигир. Минск: Амалфея, 1999. 608 с.

22. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917—1991 годы / под ред. О. И. Чистякова. М.: Зерцало, 1997. 592 с.

23. Молотников А. Е. Особенности участия государства в управлении акционерными обществами // Слияния и поглощения. 2009. № 4 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].

24. Брауде И. Акционерные общества и товарищества в торговле и промышленности. Сб. действующих узаконений с кратким комментарием и приложением примерного устава акционерного общества и договора полного товарищества. П., 1923. 112 с.

25. Виновой С. Н. Правовое регулирование деятельности акционерных обществ в Советской России, 1922—1927 годы: дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. 25 с.

26. Мебель М. А. Законодательство Советской власти по кооперации. М.: Изд. В.Ц.С.П.О., 1922. 65 с.

27. О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.: Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].

28. Касьяненко В. И. НЭП и акционерное предпринимательство в СССР // Политическая история XX века. 1991. № 5. 62 с.

29. Могилевский С. Д. Правовые основы деятельности акционерных обществ. М., 2004. 206 с.

30. Белов В. А., Пестерева Е.В. Хозяйственные общества. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 333 с.

31. Собрание Постановлений СССР. 1988. № 35. Ст. 100.

32. Корпоративное право: учебный курс: учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: КНОРУС, 2011. 1120 с.

33. Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положения о ценных бумагах: Постановление СМ СССР от 19 июня 1990 года № 590 // «СП СССР». 1990. № 15. Ст. 82.

34. Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий: Закон СССР от 01.07.1991 № 2278-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 32. Ст. 904; О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР: Закон РСФСР от 03.07.1991 № 1531-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 04.07.1991. № 27. Ст. 927; Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации, принятая в 1992 году на основании указанного закона, и утвержденная постановлением Верховного Совета РФ от 11 июня 1992 года № 2980-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 16.07.1992. № 28. Ст. 1617.

35. Собрание Законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

36. Макарова О. А. Правовое положение акционерных обществ с государственным участием. СПб., 2011. 200 с.

37. О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 21 июля 1997 года № 123-ФЗ (ред. 05.08.2000). Утратил силу с 27 июля 2002 года на основании Федерального закона от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].

38. Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 4. С. 251.

39. О внесении изменений в Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества»: Федеральный закон от 11.07.2011 № 201-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].

40. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 12.05.2014. № 19. Ст. 2304.

41. The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach by Kraakman, Reinier, Armour, John, Davies, Paul, Enriques, Luc 2nd (second) Edition. Oxford university press, 2009. 322 p.

REFERENCES

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) // Collection of the RF legislation. 05.12.1994. № 32. Art. 3301.

2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote on 12.12.1993) // Collection of the RF legislation. 26.01.2009. № 4. Article 44.

3. On the case of verification of the constitutionality of certain provisions of Articles 74 and 77 of the Federal Law «On Joint Stock Companies» governing the procedure of consolidation of the outstanding shares of the joint stock company and repurchasing of fractional shares in connection with complaints of citizens, of «Cadet Establishment» company, and the request of the Oktyabrsky District Court of the city of Penza: Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.02.2004. № 3-P // Collection of the RF legislation. 01.03.2004. № 9. Article 830.

4. On the Federal Agency for State Property Management: Resolution of the Government of the Russian Federation of 05.06.2008 № 432 // Collection of the RF legislation. 2008. № 23. Article 2721.

5. Report on the management of the federally owned shares of the open joint-stock companies and the use of special right for participation of the Russian Federation in management of joint-stock companies («golden share») upon results of 2013 // Federal Agency for State Property Management [Electronic resource]. URL: http://www.rosim.ru/documents/127146 (date of viewing: 14.07.2015).

6. Yarygin A. V. Modern trends of improvement of corporate governance of the companies with state participation // Issues of economics and law. 2011. № 1. P. 195—197.

7. Charter of the industry. SZRI. V. XI. Part II. St. Petersburg, 1912. Article 5, 9.

8. Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649. V. XXIX. 1806—1807. Printed at the Printing House of Division II of His Imperial Majesty's Office, 1830. № 24418.

9. Chernozhukov M. V. Development of company law in Russia in XIX — early XX centuries (1805—1917). Historical and legal research: Abstract of dissertation of the candidate of law. Nizhny Novgorod, 2001. 25 p.

10. Dolinskaya V. V. Company law: fundamentals and trends: monograph. M.: Wolters Kluwer, 2006. 736 p.

11. Kaminka A. I. Joint-stock company. Legal research. B. 1. S.-Pb.: Tipo-lit. A. E. Landau, 1902. 512 p.

12. Shershenevich G. F. Lectures on trade law. Vol. 1: Introduction. Merchandisers. M.: Statute, 2005. 480 p.

13. Pyshkin I. I. State as a shareholder. Civil law. M.: Galaxy, 2007. 284 p.

14. Bashilov A. P. On trade associations // Journal of the Ministry of Justice. Year One. 1894. November. № 1. SPb.: Printing Office of the Governing Senate, 1894. 249 p.

15. Tsitovich P. P. Draft of the provision regarding joint stock companies: May // Journal of the civil and criminal law: May. Saint-Petersburg: Printing house of A. M. Kotomin, 1873. Book 3. 249 p.

16. Kaminka A. I. New German Commercial Code // Journal of the Ministry of Justice. Year four. 1898. № 1. January. SPb.: Printing Office of the Governing Senate, 1898. 178 p.

17. Gabov A. V. Limited liability and supplementary liability companies under the Russian legislation. M.: Statute, 2010. 253 p.

18. Kaminka A. I. Essays on the Trade Law / edited and with a foreword by Tomsinov V. A. M.: Mirror, 2007. 411 p.

19. Goyhbarg A. G. Essays on commercial law. M., 1927. 307 p.

20. Bratus' S. N. Subjects of the civil law. M., 1950. 367 p.

21. Joint-stock company: history and theory. The dialectic of freedom / V. A. Mihalchenko, Y. I. Funk, V. V. Hvaley; Under the editorship of Y. I. Funk; Scientific editor V. F. Chigir. Minsk: Amaltheia, 1999. 608 p.

22. Anthology of the history of Russian state and law. 1917—1991 / edited by O. I. Chistyakov. M.: Mirror, 1997. 592 p.

23. Molotnikov A. E. Peculiarities of the state participation in the joint-stock companies management // Mergers and Acquisitions. 2009. № 4. Quoted by SPS «ConsultantPlus» [Electronic resource].

24. Braude I. Joint stock companies and partnerships in trade and industry. Collection of valid statutes with brief commentary and attachment of an exemplary articles of association of a joint stock company and of a general partnership agreement. P., 1923. 112 p.

25. Vinovoy S. N. Legal regulation of joint stock companies operation in the Soviet Russia, 1922—1927: dissertation of the candidate

of law. Stavropol, 2001. 25 p.

26. Mebel' M. A. Legislation of the Soviet power for cooperation. M.: Publishing house of V.TS.S.P.O., 1922. 65 p.

27. On putting into effect of the Civil Code of the RSFSR: Resolution of the Central Executive Committee of 11.11.1922 (with the Civil Code of the RSFSR) // SPS «ConsultantPlus» [Electronic resource].

28. Kasyanenko V. I. NEP and joint stock business in the USSR // Political history of XX century. 1991. № 5. 62 p.

29. Mogilevsky S. D. Legal bases of joint stock companies' operation. M., 2004. 206 p.

30. Belov V. A., Pestereva E. V. Economic societies. M.: Center YurInfoR, 2002. 333 p.

31. Collection of Resolutions of the USSR. 1988. № 35. Article 100.

32. Corporate law: training course: textbook / editor-in-chief I. S. Shitkina. M.: KNORUS, 2011. 1120 p.

33. On approval of the Provision regarding joint-stock companies and limited liability companies and the Provisions regarding securities: Resolution of the USSR Council of Ministers dated June 19, 1990 № 590 // SP of the USSR. 1990. № 15. Article 82.

34. On the basic principles of decentralization and privatization of companies: Law of the USSR of 01.07.1991 № 2278-1 // Bulletin of the USSR Soviet of People's Deputies and the USSR Supreme Council. 1991. № 32. Article 904; On privatization of the state and municipal enterprises in the RSFSR: Law of the RSFSR dated 03.07.1991 № 1531-1 // Bulletin of the USSR Soviet of People's Deputies and the RSFSR Supreme Council. 04.07.1991. № 27. Article 927; State program of privatization of the state and municipal enterprises in the Russian Federation adopted in 1992 based on the specified law and approved by the decree of the RF Supreme Council on June 11, 1992 № 2980-1 // Bulletin of the RSFSR Soviet of People's Deputies and the RSFSR Supreme Council. 16.07.1992. № 28. Article 1617.

35. Collection of Laws of the Russian Federation. 1996. № 1. Article 1.

36. Makarova O. A. Legal status of joint-stock companies with state participation. St. Petersburg, 2011. 200 p.

37. On privatization of the state property and the bases of privatization of municipal property in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of July 21, 1997 № 123-FZ (revision as of 05.08.2000). Forfeited on July 27, 2002, on the basis of the Federal Law of December 21, 2001 № 178-FZ // SPS «ConsultantPlus» [Electronic resource].

38. Collection of Laws of the Russian Federation. 2002. № 4. P. 251.

39. On Amendments to the Federal Law «On privatization of the state and municipal property»: Federal Law dated 11.07.2011 № 201-FZ // SPS «ConsultantPlus» [Electronic resource].

40. On Amendments to Chapter 4 of Part I of the Civil Code of the Russian Federation and Invalidating of Certain Provisions of the Legislative Acts of the Russian Federation: Federal law dated 05.05.2014 № 99-FZ // Collection of the RF legislation. 12.05.2014. № 19. Article 2304.

41. The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach by Kraakman, Reinier, Armour, John, Davies, Paul, Enriques, Luc 2nd (second) Edition. Oxford university press, 2009. 322 p.

УДК 347.44
ББК 67.404.213.4

Osipova Svetlana Borisovna,
senior lecturer of the department of business law
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: osbnet@mail.ru

Осипова Светлана Борисовна,
ст. преподаватель кафедры предпринимательского
права Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: osbnet@mail.ru

СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРАКТА

WAYS OF ENSURING FULFILLMENT OF THE STATE CONTRACT

В статье рассматриваются способы обеспечения исполнения государственного контракта, анализируются их достоинства и недостатки в части должного обеспечения государственных и частных интересов; также определена необходимость оказания поддержки участия субъектов малого и среднего предпринимательства и некоторых иных организаций в государственных (муниципальных) закупках. По итогам рассмотрения автором сделан вывод о том, что использование установленных законом способов обеспечения исполнения государственного контракта представляется достаточно сложным и (или) влечет необходимость изъятия из делового оборота значительных денежных средств, а также предложено расширить перечень применяемых способов обеспечения исполнения обязательств, вытекающих из государственного контракта.

The article discusses the ways of ensuring fulfillment of the state contract, and analyzes their advantages and disadvantages in terms of appropriate ensuring of the state and private interests; additionally, the need for support of participation of small and medium-sized businesses and some other organizations in the state (municipal) procurement is identified. Based on the results of the overview, the author concludes that the use of the methods established by the law for ensuring fulfillment of the state contract is rather difficult and (or) entails the need for withdrawal of significant funds from the turnover; the list of applicable methods of enforcing fulfillment of obligations arising from the state contract is proposed to be expanded.

Ключевые слова: сфера закупок, муниципальные закупки, государственный заказ, государственный контракт, исполнение обязательств, обеспечение исполнения контракта, способы обеспечения исполнения, ненадежное исполнение обязательств, банковская гарантия, поручительство.

Keywords: procurement, municipal procurement, state order, state contract, fulfillment of obligations, the enforcement of the contract, the methods of enforcement, unreliable performance of the obligations, the bank guarantee, surety.

Одной из важнейших целей любого государства является удовлетворение потребностей общества в необходимых това-

рах, работах, услугах. При этом государственный заказ выступает как один из инструментов решения этой важнейшей задачи. От развития данной сферы в конечном итоге зависит решение большинства задач, стоящих перед современной Россией.

Государственный заказ как элемент системы является инструментом управления и способом стимулирования развития конкуренции в России, внедрения новых технологий и прочее. В свою очередь, государственный контракт как элемент системы несет в себе содержательную составляющую данных правоотношений.

Необходимо отметить, что вопросы, связанные с государственным заказом, заключением, исполнением государственных контрактов, многократно являлись предметом научного анализа. Однако произошедшие изменения законодательства повлекли необходимость создания новой теоретической базы, в том числе в сфере обеспечения исполнения государственного контракта, особенно с учетом того, что государственный заказчик, осуществляя определение поставщика (исполнителя, подрядчика), особенно по итогам торгов, не может знать, кто будет победителем и, следовательно, с кем будет заключен государственный контракт.

Определенной гарантией обеспечения достижения цели государственной закупки является применение способов обеспечения исполнения государственных контрактов, которые призваны повысить уровень защиты интересов заказчиков от действий недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), сократить риски, связанные с утратой предоставленного авансового платежа и неисполнением контрактов.

Не все способы, указанные в ст. 329 Гражданского кодекса РФ [1] могут быть применимы для обеспечения исполнения обязательств по государственному контракту. Некоторые из них не могут применяться в силу своих сущностных характеристик. В частности, в силу ст. 380 Гражданского кодекса РФ задаток выдается непосредственно стороной, оплачивающей товар (работу, услугу). Другие отвергаются законодателем как обладающие недостаточной надежностью для обеспечения интересов государственного заказчика.

Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2] (далее — ФЗ-44) предусматривает только два способа обеспечения исполнения: безотзывная банковская гарантия, выданная банком, и внесение денежных средств на указанный заказчиком счет, на котором в соответствии с законодательством Российской Федерации учитываются операции со средствами, поступающими заказчику.

При этом способы обеспечения применяются не только как способы надлежащего исполнения обязательств из государственного контракта, но и как способы обеспечения заявок на участие в торгах (конкурсах и аукционах). Последние именуют как «тендерные (конкурсные) способы обеспечения». Ими обеспечивается надлежащее исполнение следующих обязанностей участника закупки: заключить государственный контракт на ранее определенных условиях, предоставить заказчику до заключения государственного контракта надлежащее обеспечение контракта (п. 13 ст. 44 ФЗ-44).

Размер обеспечения должен составлять от 0,5 до 5% начальной (максимальной) цены контракта, а при проведении аукциона с начальной (максимальной) ценой контракта не выше 3 млн руб. — 1% (п. 14 ст. 44 ФЗ-44). Обеспечение заявки на участие в электронных аукционах может предоставляться участником закупки только путем внесения денежных средств (ст. 44).

Обязанность по обеспечению предусмотрена: для конкурса и аукциона; для случаев запроса котировок, если начальная цена контракта не превышает 500 тыс. руб.; запроса предложений (при проведении закупки вследствие расторжения контракта с предыдущим поставщиком в одностороннем порядке, а также при проведении запроса предложений в связи с признанием аукциона или конкурса несостоявшимся) и для ряда случаев закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя).

Необходимо обратить внимание, что размер обеспечения устанавливается в процентном отношении к начальной (максимальной) цене контракта и не подлежит пропорциональному изменению по итогам торгов. Таким образом, в случае увеличения количества (объема) товаров, работ или услуг как в процессе исполнения государственного контракта, так и при его заключении (п. 18 ст. 34, ст. 94 ФЗ-44) размер обеспечения не меняется, так как увеличение не превышает максимальной (начальной) цены.

В ходе исполнения контракта поставщик (подрядчик, исполнитель) вправе предоставить заказчику обеспечение исполнения контракта, уменьшенное на размер выполненных обязательств, предусмотренных контрактом, взамен ранее предоставленного обеспечения исполнения контракта. При этом может быть изменен и способ обеспечения исполнения контракта.

Банковская гарантия является одним из наиболее актуальных и востребованных способов обеспечения исполнения обязательств. С 01.06.2015 в ГК РФ внесены изменения в части закрепления вместо банковской гарантии так называемой независимой гарантии, чем увеличен круг организаций, имеющих право на выдачу такой гарантии. Однако в ФЗ-44 соответствующие изменения не внесены, и, как и ранее, сохранено указание на конкретный перечень именно банков, имеющих право на выдачу гарантии. В связи с этим представляется необходимым применительно к способам обеспечения обязательств в сфере правового регулирования государственного контракта говорить именно о банковской гарантии, безусловно, как разновидности независимой гарантии.

Спектр обязательств, обеспечиваемых банковской гарантией, стремительно возрастает. Гарантии, обеспечивающие публичные интересы принципала, получают все большее распространение в банковской практике (гарантии, обеспечивающие налоговые и таможенные платежи). Для таких гарантий характерно установление в самом законе требований к финансовой устойчивости гаранта, условий и порядка их выдачи.

Важная особенность банковской гарантии, делающая ее эффективное использование для обеспечения публичных интересов, заключается в сохранении ее силы независимо от основного обязательства, а также от того, что основное обязательство может быть вскоре прекращено или признано недействительным. С 01.06.2015 ГК РФ предусмотрена возможность изменения независимой (и, следовательно, банковской) гарантии, однако с учетом невнесения, как указано выше, соответствующих изменений в ФЗ-44, в настоящее время невозможно однозначно ответить, будет ли распространяться и в каком объеме указанное положение ГК РФ к отношениям в сфере исполнения государственного контракта.

Банковская гарантия является достаточно надежным способом исполнения обязательств по государственным контрактам в силу множества моментов. В то же время использование банковской гарантии не обеспечивает государственному заказчику покрытие всех его убытков, так как ее сумма с учетом изложенного выше является жестко установленной и подлежащей уплате в случае нарушения условий контракта, причем без связи с доказанными убытками государственного заказчика. Применение же такого способа, как страхование

ответственности, дает возможность возмещения всех убытков государственного заказчика. Залогом и поручительством может быть обеспечено помимо убытков и взыскание различных штрафных санкций.

Использование банковской гарантии выгодно поставщику (подрядчику, исполнителю), поскольку гарантия позволяет ему отказаться от предоставления наличных средств, тем самым улучшает финансовое состояние принципала, поскольку из оборота не отвлекаются денежные средства.

В то же время государственный контракт действует до полного исполнения обязательств, а действие банковской гарантии связывается именно со сроком поставки товара, выполнения работ и оказания услуг, обозначенных в контракте. Банковская гарантия — это односторонняя сделка с отлагательным условием, которым является неисполнение поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства. Следовательно, право государственного заказчика на взыскание возможно только в течение месяца с момента указанного в государственном контракте срока исполнения своих обязательств поставщиком (подрядчиком, исполнителем). На наш взгляд, данный срок является неразумным, стимулирующим государственного заказчика именно на взыскание суммы с гаранта, а не на реальное исполнение обязательства. Представляется, что он должен быть не менее шести месяцев, с правом указания конкретных сроков в извещении о закупке.

Кроме того, условия банковской гарантии, выдаваемой как обеспечение по государственному контракту, нормативно определены, в том числе те, которые традиционно определяются гарантом по своему усмотрению. Безусловно, цели государственной закупки предопределяют жесткое нормативное регулирование, но если учесть, что это институт и частного права, необходимо соблюдать баланс интересов. Такое жесткое регулирование действий гаранта, а следовательно, принципала в сфере частного права не позволит эффективно использовать данный финансовый инструмент.

Еще одним способом обеспечения исполнения обязательств по государственному контракту является «внесение денежных средств на указанный заказчиком счет, на котором в соответствии с законодательством Российской Федерации учитываются операции со средствами, поступающими заказчику», или так называемый обеспечительный платеж.

До 01.06.2015 указанный способ обеспечения исполнения обязательств не был урегулирован гражданским законодательством, что порождало неоднозначность судебной практики. В настоящее время, с одной стороны, данная проблема устранена путем внесения изменений в ГК РФ, но, с другой стороны, невнесение соответствующих изменений в ФЗ-44 приводит к возникновению новых вопросов, в том числе:

1) будут ли положения ФЗ-44 приведены в соответствие с ГК РФ или законодатель посчитает невозможным применять положения ГК к обеспечению исполнений государственных контрактов;

2) по какому пути будет развиваться судебная практика.

Так, ФЗ-44 (п. 13 ст. 44) определяет последствия ненадлежащего исполнения обязанностей победителя торгов при заключении государственного контракта, исполнение которых обеспечивается «обеспечительной суммой»: данный платеж не возвращается независимо от того, были убытки у государственного заказчика и в каком размере или их не было (предположим, по результатам повторных торгов сумма контракта установлена ниже, что покрывает даже расходы на их проведение).

Одновременно судьба же «обеспечительной суммы» при обеспечении исполнения государственного контракта в ФЗ-44 четко не определена. Представляется целесообразным распространить действие положения п. 2 ст. 381.1 ГК РФ, в соответствии с которым «в случае ненаступления в предусмотренный договором срок обстоятельств, указанных в абзаце втором пункта 1 настоящей статьи, или прекращения обеспеченного обязательства обеспечительный платеж подлежит возврату, если иное не предусмотрено соглашением сторон», и на отношения в сфере обеспечения исполнения государственной контракта.

С точки зрения соблюдения публичных интересов обеспечительный платеж является эффективным, однако нельзя не остановиться и на его недостатках.

Универсальное свойство обеспечительной функции способов обеспечения состоит лишь в том, что они «прежде всего имеют целью предотвратить неисполнение договора» [3, с. 29]. Однако в условиях, когда, как указано выше, судьба обеспечительного платежа в ФЗ-44 до конца не определена, основная функция данного института обеспечения исполнения обязательств заканчивается и он становится только средством удовлетворения интересов кредитора.

Нельзя не обратить внимание и на то, что применение данного способа обеспечения исполнения обязательств влечет необходимость изъятия из оборота значительных денежных средств, которые могли бы быть израсходованы на своевременное и качественное исполнение государственного контракта.

Нами рассмотрены два способа обеспечения исполнения обязательств, разрешенных в государственных закупках. Данные способы, безусловно, обладают повышенной стимулирующей и обеспечительной функцией. Но их использование представляется достаточно сложным (банковская гарантия) и (или) влечет необходимость изъять из делового оборота денежные средства, которые будут использоваться в качестве обеспечения.

Способы обеспечения исполнения обязательств не применяются, если осуществляется закупка услуги по предоставлению кредита. Также от использования данных способов освобождаются государственные или муниципальные казенные учреждения. Бюджетные учреждения подчиняются общим правилам, исключение составляет только заключение бюджетным учреждением контракта, предметом которого является выдача банковской гарантии (п. 8 ст. 95 ФЗ-44).

Несмотря на то что ФЗ-44 предоставляет определенные преференции субъектам малого и среднего предпринимательства, социально ориентированным некоммерческим организациям, общероссийским общественным организациям инвалидов (в том числе созданным как союзы общественных организаций инвалидов), учреждениям и предприятиями уголовно-исполнительной системы, их действие может быть парализовано обязанностью предоставить обеспечение, что противоречит принципу обеспечения конкуренции, установленному ст. 8 ФЗ-44.

На наш взгляд, мерами поддержки участия вышеперечисленных лиц в государственных (муниципальных) закупках должны являться:

— уменьшение суммы обеспечения, если предполагается аванс;

— расширение способов обеспечения, вплоть до залога движимого и недвижимого имущества для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Несмотря на то что страхование ответственности исключено из перечня способов страхования ввиду условного характера обязательств страховщиков, отсутствия права регресса, несоответствия принимаемых рисков существующей страховой емкости [4, с. 32], по нашему мнению, оно имеет достаточно большой

потенциал в данном секторе. Преимущества страхования — это, во-первых, наиболее экономически выгодный для исполнителей госконтрактов способ получения гарантий и, во-вторых, менее сложная с точки зрения администрирования процедура оформления (договор страхования), чем банковская гарантия.

В связи с этим представляется необходимым на законодательном уровне разработать особенности страхования ответственности поставщиков (исполнителей, подрядчиков) по государственному контракту, предусмотрев возможность предъявления требований по суброгации; вступление договора страхования в силу в момент подписания, без связи с оплатой страховой премии; изменения по государственному контракту, влекущие увеличение ответственности, должны давать право страховщику изменить условия страхования; договор страхования действует до исполнения обязательств по государственному контракту.

Также заслуживает внимание высказанное в литературе предложение по поводу введения нового вида обеспечения исполнения — страхования поручительства по аналогии с западными Surety Bond, которые характеризуются следующими особенностями: страховые полисы приобретаются принципалом, не имеют четкого периода действия, поэтому, если проект откладывается, остаются на риске до его завершения, отказ принципала уплатить премию не освобождает страховщика от обязательства перед бенефициаром, перестрахование договоров страхования поручительства, в результате чего покрываются риски неисполнения обязательств [Там же.С. 33].

Также для субъектов малого и среднего предпринимательства возможно предусмотреть в качестве способа обеспечения поручительство саморегулируемой организации, если они являются ее членами. Саморегулируемая организация в случае невыполнения ее членом обязательств должна возместить убытки за счет компенсационного фонда. Использование данного способа обеспечения создаст дополнительный стимул для саморегулируемой организации по проверке деятельности участника государственной закупки.

Использование поручительства в остальных случаях также возможно, если на федеральном уровне будет создан реестр поручителей в сфере госзаказа, сведения в который станут вноситься после проверки, что позволит минимизировать риски получения формального обеспечения [5, с. 39].

С каждым годом объемы финансирования государственных и муниципальных контрактов увеличиваеются, по оценке специалистов, «емкость рынка госзаказов в России огромна» [6, с. 10], следовательно, необходимо создать конкурентное поле для лиц, предоставляющих обеспечение. Цели, заложенные в основу института обеспечения исполнения государственного контракта, призваны удовлетворять не только публичные интересы, но и частные. Избрание законодателем достаточно узкого и затратного для участников закупки круга способов обеспечения является барьером формирования конкурентной среды.

Исходя из этого, полагаем, что необходимо использование одного из способов обеспечения обязательства в сфере государственных закупок при заключении любого государственного контракта независимо от суммы. С целью повышения уровня защиты интересов заказчиков от действий недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), сокращения рисков, связанных с утратой предоставленного авансового платежа и неисполнением контрактов, необходимо расширить перечень применяемых способов обеспечения исполнения обязательств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ (Часть вторая) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Собрание законодательства РФ. 08.04.2013. № 14. Ст. 1652.

3. Гонгало Б. М. Гражданско-правовое обеспечение обязательств: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 311 с.

4. Кошелюк Б. Е. К вопросу об обеспечении исполнения государственных контрактов // Гражданское право. 2011. № 3. С. 32—34.

5. Астахова М. В. Договор поручительства — один из видов обеспечения исполнения обязательств по государственным контрактам // Российский следователь. 2012. № 1. С. 39—41.

6. Гапанович А. В. Особенности исполнения обязательств по государственному (муниципальному) контракту // Право и экономика. 2013. № 2. С. 10—16.

REFERENCES

1. The Civil Code of the Russian Federation dated January 26, 1996 № 14-FZ (Part two) // Collection of the RF legislation. 1996. № 5. Article 410.

2. On the contract system in procurem ent of goods, works, and services for the state and municipal needs: Federal law dated 05.04.2013 № 44-FZ (revision as of 29.06.2015) // Collection of the RF legislation. 08.04.2013. № 14. Article 1652.

3. Gongalo B. M. The civil-legal ensuring of obligations: dissertation of the doctor of law. Ekaterinburg, 1998. 311 p.

4. Kosheluk B. E. To the issue of enforcement of the government contracts fulfillment // Civil law. 2011. № 3. P. 32—34.

5. Astakhova M. V. Guarantee agreement is one of the types of ensuring fulfillment of obligations under the government contracts // Russian investigator. 2012. № 1. P. 39—41.

6. Gapanovich V. A. Peculiarities of fulfillment of obligations under the state (municipal) contract // Law and Economics. 2013. № 2. P. 10—16.

УДК 346.7+368
ББК 65.271-31

Poddubnaya Dariya Alexandrovna,
post-graduate student of the department of civil and family law of Saratov State Law Academy, Saratov,
e-mail: didapoddubnie@mail.ru

Поддубная Дарья Александровна,
аспирант кафедры гражданского и семейного права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов,
e-mail: didapoddubnie@mail.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ СТРАХОВАНИЯ КОМПЕНСАЦИОННОГО ФОНДА САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ON INSURANCE OF THE COMPENSATION FUND OF SELF-REGULATORY ORGANIZATIONS

В статье рассматриваются проблемы, связанные со становлением и развитием института саморегулирования в России. Приводится анализ проблемы функционирования страховой защиты для членов саморегулируемых организаций (СРО). Рассматриваются проблемы сохранности средств компенсационного фонда и их возместимости при отзыве лицензий у банков, на счетах которых средства размещаются. Критическому осмыслению подвергается инициатива страховщиков по страхованию средств компенсационного фонда как противоречащая сущности самого понятия и не учитывающая интересов страхователей. Освещаются вопросы малой «грамотности» СРО в квалифицированной оценке ущерба, подлежащего возмещению из средств компенсационного фонда.

The article discusses the problems associated with the formation and development of the institution of self-regulation in Russia. The analysis of the problem of functioning of insurance protection of the members of self-regulatory organizations (SROs) is made. The author also raises the issue of security of the compensation fund and its reimbursement in case of the license withdrawal from banks, on which accounts such funds is placed. Critical thinking is exposed to the initiative of insurers for insurance of the compensation fund as contradicting to the essence of the concept and not taking into account the interests of the policy-holders. The issues of poor literacy of SRO in terms of qualified assessment of the damage to be reimbursed by means of compensation fund.

Ключевые слова: профессиональное сообщество, саморегулирование, компенсационный фонд, гарантии возмещения ущерба, страхование профессиональной ответственности, обеспечение интересов потребителя, сохранение денежных средств СРО, объекты страховой защиты, взносы членов СРО, комплексная страховая защита, целевое расходование средств.

Keywords: professional community, self-regulation, compensation fund, guarantees, compensation for damage, professional liability insurance, ensuring interests of the consumer, cash preservation of SRO, objects of insurance protection, fees of the SRO members, comprehensive insurance protection, intended expenditures.

Рассмотрение проблем страхования профессиональной ответственности членов саморегулируемой организации в современных условиях апробации института саморегулирования является одним из перспективных направлений научного исследования. Вопросов, касающихся баланса интересов страховщиков и страхователей, до сегодняшнего дня остается довольно много. Успешному функционированию института страхования профессиональной ответственности мешают различные факторы: от экономических до правовых. Анализ соответствующих проблем позволит найти оптимальные правовые решения для унификации норм о страховании.

Отдельным вопросам страхования были посвящены диссертационные исследования и научные работы, однако вопросы, освещаемые в упоминаемых работах, рассматривались учеными и юристами-практиками лишь поверхностно. Так как институту страхования свойственна трансформация основных понятий и положений по причине высокой динамики регулируемых отношений, вопросы правового закрепления таких правоотношений должны быть урегулированы достаточно подробно. Выявление слабых мест института страхования позволит определить основные направления дальнейшего правотворчества.

Целью настоящего исследования является освещение некоторых проблем в сфере страхования профессиональной ответственности членов саморегулируемых организаций (СРО).

С момента появления саморегулирования государством предъявляются требования к наличию механизма компенсации ущерба (пп. 2 п. 2 ст. 55.4 Градостроительного кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГрК РФ) за ненадлежащие результаты работы, выполненной членами отдельной саморегулируемой организации. Одним из гарантов компенсации ущерба выступает компенсационный фонд СРО, который образуется благодаря взносам ее членов и подлежит применению в случае недостаточности средств у причинителя ущерба (ст. 55.16 ГрК РФ). Одной из основных функций СРО является возмещение вреда, причиненного в результате недостатков выполненных работ. Данная функция и является основоположником системы саморегулирования и одним из основных доводов перехода к ней от лицензирования, где фирма самостоятельно должна была возместить ущерб. Потому сформированный в установленном законодательством размере компенсационный фонд, обязанность поддержания которого возложена на членов СРО под страхом прекращения деятельности, и является основным доводом необходимости перехода к саморегулированию. Однако со временем «идеальный» механизм, подверженный влиянию общего нестабильного экономического положения, начал давать сбои. Вместе с тем государство определяет требования к его формированию и расходованию достаточно предметно. Расходование средств компенсационного фонда должно носить строго целевой характер. Представляется, что средств сформированного компенсационного фонда должно быть достаточно для возмещения ущерба лицам, которые понесли убытки ввиду ненадлежащего исполнения обязательств членами

СРО. Кроме того, сформированный в определенной сумме компенсационный фонд позволяет претендовать кандидату на включение сведений о такой организации в реестр СРО. Из сказанного видно, насколько важна функция компенсационного фонда СРО и как внимательно относится государство к обеспечению интересов потребителя. Потому обоснованным видится желание руководства и членов СРО любыми способами обезопасить компенсационный фонд с целью исключить возможность траты составляющих его денежных средств.

По этой причине страховщиками стали разрабатываться новые виды страхования, одним из которых является страхование средств компенсационного фонда. В связи с неоднозначностью подобных предложений, а также спорностью такого подхода представляется обоснованным рассмотрение оснований и принципов выбора подобного страхового объекта, а также возможность страхования средств компенсационного фонда как гарантия сохранности взносов членов СРО.

Стоит отметить, что механизм формирования, восполнения компенсационного фонда, а также выплат из него достаточно полно описан законодателем. Однако всегда существует риск потери денежных средств, в связи с чем необходимо предусматривать дополнительные механизмы его защиты даже в случаях, далеких от его исчерпания клиентами членов СРО. Такими, например, представляются случаи банкротства банка, на счетах которого СРО размещала указанные средства. Как видно, члены СРО никак не влияют и не могут изменить или повлиять на указанную ситуацию. Так и законодательством не предусмотрено механизма возврата потерянных средств, которые в указанном выше случае фактически можно считать утраченными. В такой ситуации банкротство банка повлечет приостановку работы СРО, так как в соответствии с законодательством СРО не может работать, не сформировав компенсационного фонда. Такая ситуация надолго может создать препятствие к осуществлению профессиональной деятельности десяткам фирм, что повлечет необоснованные и огромные финансовые потери и дискредитацию всего механизма защиты, олицетворяемого СРО. Рассматривая современную ситуацию, при которой Центральным банком Российской Федерации ежедневно отзываются лицензии у различных банков [2; 3], страховщики видят необходимым распространение страхования и на средства компенсационного фонда как дополнительного вектора, нуждающегося в страховой защите.

Так как законом предусмотрено только два варианта размещения средств компенсационного фонда СРО (депозит и ценные бумаги), наработанная практика реализации обоих направлений выявила сомнительность в их действенности. Кроме того, зачастую не разбираясь в тонкостях инвестирования, СРО вкладывают свои денежные средства бездумно, то есть в те кредитные организации, которые, по мнению СРО, смогут гарантировать сохранение и приумножение капитала, то есть фактически наобум. В свою очередь, кредитные организации тоже не всегда ведут достойную деятельность, что приводит к плачевным результатам, описанным выше.

Метод вложения денежных средств в ценные бумаги не оправдал себя, так как доходы, приносимые им, малы, а тонкостей этого метода сохранения средств компенсационного фонда великое множество, что создает дополнительные риски потери денежных средств и не соответствует идее саморегулирования. Так или иначе, из-за произведенных трат и для продолжения функционирования СРО должна восстановить компенсационный фонд. Так как законодатель не предполагает в ближайшее время проводить кардинальное изменение существующего положения вещей, страховщики инициируют собственные предложения по разрешению сложившейся ситуации, не желая упускать свой шанс заработать.

Страховщикам представляется, что наличие у СРО и ее членов комплексной страховой защиты (а именно: страхование профессиональной ответственности члена СРО и страхование средств компенсационного фонда) будет являться комплексным решением, которое позволит всесторонне оградить денежные средства СРО от «внезапного исчезновения», а также будет являть собой надежность каждого из членов такой СРО как участника финансовых правоотношений. Однако ввиду наличия претензий к современным правилам страхования профессиональной ответственности стоит быть готовыми и к тому, что такой же ситуация будет при введении нового вида страхования. При этом необходимо помнить, что средства компенсационного фонда при рассмотрении вопросов их сохранения не могут и не должны подвергаться механизму апробации сравнительно новым страховым механизмом. Слишком велика роль этих средств в деятельности СРО и «жизнеспособности» профессионального сообщества.

Наряду с обсуждением этого вопроса на различных конференциях, встречах, совещаниях [4] следует отметить очевидную уязвимость данной идеи, хотя бы по причине того, что и без этого обременительные взносы членов СРО в компенсационный фонд должны быть обеспечены еще большими тратами на страхование этого фонда. Сама идея защитного механизма в данном случае дискредитируется. Получается, что сам компенсационный фонд не может гарантировать компенсацию ущерба, в связи с чем этот недостаток каким-то образом должно устранить его страхование. Между тем СРО следует осознать, что достаточным гарантом сохранности компенсационного фонда без задействования дополнительных средств членов СРО является добросовестная деятельность всех членов. Следует помнить, что ни один страховщик не готов возмещать ущерб, причиненный отзывом лицензии у банка или произведенной выплатой. Это же подтверждается и правилами страхования, например, п. 4.1.11 правил страхования гражданской ответственности при осуществлении профессиональной деятельности риелторов СОАО «ВСК» [5], п. 3.4.12 правил страхования профессиональной ответственности строителей ООО «Группа Ренессанс Страхование» [6], в которых установлено, что не подлежит возмещению вред, причиненный вследствие правительственного или иного указания, предписания или требования компетентных органов страхователю (застрахованному лицу) в части осуществления профессиональной деятельности.

Таким образом, необходимо активно развивать работу, начатую в июле 2014 года Национальным объединением строителей, озвучившим «Программу мер по защите компенсационных фондов и деятельности СРО стройкомплекса в случае несостоятельности (банкротства) российских кредитных учреждений» [7], а также разрабатывать похожие документы, касающиеся проработки собственных действий при рассмотрении случаев, влекущих или могущих повлечь выплаты из компенсационного фонда, так как учеными и практиками не раз указывалось на то, что СРО, не обладая специальными знаниями и навыками, не способна грамотно оценить ущерб, причиненный ее членом, соответственно денежные средства отдаются бездумно.

Подводя итог сказанному выше, необходимо отметить, что в современных условиях не может быть предложено страхование средств компенсационного фонда по следующим обстоятельствам:

— сомнительность самой идеи страхования меха-

низма финансовой компенсации причиненного ущерба;

— отсутствие заинтересованности у страховщиков компенсировать неизбежные траты СРО;

— отсутствие правомочий у СРО выступать страхователем по такому договору, что является достаточным основанием признания договора недействительным.

Таким образом, следует признать механизм страхования компенсационного фонда несостоятельным в той интерпретации, что предлагается в современных условиях, потому на сегодняшний день указанная идея представляется малоприменимой на практике и не до конца обусловленной условиями профессиональной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ в ред. от 31.12.2014 // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 16.

2. Грицюк М. ЦБ отозвал лицензии у двух столичных банков [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2015/06/19/banki-site.html (дата обращения: 21.06.2015); HTB.Ru. ЦБ отозвал лицензии у четырех банков [Электронный ресурс]. URL: http://www.ntv.ru/novosti/1214776/video/ (дата обращения: 20.06.2015).

3. Игнатьева Е., Лякишева И. Отзыв лицензий у банков России [Электронный ресурс]. URL: http://www.dk.ru/wiki/otzyv-licenziy-u-bankov-rossii (дата обращения: 21.06.2015).

4. Материалы международной конференции «Энергетическое и промышленное страхование» [Электронный ресурс]. URL: http://www.business-vector.info/?p=10310 (дата обращения: 21.06.2015); Материалы круглого стола «Вопросы реализации имущественной ответственности членов СРО» [Электронный ресурс]. URL: http://nostroy.ru/news_files/ (дата обращения: 21.06.2015).

5. Правила № 36/2 страхования гражданской ответственности при осуществлении профессиональной деятельности риелторов СОАО «ВСК», утвержденные генеральным директором СОАО «ВСК» 30.04.2014 [Электронный ресурс]. URL http://www.vsk.ru/upload/ (дата обращения: 26.08.2014).

6. Правила страхования профессиональной ответственности строителей ООО «Группа Ренессанс Страхование», утвержденные решением правления ООО «Группа Ренессанс Страхование» от 01.12.1997 [Электронный ресурс]. URL: http://www.renins.com/ (дата обращения: 21.03.2015).

7. Мхитарян Ю. И. Программа мер по защите компенсационных фондов и деятельности СРО стройкомплекса в случае несостоятельности (банкротства) российских кредитных учреждений [Электронный ресурс]. URL: http://nostroy.ru/articles/detail.php?ELEMENT_ID=1231 (дата обращения: 19.06.2015).

REFERENCES

1. The town-planning code of the Russian Federation: Federal law dated 29.12.2004 № 190-FZ (as amended on December 31, 2014) // Collection of the RF legislation. 2005. № 1 (part 1). Art. 16.

2. Gritsyuk M. The Central Bank revoked licenses of two Moscow banks [Electronic resource]. URL: http://www.rg.ru/2015/06/19/banki-site.html (date of viewing: 21.06.2015); HTB.Ru. The Central Bank revoked the licenses of four banks [Electronic resource]. URL: http://www.ntv.ru/novosti/1214776/video/ (date of viewing: 20.06.2015).

3. Ignatieva E., Lyakisheva I. Withdrawal of licenses from banks in Russia [Electronic resource]. URL: http://www.dk.ru/wiki/otzyv-licenziy-u-bankov-rossii (date of viewing: 21.06.2015).

4. Materials of the International conference «Energy and industrial insurance» [Electronic resource]. URL: http://www.business-vector.info/?p=10310 (date of viewing: 21.06.2015); Materials of the round table «Issues of implementation of the property liability of the members of SRO» [Electronic resource]. URL: http://nostroy.ru/news_files/ (date of viewing: 21.06.2015).

5. Regulations № 36/2 of insurance of civil liability when fulfilling professional activity of realtors of VSK IOJSC approved by the General Director of the VSK IOJCS on 30.04.2014 [Electronic resource]. URL http://www.vsk.ru/upload/ (date of viewing: 26.08.2014).

6. The rules of professional liability insurance of builders of the Renaissance Insurance Group LLC approved by decision of the Board of Directors of the Renaissance Insurance Group LLC dated 01.12.1997 [Electronic resource]. URL: http://www.renins.com/ (date of viewing: 21.03.2015).

7. Mkhitaryan Yu. I. the Program of measures for protection of the compensation funds and the activities of the SRO of building complex in the case of insolvency (bankruptcy) of the Russian credit institutions [Electronic resource]. URL: http://nostroy.ru/articles/detail.php?ELEMENT_ID=1231 (date of viewing: 19.06.2015).

13.00.00 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
13.00.00 PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 378
ББК 74.58

Vashchenko Alexander Nikolayevich,
doctor of economics, professor, editor-in-chief
of the journal «Business. Education. Law»,
Volgograd,
e-mail: meon_nauka@mail.ru

Ващенко Александр Николаевич,
д-р экон. наук, профессор, главный редактор
журнала «Бизнес. Образование. Право»,
г. Волгоград,
e-mail: meon_nauka@mail.ru

Kozubtsov Igor Nikolayevich,
candidate of technical sciences, professor
of the Russian Academy of Natural Sciences,
Scientific center for communication and information
of the Military Institute of Communication and Information,
Ukraine, Kiev,
e-mail: kozubtsov@mail.ru

Козубцов Игорь Николаевич,
канд. техн. наук, профессор РАЕ,
Научный центр связи и информатизации
Военного института телекоммуникаций
и информатизации,
Украина, г. Киев,
e-mail: kozubtsov@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ РАЗВИВАЮЩЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АСПИРАНТОВ

CONTENT OF DEVELOPMENTAL PEDAGOGICAL TECHNOLOGY OF SCIENTIFIC AND TEACHING ACTIVITIES OF THE POST-GRADUATES

В статье рассматривается обоснование педагогической технологии научно-просветительской деятельности аспирантов, которая содержит элементы редакционно-издательской деятельности. Она является составляющей методики профессионального развития методологической компетентности аспирантов. Анализируется структура изложения технологии на предмет возможности ее воспроизведения. Определены основные характеристики педагогической технологии научно-просветительской деятельности аспирантов. Наличие их позволяет научному руководителю воспроизвести педагогическую технологию. Сделаны выводы, что предложенная педагогическая технология реализует ожидаемые цели по развитию методологической компетентности аспирантов в части того, что касается организации деятельности. Предложено изучить факторы, которые влияют на эффективность применения технологии научно-просветительской деятельности аспирантов.

The article discusses justification of pedagogical technology of scientific and teaching activities of the post-graduate students, which contains elements of publishing activity. It is a component of the method of professional development of methodological competence of the post-graduate students. The structure of the technology presentation for the purpose of its reproduction is analyzed. The main characteristics of the pedagogical technology of research and educational activities of the post-graduate students are determined. Their presence allows the scientific supervisor to reproduce pedagogical technology. Conclusions regarding the proposed pedagogical technology implements the anticipated goals for development of the methodological competence of the post-graduate students as regard the arrangement of activities are made. It is proposed to examine the factors that influence effectiveness of application of the technology of research and educational activities of the post-graduate students.

Ключевые слова: аспирант, адъюнкт, педагогическая технология, развитие, редакционно-издательская деятельность, научно-просветительская деятельность, методологическая компетентность аспиранта, методологическая компетентность адъюнкта, феномен, компетентность.

Keywords: post-graduate student, post-graduate in a military college, pedagogical technology, development, publishing activities, scientific and teaching activities, methodological competence of the post-graduate student, methodological competence of the post-graduate in a military college, phenomenon, competence.

Постановка проблемы и связь ее с важными научными заданиями. Ученые осознают необходимость передачи своих и новых знаний следующим поколениям. Этому способствует научно-просветительская деятельность, которая является контекстной составляющей научной и научно-технической деятельности ученого.

Альберт Эйнштейн отмечал, что «просвещать простых людей в научном отношении, держать их в курсе тех усилий, которые делаются научным содружеством, есть долг ученого перед обществом, в котором и благодаря которому он живет и прибегает к чистым радостям постижения Истины» [1]. Это аргумент в пользу необходимости для аспиранта овладеть педагогической технологией (ПТх) еще в процессе обучения в аспирантуре.

В процессе овладения ПТх научно-просветительской деятельности будущий ученый обязан освоить различные жанры письма, в том числе написания в научно-популярной форме. На что «настоящие» ученые не только не тратят свое драгоценное время, но скептически к этому относятся. Эйнштейн отметил: «Никак нельзя мириться с тем, чтобы каждое новое достижение в науке было известно лишь нескольким ученым в этой конкретной области, даже если им удастся вполне оценить его, развить и применить в своей работе». Здесь тонкая грань, поскольку аспирант (адъюнкт) обязан учитывать феномен «военной

науки», который связан с защитой государственной тайны [2]. В то же время «сузить круг людей, которым доступно знание, до небольшой группы посвященных — значит умертвить философский дух народа, а отсюда прямой путь к духовной нищете». При этом ученый обязан перед обществом придерживаться высокой личной морали и этики поведения [2; 3].

Также необходимо учитывать, что во время просветительской деятельности есть вероятность появления издательских парадоксов [4].

Цель статьи — обосновать содержание педагогической технологии научно-просветительской деятельности аспирантов на этапе обучения в аспирантуре.

Квинтэссенция анализа исследований и публикаций по направлению. В процессе исследования будем использовать ведущие идеи А. Н. Ващенко [5; 6], Л. М. Козубцова, К. Е. Левитина [1], Л. Ф. Мараховского, Л. С. Таршиловой, Г. К. Селевко [7], Р. В. Майер [8].

Результат исследования. Современная теория и практика утверждает, что наибольшей эффективности в обеспечении передачи человеческого опыта способствует применение педагогической технологии. Поэтому нами предложена ПТх научно-просветительской деятельности, которая сочетается с алгоритмом проблемного обучения и вводом замкнутого цикла с изменением исходных данных. Процесс повторения аспирантом профессиональных действий обеспечивает развитие у него учебного квазипрофессионального опыта.

Предложенная нами ПТх представляет собой полностью завершенную систему. В то же время она является составляющей педагогической системы — методики профессионального развития аспиранта (рис.) [9; 10]. По мнению А. Н. Ващенко [6], разработка четкой и понятной методики профессионального развития аспиранта — логически целесообразное направление в развитии института аспирантуры. В связи с этим описание ПТх предусматривает раскрытие всех основных характеристик, которое делает возможным ее воссоздание. Учитывая ошибки Д. М. Назарова [11], мы описываем ПТх по структуре, предложенной Г. К. Селевко [7, с. 30], что позволяет легкое ее воссоздание научным руководителем.

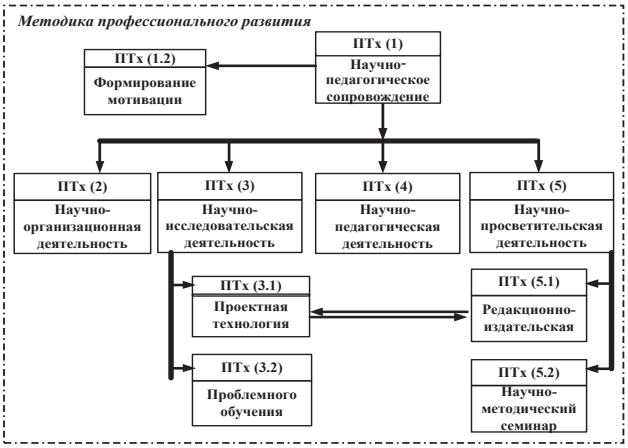


Рис. Место ПТх в составе методики профессионального развития аспиранта

1. Идентификация педагогической технологии согласно принятой нами структуре и условным сокращениям — Птх (5).

2. Название технологии. Педагогическая технология научно-просветительской деятельности.

3. Концептуальная часть.

По научной концепции усвоения опыта является развивающей.

Целевые установки и ориентации нацелены на сформирование у аспирантов знаний об организации научно-просветительской деятельности, а также на развитие практических навыков (опыта):

— разработки материалов монографий, научных докладов и статей;

— подготовки докладов и научных сообщений;

— публичного выступления на научных конференциях, совещаниях, семинарах и симпозиумах.

Поскольку наше исследование связано с развитием методологической компетентности аспиранта (адъюнкта), следует рассмотреть в общем виде общеобразовательную характеристику выпускника аспирантуры (табл. 1). В таблице принятые сокращения: ПК — профессиональная компетентность, МК — методологическая компетентность аспиранта (адъюнкта).

Таблица 1

Общеобразовательная характеристика выпускника аспирантуры с развитой методологической компетентностью

Шифр	Z-составляющая	D-составляющая	Учебные дисциплины
ПК	***Знать:*** порядок разработки, структуру содержания монографий, научных докладов и статей; порядок подготовки докладов и научных сообщений; научную деловую речь и этику выступления на научных конференциях, совещаниях, семинарах и симпозиумах; порядок участия в международных выставках, конкурсах	***Уметь:*** практически разрабатывать структуру, содержание монографий, научных докладов и статей; практически готовить доклады, научные сообщения с употреблением профессионально делового языка; практически придерживаться морали и этики выступления на научных конференциях, совещаниях, семинарах и симпозиумах, в международных выставках, конкурсах	Философия; методологические основы научных исследований
МК	***Знать:*** нормативно правовые акты, которые определяют порядок организации деятельности в процессе разработки монографий, научных докладов и статей; нормативно-правовые акты, на основании которых осуществляется подготовка докладов и научных сообщений и выступление на научных конференциях, совещаниях, семинарах и симпозиумах; нормативно-правовые акты, которые определяют разрешение и порядок участия в работе международных выставок, конкурсах при условий сохранении государственной тайны	***Уметь:*** практически применять нормативно-правовые акты в организации деятельности в процессе разработки монографий, научных докладов и статей; практически организовывать работу научных конференций, совещаний, семинаров, симпозиумов при условии сохранения государственной тайны, а в случае вероятного ее разглашения применить мероприятия по устранению такой возможности	Методологические основы научных исследований

Позиция аспиранта в образовательном процессе: разработчик материалов монографий, научных докладов и статей.

4. Особенности содержания образования:

По ориентации на личностные структуры:

— информационные технологии (формирование знаний, умений, навыков научно-просветительской деятельности — ЗУН);

— операционные (формирование способов умственных действий — СУД);

— эмоционально-нравственные (формирование сферы эстетических и нравственных отношений — СЭН);

— технологии саморазвития (формирование самоуправляющихся механизмов личности — СУМ);

— эвристические технологии (развитие творческих способностей) и прикладные (формирование действенно-практической сферы — СДП).

5. Процессуальная характеристика:

По характеру содержания и структуры технологии: обучающие и воспитывающие, профессионально ориентированные, комплексные (политехнология) технологии.

По типу организации и управления познавательной деятельностью педагогических систем (технологий).

Организационные формы образовательного процесса: организация образовательного процесса осуществляется в форме самостоятельной подготовки (работы) аспиранта в неучебное время.

Взаимодействие (методическая помощь, контроль, реагирование) научного руководителя с аспирантом (управление) осуществляется путем применения системы «консультант», реализованной по ПТх научно-педагогического сопровождения [12].

Методы и формы работы научного руководителя и учебной деятельности аспирантов представлены в табл. 2

Таблица 2

Методы и формы работы научного руководителя и учебной деятельности аспирантов

Содержание	методы и формы работы по категориям	
	научного руководителя	аспиранта
Этап 1. Передача теоретического содержания выполнения этапов технологии	Объяснение аспиранту порядка выполнения этапов технологии	Осознание порядка выполнения этапов технологии
Этап 2. Повседневная практика аспиранта	Реагирование на результат выполнения аспирантом этапов технологии. Направление учебной деятельности аспиранта на развитие	Самостоятельное выполнение каждого из этапов технологии. Отчетность перед научным руководителем о результате выполнения этапов технологии
Этап 3. Передача аспиранту жизненного опыта из руководства работой аспирантов	Объяснение аспиранту порядка действий научного руководителя по технологии научно-педагогического сопровождения. Удостовериться в том, что аспирант осознал технологию	Осознание порядка действий научного руководителя по технологии научно-педагогического сопровождения
Этап 4. Диагностирование	Оценивание действий аспиранта в целом	Действие аспиранта по технологическим шагам

Согласно классификации [7, с. 26], категория аспирантов, на которых рассчитана технология: массовая + продвинутая.

6. Программно-методическое обеспечение ПТх приведено в табл. 3.

Таблица 3

Программно-методическое обеспечение ПТх

№ ПТх	Программно-методическое обеспечение (необходимость/рекомендованные источники)				
	учебные планы и программы	учебные и методические пособия	дидактические материалы/рекомендации	наглядные и технические средства обучения	диагностический инструментарий
ПТх 5	—	[13; 14; 15]	[16; 17]	+	+/[18; 19; 20; 21]
ПТх 5.1	—			+	

Диагностический инструментарий. Общие критерии диагностирования уровней развития методологической компетентности аспирантов [21] имплементированы в следующих показателях:

— подготовленные монографии, научные доклады и статьи в соответствии с требованиями и содержанием;

— подготовленный доклад научного сообщения для выступления на научной конференции, совещании, семинаре, симпозиуме;

— отсутствие страха, уверенность, проявление активного желания участия в научной конференции, совещании, семинаре, симпозиуме;

— умение организовать учебный семинар среди коллег.

В соответствии с разработанной методикой [9], представленной на рис., необходимо рассмотреть составляющую технологию редакционно-издательского дела. Описание ПТх представим по структуре [7, с. 30].

1. Идентификация педагогической технологии согласно принятой нами структуре и условным сокращениям — ПТх (5.1).

2. Название технологии — редакционно-издательская технология.

3. Концептуальная часть.

По научной концепции усвоения опыта является развивающей.

Целевые установки и ориентации:

— сориентировать аспиранта в порядке выполнения функций организации редакционно-издательской деятельности;

— объяснить форматизированную структуру материалов (тезисов докладов, статьи, монографии) и общественную роль для научного общества [22; 23];

— объяснить очередность печати материалов (тезисов докладов, статей, монографий);

— просчитать периодичность научного издания;

— планировать издания материалов (тезисов докладов, статей, монографий) с учетом пропускной способности издательства;

— умение корректировать на всех этапах редакционно-издательского дела.

Позиция аспиранта в образовательном процессе:

— выяснить необходимую цель организации редакционно-издательской деятельности;

— получить фундаментальные знания об организации редакционно-издательской деятельности;

— приобрести практические навыки организации научно-просветительской деятельности в процессе редакционно-издательского дела.

4. Особенности содержания образования:

По ориентации на личностные структуры:

— информационные технологии (формирование знаний, умений, навыков организации редакционно-издательской деятельности — ЗУН);

— эмоционально-нравственные технологии (формирование сферы эстетических и нравственных отношений — СЭН);

— технологии саморазвития (формирование самоуправляющихся механизмов личности — СУМ);

— эвристические технологии (развитие творческих способностей) и прикладные (формирование действенно-практической сферы — СДП).

5. Процессуальная характеристика:

По характеру содержания и структуры технология относится к обучающей, воспитывающей, профессионально ориентированной, комплексной (политехнология) технологии.

Организация образовательного процесса осуществляется в форме самостоятельной подготовки (работы) аспиранта в неучебное время.

Взаимодействие (методическая помощь, контроль, реагирование) научного руководителя с аспирантом (управление) осуществляется путем применения системы «консультант», реализованной по ПТх научно-педагогического сопровождения [12].

Способ, метод, средство обучения осуществляются непосредственно технологией: объяснительно-иллюстративной, развивающей.

6. Программно-методическое обеспечение ПТх 5.1 приведено в табл. 3 в соответствующей графе — ПТх 5.1.

Учебные и методические пособия. Необходимо использовать учебные и методические пособия, которые мотивированно разъясняют особенности редакционно-издательского дела. Как показывают результаты опросов аспирантов, ясность и четкость изложения материала методических пособий повышают уровень и скорость усваивания ими знаний. Анализ литературы из издательского дела свидетельствует, что по большей части методические пособия представлены авторами-новаторами, которые преследуют цель передать собственный опыт и сориентировать аспирантов.

В качестве дидактического материала рекомендуем:

— порядок составления библиографической записи [16];

— структуру и правила оформления документации, отчетов в сфере науки и техники [17];

— универсальную десятичную классификацию (УДК);

— структуру, свойства и принципы УДК;

— методические указания относительно применения УДК;

— основные разделы УДК;

— алфавитно-предметные указатели к основным разделам УДК;

— вспомогательные таблицы УДК;

— алфавитно-предметные указатели к вспомогательным таблицам;

— требования относительно содержания и оформления материалов как пример конкретного издательства;

— рабочий образец оформления материалов как пример конкретного издательства;

— рабочий шаблон, заготовка форматизированной структуры, например научной статьи;

— требования, которые касаются оформления диссертационной работы, автореферата диссертационной работы, монографий (разработанные и утвержденные ВАК).

В качестве наглядных и технических средств учебы выступают компьютер, принтер, проектор.

Общие критерии диагностирования уровней развития методологической компетентности аспирантов [21], которые имплементированы в следующих показателях:

— научная рецензия написана научным руководителем или определенным рецензентом;

— соответствие материалов (тезисов докладов, статей, монографий, учебников, методических пособий) форматизированной структуре;

— соответствие материалов (тезисов докладов, статей, монографий, учебников, методических пособий) форматизированным требованиям относительно оформления;

— принятие материалов (тезисов докладов, статей, монографий) к печати издательством;

— соответствие содержания материалов (тезисов докладов, статей, монографий);

— корректное формирование цели, выводов, научной новизны.

Элемент научной новизны работы. Впервые предложена четкая технология по овладению аспирантами методологии организации научно-просветительской и редакционно-издательской деятельности на этапе обучения в аспирантуре. Описание ПТх раскрывает основные характеристики, что делает возможным ее воссоздание. Применяя ПТх, научный руководитель обеспечивает гарантированное развитие методологической и профессиональной компетентности у аспирантов за счет мотивационно-разъяснительного построения учебного материала, оптимального применения дидактического (наглядного) материала.

Выводы по результатам исследования. Таким образом, в статье на основании ранее предложенной методики профессионального развития методологической компетентности аспирантов в контексте их обучения в аспирантуре обоснована педагогическая технология научно-просветительской деятельности.

Наиболее эффективного способа передачи опыта можно достичь использованием педагогической технологии, поэтому нами предложена технология научно-просветительской деятельности аспирантов.

Она включает все операции и рекомендации, которые необходимы для практической деятельности аспиранта.

Развитие научно-просветительской деятельности осуществляется по алгоритму повторения с изменением исходных данных в процессе написания диссертации. Этим обеспечивается процесс накопления аспирантом профессионального опыта.

Несмотря на то что результат исследования является предметом педагогических наук, он носит междисциплинарный характер и требует обсуждения на станицах научного журнала «Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса» [5].

Полученный результат является составной частью диссертационного исследования, который дополняет концепцию [24]. Сведения о практической фазе апробации ПТх приведены в табл. 4.

Таблица 4

Сведения об апробации ПТх

№ ПТх	Классификация научных работ/источник апробации			
	Монография	Учебное пособие	Методические рекомендации	Дидактические материалы/рекомендации (научные статьи)
ПТх 5	[14]	[13]	[15]	[9; 22; 23; 25]
ПТх 5.1				

Прогноз перспективного направления исследований предполагает изучение факторов, влияющих на эффективность применения ПТх.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Левитин К. Е. Изреченная мысль (Размышления вслух в семи встречах): учеб. пособие по дисциплине «Актуальные проблемы современной науки и журналистика». М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2009. 70 с.

2. Козубцов І. М., Козубцова Л. М. Феномен методологічної основи діяльності аспірантів у системі вищої військової освіти: аналітико-порівняльне обґрунтування // Науково-практичний журнал. Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. 2015. № 1 (22). С. 119—122.

3. Козубцов И. Н. О междисциплинарной связи мотива к научной публикации с инвестиционным показателем // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых — 2013: мат. Междунар. молодежн. науч. конф. (13—15 ноября 2013 года). В 6 т. Т. 2 / Юго-Зап. гос. ун-т., А. А. Горохов. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2013. С. 189—193.

4. Козубцов И. Н. Философско-технические подходы к решению некоторых научно-педагогических парадоксов // Науково-практичний журнал. Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. 2014. № 1 (19). С. 147—154.

5. Ващенко А. Н., Козубцов И. Н. Научный журнал «Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса» — междисциплинарный научно-испытательный полигон бизнеса, образования и права: приглашение к научной дискуссии // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 132—135.

6. Ващенко А. Н., Козубцов И. Н. Направления развития института аспирантуры системы третьего уровня высшего образования в контексте Болонской хартии // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 3 (24). С. 68—71.

7. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии. М.: Народное образование, 1998. 256 с.

8. Майер Р. В. Психология обучения без огорчения: книга для начинающего учителя. Глазов, 2010. 116 с.

9. Козубцов И. Н. Роль и взаимосвязь теории и методики профессионального образования в процессе синтеза целостной научно-педагогической картины мира // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 2 (23). С. 73—78.

10. Козубцов І. М. Синтез структурно-цілісної методики професійного розвитку аспірантів // Междисциплинарные исследования в науке и образовании. 2015. № 4К [Электронный ресурс]. URL: www.es.rae.ru/mino/179-1488 (дата обращения: 22.07.2015).

11. Назаров Д. М. Проектирование и содержание герменевтической технологии обучения на основе ее компаративного анализа // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 2 (12). С. 181—186.

12. Козубцов І. М. Модель співпраці наукового керівника та аспіранта в процесі науково-педагогічного супроводу за умов інноваційного шляху реалізації концепції реформування системи вищої військової освіти України // Науково-практична конференція «Застосування інформаційних технологій у підготовці та діяльності сил охорони правопорядку» (18—19 березня 2015 року, м. Харків). Харків: Національна академія Національної гвардії України, 2015. С. 33—35.

13. Козубцов И. Н., Таршилова Л. С. Организация научной работы молодого ученого: учеб.-метод. пособие. Уральск: РГКП «Западно-Казахстанский аграрно-технический университет им. Жангир хана», 2014. 103 с.

14. Козубцов И. Н., Таршилова Л. С., Козубцова Л. М. Теория и практика развития инновационных способностей у научно-педагогических работников: монография. Уральск: ЗКАТУ им. Жангир хана, 2015. 192 с.

15. Козубцов І. М., Мараховський Л. Ф. Підготовка аспірантів: методичні рекомендації щодо самостійної підготовки аспірантів за спеціальністю 05.13.05 — «Комп'ютерні системи та компоненти». К.: ДЕТУТ, 2014. 165 с.

16. ДСТУ ГОСТ 7.1:2006 «Система стандартів з інформації, бібліотечної та видавничої справи. Бібліографічний запис. Бібліографічний опис. Загальні вимоги та правила складання».

17. ДСТУ 3008-95 «Документація. Звіти у сфері науки і техніки. Структура і правила оформлення».

18. Козубцов І. М. Розробка засобів діагностування якості компетентної моделі підготовки аспірантів // Гуманізація навчально-виховного процесу: збірник наукових праць. 2013. Спецвип. 12. С. 102—112.

19. Козубцов І. М. Модель диагностирования творческой составляющей методологической компетентности ученого // Вісник ЧНПУ. Серія: Педагогічні науки. 2014. Вип. 115. С. 107—109.

20. Козубцов І. М. Наукометрична методика оцінки допуску аспірантів до атестації у системі вищої військової освіти // Вісник ЧНПУ. Серія: Педагогічні науки. 2014. Вип. 122. С. 113—116.

21. Козубцов І. М. Обґрунтування критеріїв діагностування рівнів розвитку методологічної компетентності аспірантів // Проблеми освіти: збірник наукових праць. 2015. Вип. 84. С. 175—181.

22. Козубцов І. М. Роль структурних компонентів автореферату на дисертацію PhD у формуванні квінтесенції знань в динамічній науковій картині світу знань // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії: збірник наукових праць. 2013. Вип. 54. С. 155—164.

23. Козубцов І.М. Дисертація PhD — фрагмент формування фрактальної динамічної наукової картини світу знань // Науко-

во-теоретичний і громадсько-політичний альманах Грані. 2013. № 11 (103). С. 102 — 106.

24. Козубцов І. М. Концепція розвитку методологічної компетентності аспіранта військового вищого навчального закладу // Вісник Національної академії Державної прикордонної служби України: електрон. наук. фах. Вид. 2014. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Vnadps_2014_1_6.pdf. (дата обращения: 22.07.2015).

25. Козубцов І. М. Інтернет-форум — як засіб міждисциплінарного погляду на рецензування наукових статей // 16-й Международный молодежный форум «Радиоэлектроника и молодежь в XXI веке» (17—19 квітня 2012 р.): Сб. мат. форума. Т. 6. Харьков: ХНУРЭ, 2012. С. 382—383.

REFERENCES

1. Levitin K. E. Pronounced thought (Loud thinking in seven meetings): textbook for the discipline Actual isues of modern science and journalism. M.: IMPE named after A.S. Griboyedov, 2009. 70 p.

2. Kozubtsov I. N., Kozubtsova L. M. The phenomenon of methodological framework for post-graduate students in higher military education: analytical and comparative study // Scientific journal. Modern information technology in the field of security and defense. 2015.№ 1 (22). P. 119—122.

3. Kozubtsov I. N. On the interdisciplinary connection of the motive for scientific publications and investment indicator // Future generation: Point of view of young scientists - 2013: Materials of the International scientific conference of youth (November 13—15, 2013), in 6 books. B. 2 / Southwest State University, A. A. Gorokhov. Kursk: Southwest State University, 2013. P. 189—193.

4. Kozubtsov I. N. Philosophical and technical approaches to solving some of scientific and pedagogical paradoxes // Scientific journal. Modern information technology of security and defense. 2014. № 1(19). P. 147—154.

5. Vashchenko A. N., Kozubtsov I. N. Scientific journal «Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute» is an interdisciplinary scientific test site for business, education and law: an invitation to the scientific debate // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 1 (22). P. 132—135.

6. Vashchenko A. N., Kozubtsov I. N. Directions of development of Institute of Post-graduate study of the third level system of higher education in the context of the Bologna Charter // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 3 (24). P. 68—71.

7. Selevko G. K. Modern educational technology. M.: Education, 1998. 256 p.

8. Maier R. V. Psychology of training without any grief: a book for the novice teacher. Glazov, 2010. 116 p.

9. Kozubtsov I. N. The role and relationship of the theory and methodology of professional education in the process of synthesis of a coherent scientific and educational world view // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 2 (23). P. 73—78.

10. Kozubtsov I. M. The synthesis of structurally integrated methods of professional development of post-graduates // Interdisciplinary Research in Science and Education. 2015. № 4K [Electronic resource]. URL: www.es.rae.ru/mino/179-1488 (date of viewing: 22.07.2015).

11. Nazarov D. M. The design and content of hermeneutical educational technology based on its comparative analysis // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2010. № 2 (12). P. 181—186.

12. Kozubtsov I. N. Model cooperation supervisor and graduate student in the scientific and pedagogical support for innovative way of implementation conditions reforming the concept of higher military education Ukraine // Scientific conference «Application of information technology in preparing and forces of law and order» (March 18—19, 2015, Kharkov). Kharkov: National Academy of National Guard of Ukraine, 2015. P. 33—35.

13. Kozubtsov I. N., Tarshylova L. S. Organization of scientific work of young researchers: training-methodological manual. Uralsk: RHKP «West Kazakhstan Agrarian-Technical University named after Zhanhyr Khan», 2014. 103 p.

14. Kozubtsov I. N., Tarshylova L. S., Kozubtsova L. M. Theory and practice of development of innovation abilities in scientific and pedagogical workers: monograph. Uralsk: ZKATU named after Zhanhyr Khan, 2015. 192 p.

15. Kozubtsov I. N., Marahovskyy L. F. Preparing postgraduates, guidelines for self-training of the post-graduate on the specialty 05.13.05 — Computer systems and components. K.: DETUT, 2014. 165 p.

16. GOST 7.1: 2006 «System of standards on information, librarianship and publishing. Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules of drawing».

17. GOST 3008-95 «Documentation. Reports in science and technology. The rules of structure and design».

18. Kozubtsov I. M. Development of diagnostic tools as competent model for post-graduate training // Humanizing the educational process: scientific research journal. 2013. Special issue 12. P. 102—112.

19. Kozubtsov I. N. Model of diagnostics of creative component of methodological scientific competence // Bulletin CHNPU. Series: Pedagogical Sciences. 2014. Vol. 115. P. 107—109.

20. Kozubtsov I. N. Scientific methods of evaluation for admission to post-graduate certification in higher military education // Bulletin CHNPU. Series: Pedagogical Sciences. 2014. Vol. 122. P. 113—116.

21. Kozubtsov I. N. Justification criteria for diagnosing levels of methodological competence // Problems of post-graduate education: technologies. 2015. Vol. 84. P. 175—181.

22. Kozubtsov I. N. The role of structural components of the abstract of PhD thesis on the formation of quintessence of knowledge in the scientific world picture of dynamic knowledge // Journal of Humanities of Zaporozhye State Engineering Academy: technologies. 2013. Vol. 54. P. 155—164.

23. Kozubtsov I. N. Thesis of PhD is a fractal fragment of formation of dynamic scientific world of knowledge // Scientific-theoretical and socio-political almanac faces. 2013. № 11 (103). P. 102—106.

24. Kozubtsov I. N. The concept of development of methodological expertise of post-graduate in military institution of higher education // Bulletin of the National Academy of State Border Service of Ukraine: the electronic scientific professional view. 2014. № 1 [Electronic resource]. URL: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Vnadps_2014_1_6.pdf. (date of viewing: 22.07.2015).

25. Kozubtsov I. N. Internet forum as a means of interdisciplinary view on the review of scientific articles // 16th International youth Forum «Radio-electronics and young people in the XXI century» (April 17—19, 2012). Collection of the forum materials. V. 6. Kharkov: KNURE, 2012. P. 382—383.

УДК 378.1
ББК 74.58

Lapp Elena Alexandrovna,
candidate of pedagogical science, associate professor,
associate professor of the department
of special pedagogy and psychology
of Volgograd State Socially-Pedagogical University,
Volgograd,
e-mail: lapp-elen1965@mail.ru

Лапп Елена Александровна,
канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры
специальной педагогики и психологии
Волгоградского государственного
социально-педагогического университета,
г. Волгоград,
e-mail: lapp-elen1965@mail.ru

ПАСПОРТ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ОБЛАСТИ КОРРЕКЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-ДЕФЕКТОЛОГОВ

PASSPORT OF SPECIAL PROFESSIONAL COMPETENCE IN THE FIELD OF CORRECTIONAL AND EDUCATION ACTIVITIES OF STUDENTS-DEFECTOLOGISTS

В статье описаны результаты авторского поиска по составлению паспорта специальной компетенции студентов-дефектологов. Раскрывается содержание специальной компетенции в области коррекционно-педагогической деятельности, описана ее покомпонентная структура. Показана роль компетенции в подготовке магистров специального (дефектологического) образования. Охарактеризованы три уровня сформированности компетенции: пороговый (базовый), повышенный (продвинутый) и высокий (превосходный). Описаны методы и технологии формирования специальной компетенции у магистрантов, осваивающих программу «Обучение и воспитание детей с задержкой психического развития». Делаются выводы о необходимости разработки универсальной модели паспорта компетенции.

Results of authors' research for preparation of passport for students-defectologists' special competence are described. The content of special competence in the field of educational and correctional activity is revealed; its component-wise structure is described. The role of competence in training masters of special (defectological) education is declared. Three levels of formation of competence are characterized: threshold (basic), elevated (advanced), and the highest (excellent) one. The methods and technologies of competence formation of the graduates mastering the program «Training and education of children with impaired mental function» are described. Conclusions about the need of development of a universal model of the competence passport are made.

Ключевые слова: задержка психического развития, календарный график, компетентность, коррекционно-педагогическая деятельность, магистр, матрица компетенций, основная образовательная программа, специальное (дефектологическое) образование, студенты-дефектологи, паспорт компетенции, программа формирования компетенции, уровни сформированности компетенции.

Keywords: mental developmental delay, timetable, competence, correctional and education activities, master of science, matrix of competencies, basic educational program, special (defectological) education, students-defectologists, passport for competence, program of competence formation, levels of competence formation.

Современный образовательный процесс в вузе, реализующий идеи компетентностного подхода и провозглашающий студентоцентрированное обучение, актуализирует разработку идеи паспортизации. Рассмотрим паспорт и программу формирования компетенций. Они, как отмечают Р.Н. Азарова и Н.М. Золотарева, содержат следующие компоненты. Во-первых, включение полной и емкой характеристики места и значимости определенной компетенции, уровней и признаков их проявления. Во-вторых, программу формирования каждой компетенции в образовательном процессе [1].

Изучение различных источников по данной теме показало, что на сегодняшний день существуют исследования, в которых выполнен поиск универсальной модели паспорта компетенции, а также имеется разработка формализованных подходов программы формирования у студентов компетенции. Такие исследования можно встретить в работах О.А. Бондаревой, М.П. Макаровой, И.В. Сибикиной, П.В. Скрипченко, Т.Ю. Терновых и др. Однако, анализируя литературу, мы пришли к выводу, что недостаточно изучен вопрос, касающийся паспортов и программ формирования компетенции в сфере коррекционно-педагогической деятельности учителя. Таких данных мы не нашли. При этом исследователями отмечается, что коррекционно-педагогическая деятельность должна выступать неотъемлемой частью педагогического процесса, готовность педагогов к ней должна являться результатом и целью профессиональной подготовки [2, с. 273].

Именно этот факт и определил вектор нашего исследования.

Нами проделана работа, которая позволила описать такую компетенцию как «способность проектировать и реализовать образовательный процесс с использованием современных коррекционно-развивающих технологий». Кроме того, были структурированы учебные дисциплины, в ходе которых происходит формирование данной компетенции у студентов, обучающихся по направлению «Специальное (дефектологическое) образование» по программе «Обучение и воспитание детей с задержкой психического развития» (уровень магистратуры).

В процессе исследовательского поиска нами решались следующие задачи:

1. Провести анализ и описание сущности и главных содержательных характеристик компетенции.

2. Раскрыть место и значение исследуемой компетенции в достижении комплексного ожидаемого результата образования студента, освоившего программу «Обучение и воспитание детей с ЗПР» (уровень магистратуры).

3. Представить структурированное устройство компетенции.

4. Описать уровневые ступени развития компетенции у студентов.

5. Дать характеристику путей, методов и технологий формирования компетенции.

6. Определить график и индивидуально-групповые траектории развития компетенции.

Описанные задачи практически соответствуют структуре макета стандартного паспорта и программы формирования компетенции [3].

Обращаясь к терминам Глоссария Болонского процесса, мы определяем компетенцию как «динамическую комбинацию характеристик» [4, с. 53]. Такие характеристики относятся к тому, что требуется каждому выпускнику высшего учебного заведения для его социальной активности, личностного развития, эффективной профессиональной деятельности. Следовательно, в них включаются знания, умения, навыки и их применение, а также способности, личностные качества и ценности обучающегося, то есть то, что он обязан освоить и продемонстрировать.

Паспорт и программа формирования компетенции содержат в компактной форме: описание ее структуры, специфику образования компетенции, определенные методы и условия организации учебного процесса. Такое наполнение паспорта и программы направлено на эффективность формирования компетенции.

Пример паспорта и программы формирования специальной профессиональной компетенции

Формулирование и существенные характеристики компетенции

Под компетенцией следует понимать способность реализовывать образовательный процесс, в котором применяются современные коррекционно-развивающие технологии. Под исследуемой компетенцией подразумевается использование выпускниками знаний по специальной педагогике и психологии (дефектологии) для решения следующих задач:

1) создание специальных организационно-педагогических условий для развития личности обучающихся с задержкой психического развития (ЗПР);

2) реализация индивидуального подхода в обучении и воспитании.

Компетенция направлена на конкретизацию в области специальной профильной подготовки выпускника.

Компетенция включает когнитивную составляющую, основанную на знании специфики образовательных потребностей детей с ЗПР. Практический компонент формируемой компетенции актуализируется на основе знания методов и способов создания специальных условий для школьников с ЗПР, принципов проектирования коррекционно-педагогического процесса. Компетенция имеет также аксиологический компонент: признание безусловной ценности каждой человеческой личности для общества и закрепление государственных гарантий на получение образования лицами с психофизическими нарушениями в специальных условиях (Н.М. Назарова и др.).

Место и значимость компетенции в совокупном ожидаемом результате образования выпускника вуза по завершении освоения основной образовательной программы

Исследования показывают, что среди детей с атипичным развитием группа школьников с ЗПР является самой многочисленной. Данные, приведенные разными авторами, например, Т.А. Власовой, З.И. Калмыковой, И.А. Коробейниковым, К.С. Лебединской, М.С. Певзнер, С.Г. Шевченко и др., свидетельствуют, что в детской популяции детей названной категории от 30 до 80%.

Интеграция детей с задержкой психического развития в образовательную среду массового учреждения — обучение с нормативно развивающимися сверстниками или в специальных (коррекционных) классах — тем не менее требует создания специальной коррекционно-развивающей среды. Это позволит таким детям не только особым образом освоить общеобразовательные программы, но и обрести навыки социальной адаптации, реализовать собственную жизненную компетентность (Е.А. Екжанова, Р.Д. Тригер, У.В. Ульенкова, С.Г. Шевченко и др.). При рассмотрении вопроса в данном направлении понятно, что приоритетом должно служить компетентное сопровождение образовательного процесса таких детей со стороны грамотного специалиста. Такой специалист способен увидеть ребенка с ЗПР. Он готов своевременно решать его проблемы как в учебе, так и в общении. И, как отмечает Т.С. Яковлева, содействует развитию личности обучающегося, воспитанника, максимальной самоактуализации его индивидуальности [5, с. 271]. Компетентность специалиста будет выражаться и в его способности применять, учитывая индивидуальные и личностные особенности ребенка, всевозможные формы и виды помощи.

Сфера профессиональной деятельности специалиста, освоившего программу «Обучение и воспитание детей с ЗПР», предполагает обучение и воспитание детей данной категории разного возраста в образовательных учреждениях государственного уровня, некоммерческих организациях, реабилитационных центрах, центрах социальной защиты семьи; в образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования в качестве преподавателя специальных дисциплин; в консультационных центрах в качестве специалиста по широкому спектру вопросов организации психолого-педагогического сопровождения лиц с задержкой психического развития.

Осваиваемая студентами способность проектировать и реализовывать образовательный процесс с включением современных коррекционно-развивающих технологий рассматривается нами как значимая для специалистов, работающих в системе коррекционно-развивающего обучения. 87% экспертов из числа руководителей образовательных организаций подтвердили этот факт [6].

Описываемая компетенция имеет достаточно сложную структуру. Она включает, во-первых, способность студентов осуществлять процесс развития личности обучающихся с ЗПР и, во-вторых, способность создавать специальные педагогические условия для детей данной категории. Задачи, с которыми придется сталкиваться будущим специалистам в своей профессиональной деятельности, будут соответствовать, с одной стороны, общим задачам воспитания. С другой — эти задачи имеют свои специфические особенности, для решения которых потребуется и специальный багаж знаний. Высококлассные педагоги в области работы с детьми с ЗПР применяют особые методические приемы, умеют увидеть основные проблемы ребенка и помочь ему их решить.

Структура компетенции определяет, что должен знать, уметь и какие навыки демонстрировать магистр по направлению «Специальное (дефектологическое) образование» программы «Обучение и воспитание детей с ЗПР».

Способность осуществлять процесс развития личности обучающихся с задержкой психического развития предполагает:

— знание:

1) индивидуальных особенностей детей с ЗПР, проявляющихся в учебной работе;

2) специфики компенсаторных возможностей лиц с ЗПР;

3) способов и приемов организации системного взаимодействия педагогов и обучающихся, воспитанников в образовательном процессе;

— умение:

1) создавать условия для совместной и самостоятельной учебной деятельности школьников с ЗПР, направленные на достижение личностных результатов освоения образовательных программ;

2) создавать на уроках условия, способствующие коррекции и активизации познавательной деятельности детей с ЗПР;

3) определять стратегию коррекционно-развивающего обучения в условиях реализации ФГОС начального общего образования и обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, а также в условиях реализации адаптированной

основной общеобразовательной программы обучающихся с ЗПР;

4) создавать условия, облегчающие адаптацию детей с ЗПР к учебному процессу;

— владение:

1) навыками проектирования и реализации индивидуальных коррекционно-развивающих программ для детей с ЗПР в условиях образовательной интеграции;

2) навыками эффективного взаимодействия с родителями, педагогами и психологами образовательного учреждения по вопросам воспитания, обучения и развития учеников с ЗПР.

Магистранты должны обладать способностью к созданию для школьников с ЗПР специальных педагогических условий. Данный аспект включает в себя следующие знания, умения и навыки.

Магистранты должны знать:

1) нормы, принципы создания и организации коррекционно-развивающей деятельности с учащимися с ЗПР на занятиях по различным предметам;

2) методы и приемы организации коррекционно-развивающей среды на предметных уроках;

3) специфику коррекционно-развивающих технологий образования детей с ЗПР, направленную на формирование универсальных учебных действий;

4) современные коррекционно-развивающие технологии и условия их реализации в условиях образовательной интеграции.

Магистранты должны уметь:

1) осуществлять с помощью типовых, стандартных предметных упражнений и заданий диагностику степени (уровня) овладения школьниками с ЗПР содержания учебных программ, внося (совместно с методистами) необходимые изменения в построение учебной деятельности;

2) проектировать для обучающихся с ЗПР, испытывающих трудности в усвоении основных предметов школьной программы, индивидуальные (комплексные) коррекционно-развивающие программы;

3) определять педагогические условия, обеспечивающие эффективность коррекционно-развивающего обучения детей с ЗПР;

4) применять в обучающем процессе на предметных уроках коррекционный компонент.

Магистранты должны владеть:

1) технологиями проведения коррекционно-развивающей работы на занятиях по различным предметным областям;

2) навыками осуществления мониторинга условий и результатов образовательной деятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Нами выделены три уровня сформированности компетенции: пороговый (базовый), повышенный (продвинутый) и высокий (превосходный).

Основными признаками базового уровня являются: научные теоретические представления студентов об индивидуальных педагогических особенностях детей с ЗПР и организационно-педагогических условиях их сопровождения; умение актуализировать на теоретическом уровне знания о коррекционно-развивающей поддержке лиц с ЗПР; навыки дифференцировать традиционные и инновационные подходы в специальном (коррекционном) образовании и создавать традиционную коррекционно-развивающую среду на основных предметных уроках.

О продвинутом уровне свидетельствуют следующие показатели: студент демонстрирует глубокие знания об индивидуальных педагогических особенностях детей с ЗПР и организационно-педагогических условиях их сопровождения в образовательном процессе, реализует на практике способность творчески подойти к созданию коррекционно-развивающей среды на основных предметных уроках; владеет навыком самостоятельной разработки программно-методических материалов для детей с ЗПР.

Признаками высокого уровня являются: демонстрация глубоких знаний теоретико-методологических основ дефектологии, собственное авторское видение образовательного процесса для лиц с ЗПР; свободное оперирование специальной научной терминологией на основе осознания сущности определения; критический подход к анализу традиционных и современных технологий педагогической поддержки детей с ЗПР; способность определять стратегию коррекционно-развивающего обучения детей с ЗПР на основе знаний о психолого-педагогических особенностях в условиях реализации федеральных государственных образовательных стандартов; навыки самостоятельной корректировки индивидуальной программы развития на основе диагностики; инициирование новых подходов к организации коррекционно-педагогического процесса через использование технологий коррекционно-развивающей поддержки детей с ЗПР.

Содержание образования, необходимое для формирования компетенции

Формирование компетенции осуществляется в процессе изучения определенных дисциплин, входящих в учебный план. Учебный план содержит два вида практики: педагогическую (6 нед., 9 з.е., 342 ч.) и научно-исследовательскую (4 нед., 6 з.е., 216 ч.). Научно-исследовательская практика способствует развитию у студентов профессиональных компетенций в области научно-исследовательской деятельности, у магистрантов формируется способность к нестандартному решению педагогических задач [7]. Педагогическая практика позволяет студентам овладевать профессиональными компетенциями в области коррекционно-педагогической, диагностико-консультативной, профилактической и организационно-управленческой деятельности.

Включены четыре дисциплины. Первая — «Формирование инициативной письменной речи у младших школьников с ЗПР» (72 ч., 2 з.е.) — направлена на создание у магистрантов представлений о возможных трудностях, с которыми встречаются дети с задержкой психического развития при написании творческих письменных работ, и путях их преодоления.

Вторая дисциплина — «Педагогические условия обучения иностранному языку детей с ЗПР» (72 ч., 2 з.е.) — имеет основную цель — ознакомление магистрантов со спецификой преподавания иностранного языка для школьников с отклонениями в развитии. Студенты знакомятся с требованиями к профессиональной деятельности учителя иностранного языка.

Далее, «Внедрение коррекционно-развивающего компонента в преподавание русского языка детям с ЗПР» (144 ч., 3 з.е.). Данная дисциплина вырабатывает у магистрантов готовность организовывать адаптированный учебный процесс преподавания русского языка в рамках коррекционно-развивающей работы.

«Коррекция познавательной деятельности детей с ЗПР на уроках математики» (108 ч., 3 з.е.). Содержание данной дисциплины решает задачу формирования у магистров необходимых умений по преодолению трудностей детей с ЗПР на предметных уроках по математике.

Также учебный план предполагает выполнение студентами научно-исследовательской работы (28 нед., 42 з.е., 404 ч.).

Образовательные технологии и методы формирования компетенции

Для формирования компетенции используют следующие образовательные технологии и методы: лекции, семинарские и практические занятия; деловые и ролевые игры; решение

педагогических задач; диспуты, дискуссии, мозговой штурм; выполнение письменных работ (рефлексивные и аналитические эссе, анализ научных статей, доклады, рефераты, сообщения); беседы, тренинги; проектная деятельность; использование средств электронного обучения (компьютеры, мультимедиа аппаратура), а также работа в сети Интернет; методы активного обучения; научно-исследовательские и учебно-исследовательские работы; участие в реализации разнообразных проектов во внеаудиторной деятельности; научно-методический семинар.

Календарный график формирования компетенции

Такой график ориентирует преподавателей на формирование, создание и выстраивание определенных условий, которые позволяют студентам осваивать компетенции.

Во втором семестре во время педагогической практики, проводя мини-исследования, студенты определяют круг проблем, связанных со способностью педагогов к включению коррекционно-развивающих технологий в учебный процесс; осознают необходимость овладения специфическими знаниями и умениями. В третьем семестре компетенция формируется при изучении курсов «Коррекция познавательной деятельности детей с ЗПР на уроках математики» и «Внедрение коррекционно-развивающего компонента в преподавание русского языка детям с ЗПР». Освоение дисциплин завершается экзаменом. В четвертом семестре — при освоении содержания дисциплин «Формирование инициативной письменной речи у младших школьников с ЗПР» и «Педагогические условия обучения иностранному языку детей с ЗПР». Итогом освоения дисциплин является зачет. Совершенствование умений студентов осуществляется в ходе производственной практики в третьем семестре, научно-исследовательской практики в четвертом семестре и научно-исследовательской работы в третьем-четвертом семестрах.

Матрица оценки сформированности компетенции раскрывает для студентов и преподавателей формы контроля (текущий контроль; промежуточная аттестация; итоговая аттестация). Проверка знаний по дисциплинам, направленным на освоение специальной компетенции, осуществляется посредством подготовки студентами рефератов, докладов, сообщений по темам преподавателя или сформулированным студентами; через оценивание портфолио и теоретические вопросы на итоговой государственной аттестации (ИГА). Сформированность умений показывает решение предлагаемых кейс-задач, мониторинг умений, а навыков — выполнение практических заданий, решение педагогических ситуаций, практические вопросы на ИГА. Оценить способность студентов к обучению школьников с задержкой психического развития с использованием современных коррекционно-развивающих технологий позволяют также наблюдения и анализ деятельности обучающихся на практике, защита проектов, защита результатов практических работ, публичная защита курсовых работ.

Таким образом, изучение различных подходов и собственный опыт разработки паспорта компетенций позволяет сформулировать выводы.

Разработка паспорта компетенций облегчает разработку компетентностной модели учебного плана; позволяет осуществлять обоснованный отбор необходимого содержания образования для проектирования учебных курсов, образовательных модулей, практик и др.

Перспектива разработки паспорта компетенции видится в создании его универсальной модели, включающей инвариантную и вариативную составляющие. Федеральный компонент государственного образовательного стандарта выполняется за счет инвариантной части, которая дает выпускникам высшего учебного заведения гарантию освоения необходимого уровня знаний, умений и навыков. Инвариантная часть паспорта обеспечивает формирование мобильности магистрантов в едином образовательном пространстве Российской Федерации. Вторая составляющая, вариативная, позволяет активизировать самостоятельную исследовательскую деятельность студентов. Данная часть может дополняться и совершенствоваться в зависимости от реальных запросов специального (коррекционного) образования конкретного региона. Вариативная составляющая паспорта также нацелена на актуализацию научных интересов преподавателей высшего учебного заведения.

Разработка паспорта компетенций вносит значительный вклад в практическую реализацию компетентностного подхода, в котором результаты образования описаны в терминах компетенций и структурируется педагогический процесс. Однако следует иметь в виду, что составление паспорта и программы компетенции является трудозатратным видом работы и требует формализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азарова Р. Н., Золотарева Н. М. Разработка паспорта компетенции: Методические рекомендации для организаторов проектных работ и профессорско-преподавательских коллективов вузов. Первая редакция. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы, 2010. 52 с.

2. Нагорнова А. Ю. Личностно-профессиональная готовность будущих педагогов к коррекции психических состояний учащихся // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 1 (14). С. 271—275.

3. Кузнецова Е. М., Михалева Л. В. Методика разработки паспорта и программы формирования компетенции как основы компетентностно-ориентированного образовательного процесса // Язык и культура. 2011. № 3. С. 115—124.

4. Байденко В. И., Селезнева Н. А. Болонский процесс: глоссарий (на основе опыта мониторингового исследования). М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. 148 с.

5. Яковлева Т. С. Теоретические основы проблемы профессиональной направленности личности // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 268—273.

6. Лапп Е. А. Проектирование модульной программы с учетом анализа потребности в умениях на региональном рынке труда // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. Научно-образовательный журнал. 2012. № 1 (21). С. 53—57.

7. Демчук А. В. Формирование исследовательской компетенции будущих учителей в системе двухуровневого образования // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 146—148.

REFERENCES

1. Azarova R. N., Zolotareva N. M. Developing of a competence passport: Methodical recommendations for organizers of design work and teaching staff of universities. First edition. M.: Research center for solving of training quality problems, the Coordination Council of educational associations, scientific and methodical council of the Higher School, 2010. 52 p.

2. Nagornova A. Yu. Personal and professional readiness of the future teachers to correct pupils' mental states // Business. Education.

Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 1 (14). P. 271—275.

3. Kuznetsova E. M., Mikhaleva L. V. Methodology of passport development and development of program for competence formation as a basis for competence-oriented educational process // Language and Culture. 2011. № 3. P. 115—124.

4. Baydenko V. I., Selezneva N. A. The Bologna process: Glossary (based on experience of monitoring research). M.: Research center of problems of quality of training, 2009. 148 p.

5. Yakovleva T. S. Theoretical foundations of problems of person's professional orientation // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). P. 268—273.

6. Lapp E. A. Designing modular programs based on the analysis of skills' needs at the regional labor market // Education. Science. Innovation: the Southern dimension. Scientific and educational journal. 2012. № 1 (21). P. 53—57.

7. Demchuk A. V. Formation of research competence of the future teachers in the system of two-tier education // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 1 (22). P. 146—148.

УДК 373
ББК 74.2

Mikhaylov Nikolay Germanovich,
candidate of pedagogical sciences, associate professor,
associate professor at the department of technology
and life activities safety of Institute of Integrated Security
of the Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov,
Arkhangelsk,
e-mail: formikhaylov@yandex.ru

Михайлов Николай Германович,
канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры
технологии и безопасности жизнедеятельности
института комплексной безопасности
Северного (Арктического) федерального университета
им. М. В. Ломоносова,
г. Архангельск,
e-mail: formikhaylov@yandex.ru

ИНТЕГРИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ СЕМИКЛАССНИКОВ ЧЕРЧЕНИЮ И ТЕХНОЛОГИИ НА ОСНОВЕ ДЕРЕВЯННОЙ ЛОЖКИ, ДЕКОРИРОВАННОЙ ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ РЕЗЬБОЙ

INTEGRATED TRAINING OF THE SEVENTH-GRADERS IN DRAFTING AND TECHNOLOGY BASED ON THE WOODEN SPOON DECORATED WITH GEOMETRICAL CARVINGS

В статье рассматривается методика организации графической подготовки учащихся 7-го класса на занятиях по технологии в процессе конструирования и изготовления изделия художественно-утилитарного назначения — деревянной ложки, декорированной геометрической резьбой, в рамках концепции интегрированного обучения учащихся черчению и технологии на основе объектов декоративно-прикладного искусства. По этой концепции на первом подготовительном этапе школьники 5—8-го классов изучают черчение на основе программы обучения школьников технологии с декоративно-прикладной направленностью разработанной д-ром пед. наук, профессором К. А. Скворцовым. На втором этапе девятиклассники обучаются черчению с элементами художественного конструирования по программе автора статьи. Такой подход к обучению школьников черчению позволит качественно сформировать их графическую грамотность.

Ключевые слова: интеграция, черчение, технология, конструирование, изготовление, изделие, художественное-утилитарное назначение, геометрическая резьба.

The article examines the method of arrangement of graphic training of pupils of the seventh grade at the technology classes in the process of designing and manufacturing of a piece of art of utilitarian purpose — a wooden spoon, decorated with geometric carvings within the concept of integrated teaching of pupils in drafting and technology on the basis of the objects of decorative and applied arts. According to this concept, pupils of the 5th —8th grades study drafting at the first preparatory stage on the basis of the technology training school program of the applied and decorative arts orientation developed by professor K. A. Skvortsov, doctor of pedagogical sciences. At the second stage the ninth-graders are trained in drafting with the elements of artistic design according to the program of the author of the article. This approach to teaching pupils in drafting will allow developing a high-quality graphic literacy of the pupils.

Keywords: integration, drafting, technology, designing, manufacturing, product, art-utilitarian purpose, geometric carving.

Согласно Базисному учебному плану общеобразовательных учреждений Российской Федерации, утвержденному приказом Минобразования России от 09.02.1998 № 322, время на изучение черчения в школе уменьшилось вдвое. На этом фоне из Базисного учебного плана был исключен школьный курс «Черчение» как самостоятельный предмет. В течение ряда последних лет черчение имеет лишь статус раздела учебного предмета «Технология». Его с 1998 года по настоящее время рекомендуется изучать в 9-м классе (1 час в неделю, 34 часа в год) за счет часов регионального и/или школьного компонента учебного плана. За такой короткий срок эффективно сформировать у детей прочные графические знания, умения и навыки невозможно. В свою очередь, следует отметить, что без чертежей не обходятся различные сферы деятельности человека: машиностроение, строительство и др.

В связи с необходимостью решения этой важнейшей проблемы нами предложена концепция интегрированного обучения школьников черчению и технологии на основе объектов декоративно-прикладного искусства, состоящего из двух этапов: первого — пропедевтического (5—8-й классы) и второго — обобщающего (9-й класс) [1; 2; 3].

Такой подход на первом этапе позволит на уроках технологии в процессе конструирования и изготовления предметов художественно-утилитарного назначения сформировать

у учащихся 5—8-го классов базовые знания и умения по черчению [4; 5; 6; 7; 8] для дальнейшего его эффективного изучения на втором этапе в 9-м или в 8—9-м классах.

Обучение школьников графической грамоте на первом этапе предлагаем проводить на базе учебно-методических разработок по технологии с декоративно-прикладной направленностью, предложенных д-ром пед. наук, профессором К. А. Скворцовым [9; 10; 11]. Для организации учебного процесса на втором этапе учителя могут использовать пособия любого варианта учебно-методических комплектов по черчению разных авторских групп [12; 13] либо учебно-методические разработки по черчению с элементами художественного конструирования автора данной статьи [14; 15].

Проведенный нами анализ учебно-методических разработок по технологии с декоративно-прикладной направленностью К. А. Скворцова [9; 10; 11], учебников технологии под ред. В. Д. Симоненко и Ю. Л. Хотунцева, Е. С. Глозмана, предназначенных для использования в практике преподавания технологии в 5—8-м классах, показал, что в них уделяется недостаточно внимания вопросам графики [16; 17].

Остановимся в данной статье более подробно на описании методических особенностей решения образовательных задач первого этапа на примере изучения семиклассниками тем восьмичасового первого учебного блока в процессе изготовления деревянной ложки, декорированной геометрической резьбой, на уроках технологии по программе К. А. Скворцова [9, с. 56].

На изучение первого учебного блока К. А. Скворцовым выделяется 8 часов. За это время школьникам вначале необходимо освоить такую технико-технологическую информацию, как: значение деревянной посуды и прочей утвари в русском быту прошлых веков; гармония функции изделия с ее декором в народном искусстве; понятие традиций и канонов; подготовка древесины: раскалывание (баклуши), заклейка торцов, сушка; инструменты резчика: стамески, клюкарзы, ложкорезы, специальные ножи, обращение с ними; приемы работы; эскизы изделий, влияние технологии обработки на форму предмета; резной декор и его место на изделии; кудринская резьба, ее история, техника выполнения; отделка изделий; ознакомление с заточкой стамесок, ложкорезов и другого инструмента. Затем школьникам надо выполнить практическое задание — изготовить ложку или ковш, декорированные кудринской резьбой [Там же].

Мы предлагаем из выделенных 8 часов использовать 2—3 часа для формирования у них графических знаний и умений перед изготовлением деревянной ложки и декорировать ее не кудринской, а геометрической резьбой (рис. 1, 2), поскольку в нашем регионе, где проживают школьники, народные умельцы и мастера свои изделия обычно украшают геометрической резьбой. Следовательно, подрастающее поколение в Архангельской области учится у своих старших наставников геометрической резьбе по дереву.

Усовершенствуя программу 7-го класса по обработке древесины К. А. Скворцова, в первый восьмичасовой учебный блок мы добавили следующие темы по черчению для их изучения, систематизации и обобщения школьниками на уроках технологии перед изготовлением ими деревянной ложки, декорированной геометрической резьбой (рис 2): рабочий чертеж, виды (главный, сверху, слева, местный, дополнительный, выносной элемент), сопряжения, местный разрез, вынесенные сечения, нанесение размеров равномерно расположенных одинаковых элементов и др. Их учитель определяет в ходе разработки им средств обучения, в первую очередь подбора и изготовления образца изделия (рис. 1) и выполнения его рабочего чертежа, состоящего из вышеуказанных изображений (рис. 2).

Учитель в ходе ознакомления учащихся с чертежом деревянной ложки, декорированной геометрической резьбой (рис. 2), напоминает, что рабочий чертеж — это документ, содержащий изображения предмета, размеры, поясняющие тексты, необходимые для его изготовления и контроля; выполняется по эскизам.

Рис. 1. Фото деревянной ложки, декорированной геометрической резьбой

На уроке дети вспоминают, что под эскизом следует понимать чертеж, выполненный от руки с соблюдением пропорций между частями изображаемого предмета на глаз.

Учащиеся, рассматривая чертеж ложки вместе с учителем, убеждаются в том, что он состоит из множества изображений, позволяющих полностью выявить внешнюю и внутреннюю форму предмета кухонного обихода.

В верхней части чертежа ложки (рис. 2) дан вид спереди (главный вид) в сочетании с местным разрезом. Школьники узнают, что видом в черчении называют изображение обращенной к наблюдателю видимой части поверхности предмета. Учитель предлагает учащимся найти рис. 49 «Проецирование на три плоскости проекций» в школьном учебнике черчения [12] и с помощью этого рисунка рассказывает о проецировании предмета на фронтальную, горизонтальную и профильную взаимно перпендикулярные плоскости проекций, дает объяснение тому, что полученные проекции носят названия самих плоскостей проекций. Например, на фронтальной плоскости проекций будет находиться фронтальная проекция предмета. Изображение, полученное на фронтальной плоскости проекций, называется видом спереди. Это изображение принимается на чертеже за главное. Поэтому такой вид еще называется главным. Изображение на горизонтальной плоскости проекций называется видом сверху. На чертеже ложки (рис. 2) вид сверху заменен местным видом Б и дополнительным видом А. В ходе беседы с учителем школьники выясняют, что на чертеже деревянной ложки вид слева отсутствует. Изображение на профильной плоскости проекций называется видом слева.

Далее под руководством учителя школьники более подробно изучают на чертеже ложки местный вид Б и дополнительный вид А, в процессе ребята узнают, что изображение отдельного, ограниченного места поверхности предмета называется местным видом. Его применяют в том случае, когда требуется показать форму и размеры отдельных элементов предмета. Местный вид применяется на чертежах вместо полного вида, как его часть. Это упрощает построение изображений предмета.

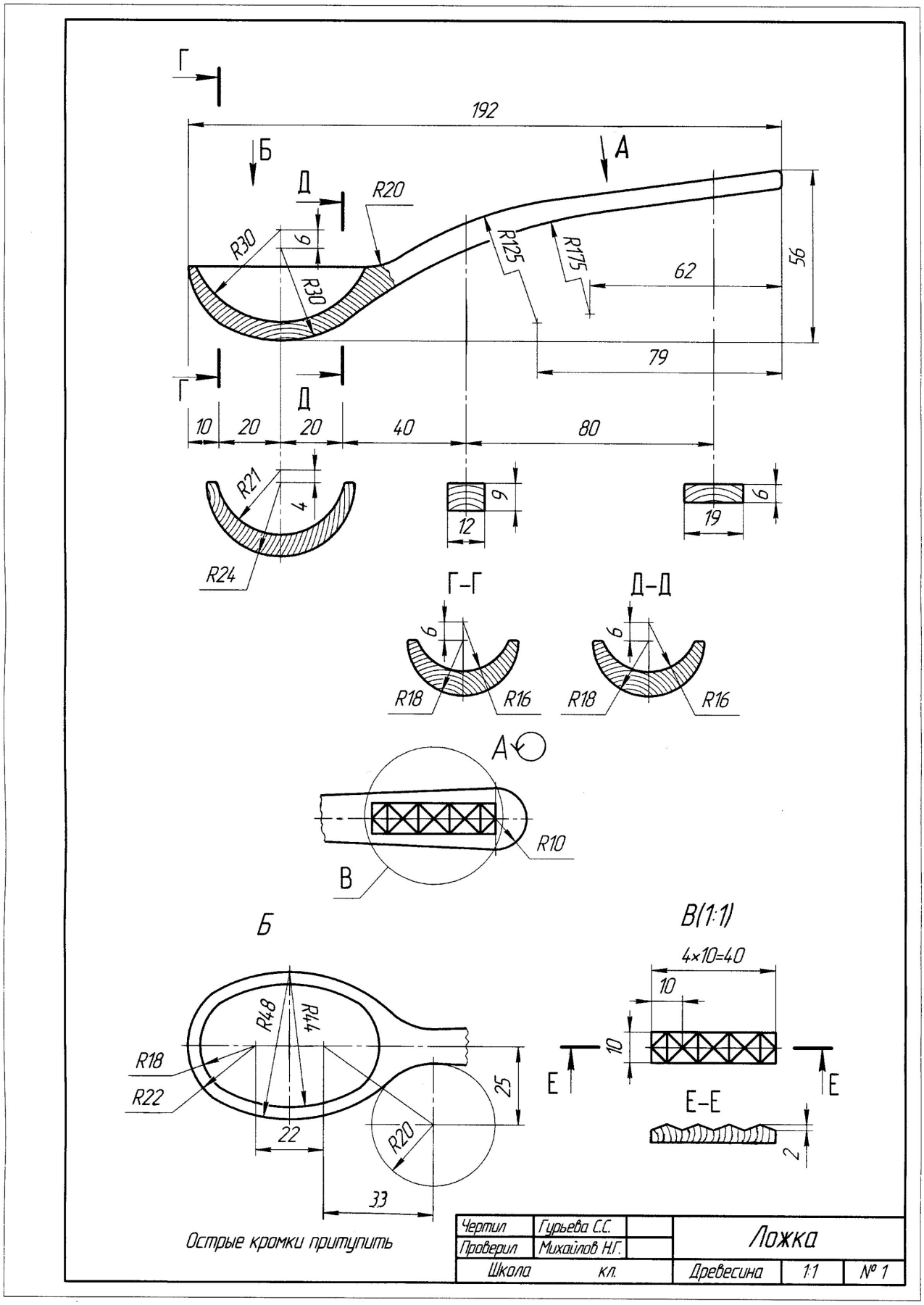


Рис. 2. Рабочий чертеж деревянной ложки, декорированной геометрической резьбой

Местный вид может быть ограничен линией обрыва (рис. 2, вид Б), осью симметрии и пр. или не ограничен вовсе. Располагают местный вид на свободном поле чертежа или в проекционной связи с другими изображениями. Обозначают так: у изображения предмета, связанного с местным видом, ставят стрелку, которая указывает направление взгляда с помощью стрелки над основным видом с заглавной буквой справа от стрелки и над местным видом ставят эту же букву. Рассматривая рис. 54 на стр. 42 в школьном учебнике черчения [Там же], ребята также знакомятся с местными видами, расположенными в проекционной связи.

Обращая внимание школьников на дополнительный вид А, учитель знакомит с особенностями построения такого изображения. При этом учащиеся узнают, что декорированная верхняя поверхность ручки ложки на виде сверху (горизонтальной проекции) была бы искаженной, так как она расположена в плоскости, не параллельной основной горизонтальной плоскости проекций. Чтобы узнать необходимые размеры и неискаженный (истинный) вид этой части ложки, применяют прямоугольное проецирование на дополнительную плоскость проекций, расположенную параллельно декорированной поверхности ручки ложки. Дополнительная плоскость проекций не параллельна ни одной из основных плоскостей проекций. Вид, получаемый на такой плоскости, называют дополнительным. Школьникам следует объяснить, что если дополнительный вид расположен по направлению проецирования в непосредственной проекционной связи с соответствующим изображением, то никаких дополнительных знаков и обозначений не наносят.

В нашем случае (рис. 2, доп. вид А) проекционная связь между видом спереди ложки и дополнительным видом нарушена, поэтому над видом спереди, связанным с дополнительным видом, поставлена стрелка, которая указывает направление взгляда (проецирования). Стрелка и соответствующий ей дополнительный вид обозначены на чертеже одной и той же прописной буквой А русского алфавита. Дополнительный вид на чертеже изображен в повернутом положении. В связи с этим над дополнительным видом справа от буквы А поставлен знак (кружок с прямоугольной стрелкой), заменяющий слово «повернуто».

Школьникам необходимо объяснить, что с целью нанесения размеров на декорированной геометрической резьбой части ложки на чертеже (рис. 2) использован выносной элемент В (1:1). Выносной элемент — это отдельное, как правило, увеличенное изображение части предмета, для которой требуются дополнительные, более подробные пояснения в отношении формы, размеров и иных данных. При этом соответствующее место отмечают на исходном изображении сплошной тонкой линией — окружностью, овалом и т. п. (в нашем случае на дополнительном виде А выносной элемент В отмечен окружностью). Выносной элемент обозначают прописной буквой или ее сочетанием с арабской цифрой на полке линии-выноски (рис. 2, В). Над изображением выносного элемента указывают обозначение и масштаб, в котором он выполнен (рис. 2, В (1:1)).

В ходе изучения чертежа школьники узнают, что на главном виде внутренняя форма черпачка ложки (рис. 2) выявлена с помощью местного разреза. Чтобы показать в твердой сплошной части предмета углубление или отверстие, применяют местный разрез. Он служит для выявления внутренней формы предмета лишь в отдельном, узко ограниченном месте. Ее выделяют на виде сплошной тонкой волнистой линией, проводимой от руки. Она не должна совпадать с какими-либо другими линиями изображения. Твердую сплошную часть деревянной ложки, попавшую под местный разрез, штрихуют сплошной тонкой волнистой линией от руки штриховкой, имитирующей продольные волокна или поперечные годовые кольца древесины.

В процессе ознакомления школьников с чертежом ложки (рис. 2) учитель обращает их внимание на наличие шести вынесенных сечений на чертеже (трех сечений по типу Г-Г, Д-Д, Е-Е и трех на продолжении линий сечений), позволяющих выявить поперечную форму ложки в различных местах: на черпачке, ручке. Сечение по типу Е-Е выявляет продольную форму декорированной части ручки ложки. Учащимся предлагается найти в учебнике черчения расшифровку понятия «сечение». Сечение — это изображение фигуры, получающейся при мысленном рассечении предмета плоскостью. На сечении показывают только то, что находится в секущей плоскости (исключение составляют цилиндрические отверстия) [Там же. С. 131]. Фигуру каждого сечения на чертеже деревянной ложки (рис. 2) так же, как местный разрез, выделяют штриховкой, которую наносят тонкими линиями, имитирующими продольные волокна или поперечные годовые кольца древесины.

Далее учитель обращает внимание школьников на нанесение размеров ложки на различных изображениях ее чертежа. При этом ребята узнают, что один и тот же размер на изображениях не повторяется. Школьникам также следует объяснить, что при нанесении размеров, определяющих расстояние между равномерно расположенными одинаковыми элементами изделия (рис. 2, В (1:1)) [13, с. 75—76], рекомендуется вместо размерных цепей наносить размер между соседними элементами и размер между крайними элементам в виде произведения количества промежутков между элементами на размер промежутка. В цифровом значении будет так: 4х10 = 40.

Затем учитель обращает внимание школьников на наличие на чертеже ложки (рис. 2) сопряжений. При этом школьники вспоминают, что плавный переход одной линии в другую называют сопряжением.

На классной доске учитель вывешивает учебную таблицу «Сопряжения» и выдает школьникам листы бумаги формата А4 с изображениями вариантов сопряжений (рис. 3). Далее школьники учатся чертить сопряжения в ученических тетрадях с использованием раздаточного материала вслед за учителем, объясняющим и показывающим правила построения сопряжений на классной доске с помощью больших чертежных инструментов.

Затем учитель задает учащимся вопрос: «Какие сопряжения использованы на чертеже ложки? Назовите соответствующие номера позиций на таблице (рис. 3)». В ответ учащиеся определяют, что: 1) на главном виде ложки использованы сопряжения при условиях, когда: а) прямая касается окружности (рис. 3, поз. 5); б) окружности касаются снаружи друг друга (рис. 3, поз. 6); 2) на дополнительном виде А (рис. 2, А) используется сопряжение при условии, когда прямая касается окружности (рис. 3, поз. 5); 3) на местном виде Б (рис. 2, Б) использованы внутренние сопряжения двух окружностей (рис. 3, поз. 7) и внешние сопряжения двух касающихся окружностей (рис. 3, поз. 6).

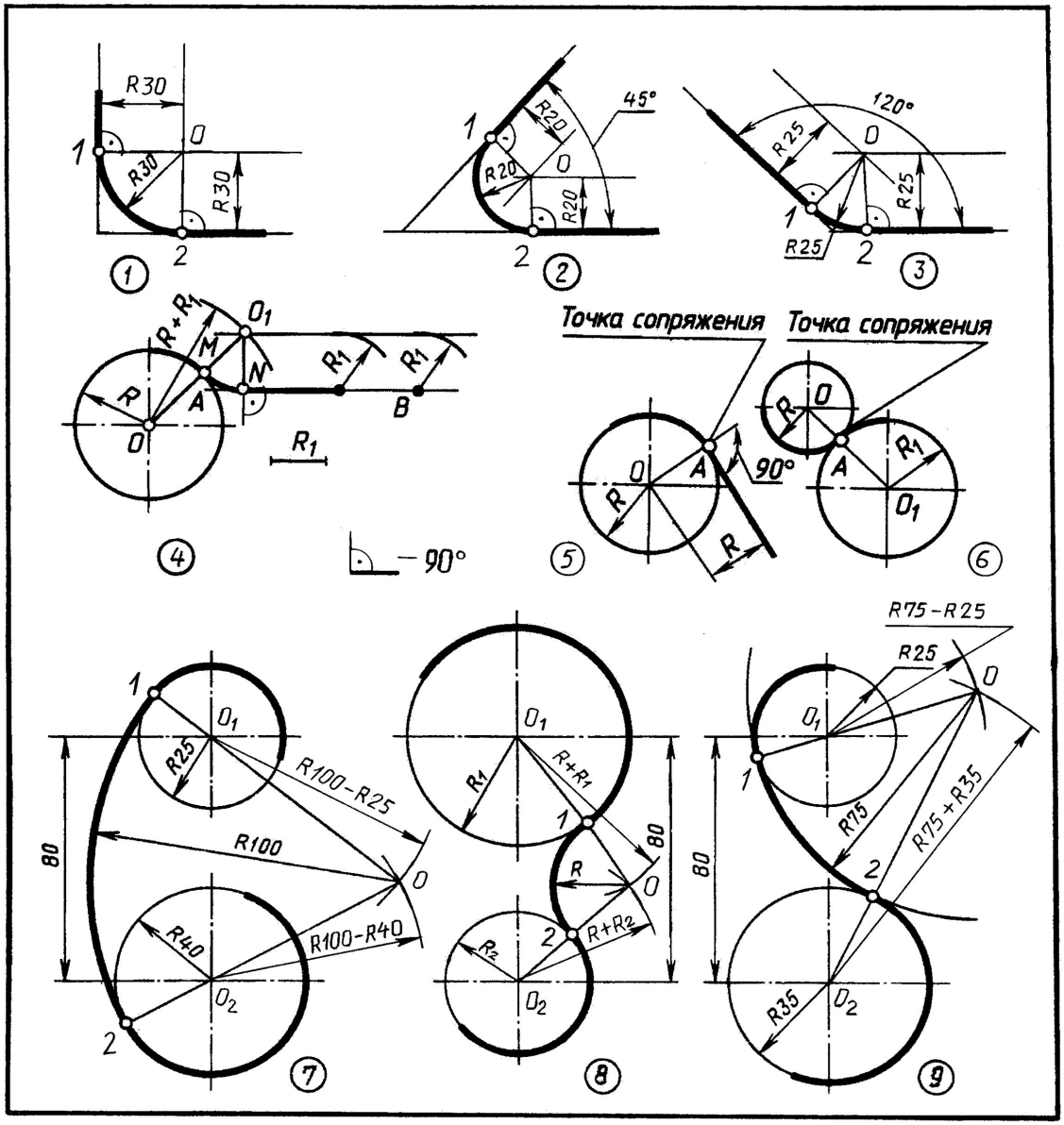


Рис. 3. Сопряжения: 1—3 — сопряжения двух пересекающихся прямых при прямом, остром и тупом углах дугой заданного радиуса; 4 — сопряжение окружности и прямой дугой заданного радиуса; 5 — сопряжение окружности и прямой, касательной к окружности; 6 — внешнее сопряжение двух касающихся окружностей; 7 — сопряжение двух окружностей дугой заданного радиуса внутреннего касания; 8 — сопряжение двух окружностей дугой заданного радиуса внешнего касания; 9 — сопряжение двух окружностей дугой заданного радиуса смешанного касания

Главной задачей пропедевтического уровня обучения черчению на уроках технологии в соответствии с нашей концепцией является формирование базовых элементов графической грамоты учащихся.

Предлагаемая нами концепция позволяет сделать процесс развития графической грамоты учащихся непрерывным и творческим, сопровождающим весь ход обучения технологиям изготовления изделий. С этих позиций изготовление деревянной ложки, декорированной геометрической резьбой, должно быть предварено ознакомлением школьников с ее графическими изображениями.

В своей работе учитель может использовать материалы, посвященные резьбе по дереву [18; 19; 20], изготовлению деревянных ложек и ковшей в различных учебных пособиях, статьях педагогических журналов [9] и школьные учебники черчения разных авторов [12; 13]. В зависимости от уровня подготовленности, способностей учащихся и поставленных учителем образовательных, воспитательных и развивающих задач может быть определен разный объем учебного материала, по-разному организована учебная работа. Например, выше мы рассказали, как учащиеся в ходе беседы с учителем, изучая форму ложки и ее графические изображения на демонстрационном рабочем чертеже, знакомятся с их понятиями и назначением каждого изображения, с алгоритмами их построения. Чертят чертеж ложки вслед за учителем, объясняющим и показывающим графические операции на классной доске. Изученный материал закрепляется методом фронтального опроса учащихся.

Перед изготовлением деревянной ложки, декорированной геометрической резьбой, школьники выполняют в ученических тетрадях эскиз и технический рисунок своего варианта сконструированного изделия. Для более успешного выполнения практического задания детям вначале необходимо освоить вышеизложенную технико-технологическую инфор-

мацию, предложенную К. А. Скворцовым [9, с. 56]. В конце изучения темы учитель каждому школьнику выставляет оценку за изготовленную ложку с соблюдением размеров и формы в соответствии с выполненным им прежде эскизом. Активность учеников при изучении вопросов теории тоже должна оцениваться.

Таким образом, интегрированное обучение технологии и черчению на основе объектов декоративно-прикладного искусства позволит школьнику прочувствовать значимость изучаемых дисциплин — полученные графические знания, умения и навыки ему необходимы в реальной практической деятельности, изготовлении изделия художественно-утилитарного назначения.

В заключение отметим, в ходе исследовательской деятельности по проблемам графической подготовки школьников сегодня и в ближайшем будущем автором статьи изучались и анализировались нормативные документы [21, с. 20—21, 26—27, 39—53, 75, 95—97, 101, 112, 135—137, 141—142], в 2014 году велась переписка с Департаментом государственной политики в сфере общего образования Министерства образования и науки РФ, проводились беседы с учителями и завучами школ. При этом мы пришли к выводу, что в настоящее время девятиклассников обучают черчению в течение одного года за счет часов школьного и регионального компонентов учебного плана. Однако это будет происходить ровно до тех пор, пока в 5—11-м классах действуют государственные образовательные стандарты (ГОС) 2004 года. В настоящее время в режиме эксперимента учащиеся 1—4-го классов уже обучаются на базе федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) нового поколения. Когда школа полностью постепенно перейдет на обучение учебным дисциплинам в рамках ФГОС нового поколения, учащиеся только по желанию и интересам будут изучать черчение в школе на занятиях кружков и элективных курсов, начнут знакомиться с графическими изображениями на уроках технологии и информатики.

Сложившаяся ситуация в области графической подготовки школьников в условиях современной школы доказывает своевременность предложенной нами концепции обучения школьников черчению на уроках технологии в процессе изготовления ими изделий декоративно-прикладного искусства.

Предложенная нами концепция позволяет эффективно реализовать не только образовательные и развивающие цели интегрированных уроков черчения, технологии и декоративно-прикладного искусства, но и в особенности воспитательные цели, при этом приобщить школьников к своему национальному культурному наследию. Этому в настоящее время научным миром, педагогической общественностью, общественностью страны уделяется пристальное внимание с целью возрождения исторических традиций в каждом регионе [1; 2; 3; 9; 22; 23; 24 и др.], что, в свою очередь, позволяет строить идеологическую основу в деле обучения, воспитания и развития детей, изучать прошлое, настоящее и формировать фундамент будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Михайлов Н. Г. Черчение в школе: концепция обучения в интеграции с технологией и искусством // Педагогика. 2007. № 9. С. 122—124.

2. Михайлов Н. Г. Концепция интегрированного обучения учащихся черчению, технологии, декоративно-прикладному искусству // Вестник Поморского университета. 2007. № 2 (12). С. 103—108.

3. Михайлов Н. Г. Обучение школьников черчению и технологии на основе объектов художественно-утилитарного назначения в условиях современной школы // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2014. № 12. С. 57—64.

4. Михайлов Н. Г. Интегрированное обучение учащихся черчению и технологии на основе детских деревянных динамичных игрушек // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2014. № 11. С. 62—67.

5. Михайлов Н. Г. Обучение школьников черчению на уроках технологии в процессе изготовления ими декорированного геометрической резьбой изделия художественно-утилитарного назначения // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2014. № 38. С. 102—106.

6. Михайлов Н. Г. Точеное деревянное изделие, инкрустированное металлом. Интеграция изобразительного искусства, черчения и технологии // Искусство в школе. 2011. № 1. С. 29—32.

7. Михайлов Н. Игрушка из жести и бумаги. Интеграция изобразительного искусства, черчения и технологии // Искусство в школе. 2009. № 3. С. 30—33.

8. Михайлов Н. Г. Обучение пятиклассников черчению на уроках технологии в процессе изготовления чертилки из стального прутка // Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 2. С. 138—146.

9. Скворцов К. А. Декоративно-прикладное направление в обучении техническому труду // Школа и производство. 2005. № 1. С. 52—56.

10. Скворцов К. А. Работа с древесиной: методические разработки на примере изделий декоративно-прикладного искусства. 5-й класс. М.: Школьная Пресса, 2007. 32 с.

11. Скворцов К. А. Работа с металлом: методические разработки на примере изделий декоративно-прикладного искусства. 5-й класс. М.: Школьная Пресса, 2007. 80 с.

12. Ботвинников А. Д. Черчение: учебник для общеобразоват. учреждений / А. Д. Ботвинников, В. Н. Виноградов, И. С. Вышнепольский. 4-е изд., дораб. М.: АСТ: Астрель, 2013. 221 с.

13. Павлова А. А. Технология. Черчение и графика. 8—9-й классы: учебник для общеобразоват. учреждений / А. А. Павлова, Е. И. Корзинова. 2-е изд., стер. М.: Мнемозина, 2009. 263 с.

14. Михайлов Н. Черчение с элементами художественного конструирования (9-й класс) // Сельская школа. 1998. № 5—6. С. 53—61.

15. Михайлов Н. Г. Программно-тематическое планирование учебных занятий по черчению с элементами художественного конструирования // Школа. 1999. № 1. С. 61—76.

16. Самородский П. С., Симоненко В. Д, Тищенко А. Т. Технология: 7-й класс: учебник для учащихся общеобразоват.

учреждений (вариант для мальчиков). 2-е изд., перераб. / под ред. В. Д. Симоненко. М.: Вентана-Граф, 2007. 160 с.

17. Технология. Технический труд. 7-й класс: учебник для общеобразоват. учреждений / Е. С. Глозман и др.; под ред. Ю. Л. Хотунцева, Е. С. Глозмана. М.: Мнемозина, 2008. 207 с.

18. Чупахин В. М. 22 урока геометрической резьбы по дереву. СПб.: Литера, 2004. 154 с.

19. Кирюхин А. В. Домовая и художественная резьба по дереву. М.: Спектор, 1996. 351 с.

20. Бузинов М., Потапов Г. Искусство резьбы по дереву. М.: РИФ АНТИКВА, 1998. 206 с.

21. Сборник нормативных документов. Технология / сост. Э. Д. Днепров, А. Г. Аркадьев. М.: Дрофа, 2008. 198 с.

22. Логачева Т. Н. Культурные традиции как ценностная доминанта содержания гуманитарного образования // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3 (28). С. 243—246.

23. Шелекета В. О., Дмитриева И. С., Копылов С. И. Концепция «Образование через всю жизнь» — интегративная модель образования и проблемы ценностей регуляции развития общества и культуры // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 2 (23). С. 82—85.

24. Догадаев В. С. Принцип приоритета духовности в ранней профилактике преступности несовершеннолетних // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 2 (23). С. 273—277.

REFERENCES

1. Mikhaylov N. G. Drafting at school: the concept of training in integration with technology and art // Pedagogy. 2007. № 9. P. 122—124.

2. Mikhaylov N. G. The concept of integrated training of pupils in drafting, technology, applied arts // Bulletin of the Pomor University. 2007. № 2 (12). P. 103—108.

3. Mikhaylov N. G. Training pupils in drafting and technology on the basis of the pieces of art of utilitarian purpose in the conditions of modern school // Priority scientific approaches: from theory to practice. 2014. № 12. P. 57—64.

4. Mikhaylov N. G. Integrated training of pupils in drafting and technology on the basis of children's wooden dynamic toys // New word in science and practice: hypotheses and approbation of research results. 2014. № 11. P. 62—67.

5. Mikhaylov N. G. Training pupils in drafting at the technology lessons in the course of manufacturing of a piece of art of utilitarian purpose decorated with geometrical carving // Psychology and pedagogy: technique and issues of practical application. 2014. № 38. P. 102—106.

6. Mikhaylov N. G. The fine-molded wooden product inlaid with metal. Integration of the fine arts, drafting and technology // Art at school. 2011. № 1. P. 29—32.

7. Mikhaylov N. A toy from tin and paper. Integration of the fine arts, drafting and technology // Art at school. 2009. № 3. P. 30—33.

8. Mikhaylov N. G. Training the fifth-graders in drafting at the technology lessons in the course of production of a scriber from a steel bar // Bulletin of the Pomor University. Humanitarian and Social Sciences series. 2011. № 2. P. 138—146.

9. Skvortsov K. A. The applied and decorative arts approach in technical work training // School and production. 2005. № 1. P. 52—56.

10. Skvortsov K. A. Work with wood: methodical instructions on the example of applied arts products. 5th grade. M.: School Press, 2007. 32 p.

11. Skvortsov K. A. Work with metal: methodical instructionson the example of applied arts products. 5th grade. M.: School Press, 2007. 80 p.

12. Botvinnikov A. D. Drafting: textbook for secondary educational institutions / A. D. Botvinnikov, V. N. Vinogradov, I. S. Vyshnepolsky. 4th ed. M.: Astrel, 2013. 221 p.

13. Pavlova A. A. Technology. Drafting and graphics. 8—9th grades: textbook for secondary educational institutions / A. A. Pavlova, E. I. Korzinova. 2nd ed. M.: Mnemozina, 2009. 263 p.

14. Mikhaylov N. Drafting with the elements of art designing (the 9th grade) // Rural school. 1998. № 5—6. P. 53—61.

15. Mikhaylov N. G. Program and thematic planning classes in drafting with the elements of art designing // School. 1999. № 1. P. 61—76.

16. Samorodsky P. S., Simonenko V. D, Tishchenko A. T. Technology: 7th grade: textbook for pupils of the secondary educational institutions (option for boys). 2nd eition / under the editorship of V. D. Simonenko. M.: Ventana-Graf, 2007. 160 p.

17. Technology. Technical work. 7th grade: textbook secondary education institutions / E. S. Glozman, et al.; under the editorship of Yu. L. Hotuntsev, E. S. Glozman. M.: Mnemozina, 2008. 207 p.

18. Chupakhin V. M. 22 lessons of geometrical woodcarving. St. Petersburg: Litera, 2004. 154 p.

19. Kiryukhin A. V. The house and art woodcarving. M.: Spector, 1996. 351 p.

20. Buzinov M., Potapov G. The art of woodcarving. M.: REEF ANTIQUA, 1998. 260 p.

21. Set of regulatory documents. Technology / composed by E. D. Dneprov, A. G. Arkadyev. M., 2008. 198 p.

22. Logacheva T. N. Cultural traditions as the value dominant of the humanitarian education content // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 3. P. 243—246.

23. Seleceta V. O., Dmitrieva I. S., Kopylov S. I. The concept of «Education through the life» is the integrative model of education, and the problems of value regulation of development of society and culture // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 2 (23). P. 82—85.

24. Dogadaev V. S. Principle of the spirituality priority in the early prevention of the under-age crimes // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 2 (23). P. 273—277.

УДК 372.881.1
ББК 74.268.1

Tsoy Alla Ignatievna,
candidate of pedagogy, associate professor,
head of the foreign languages department
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: alignts@mail.ru

Цой Алла Игнатьевна,
канд. пед. наук, доцент,
зав. кафедрой иностранных языков
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: alignts@mail.ru

Kozlova Olga Petrovna,
candidate of pedagogy, associate professor
of the department of linguistics and cross-cultural
communication
of Volgograd State University
of Architecture and Civil Engineering,
Volgograd,
e-mail: kornienko_o@list.ru

Козлова Ольга Петровна,
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры лингвистики
и межкультурных коммуникаций
Волгоградского государственного
архитектурно-строительного университета,
г. Волгоград,
e-mail: kornienko_o@list.ru

АРХИТЕКТУРНЫЙ ПРОЕКТ КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ПАРАДИГМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ

ARCHITECTURAL PROJECT AS A UNIT OF LINGUISTIC DIDACTICS ANALYSIS ON THE PARADIGM OF PROFESSIONALLY-ORIENTED EDUCATION

В статье рассматривается проблема обучения иностранному языку студентов технического вуза архитектурно-строительных специальностей, анализируются вопросы развития языковой личности будущих профессионалов. Представлены особенности преподавания иностранного языка с учетом потребностей будущих архитекторов-строителей в современной среде. Архитектурный проект выступает в качестве объекта лингводидактического анализа. Обозначаются необходимые умения и навыки для иноязычной презентации архитектурного проекта. Авторы статьи расширяют понятие коммуникативной компетенции студентов, обучающихся по архитектурно-строительным специальностям. Дается авторское определение иноязычной проектно-технической компетенции, которая рассматривается как обязательный компонент профессиональной иноязычной компетенции студентов технических вузов.

This article examines the problems of teaching foreign language for students of higher technical educational institution specializing in architecture and construction, analyzes the issues of development of the linguistic identity of future professionals. Peculiarities of foreign language teaching with regard to demands of future architectures and builders in the modern environment are presented. Architectural project is used as an object of linguistic-didactic analysis. The abilities and skills required for the foreign-language presentation of architectural project are underlined. The authors of the article expand the concept of communicative competence of students learning architecture and construction. Definition of the foreign-language project and technical competence is provided as a compulsory component of the professional foreign-language competence of the technical university students.

Ключевые слова: преподавание, иностранные языки, лингводидактический анализ, архитектурно-строительные специальности, студенты вуза, лингводидактика, лингвистика, архитектурный проект, коммуникативная компетенция, иноязычная компетенция.

Keywords: teaching, foreign languages, linguistic didactic analysis, architecture and construction specialties, higher school students, linguistic didactics, linguistics, architectural project, communicative competence, foreign competence.

Межгосударственная интеграция в сфере образования, глобализация социально-экономических и производственных процессов, доступность мирового информационного поля, стремительно развивающиеся деловые, научные и культурные связи с зарубежными коллегами являются наиболее важными факторами, обуславливающими востребованность знания иностранного языка современным специалистом любого профиля. Вузовский курс обучения будущего специалиста иностранному языку должен носить профессионально ориентированный характер, учитывать потребности обучаемых и базироваться на языковом материале профилирующей специальности, что позволит будущему специалисту быть готовым к профессиональной межкультурной коммуникации, необходимой для осуществления профессиональной деятельности в иноязычных и инокультурных условиях [1]. Справедлива мысль о том, что «в настоящее время ведутся интенсивные поиски наиболее оптимальных путей организации языкового образования в вузе, нацеленного на становление личности профессионала, способного использовать иностранный язык в качестве инструмента профессиональной деятельности…» [2].

Содержательной базой профессионально ориентированного обучения являются специальные тексты и задания к ним, способствующие формированию языковой личности, которая становится в современных лингвистических и лингводидактических концепциях ключевым понятием [3]. Это в полной мере относится и к языковой личности будущего архитектора. Будущий архитектор-строитель должен быть готов к реальному иноязычному общению в профессиональной сфере и типичных ситуациях общения, а именно: уметь разрешать профессиональные проблемы в иноязыч-

ной среде (общение с зарубежными коллегами), представлять результаты своей деятельности на международных конференциях и выставках (в частности, презентовать архитектурный проект), а также работать с зарубежными источниками и научными публикациями. «В основе содержания профессионального образования лежит опыт своего рода безбарьерного вхождения в иноязычную профессиональную среду, что является нормой профессиональной готовности в глобальном информационном обществе» [4].

Профессиональные качества архитектора-строителя коррелируют с компетенциями, релевантными для специфики его деятельности, составляющими его профессиональную компетентность. Рассмотрим содержание их профессиональной подготовки, представленное в основном нормативном документе высшего профессионального образования — Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования (2010). Бакалавр по направлению подготовки 270100 Архитектура должен решать следующие профессиональные задачи в соответствии с видами профессиональной деятельности: проектной (разработка творческих проектных решений, выполнение проектной и проектно-строительной документации); научно-исследовательской (участие в разработке заданий на проектирование, в проведении прикладных научных исследований (предпроектных, проектных, постпроектных); коммуникативной (визуализация и презентация проектных решений, участие в защите проектных материалов перед общественностью и заказчиком); организационно-управленческой (участие в координации деятельности специалистов и участников проектного процесса; участие в администрировании проектной деятельности); критической и экспертной (участие в проведении оценки и экспертиз проектных решений и построенных объектов); педагогической (участие в программах архитектурного образования, в популяризации архитектуры в обществе) (ФГОС ВПО, п. 4.4.) [5].

Опираясь на изложенные положения нормативного документа, можно сделать выводы о том, что деятельность современного архитектора-строителя, направленная на осуществление данных задач, строится преимущественно на общении и совместной производственной деятельности с коллегами, партнерами, заказчиками. Следовательно, одной из составляющих профессиональной компетентности современного архитектора-строителя является его коммуникативная компетенция, предполагающая наличие у него готовности и способности к владению предметными и научными знаниями в профессиональном общении.

В ряду наиболее типичных и частотных ситуаций профессиональной межкультурной коммуникации — презентация, обсуждение и защита архитектурных проектов на иностранном языке в учебном процессе (4—6-й курсы обучения), на международных выставках, в научных изданиях. Овладение указанными «проектными» умениями на иностранном языке свидетельствует о сформированности иноязычной проектно-технической компетенции, которую мы рассматриваем как обязательный компонент профессиональной иноязычной компетенции студентов технических вузов. Иноязычная проектно-техническая компетенция, включающая технические знания, сложные устные и письменные коммуникативные умения и навыки, включая презентационные (подача проекта) и дискуссионные (ответы на вопросы и обсуждение), формируются постепенно в процессе интеграции иностранного языка в общий курс профессиональной подготовки студента технического вуза с опорой на знания и опыт, приобретенные в рамках изучения специальных дисциплин, вовлечение обучаемых в активную коммуникацию в устном и письменном форматах, направленную на решение профессиональных задач, предполагающих отбор лингвистического материала, отражающего специфику подъязыка специальности, метакоммуникационные сигналы презентации и дискуссии [6].

Для определения структуры иноязычной проектно-технической компетенции необходимо рассмотреть архитектурный проект как объект лингводидактического анализа, то есть выявить его составляющие, определить их лингвопрофессиональную специфику, на основе которой у будущих архитекторов должны быть сформированы навыки и умения для дальнейшей самостоятельной презентации и обсуждения проекта на иностранном языке. Архитектурный проект включает пять обязательных разделов:

1. Общие сведения о проектируемом объекте. Размещение объекта на территории застройки.

2. Архитектурно-планировочное и конструктивное решения проектируемого объекта.

3. Инженерно-конструктивные разработки с необходимыми расчетами отдельных конструктивных элементов проектируемого объекта.

4. Технология и организация строительного производства. Расчет сметной стоимости и технико-экономических показателей.

5. Безопасность жизнедеятельности, организация пожарной безопасности и надежность здания в условиях чрезвычайных ситуаций.

Для представления проекта на международной выставке архитектору необходимо представить на языке текстовую часть чертежей и прилагаемую к проекту пояснительную записку. Единые международные нормы и стандарты архитектурного проектирования (универсальные коды) остаются неизмененными в чертежной и расчетной частях проекта при презентации проекта на английском и русском языках. Они проявляются в обозначении: физических величин (h — высота, etc.); чертежных линий (a straight line, a bumpy curve, a curve; a solid line, a broken line, a dotted line, etc.); диаграмм (a flow chart, a pie chart, a bar chart, an organization chart); таблиц (table of physical units, etc.) и схем (organigram, etc.); размеров и масштаба и т. д.

В пояснительной записке, прилагаемой к архитектурному проекту, отражаются основные разделы [7]:

1. Общая часть (Main Body):

— введение (Introduction) (location, orientation: front of the building, back, sides, elevation, short axis, long axis, pedestrian access, vehicular access, etc.; function, purpose: residential, education, religion, recreation, welfare, transport and industry, administration and commerce, block of flats, housing estates, etc.; size: total area, volume, length, width, depth, height, etc.; materials used: plastics, clay, glass, aluminium, concrete, reinforced concrete, etc.; transparency, corrosion resistance, conductivity, light weight, heavy weight, hardness, fire-resistance, etc.);

— характеристика района строительства (Description of Construction Site) (climatic parameters, relief of the average type, boundary, climatic region, green plantations, marked inclination, etc.).

2. Архитектурно-строительная часть (Architectural Concepts):

— генплан (Layout) (roads: main traffic artery, motorway, roads, transport lines, direction, junction, pedestrian precinct, pavement, heavy passenger traffic flow, parking lots, access roads, congested places, etc.; equipping with services and utilities: municipal land improvements, planting of greenery,

sanitary gaps, uninhabited place, town areas, creation of plantation system, etc.);

— объемно-планировочное решение (Spatial Planning Concepts) (structure, territory, zone, floor, evacuation, multistory building, roof, foundation, wall, underground parking area, basement floor, fire-safety standards, stair, etc.);

— основные конструкторские решения (Constructional Concepts) (foundation: shallow foundation, footing consolidation, differential settlement, secondary consolidation, primary consolidation, frost heave, frost boil, mat foundation, etc.; framework: frame, skeletal structure, braced frame, rigid frame, linear members, joint, moment-resisting frame, plastic hinge, fixed frame, sides way, hinged frame, pin joist, A-frame, three-hinged frame, bent, knee, etc.; wall: upright construction, bearing wall, nonbearing wall, exterior wall, interior wall, partition, bearing partition, nonbearing partition, screen, movable partition, demountable partition, etc.; roof: covering, flat roof, pitched roof, pitch, rise, run, gable, roof, hip roof, hip roof, curb roof, mansard, batterfly roof, shed roof, lean-to, penthouse, pavilion roof, hipped gable, gambrel roof, curb, rainbow roof, barrel roof, skylight rake, etc.; floor: flooring, wearing surface, finish floor, subfloor, blind floor, rough floor, floor framing, rim joist, header, bridging, solid bridging, trimmer, tailpiece, beam pocket, deck, decking, acoustic decking, etc.; stair: straight-run stair, flier, flight of stairs, straight flight, landing, quarter-turn stair, pace, footpace, half-turn stair, dog-leg stair, three-quarter, turn stair, winding stair, circular stair, spiral stair, etc.);

— инженерное обеспечение здания (Engineering Systems) (heating, ventilation, air-conditioning, lift, radiator, illumination, temperature, electricity, boiler, cavity, relative humidity, prevailing, wind, water vapour, moisture, noise level, sunlight, condensation, climate effects, protection of environment, living and working conditions, etc.).

3. Организация производства работ (Bar chart of the sequence of trades of the building site [4]) *(erecting steelwork, excavating ground, supervision, building brickwork, laying roof covering, installation of heating equipment, manufacture of screens, etc.).*

4. Расчетно-конструктивная и экономическая части проекта (Calculated and Economic Concepts) *(% (per cent); 0.3 (point three per cent); ½ ton (half a ton); 60 km/hr (sixty kilometers per hour); 0 °C (zero degrees Celsius); kg/cm2 (kilogram per square centimeter); = (equals); {} (brackets);/(oblique);\(back slash); etc.).*

Для представления результатов расчетно-конструктивной и экономической частей проекта в цифровом выражении необходимо наличие у обучаемых иноязычных навыков предъявления прецизионной информации (дроби, квадрат числа, производные величин, интеграл и т. д.).

Будущий архитектор должен владеть определенным набором терминов по специальности (около 2500 лексических единиц). Эти термины распадаются на пять тематических блоков, связанных с разделами проекта:

— типы зданий *(front, façade, edifice, skyscraper, low-rise building, loft building, mid-rise, high-rise, attic, half-story, crawl space, cellar, storm cellar, mezzanine, areaway, front spiece, pavilion, flanking, false front, bay, blindstory, balcony, fenestration, stoop, porch, portico, veranda, forecourt, etc.);*

— конструкции зданий *(service load, structural analysis, ultimate strength design, limit design, factored load, factor of safety, load trace, tributary load, tributary load strip, primary member, secondary member, tertiary member, bearing, support condition, unrestrained member, roller support, cable support, pin joint, pin, rigid joint, fixed-end connection, anchorage, lateral stability, etc.);*

— структурные элементы здания *(curved structure, framework, beam, girder, truss, cantilever beam, simple beam, overhanging beam, double overhanging beam, fixed-end beam, haunch, suspended-span, continuous beam nosing shaft, vaulting shaft, barrel vault, cradle vault, tunnel vault, wagon vault, conical vault, rampant vault, annular vault, tripartite vault, grain vault, web, grain, underpitch vault, rib vault, single-acting door, double-acting door, double door, etc.);*

— части здания *(cased pile house, corner brace, corner past, backing, ledger strip, ribbon, plate, wall plate, top plate, blocking, cripple, soleplate, platform frame. pile layout, casing, mandrel, uncased pile, pedestal pile, pier bell, bell bucket, wood flooring, strip flooring, plank flooring, parquet, sleeper, solid block flooring, double roof, double-framed roof, etc.);*

— основные «строительные» понятия *(span, supports of structure, distance, inner faces, transverse loads, supporting elements, clear span, effective span, support of span, bending moment, stress, compression, tension, resisting moment, deflection, camber, curvature, value, surface, vertical (horizontal) shearing stress, cross section, outer faces, external shears, resistance, midspan, rotation, rigity, cross-sectional shape, inflection points, horizontal ridge, projecting angle, reentering angle, projection, extension, bottom, top, lighting, division of building, level, supporting surface, etc.);*

— инженерное обеспечение зданий *(relative humidity, prevailing, wind, water vapour, moisture, noise level, sunlight, condensation, climate effects, protection of environment, living and working conditions, etc.).*

В техническом вузе в условиях традиционно слабого владения студентами иностранным языком формирование профессионального тезауруса имеет специфические особенности, среди которых главная роль отводится знакомству с категориальным аппаратом профессиональной сферы, изучению англоязычной архитектурно-строительной терминологической системы и их эквивалентов в родном языке исключительно для чтения специальной литературы. Анализ содержания обучения иностранному языку позволил сделать вывод, что оно не предполагает развития презентационных и дискуссионных умений и навыков в рамках профессиональных межкультурных контактов, не коррелирует с принципом коммуникативной направленности обучения, не ориентировано на стимулирование речемыслительной активности учащихся, индивидуализацию обучения, ситуативную организацию процесса обучения.

Рассматривая архитектурный проект как объект лингводидактического анализа, а его иноязычную презентацию и обсуждение как компоненты обучения студентов в архитектурно-строительном вузе на основе лингвопрофессиональной специфики выпускника, предполагающей сформированность иноязычной презентационной и дискуссионной компетенций, можно сделать следующие выводы. Иноязычная презентация архитектурного проекта подразумевает наличие у студента специфических знаний и умений, которые необходимо учитывать при отборе содержания и разработке модели обучения иностранному языку, способствующей в дальнейшем формированию у обучаемых иноязычной проектно-технической компетенции, позволяющей им обмениваться специальной информацией с зарубежными коллегами, активно осваивать международный строительный рынок, пропагандировать отечественные проекты, конкурировать с зарубежными архитектурно-строительными фирмами [6]. Для осуществления успешной иноязычной презентации архитектурного проекта и его обсуждения будущему специалисту необходимы знания архитектурно-строитель-

ной терминосистемы; структуры презентации проекта; метакоммуникационных сигналов каждого этапа презентации; прецизионной информации, а также умения активно использовать архитектурно-строительную терминосистему; представлять проект, используя архитектурно-строительные термины; вербализовать прецизионную информацию; отвечать на вопросы аудитории после презентации и быть готовым к дискуссии; соотносить метакоммуникационные сигналы с коммуникативными интенциями. Вышеизложенные знания и умения свидетельствуют о достаточно высоком уровне сформированности иноязычной проектно-технической компетенции, овладение которой рассматривается в качестве обязательного условия для осуществления профессиональной деятельности архитектора-строителя в инофонной среде.

Предложенная нами модель формирования иноязычной проектно-технической компетенции у студентов архитектурно-строительных специальностей состоит из четырех этапов. На первом этапе осуществляется знакомство с терминами подъязыка специальности и усвоение грамматического материала. Формирование иноязычного профессионального тезауруса начинается с усвоения наиболее частотных архитектурно-строительных терминов и последовательного подключения семантических участков профессиональной концептосферы специалиста архитектурно-строительного профиля. Наряду со знанием терминов иноязычная проектно-техническая компетенция предполагает знание студентами разделов проекта, осознание лингвокультурных различий в англоязычной и отечественной терминосистемах архитектурно-строительного проектирования. Например, упражнения на овладение архитектурно-строительной терминологической системой могут быть следующими:

1. Complete the sentences using the properties of materials:

a. Why is glass used for window panes? Because glass is…

b. Why is some steel covered with a thin layer of zinc? Because zinc is…

c. Why are some fire doors covered with asbestos sheets? Because asbestos is…

d. Why is glass wool used to keep the heat in hot-water tanks? Because glass wool is…

e. Why are some metal sheets formed into a corrugated shape? Because the corrugated shape makes the sheet…

f. Why can't a man easily lift a large concrete beam? Because concrete is…

g. Why can a man bend a rubber tile but not a concrete beam? Because rubber is…

2. Study the table and answer the questions given below:

The components of a building

Elements	Compound units	Units	Materials
Roof	roof structure waterproof covering	joists and slabs	timber wood-wool asphalt
Walls	cladding wall structure	corrugated sheets beams and stanchions	steel steel
Floors	wearing surface floor structure	tiles panels	vinyl precast concrete
Foundation		column bases	concrete

a. What does the roof (wall, floor) consist of?

b. How many elements is the building constructed from?

c. How many compound units is the wall (roof) constructed from?

d. What is roof structure (wall structure, floor structure) made up of?

e. What are the joists (corrugated sheets, precast panels) made of?

3. Study the words and word combinations and say what we can we call: a) an element of a building; b) a compound unit; c) a unit; d)material.

Roof, roof structure, joist, timber, wall, cladding, corrugated sheet, steel, floor, wearing surface, tile, vinyl, foundation, column bases, concrete, waterproof covering, wood-wool asphalt, wall structure, beam, stanchion, floor structure, panel, precast concrete, foundation.

На втором этапе осуществляется развитие у студентов иноязычных умений комментировать расчетно-графическую часть проекта: графические элементы (планы, фасады, разрезы); графический примитив (линии, точки, обозначения на чертежах); графические наглядные средства (графики, органиграммы, диаграммы); вербализовать прецизионную информацию (числа, математические символы, единицы измерения физических величин, масштаб). Примерами могут служить следующие упражнения:

1. Draw the lines: a straight line, bumpy curve, curve, solid line, broken line, dotted line, etc.

2. How can you indicate upward and downward movement, no movement and a change in direction? Choose the right answers: to increase, remain steady, decrease, rise, drop, remain constant, fall, decline, reach a peak, move upwards, go up, reach a low point, pick up, fall off.

3. Pronounce and write down the following: 2/3 ton, 1.75, ¾ km, 0.75 km, 240 km/hr, 40 h.p., etc.

На третьем этапе особое внимание уделяется формированию речевых умений, необходимых для выполнения иноязычной презентации проекта в устном (доклад) и письменных форматах (аннотация пояснительной записки к проекту), структурировать презентацию проекта; соотносить метакоммуникационные сигналы с каждым ее этапом; правильно оформить пояснительную записку.

1. Correlate signals of a presentation with its stage (Introduction, Main body, Conclusion).

2. Put signals of stages of a presentation in the order they should be used.

3. Study the explanatory note of the entertaining center. Suggest the structure of the presentation and signals to each stage.

На четвертом этапе осуществляется консолидация знаний, активизация умений и навыков, необходимых для презентации архитектурного проекта.

1. Read the description of the house given below and make the drawing.

The house is a single-story building with a square-shaped plan. It contains seven rooms. The entrance leads into a hall. On the left of the hall is the living room and beyond that is the dining area. The kitchen is adjacent to the dining area. A terrace is situated outside the living room. A toilet is in the center of the house. Access to the toilet is from the hall. The two bedrooms are located to the right of the entrance. The bathroom is between the bedrooms. There is also another entrance to the kitchen.

2. Prepare a presentation of any private house. Be ready to answer the questions and discuss the presentation.

Эффективность использования модели обучения, направленной на формирование иноязычной проектно-тех-

нической компетенции, может быть достигнута благодаря поэтапному усвоению языкового и речевого материала, представленного в языковых упражнениях и коммуникативных заданиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Цой А. И. Бизнес-коммуникация в аспекте эмотиологии (на примере коммуникативных ситуаций в сфере сервиса) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 294—297.

2. Локтюшина Е. А. Из истории становления отечественной теории и практики языкового образования в профессиональных целях // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 221—225.

3. Астафурова Т. Н. Лингвистические аспекты межкультурных деловых коммуникаций. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. 85 с.

4. Локтюшина Е. А., Сайтимова Т. Н. Предметно-языковое интегрированное обучение как подход к профессиональному образованию // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 2 (31). С. 324—328.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 270100 Архитектура (квалификация (степень) «Бакалавр»). М., 2010. 16 с.

6. Корниенко О. П. Формирование иноязычной проектно-технической компетенции у специалистов (на примере архитектурно-строительных специальностей): автореф. дис. … канд. пед. наук. Пятигорск, 2009. 19 с.

7. James Cumming. Architecture and Building Construction. Longman, 2004. 65 p.

REFERENCES

1. Tsoy A. I. Business communication in emotiology (on communicative situations in service) // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 4 (29). P. 294—297.

2. Loktushina E. A. From the history of formation of the domestic theory and practice of language education in professional purposes // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 4 (21). P. 221—225.

3. Astafurova T. N. Linguistic aspects of cross-cultural business communication. Volgograd: Publishing house of Volgograd State University, 1997. 85 p.

4. Loktushina E. A., Saitimova T. N. Content and language integrated learning as an approach to vocational training // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. № 2 (31). P. 324—328.

5. Federal State Educational Standard of Higher Education in subject 270100 Architecture. M., 2010. 16 p.

6. Kornienko O. P. Forming of the foreign-language design-technical competence specialists (illustrated by architecture and civil engineering specialties): abstract of a thesis of the candidate of pedagogy. Pyatigorsk, 2009. 19 p.

7. James Cumming. Architecture and Building Construction. Longman, 2004. 65 p.

УДК 372.881.1
ББК 74.268.1

Budnyaya Olga Nikolaevna,
candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the department of the English language and professional communication
of Pyatigorsk State Linguistic University,
Pyatigorsk,
e-mail: b_o_n2004@rambler.ru

Будняя Ольга Николаевна,
канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации
Пятигорского государственного лингвистического университета,
г. Пятигорск,
e-mail: b_o_n2004@rambler.ru

Kozhelupenko Tatyana Pavlovna,
candidate of philological sciences, associate professor of the department of the English language and professional communication
of Pyatigorsk State Linguistic University,
Pyatigorsk,
e-mail: tanya303@mail.ru

Кожелупенко Татьяна Павловна,
канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации
Пятигорского государственного лингвистического университета,
г. Пятигорск,
e-mail: tanya303@mail.ru

КОМБИНИРОВАННО-КОММУНИКАТИВНЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В МОДЕЛИ ЛЕТНЕЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕССИИ

COMBINED-COMMUNICATIVE METHOD OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN THE MODEL OF SUMMER LANGUAGE SESSION

В статье дается обзор основных моделей методик обучения иностранным языкам, а также выводится основная методика обучения — комбинированно-коммуникативная, которая позволяет овладевать иностранным языком посредством погружения в аутентичный лингвострановедческий, культурный и исторический материал иноязычной

культуры, а также путем живого общения в реальной среде. Авторами анализируются результаты применения комбинированно-коммуникативной методики на практике. Рассматривается опыт летней языковой сессии, реализуемой в рамках работы языковой школы «Big Ben» на базе Пятигорского государственного лингвистического университета, как один из способов применения рассматриваемого метода; оцениваются результаты такого опыта, а также формулируются дальнейшие перспективы использования комбинированно-коммуникативного метода в учебно-педагогическом процессе языковой школы.

The article provides an overview of the main models of methods of teaching foreign languages, as well as displays basic training technique — combined-communicative, which allows learning foreign language by immersion in cultural study and historical material of foreign language, as well as through live communication in a real environment. The authors analyze the results of the use of combined-communicative approach in practice. The experience of the summer session of the language implemented in the work of the language school «Big Ben» based on Pyatigorsk State Linguistic University as one of the ways of using of combined-communicative method of teaching foreign languages in practice. Also the results of this experience are assessed, and formulated the future prospects for using communicative combined method in teaching process at language school.

Ключевые слова: натуральный метод обучения, грамматико-переводной метод, языковая школа, летняя языковая сессия, фундаментальные знания, комбинированно-коммуникативный метод, интегративная модель, воспитательный аспект, познавательный аспект, общение, иноязычная культура.

Keywords: natural method of teaching, grammar-translation method, language school, summer language session, basic knowledge, combined-communicative method, integrative model, educational aspect, informative aspect, communication, foreign language culture.

Говоря об овладении иностранным языком, мы рассматриваем не только теоретические положения, но и практический опыт, то есть методы, с помощью которых может быть достигнуто более эффективное усвоение предмета. Концепция языковой личности позволяет рассматривать важнейшие лингвистические проблемы (принципы взаимосвязи языка и мышления, формирование языковой картины мира, условия развития межкультурной коммуникации и др.) применительно к среднестатистическому носителю языка. В данной ситуации нельзя забывать, что человек, изучающий иностранный язык,— это уже более или менее сформированная языковая личность, являющаяся носителем языкового сознания определенного этноса. Поэтому в процессе обучения иностранному языку задачей преподавателя является не только научить неким грамматическим нормам, но и развить «иноязычное» языковое сознание. Таким образом, на первый план выходит методически обоснованное преподнесение сведений о стране и культуре изучаемого языка.

Свидетельства об изучении иностранных языков восходят к древним временам: в эпоху расцвета культуры в Сирии, Древнем Египте, Греции, Риме иностранные языки имели общеобразовательное и прикладное значение в силу активных торговых и культурных связей между этими странами. Сначала греческий, а затем и латинский языки являлись теми основными иностранными языками, которые изучали индивидуально и в школах. Однако на протяжении всего развития культуры стран Европы ни один язык не играл такой исключительно важной роли, как латинский. Именно методика преподавания латинского языка стала исходным пунктом всего развития методики обучения иностранным языкам. История развития методов преподавания иностранных языков демонстрирует многочисленные и разнообразные попытки найти наиболее рациональный подход к обучению иностранным языкам, однако вопрос о том, какой метод является наиболее эффективным в обучении всем видам речевой деятельности на иностранном языке, остается до сих пор открытым. Среди древних методов обучения иностранному языку самым известным считается натуральный метод, тот же, что используется для постижения родного языка. Иностранный язык осваивался путем подражания готовым образцам, а также повторения и воспроизведения новой информации по аналогии с ранее изученной. Так как основным и часто единственным способом демонстрации приобретенных знаний и навыков была имитация, справедливо именовать такой подход как грамматический имитативно-интуитивный метод [1, с. 35].

Следующий метод — грамматико-переводной — долгое время считался эталоном, способным помочь обучающемуся довольно неплохо овладеть иностранным языком. По мнению представителей данного метода, главной целью обучения иностранным языкам является развитие логического мышления путем овладения структурой языка. За основу обучения бралась письменная речь, а основным объектом обучения стала грамматика, которая и определяла подбор текстов. Основным инструментом обучения считался перевод, так как полагалось, что все языки имеют общую грамматику, а различается лишь зрительный и звуковой образ слов. Лексика служила иллюстративным материалом, и все сводилось к тому, что в процессе перевода иностранные слова приводились в подстрочниках в номинативной форме. Задача учащихся заключалась в соединении этих слов в предложения. Основной постулат данного метода — владение языком есть владение грамматикой. Соответственно, процесс обучения понимается как путь следования от одной грамматической структуры к другой. Таким образом, алгоритм действий преподавателя заключается в следующем: определяются грамматические схемы, которые нужно осветить, затем подбираются соответствующие тексты, и итог работы воплощается в переводе, сначала — с иностранного языка на родной, затем — наоборот. Выбранные обучающие тексты, как правило, были искусственными, то есть в таком тексте практически не уделялось внимания смыслу (не так важно, что ты скажешь, важно, как ты это сделаешь). Данный метод получил изрядную долю критики, однако он также обладает рядом достоинств. Во-первых, грамматика усваивается на действительно высоком уровне. Во-вторых, этот метод весьма хорош для людей с развитым логическим мышлением, которые воспринимают строй языка как набор неких логических формул. Основным недостатком является то, что метод провоцирует возникновение так называемого языкового барьера, когда человек становится не в состоянии выразить себя путем комбинирования слов с помощью неких грамматических правил. М. Берлиц, Ф. Гуэн, М. Вальтер — наиболее из-

вестные представители натурального метода, основным положением которого является воссоздание естественного пути изучения языка, характерного для ребенка, который постигает родной язык. Основной целью данного метода являлось развитие устной речи у учащихся. Достигалось это при помощи искусственного создания языковой среды, подобной той, что окружает ребенка при овладении им родной речью. Основной принцип данной среды — полное исключение родного языка из преподавания. Значение различных языковых явлений раскрывалось при помощи наглядного материала, специального контекста или дефиниций. М. Берлиц и Ф. Гуэн положили в основу обучения иностранным языкам устную речь, придавая большое значение слуховому восприятию материала, а также ввели устную проработку материала перед чтением и письмом [2, с. 60]. Однако недостатком их метода можно считать отсутствие у учащихся фундаментальных знаний грамматической системы языка. Также ученые не признавали за языком общеобразовательного значения.

Говоря о прямом методе, следует отметить, что он возник на базе натурального. Свое наименование он получил потому, что его сторонники стремились ассоциировать слова и грамматические формы иностранного языка прямо с их значением, минуя родной язык учащихся. В разработке прямого метода участвовали психологи и лингвисты П. Пасси, В. Фиетор, Г. Суит, О. Есперсен, Б. Эггерт и др. [Там же. С. 61]. Основные принципы данного метода сводятся к следующему: в основе обучения иностранному зыку должны быть те же психологические и физиологические закономерности, что и в обучении родному языку; главную роль в овладении иностранным языком играют память и ощущения, а не мышление. В сравнении с методами классической школы прямой метод стал прогрессивным явлением. Он демонстрировал положительные результаты благодаря рационализации учебного материала, активному рабочему процессу, применению наглядных пособий, обращению к живому разговорному языку. Как следствие, междисциплинарные связи между достижениями в области педагогики, лингвистики и методики стали теснее. Однако представители данного метода неверно полагали, что овладение языком происходит только с опорой на чувственное восприятие и память. Позже было неопровержимо доказано, что в основе речевой деятельности лежит мышление, а средства оформления мыслей могут быть разными. К недостаткам данного метода относятся следующие моменты: отождествление способов изучения родного языка и иностранного; злоупотребление интуицией в ущерб сознательному обучению; игнорирование родного языка при изучении иностранного. Рубеж XX — XXI веков ознаменовался бурным развитием политических, культурных и экономических связей с возросшей потребностью в знании иностранных языков. Это, в свою очередь, повлекло за собой развитие новых методик обучения.

Все ранее перечисленные методики преподавания считаются традиционными, или фундаментальными, так как они происходят от грамматико-переводного метода, поэтому использование этих методик активно продолжалось на протяжении многих лет. Так, например, как указывает исследователь Е. А. Локтюшина, основной целевой установкой языковой подготовки в советских вузах считалось умение читать и понимать иностранный текст [3, с. 222]. Этот подход был представлен в программе по иностранному языку для отраслевых вузов 1949 года и являлся ориентиром для преподавателей до 1954 года. Изоляция Советского Союза от внешнего мира во второй половине XX века явилась причиной недостатка информации о мировых тенденциях развития в области языкового образования. Поэтому в сложившихся условиях основными критериями сформированности способности к иноязычной деятельности считались знание основных грамматических конструктов языка и чтение со словарем классической литературы.

В конце 70-х годов XX века зародился совершенно новый подход к изучению иностранной речи, а именно — коммуникативный метод обучения. Хотя в современном обществе данная методика считается вполне отвечающей требованиям времени, А. Л. Бердичевский в статье «Языковая политика и методика преподавания иностранных языков в странах Европы» пишет о том, что в настоящее время наступила посткоммуникативная фаза развития в методике обучения, характеризующаяся когнитивной (познавательной) ориентацией [4, с. 21].

Рассматривая основные принципы коммуникативного метода, следует начать с истории его развития. В 70-е годы основной целью обучения выдвигается не просто овладение иностранным языком, а «иноязычной культурой», которая включает в себя познавательный, учебный, воспитательный и развивающий аспекты. На основе данного положения на повестку дня вышел вопрос о необходимости создания новой методической системы, которая могла бы обеспечить достижение поставленной цели наиболее эффективным и рациональным путем. Таким новым направлением стал коммуникативный метод. В основе его заложен принцип овладения иноязычной культурой путем изучения не только лексического и грамматического строя языка, но и его культуры, истории, а также взаимосвязи с родной культурой. Эта черта является первым отличительным признаком данного метода от его предшественников. Второй отличительный признак, а также основная цель метода — научить человека общаться, сделать так, чтобы его речь была понятна собеседнику. Несомненная заслуга коммуникативной методики в том, что в ней впервые выдвинуто положение о том, что общению нужно учить через общение. Также специфической чертой данной методики является использование условно-речевых упражнений, то есть таких упражнений, которые построены на полном или частичном повторении реплик преподавателя. По мере последовательного приобретения валидных знаний и навыков характер условно-речевых упражнений становится все более сложным, пока необходимость в них не исчерпывает себя и пока высказывания учащихся не становятся самостоятельными и осмысленными. Однако следует справедливо отметить, что тот метод, который изначально назывался коммуникативным, в настоящее время, по сути, уже таковым не является, представляя собой гармоничное сочетание многих существующих способов обучения иностранным языкам, которые преследуют одну и ту же цель — научить человека общаться. Мы называем данный метод комбинированно-коммуникативным. Он ориентирован на формирование целостного восприятия окружающего мира через иностранный язык, а также создание необходимых условий для раскрытия познавательных, интеллектуальных и творческих способностей обучающегося. Мы разделяем мнение исследователей Е. А. Локтюшиной и Т. А. Сайтимовой о том, что урок должен заключать в себе четыре элемента: 1) content — содержание; 2) communication — общение; 3) cognition — познание; 4) culture — понимание и уважение своей и чужой культур. Такое построение уроков способствует эффективному изучению языка, соответствуя идее, провозглашенной

Британским советом: «Использовать язык, чтобы учиться, и учиться, чтобы пользоваться языком» [5, с. 325].

Опыт летних сессий языковой школы «Big Ben», эффективно работающей на базе ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» в течение нескольких лет, доказывает эффективность данного метода изучения иностранного языка в процессе иноязычного общения во время традиционного отдыха школьников. В качестве модели обучения иноязычному общению нами была выбрана модель, построенная на принципе неразрывного единства языковой и лингвострановедческой составляющих, а также в разнообразии форм учебной и досуговой деятельности. При этом обучение младших школьников иностранному языку на интегративной основе осуществляется в русле педагогики сотрудничества (Ш. А. Амонашвили [6]) — гуманистического направления, которое предполагает поворот к ребенку, понимание его личных целей, запросов и интересов. Отметим, что реализация комбинированно-коммуникативного метода в избранной нами модели образовательной деятельности в период летней языковой сессии для младших школьников позволяет вооружить их не только знаниями, умениями и навыками в области иноязычного общения, но и формировать ряд значимых социальных умений: культуру общения, толерантность, стремление к саморазвитию, устойчивость к изменяющимся социальным, психологическим и экономическим факторам, гибкость и креативность мышления, развитие требовательности к себе. Мы разделяем мнение исследователя З. В. Охрименко о том, что неумение работать над собой может стать серьезным препятствием на пути к успеху как в личностном, так и в профессиональном плане. Побудительной силой формирования и развития различных умений и навыков личности являются динамические требования среды. Летняя языковая сессия является той определенной средой, требования которой способствуют формированию жизненно необходимых навыков [7, с. 318]. Во время работы летней языковой сессии создаются благоприятные условия для достижения продуктивной гуманистической и культуросообразной модели языкового образования, обладающей высоким качеством и эффективностью, учитываются когнитивные аспекты овладения языком и культурой стран изучаемого языка, формируется уважительное отношение к другим языкам и культурам.

Так, одна из сессий называлась «Школа волшебников», в основу которой были положены некоторые идеи писательницы Дж. Роулинг из всемирно известного романа о мальчике-волшебнике Гарри Поттере. В начале смены дети были разделены на отряды волшебников. Летняя сессия была разделена на четыре модуля. Каждый из модулей призван решить ряд практических задач, а игровое моделирование и интерактивная деятельность являлись ключевыми факторами развития всех видов иноязычного общения. В каждом модуле дети изучали определенные лексические и грамматические темы. В начале сессии после торжественного посвящения в волшебники ребятам было объявлено задание первого модуля — поиск волшебного камня знаний. В процессе поиска камня знаний младшие школьники изучили лексику по теме «Природа, природные явления», научились использовать грамматическое время настоящее простое время, а также исчисляемые и неисчисляемые существительные. Большое количество страноведческого материала отрабатывалось в креативных заданиях, квестах, головоломках, других играх, в том числе спортивных. Каждый день дети отгадывали загадки, получая за отгадку часть карты, на которой было указано место, где спрятан камень. В конце недели, собрав всю карту, дети прошли квест «Поиск волшебного камня». Вторая неделя называлась «Кубок огня». В течение второй недели в рамках второго модуля дети осваивали лексику по теме «Спорт», «Досуг. Хобби», изучали грамматическую тему «Настоящее продолженное время». В конце недели по итогам были выбраны лучшие волшебники, которые приняли участие в образовательно-спортивном состязании «Битва волшебников». Третий модуль летней языковой сессии назывался «Тайная комната». В рамках этого модуля дети изучили тему «Технологии» — названия современных приборов, без которых сложно представить жизнь, а также грамматическую тему «Модальные глаголы». В конкурсе «Земля 3000» дети представили к защите свои групповые проекты о возможном новом изобретении, которым станут пользоваться люди в будущем. Школьники, представившие лучший проект, были объявлены волшебниками недели. Четвертый, заключительный модуль назывался «Орден братства». Дети осваивали лексику по теме «Внешность. Характер», изучая внешность писательницы Дж. Роулинг, а также актеров, снимавшихся в фильмах о Гарри Поттере. В конце недели ребята самостоятельно подготовили и представили описание внешности понравившегося им известного человека в сфере кинематографа. В работе языковой летней сессии большое внимание уделялось выполнению игровых заданий, действию в проблемных ситуациях коммуникативного характера, использовались различные виды наглядности, стимулирующие эффективное осмысление нового материала, создание ассоциативных связей, опор, способствующих лучшему усвоению правил английского языка, активно использовались информационные технологии и мультимедийные средства. Это способствовало созданию благоприятного психологического климата, превращало процесс обучения в социальный коллективный процесс, создавало почву для развития творческого мышления [8, с. 687]. Завершилась летняя языковая сессия красочным праздником, подведением итогов, награждением поощрительными призами.

Таким образом, исходя из полученного опыта, на примере летней языковой сессии, реализуемой в рамках работы языковой школы «Big Ben» на базе Пятигорского государственного лингвистического университета, мы можем утверждать, что поворот фокуса исследований лингвистики в сторону функционирования языка во взаимодействии с человеком, его материально-практической и духовной деятельностью имеет наиболее заметный и продолжительный эффект. Безусловно, комбинированно-коммуникативный метод обучения иностранным языкам позволяет актуализировать процесс овладения языком с самых разных позиций: социолингвистической, психолингвистической, когнитивной, философской; поэтому интегрированное исследование языковой личности в процессе обучения, включающее в себя все этапы — от социально-педагогического до языкового контактирования, — представляет собой новый подход в лингвистике и методике преподавания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рахманов И. В. Очерк по истории методики преподавания новых западноевропейских языков // Методическое посо-

бие для учителей средней школы. М., 1947. С. 35—36.

2. Психолингвистические стратегии в обучении английскому языку: колл. монография / И. С. Карабулатова, Н. С. Шаброва, Н. Ф. Немченко, М. А. Бабченко. Тюмень, 2008. 247 с.

3. Локтюшина Е. А. Из истории становления отечественной теории и практики языкового образования в профессиональных целях // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 221—225.

4. Бердичевский А. Л. Языковая политика и методика преподавания иностранных языков в странах Европы // Иностранные языки в школе. 2005. № 5. С. 21—23.

5. Локтюшина Е. А., Сайтимова Т. А. Предметно-языковое интегрированное обучение как подход к профессиональному образованию // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 2 (31). С. 324—328.

6. Амонашвили Ш. А. Здравствуйте, дети!: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1983. 208 с.

7. Охрименко З. В. Проблема формирования профессиональной требовательности к себе у старшеклассников в процессе профессиональной ориентации // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 4 (25). С. 315—319.

8. Чернышенко А. Г., Будняя О. Н. Имитационное моделирование на занятиях по английскому языку. Создание виртуального путешествия // Молодой ученый. Ежемесячный научный журнал. 2013. № 11 (58). С. 686—689.

REFERENCES

1. Rahmanov I. V. Essay on the history of new methods of teaching Western-European languages // Method learning textbook for secondary school teachers. M., 1947. P. 35—36.

2. Psycholinguistic strategies in teaching English: collective monograph / I. S. Karabulatova, N. S. Shabrova, N. F. Nemchenko, M. A. Babchenko. Tyumen, 2008. 247 p.

3. Loktuyshina E. A. From the history of establishing the national theory and practice of the language education for professional purposes // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. № 4 (21). P. 221—225.

4. Berdichevskiy A. L. Language policy and methods of teaching foreign languages in Europe // Foreign languages at school. 2005. № 5. P. 21—23.

5. Loktuyshina E. A., Saytimova T. A. Content and language integrated learning as an approach to vocational training // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. № 2 (31). P. 324—328.

6. Amonashvili Sh. A. Welcome kids!: handbook for teachers. M.: Prosveschenie, 1983. 208 p.

7. Okhrimenko Z. V. The issue of formation of professional demands of senior pupils to themselves // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 4 (25). P. 315—319.

8. Chernyshenko A. G., Budnyaya O. N. Modeling in English classrooms. Creating a virtual journey // Young Scientist. Monthly science journal. 2013. № 11 (58). P. 686—689.

УДК 378.046.4
ББК 74.05

Rezinkina Liliya Vladimirovna,
candidate of pedagogical sciences,
deputy director of the College of technology,
modeling and management of Saint-Petersburg State
University of Technology and Design,
Saint-Petersburg,
e-mail: lastik65@yandex.ru

Резинкина Лилия Владимировна,
канд. пед. наук, зам. директора Колледжа технологий,
моделирования и управления
Санкт-Петербургского университета
технологии и дизайна,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: lastik65@yandex.ru

РАЗВИТИЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЙ МЕТАСИСТЕМЫ

DEVELOPMENT OF THE ADULTS' CONTINUOUS EDUCATION AS A UNIVERSAL METASYSTEM

В статье рассматриваются основные тенденции международного опыта, имеющие существенное социокультурное и образовательно-развивающее значение, анализируются социально-психологические, философско-культурные, профессионально-педагогические подходы, позволяющие охарактеризовать и интерпретировать ведущие закономерности становления универсальной метасистемы непрерывного образования взрослых, определены этапы профессионально-личностного становления специалиста в непрерывном образовании, рассмотрены уровни грамотности и компетентности специалиста. Сделаны выводы о возможных направлениях их эффективной реализации в условиях муниципального образования.

The article examines the main trends of the international experience having significant socio-cultural and educational value, analyzes the socio-psychological, philosophical and cultural, professional and pedagogical approaches that allow characterizing and interpreting the leading principles of establishing a universal meta-system for the adult continuous education; the stages of professional and personal development of a specialist in continuous education are determined; the levels of literacy and competence of a specialist are identified. The conclusions about the possibility of their effective implementation in the conditions of municipal entity are made.

Ключевые слова: система образования, метасистема, непрерывное образование взрослых, личностно-профессиональное становление специалиста, рынок труда, конкурентоспособность, доступность и открытость образования, муниципальный ресурсный центр, исследовательская культура, проектирование, грамотность.

Keywords: system of education, meta-system, adults' continuous education, personal and professional development of a specialist, labor market, competitiveness, accessibility and openness of education, municipal resource center, research culture, design, literacy.

Модернизация России невозможна без квалифицированных специалистов, талантливых ученых, без качественного образования и постоянного профессионального обучения [1].

Сегодня социально-экономические вызовы требуют рассмотрения непрерывного образования взрослых как сложного полифункционального феномена, характеризующегося как личностным аспектом движения человека по траектории образования, так и институциональным проявлением, выражающимся в непрерывно-поступательном росте творческого потенциала личности по мере включения в разные ступени непрерывного образования (общеобразовательный этап, профессиональная подготовка, самообразование и дополнительное образование).

В современном обществе особенно актуальным становится проектирование развития системы образования взрослых с учетом широких возможностей инновационных теоретических исследований и реальной практики обучения взрослых с разнообразными вариантами выбора времени, методов обучения и механизмов его реализации для достижения жизненных целей и планов личности.

На основе гуманитарной парадигмы характеризуют основные качества взрослого, которые необходимо формировать в системе непрерывного образования: интерпретация себя ответственным субъектом; потребность в самореализации, базирующейся на чувстве долга и социальной ответственности; умение согласовать многообразные собственные опыты; способность рассмотреть одну и ту же ситуацию в разных аспектах; мышление, способное к конструктивным обоснованным решениям; ассертивность (умение непосредственного и честного выражения чувств); умение сохранять самообладание в условиях неопределенности; выступать посредником между конфликтующими.

В развитии теории непрерывного образования взрослых важное значение имеет отечественный и зарубежный опыт. Основные тенденции международного опыта, имеющие существенное социокультурное и образовательно-развивающее значение, заключаются в следующем:

— динамичное изменение привычных моделей образования, производства и жизнедеятельности человека;

— непрерывное образование взрослых становится базовым принципом мировой образовательной системы и присутствия в ней человека. Реализация непрерывного образования способствует получению населением равных возможностей адаптации к социально-экономическим вызовам;

— возрастающая экономическая потребность в непрерывном образовании взрослых, вызванная особенностями современного рынка труда;

— превращение образования в приоритетную сферу социальной активности взрослого и деятельности общества;

— содействие доступности образования и подготовки для всех, включающее формирование открытого образовательного пространства, информирование и консультирование о возможных образовательных услугах, возможность совмещать обучение и иные виды деятельности для всех категорий взрослых; проектирование гибких образовательных индивидуальных маршрутов; формирование многоуровневого сетевого взаимодействия образовательных институтов;

— превалирование следующих тенденций в непрерывном образовании: от лекционных «поучающих» занятий к индивидуализированному обучению; от академизированного содержания к обучению на рабочем месте; от обучения конкретной профессии к обучению в коллективе (команде); от обычного обучения к проблемному; от очного обучения к дистанционному;

— использование интернет-технологий на рабочем месте специалиста, что характеризуется круглосуточным доступом к образовательным ресурсам, дешевизна использования, простота обратной связи с преподавателем;

— совершенствование содержания непрерывного образования через улучшение маркетинга образовательных запросов и целей взрослых и системы инструкций действий слушателя с целью оптимального усвоения информации, сокращение сроков обучения, концентрация на узких профессиональных проблемах, использование новейшей профессиональной информации в обучении.

Важной составляющей процесса непрерывного образования является развитие грамотности и компетентности специалиста. Под грамотностью определяют результат обучения, выраженный в способности человека действовать в соответствии с объективной логикой предметного мира. Данное определение носит универсальный характер, отражая общие признаки всех видов грамотности. Имеется в виду способность осуществлять эти действия согласно определенным правилам, выработанным человечеством [2; 3].

Видов и разновидностей грамотности ровно столько, сколько видов и разновидностей деятельности. Внутри каждого из них существует вертикальная градация, фиксирующая меру овладения логикой предмета деятельности, это ступени или уровни грамотности, определяющие величину творческого потенциала человека, и через это — меру эффективности его деятельности.

Исследователи предлагают такую градацию последовательно восходящих ступеней грамотностей:

а) элементарная или исходная грамотность, открывающая человеку как бы дверь в хранилище интеллектуальной культуры и позволяющая ему принимать участие в относительно простых видах социальной деятельности — умение читать, писать и выполнять обсчеты с применением четырех действий арифметики;

б) базовая общекультурная грамотность, обеспечивающая возможность овладения теоретическими основами профессиональной и иной деятельности, освоение основ наук и иных знаний о человеке, природе и обществе;

в) функциональная или практически сориентированная грамотность, позволяющая со знанием дела участвовать в различных видах современной деятельности,— освоение теоретического наследия предшественников и передового практического опыта современников;

г) творческая грамотность, выраженная в способности создавать новое, обогащать имеющийся опыт собственным вкладом,— овладение научной методологией познания окружающей действительности [3, с. 47].

В работе Е. А. Соколовской и Т. В. Шадриной подчерки-

вается значение новых функций непрерывного образования взрослых. Они отмечают: «Современное образование взрослых расширяет пространство своего бытования, вскрывая образовательный потенциал любой жизненной ситуации, ориентируя на осмысливание своей деятельности как способствующей образованию любого специалиста (социального работника, инженера, юриста, врача, руководителя учреждения и др.)» [4, с. 27].

Проанализируем психолого-педагогический аспект развития специалиста в профессии (на примере педагогических кадров). И. А. Колесникова логику продвижения учителя в профессии рассматривала с позиции индивидуально-креативного подхода. Она отмечает, что системное обоснование логики продвижения учителя в профессии делает возможным построение процесса обучения от методологии к методике, от абстрактного представления о педагогической реальности к конкретному знакомству с многообразием ее форм; от целостного видения педагогического процесса к его отдельным структурным компонентам; от принципов воспитания и обучения к практическим действиям. При реализации данного алгоритма необходимо соблюдение логики:

— формирование учителя как субъекта профессионально-педагогической деятельности;

— формирования личностной диспозиции в соответствии с особенностями профессионального поведения учителя в рамках гуманитарной парадигмы и гуманистической концепции образования;

— развития профессионально-педагогического качества [5, с. 16—17];

— А. П. Тряпицына выдвигает стратегическую идею развития у педагогов в ходе непрерывного образования самостоятельной рефлексивно-проектной деятельности. «Возникновение новых тенденций в образовании, в социокультурной политике приводит к тому, что в информационном обществе требуется не передача учителю готовых рецептов в виде методических рекомендаций, не передача только знаний, а прежде всего «выращивание» у учителя способности к самостоятельной рефлексивно-проектной деятельности, необходимых для работы в новых условиях. Это, в свою очередь, предъявляет особые требования к системе повышения квалификации учителей» [6, с. 98].

Интересным представляется видение основных смыслов непрерывного образования педагогов в развитии их исследовательской культуры. Образование педагогов-исследователей как компонент (составная часть) структуры непрерывного (постдипломного) образования выполняет социальные, образовательные, научно-методические, личностные, профессиональные, воспитательные и интегративные функции — формирование педагога интегративного типа, являющегося субъектом не только педагогической, но и образовательной деятельности. Этот интегративный тип педагога отождествляет комплекс профессиональных качеств личности, имеющей творческие научно-практические ориентиры, установки, мотивы, интересы, смыслы, ценности, которые регулируют социальное сознание, профессиональное самоопределение, личностно-деятельностную нацеленность, нравственно-ориентированное состояние духа, результативные авторские проявления. Тем самым формируется самобытная, активная личность профессионала, мастера, творца.

Особо выделяют в структуре непрерывного образования такое необходимое качество в развитии педагога, как метадеятельность. В соответствии с этой идеей рассматривают:

— универсальную функциональную компетентность как реализацию нормативных исполнений социальных ролей, основанную на присвоенных теоретических знаниях и имеющемся практическом опыте в разных областях общественной жизни (политике, экономике, технологии, культуре);

— надфункциональную грамотность как совокупность знаний, развитие интеллектуального и духовного мира взрослого человека, которые превышают уровень функционально необходимых требований;

— творческую грамотность как способность к эффективной творческой деятельности, созданию нового продукта, обогащению имеющегося социального опыта личным. Имеет ряд восходящих ступеней — способность к новациям в области профессиональной и общественной практики; умение творить качественно новое знание и т. д. [7];

— метаграмотность как уровень развития творческого потенциала, который превышает показатели разных форм присвоения знаний (умение результативно производить поиск, зависящее от личного опыта работы с метафизическими объектами, интуиции, врожденной одаренности, эмоционального отношения к объекту познания) [8, с. 24—25].

Нам представляется, что концентрированным выражением метадеятельности является формирование в процессе непрерывного образования педагога его методологической компетентности. По мнению В. В. Смирновой, методологическая компетентность является составляющим элементом профессиональной компетентности, направленной на обеспечение творческой направленности деятельности педагога, которая учитывает объективную оценку собственных возможностей и возможностей субъекта обучения, овладение общей культурой исследовательской деятельности, способность разбираться в современных интеграционных процессах, стратегиях мирового образования [9, с. 101].

Развитие методологической компетентности усиливает творческий потенциал взрослого человека, способствует его активно-деятельностному вхождению в профессиональную сферу, направляет на создание качественно новых продуктов, формирует качества личности путем самостоятельного приобретения субъективно новых знаний и компетенций [10, с. 52].

Таким образом, нами проанализированы социально-психологические, философско-культурные, профессионально-педагогические подходы (работы С. Г. Вершловского, Г. Ключарева, Е. Огарева, Г. С. Сухобской, Р. М. Шерайзиной, Е. А. Соколовской, Е. А. Мараловой, А. Е. Марона и др.), позволяющие охарактеризовать и интерпретировать ведущие закономерности профессионально-личностного становления педагогов в непрерывном образовании и обосновать возможные направления их реализации в условиях муниципального образования, в частности в проектируемом нами новом институте образования взрослых — муниципальном ресурсном центре.

Охарактеризуем содержание основных этапов личностно-профессионального становления педагога, отражающих те закономерности, которые наиболее ярко прослеживаются в реальной практической деятельности педагогов.

Этап вхождения в педагогическую профессию как социальный институт, что предполагает профессиональную ориентацию и адаптацию, формирование функциональной грамотности, развитие специально-предметной компетентности.

Этап формирования индивидуального стиля профессиональной деятельности, содержащий: стабилизацию профессиональной деятельности, профессиональную иденти-

фикацию, педагогическую рефлексию, выбор траектории саморазвития, аксиологическую устойчивость в профессиональной деятельности, развитие самообразовательной компетентности, развитие надфункциональной грамотности, формирование метаграмотности.

Этап профессиональной зрелости включает: формирование метарефлексии, творческую профессиональную самореализацию, развитие педагогического мастерства и профессионализма, расширение и интеграцию педагогических специализаций, преодоление личностно-профессиональных затруднений и деформаций.

Раскроем содержание наиболее существенных видов деятельности взрослых в непрерывном образовании в условиях, приближенных к реальной практике педагогов в муниципальной системе.

Для вхождения в профессию важно актуализировать процесс профессиональной адаптации, выражающейся в накапливании собственного опыта в практическом освоении всех видов профессиональной деятельности, ориентации на профессиональные примеры старших коллег и вхождении в педагогический коллектив. На этом этапе качественным образом изменяется психическая модель профессиональной реализации.

Формирование функциональной грамотности на данном этапе выступает как способ вторичной социализации личности, интегрирующий теоретические знания взрослого с разноплановой деятельностью. Это отражается в умении решать конкретные жизненные задачи в разных профессиональных и жизненных областях в быстро меняющемся обществе. Становление педагогов на данном этапе эксперимента происходит на основе деятельностного подхода с использованием технологии коллективных занятий посредством конструирования понятий и смыслов. Развитие функциональной грамотности с последующим перерастанием в профессиональную компетентность и проектировочную деятельность происходит путем решения профессиональных ситуаций через моделирование инновационного образовательного пространства, выстраивание личного маршрута профессионального продвижения и собственной деятельности. Эти элементы не реализуются хронологически, но на каждом уровне профессионального становления взрослого специалиста один из них становится ведущим. Например, на начальном этапе такой ведущей деятельностью является изучение основ теории инновационной деятельности.

Развитие специально-предметной компетентности происходит в ходе моделирующей работы педагога по освоению знаний и умений, конструированию новых смыслов и при разработке индивидуальных образовательных задач и программы по их реализации.

Для второго этапа формирования индивидуального стиля профессиональной деятельности важна стабилизация профессиональной деятельности, в процессе которой достигаются стабильные результаты педагогической деятельности, формируется готовность к освоению нового в профессии. Наступает такой момент, когда постепенно накапливающиеся количественные изменения в психике молодого педагога формируют у него новую, качественно более высокую модель профессиональной реализации: он начинает все увереннее справляться с организацией учебного процесса, проведением уроков и воспитательных мероприятий.

Осуществляется профессиональная идентификация, выражающаяся в самоопределении педагога, раскрытии значимости социально-культурной его роли. Профессиональная идентификация специалиста определяется его профессиональной направленностью. Уровень осознанности своей профессиональной идентичности, мотивов и способов деятельности прямо пропорционален уровню педагогической направленности [11, с. 27].

Основой деятельности педагога является педагогическая рефлексия. Рефлексия рассматривается как способность к действиям преподавателя как личности, призванной разрешить ожидания обучаемых по отношению к содержанию информации, решающей их проблемы (упреждающая рефлексия); способность в ходе общения с обучаемыми получать дополнительную информацию, непредвзято ее оценивать и использовать для конструктивного продолжения обучения (позиционная рефлексия); способность преподавателя отслеживать и оценивать результаты общения, сопоставлять достигнутые эффекты по отношению к проблемной ситуации обучаемого (ретроспективная рефлексия) [5].

Происходит выбор траектории саморазвития. Развитие у педагога инновационного потенциала отличается творческой способностью к проектированию и моделированию собственной траектории саморазвития. Вне всякого сомнения, педагог должен быть высоко интеллектуально и эмоционально развит, культурно-эстетически образован.

Аксиологическая устойчивость профессиональной деятельности педагога проявилась на данном этапе в процессе осознания своей миссии в профессии, ее роли и места в социальном разделении труда. Педагог приобретает реальный авторитет и начинает гордиться своей профессией, осознает ее социальную значимость, соотносит свой социальный статус в сравнении с другими профессиями.

Формирование метаграмотности. В современных исследованиях рассматривается уровень развития педагога как проявление его метаграмотности, проявление творческого потенциала личности, способности эффективно осуществлять поисковый процесс в сфере развития надпредметных умений и навыков обучаемых с привлечением теоретических абстракций и элементов рефлексии, практического опыта. Творческую грамотность можно рассматривать как способность к новаторскому действию и метаграмотность как обогащение новаторской деятельности собственными новыми элементами и новым пониманием инновационного результата. В качестве противоположной тенденции в развитии педагогов авторы называют бессистемную эрудицию, вульгарный рационализм, узкопрагматическое новаторство.

Этап профессиональной зрелости включает формирование метарефлексии, которая происходит в основном на этапе профессиональной зрелости и характеризуется постоянным интересом и готовностью к созданию нового, а также высокой результативностью инновационной деятельности. Формируется потребность осмыслить накопленный педагогический опыт, которая сочетается с уже освоенной методологией и достаточной подготовленностью к исследовательской деятельности.

Развитие педагогического мастерства и профессионализма, гарантированно высокое и стабильное качество педагогической деятельности, ощутимые достижения в инновационной и методической профессиональной деятельности. Этот высший этап профессионализации педагога характеризуется личностно-профессиональной мудростью, большей ориентацией на обогащение творческого потенциала, совершенствуемого в процессе воспитания и обучения собственных детей, семейной жизни и профессиональной деятельности.

Важным является расширение и интеграция педаго-

гических специализаций. В. Н. Введенский характеризует надфункциональную грамотность как функциональную многогранность педагогической профессии, требующей расширения ее профессиональной специализации, интеграции педагогических специальностей вокруг определенного профиля (естественнонаучного, гуманитарного и т. д.), разных профилей, определяющих кругозор педагогов, что способствует повышению их востребованности. Одновременно с традиционной предметной специализацией в ответ на социально-экономические вызовы и запросы стали появляться новые общепедагогические специальности — педагог-психолог, педагог-андрагог, социальный педагог, менеджер образования и др. [11, с. 25].

Потребность в коммуникативном взаимодействии по анализу, рефлексии и обмену опытом характерна особенно для активных педагогов.

У педагогов с большим стажем появляется проблема преодоления личностно-профессиональных затруднений и деформаций. Эпизодические спады в профессиональной деятельности. Ближе к преклонному возрасту педагог личностно-профессионально вырабатывается. У него наступают прогрессирующие временные снижения активности и качества преподавания, сменяются ценностные ориентиры, в результате чего теряется интерес к профессии. Возникает стремление переложить свои обязанности на других, появляется частая переутомляемость, приходится преодолевать психическую и физическую усталость.

Нами получены следующие выводы: личностно-профессиональное становление педагогов, формирование указанных выше видов профессиональной деятельности позволяют выдвинуть гипотезу о том, что необходимо интеграционное согласование процесса дополнительного образования взрослых в условиях институтов повышения квалификации и практикоориентированного сопровождения педагога в условиях его реальной деятельности. То есть речь идет о формировании в рамках муниципального образования инновационной полифункциональной системы сопровождения педагога в его личностно-профессиональном развитии.

В этом аспекте мы согласны с мнением Т. Б. Сибиряковой о том, что в сложившихся в стране условиях непрерывное обучение и повышение квалификации не является доступным для всех потенциальных потребителей образовательных услуг. Это связано в основном с недостатком ресурсов. Причем на первом месте, согласно статистическим данным, стоят временные и жизненные ресурсы, то есть недостаток времени и физических сил, а лишь затем дефицит финансовых ресурсов [12].

В вопросе предоставления образовательных услуг по непрерывному образованию взрослых мы не совсем согласны с мнением О. А. Деревянченко, которая утверждает, что образовательная деятельность в сфере оказания образовательных услуг налагает на государство ряд обязательств: оно должно организовывать оказание образовательных услуг, обеспечивать необходимые финансовые и материальные ресурсы, осуществлять контроль за процессом оказания образовательных услуг [13].

По мнению И. В. Осокиной и Л. С. Цветлюк, образовательные услуги наиболее легко адаптируются к локальной (местной) промышленной, национально-культурной и религиозной специфике, что особенно востребовано в муниципальном образовании [14]. Опираясь на работы А. И. Жилиной и маркетинговые исследования, проведенные нами в Киришском районе Ленинградской области, мы выделили основные направления развития сферы образовательных услуг в условиях формирования системы непрерывного образования в муниципальном районе: содействие становлению системы непрерывного образования на муниципальном уровне; научно-педагогическое сопровождение организации сетевого взаимодействия субъектов образовательного пространства муниципального района (выявление и оформление набора образовательных услуг, мониторинг дефицитов и возможностей образовательного сервиса, удовлетворенности реализацией запроса; разработка инструментария оценки результатов социального и профессионального партнерства, соответствующего нормативно-правового обеспечения; формирование информационного пространства, организация публичных дискуссий, государственно-общественной экспертизы, обмен опытом, издание материалов, работа со СМИ). Эти направления охватывают широкий спектр специальностей и профессий [15].

Мы считаем, что оказание образовательных услуг должно регулироваться запросами муниципального образования, социально-культурными партнерами и предприятиями района. Соответственно, финансовые, организационно-ресурсные и контролирующие функции в значительной мере возлагаются на муниципальное образование и градообразующие предприятия, а не на государство, что подтверждено маркетинговыми исследованиями, проведенными в рамках эксперимента по построению системы непрерывного образования в Киришском районе Ленинградской области с 2010 по 2015 год.

Это не уменьшает роль систематического повышения квалификации педагогов в условиях институтов повышения квалификации. Особое значение этих институтов в развитии теоретических основ содержания и технологий предметной подготовки учителей, в ознакомлении и усвоении государственной и региональной политики в области образования, формировании профессиональной компетентности в сфере управления качеством образования, в проведении аттестации и профессиональных конкурсов.

Таким образом, развитие кадрового потенциала муниципального образования характеризуется проявлением следующих особенностей:

— анализ и самоанализ реальных потребностей и запросов специалистов в совершенствовании своей профессиональной деятельности; соотнесение этих запросов с социальным заказом района; возможность удовлетворения этих запросов за счет внутренних ресурсов региона, адресного привлечения специалистов, ученых, методистов-практиков;

— сопровождение специалиста в процессе осмысления личного жизненного, производственного, образовательного опыта, а также принятие и апробация инновационных идей и рекомендаций, полученных в системе курсового обучения в рамках ИПК; дальнейшее переосмысление результатов на основе нового опыта;

— управление системой формирования метапредметной деятельности, предусматривающей профессиональную идентификацию специалиста, расширение интеграции специализаций, преодоление личностных затруднений и деформаций;

— максимальный учет этапов личностно-профессионального развития специалиста при построении траектории его саморазвития, создание условий для формирования и развития самообразовательной компетентности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агапцов С. А. Вопросы подготовки кадров в системе образования для инновационного развития экономики России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 2 (15). С. 20—23.

2. Кулюткин Ю. Н. Образование взрослых и проблема функциональной грамотности // Проблемы непрерывного образования: педагогические кадры. 1997. № 9. С. 3—7.

3. Практическая андрагогика. Кн. 5. Открытое образование взрослых: монография / А. Е. Марон, Л. Ю. Монахова и др.; под ред. А. Е. Марона. СПб.: УРАО ИОВ, 2012. 400 с.

4. Андрагог в открытом обществе: мат. российско-польского семинара / под ред. Е. А. Соколовской, Т. В. Шадриной. СПб. — Иркутск — Plock, 2000. 468 с.

5. Колесникова И. А. Основы андрагогики: учеб. пособие для студ. высш. пед. уч. завед. / И. А. Колесникова, А. Е. Марон, Е. П. Тонконогая и др.; под ред. И. А. Колесниковой. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 240 с.

6. Тряпицына А. П., Акулова О. В. Внутрифирменная подготовка учителей к реализации идей модернизации общего образования // Образование взрослых в современном развивающемся обществе: мат. Междунар. науч.-практ. конф., 18—19 ноября 2003 года. В 2 ч. Гл. науч. ред.: проф., д. п. н. В. И. Подобед. СПб.: ИОВ РАО, 2003. С. 128—134.

7. Огарев Е. И. Непрерывное образование: основные понятия и термины (тезаурус) / ИОВ РАО. СПб., 1995. 148 с.

8. Ключарев Г. А., Огарев Е. И. Непрерывное образование в условиях трансформации. М.: Франтэра, 2002. 108 с.

9. Смирнова В. В. Методологическая компетентность педагога в контексте непрерывного образования // Человек и образование. 2008. № 4 (17). С. 100—103.

10. Бокарева Г., Кикоть Е. Исследовательская готовность как цель процесса развития учащихся // Вестник высшей школы. 2002. № 6. С. 52—54.

11. Введенский В. Н. Системно-структурный подход к развитию педагогической профессии как социального института // Инновации как фактор модернизации образования взрослых. СПб.: ИОВ РАО, 2004. 173 с.

12. Сибирякова Т. Б. Повышение качества профессионального образования — важное условие обеспечения социально-экономического развития России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4 (17). С. 200—203.

13. Деревянченко О. А. Образовательная деятельность и ее место в системе возмездного оказания услуг // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4 (17). С. 230—235.

14. Осокина И. В., Цветлюк Л. С Теоретико-методологические основы образовательного сервиса: учеб. пособие. М., 2005. 116 с.

15. Жилина А. И. Системный подход в современном научно-педагогическом исследовании // Педагогический поиск: проблемы и пути решения: мат. 2-й науч.-практ. конф. «Школа молодого ученого». СПб.: ЛОИРО, 2006. С. 5—11.

REFERENCES

1. Agaptsov S. A. Issues personnel training in the system of education for the innovative development of the Russian economy // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Institute of Business. 2011. № 2 (15). P. 20—23.

2. Kulyutkin U. N. Adult education and the problem of functional literacy // Problems of continuous education: teaching staff. 1997. № 9. P. 3—7.

3. Practical andragogics. Book 5. Open education of adults: monograph / A. E. Maron, L. Yu. Monakhova et al.; edited by A. E. Maron. St. Petersburg: URAO IOV, 2012. 400 p.

4. Andragogist in an open society: materials of Russian-Polish seminar / edited by E. A. Sokolovskaya, T. Shadrina. St. Petersburg — Irkutsk — Plock, 2000. 468 p.

5. Kolesnikova, I. A. Fundamentals of andragogics: textbook for students of higher pedagogical schools. / I.A. Kolesnikova, A. E. Maron, E. P. Tonkonogaya, et al.; edited by I. A. Kolesnikova. M.: Publishing center «Academy», 2003. 240 p.

6. Tryapitsyna A. P. Akulova O. V. Intercompany training of teachers for implementation of the ideas of modernization of education // Adult education in the modern developing society: materials of the International scientific and practical conference on November 18—19, 2003. In 2 parts. Chief scientific editor: professor, doctor of pedagogical sciences V. I. Podobed. St. Petersburg: IOV RAO, 2003. P. 128—134.

7. Ogarev E. Continuous education: basic concepts and terms (thesaurus) / IOV RAO. SPb., 1995. 148 p.

8. Klyucharev G. A., Ogarev E. Continuous education in the conditions of transformation. M.: Frantera, 2002. 108 p.

9. Smirnova V. V. Methodological competence of teachers in the context of continuous education // Man and education. 2008. № 4 (17). P. 100—103.

10. Bokareva G., Kikot' E. Research readiness as the goal of the students development process // Bulletin of higher school. 2002. № 6. P. 52—54.

11. Vvedensky V. N. System-structural approach to development of the teaching profession as a social institution // Innovations as a factor of modernization of the adult education. St. Petersburg: IOV RAO, 2004. 173 p.

12. Sibiryakova T. B. Improvement of vocational education quality is an important condition for social and economic development of Russia // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 4 (17). P. 200—203.

13. Derevyanchenko O. A. Educational activities and their place in the system of paid services // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 4 (17). P. 230—235.

14. Osokina I. V., Tsvetlyuk L. S. Theoretical and methodological bases of educational services: textbook. M., 2005. 116 p.

15. Zhilina A. I. System approach in the modern scientific and pedagogical research // Pedagogical search: challenges and solutions: materials of the 2nd scientific and practical conference «School of the young scientist» St. Petersburg: LOIRO, 2006. P. 5—11.

УДК 378
ББК 74.58

Belova Svetlana Ivanovna,
senior lecturer of the department
of common psychology and pedagogy
of the University of the Russian Academy of Education,
Moscow,
e-mail: belova.msk@yandex.ru

Белова Светлана Ивановна,
ст. преподаватель кафедры общей
психологии и педагогики
Университета Российской академии образования,
г. Москва,
e-mail: belova.msk@yandex.ru

РАЗРАБОТКА И ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПРОСНИКА «ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ УСПЕШНЫМ КРОСС-КУЛЬТУРНЫМ ОТНОШЕНИЯМ»

DEVELOPMENT AND PSYCHOMETRIC SPECIFICS OF THE QUESTIONNAIRE «FACTORS CONTRIBUTING TO SUCCESSFUL CROSS-CULTURAL RELATIONSHIPS»

В статье рассматривается проблема формирования компетенций в области кросс-культурных отношений у студентов-психологов в контексте поликультурности современного образования. Обосновывается необходимость разработки специального опросника по кросс-культурной тематике для использования его в качестве диагностического средства в учебном процессе. Описывается поэтапная разработка опросника, включающая следующие методологически и технологически связанные этапы: теоретический анализ источников, пилотное исследование, экспертная оценка, разработка описательной модели первичных данных, составление перечня открытых вопросов, контент-анализ первичного опроса, формулирование тестовых вопросов, апробация опросника. Приведены результаты по расчету критериев надежности и валидности разработанного опросника, внедрению его в образовательный процесс подготовки студентов-психологов.

The article examines the issue of formation of competences in the area of cross-cultural relations of students-psychologists in the context of modern multicultural education. The necessity of development of special questionnaire dedicated to cross-cultural issues is justified, which will be used as a diagnostic tool in the process of education. Stage-by-stage development of the questionnaire is described that includes the following methodically and technologically connected stages: theoretical analysis of original sources; pilot research; expert evaluation; development of descriptive model of primary data; compiling a list of open questions; content analysis of primary interviewing; as well as formation of test questions and testing of questionnaire. Results of estimation of criteria of reliability and validity of developed questionnaire, its introduction into the educational process of students-psychologists are presented.

Ключевые слова: образование, поликультурное образование, модернизация образования, кросс-культурные компетенции, опросник, контент-анализ, пилотное исследование, критериальная валидность, конвергентная валидность, надежность опросника, апробация опросника.

Keywords: education, multicultural education, modernization of education, cross-cultural competencies, questionnaire, content analysis, pilot research, criteria validity, convergent validity, questionnaire reliability, questionnaire approbation.

Стратегия модернизации современного образования предполагает смещение приоритетов с получения знаний на саму личность, которая получает знания в процессе обучения, на формирование, становление и развитие личности обучающегося. Основная образовательная цель сегодня — становление студента как профессионала и субъекта собственной жизнедеятельности, обладающего в полной мере потенциалом саморазвития и самосовершенствования. Анализ современных научных работ по проблемам высшего профессионального образования, а также новых федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) показывает, что главная профессиональная характеристика современного выпускника высшей школы — система компетенций, то есть профессиональных знаний, умений и навыков, целенаправленное применение совокупности которых предоставляет возможность личностной и профессиональной реализации в социуме [1; 2; 3; 4]. Рассматривая профессионально важные качества будущих психологов в свете новых требований ФГОС, О. А. Ивасюк отмечает, что, сталкиваясь с одной и той же проблемой и используя одинаковые профессиональные психолого-педагогические знания, умения, навыки, специалисты вырабатывают разные по качеству решения. Это может быть связано как с особенностью самой проблемы, так и с личностными качествами специалиста [2].

Особое значение в процессе модернизации современного образования уделяется его глобализации, развитию по принципу поликультурности, моделированию учебного процесса на основе «диалога культур». Вопросам формирования кросс-культурной компетенции студентов различных профессиональных профилей подготовки посвящено большое количество психолого-педагогических исследований (И. И. Бим, Н. Д. Гальская, Г. С. Голошумова [3], Л. С. Илюшин, М. Н. Лебедева, В. П. Рощупкин, Т. А. Колосовская, Э. Р. Хакимов [5], И. Н. Цыборева и др.). Однако, несмотря на обширность исследований, остается недостаточно решенной проблема кросс-культурной подготовки будущих психологов. К компетенциям в области кросс-культурных отношений мы относим ряд общекультурных и профессиональных компетенций, зафиксированных в ФГОС ВПО по направлению подготовки 37.03.01 «Психология»: способность к коммуникации на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5); способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия (ОК-6); способность

к выявлению специфики психического функционирования человека с учетом его принадлежности к гендерной, этнической, профессиональной и другим социальным группам (ПК-4) [1].

Под кросс-культурной компетентностью будущих психологов мы понимаем интегральное качество личности, включающее в себя знания об особенностях разных культур, готовность и умение правильно воспринимать кросс-культурную информацию, позитивный настрой на общение с представителями других культур, высокий уровень эмпатии и межэтнической толерантности.

Нами разработана и апробирована психолого-педагогическая модель формирования кросс-культурных компетенций у студентов-психологов посредством спецкурса «Психология кросс-культурных отношений» [6], читаемого в Университете РАО. Одним из диагностических методов исследования является специально разработанный опросник «Факторы, способствующие успешным кросс-культурным отношениям». В структуре учебного курса предполагается одновременно использовать данный опросник и как диагностическое, и как развивающее методическое средство. При проектировании опросника его функциональная специфика разрабатывалась так, чтобы в процессе работы респондентов с опросником не только осуществлялась актуализация этнической идентичности, но и происходила рефлексия и развитие собственной кросс-культурной компетентности в плане отношений с представителями других этнических культур.

Разработка опросника включала следующие методологически, технологически и логически связанные этапы: теоретический анализ источников по проблеме исследования, пилотажное исследование, экспертная оценка, разработка описательной модели первичных данных, составление перечня открытых вопросов, разработка категориальной сетки для контент-анализа массива данных, контент-анализ первичного опроса, формулирование тестовых вопросов, апробация опросника. Далее производился расчет критериев надежности и валидности разработанного опросника, внедрение его в образовательный процесс подготовки студентов-психологов.

На первом этапе нами были изучены теоретические источники, содержащие описание методик по исследованию различных аспектов межэтнических взаимодействий и анализ данных, полученных с применением этих методик на различных выборках респондентов. В частности, были исследованы следующие методики: тест «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова), тест «Индекс толерантности» (шкала этнической толерантности) (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова); методика «Этническая аффилиация» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова), методика для измерения предрасположенности к этническим предрассудкам (Г. Олпорт, Б. Крамер), методика «Шкала фашизма» (Т. Адорно, Э. Френкель-Брунсвик и др.), диагностический тест отношений (Г. У. Солдатова). Анализ данных методик позволил сформировать семантическое поле по основным аспектам исследуемой проблемы.

Кроме того, для формирования первичного банка данных на начальном этапе исследования было проведено несколько устных и письменных интервью с экспертами, которыми выступили руководители подразделений международных компаний (3 человека), сотрудники рекрутинговых агентств (4 человека), а также рядовые сотрудники компаний (8 человек). На основании их экспертных оценок и рекомендаций, а также теоретического анализа источников, имеющих отношение к теме исследования, был составлен перечень открытых вопросов по проблеме выстраивания позитивных отношений с представителями других этнических культур.

На следующем этапе исследования изучались ответы респондентов (студентов гуманитарного факультета Университета РАО, 62 человека) на составленный по результатам пилотажного исследования перечень открытых вопросов. Обработка данных, полученных с помощью этого стимульного материала, производилась по методу контент-анализа. Метод контент-анализа предусматривает строгую формализацию процессов осмысления и аналитической переработки изучаемого материала и включает в себя такие процедуры, как: выделение системы опорных понятий (категорий анализа); отыскание их индикаторов — слов, словосочетаний, суждений и т. п. (единиц анализа); математико-статистическая обработка данных [7]. Контент-анализ является распространенным методом количественного анализа явлений, содержащихся в различного рода текстовых массивах. Открытые вопросы разрабатываемой нами методики являлись именно такими документами. По своей сути контент-анализ — это классификация с последующим измерением частоты встречаемости выделенных категорий. Для достижения этой исследовательской цели необходимо решить ряд методических задач: разработать сетку категорий анализа (установить единицы анализа, разработать кодировочную матрицу), валидизировать сетку в пилотажном исследовании и описать полученные результаты для их дальнейшей качественной интерпретации.

Благодаря использованию контент-анализа нами были получены наиболее общие группы факторов, способствующих успешным кросс-культурным отношениям, а также перечень трудностей на пути их достижения и средств преодоления этих трудностей, которые были объединены соответственно в три большие категории-блоки. Такие категории-блоки описывают основной массив данных и несут в себе информацию о наиболее типичных ответах респондентов на открытые вопросы методики.

Первый блок категорий опросника был сформирован на основе выделенных в контент-анализе факторов, способствующих налаживанию успешных кросс-культурных отношений. К этим факторам респонденты отнесли следующие: «позитивное отношение к этническим и национальным особенностям людей, с которыми мы вступаем в общение» («этническая толерантность»); личные качества общающихся людей (были выделены демографические и психологические качества); знание норм и правил поведения в повседневной жизни, принятых в культурных традициях общающихся («кросс-культурная осведомленность и информированность»); знание наиболее распространенных языков межнационального общения (русского — в условиях общения на территории российского государства, английского — в условиях международного общения); в особых случаях — знание языка страны или этноса, с представителем которых мы вступаем в общение; хорошая ориентация в современной экономико-политической ситуации страны (этнического региона); хорошее знание истории, культуры, искусства страны (этнического региона); умение не следовать сложившимся о данной этнической группе (культуре) стереотипам и др.

Второй блок категорий опросника был сформирован на основе выделенных в контент-анализе трудностей на пути достижения позитивных кросс-культурных отношений с представителями других этнических или националь-

ных культур (среди них респонденты отметили: этнические стереотипы, этнические предубеждения, низкую этнокультурную компетентность и грамотность, а также следующие личностные особенности: низкий уровень коммуникативной культуры, закрытость к получению нового опыта, низкую толерантность к неопределенности и др.). Третий блок категорий опросника был сформирован на основе выделенных в контент-анализе средств преодоления трудностей на пути к достижению позитивных кросс-культурных отношений с представителями других этнических или национальных культур. Среди этих факторов респондентами были отмечены: психолого-просветительская работа на уровне СМИ, социальных и культурных организаций по повышению уровня этнической толерантности и кросс-культурной грамотности среди населения, психолого-педагогическая работа в рамках учебного процесса в различного рода учебных заведениях (в том числе в высшей школе) посредством специальных учебных курсов, тренингов и других обучающих технологий и др.).

Сформированные категориальные блоки и результаты контент-анализа пилотажного опроса дали возможность уточнить концептуальное содержание вопросов, сформулировать сами вопросы. Была составлена первичная версия опросника, которая затем прошла экспертную оценку на предмет очевидной валидности (лексической понятности и адекватности текста вопросов выдвигаемым исследовательским и психолого-педагогическим задачам). Экспертами выступили психологи-преподаватели (Университет РАО, 3 человека). Кроме того, понимание предлагаемых вопросов прошло предварительную оценку на небольшой выборке респондентов (студенты-психологи, Университет РАО, 15 человек) путем пилотажного тестирования.

В рамках разрабатываемой модели на основе кластерного и смыслового анализа экспериментальных данных были выделены три своеобразных вектора формирования кросс-культурных компетенций, выраженных через следующие группы терминов:

1) знаниево-информационная (группа понятий, объединенных категориями познания, рационального осмысления действительности, изучением, исследованием, расширением «тезауруса» по кросс-культурной тематике);

2) социально-нормативная (отражает понимание кросс-культурной компетенции как гармоничной связи с поликультурным социальным окружением, необходимостью взаимопризнания и освоения социокультурных этнических норм, правил и традиций различных народов в контексте «диалога культур»);

3) ценностно-рефлексивная (группа понятий, связанная с осмыслением кросс-культурной компетенции в терминах общечеловеческих и культурных ценностей).

Эти векторы дали соответствующее название шкалам опросника. В итоге в окончательный вариант опросника вошли 18 вопросов (по 6 вопросов на каждую шкалу), а также инструкция, согласно которой респондентам предлагается выбрать значимые, по их мнению, факторы и присвоить им балл от 1 до 5 в зависимости от значимости данного фактора.

На следующем этапе при участии 167 студентов была проведена оценка психометрических параметров опросника: проверка на надежность (согласованность пунктов опросника, ретестовая надежность), проверка критериальной и конвергентной валидности.

Расчет коэффициента надежности Альфа Кронбаха позволил выявить согласованность и внутреннее постоянство пунктов опросника (полученный показатель 0,8 говорит о высокой степени надежности и согласованности разрабатываемой методики).

Для оценки критериальной валидности был проведен анализ достоверности различий между группами студентов, обучающихся по направлению «Психология и журналистика», с помощью критерия Манна — Уитни. Полученные данные подтвердили критериальную валидность теста на высоком уровне значимости при $p<0,05$.

Проверка конвергентной валидности проводилась путем корреляции данных, полученных с помощью опросника, с данными, полученными посредством методик с аналогичной исследовательской тематикой. Для оценки конвергентной валидности были выбраны методики «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова), тест «Индекс толерантности» (шкала этнической толерантности) (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова) и методика «Этническая аффилиация» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова). Выбор методик обуславливался предположением о том, что факторы опросника имеют аналогичную представленность в некоторых конструктах данных методик. Выявлены положительные корреляции отдельных факторов с позитивной этнической идентичностью, этнической толерантностью и уровнем развития этнических аффилиативных мотивов. Таким образом, была подтверждена конвергентная валидность методики на высоком уровне значимости при $p<0,01$ и уровне значимости при $p<0,05$ (для отдельных факторов).

Проверка ретестовой надежности проводилась посредством метода ретеста: на выборке из 42 респондентов было проведено повторное тестирование с интервалом в шесть месяцев. Дальнейший расчет коэффициента корреляции Спирмена позволил сделать вывод о высокой ретестовой надежности разработанной методики (при уровне значимости $p<0,01$).

Выявленные в ходе разработки и апробации опросника особенности факторов, способствующих построению успешных кросс-культурных взаимоотношений, послужат совершенствованию диагностических методов исследования данного феномена и могут применяться в практике психолого-педагогических рекомендаций по совершенствованию компетенций в этой области у студентов-психологов. На основании данных, полученных по надежности, валидности и репрезентативности опросника, а также результатов апробации опросник «Факторы, способствующие успешным кросс-культурным отношениям» включен в структуру образовательной психолого-педагогической технологии по формированию кросс-культурных компетенций у студентов-психологов в Университете РАО.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белова С. И., Деза Е. И. Исследование компетенций в области кросс-культурных отношений у студентов-психологов // Дискуссия. 2015. № 4. С. 92—96.

2. Ивасюк О. А Изучение профессионально значимых качеств личности студентов психолого-педагогического образования в соответствии с новыми ФГОС // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 1 (30). С. 299—305.

3. Голошумова Г. С., Костеноко О. А. Факторы развития системы менеджмента качества образования // Вестник Университета Российской академии образования. 2010. № 5. С. 70—74.

4. Шелекета В. О., Дмитриева И. С., Копылов С. И. Концепция «Образование через всю жизнь» — интегративная модель образования и проблемы ценностной регуляции развития общества и культуры // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 2 (23). С. 82—85.

5. Хакимов Э. Р. Профессиональная компетентность педагогов-психологов в области межэтнических отношений и ее формирование у студентов // Психологическая наука и образование. 2008. № 1. С. 74—81.

6. Белова С. И. Обучающий курс «Кросс-культурные отношения» как основа понимания принципов и выработки навыков позитивного межэтнического общения // Психология общения и доверия: методология, теория и практика: мат. и докл. к конф. М.: УРАО, 2014. С. 94—97.

7. Горбатов Д. С. Общепсихологический практикум. М.: Юрайт, 2013. 307 с.

REFERENCES

1. Belova S. I., Deza E. I. Research competencies in the field of cross-cultural relationships among students-psychologists // Discussion. 2015. № 4. P. 92—96.

2. Ivasyuk O. A. Research of professionally significant qualities of the students personality of psycho-pedagogical education according to new FSES // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. № 1 (30). P. 299—305.

3. Goloshumova G. S., Kostenoko O. A. Factors of development of the quality management system of education // Bulletin of the University of the Russian Academy of education. 2010. № 5. P. 70—74.

4. Sheleketa V. O., Dmitriyeva I. S., Kopylov S. I. Concept of education through the entire life — an integrated model of education and issues of value regulation of society and culture development // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013. № 2 (23). P. 82—85.

5. Hakimov E. R. Professional competence of teachers-psychologists in the area of inter-ethnic relations and its formation // Psychological science and education. 2008. № 1. P. 74—81.

6. Belova S. I. Training course «Cross-cultural relations» as the basis of understanding of the principles and development of skills of positive inter-ethnic communication // Psychology of communication and trust: methodology, theory and practice: materials and reports for the conference. M.: URAO, 2014. P. 94—97.

7. Gorbatov D. S. General psychological workshop. M.: Yurait, 2013. 307 p.

УДК 372.881.1
ББК 74.268.1

Budagyan Ilona Grigorievna,
teacher of the foreign languages department
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: budilona@yandex.ru

Будагян Илона Григорьевна,
преподаватель кафедры иностранных языков
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: budilona@yandex.ru

Vishnevetskaya Natalia Alexeevna,
candidate of pedagogy, associate professor
of the department of linguistics and cross-cultural
communication of the Volgograd State University
of Architecture and Civil Engineering,
Volgograd,
e-mail: nattimsweet@mail.ru

Вишневецкая Наталья Алексеевна,
канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры
лингвистики и межкультурной коммуникации
Волгоградского государственного
архитектурно-строительного университета,
г. Волгоград,
e-mail: nattimsweet@mail.ru

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЭКОНОМИСТОВ ПОДЪЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

SOCIALIZATION OF PROFESSIONAL COMMUNICATION WHILE TEACHING ECONOMISTS PROFESSION SUBLANGUAGE: LINGUO-DIDACTIC ASPECT

В статье рассматриваются типичные ситуации профессионального делового общения, указываются трудности, возникающие у обучаемых в процессе коммуникативного поведения. Анализируется коммуникативное поведение в профессиональной среде в целом и его составляющие компоненты, обусловленные социально заданными и национально-специфическими правилами речевого и неречевого поведения. Определены средства социализации в инофонной среде, которые должны стать обязательной составляющей содержания обучения будущих специалистов-экономистов. Сделаны выводы, что обучение будущих экономистов коммуникативному поведению как средству социализации должно учитывать языковой и речевой материал; стиль и сферы общения; аутентичные тексты профессионально ориентированного,

лингвострановедческого и социокультурного содержания, нормы коммуникативного поведения и речевого этикета.

The article examines professionally meaningful communication of the future specialists in economics. It points out difficulties that students have in the process of communicative behavior. It revises typical situations of the professional business communication. The article analyzes communicative behavior in the professional field in general and its components, conditioned by socially given and nationally specified rules of verbal and nonverbal behavior. They are defined as the means of socialization in the foreign area that must become compulsory component of teaching program of the future economics specialists. The article comes to the idea that teaching future economists communicative behavior as the means of socialization must take into account whole verbal and nonverbal material; style and field of communication; authentic texts of professionally oriented, linguo-cultural and social content, norms of communicative behavior and speech etiquette.

Ключевые слова: профессиональное общение, социальная адаптация, коммуникативная компетенция, коммуникативное поведение, ситуации общения, лингвокультурная среда, социализация, подъязык специальности, речевые и неречевые средства, аспект обучения.

Keywords: professional communication, social adaptation, communicative competence, communicative behavior, situation of communication, linguo-cultural environment, socialization, sublanguage of profession, verbal and nonverbal means, teaching aspect.

Основным направлением развития современного социума является его интернационализация. Вхождение в иную лингвокультурную среду, усвоение и воспроизводство ее социального опыта и, следовательно, социализация в инофонной среде становятся объективной необходимостью при осуществлении профессиональной деятельности будущего специалиста-экономиста. Дефиниция «социализация» применима многими науками и подразумевает процесс усвоения человеком определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. В лингводидактическом аспекте предлагаемый нами процесс социализации мы будем рассматривать как процесс усвоения будущим специалистом системы языковых и речевых знаний, социальных норм и культурных ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена профессионального экономического сообщества. Эти тенденции находят отражение в современном научном знании, где вопросу личностного развития человека в системе языкового образования уделяется все большее место, а конкурентоспособная личность, обладающая соответствующими знаниями, занимает приоритетное место.

Система высшего профессионального образования не в полной мере соответствует потребностям рынка труда, что, с одной стороны, не обеспечивает подготовку нужного количества квалифицированных кадров, в которых нуждается экономика, а также должного качества их подготовки, с другой стороны, затрудняет (а иногда и делает невозможным) трудоустройство выпускников вузов по приобретенным специальностям [1]. Выполнение профессиональных функций будущего экономиста связано с умением осуществлять коммуникационные процессы как в обществе носителей родного языка, так и в иноязычной среде. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 080100 Экономика (бакалавриат) [2] включает ряд требований, связанных с развитием способности и готовности к деловой коммуникации в профессиональной инофонной среде, среди которых студент должен обладать следующей общекультурной компетенцией: владеть одним из иностранных языков на уровне не ниже разговорного (ОК-14), а также профессиональной компетенцией: быть способным, используя отечественные и зарубежные источники информации, собрать необходимые данные, проанализировать их и подготовить информационный обзор и/или аналитический отчет (ПК-9). Очевидна необходимость развития способности и готовности к социализации экономистов в профессиональной сфере в условиях как родной, так и иноязычной среды и, следовательно, подготовки такого рода специалистов.

Практика обучения подъязыку специальности показывает, что обучаемые нередко сталкиваются с рядом трудностей, среди которых и поддержание разговора, и его завершение, выбор лексико-грамматических средств, клише, приведение аргументов, прогнозирование ситуации профессионального общения и др. В связи с этим потенциал учебной дисциплины «Иностранный язык» позволяет создать условия для социального развития будущих специалистов и формирования способности и готовности к социализации в иноязычной среде, которая определяется ситуацией, коммуникативными потребностями, национально-культурной спецификой поведения участников общения в условиях будущей профессиональной деятельности. Таким образом, можно сказать, что коммуникативное поведение в профессиональной среде в целом и его составляющие компоненты, обусловленные социально заданными и национально-специфическими правилами речевого и неречевого поведения, являются средствами социализации в инофонной среде, которые должны стать обязательной составляющей содержания обучения будущих специалистов-экономистов.

При обучении подъязыку специальности процесс социализации включает как усвоение социального опыта, социальных норм, ролей и функций, так и активное воспроизводство усвоенной системы социальных связей, приобретенного социального опыта, происходит формирование собственного отношения к приобретаемым знаниям и умениям благодаря созданию имитативной среды. Основным средством социализации выделяют стиль и содержание общения.

Осуществление успешных профессиональных коммуникаций в иноязычной среде требует от специалиста владения умениями и навыками иноязычного коммуникативного поведения, воспроизведения социального опыта с учетом различий культур, норм поведения и общения. Изучение представления о коммуникативном поведении выявило его многокомпонентную природу: языковые, речевые, неречевые средства, речевые умения, коммуникативные нормы, речевой этикет.

Коммуникативное поведение экономиста включает в себя умения ясно и четко излагать мысли, убеждать, аргументировать, строить доказательства, анализировать, высказывать суждения, передавать рациональную и эмоциональную информацию, устанавливать межличностные связи, согласовывать свои действия с действиями коллег, выбирать оптимальный стиль общения в различных деловых ситуациях, организовывать и поддерживать диалог. Общая профессиональная компетентность специалиста экономиче-

ского профиля предполагает также включение в коммуникативный компонент умений проведения деловых встреч, ведения деловой переписки, общения по телефону в соответствии с нормами и культурой речи.

Коммуникативное поведение экономиста проявляется как в способности пользоваться языком, так и в наличии знаний, которые лежат в основе реального делового профессионального общения: хорошие знания по специальности, способность понимать взаимоотношения людей, адекватно воспринимать ситуацию общения, использовать опыт других; способность понимать партнеров по общению, их мотивы и цели; целеустремленность, способность к сотрудничеству и самоорганизации; способность отстаивать свою точку зрения; способность прогнозировать межличностные события, знать основные приемы общения; способность избегать конфликтов в общении. Следовательно, коммуникативное поведение становится одним из приоритетных качеств современного специалиста экономического профиля, поскольку различные виды деятельности в экономике (управленческая, организационная, производственно-технологическая, проектная) осуществляются в непосредственном контакте с людьми в системе «человек — человек» (хотя не исключается и система «человек — машина — человек»).

Для успешного овладения процессом социализации необходимо принимать во внимание и ряд принципов. Основополагающими методическими принципами в обучении подъязыку специальности являются принцип профессиональной коммуникативной направленности и принцип профессиональной межкультурной направленности. Суть принципа профессиональной коммуникативной направленности состоит в том, что обучение должно строиться на вовлечении обучаемых в устную (говорение, аудирование) и письменную (чтение, письмо) профессиональную коммуникацию на протяжении всего курса обучения дисциплине «Иностранный язык», являющейся неотъемлемой частью общей профессиональной подготовки специалиста-экономиста. Этот принцип обеспечивается интеграцией дисциплины «Иностранный язык» в общий курс профессиональной подготовки будущего экономиста: вовлечение обучаемых в активную творческую деятельность по овладению иноязычной речью с ориентацией на решение профессиональных коммуникативных задач, предполагающих непроизвольное запоминание материала (проблемные ситуации, ролевые игры, круглый стол и т. п.), отбор лингвистического материала, отражающего языковую сущность профессиональных высказываний специалиста (стилеобразующие элементы подъязыка экономики и элементы обиходно-бытового стиля). «Социальный подход предполагает социализацию внутри группы студентов, их способность помочь (с помощью языковых навыков) другим распознать и воспринять явления, идеи и концепты иноязычной картины мира» [3].

Принцип профессиональной межкультурной направленности предполагает такое построение учебного процесса, центром которого является студент как потенциальный партнер реальной межкультурной коммуникации в профессиональной сфере. Этот принцип обеспечивает развитие социализации будущих специалистов, то есть способности применять знания о национально-культурных особенностях инофонного социума, а также представлять свою страну и культуру в условиях иноязычного межкультурного общения. Принцип профессиональной межкультурной направленности предполагает изучение соответствующей инофонной профессиональной культуры, ориентировку и опору на родную культуру.

Компонентами содержания обучения профессиональному общению являются: умения, соотносимые с видами речевой деятельности; языковой материал; навыки оперирования отобранным языковым материалом; тематика, в пределах которой формируются речевые умения; тексты; языковые понятия, нехарактерные для родного языка обучаемых; страноведческий материал, представляющий в обучении важный для речевого общения компонент внеязыковой действительности соответствующей национальной культуры, и ряд других.

Критериями отбора содержания обучения будущих экономистов коммуникативному поведению как средству социализации в иноязычной среде служат необходимость и достаточность содержания обучения, его доступность для усвоения, разнообразие, адекватность и аутентичность учебных текстов. В процессе обучения профессиональному общению важным представляется освоить специальную терминологию, расширить знания по профильным предметам, научиться использовать накопленные знания на иностранном языке в своей будущей профессиональной деятельности. Достижению этих целей способствует привлечение преподавателей профилирующих кафедр, которые помогут сориентировать преподавателя иностранного языка в целесообразности привлекаемых текстов, соответствующей терминологии и дополнительной информации, раскрывающей концептосферу изучаемой профессии в иноязычном социуме.

Таким образом, оптимизация обучения подъязыку специальности непосредственно связана с опорой на междисциплинарные знания, которые должны соотноситься с основными компонентами содержания обучения. Междисциплинарные знания образуют когнитивную триаду, включающую три аспекта:

— лингвистический (знание интернациональной терминологии, словообразовательных моделей);

— экстралингвистический (знания, полученные при изучении специальных предметов, которые активизируют понимание иноязычного текста);

— психолого-педагогический (мыслительная деятельность, направленная на узнавание вербальных образов и грамматических структур, развитие языковой догадки, выявление смысловых связей между предложениями и абзацами) [4].

Лингвистический аспект находит свое отражение в овладении прежде всего интернациональной лексикой подъязыка экономики (das Marketing, die Konkurrenz, das Management, der Makler, die Finanz, die Devaluation, die Deponierung, die Privatisierung), которая представляет собой комплекс терминов таких дисциплин, как экономическая теория, финансы и кредит, менеджмент, экономика предприятия, обеспечивает предсказуемость содержания экономического текста без использования словаря и сложных когнитивных операций.

Эффективность занятий по иностранному языку невозможна без методически правильно организованной подготовки и учета специфики презентируемого языкового материала и дидактических приемов его введения, к которым относятся грамматические таблицы, комплекс упражнений по предлагаемым темам, словари. В основе обучения процессу социализации лежит профильный текст. Научить понимать иноязычный специальный текст достаточно сложно, поэтому данная задача может быть решена только в творческом тандеме преподавателя и студента и только при условии, что полученные студентами знания будут значимыми, а это, в свою очередь, служит мотивом и побуждает к активности, самостоятельности, творчеству.

Экстралингвистические междисциплинарные знания

определяют готовность обучаемых правильно понять, осмыслить текст, реализовать общечеловеческие потребности в обмене информацией. Интеграция знаний, полученных в курсах профилирующих предметов, помогает сформировать систему знаний, необходимых для успешного изучения немецкого подъязыка экономики, поскольку «для понимания и порождения любого иноязычного текста необходим куда более широкий контекст, нежели только вербальный» [5]. В свою очередь, проблематика немецких экономических текстов расширяет знания студентов по их специальности.

Психолого-педагогический аспект профессионально ориентированного обучения связан с перцептивно-когнитивной деятельностью, которая направлена на овладение фонетическими признаками, узнавание вербальных образов лексики и грамматических структур, развитие языковой догадки, прогнозирование, выявление смысловых связей между предложениями, абзацами и т. д., делая процесс опознавания мгновенным. Владея некоторыми когнитивными операциями извлечения информации на родном языке, обучаемые на этапе первичного ознакомления с иноязычным текстом могут определить семантическое значение незнакомой лексики при наличии общего корня с лексическими единицами родного языка, могут апеллировать к интернациональной лексике и использовать фоновые знания, приобретенные из специальных дисциплин.

Ввиду сложившихся условий на рынке образовательных услуг высшие учебные заведения должны разрабатывать и предлагать инновационные образовательные программы исходя не только из имеющихся у них ресурсов, но и в первую очередь с учетом потребностей и спроса потребителей [6]. Таким образом, обучение будущих экономистов коммуникативному поведению как средству социализации должно учитывать весь языковой и речевой материал (образцы речевых клише, диалогов, грамматические структуры, характерные для подъязыка специальности, социокультурные маркеры); стиль и сферы общения; аутентичные тексты профессионально ориентированного, лингвострановедческого и социокультурного содержания, нормы коммуникативного поведения и речевого этикета, а именно: изложение фактов, запрашивание информации, реагирование на реплики, умение давать развернутые ответы и высказывать собственное мнение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агапцов С. А. Вопросы подготовки кадров в системе образования для инновационного развития экономики России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 2 (15). С. 20—23.

2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 080100 Экономика (квалификация (степень) «Бакалавр»). М., 2009. 16 с.

3. Широких А. Ю. Типология ошибок и систематика аспектов учебной ситуации по изучению английского языка // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 312—315.

4. Вишневецкая Н. А. Обучение студентов вуза иноязычной текстовой деятельности: дис. … канд. пед. наук. Н. Новгород, 2009. 189 с.

5. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика. М.: Академия, 2005. 335 с.

6. Сибирякова Т. Б. Повышение качества профессионального образования — важное условие обеспечения социально-экономического развития России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4 (17). С. 200—203.

REFERENCES

1. Agaptsov S. A. Issues of personnel training in the system of education for innovation development of Russian economy // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 2 (15). P. 20—23.

2. Federal state educational standard of higher professional education in teaching subject 080100 Economics (bachelor degree). M., 2009. 16 p.

3. Shirokikh A. Yu. Typology of errors and systematization of the English classroom aspects // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 4 (29). P. 312—315.

4. Vishnevetskaya N. A. Teaching higher school students' textual activity: dissertation of the candidate of pedagogy. Nizhniy Novgorod, 2009. 189 p.

5. Galskova N. D., Gez N. I. Theory of teaching foreign languages: linguo-didactics and methodology. M.: Akademiya, 2005. 335 p.

6. Sibiryakova T. B. Increasing professional education quality is an important condition of providing social and economic development of Russia // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. № 4 (17). P. 200—203.

УДК 378.1
ББК 74.58

Golovanova Yulia Valerievna,
senior teacher of the department of oil and gas fields development and exploration
of Samara State Technical University,
Samara,
e-mail: rabo4aya20-14@yandex.ru

Голованова Юлия Валерьевна,
ст. преподаватель кафедры разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений
Самарского государственного технического университета,
г. Самара,
e-mail: rabo4aya20-14@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ И ОБЛАСТИ РЕШЕНИЯ ДИСТАНЦИОННО-МОДУЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И ОБЩЕСТВА

PROBLEMS AND AREAS OF RESOLUTION OF THE REMOTELY-MODULAR EDUCATION ARE IN THE SYSTEM OF HIGHER SCHOOL AND SOCIETY

В статье рассматривается дистанционный модульно-образовательный процесс обучения, области его применения наряду с обычными формами обучения. Анализируется развитие структуры дистанционного образования в свете интересов и мотивов тех, для кого существует данная система образования. Предлагается стратегия развития системы образования с учетом ее влияния на различные слои жизни общества. Рассматриваются дистанционно-модульные методики в качестве современного инструмента наряду с сохранением основы фундаментального образования. Проанализированы проблемы и направления системы дистанционного модульного образования, а также применение новейших современных технологий получения знаний. Проанализированы роль и влияние дистанционно-модульного образования на систему и развитие общества.

The article examines distance modular-educational process of educating, areas of its application together with standard form of education. Development of the structure of distance education is analyzed in the light of interests and reasons of those, for whom this system of education exists. Strategy of development of the education system is proposed taking into account its influence on different strata of the society life. Remotely-modular methodologies are examined as a modern instrument together with keeping the basis of fundamental education. Problems and directions of the system of distance modular education, as well as application of the newest modern technologies of knowledge obtaining, are analyzed in the article. Role and influence of remotely-modular education on the system and development of society are analyzed.

Ключевые слова: образование, модульно-образовательный процесс обучения, формы обучения, дистанционное образование, область применения, мотивы развития общества, высшее образование, знания, профессиональные навыки, кейсовая технология, образовательные учреждения, электронные мультимедийные учебники.

Keywords: education, modular educational process of teaching, forms of teaching, distance learning, scope of application, reasons of society development, higher education, knowledge, professional skills, case technology, educational institutions, electronic multimedia textbooks.

Основной направленностью модульных и дистанционных методик или их сочетания является освоение профильных образовательных программ различной степени и уровня непосредственно по месту проживания либо с минимальным присутствием на территории головного образовательного учреждения.

При использовании дистанционно-модульных образовательных методик в процессе образования требуется создание правильной нормативной правовой модели образовательного учреждения в части внедрения и создания среды обучения с помощью данных методических технологий. В настоящее время в нормативной базе описаны лишь основные стандартные компоненты применения дистанционных технологий, которые постоянно обновляются и совершенствуются. Одним из основных документов, определяющих применение ДОТ в процесс образования, является Приказ Минобрнауки № 63 «О разработке и использовании дистанционных технологий». Один из пунктов данного документа определяет возможность образовательному учреждению самому решать вопросы разработки структуры дистанционного образования [1].

Дистанционно-модульное образование возможно обеспечить использованием совокупности технологий образования, при которых обучающее взаимодействие преподавателя-тьютора и студента происходит вне зависимости от их расположения и организовано с распределением педагогически направленных информационных технологий и новейших средств коммуникаций [2].

Наиболее важными и самыми распространенными дистанционными технологиями образования являются кейсовая технология, интернет-технология, телекоммуникационная технология. При этом возможны сочетания этих технологий как в чистом виде, так и различными вариантами комбинаций.

Дистанционный модульно-образовательный процесс обучения имеет множество областей применения и сочетаний его использования наряду с обычными формами обучения. Даже само применение может осуществляться вариативно по различным формам обучения: очной, заочной, экстерном, вечерней, индивидуальной или смешанной. Такие варианты обучения, как профильная переподготовка специалистов или повышение квалификации, могут проводиться с отрывом или без от места работы. Головное образовательное учреждение осуществляет учебный процесс через сеть своих самостоятельных структурных подразделений — филиалов и представительств. Филиал или представительство могут осуществлять свои образовательные функции самостоятельно, но под непосредственной коррекцией и руководством головного образовательного учреждения [3].

В качестве оказания помощи студентам в освоении образовательных программ обучающимся по дистанционным видам обучения непосредственно по месту их основного пребывания высшее учебное заведение имеет право и возможность осуществлять консультации, вести установочные лекционные занятия, а также весь контроль успеваемости путем привлечения штатных работников высшего учебного заведения на основе учебно-материальной базы представительства.

Образовательные учреждения различного профиля могут реализовывать различные образовательные программы с использованием в полном объеме или частично модульных и дистанционных методик обучения [4]. В определенных отдельных случаях может быть необходимо ограничение на использование дистанционных методик обучения в полном или частичном объеме, что в принципе отслеживается, регламентируется заранее и документируется. Образовательная программа может быть признана дистанционной, если более 70% от общего объема часов предоставляется посредством дистанционных методик и технологий.

В качестве информационно-методического дополнения для дистанционно-модульного обучения могут использоваться следующие средства: электронные мультимедийные средства обучения (учебники), электронные лабораторные комплексы, тестово-тренинговые программы, учебные видеофильмы, ознакомительно-профильные и обучающие презентации, аудиозаписи, а также иные материалы, предназначенные для передачи по телекоммуникационным каналам связи.

Одним из основных информативных ресурсов для обеспечения стабильности и развития правильных возможностей в системе образования может служить специальный информативный портал или сеть порталов, оснащенных специальными дидактическими базами данных и информативными программами, которые обеспечивают правильную дистанционную работу и общение. Они должны соответствовать современному уровню требований, существующему на момент их использования, соответствовать требованиям государственных образовательных стандартов.

Базы данных дистанционно-модульного образования должны включать в себя модульную базу знаний по представленным образовательным программам. Для удобства данная база должна быть разбита на информативные модули по блокам, представленным в образовательных программах. В блоках может присутствовать информация, представленная различными информативными носителями, и учебно-методическая литература, периодическая литература по отраслевым направлениям, фонды научной литературы по различным направлениям образовательных программ. Блоки могут быть посвящены как одной отдельной дисциплине или направлению, так и необходимой части знаний, являющейся отдельной частью направления отраслевой информации.

Как упоминалось ранее, образовательное учреждение, предоставляющее возможность дистанционно-модульного обучения, должно обеспечивать возможность доступа обучающимся к своим информативным ресурсам в количестве часов, необходимом для усвоения дисциплины, учебного профиля, отдельного модуля согласно представленному учебному плану. План обучения должен быть предельно гибким и составляться с учетом потребностей самого студента, а по возможности с его непосредственным участием [5].

Для обеспечения данного процесса в правильном режиме необходимо наличие определенного уровня средств телекоммуникаций. В порядке, установленном образовательным учреждением, обучающиеся могут использовать данные средства в оговоренном заранее объеме для повышения своего уровня знаний или квалификации.

Все необходимые по данному образовательному направлению консультации и установочные теоретические занятия также возможны при использовании новейших средств телекоммуникаций и современных средств связи.

Текущий контроль за успеваемостью и темпами усвоения изучаемого материала в необходимом по программе режиме, а также варианты промежуточных аттестаций могут осуществляться в различных вариантах традиционных методов и с применением средств телекоммуникаций, обеспечивающих идентификацию личности. Итоговые и заключительные аттестации обязательны в традиционном очном режиме.

Состав преподавателей, задействованных в процессе дистанционно-модульного обучения, обычно включает квалифицированных работников основного головного образовательного учреждения и работников филиалов, территориально расположенных в различных городах, которых объединяют современные средства телекоммуникаций, обеспечивающие постоянную связь и контроль, а также обмен информацией по методико-информационной и обучающей базе. Данный персонал должен быть правильно обучен, иметь высшее профессиональное образование и соответствовать в полной мере потребностям современного рынка труда [6].

Образовательное учреждение, имеющее развитую материально-техническую базу и отвечающее всем основным параметрам государственных образовательных стандартов, может реализовать по нескольким образовательным программам дистанционно-модульный процесс обучения с использованием полного объема или частично дистанционных методик обучения, образовав сеть своих филиалов, проводя контроль и обучение в форме единого связанного образовательного процесса. Оснащение, количество и пропускная способность технического обеспечения (специальное оборудование и лабораторное оснащение) и средств телекоммуникаций, обеспечивающие непрерывность и доступность такой формы образования, должны быть соответствующего уровня.

Головному образовательному учреждению необходимо проводить аудиторную нагрузку по каждой специальности или выбранному образовательному направлению подготовки с применением модульных занятий, проводимых либо очно, либо комбинированно с использованием сетевых или телекоммуникационных сред. Оснащенные учебные места должны обеспечивать полный доступ к информационным ресурсам, способствующим полноте обучения по выбранному модулю знаний или направлению специализации [7].

Для проведения лабораторных практикумов обучающимся дается возможность личного участия либо дистанционным способом в виртуальной лаборатории или лаборатории удаленного доступа.

Несмотря на применение дистанционных технологий, любое образовательное учреждение должно обеспечивать обучающихся возможностью прохождения учебных, производственных, технологических и преддипломных практик. Проведение учебной практики возможно с применением дистанционных технологий, но технологические и преддипломные практики должны проводиться традиционно.

Если немного углубиться в стратегии дистанционно-модульного образования, то одним из критериев развитости данной структуры образования является развитость страны, в которой оно применяется или развивается, а также основной доход на душу населения. Другими словами, в малоразвитых странах компьютерные технологии и суперсовременные дорогие средства коммуникации внедрены слабо и абсолютно не развиты. Хотя это реальная возможность повысить уровень развитости и образованности таких стран.

Область знаний, технологий и практики их применения имеют критерии их взаимодействия с различными областями жизнедеятельности человека. Это и уровень общей грамотности населения, включающий начальное, среднее и высшее образование, и их процентные соотношения на цифру общего населения; соотношение и неравенство между точными и гуманитарными науками; общее развитие населения и его способность и желание самосовершенствоваться, а также стремление путем знаний к карьерному росту и многое другое. При

этом всегда необходимо правильно и наиболее достоверно оценить и описать существующую материально-техническую обстановку, в которой пребывает данный регион, страна либо отдельно взятая область, в которой необходимо развить дистанционно-модульное образование.

Если обратиться к истории развития и существования дистанционного образования в Европе, Америке, Австралии, где наиболее развита данная система образования, то здесь это является полным решением проблемы образования или переквалификации при удаленности некоторых отдельных областей от образовательных центров главных городов этих стран. В удаленных регионах имеется реальная возможность получить квалифицированное образование, которое ничем не отличается от образования, которое можно получить, посещая очно образовательное учреждение необходимого типа. При этом следует отметить, что основным критерием дистанционно-модульного образования является не дешевизна, а удобство его применения [8].

Дистанционно-модульное образование способствует улучшению самореализации и профессиональной ориентации населения, а также влияет на его социальную мобильность. Это может как относиться к развитым странам, так и улучшать отдельные показатели либо влиять на положение в целом в развивающихся или отстающих странах.

Дистанционное образование возможно использовать в качестве пропаганды знаний, опыта и улучшения образа жизни через повышение статуса знаний и умений.

Дистанционное образование с помощью наиболее дешевых и доступных технологий, таких как радио, а также печатные издания, может использоваться в более доступной форме в малоразвитых и развивающихся странах, где более дорогие и крупномасштабные образовательные проекты внедрять и использовать проблематично. Любой образовательный проект, будь то классическое традиционное либо дистанционное образование, необходимо внедрять и использовать в контексте политической и социальной обстановки. Чем дольше строятся подобные отношения, тем больше накапливается багаж знаний, умений и навыков использования подобных методик и технологий. Данное сочетание знаний и технологий и социально-политической структуры отдельно взятой страны с ее уникальной культурно-ценностной обстановкой абсолютно невозможно без образования и модернизации [9].

Рассматривая развивающиеся страны, необходимо учитывать, что некоторые из них только недавно получили независимость. Их система ценностей перестраивается согласно создавшейся на настоящий момент социально-политической обстановке. Низкий уровень жизни, ослабленная экономика, общие проблемы развития в данных странах без должной системы образования и соответствующего уровня знаний могут затормозить развитие общественного уровня жизни и оставить в отсталом феодально-общинном строе и полной нищете. Если учесть все эти факторы, то проблема повышения уровня образования является необходимым аспектом процветания и развития не только в техническом плане, но и в научном, а также социальном аспекте ценностей, целей и задач. При этом не всегда тривиальные экономические решения ведут к стабильности и глубинному развитию общества и интеллектуально-культурных ценностей.

Приоритеты, касающиеся целей, задач и проблем развития образования, в развивающихся странах сильно отличаются от подобных приоритетов в разных странах. Однако мы рассматриваем проблему образования в целом, включая контекст политической и социально-экономической обстановки. Основные приоритеты и принципы, касающиеся образования, не сильно отличаются по миру в целом. Подходы и пути решения едины и касаются теоретических основ распространения образования. Тем не менее даже самое удачное решение, не учитывающее проблем и контекстов, сложившихся в отдельно взятой стране, может привести к провалу. Необходимо учитывать реальность сложившейся ситуации.

В любой стране существуют различные структурные сообщества, которые определяются возрастом, полом, родом деятельности, уровнем образования. Государственный аппарат и обучающиеся по-разному воспринимают цели и задачи образования и развития, но цели в сочетании с доступными ресурсами придают программам образования некий законченный вид, который подходит для данного сообщества.

Отдельно взятая образовательная программа может иметь различные последствия в пределах одной страны, если учесть ее влияние на слои и сообщества, сформированные на ее территории. Если рассматривать стабильную структуру общества развитой страны, то образование может нести известные ценности и знания и тем самым далее развивать и повышать культурно-образовательный уровень общества.

Если общество нестабильно и имеет постоянно меняющуюся структуру, а также уникальную сложившуюся систему культурно-социальных ценностей, то любая, даже самая стандартная образовательная программа может дать начало появлению новой системы ценностей и знаний.

В настоящее время системы существующих образовательных программ и новейших разработанных методик имеют корни своего рождения в прогрессивной части Европы, в Америке и последние несколько лет в России. Однако то, что хорошо для стран Запада, не всегда совпадает с традициями других стран, поэтому статус педагога может меняться в зависимости от того, где он дает свои знания. В одном случае он развивает и укрепляет общепризнанные ценности, а в другом — является носителем изменений, в некоторых случаях, возможно, даже негативных. С другой стороны, в развитых странах из-за переоценки ценностей статус педагога изменился и обесценился, но в странах третьего мира педагог приобрел статус носителя знаний и является уважаемым членом общества.

Проблематика развития и внедрения структуры образования имеет порой более глубинное и многоуровневое исходное решение, которое лежит в основе формирования самих культурно-исторических, социальных и экономических ценностей любой страны.

Если проанализировать развитие малоразвитых стран, то внедрение различных высокотехничных и дорогостоящих проектов потерпело крах, несмотря на внешнюю поддержку различных уровней. Одним из вариантов выхода из таких ситуаций является определение направления развития. Одна и та же проблема с разных ракурсов, которые определяются внешними факторами развития, может иметь варианты решения, которые специалистами воспринимаются по-разному, а следовательно, пути решения, цели и задачи могут быть предложены с позиции своего восприятия.

Образование является как раз тем орудием решения, когда необходимы комплексные варианты выхода из кризисных положений с учетом всей полноты и контекста экономико-политической, культурно-социальной, демографической ситуации. При этом также можно учитывать научный и технический уровень. И если возникает определенная проблема, требующая решения, необходимо и возможно применить весь технический и научно-образовательный потенциал для поиска оптимального пути решения, определения направления путей развития [10].

В качестве обобщения вышесказанного можно сделать следующий вывод: определять пути развития необходимо из взаимоотношений между различными слоями населения, но с уче-

том социальных и культурных особенностей положения общества. В противном случае можно получить мало управляемую обстановку с негативным уклоном развития общества в сторону тоталитаризма. При этом данный путь развития склонен рассматриваться положительно по сравнению с нестабильностью и постоянно меняющейся действительностью. Необходимо, чтобы система образования имела возможность предотвратить такие изменения и концептуально влиять на развитие таких ситуаций, предотвращая их появление.

Система образования должна давать шанс на развитие материальных и духовных благ, менять действительность в сторону улучшения показателей процветания. Проблему развития системы образования можно представить как путь, который начинается от удовлетворения простых жизненных потребностей, постепенно увеличивая их потенциальный уровень.

Иерархию человеческих потребностей разработал Абрахам Маслоу. Она представлена основными элементарными потребностями, постепенно наращивая и усложняя систему ценностей, доходя до самореализации. Меняя систему ценностей в зависимости от рассматриваемой ситуации и ее развития, можно подобрать единственно правильный вариант решения. Структура ценностей А. Маслоу, начиная с выживания и достигая уровня самореализации, помогает акцентироваться на различии в приоритетах разных стран при выборе стратегий развития.

Стратегии развития должны разрабатываться с учетом подробного анализа сложившейся ситуации, включая экономико-политическую обстановку, социокультурные аспекты и материально-сырьевую базу. Знания и информация могут стать как символом выживания, так и опасностью. Это относится к системе образования в целом. Неоспоримым фактом является то, что развитие общества невозможно без развитой системы образования.

Традиционное обучение имеет фундаментальные основы и традиции. Если учитывать установки Маслоу, то обучение как способ выживания и приспособления к любой обстановке утверждает и оправдывает себя и ведет по пути саморазвития и самосовершенствования.

Таким образом, какой бы внутренний смысл ни несла идеологическая идея, внедряемая в общество, у нее будет сформированная основа материальных и социальных ценностей, удовлетворяющих начальные потребности для обеспечения безопасности и дальнейшего развития. Наличие развитой материально-сырьевой базы говорит о доступности информационных технологий в той или иной степени. Используемая технология должна быть востребована обществом, контролируема, рентабельна и реализуема.

Наиболее продвинутые технологии в развитых странах доступны и рентабельны, они используются. Это привело к тому, что дистанционно-модульное обучение стало универсальной, легко адаптируемой, качественной заменой традиционному образованию. Легко доступная, гибкая система поддержки дистанционно-модульного образования (доступность консультаций по телефону, вариативность графика и т.д.) обеспечивает популярность системе дистанционного образования. Без такой взаимосвязи данная система образования нецелесообразна, она теряет всякий смысл из-за изолированности учащихся, и становится невозможно реализовывать долгосрочные образовательные проекты.

Гибкость и многоплановость необходимы также для того, чтобы была возможность использовать не только методику и программы обучения, но и все необходимые и возможные ресурсы всех вероятных образовательных учреждений и иметь к ним неограниченный доступ в рамках выбранных программ обучения.

С учетом ограниченности любых ресурсов в слаборазвитых странах дистанционно-модульное образование становится незаменимым инструментом развития и прогресса. При этом существует возможность сочетания традиционных и дистанционных форм обучения.

Дистанционное образование в сочетании с традиционным расширяет возможности высшего образования в целом, а также дает возможность снизить и перераспределить финансовые затраты на развитие образовательных программ.

Сочетание дистанционного и традиционного образования имеет много положительных сторон и возможностей: вариативность, сохранение престижа головного учреждения, расширение территории воздействия при практически той же материально-ресурсной базе и составе педагогов-специалистов.

Однако следует учитывать и недостатки, возникающие при размещении филиалов дистанционного обучения на базе учреждений с традиционным образованием. Одним из основных является недостаточное внимание к методике дистанционно-модульного образования и специфическим требованиям, сопутствующим данным методикам. Не всегда в полной мере учитывается весь потенциал дистанционной формы обучения. Как итог, дистанционная форма обучения на основе вуза с развитым традиционным обучением не обладает нужным качеством. Чтобы быть конкурентоспособным высокоразвитому традиционному образованию, дистанционно-модульное образование должно обладать высокоразвитой материально-технической базой и иметь развитые, продуманные, востребованные программы обучения, созданные на основе современных знаний.

При развитии структуры дистанционного образования необходимо учитывать интересы и мотивы тех, для кого существует данная система образования. Современные знания и навыки необходимы для развития общества в целом, поэтому образование играет основную роль в получении необходимых знаний теми, кто в этом нуждается. Недостаток образованности обычно ведет к материальной и духовной необеспеченности, социальной нестабильности. Очень важно создавать и правильно преподносить образовательные программы для социально нестабильных групп с учетом их ценностей и приоритетов.

Также необходимо не забывать один важный аспект системы образования — обновление приоритетов посредством постоянной переоценки. Нужды, интересы и потребности меняются с течением времени. Это естественный процесс, когда значимость и важность одних процессов теряют свою актуальность для следующего поколения.

Оценка структуры и качества образования играет очень важную роль, так как является своего рода стимулом к развитию и обновлению системы. Знания и навыки, входящие в фундаментальную основу, необходимы для сохранения информационной базы. Однако есть и тот багаж постоянно обновляющихся знаний и умений, который присущ каждому новому поколению. Он постоянно обновляется, накапливается и составляет прирост фундаментальных знаний.

Техническая и профессиональная обстановка меняется, как и культурно-социальная система ценностей, что приводит к обновлению методологии в целом в приоритетной зависимости от нужд потребителей.

Внутренняя и внешняя оценка должна взаимодействовать с системой образования, чтобы контролировать ее актуальность и полезность обществу.

В качестве заключения можно высказать следующее. Система образования развивается во взаимосвязи с реальными проблемами и задачами. Оно является инструментом для решения и достижения целей и задач, связанных с концепциями цен-

ностей, знаний и навыков. Образование охватывает все аспекты человеческой жизни: область естествознания, где человек строит отношения с окружающей нас средой; область социума, где человек создает социально-экономическую и культурную обстановку для дальнейшего развития и процветания; область взаимодействия и коммуникаций для построения взаимоотношений друг с другом. Необходимо помнить, что образование, влияя на политику и культуру страны, может вызывать изменения как в лучшую, так и в худшую сторону.

Дистанционно-модульные методики являются достаточно новым, а главное, современным и технологическим инструментом достижения целей и задач получения необходимых знаний и навыков.

Используя этот вид образования, нужно иметь твердую правовую базовую модель образовательного учреждения.

Дистанционный модульно-образовательный процесс обучения имеет множество областей применения и сочетаний его использования наряду с обычными формами обучения. Даже само применение может происходить вариативно по различным формам обучения.

Образовательное учреждение может реализовать образовательные программы, используя дистанционно-модульный процесс обучения, полно или частично используя дистанционные методики обучения, а также образовав сеть своих филиалов, проводя контроль и обучение в форме единого связанного образовательного процесса.

Дистанционное образование дает возможность получить любые виды образования всем, кто в этом нуждается, и по доступной разумной стоимости. Дистанционное образование возможно использовать в качестве популяризации знаний, опыта и улучшения образа жизни через повышение статуса знаний и умений. Методика дистанционного образования, использованная для улучшения общего уровня жизни и культурно-экономического статуса, может быть одним из правильных ходов для улучшения качества и уровня жизни в целом. Для этого данная система может использовать все доступные новейшие технологии.

Проблема повышения уровня образования является необходимым аспектом процветания и развития не только в техническом плане, но и в научном, а также социальном аспекте ценностей, целей и задач. При этом не всегда тривиальные экономические решения ведут к стабильности и глубинному развитию общества и интеллектуально-культурных ценностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О создании Объединенного проекта по разработке нормативно-правовых документов и отраслевых стандартов дистанционного обучения: Приказ Минобразования РФ от 16.06.2000 № 1791.

2. Качество дополнительного профессионального образования научно-педагогических работников вузов: мат. межрегион. семинара, 6—9 октября 2003 года / отв. ред. А. Ю. Слепухин. Саратов: СГТУ, 2004. 167 с.

3. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ.

4. Сибирякова Т. Б. Повышение качества профессионального образования — важное условие обеспечения социально-экономического развития России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 4 (17). С. 200—203.

5. Беспалова В. В. Индивидуальный план изучения учебной дисциплины как средство совместного проектирования образовательного процесса в вузе // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 1 (14). С. 275—278.

6. Агапцов С. А. Вопросы подготовки кадров в системе образования для инновационного развития экономики России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 2 (15). С. 20—23.

7. Методика применения дистанционных образовательных технологий (дистанционного обучения) в образовательных учреждениях высшего профессионального образования Российской Федерации: Приказ Минобразования РФ от 18.12.2002 № 4452.

8. Борисова Е. Качество образования и место высшей школы в обществе // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2003. № 11. С. 9—14.

9. Chung, Fay. Strategies for Developing Distance Education. Keynote address in Marian Croft, Ian Mugridge, John S. Daniel, and Allan Hershfield, eds., Distance Education: Development and Access // Papers in English prepared for the Fifteenth World Conference of the International Council for Distance Education, Caracas, Venezuela, 1990, November 4—10. P. 61—66.

10. Гагарин А. В. Психология и педагогика высшей школы. М.: Изд-во МЭИ, 2010. 240 с.

REFERENCES

1. On establishing of the Consolidated project for development of the regulatory-legal documents and industry standards of distance education: Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 16.06.2000 № 1791.

2. Quality of additional professional education of the scientific-pedagogical workers of higher schools: materials of the interregional seminar of October 6—9, 2003 / editor-in-chief A. Yu. Slepukhin. Saratov: STUS, 2004. 167 p.

3. On education in the Russian Federation: Federal law of the Russian Federation dated December 29, 2012 № 273-FZ.

4. Sibirakova T. B. Upgrading professional education is an important condition of providing for socio-economic development of Russia // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2011. № 4 (17). P. 200—203.

5. Bespalova V. V. Individual plan of a discipline study as a tool of educational process joint planning at higher school // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2011. № 1 (14). P. 275—278.

6. Agapcov S. A. Questions of personnel training by the system of education for innovative development of the economics of Russia // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2011. № 2 (15). P. 20—23.

7. Methodology of application of distance educational technologies (distance educating) in educational institutions of higher professional education of the Russian Federation: Order of the RF Ministry of Education dated 18.12.2002 № 4452.

8. Borisova E. Quality of education and place of higher school in society // Alma Mater. Bulletin of higher school. 2003. № 11. P. 9—14.

9. Chung, Fay. Strategies for Developing Distance Education. Keynote address in Marian Croft, Ian Mugridge, John S. Daniel, and Allan Hershfield, eds., Distance Education: Development and Access. Papers in English prepared for the Fifteenth World Conference of the International Council for Distance Education, Caracas, Venezuela. 1990, November 4—10. P. 61—66.

10. Gagarin A. B. Psychology and pedagogic of higher school. M.: Publishing House of MPI, 2010. 240 p.

ОБЗОРЫ. ОТЗЫВЫ. РЕЦЕНЗИИ

SURVEYS. REVIEWS

УДК 330.55.051
ББК 65.012.3

Kabanov Vadim Nikolaevich,
doctor of economics, professor,
professor of the department of economics
and management of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: kabanovvn@yandex.ru

Кабанов Вадим Николаевич,
д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры экономики и управления
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: kabanovvn@yandex.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЯ «ДОБАВЛЕННАЯ СТОИМОСТЬ» В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ 2014—2015 ГОДОВ[1]

THE USE OF INDICATOR OF VALUE ADDED IN THE RUSSIAN LANGUAGE PUBLICATIONS OF 2014—2015[2]

В статье представлен обзор русскоязычных публикаций, размещенных в научной электронной библиотеке eLIBRARY за 2014—2015 годы. Все научные статьи объединены в четыре группы. Первая группа — научные статьи, описывающие применение показателя «добавленная стоимость» при измерении экономического роста. Вторая группа включает модели, использующие в качестве переменной величины ВВП. Третья группа — результаты исследования структуры добавленной стоимости. Четвертая группа — результаты применения добавленной стоимости при оценке социально-экономического положения населения. Приводятся результаты изучения показателя «добавленная стоимость», полученные при участии автора настоящей публикации, а также сформулированы перспективные направления научных исследований.

The article presents a review of the Russian-language publications published in scientific electronic library eLIBRARY in 2014—2015. All scientific articles are split into 4 groups. The first group includes scientific articles describing the use of the indicator «value added» when measuring economic growth. The second group includes models that use GDP as a variable value. The third group includes results of the structure of value added. The fourth group includes results of application of the added value in assessing the socio-economic status of population. The results of studying the indicator «value added» obtained with participation of the author of this publication are presented, as well as prospective trends of scientific research are formulated.

Ключевые слова: добавленная стоимость, валовой внутренний продукт, валовой региональный продукт, система национальных счетов, структура добавленной стоимости, экономический рост, экономико-математическая модель, социально-экономическое положение, виды экономической деятельности, потребление, распределение.

Keywords: value added, gross domestic product, gross regional product, System of National Accounts, structure of value added, economic growth, economic-mathematical model, social-economic situation, types of economic activity, consumption, distribution.

Изучение опыта применения показателя «добавленная стоимость» в экономических расчетах выявило популярность этого показателя в русскоязычных публикациях, размещенных на сайте ставшей весьма популярной научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU[3] Более 1000 публикаций содержат словосочетание «добавленная стоимость», а за последний год таких работ насчитывается свыше 300. В связи с многообразием применения указанного показателя было отобрано 27 публикаций, которые, с точки зрения автора, отражают основные направления практического применения значений добавленной стоимости.

Важно обратить внимание, что в рамках настоящей публикации, а также при выполнении большей части вычислений показатели «добавленная стоимость» и «валовой внутренний продукт» (ВВП) отождествляются, поскольку ВВП весьма часто представляется как сумма добавленных стоимостей, произведенных экономическими субъектами национальной экономики. Существует немало альтернативных, научно обоснованных точек зрения на определение ВВП и добавленной стоимости, однако предметом настоящей работы не является полемика по точности определения понятия, хотя автор разделят общепринятое мнение о важности применения точных формулировок.

Применение показателя «добавленная стоимость» в результатах исследований, опубликованных за последний год и доступных для зарегистрированных пользователей на сайте eLIBRARY.RU, позволяет весьма условно разделить области исследования на четыре группы:

— применение показателя «добавленная стоимость» для описания экономического роста национальной экономики или отдельных видов экономической деятельности;

— построение экономико-математических моделей с использованием показателя «добавленная стоимость» (ВВП);

— исследование структуры добавленной стоимости;

— включение значений «добавленная стоимость» в систему показателей для оценки социально-экономического поло-

[1] Результаты исследований, публикуемые в настоящей статье, получены при выполнении исследований по гранту Международного научного фонда экономических исследований имени академика Н. П. Федоренко (проект № 2014-117).

[2] Results of researches published in the article were obtained in the process of examinations within the frame of the grant of the International scientific foundation of economic researches named after academician N. P. Fedorenko (project № 2014-117).

[3] http://elibrary.ru/defaultx.asp

жения общественно-территориальных объединений населения (муниципальных образований, субъектов РФ, а также государства в целом).

Из работ, отнесенных к первой группе, целесообразно начать с публикации Э.В. Пешиной и П.А. Авдеева [1]. Такой выбор связан с тем, что авторам, без сомнения, удалось связать первоначальную трактовку закона прибавочной стоимости (К. Маркс) с современными представлениями об этой категории. В этой связи уместно привести указанную связь в авторской трактовке:

«Следует отметить, что понятие «прибавочная стоимость», введенное К. Марксом, и понятие «добавленная стоимость», используемое в современной экономической науке, несмотря на определенные сходства, являются разными по своему экономическому смыслу. Маркс считал, что: «прибавочная стоимость, или прирост авансированной капитальной стоимости, выступает прежде всего как избыток стоимости продукта над суммой стоимости элементов его производства[4]», а добавленная стоимость является: «разностью между выпуском товаров и услуг и их промежуточным потреблением, что позволяет их считать равными в абсолютном выражении, хотя составляющие элементы данных понятий различны: прибавочная стоимость состоит из овеществленного дополнительного труда, который работник производит сверх общественно необходимого количества для воспроизводства, присваиваемого капиталистом[5]»; добавленная стоимость состоит из таких элементов, как фонд оплаты труда наемных работников, чистая прибыль, чистый смешанный доход, налоги на производство, потребление основного капитала, за вычетом субсидий на производство и косвенно измеряемых услуг финансового посредничества».

Примирить различие в сущности определений Маркса и современных толкований способны, на наш взгляд, рассуждения по поводу того, что основное противоречие капитализма возникает на столкновении интересов труда и капитала. Глубину этого противоречия принято оценивать уровнем справедливости распределения добавленной стоимости между наемным работником и владельцем производственных мощностей (то есть долей добавленной стоимости, направляемой на оплату труда). При этом третья сторона, участвующая в распределении добавленной стоимости,— государство, как правило, не является стороной конфликта, поскольку владельцы и наемные работники, так или иначе, приходят к выводу о необходимости перераспределения добавленной стоимости (в виде налогов и сборов) в пользу третьего участника (государства).

Если абстрагироваться от советской идеологии и не приводить доводов, приведенных в публикациях отделения общественных наук Академии Наук СССР[6], тогда имеет смысл обратить внимание на публикации А.Ф. Никольского, который развивает представления о добавленной стоимости в рамках теории полной стоимости природной субстанции. Представляется интересным основание, предлагаемое для перехода от «добавленной стоимости» к «добавленной ценности»: «Почему правильнее говорить о добавленных ценах, а не стоимостях? Потому что в соответствии с теорией полной стоимости природной субстанции полная стоимость (полезность) не создается в процессе обработки природной субстанции, а целиком в потенциальном виде приходит с потоком сырья (вещества и энергии) из природы» [2].

В работе приводится интересный статистический материал, описывающий распределение добавленной стоимости в отраслях мировой экономики. Представляет интерес вывод, сделанный по результатам исследований: «вся полная стоимость и рента входят из природы в общественный оборот в первичном секторе (добывающая промышленность и сельское хозяйство), переводятся из потенциальной формы в реальную перерабатывающей промышленностью и строительством, а присваиваются в основном в сфере ничего не производящих услуг, прежде всего финансовых. Чтобы устранить это узкое место, имеется лишь одно средство — установление контроля обществ (народов) над государствами, а государств — над банками, финансами и инфраструктурами (транспортом, торговлей) во всех странах мира» [Там же].

Три интересных вывода, связанных с вопросами распределения добавленной стоимости, приводятся в еще одной публикации А.Ф. Никольского [3]:

«Первый вывод — вся полная стоимость (полезность) мирового ВВП вместе с содержащейся в ней рентой приходит к нам из природы и не добавляется ни одним сектором экономики.

Второй вывод — средняя цена (меновая стоимость) видов сырья примерно в 21 раз ниже заключенной в них полной стоимости.

Еще один важный вывод — в среднем по секторам мировой экономики отсутствует удешевление общественного продукта».

Наконец, вывод: «Экономический капитал должен делиться с обществом не тем, что сам создал, а законно отдавать то, что сам не создавал и что создано другими — природным и человеческим капиталом. Природа и общество в силу необходимости доверяют капиталисту реализовать то, что произведено не им, надеясь на то, что он добровольно отдаст то, что ему не принадлежит» [Там же].

Несколько иной взгляд на категорию «добавленная ценность» предлагается в публикации В.В. Ефимова и Н.В. Паймушкиной [4]. Справедливо критикуя деятельность отечественных отделов маркетинга, авторы предлагают технократический взгляд на потребительскую ценность. Кроме того, приводится обоснование утверждения: «Если добавленная стоимость равна нормативным затратам, то полученная добавленная ценность адекватна величине добавочной стоимости. Если же в процессе изготовления детали по каким-либо причинам нормативные затраты превышены, между нормативной и фактической добавленной стоимостью появляется расхождение».

Отдельно следует остановиться на выводах, подтверждающих результаты, полученные автором настоящей публикации: «Нормальна для отечественных предприятий ситуация, когда непроизводительные расходы превышают затраты, приносящие ценность продукции, в 3—10 раз. Многие российские предприятия сражаются за снижение потерь от брака, которые составляют 3—5% стоимости продукции, не обращая внимания на громадные (до 50—60%) непроизводительные затраты в структуре снабжения, сбыта, управления, организации процессов, а также из-за больших накладных расходов» [Там же].

Существование противоречия между трудом и капиталом отвергается многими видными экономистами. Однако тот факт, что передовые методы управления современным предприятием в большинстве своем рождены развитыми капиталистическими экономиками, свидетельствует об обратном. Публичное отрицание противоречия не означает его отсут-

[4] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат, 1983. Т. 1. С. 201.
[5] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат, 1983. Т. 1. С. 206.
[6] См. Вестник Академии Наук СССР 1931—1991 годов. — *Прим. автора.*

ствия, а наиболее прогрессивные методы управления направлены на снижение конфликта интересов, связанных с распределением добавленной стоимости. Доказательством для приведенных утверждений является система предложений, опубликованных в работе З.С. Биткуловой и направленных на совершенствование процессов распределения добавленной стоимости. К их числу относятся [5]:

1. Участие наемных работников в процессе распределения добавленной стоимости.

2. Привлечение наемного персонала к владению собственностью, что называется «диффузией собственности».

3. Совместное управление труда и капитала, цель которого состоит в идентификации производственного персонала с целями и задачами организации, а также повышение трудовой активности.

4. Сокращение промежутка в статусе и оплате труда между самыми высокими и начальными уровнями, сглаживание социальных различий на основе общих ценностей, ответственности и вознаграждения, ориентация на коллективное достижение успехов.

Завершая рассмотрение публикаций, составивших первую группу классификации, нельзя обойти вниманием работу Т.А. Кияценко. В этой публикации [6] на основании европейского опыта (Европейская система национальных и региональных счетов — ESA) предлагает включить в систему национального и регионального счетоводства (СНС и СРС) показатели, описывающие муниципальный уровень (по аналогии со специальной номенклатурой территориальных единиц для целей статистики в ЕС — NUTS). Эта инициатива представляется целесообразной, поскольку именно на муниципальном уровне фактически создается добавленная стоимость.

Вторая группа объединяет публикации, посвященные вопросам математического моделирования социально-экономических процессов с применением показателя «добавленная стоимость». Выделение такого рода работ связано с тем, что традиционное использование количественного значения ВВП (или ВВП на душу населения), с точки зрения автора, не всегда может приводить к получению корректного значения при выполнении экономических измерений.

Принимая во внимание личный опыт построения балансовых моделей спроса и предложения (теория моделирования экономики города) в течение длительного времени [7], приоритет в этом обзоре отдаем работе Г.П. Быстрай, И.А. Лыкова [8]. Авторы этой публикации предприняли попытку создания математической модели динамики добавленной стоимости и в целом ВРП территории с учетом накопления и потребления при наличии источников и стоков. Основанием для этой работы послужил один из первых докладов Римскому клубу «Пределы роста»[7] (1972).

В качестве основания для построения модели доказывается теорема о добавленной стоимости: «если переменными состояниями рыночной экономики региона являются количество денег в обращении *S*, объем основных фондов *W*, спрос *Je*, предложение *Ji*, то поступающая совокупная выручка в условиях реализуемого спроса *(KJeXe)* на неравновесном рынке идет на увеличение добавленной стоимости *(C)* и издержки по производству ВРП. Сумму рыночных цен продукции субъектов хозяйственной деятельности будет характеризовать величина *KJeXe*, а стоимость потребленного сырья и материалов, полученных у поставщиков,— *KJiXi*. Математическая запись приведенной теоремы имеет вид:

$$\frac{d(C-C_0)}{dt} = -K(-J_e X_e + J_i X_i), \quad (1)$$

где: *K* — курс национальной валюты;

X — накопление.

На наш взгляд, полезно обратить внимание на предложенные Г.П. Быстрай, И.А. Лыковым гипотезы, которые, безусловно, представляют интерес для дальнейшего исследования:

1. Гипотеза о векторном характере развития.

2. Гипотеза о динамическом уравнении развития.

3. Гипотеза о фазовом переходе системы через кривую производственных возможностей.

4. Гипотеза о формализации источников экономического развития.

5. Гипотеза о тензорном характере развития.

Авторы описанной модели не исключают возможностей для ее совершенствования, например, для условий колебания курса валюты.

Примером развития хорошо известных моделей, нашедших широкое применение в практике экономических измерений, с точки зрения автора настоящего обзора, является работа Л.В. Киевского [9]. Оценка мультипликативного эффекта, описывающего влияние объемов капитальных вложений, осваиваемых предприятиями строительного комплекса, на ВВП (или ВРП) относится к расширению возможностей хорошо известной модели межотраслевого баланса. В указанной работе для вычисления такого эффекта предлагается применять математическое выражение:

$$M_{GVA} = \sum_i GVA_i = \sum_i \Delta X_i \frac{GVA_i}{X_i}, \quad (2)$$

где: M_{GVA} — показатель, характеризующий влияние строительного комплекса на ВРП;

X_i — валовой выпуск в *i*-м виде экономической деятельности;

ΔX_i — прирост валового выпуска в *i*-м виде экономической деятельности вследствие мультипликативных эффектов;

GVA_i — валовая добавленная стоимость в *i*-м виде экономической деятельности.

Опубликованные вычисления значения мультипликатора для комплекса города Москвы составляют 1,141. Однако выполнение аналогичных вычислений в рамках подготовки программы строительства жилья в Волгоградской области в 2008 году позволяют утверждать, что мультипликативный эффект может принимать более высокие значения (например, 2,483). Это связано с тем, что в работе Л.В. Киевского не учитывается добавленная стоимость, создаваемая приростом потребительского спроса. Дополнительный потребительский спрос создается расходами на оплату труда и прибылью (как в строительном комплексе, так и в смежных отраслях экономики).

Следует обратить внимание на стремление некоторых авторов заменить в традиционных экономических показателях, долгое время применяемых в СССР, показатель «выручки» на «добавленную стоимость». В качестве примера, отражающего эту особенность, приводится работа В.Н. Богомазовой [10]. В этой публикации предложено вычислять производительность капитала по значению валовой добавленной стоимости, отнесенной к стоимости основных фондов. К сожалению, автор не уточняет, о какой стоимости основных фондов идет речь: первоначальной или текущей. В зависимости от выбранного значения стоимости основных фондов может весьма существенно меняться значение производительности капитала.

[7] Эта работа, выполненная в Массачусетском технологическом институте (США) под руководством Д. Медоуза, опубликована в книге: Медоуз Д., Рандерс Й. «Пределы роста» (2008).

Еще одна экономико-математическая модель добавленной стоимости предлагается в публикации В.В. Новикова и В.В. Новикова [11]. Авторы предлагают использовать аналитическую зависимость расходов на оплату труда и прибыли в действующих правилах налогообложения для оценки налоговых доходов при изменении ставок региональных налогов (налог на имущество и налог на прибыль). Безусловно, что снижение расходов на уплату региональных налогов, например налога на имущество, неминуемо приведет к росту расходов на оплату труда или прибыли. Поскольку фонд оплаты труда и прибыль относятся к налоговой базе при вычислении НДФЛ и налога на прибыль соответственно, то, очевидно, существует возможность определить величину прироста налоговых платежей (в данном примере за счет НДФЛ или налога на прибыль), которые способны либо уменьшить объем выпадающих налоговых доходов (как результат освобождения от регионального налога на имущество), либо обеспечить прирост доходов регионального бюджета. При этом прирост налоговых доходов бюджета возникает при условии, если налоговые доходы от НДФЛ или прибыли будут превосходить поступления, например, от налога на имущество физических лиц.

Собственный опыт экономических измерений позволяет утверждать, что при выполнении такого рода вычислений целесообразно рассматривать не только прямые налоговые поступления от увеличения НДФЛ или прибыли, но и возможный приток бюджетных доходов от расходования дополнительно полученных денежных средств. В этом случае можно говорить о возможности получения мультипликативного эффекта. Останется только выполнить сравнение значений мультипликатора при увеличении расходов на оплату труда с ростом прибыли, полученной предприятием.

Публикации, размещенные на сайте электронной научной библиотеки eLIBRARY, содержат результаты, не только подтверждающие и развивающие закон добавленной стоимости. Здесь можно встретить весьма критические выводы по поводу самого закона, а также показателя «добавленная стоимость». Одна из таких критических точек зрения приводится в работе Д.Г. Бачурина [12]. Необходимо отметить, что в этой работе приводятся результаты весьма глубоких исследований современных подходов к математическому моделированию социально-экономических процессов в современном обществе. На основании научного анализа в работе изложен вывод, который приводится дословно: «Соответственно критично значимым является своевременное определение и корректировка базовых посылов экономического знания, в особенности в условиях нарастающего кризиса доминирующей модели экономического развития, основанной на механизме добавленной стоимости и нарастающих потоках фиктивного финансового капитала».

Автору настоящей публикации доставило особое удовольствие встретить на бескрайних просторах научной информации единомышленников, научный интерес которых связан с исследованием системы распределения добавленной стоимости. Это небольшое число публикаций объединено в третью группу. Начать обзор публикаций, вошедших в данную группу, логично с работы А.Л. Жукова [13]. Несомненный интерес вызывает сравнение сложившейся системы распределения добавленной стоимости между наемными работниками, собственниками и государством не только в нашей стране, но и в странах, чью экономику принято относить к наиболее развитой на планете.

Не останавливаясь на несомненных достоинствах межстранового сравнения трех основных долей добавленной стоимости, мы полагаем возможным остановиться на некоторых недостатках такого сравнения. В качестве наиболее общего примера выберем долю добавленной стоимости, направляемой на оплату труда. Если исходить из того, что система национальных счетов государств, для которых приводится сравнение, одинаково описывает структуру расходов на оплату труда (то есть включает в значение этого показателя не только заработную плату, выданную работникам «на руки», но и налог на доходы физических лиц, а также взносы в систему обязательного страхования), тогда приведенные сравнения корректно отражают структуру добавленной стоимости. Однако, например, в США величина взносов работодателя в систему обязательного страхования составляет 7%, а величина НДФЛ устанавливается каждым штатом, начиная с 17%. Если учитывать такие особенности, тогда следует корректировать данные, приведенные системой национальных счетов. В этом случае корректировка должна содержать вычисление чистых расходов на оплату труда (заработная плата, выданная «на руки») и прибыли.

С целью более детального исследования структуры добавленной стоимости в работе И.В. Ивлиева [14] предлагается большее число элементов, составляющих ВВП. Необходимо отдать должное, что все применяемые элементы структуры доходов полностью соответствуют кодировке статей баланса, принятой в СНС-2008: (B2g + B3g) — валовая прибыль и валовые смешанные доходы; B1g — ВВП в рыночных ценах; D1 — оплата туда наемных работников; D2 — налоги на производство и импорт; D3 — субсидии на производство и импорт; D31 — это в том числе субсидии на продукты; D39 — это в том числе другие субсидии на производство. Значение каждого из перечисленных индикаторов соответствует величине доли, которую он занимает в произведенной добавленной стоимости. К числу аналитических возможностей индексов, применяемых для описания структуры произведенной добавленной стоимости, автор относит: определение прогнозных значений основных макропоказателей; дифференциацию индексов с целью описания различных уровней конкурентной борьбы; описание динамики процессов вне зависимости от кардинальных изменений, а также проведение межстрановых сравнений изменения величин ВВП, включая оценку условий конкурентной борьбы на различных рынках.

Анализ статистических зависимостей элементов добавленной стоимости с ее абсолютным значением приводится в работе Н.П. Киселевой [15]. Приведенные значения коэффициента корреляции для каждой из исследуемых частей свидетельствуют о наличии аналитической зависимости (табл. 1 [Там же]). Можно обратить внимание на вывод, сделанный автором: «Представленная информация позволяет заключить, что в анализируемом периоде динамика добавленной стоимости в России определялась тремя основными условиями: темпами роста фонда оплаты труда и прибыли и величиной доли последней в добавленной стоимости».

Еще один оригинальный подход к применению количественного значения добавленной стоимости предлагается А.В. Аксяновой и Г.А. Гадельшиной [16]. В качестве критерия для оценки стратегии развития предприятий нефтегазового комплекса предлагается вычислять долю добавленной стоимости в выпуске. По значению этого показателя авторы предлагают шкалу для измерения (табл. 1 [Там же]). При доле добавленной стоимости менее 10% — «окупаемость затрат»; 11—20% — «нормальная деятельность»; 21—30% — «получение стратегических преимуществ»; 31—40% — «установление завышенных цен»; >41% — «стратегические преимущества нежелательного направления».

Интересное предложение об использовании зависимости величины взноса в систему обязательного социального страхования и налога на прибыль обосновывается в работе Л.Я. Ав-

рашкова, Г.Ф. Графовой, С.А. Шахватовой [17]. Математический вид предложенного вычисления представляет собой несложное уравнение, которое наиболее часто применяется при вычислении налога на добавленную стоимость [Там же]:

$$\tau_{CR} = \frac{\tau_D}{1-\tau_D}, \quad (3)$$

где: τ_{CR} — ставка для вычисления величины взноса в систему обязательного социального страхования;

τ_D — ставка налога на прибыль.

Зависимость (3) получена в результате сравнения расходов российских предпринимателей на обязательное социальное страхование наемных работников и уплату налога на прибыль: нормативный уровень налоговых показателей свидетельствует о том, что прирост чистой прибыли на 1 руб. связан с налоговыми отчислениями в размере 0,25 руб. при ставке налога на прибыль 20%, в то время как уровень отчислений во внебюджетные фонды с 1 руб. зарплаты работников составляет 0,30 руб. при ставке отчислений на социальные нужды 30%.

Принимая во внимание существование точки зрения автора настоящей публикации по поводу сложившейся системы распределения добавленной стоимости, целесообразно привести результаты собственных научных исследований. Как отмечалось выше, анализ структуры добавленной стоимости наиболее корректно выполнять в «чистых показателях». Под чистыми понимается заработная плата, выданная «на руки», а также чистая прибыль полученная. Важно остановиться более детально на обосновании именно такого подхода.

Если следовать физическому смыслу показателя «добавленная стоимость», то наполнение этого показателя реальными деньгами — заслуга наемного работника. В этой связи корректно оценивать фактическую (а не отложенную — обязательное социальное страхование) долю добавленной стоимости, полученную работником. Кроме того, в некоторых моделях, оценивающих объем спроса, важно опираться на величину текущего платежеспособного спроса, который формируется в том числе из средств полученной (или выплаченной «на руки») заработной платы.

В отношении прибыли также целесообразно рассматривать такую величину, которая является базой для вычисления налога на прибыль (то есть значение прибыли до налогообложения). Такой подход позволяет учитывать не только полученную и, например, нераспределенную чистую прибыль, но и обеспечивает возможность учета расходов предприятия, произведенных из чистой прибыли в отчетном периоде (например, приобретение имущества, возврат кредитных ресурсов и др.).

Не останавливаясь на выводе алгебраического выражения, вытекающего из описанной выше структуры добавленной стоимости, приведем выражение, описывающее зависимость чистой прибыли и заработной платы, выданной «на руки»:

$$0{,}85 = 1{,}494C_{RR} + 1{,}25\ C_{DD}, \quad (4)$$

где: C_{RR} — величина денежных средств, выданных работникам «на руки»;

C_{DD} — величина чистой прибыли предприятия.

На основании уравнения (4) можно утверждать, что за 1 руб. заработной платы, выданный наемному работнику «на руки», работодатель фактически платит 0,494 руб. (0,15 руб.— НДФЛ, а 0,344 руб.— взнос в обязательную систему социального страхования наемного работника), тогда как за каждый рубль полученной чистой прибыли — 0,25 руб. Полученный результат может быть использован для корректировки, например, уравнения (3).

Как показывает знакомство с публикациями, размещенными в научной электронной библиотеке eLIBRARY, большинство исследователей использует показатель «добавленная стоимость» при оценке социально-экономического положения населения, проживающего в регионах и муниципальных образованиях. Предлагаемый обзор отражает сложившуюся тенденцию, поскольку четвертая группа содержит наибольшее число отобранных публикаций.

Представляется оправданным начать обзор опубликованных результатов исследований с работы Л.У. Эстерханова и С.Р. Шамилева [18]. Такой выбор связан еще и с тем, что автор публикации неоднократно предпринимал попытки использовать математический аппарат, применяемый в термодинамике, для описания социально-экономических процессов. Однако результата, заслуживающего публикации, пока не получил.

В указанной выше работе авторы используют достаточно известные индексы энтропии Тейла для описания неравномерности распределения ВВП по регионам России:

$$T_y = \sum \frac{Y_i}{Y} \ln\left(\frac{Y_i P}{Y P_i}\right); T_p = \sum \frac{P_i}{P} \ln\left(\frac{P_i Y}{P Y_i}\right), \quad (5)$$

где: Y — ВРП страны;

P — численность населения страны.

Приведенные результаты выполненных вычислений положены в основу следующих выводов: «Неравномерность регионального развития РФ характеризуется большим отклонением богатых регионов, и в стране наблюдается существенный разрыв в уровнях развития богатых и бедных регионов. Более богатые субъекты РФ имеют большие коэффициенты неравномерности распределения в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости. Поэтому неудивительно, что некоторые ученые считают основным механизмом увеличения ВРП бедных регионов торговлю, а богатых — инвестиции».

Интерес к результатам, полученным при использовании математического аппарата, применяемого в термодинамике, состоит не в том, что выводы, сделанные авторами, совпадают с наиболее широко распространенной точкой зрения. Ценность состоит в том, что эти выводы подтверждаются количественными значениями, полученными в результате применения весьма корректного и достаточно современного математического аппарата.

Исследованию межрегиональной дифференциации посвящена работа А.М. Магомедова и А.Г. Бучаева [19], в которой для анализа территориальной дифференциации сельскохозяйственного производства и основных его факторов сравниваются соответствующие удельные веса каждого субъекта в общем показателе округа. В работе приводятся вычисления применительно к сельскому хозяйству. Для сопоставления вычисляются удельные веса результатов сельскохозяйственного производства (выпуск и добавленная стоимость), а также факторов производства (численность сельского населения и площадь сельскохозяйственных угодий). В результате сравнения можно получить данные об эффективности использования сельскохозяйственного потенциала в каждом субъекте относительно среднего по округу, например по значению коэффициента использования сельскохозяйственного потенциала (k_P) субъекта РФ:

$$k_P = \frac{\sum (y_i - x_i)}{\sum x_i}, \quad (6)$$

где: y_i — удельные веса объемов сельскохозяйственной продукции и добавленной стоимости сельского хозяйства субъекта в общих объемах соответствующих показателей по округу;

x_i — удельные веса численности сельского населения и площади сельскохозяйственных угодий субъекта в соответствующих показателях в целом по округу.

Еще один метод для оценки дифференциации регионов РФ по значению валового регионального продукта (ВРП) предлагается Л.З. Мусаевой, С.Р. Шамилевым, Р.В. Шамилевым

[20]. Основу этого метода составляют диаграммы Парето. При помощи этих диаграмм авторы анализируют не только разброс динамики ВРП. Вместе с абсолютным значением этого, без сомнения, наиболее важного показателя реализовано сравнение регионов России по таким показателям, как ВРП на душу населения и производительность труда.

Приведенные публикации, отнесенные к четвертой группе, можно объединить в подгруппу. Особенность этой подгруппы состоит в том, что авторы объединенных публикаций профессионально занимаются исследованием дифференциации субъектов РФ, а также поиском причин, приводящих к неравномерному развитию регионов России. В этих работах предложено три метода для оценки дифференциации: математический аппарат, применяемый для описания энтропии, метод весовых коэффициентов, а также метод диаграмм Парето. К сожалению, опубликованные результаты не дают основания для утверждения о том, что результаты, полученные всеми тремя методами, показали одинаковый уровень неравенства.

К традиционным методам исследования добавленной стоимости, произведенной экономикой региона, следует отнести работу М.В. Савеличева [21]. В результате изучения динамики изменения величины валового регионального продукта, элементов структуры этого показателя, структурированных по видам экономической деятельности и по элементам формирования добавленной стоимости, хочется обратить внимание на структуру критериев, по которым автор формирует выводы: темпы роста ВРП; структура ВРП по видам экономической деятельности; виды экономической деятельности (в том числе их группы), занимающие лидирующие позиции в производстве добавленной стоимости; доля промежуточного потребления в выпуске; доля амортизации и доля налогов в добавленной стоимости.

Необходимо отметить, что объединение видов экономической деятельности при анализе произведенной добавленной стоимости применяется более 100 лет. Однако в зависимости от целей и задач исследования меняется система объединения. Например, в работе Е.А. Гайнутдиновой [22] при исследовании регионального продукта виды экономической деятельности (по ОКВЭД) объединены в три группы: 1) производство средств производства; 2) производство услуг; 3) производство предметов потребления. Результатом исследования стал вывод «о существовании диспропорций между подразделениями прибавочного продукта».

Объединение видов экономической деятельности в группы, выполненное Е.Е. Чумаковой [23], несколько отличается от традиционных подходов. Это отличие состоит в том, что виды экономической деятельности группировались в зависимости от того, на каком рынке реализуется продукция: на внешнем по отношению к муниципальному образованию или на внутреннем. Необычность такого разделения состоит в том, что автор отдельно анализирует добавленную стоимость, полученную при участии внешних покупателей, что приводит к притоку денежных средств в экономику. Соответственно, товары и услуги, приобретенные за пределами муниципалитета, приводят к оттоку денежных средств. В целом такой подход не противоречит существующим балансовым моделям ввоза — вывоза, которые до сих пор применяются при оценке государственных внешнеторговых балансов.

Непосредственно применение показателя «добавленная стоимость» для оценки социально-экономического положения населения описано в следующих трех работах. Принимая во внимание, что одним из важнейших показателей социально-экономического положения населения являются доходы домашних хозяйств, обзор начинаем с результатов, полученных Н.П. Киселевой [24]. Для описания зависимости величины потребления домашних хозяйств от расходов бюджета предлагается вычислять два коэффициента:

$$k_b = \frac{S_b}{P_{dxc}}; k_n = \frac{\Delta S_b}{\Delta P_{dxc}}; \quad (7)$$

где: k_b — коэффициент бюджетной обеспеченности конечного потребления домашних хозяйств, характеризующий величину бюджетных расходов на один рубль конечного потребления домашних хозяйств;

k_n — коэффициент независимости конечного потребления домашних хозяйств, измеряемый величиной прироста бюджетных расходов на один рубль прироста конечного потребления домашних хозяйств;

S_b — расходы консолидированного бюджета региональной экономической системы;

P_{dxc} — конечное потребление домашних хозяйств в регионе;

ΔS_b — прирост расходов консолидированного бюджета региональной экономической системы;

ΔP_{dxc} — прирост конечного потребления домашних хозяйств в регионе.

К числу преимуществ, получение которых вероятно при практическом применении описанных коэффициентов (уравнение (6), автор этого предложения относит: безразмерность коэффициентов, что не требует решения задачи о сопоставлении цен, возможность оценки влияния бюджетных расходов на величину конечного потребления домашних хозяйств (например, в целях исследования межрегиональной дифференциации параметров развития).

Если опустить дискуссию о применении в качестве индикатора благосостояния индекс развития человеческого капитала (ИРЧП — в трактовке ООН), то Н.Ю. Сорокиной в качестве целевого показателя, описывающего развитие региона, предлагается применять значение чистой добавленной стоимости (NVA) [25]:

$$NVA = GVA_1 - dA \times GVA_j = GVA(1 - dA), \quad (8)$$

где: GVA — валовая добавленная стоимость промышленности (млн руб.);

dA — доля потребления основного капитала в валовой добавленной стоимости промышленности (%).

С точки зрения автора, предложенный показатель чистой добавленной стоимости обладает следующими преимуществами:

— во-первых, он позволяет отслеживать долгосрочные тенденции в динамике региональных социально-экономических процессов;

— во-вторых, он может быть определен на основе данных официальной статистической отчетности;

— в-третьих, он может быть конкретизирован в ряде частных показателей (драйверов), позволяющих отслеживать влияние на его динамику конкретных правовых, организационных, экономических и социальных факторов.

Измерять значение человеческого капитала в рублях предлагается в работе С.В. Ненашевой [26] (например, для сельского хозяйства):

$$HC = (C — LW)420QW, \quad (9)$$

где: HC (англ. human capital) — стоимость человеческого капитала;

C (англ.— compensation) — среднегодовая заработная плата;

LW (англ. living wage) — величина прожиточного минимума;

QW (англ. quantity ofworkers) — среднегодовая численность работников, занятых в сельском хозяйстве.

Однако наибольший интерес представляет статистический анализ факторов производства — человеческого капитала (x_1) и стоимости основных средств (x_2). Автору удалось найти зависимость значения добавленной стоимости (y) от факторов производства, удовлетворяющую требованиям достоверности:

$$y_t = 850{,}65 x_{1t}^{0{,}185} x_{2t}^{0{,}566}. \quad (10)$$

Подводя итог по результатам обзора публикаций, составивших четвертую группу, следует отметить интересные результаты научного поиска математического аппарата для описания дифференциации субъектов РФ по критерию произведенного ВРП. С точки зрения автора настоящей публикации, перспективным направлением является поиск зависимости, описывающей взаимное влияние производства добавленной стоимости и качества жизни населения (например, измеренной индексом развития человеческого потенциала). При этом неудачи в научном поиске [27; 28] не должны останавливать исследования в этом направлении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пешина Э. В., Авдеев П. А. Формирование валовой добавленной стоимости высокотехнологичной и наукоемкой продукции (товаров, услуг) // Известия Уральского государственного экономического университета. 2013. № 6. С. 46—56.

2. Никольский А. Ф. Узкие места устойчивого развития в мировой экономике // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2014. № 5. С. 126—135.

3. Никольский А. Ф. Оценка мирового внутреннего продукта на основе теории полной стоимости природной субстанции // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2014. № 4. С. 1—13.

4. Ефимов В. В., Паймушкина Н. В. Добавленные ценность и стоимость // Стандарты и качество. 2006. № 8. С. 78—81.

5. Биткулова З. С. Анализ элементов институциональной структуры корпорации в процессе распределения добавленной стоимости // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 18. С. 137—143.

6. Киященко Т. А. Региональная оценка валового регионального продукта (ВРП) с помощью муниципальных показателей (ВМП) в системе национальных счетов — 2008 // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2014. № 3. С. 62—66.

7. Кабанов В. Н. Теория моделирования экономики города. Волгоград: ВолгГАСА, 2000. 234 с.

8. Быстрай Г. П., Лыков И. А. Синергетическая динамика роста валового регионального продукта с учетом накопления и потребления // Вестник кибернетики. 2014. № 3. С. 57—73.

9. Киевский Л. В. Мультипликативные эффекты строительной деятельности // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. № 3. С. 104—116.

10. Богомазова В. Н. Методические подходы к определению и оценке производительности капитала // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Экономика и управление. 2014. № 3. С. 8—11.

11. Новиков В. В., Новиков В. В. О дополнительном стимулировании роста ВВП // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3. С. 140—144.

12. Бачурин Д. Г. Коррекция методологии применения математических методов в экономических исследованиях в контексте изменения модели экономического развития // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4. С. 13—19.

13. Жуков А. Л. Оплата труда в системе распределения доходов по факторам производства // Труд и социальные отношения. 2014. № 10. С. 10—21.

14. Ивлиев И. В. Индексы стратегии опережающего развития как основа прикладной макроэкономики // Аграрный вестник Урала. 2014. № 8. С. 89—93.

15. Киселева Н. П. Совершенствование методологических подходов к анализу валовой добавленной стоимости, созданной в макроэкономической системе // Наука. Техника. Образование. 2015. № 2. С. 81—85.

16. Аксянова А. В., Гадельшина Г. А. Анализ эффективности деятельности предприятий нефтегазового комплекса на основе показателей добавленной стоимости // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 23. С. 338—340.

17. Аврашков Л. Я., Графова Г. Ф., Шахватова С. А. К вопросу о взаимосвязи показателей экономического и социального развития предприятий // Аудитор. 2014. № 10. С. 86—90.

18. Эстерханов Л. У., Шамилев С. Р. Неравномерность социально-экономического развития регионов РФ // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 380—390.

19. Магомедов А. М., Бучаев А. Г. Повышение эффективности использования сельскохозяйственного потенциала региона // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал. 2015. № 2. С. 25—37.

20. Мусаева Л. З., Шамилев С. Р., Шамилев Р. В. ВРП — важнейший показатель социально-экономического развития субъектов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 390—399.

21. Савеличев М. В. Доминирующие тенденции в структуре ВРП Республики Татарстан // Научные труды центра перспективных экономических исследований. 2014. № 7. С. 11—21.

22. Гайнутдинова Е. А. Исследование пропорций между составными частями валового регионального продукта региона и их влияние на расширенное воспроизводство в агропромышленном комплексе региона // Вестник Ижевской государственной сельскохозяйственной академии. 2014. № 3. С. 22—25.

23. Чумакова Е. А. Классификация рабочих мест на рынке труда по видам экономической деятельности (на примере Волгоградской области) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4. С. 204—210.

24. Киселева Н. П. Методологические подходы к анализу межрегиональной дифференциации по потребляемой добавленной стоимости // Вестник науки и образования. 2015. № 1. С. 21—24.

25. Сорокина Н. Ю. Обоснование выбора целевого показателя устойчивого развития Старопромышленного региона // Изве-

стия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 6. С. 70—75.

26. Ненашева С. В. Изучение динамики и вариации стоимости человеческого капитала по виду экономической деятельности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» в России // Аграрный научный журнал. 2015. № 1. С. 82—85.

27. Майорова В. В., Никитина Л. М., Трещевский Ю. И. Экономическая динамика регионов и факторов производства: сравнительный анализ // Регион: системы, экономика, управление. 2014. № 4. С. 19—25.

28. Майорова В. В., Никитина Л. М., Трещевский Ю. И. Динамика факторов и результатов производства в реальном секторе экономики: макроэкономический анализ // Вестник ВГУ. Сер. Экономика и управление. 2014. № 4. С. 127—134.

REFERENCES

1. Peshina E. V., Avdeev P. A. Formation of the Value Added of High-Tech and Knowledge-Intensive Products (Goods, Services) // News of the Ural State University of Economics. 2013. № 6. P. 46—56.

2. Nikolsky A. F. Bottlenecks of sustainable development in the global economy // News of irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law). 2014. № 5. P. 126—135.

3. Nikolsky A. F. Assessment of the world GDP based on the theory of the natural substance full value // News of Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law). 2014. № 4. P. 1—13.

4. Efimov V. V., Paimushkina N. V. Added value and cost // Standards and quality. 2006. № 8. P. 78—81.

5. Bitkulova Z. S. Analysis of the elements of institutional structure of Corporation in the course of distribution of the value added // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2014. № 18. P. 137—143.

6. Kiyaschenko T. A. Regional assessment of the gross regional product (GRP) based on Municipal indicators (VMP) in the System of National Accounts — 2008 // Economic and humanitarian researches of the regions. 2014. № 3. P. 62—66.

7. Kabanov V. N. Theory of modeling of the city's economy. Volgograd: Volgograd State Academy of Architecture and Construction, 2000. 234 p.

8. Bystray G. P., Lykov I. A. Synergetic dynamics of GRP growth considering accumulation and consumption // Journal of Cybernetics. 2014. № 3. P. 57—73.

9. Kievsky L. V. Multiplication effects of building activity // Online journal of science. 2014. № 3. P. 104—116.

10. Bohomazova V. M. Approaches to identification and evaluation of productivity of capital // Vector of science of Togliatti State University. 2014. № 3.P. 3—11.

11. Novikov V. V., Novikov V. V. On additional boosting of GDP growth // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 3. P. 140—144.

12. Bachurin D. G. Revision of the methodology of mathematical methods application in economic researches in the context of the economic development pattern change // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 4. P. 13—19.

13. Zhukov A. L. Remuneration of labor in the system of distribution of income among the factors of production // Labor and social relations. 2014. № 10. P. 10—21.

14. Ivliev I. V. Indices of the strategy of advance development // Agrarian Bulletin of the Urals. 2014. № 8. P. 89—93.

15. Kiseleva N. P. Improvement of methodological approaches to the analysis of gross value added created in the macroeconomic system // Science. Engineering. Education. 2015. № 2. P. 81—85.

16. Aksyanova A. V., Gadelshina G. A. Analysis of efficiency of activity of oil and gas companies on the basis of the value added // Bulletin of the Kazan Technological University. 2014. № 23. P. 338—340.

17. Avrashkov L. Ya., Grafova G. F., Shahvatova S. A. To the issue of relations of the indicators of economic and social development of enterprises // Auditor. 2014. № 10. P. 86—90.

18. Eskerhanov L. U., Shamilev S. R. Uneven socio-economic development of the regions of the Russian Federation // Modern problems of science and education. 2014. № 5. P. 380—390.

19. Magomedov A. M., Buchaev A. G. More efficient use of agricultural potential of the region // Management of economic systems. 2015. № 2. P. 25—37.

20. Musaeva L. Z., Shamilev S. R., Shamilev R. V. GRP is a key indicator of socio-economic development of the Russian Federation // Modern problems of science and education. 2014. № 5. P. 390—399.

21. Savelichev M. V. The dominant trends in the GRP of the Republic of Tatarstan // Scientific papers of the center for advanced economic studies. 2014. № 7. P. 11—21.

22. Gaynutdinova E. A. Study of the proportions between the constituent parts of regions' gross regional product and their impact on the expanded reproduction in the regional agricultural sector // Bulletin of the Izhevsk State Agricultural Academy. 2014. № 3. P. 22—25.

23. Chumakova E. A. Classification of the work places at the labor market by the types of economic activity (on the example of Volgograd region) // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. № 4. P. 204—210.

24. Kiseleva N. P. Methodological approaches to the analysis of interregional differentiation in consumption of added value // Journal of science and education. 2015. № 1. P. 21—24.

25. Sorokina N. Yu. Justification of selection of a target indicator of sustainable development of the old-industrial region // The Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics. 2014. № 6. P. 70—75.

26. Nenasheva S. V. Study of the dynamics and variation of the value of human capital according to the economic activity «Agriculture, hunting and forestry» in Russia // Agricultural research magazine. 2015. № 1. P. 82—85.

27. Mayorova V. V., Nikitina L. M., Treshchevsky U. I. Economic dynamics of the regions and factors of production: comparative analysis // Region: systems, economics, management. 2014. № 4. P. 19—25.

28. Mayorova V. V., Nikitina L. M., Treshchevsky U. I. The dynamics of the factors and results of production in the real sector of economics: macroeconomic analysis // Bulletin of Voronezh State University. 2014. № 4. P. 127—134.

УДК 351.75+347.44
ББК 67.404.213+67.401.133

Tsybulenko Zinoviy Ivanovich,
doctor of law, professor,
professor of the department
of a civil and family law of Saratov State Law Academy,
Saratov,
e-mail: civil@sgap.ru

Цыбуленко Зиновий Иванович,
д-р юрид. наук, профессор,
профессор кафедры гражданского и семейного права
Саратовской государственной юридической академии,
г. Саратов,
e-mail: civil@sgap.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ШАРОНОВА СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА «КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» (М.: ЮСТИЦИНФОРМ, 2014)

REVIEW ON SHARONOV SERGEY ALEXANDROVICH'S MONOGRAPH «THE CONCEPT OF CIVIL REGULATION OF SECURITY ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION» (M.: YUSTITSINFORM, 2014)

В настоящее время одной из основных государственных задач является возобновление социально-экономического развития страны на основе базовых ценностей — частной собственности и свободы предпринимательства.

В монографии представлена авторская концепция гражданско-правового регулирования охранной деятельности в Российской Федерации, которая в полной мере способствует решению этой задачи, поскольку исследуемый вид деятельности является разновидностью предпринимательской деятельности и направлен на защиту имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц.

Заслуживает внимания структура и логика подачи материала в монографии. Охранная деятельность исследуется от исходной предпосылки своего возникновения и до факта прекращения обязательств по договору охраны. По своей сути главы и параграфы монографии представляют собой не только элементы концепции, но и новые научные результаты, многие из которых в полной мере могут быть представлены для публичной защиты.

Следует отметить новаторский подход к категории «охрана», составные элементы которой являются исходной предпосылкой частноправовой охранной деятельности. С. А. Шаронов обоснованно отмечает, что современное состояние общественных отношений позволило выявить в частноправовой охранной деятельности те ее предпринимательские свойства, которые совпадают с критериями, предъявляемыми законодательством к предпринимательской деятельности. Это позволило установить систему принципов и функций искомого вида предпринимательства, а также обосновать теоретическую модель соотношения охранной деятельности со сходными видами предпринимательства и публичными охранными государственными функциями.

Новым является и взгляд автора на охранную деятельность как на деятельность, создающую повышенную опасность для окружающих лиц, поскольку в процессе ее осуществления используются огнестрельное оружие и специальные средства, которые могут причинить вред жизни и здоровью граждан, имуществу физических и юридических лиц. Выявленные в монографии критерии определения вредоносных свойств вышеуказанных опасных источников позволяют предотвратить (минимизировать) их негативное воздействие на окружающих лиц.

Важным элементом концепции является и подход автора к исследованию охранной деятельности в системе правоотношения, в результате которого выявлены предпосылки, определены гражданско-правовые свойства и структура отношения охранной деятельности. Это дало новый импульс к созданию методологии определения субъектов (охранные организации) и объектов (объекты охраны) отношения как теоретической основы для разрешения проблем правового регулирования охранной деятельности.

Систематизированные в работе публично-правовые (лицензирование, надзор и контроль) и частноправовые (договор охраны, саморегулирование) средства правового регулирования позволили по-новому оценить степень их воздействия на охранную деятельность в контексте правовой доктрины о комплексном регулировании предпринимательских отношений.

Автор впервые дает определения правовых понятий «функции охранной деятельности», «охранная деятельность как разновидность предпринимательства», «саморегулирование охранной деятельности» и др. По-новому определяются понятия «охрана», «охранная организация», «объект охраны», «договор охраны».

В монографии предложен ряд оригинальных авторских классификаций составных элементов охранной деятельности (принципов, функций, объектов охраны, договора охраны и др.), которые носят концептуальный характер, благодаря этому обладают новизной и имеют преимущества по сравнению с другими известными типологиями.

Практическое значение монографии С. А. Шаронова заключается в возможности применения полученных результатов в качестве основ для совершенствования законодательства, толкования правовых норм, а также в практике разрешения споров. Разработанный автором проект Федерального закона «Об охранной деятельности в Российской Федерации» и другие высказанные в работе предложения направлены на повышение эффективности норм гражданского и предпринимательского права, а также могут найти применение в системе подготовки руководителей и работников охранных организаций.

Теоретическая значимость монографии заключается в том, что выводы и рекомендации автора могут быть использованы для решения концептуальных проблем правового регулирования охранной деятельности и при создании учебников, учебных пособий, баз данных и других материалов.

УДК 332.1(470.45)
ББК 65.04

Vasilyeva Svetlana Ivanovna,
candidate of sociology, pro-rector in charge
of educational activity and quality management,
assistant professor of the department of economics
and management of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: kuchmieva@mail.ru

Васильева Светлана Ивановна,
канд. социол. наук, проректор
по учебной работе и управлению качеством,
доцент кафедры экономики и управления
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: kuchmieva@mail.ru

Shamray Lydia Viktorovna,
candidate of economics, assistant professor,
head of the department of economics and management
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: shamraylv@yandex.ru

Шамрай Лидия Викторовна,
канд. экон. наук, доцент,
зав. кафедрой экономики и управления
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: shamraylv@yandex.ru

ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА «КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ВОЛГОГРАДСКОГО РЕГИОНА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ»

REVIEW OF THE ROUND TABLE «COMPETITIVENESS OF THE VOLGOGRAD REGION: FROM THEORY TO PRACTICE»

В настоящее время Россия под влиянием ограничений, вызванных санкциями со стороны различных стран, испытывает потребность в мобилизации имеющихся ресурсов и развитии новых, а скорее, несправедливо забытых направлений роста экономики. Особую важность в это время приобретает развитие регионов, причем у каждого из них имеются свои особенные точки роста. Волгоградский регион не является исключением, поэтому Волгоградский институт бизнеса посчитал возможным и необходимым провести круглый стол на обозначенную выше тему, объединив в дискуссии органы государственной власти, научно-педагогический состав вузов Волгограда с целью выявления конкурентных возможностей региона.

Currently, Russia is affected by constraints caused by the sanctions imposed by various countries; experiences the need in available resources mobilization and in development of the new ones, as well as development of unfairly neglected areas of economic growth. Development of the regions assumes particular importance taking into account that every region has its own points of growth. Volgograd region is not an exception; therefore Volgograd Business Institute has decided it possible and required to hold the round table devoted to the specified above subject having invited to discussions the state authorities, scientific and teaching staff of the higher schools of Volgograd for the purpose of identifying the competitive capabilities of the region.

Ключевые слова: Волгоградская область, конкурентоспособность, пространственная экономика, предприятие, качество продукции, качество жизни населения, заработная плата, инструменты оценки конкурентоспособности, научно-педагогические кадры, круглый стол.

Keywords: Volgograd region, competitiveness, spatial economy, enterprise, product quality, population life quality, salary, tools of evaluation of competitiveness, scientific-pedagogical personnel, round table.

22 мая 2015 года в Волгограде на базе ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса» прошел научно-практический круглый стол на тему «Конкурентоспособность Волгоградского региона: от теории к практике». Целью мероприятия явилось рассмотрение проблем Волгоградского региона в различных направлениях деятельности: от подготовки специалистов в вузах до направлений развития муниципальных образований, выявления их конкурентных преимуществ и разработки направлений повышения конкурентоспособности.

Достичь указанной цели позволил состав участников круглого стола, в число которых входили представители органов муниципальной власти: Сергей Николаевич Коновалов — председатель комитета по образованию и культуре Волгоградской городской Думы, депутат Волгоградской городской Думы; Николай Николаевич Курбатов — заместитель председателя комитета по образованию и культуре Волгоградской городской Думы, депутат Волгоградской городской Думы, а также руководители различных уровней: Максим Александрович Свидров — директор Регионального центра качества Волгоградской торгово-промышленной палаты; Наталья Валерьевна Стрельцова — заместитель начальника управления развития отраслей промышленности комитета промышленности и торговли Волгоградской области, исполнительный директор ВРОО «Волгоградское качество»; Светлана Викторовна Зубкова — управляющий дополнительного офиса «Семь ветров» филиала ЗАО АКБ «ЭКСПРЕСС-ВОЛГА» в г. Волгоград и др.

Особый интерес в процессе обсуждения проблем круглого стола вызвала научная дискуссия между представителями ведущих вузов Волгограда. В ней принимали участие: Ольга Викторовна Максимчук — д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой управления и развития городского хозяйства и строительства ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»; Вадим Николаевич Кабанов — д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и управления ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса»; Сергей Александрович Коробов — канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой менеджмента ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»; Ангелина Леонидовна Кузеванова — д-р социол. наук, доцент, зав. кафедрой философии и социологии ВФ РАНХиГС; Татьяна Александровна Першина — канд. экон. наук, доцент, докторант кафедры управления и развития городского хозяйства и строительства ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»; а также Оксана Валерьевна Дарелина — канд. экон. наук, начальник УМО, доцент кафе-

дры экономики и финансов РАНХиГС; Юлия Владимировна Гапоненко — канд. экон. наук, доцент кафедры управления персоналом ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Волгоградский институт бизнеса представляли как административные работники, так и научно-педагогические кадры: Сергей Викторович Ладаускас — канд. филос. наук, проректор по науке; Рината Александровна Каменская — канд. филос. наук, декан экономического факультета; Марина Юрьевна Козлова — канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой предпринимательского права юридического факультета; Татьяна Борисовна Сибирякова — канд. биол. наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления; Екатерина Александровна Чумакова — преподаватель, аспирант кафедры экономики и управления; Юлия Александровна Бергер — аспирант кафедры экономики и управления. Также среди участников и слушателей мероприятия были аспиранты, магистранты и студентов вузов Волгограда.

Открыла круглый стол с приветственным словом Светлана Ивановна Васильева — канд. социол. наук, проректор по учебной работе и управлению качеством, доцент кафедры экономики и управления ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса», затем модератор мероприятия доцент, зав. кафедрой экономики и управления, канд. экон. наук Лидия Викторовна Шамрай представила состав участников и обозначила регламент мероприятия.

Особую важность мероприятия подчеркнул С.Н. Коновалов: «На сегодняшний момент в Волгоградской области сосредоточен существенный потенциал молодежи, но при этом ощущается недостаток конкурентоспособности региона. Хотелось, чтобы разработки ученых больше носили прикладной характер, тогда их результаты в большей мере заинтересовали бы власти города».

Первым выступил с докладом «Конкурентные возможности пространственной экономики Волгоградской области», задав тон дискуссии, В.Н. Кабанов:

«Прежде чем рассматривать конкурентные преимущества территории Волгоградской области, целесообразно привести авторское понимание категории «пространственная экономика». В общем случае центральным субъектом науки экономики представляется человек. Другими словами, без человека не существует экономики, и наоборот, если говорить о человеческом обществе, то экономика изучает многообразие человеческих отношений, связанных с удовлетворением возникающих потребностей. Если с категорией «экономика» люди в современном обществе пришли к более или менее одинаковому пониманию, то пространственная экономика относится к категории, которая появилась недавно. Эта категория рассматривает взаимодействие людей, связанное с потреблением, в различных условиях.

В наших исследованиях мы классифицируем понятие «пространственная экономика» в зависимости от плотности населения в рассматриваемом общественно-территориальном объединении населения (город или поселение). Как отмечалось ранее, исследование экономики поля, гор, рек, океанов имеет смысл только в том случае, когда на этих территориях живет человек на постоянной основе. В противном случае может выполняться экономическая оценка потенциальных возможностей этих территорий для удовлетворения потребностей современного человека. В зависимости от плотности населения целесообразно различать:

— мегаполисы, города с населением свыше 1 млн чел.;
— города с населением от 100 тыс. до 1 млн чел.;
— малые города с населением до 20 тыс. чел.;
— сельские поселения с населением до 2 тыс. чел.;
— сельские поселения с населением свыше 2 тыс. чел.

Представленная классификация не совпадает с представлениями органов государственной статистки и п. 1.1 ст. 10 Закона РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (Закон о МСУ № 131-ФЗ, принят Государственной Думой РФ 16.09.2003, действующая редакция от 30.03.2015), однако разделение поселений в таком виде более полно учитывает действующие нормативно-правовые положения, определяющие объем и качество государственных услуг, предоставляемых населению на возмездной и безвозмездной основе.

Принимая во внимание приведенные особенности существующих поселений, можно перейти к определению категории «пространственная экономика». С нашей точки зрения, пространственная экономика описывает социально-экономическую систему, которую можно представить в виде двух укрупненных частей. Первая часть описывает источники, обеспечивающие возможность получения денежного вознаграждения в результате предпринимательской деятельности, продажи труда наемными работниками, а также при исполнении государством своих полномочий в части пенсионного и социального обеспечения населения. Вторая часть представляет собой систему, связанную с удовлетворением потребительских запросов населения, которая представляет собой удовлетворение физиологических потребностей, продолжение рода, а также стремление к познанию мира (духовные потребности) и самовыражению.

Не требует доказательства утверждение о том, что за последнее столетие существенно изменились потребительские предпочтения большинства населения, в том числе в отношении постоянного места жительства. Процесс роста городского населения за счет уменьшения сельского получил специальное название — «урбанизация». Не останавливаясь на причинах этого явления, приведем статистические данные, описывающие этот процесс в РФ, за последние 50 лет (рис. 1).

Несложный анализ графической интерпретации официальных статистических данных (рис. 1) позволяет сделать несколько, с точки зрения автора, важных выводов:

1. Сокращается абсолютное значение населения, проживающего в городах и поселках городского типа численностью до 20 тыс. чел. (рис. 1а). Сокращение происходит в результате переезда жителей в более крупные города.

2. Сельское население, проживающее в поселениях с численностью до 2 тыс. чел., предпочитает переезжать в более крупные населенные пункты, в том числе в сельские поселения с населением свыше 2 тыс. чел. (пунктирные линии на графиках, рис. 1а, б).

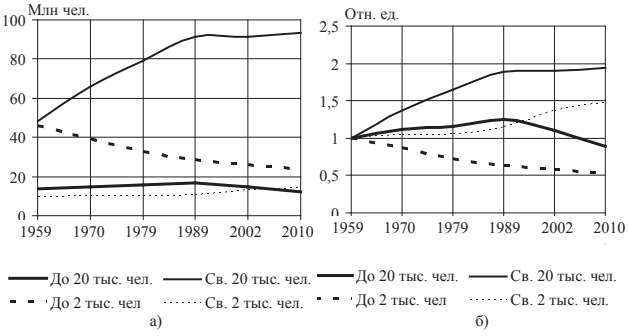


Рис. 1. Характеристика урбанизации в РФ

3. Скорость перемещения населения из одних населенных пунктов в другие можно измерить относительно данных, зафиксированных, например, по состоянию на 1959 год (рис. 1б). Не сложно обратить внимание на высокий уровень исхода населения из населенных пунктов с численностью менее 2 тыс. чел. (рис. 1б — жирная пунктирная линия). Кроме

того, наблюдается сокращение численности населения в городах с численностью населения менее 20 тыс. жителей (сплошная жирная линия, рис. 1б).

Таким образом, напрашивается вывод о том, что, пока не исчерпан потенциал сельских населенных пунктов с численностью жителей до 2 тыс. чел., можно говорить о сохранении численности сельских поселений с численностью более 2 тыс. жителей. Что касается городов и поселков городского типа с числом жителей до 20 тыс. чел., то большинство из них ожидает исход населения в более крупные города, включая мегаполисы. Урбанизация не знает жалости, поскольку опирается на потребительский спрос населения. В малочисленных поселениях удовлетворить в полном объеме потребительский спрос, ориентированный на уровень доходов такого населения, весьма дорогое удовольствие. В этой связи остановить стремление населения к лучшей жизни практически невозможно.

Трансформация административной карты РФ в первую очередь затрагивает сельские муниципальные районы. Подтверждением этому служат исследования стратегических перспектив Новоаннинского района Волгоградской области, завершенные под руководством автора в 2014 году. Некоторые результаты этого исследования составляют основу выводов, описывающих необходимые и достаточные условия существования современного поселения (городского округа, сельского поселения или в общем виде — общественно-территориального объединения населения). Прежде чем представить выводы, целесообразно обратить внимание на количественные значения исходной информации, используемой для обоснования достоверности точки зрения автора (табл. 1, рис. 2а, б).

Таблица 1

Исходные данные, описывающие систему расселения Новоаннинского района Волгоградской области

№ интервала	Поселения с численностью жителей (значения интервалов распределения)	Число населенных пунктов (шт.)	Число жителей, проживающих в соответствующих поселениях
1	До 100 чел.	23	1233
2	От 101 до 200 чел.	19	2760
3	От 201 до 300 чел.	10	2518
4	От 301 до 600 чел.	6	2527
5	От 601 до 1000 чел.	9	6730
6	От 1001 до 2000 чел.	3	5099
7	Свыше 2000 чел.	1	18386

Данные, приведенные в табл. 1, наиболее наглядно можно представить в виде графиков (рис. 2а, б).

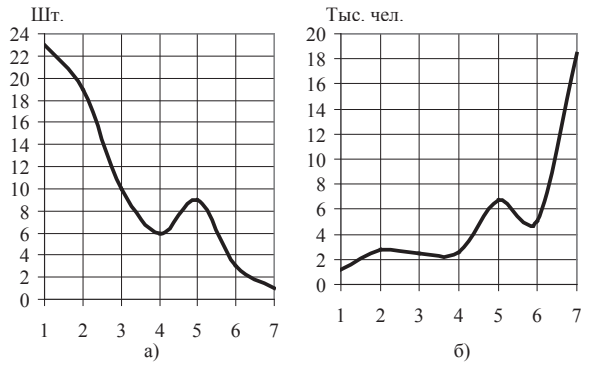


Рис. 2. Система расселения Новоаннинского района Волгоградской области: а) число поселений в зависимости от численности жителей; б) численность населения, проживающего в поселениях соответствующей численности

Количественные значения (табл. 1) и их графическая интерпретация (рис. 2а, б) свидетельствуют о том, что на территории муниципального района существует одно поселение с числом жителей более 2000 (городской округ город Новоаннинский, численность население более 18000 чел.). Совершенно очевидно, что 23 поселения, численность жителей в которых менее 100 чел., в первую очередь прекратят свое существование в ближайшие 5—10 лет. Та же участь, но в более отдаленной перспективе ожидает большинство существующих на сегодняшний день поселений муниципального района. Принимая во внимание, что численность жителей городского округа Новоаннинский менее 20 тыс. чел., следует ожидать исчезновения с карты РФ и этого населенного пункта. Такие неутешительные выводы сделаны не потому, что автор политически или еще каким-нибудь образом ангажирован или выполняет «заказ» неких конкурентов. Эти выводы — результат несложных исследований, которые способен выполнить любой образованный человек.

Прочтение выводов требует постановки вопроса: что делать? Ответ состоит в обеспечении необходимого условия, которое состоит в стимулировании каждого элемента общественного территориального объединения городской округ город Новоаннинский (население и предприниматели) в наращивании объема потребительского спроса. Такое наращивание возможно в результате создания новых, расширении, реконструкции, модернизации существующих производственных мощностей, в результате чего следует ожидать увеличения денежных доходов населения. Кроме того, существует другая возможность, связанная с переселением 1233 чел. старше трудоспособного возраста (первая строка табл. 1) в город Новоаннинский, что увеличит тем самым объем потребительского рынка за счет роста объема пенсионных выплат. При этом рост экономики муниципального района может быть обеспечен строительством 35000 кв. м. жилья (для расселения 1233 чел.), в том числе с привлечением финансовых ресурсов федерального бюджета по действующим подпрограммам ФЦП «Жилище», которая реализуется в рамках национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России».

Реализация необходимого условия (рост численности населения в результате увеличения числа рабочих мест в экономике или переселения лиц старше трудоспособного возраста) приводит к автоматическому выполнению достаточного условия — увеличению объема потребительского рынка общественно-территориального объединения населения (городского округа город Новоаннинский). Автоматизм выполнения достаточного условия достигается в результате действия мощного потенциала рыночной экономики: платежеспособный спрос порождает увеличение объема предложения со стороны предпринимателей. Кроме того, последнее десятилетие свидетельствует о способности нашего государства выполнять принятые на себя обязательства не на словах, а на деле хотя бы в части обеспечения населения услугами образования и здравоохранения.

Таким образом, результатом выполненных исследований является подтверждение хорошо известного вывода о том, что сохранение или рост численности населения в общественно-территориальном объединении населения (в городском округе или сельском поселении) в краткосрочной перспективе возможны при выполнении одного из условий, а также их различных комбинаций:

1) условие первое — создание новых или расширение, реконструкция, модернизация существующих производственных мощностей, которая приводит к увеличению количества рабочих мест или значительному росту (не менее чем в два раза) оплаты труда;

2) условие второе — переселение лиц старше трудоспо-

собного возраста, обеспеченных пенсионным содержанием, в наиболее крупные поселения, что приведет к наиболее значительному увеличению числа рабочих мест в здравоохранении и службах социального обеспечения.

Вне всякого сомнения, что наиболее предпочтительными будут усилия местных органов власти по достижению первого условия. Однако в ближайшие 15—20 лет не следует отказываться от реализации второго условия, поскольку с прямым ростом населения за счет лиц старше трудоспособного возраста его достижение невозможно без существенного наращивания объемов жилищного строительства».

Затем слово было передано содокладчикам О. В. Максимчук и Т. А. Першиной, прозвучало выступление на тему «Проблемы конкурентоспособности регионов и городов через призму показателей уровня, качества жизни и комфортности проживания населения»:

«Регион — это определенная территория, обладающая целостностью и взаимосвязью ее составных элементов, которые могут определяться в различных аспектах:

— географическом — как географическая единица, определяемая географическими рубежами;

— экономическом — как часть территории, в рамках которой формируются, реализуются определенные связи и отношения между хозяйственными субъектами; подсистема национальной экономики, ее социального, технологического и экономического строения;

— социально-политическом — как социально-территориальная общность, определяемая совокупностью социальных, экономических, политических факторов, характеризующаяся определенной социальной и политической структурой и культурой населения.

Каждый регион имеет свою особенную структуру связей и отношений внутренней и внешней среды и является сложной динамичной хозяйствующей системой, обладающей всеми признаками самодостаточности, автономии. Образующей его единицей в технико-технологическом, социально-экономическом аспектах является город. Недооценка значения города в обеспечении стабильности социально-экономической и экологической систем государства как образования, в рамках которого формируются условия эффективной жизнедеятельности и комфортного проживания населения, приводит к изменению его функциональной роли. По прогнозу ООН, более 85% населения Земли к 2050 году будет проживать, работать в городах.

Города являются элементами региона, они представляют собой своеобразные «концентраты» региона и демонстрируют различные модели его жизнедеятельности, аккумулируя все виды ресурсов, хозяйственных связей и отношений. Исходя из этого в исследовании и решении проблемы конкурентоспособности региона авторы рассматривают ее через призму показателей уровня, качества жизни и комфортности проживания населения в городах.

Связи, отношения между городами, их свойства позволяют идентифицировать их в окружающем социально-экономическом пространстве — сфере, в рамках которой обращаются совокупные экономические ресурсы общества; наряду с информационным, природным, социокультурным, политическим, научно-техническим является частью общего глобального пространства жизнедеятельности (функционирования) современных городов (рис. 3).

Рис. 3. Графическая интерпретация распределения пространственных областей жизнедеятельности города как социально-экономической системы

Используя в качестве классификационных признаков экономическое содержание и характер участия/использования в экономической деятельности системы, разделим все экономические ресурсы на первичные и вторичные (табл. 2). В дополнение уточним, что по характеру вовлечения в хозяйственную деятельность выделяют ресурсы собственные и привлеченные (или заимствованные). Новым является в данной классификации выделение энергии в отдельную группу ресурсов.

Наличие, состояние экономических ресурсов определяют конкурентный потенциал города. Конкурентоспособность города (и региона), на наш взгляд, некорректно определять по аналогии с тем, как это принято применительно к практике предприятий и организаций. В силу вышесказанного конкурентоспособность города авторы отождествляют с конкурентоспособностью региона и рассматривают ее через призму показателей уровня, качества жизни и комфортности проживания.

Таблица 2

Матрица экономических ресурсов города

	Интеллектуально-трудовые	Информационные	Материально-вещественные	Материально-финансовые	Энергетические ресурсы
Первичные	человеческие ресурсы в чистом виде	идеи, незапатентованные проекты и решения	природа в чистом виде: вода (ее ресурсы), воздух, земля (ее недра)	природное сырье, деньги	природная энергия
Вторичные	специалисты и квалифицированные рабочие, все люди в трудоспособном возрасте или получающие образование	информационные базы данных, интеллектуальная собственность	производственные фонды и технологии	промышленная продукция, заместители денег	промышленно получаемая энергия

Мы определяем конкурентоспособность города (и региона) наличием объективных и потенциальных возможностей эффективной реализации конкурентного потенциала (иначе — задействованием в хозяйственной деятельности собственных и привлеченных экономических ресурсов при условии оседания эффекта (прибыли) в данном городе или регионе). Реалии тому иллюстрацией, что не каждый регион и город справляется с таковой задачей, то есть при наличии конкурентных преимуществ (в виде тех же экономических ресурсов) города и регионы по-разному реализуют потенциал конкурентоспособности.

Можно классифицировать города по форме обладания экономическими ресурсами и участия в экономической деятельности: доноры, реципиенты (причем малые города выступают

чаще в качестве доноров ресурсов, несмотря на их незначительный масштаб, а вот по факту их выкачки теряют резервы развития); по нормативно-правовому статусу (табл. 3).

Таблица 3

Типы городов

Признак	Город (малый, средний, большой, крупный, крупнейший)	
Форма обладания экономическими ресурсами и участия в экономической деятельности	Донор	Реципиент

Во главе развития современных городов приоритетны чисто экономические интересы (часто — отдельных персоналий или корпораций) в ущерб базовым интересам общества, населяющего город. Такой подход отчасти и является причиной утраты родового значения города как социальной системы, которая целесообразно создана[1] для реализации вполне определенных интересов людей во все времена: 1) обеспечение безопасности; 2) обеспечение стабильности[2] (территориальной, ресурсной, социальной); 3) обеспечение воспроизводства (ресурсного, социального); 4) формирование, закрепление и передача культурных ценностей. Первые три позиции можно смело отнести к необходимым условиям развития индивидов. Определим эту совокупность одним термином — «инновационный фактор». Четвертая — это необходимое условие сохранения присущих индивидам (и только им) и их отношениям свойств, что обеспечивает стабильность. Определим это как «преемственность».

Данность такова, что российские города держатся на материальном производстве и соотношение с нематериальным в оптимуме составляет 70/30. Изменение этой пропорции — еще один индикатор деградации городов. Так, например, город Волгоград старожилы называют сегодня умирающим городом. Не углубляясь в исторический экскурс возникновения, становления Волгограда, справочно отметим, что в предперестроечный период промышленность Волгоградской области и Волгограда характеризовалась высоким потенциалом. На конец 2001 года в промышленности насчитывалось 378 крупных и средних предприятий с объемом продукции свыше 54 млрд руб. Промышленностью области выпускалось около 2% от объемов промышленного производства Российской Федерации.

В структуре промышленной продукции наибольший удельный вес занимала тяжелая промышленность — 79,2%, в том числе топливно-энергетический комплекс (30,8%), металлургия (17,4%) химическая и нефтехимическая промышленность (15,6%), машиностроение и металлообработка (15,4%). Производилась разнообразная продукция: тракторы, автомобильные шины, каустическая сода, синтетические смолы и пластические массы, дизельные двигатели, подшипники, нефтеаппаратура, продукты нефтепереработки, древесноволокнистые и древесностружечные плиты, керамические плитки, цемент и др.

Подавляющая часть всего промышленного производства Волгоградской области сосредоточена в крупных городах: Волгограде, Волжском, Камышине, Михайловке, Урюпинске, Фролово, Жирновске, Котово. В Волгограде функционировали крупные градообразующие предприятия: ОАО «Волгоградский тракторный завод им. Дзержинского», ЗАО «Металлургический завод «Красный Октябрь», ОАО «ПО «Волжский трубный завод», ООО «ЛУКОЙЛ-Нижневолжскнефть», ООО «ЛУКОЙЛ-Волгограднефтепереработка», ОАО «Волтайр», ОАО «Химпром», АООТ «Каустик», ОАО «Оргсинтез», ОАО «Волгоградский моторный завод» и др. На сегодня большая часть из них уже не существует или находится в состоянии банкротства. При этом предприятия-банкроты являются основными должниками по страховым взносам, что снижает уровень и качество жизни населения в этих городах. По состоянию на 1 января 2014 года в Волгограде общая сумма долга по страховым взносам на обязательное пенсионное и обязательное медицинское страхование составляет 2 млрд 121,6 млн руб. из них 73,3% приходится на предприятия-банкроты. За предыдущие четыре года это рекордный показатель. В 2010 году предприятия-банкроты в общей сумме недоимки составили 25,6%, в 2011 году — 50%, в 2012 году — 62,9%. Основная часть задолженности предприятий-банкротов, а именно 84%, приходится на градообразующие предприятия города Волгограда:

— ЗАО «ВМЗ «Красный октябрь» (997,6 млн руб.);

— ВОАО «Химпром» (395,8 млн руб.);

— ОАО «ВЗ ЖБИ-1» (113,1 млн руб.);

— ОАО «Волгоградский судостроительный завод» (84,2 млн руб.);

— ОАО «Волгограднефтегазстрой» (41,1 млн руб.);

— ООО «Волгоградский завод спецмашиностроения» (31,9 млн руб.),

Еще одним существенным фактом, крайне негативно влияющим на уровень и качество жизни населения, является увольнение работников в результате банкротства предприятий. На рис. 4 представлены результаты анализа изменений основных показателей социальной сферы за период 2013—2014 годов. По сравнению с 2013 годом в 2014-м численность официально зарегистрированных безработных увеличилась на 10%.

Рис. 4. Изменение основных показателей социальной сферы Волгограда в 2013 и 2014 годах (в% к соответствующему периоду предыдущего года)

Предпосылки такой ситуации заложены в период тоталь-

[1] Или же сформирована для определенных целей на основе стихийно образовавшихся и территориально закрепившихся социальных групп. — *Прим. авторов.*

[2] Причем в широком ее смысле — физическая безопасность индивидов, объединившихся в социальную группу; безопасность территории, благоприятной для проживания этих индивидов; экономическая безопасность индивидов, объединивших своих силы (физические и интеллектуальные) и материальные ресурсы для целей ведения общего хозяйства; военная безопасность как обеспечение защиты от внешних врагов. Этимология термина «город» исходит от того же корня, что и «огород», «огораживать». Город в буквальном смысле этого слова огороженное, укрепленное поселение. *Прим. авторов.*

ной приватизации (1992—1994). По методологии расчетов, принятой в ГКИ РФ, к началу 1998 года сменили форму собственности 59% всех предприятий от количества на момент начала приватизации. Подобно многим другим этот показатель характеризовался существенной межрегиональной дифференциацией, которая хорошо просматривается при группировке всех субъектов РФ по данному классификационному признаку.

Реальная сторона изменения отношений собственности на средства производства подвержена серьезному воздействию макроэкономической и политической ситуации. Причинами сложившегося положения стали финансовый кризис, накопление предпосылок, начавшееся еще в сентябре 1997 года, и его последствия. При падении цен на нефть и цветные металлы в первой половине 1998 года и сокращении выпуска на предприятиях, зависимых от импортного сырья, полуфабрикатов, комплектующих, которые после девальвации рубля были вынуждены сократить или прекратить свое производство. Очевидно, что данные факторы коснулись прежде всего негосударственного сектора индустрии, костяк которого наряду с естественными монополиями составляют нефтяные компании, гиганты черной и цветной металлургии, а также предприятия обрабатывающих отраслей промышленности, связанные с иностранным капиталом.

Промышленная ориентация российских городов, в том числе Волгограда, во многом определила и специфику жизнедеятельности населения. Промышленные предприятия практически полностью выполняли функции социального обеспечения и развития своих работников с позиций уровня и качества жизни, включая жилье, инфраструктуру и объекты социального назначения, обеспечивающие полноценную жизнедеятельность, отдых, оздоровление, культурное развитие и пр. Приватизация предприятий привела к дроблению предприятий как имущественных комплексов и распродаже по частям с изменением функционального назначения. Новые собственники изначально не были заинтересованы в развитии предприятий как точек роста города и развития горожан. Кадровые и социальные программы были свернуты, что негативно отразилось на уровне и качестве жизни населения, особенно тех районов города, где сосредоточены промышленные предприятия. Современный Волгоград из промышленного города постепенно превращается в торговый.

Приведет ли это к положительной динамике в социальном и экономичном аспектах? По мнению авторов, нет.

В рамках представляемого теоретико-методического подхода авторы предлагают в качестве отсчетных статистических показателей оценки качества жизни населения крупного города использовать пять групп показателей: образование, здравоохранение, физическое и психическое здоровье, материальное благосостояние, комфортность проживания по параметрам энергоэффективности (рис. 5).

Рис. 5. Показатели оценки качества жизни населения на уровне крупного города

В связи с вышесказанным авторы определяют комфортность проживания населения по параметрам энергоэффективности как совокупность условий жизнедеятельности — жилищных, природно-климатических и условий использования топливно-энергетических ресурсов, которые обеспечивают образование, здравоохранение, физическое и психическое здоровье; материальное благополучие населения, при которых социальная, экологическая и экономическая среды города гармонизированы.

В соответствии с предложенным авторами теоретико-методическим подходом произведена оценка качества жизни населения крупных городов Южного федерального округа (Волгоград, Ростов-на-Дону, Краснодар, Астрахань).

Расчет и анализ показателей, отражающих качество жизни населения крупных городов ЮФО, авторы производили на основе данных, предоставленных Федеральной службой государственной статистики, во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 года № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения».

Графически результаты анализа показателей оценки качества жизни населения за 2012—2014 годы представлены на рис. 6—7. Сравнивая динамику изменения активности в области выполнения ФЗ № 261 «Об энергосбережении…»,

можно сделать вывод о стабильности темпов роста во всех анализируемых городах Южного федерального округа.

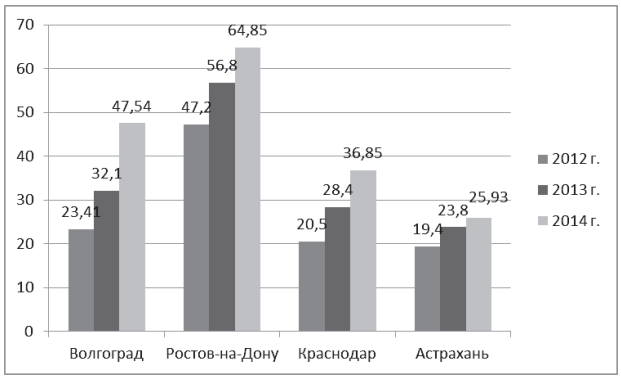


Рис. 6. Изменение индекса активности в области энергосбережения крупных городов Южного федерального округа за период 2012—2014 годов

За анализируемый период город Ростов-на-Дону по индексу активности в области энергосбережения занимал более высокое место по сравнению с другими городами. По показателю ожидаемой продолжительности жизни населения крупных городов Южного федерального округа за период 2012—2014 годов на первое место выходит Краснодар, темп роста показателя которого составил 0,7%.

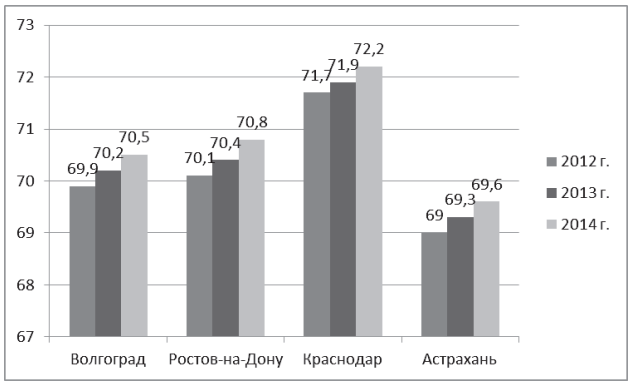


Рис. 7. Изменение показателя ожидаемой продолжительности жизни населения крупных городов Южного федерального округа за период 2012—2014 годов

Анализ различных показателей оценки качества жизни населения показал разноречивые результаты, не позволяющие с высокой степенью достоверности определить наиболее комфортные для проживания города. Поэтому необходимо рассчитать интегральные показатели оценки качества жизни населения, учитывающие тенденции изменения и объективных, и субъективных показателей качества жизни.

Качество жизни — социальная, экологическая и экономическая категория, которую трудно отразить глубоко и определенно любым из интегральных показателей. Для наиболее яркой характеристики качества жизни населения воспользуемся часто применяемой методикой расчета «индекса развития человеческого потенциала», разработанного международной организацией «Программа развития ООН», который определяется по формуле (1).

$$I_i = \frac{x_i - x_{i\min}}{x_{i\max} - x_{i\min}}, \quad (1)$$

где:

xi — фактическое значение *i*-го показателя;

xi min и xi max — соответственно минимальное и максимальное значение *i*-го показателя.

Прежде чем определить сам интегральный показатель, необходимо рассчитать индексы для каждого из аспектов, которые выражаются величиной от 0 до 1 и исчисляются по формуле (1). Предельно допустимые значения показателей для расчета индексов базовых показателей представлены в табл. 4.

Итоговая интегральная оценка качества жизни населения крупного города рассчитывается по формуле (2).

$$I_{кж} = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} I_i, \quad (2)$$

где:

n — число индексируемых показателей;

$I_{кж}$ — итоговая интегральная оценка качества жизни.

Результаты расчетов интегральной оценки качества жизни населения позволили проранжировать крупные города Южного федерального округа по комфортности проживания в этих городах (табл. 4).

Таблица 4

Оценка уровня и качества жизни населения крупных городов Южного федерального округа

Город	Уровень качества жизни населения		
	2012	2013	2014
Волгоград	ниже среднего	ниже среднего	выше среднего
Ростов-на-Дону	ниже среднего	выше среднего	выше среднего
Краснодар	ниже среднего	средний уровень	выше среднего
Астрахань	ниже среднего	ниже среднего	средний уровень

Данные, полученные в результате применения методического подхода, свидетельствуют о медленно повышающемся уровне качества жизни населения всех исследуемых городов. Интегральные показатели качества жизни населения в Волгограде выросли на 0,12 пункта за исследуемый период (2012—2014), стремясь к максимально возможному значению среди четырех крупных городов ЮФО (рис. 8).

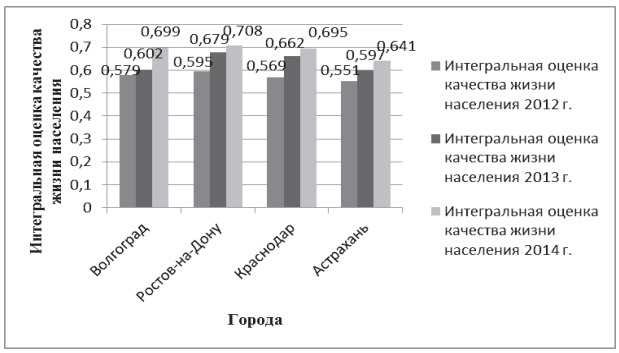


Рис. 8. Интегральная оценка качества жизни населения крупных городов Южного федерального округа за период 2012—2014 годов

Предложенный авторами методический подход позволяет определить перспективные направления повышения качества жизни в крупных городах на основе сравнения со средними значениями по региону (рис. 8—9).

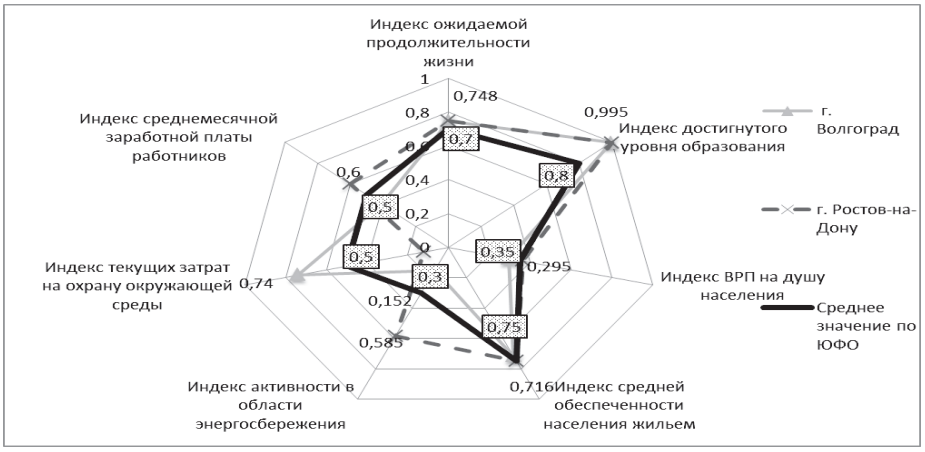


Рис. 9. Сравнительные эпюры индексов, составляющих интегральную оценку качества жизни населения крупных городов (Волгоград и Ростов-на-Дону)

В заключение отметим, что на все это влияет и природно-географическое месторасположение города, и способ производства, и форма организации хозяйственной деятельности, и то, что делает малый город неповторимым и особенным в своем роде,— его культура. Низкий уровень ресурсо- и энергосбережения нашего хозяйствования в широком смысле определяется низким уровнем реализации поведенческого потенциала ресурсо- и энергосбережения прежде всего, а поведение — это продукт культуры энергопотребления на местах и культуры взаимоотношений всех участников этого энергопотребления».

С. А. Коробов выступил с докладом об инструментарии, применяемом для оценки конкурентоспособности региона, «Особенности оценки конкурентоспособности предпринимательских систем регионов»:

«Значение конкурентоспособности предпринимательских систем регионов существенно возрастает в условиях: исторически сложившейся специализации региональных экономик, различных возможностей использования предпринимательскими структурами природно-ресурсного потенциала регионов, различного географического расположения регионов.

Основные черты оценочных методик конкурентоспособности предпринимательской системы регионов:

1. Каждая методика предлагает определенный перечень показателей или индикаторов, численность которых в каждом случае различна.

2. Значения оценочных показателей в существенной мере зависят от условий внешней среды.

3. Между соответствующими показателями и индикаторами всегда прослеживаются корреляционные зависимости.

4. Содержание оценочных методик строится в соответствии со следующей логикой: рост конкурентоспособности предпринимательских структур региона выступает как причина, а следующие за этим изменения показателей становятся следствием.

Подобная логика причинно-следственной связи подтверждается сложившейся практикой регионального хозяйствования.

Высокий уровень региональной конкурентоспособности предпринимательской системы традиционно рассматривается как условие или причина экономического развития территории, а изменение в связи с этим экономических показателей — как следствие. В исследовании предлагается иная логика для построения модели оценки конкурентоспособности предпринимательских систем региональной экономики, основанная на положении: проведение оценки должно способствовать решению задачи определения соответствующих управленческих действий, реализация которых должна проводить к росту региональной конкурентоспособности предпринимательской системы.

Тогда оценочные методики могут строиться на следующей причинно-следственной связи: управленческие действия, а значит, и изменение соответствующих показателей — это причина, а рост конкурентоспособности — это следствие.

Методологическое обоснование предлагаемого подхода по формированию оценочных показателей конкурентоспособности предпринимательских систем — методология управления организацией И. Адизеса (табл. 5).

Таблица 5

Качества системы, необходимые для успешного управления

Временной аспект	Успешное управление системы направлено на обеспечение ее:	
	результативности	эффективности
В краткосрочном периоде	*функциональность*	*системность*
В долгосрочном периоде	*проактивность*	*органичность*

Алгоритм обеспечения конкурентоспособности предпринимательской системы посредством управления:

1. Реализация системой четырех качеств: функциональности, системности, проактивности и органичности.

2. Обеспечение при управлении системой ее результативности и эффективности в краткосрочном и долгосрочном периодах.

3. Обеспечение успешного управления системой.

4. Реализация в продуктах системы конкурентных преимуществ — обеспечение конкурентоспособности предпринимательской системы.

5. Удовлетворение системой потребностей клиентов.

Таблица 6

Примеры возможных экономических величин, которые могли бы интерпретировать показатели

Наименование показателя	Методологическое содержание показателя оценки	Экономические величины, интерпретирующие содержание показателя
Показатель функциональности	Результативность в краткосрочном периоде — удовлетворение потребностей клиентов	Объем реализованной продукции. Оборот организаций. Оборот организаций по видам экономической деятельности.
Показатель системности	Эффективность в краткосрочном периоде — экономическая эффективность ресурсного обеспечения	Валовая добавленная стоимость, отнесенная к числу занятых. Валовой региональный продукт, отнесенный к численности населения.
Показатель проактивности	Обеспечение инновационной активности, инициация изменений, приспосабливание к новым угрозам и возможностям	Объем инновационной продукции. Объем финансирования научных разработок. Инвестиции в основной капитал.
Показатель органичности	Обеспечение интеграционного взаимодействия и сотрудничества, проявление кооперации. Уровень интеграционной взаимозависимости	Численность занятых на предприятии. Число предприятий и организаций по видам экономической деятельности. Число предприятий и организаций региона.

По результатам выступления автором было предложено органам государственной власти с помощью научного сообщества произвести оценку предпринимательской системы Волгограда, Волгоградской области в сравнении с другими городами и регионами Южного федерального округа и России, в том числе на основе предложенной методики. На основе полученных данных выявить узкие места для развития предпринимательской системы Волгограда и Волгоградской области».

Весьма интересным оказался доклад о фактическом состоянии отдельных отраслей промышленности, представленный Е. В. Федоровой, старшим консультантом отдельных базовых отраслей промышленности управления развития отраслей промышленности комитета промышленности и торговли Волгоградской области, под названием «Металлургический комплекс Волгоградской области: современное состояния и перспективы развития (доклад отдела базовых отраслей промышленности управления развития отраслей промышленности комитета промышленности и торговли Волгоградской области по металлургической отрасли за I квартал 2015 года)».

Металлургическая промышленность Волгоградской области представляет собой комплекс предприятий по производству стали, сортового горячекатаного и кованого проката, горячекатаного листового проката, стальных отливок, труб стальных электросварных, бесшовных горячекатаных, нарезных, холоднодеформированных, канатов, ферросплавов, алюминия, алюминиевых порошков, полуфабрикатов для переката, по переработке лома, метизной продукции и т. д. Металлургические предприятия области производят уникальную продукцию — трубы большого диаметра, специальные стали, заготовки (поковки, отливки) и изделия для военно-промышленного комплекса.

По данным Росстата, в общероссийском выпуске продукции Волгоградская область по итогам 2014 года занимает по:

— трубам стальным — 3-е место из 40 регионов;

— стали — 7-е место из 57 регионов;

— прокату черных металлов — 17-е место из 33 регионов.

Предприятия отрасли формируют 16,5 % от объема промышленного производства нашей области.

Экономические показатели отрасли за I квартал 2015 года:

— объем отгрузки — 32,8 млрд руб., это 149,5 % к аналогичному периоду прошлого года (для справки: в 2014 году — 105,5 млрд руб.);

— индекс производства по отрасли — 109,8 % (по РФ в отрасли — 97,3 %, в области в 2014 году — 100,7 %);

— поступило налогов и сборов в КБО — 836 млн руб., темп роста — 58 % (I квартал 2014 года — 486 млн руб., за 2014 год — 2,8 млрд руб.);

— налог на прибыль по отрасли составил 420,3 млн руб., темп роста — 80,4 % (I квартал 2014 года — 82,3 млн руб., за 2014 год — более 1 млрд руб.);

— среднесписочная численность работников — 26,7 тыс. чел.;

— среднемесячная заработная плата за январь — февраль 2015 года по отрасли — 31,2 тыс. руб. (по области — 22,2 тыс. руб., в РФ по отрасли — 30 тыс. руб.), темп роста — 116,4 %.

В настоящее время в Волгоградской области зарегистрировано 26 крупных и средних предприятий с основным видом экономической деятельности «Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий».

Системообразующих предприятий металлургического комплекса Волгоградской области, осуществляющих производственную деятельность на территории региона, на данный момент семь, из них: три — федерального значения (ОАО «Волжский трубный завод», входящий в состав Трубной металлургической компании, филиал «ВгАЗ-СУАЛ» — РУСАЛ, АО «Редаелли ССМ» — «Северсталь-метиз»); четыре — регионального значения, это: АО «ВМК «Красный Октябрь», АО «Волга-ФЭСТ», ЗАО «Трубный завод «Профиль-Акрас» им. В. В. Макарова», ООО «Камышинский завод слесарно-монтажного инструмента»).

Доля этих предприятий в общем объеме отгрузки по металлургии региона составляет около 90 %.

Весной 2014 года приказом Минпромторга России от 05.05.2014 № 839 утверждены два ключевых для отечественных металлургов документа — Стратегии развития черной и цветной металлургии на 2014—2020 годы и на перспективу до 2030 года.

В них отражены основные изменения конъюнктуры на внутреннем и мировом рынках металлов, происшедшие с момента экономического кризиса 2008—2009 годов до 2014 года.

Основная проблема, которую необходимо решить в ближайшие годы, по мнению Минпромторга России, это недостаточный внутренний спрос на продукцию металлургического кластера и недостаточный для выпуска перспективной конкурентоспособной продукции технический уровень оснащения производств.

Именно поэтому модернизация производств и техническое перевооружение металлургических предприятий в настоящее время имеют особую актуальность в связи с курсом, взятым правительством на развитие импортозамещения.

В 2014 году инвестиции в основной капитал по отчитавшимся металлургическим предприятиям составили около 2,8 млрд руб.

Волжский трубный завод стал лидером рейтинга по итогам 2014 года по уплате налогов в консолидированный бюджет Волгоградской области и внебюджетные фонды.

Завод активно развивает стратегическое сотрудничество с предприятиями и компаниями в научно-технической сфере, включая программы импортозамещения трубной продукции нефтегазового сортамента.

Предприятие постоянно модернизирует производственную площадку, что позволяет волжским металлургам повышать качество труб, осваивать выпуск новой импортозамещающей продукции.

Так, например, в трубоэлектросварочном цехе освоено производство уникальных труб с высокой деформационной стойкостью, предназначенных для использования в зонах вечной мерзлоты и активных тектонических разломов. Также к данным проектам можно отнести горячее прессование труб из хромоникелевого сплава ТМК С. Ранее Газпром такую продукцию закупал исключительно за границей.

В планах предприятия на этот и последующий годы — освоение производства других типоразмеров труб из этого сплава для наиболее полного удовлетворения запросов отечественного «газового гиганта».

В мае текущего года в литейном цехе введена в эксплуатацию дробеметная установка Blaststar, предназначенная для очистки поверхности стальных заготовок.

Оборудование позволяет с высокой скоростью обрабатывать крупногабаритные заготовки сложной конфигурации из любых сплавов, очищая их от остатков формовочной смеси, пригара и окалины по всей поверхности, в том числе в труднодоступных местах. Ранее используемые на предприятии дробеметные барабаны имели ограничения по размеру, массе и типу сплава обрабатываемых заготовок.

На АО «Волгоградский металлургический комбинат «Красный Октябрь» идут постоянные разработки новых марок стали, происходит внедрение современных технологий по совершенствованию качества продукции. Одно из значительных достижений последнего времени — производство на предприятии новой броневой стали — инновационного материала для бронетанковой техники, разработанного в России специалистами ОАО «НИИ стали».

Предприятие вошло в пятерку лучших производителей нержавеющих и специальных сталей по результатам опроса по выявлению лучших российских производителей и трейдеров черных и цветных металлов, опубликованного журналом «Металлоснабжение и сбыт» в феврале 2015 года.

На комбинате продолжается реализация мероприятий, направленных на модернизацию производства. Взамен устаревшего монтируется современное оборудование, что позволит комбинату стать более конкурентоспособным и высокотехнологичным. В 2015 году предполагается увеличить отгрузку готовой продукции.

На предприятии разработан новый комплексный инвестиционный проект «Организация уникального производства толстолистового проката на производственных площадях АО «Волгоградский металлургический комбинат «Красный Октябрь».

В рамках его реализации на предприятии планируется установка листопрокатного стана 3000, что позволит создать новые производственные мощности по изготовлению металлопроката из легированных и нержавеющих марок стали для машиностроительной, судостроительной, авиационной промышленности, а также предприятий военно-промышленного комплекса.

В июне текущего года планируется к запуску модернизированный стан холодной прокатки листа 1600 в листопрокатном цехе предприятия.

Стан 1600 впервые был запущен в 1947 году, производство на нем законсервировано в 1995 году. Спустя 20 лет специалисты металлургического комбината модернизировали оборудование. Решение о восстановлении стана было принято руководством комбината год назад в связи с увеличившимся спросом на холоднокатаный лист. После запуска «Красный Октябрь» сможет выпускать уникальную высококачественную продукцию, расширить сортамент, занять новые рынки сбыта как в России, так и за рубежом. И все это — на фоне активного участия в рамках программы импортозамещения.

Модернизированный стан 1600 предназначен для производства холоднокатаного листа толщиной 0,8—3,0 мм, шириной 700—1000 мм, длиной 1400—2000 мм из углеродистых, легированных и коррозионно-стойких сталей, а также жаропрочных сплавов. Такая продукция широко применяется в машиностроении, судостроении, авиационной, космической отрасли и в других сферах промышленности во всем мире.

В настоящее время в копровом цехе предприятия завершаются работы по монтажу современных пресс-ножниц Lindemann, в цехе отделки металлопроката готовится к вводу в строй закалочный комплекс от специализированного производителя Bosio. В листопрокатном цехе специалисты приступили к монтажу термического оборудования этой же фирмы. Кроме того, в сотрудничестве с партнерами — итальянской компанией, производителем металлургического оборудования Danieli — готовится проект по установке сухой газоочистки для электросталеплавильного цеха № 2.

Волгоградский алюминиевый завод (ОАО «СУАЛ — филиал «ВгАЗ-СУАЛ»)

В марте текущего года председатель комитета промышленности и торговли Волгоградской области Роман Беков и губернатор Волгоградской области Андрей Бочаров обсудили перспективы развития Волгоградского алюминиевого завода с руководителем дирекции по новым проектам объединенной компании «РУСАЛ» Алексеем Арнаутовым.

Сейчас основная продукция предприятия — цилиндрические слитки из сплавов на основе алюминия, анодная масса, алюминиевые порошки, пудры, гранулы.

После консервации электролизного производства на Волгоградском алюминиевом заводе ОК «РУСАЛ» пред-

принимает конкретные шаги по сохранению и развитию промплощадки ВгАЗа:

— модернизация участка гомогенизации;

— модернизация цеха анодной массы. Ориентировочная дата пуска — начало 2017 года;

— модернизация цеха порошковой металлургии. Запуск в работу — сентябрь 2016 года.

Модернизация литейного производства уже частично осуществлена.

Филиал «Волгоградский» АО «Редаелли ССМ» (входит в ОАО «Северсталь-метиз») с запуском нового травильного отделения завершил внедрение проекта «Север-Юг».

С его пуском производство в волгоградском филиале стало компактным и логистически продуманным, выверенным с точки зрения «бережливого производства». Также было приобретено 11 новых немецких волочильных станов, которые позволили увеличить скорость волочения в несколько раз. Закуплены, смонтированы и запущены три современных агрегата патентирования и оцинкования европейского производства, которые заменили 15 единиц устаревшего оборудования.

Только за 2014 год в филиале «Волгоградский» освоено шесть новых видов продукции.

Благодаря приобретению нового оборудования освоено производство канатов небольшого диаметра без потери разрывного усилия. Это лучший по цене и логистике вариант импортозамещения для крановых канатов. Еще один новый продукт предприятия — стальные трехпрядные канаты для тросовых дорожных ограждений — получил диплом лауреата Международной промышленной выставки «Металл-Экспо'14».

Канаты торговых марок «Октопус» и «Анаконда» производятся только Волгоградским канатным заводом.

На предприятии продолжается процесс обновления и модернизации оборудования.

14 мая текущего года на предприятии произведен запуск новой канатной машины последнего поколения. На сегодняшний день это самая большая и не имеющая аналогов в России машина сигарного типа, которая будет использоваться для производства инновационной продукции, в том числе импортозамещающей. Гарантированная производительность оборудования — 500 км/мес. В июле 2015 года планируется запустить еще одну канатную машину.

ЗАО «Трубный завод «Профиль-Акрас» им. Макарова В. В.» также вошло в пятерку лучших производителей нержавеющих и специальных сталей по результатам опроса по выявлению лучших российских производителей и трейдеров черных и цветных металлов, опубликованного журналом «Металлоснабжение и сбыт» в феврале 2015 года.

За апрель 2015 года предприятие показало перевыполнение плановых показателей по производству и реализации. В текущем году предприятие планирует увеличить объем производства труб.

В 2014 году предприятием освоены новые типоразмеры труб, в том числе с треугольным сечением. Этот типоразмер явился первым не только для завода, но и для России, так как до этого он был распространен только в Европе.

АО «Волга-ФЭСТ» планирует к реализации инвестиционный проект по созданию нового производства для выпуска длинномерного проката строительного назначения.

Проект позволит локализовать высокотехнологичное производство импортозамещающей металлургической продукции, востребованной на рынке строительных материалов. Реализация проекта позволит обеспечить не только Волгоградскую область, но и соседние регионы строительной арматурой от № 10 до 34, а также строительным равнополочным уголком с полкой от 25 до 40 мм. Годовой объем производства при выходе на проектную мощность составит 450—500 тыс. т готовой продукции. Будут созданы высокопроизводительные рабочие места. Реализация проекта позволит увеличить налоговые поступления в бюджеты всех уровней.

ООО «Камышинский завод слесарно-монтажного инстурмента»

ООО «КЗСМИ» освоен выпуск около 1500 видов слесарно-монтажного инструмента.

Основной продукцией завода является слесарно-монтажный инструмент: ключи гаечные различных размеров и видов, ключи торцовые, лопатки монтажные, слесарные молотки, зубила, бородки, отвертки, сменные головки, ключи для специальных операций, также различные наборы слесарно-монтажного инструмента. Инструмент изготавливается во многих вариациях и с различными покрытиями.

В технологическом процессе производства используется качественный металлопрокат разных марок сталей, что позволяет иметь линейку продукции от экономкласса до профессионального. На предприятии изготавливается также искробезопасный ключ. Успешно работает производство штампов для холодной и горячей обработки металла.

С помощью программ Pro Engineer в кратчайшие сроки создаются модель изделия, его чертеж, а также проектируется технологическая оснастка для его изготовления».

Данное выступление было неоднозначно воспринято аудиторией, возникли вполне логичные вопросы, связанные с оценкой качества жизни рабочих заводов, уровня здравоохранения, обеспеченного для работников, социального обеспечения. Также была затронута проблема сокращения производства на отдельных предприятиях.

Представитель комитета в рамках своей компетенции пояснила, что, действительно, за последние несколько лет ряд крупных промышленных предприятий Волгоградской области переживал процедуру банкротства и сокращение производства по ряду объективных причин, в числе которых рост цен на оптовом рынке электроэнергии, сложившаяся конъюнктура рынка и т. д.

Завершающим было выступление А. Л. Кузевановой, посвященное проблемам воспроизводства и сохранения научно-педагогических кадров для высшей школы в Волгоградском регионе.

«В условиях продолжающихся реформ в сфере высшего образования и науки в нашей стране актуализируется проблема оптимизации существующей системы воспроизводства и сохранения научно-педагогических кадров для высшей школы. Именно функционирование этой системы обеспечивает сохранение и дальнейшую реализацию интеллектуального потенциала страны, вступившей на инновационный путь развития. Процесс реформирования различных сфер жизни современного российского общества, его модернизация и активное включение в процесс глобализации предполагает научное сопровождение реализации реформаторских проектов, возрастает значение кадрового обеспечения научно-образовательной системы. Как государственная, так и региональная политика нуждается в поддержке научного сектора, эффективная деятельность которого невозможна без существования системы воспроизводства научно-педагогических кадров.

Целесообразным, на наш взгляд, будет рассмотрение проблемы исследования с учетом вектора «от настоящего к будущему», то есть логика анализа должна подразумевать изучение особенностей современной ситуации и определение векторов и стратегических ориентиров развития изучаемой системы в ближайшие десятилетия. На современном этапе как на государственном, так и на региональном уровне исследователями фиксируется целый ряд проблем в функционировании системы воспроизводства и сохранения научно-педагогических кадров для высшей школы, которые условно можно разделить на две основные группы — социально-экономические проблемы и организационно-управленческие проблемы.

Перечисленные выше проблемы влекут за собой массу последствий различного свойства. Во-первых, происходят значительные изменения в возрастной структуре кадрового состава научно-образовательного сектора. Если сравнивать статистические данные за период с 1965 по 2010 год, то очевидной становится тенденция, связанная со старением профессорско-преподавательского состава системы образования и науки в современной России. К примеру, за указанный временной период численность исследователей моложе 30 лет сократилась в 5,6 раза; ученых в возрастной группе 30—39 лет стало меньше в 2,4 раза; а количество исследователей старше 60 лет увеличилось в 7,2 раза. Таким образом, по истечении определенного периода ушедшие на пенсию руководители ведущих научных школ не смогут подготовить себе достойную смену, что незамедлительно окажет негативное влияние на результативность деятельности научно-образовательного сектора в целом. Во-вторых, отсутствие должного контроля за процессом подготовки научно-педагогических кадров в системе аспирантуры и докторантуры привело к снижению уровня качества представленных к защите кандидатских и докторских диссертаций, появлению в числе получивших ученые степени тех, кто не имеет никакого отношения к системе науки и образования, формированию имиджа аспирантуры как ступени послевузовской подготовки, дающей возможность избежать призыва в армию, восприятию докторантуры как образовательного института, с помощью которого лица, обладающие финансовыми и властными ресурсами, получают престижную ученую степень доктора наук, не являясь на деле авторами заявленных исследований. В-третьих, по данным статистики, три четверти обучающихся в аспирантуре не успевают написать диссертационную работу в установленные сроки, соблюсти временные рамки удается лишь трети соискателей ученой степени. Эти факты свидетельствуют о наличии серьезных внутренних противоречий, существующих в рамках сложившейся системы воспроизводства научно-педагогических кадров, состояние которой требует глубокого и продуманного реформирования.

На наш взгляд, дальнейшее развитие системы воспроизводства и сохранения научно-педагогических кадров для высшей школы должно осуществляться в рамках модели, предусматривающей три вектора развития: первый из них связан с сохранением лучших традиций системы подготовки научных кадров советского периода, второй предполагает создание инновационной среды в сфере науки, третий вектор характеризуется системой мер по оказанию финансовой поддержки деятельности научных организаций и коллективов. Каждый вектор связан с реализацией на практике определенных принципов: для вектора традиций это принципы преемственности, непрерывной трансляции научного опыта, этической допустимости; вектор инноваций предусматривает следование принципам гибкого реагирования, непрерывного развития и тесного сотрудничества науки, бизнеса и государства; вектор финансовой поддержки предусматривает действие таких принципов, как принцип максимизации капиталовложений, долгосрочного инвестирования, стратегического планирования. Рассмотрению основного содержания предложенной модели служит схема, изображенная на рис. 10.

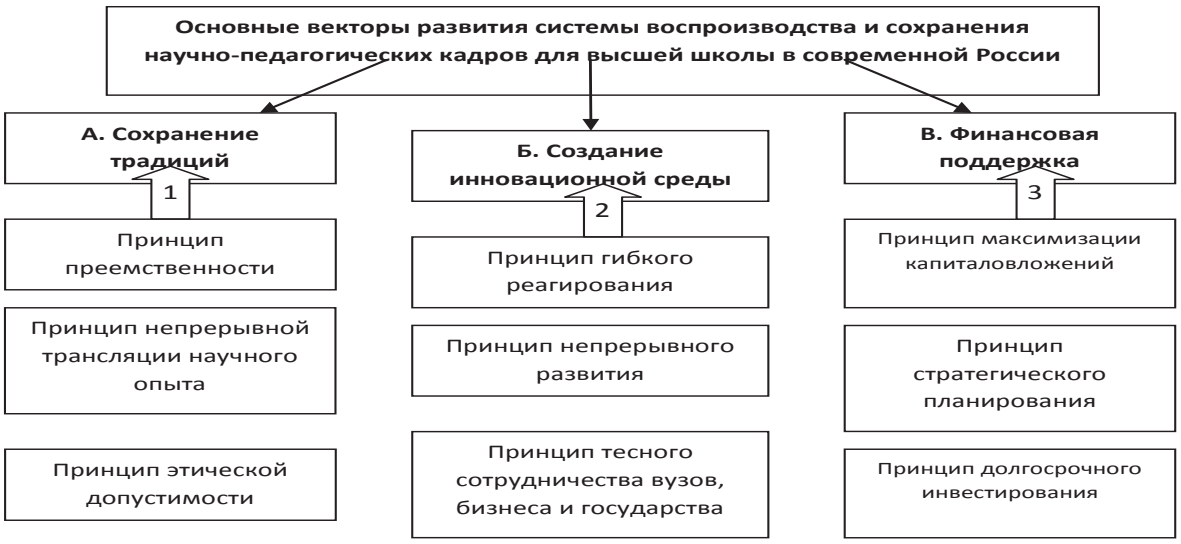


Рис. 10. Модель развития системы воспроизводства и сохранения научно-педагогических кадров для высшей школы в современной России

Реализация на практике предложенных мер по оптимизации существующей системы воспроизводства и сохранения научно-педагогических кадров создаст определенные основания для оздоровления ситуации, сложившейся в научно-образовательном секторе».

По результатам круглого стола сформулированы конкретные, адресные предложения, которые впоследствии были направлены в органы государственной власти, вузы Волгоградской области, иные организации.

Предложение органам государственной власти

1. Укрупнять населенные пункты Волгоградской области посредством развития программ строительства жилья.

2. С помощью научного сообщества произвести оценку предпринимательской системы Волгограда, Волгоградской области в сравнении с другими городами и регионами Южного федерального округа и России, в том числе на основе предложенной методики. На основе полученных данных выявить узкие места для развития предпринимательской системы Волгограда и Волгоградской области.

3. Развивать следующие направления деятельности Камышинского муниципального района:

— в промышленности: создание цементного производства;

— в сельском хозяйстве: выращивание овощей и элитных бахчевых культур.

4. Создавать рабочие места в реальном секторе экономики на муниципальном рынке труда.

5. Участвовать в подготовке, обсуждении, принятии решений по проведению специализированных выставок, конкурсов и олимпиад, мастер-классов, реализации образовательных программ, направленных на просвещение, информирование целевой аудитории по экологической сертификации, энергетической паспортизации объектов строительства и ЖКХ.

Предложения вузам Волгоградской области

1. Применять в учебном процессе в качестве положительных примеров описание деятельности отдельных промышленных предприятий Волгоградской области.

2. Рекомендовать вузам Волгоградского региона активизировать взаимное сотрудничество с органами исполнительной власти Волгоградской области в части методического сопровождения разработки программ, нормативных правовых актов, стратегий и т. д. в установленных сферах деятельности.

3. Создание положительного имиджа научно-педагогического работника в среде молодых ученых и студентов выпускных курсов.

4. Направить предложения и проекты законодательных инициатив по экологической сертификации, энергетической паспортизации объектов строительства и ЖКХ, оптимизации стоимости коммунальных платежей в части начисления платы за потребленные энергоресурсы.

5. Участвовать в реализации мер в рамках своей сферы деятельности и ответственности по экологической сертификации, энергетической паспортизации объектов строительства и ЖКХ, оптимизации стоимости коммунальных платежей в бюджетных образовательных учреждениях в части начисления платы за потребленные энергоресурсы и применения для бюджетных организаций, имеющих на балансе жилищный фонд, тарифов на коммунальные услуги для категории потребителей «население» на основании законодательных инициатив, представленных в администрацию.

Предложения ведомственным подразделениям правительств и организациям СМИ, в частности по Волгоградской области

1. Учредить телеплощадку/журнал/передачу с рабочим названием «Строительство, ЖКХ и экология: сегодня и завтра», к участию в которой привлекать представителей правительства, общественных организаций, организаций строительства и ЖКХ, образовательных организаций по экологической сертификации, энергетической паспортизации объектов строительства и ЖКХ, оптимизации потребленных энергоресурсов.

2. Увеличить время вещания специальных телевизионных программ, направленных на обсуждение законодательных инициатив, проблем в сфере взаимоотношений бюджетных организаций, организаций строительства и ЖКХ, общественных и образовательных организаций по экологической сертификации, энергетической паспортизации объектов строительства и ЖКХ, по проведению специализированных выставок, конкурсов и олимпиад, мастер-классов, реализации образовательных программ, направленных на просвещение, информирование целевой аудитории по экологической сертификации, энергетической паспортизации объектов строительства и ЖКХ.

3. Освещать в средствах массовой информации положительный опыт по проведению специализированных выставок, конкурсов и олимпиад, мастер-классов, реализации образовательных программ, направленных на просвещение, информирование целевой аудитории по экологической сертификации, энергетической паспортизации объектов строительства и ЖКХ.

Уважаемые авторы и читатели!

Приглашаем посетить наш сайт: http//vestnik.volbi.ru, на котором вы можете более подробно ознакомиться с требованиями к оформлению статей и условиями их публикации, порядком рецензирования авторских оригиналов статей (материалов) и условиями подписки на наш журнал.

Адрес издателя, учредителя, редколлегии:
400010, г. Волгоград, ул. Качинцев, 63,
тел. (8442) 22 35 47.
E-mail: meon_nauka@mail.ru
Сайт журнала: http//vestnik.volbi.ru

Подписано в печать 10.08.2015. Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35, 87. Тираж 200. Заказ 5555.
Отпечатано: ИП «Березюк», 400117, г. Волгоград,
ул. Землячки, 29, тел. (8442) 54 53 13

Выпуск № 3 (32) август 2015

© Редакция журнала «Бизнес. Образование. Право»

Материалы журнала постоянно предоставляются в базу данных РИНЦ (http//elibrary.ru).

Редакция принимает решение о публикации по результатам рецензирования.
Рукописи не возвращаются.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Цена свободная

РАДСКИЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕСА